

НИЗАМИ ГЛНЦЖЕВИ

ИСКЕНДЕР-НАМЕ

27/x-90-9/9

166234

MS

К 840-ЛЕТИЮ
НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАДЖАНСКОЙ ССР

ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. НИЗАМИ

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

С(Аб)1
Г.Н.С.

ИСКЕНДЕР-НАМЕ

Перевод с фарси

и комментариев

Е. Э. БЕРТЕЛЬСА и А. К. АРЕНДСА

Азербайджанская Республика
ДЕТСКИЙ БИБЛИОТЕКА
имени Ф. Кочарли

Инв. №166234

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЭЛМ“
БАКУ—1983

фок 8 2015

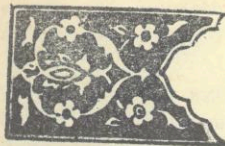
Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Азербайджанской ССР

Редактор проф Г. Ю Алиев

© Издательство «Элм», 1983 год.

Н 70403—000 10—83
М—655—83

ОТ ИНСТИТУТА

«В истории человечества есть имена непреходящего значения, гении, давшие миру неизмеримые духовные ценности: Шекспир, Данте, Пушкин, Бальзак, Толстой... Отразив целые эпохи в своем творчестве, они призывали к гуманизму, к высотам нравственности и добра, что органически составляет и духовную потребность социалистического общества, идущего в своем историческом развитии к новым рубежам — коммунистическому завтра.

В одном ряду с этими корифеями слова стоит и имя великого азербайджанского классика Низами Гянджеви...»¹.

Поэт родился в 1241 г. и жил в Гяндже — одном из крупнейших городов Азербайджана, лежавшем на пересечении караванных путей, ведущих с Востока на Запад.

Одна из главных особенностей творческого гения Низами заключается в том, что, воссоздавая свои бессмертные образы, умело он придавал им азербайджанский национальный характер, если даже прототипы его исторических героев были представителями других стран и народов. Воспевая национальный дух, мудрость, красоту и доблесть азербайджанцев, он возвышал их до уровня общечеловеческих идеалов.

Воистину энциклопедично творчество Низами: оно вооб-ра-ло в себя открытия и достижения целого ряда наук. Но эти знания были бы мертвы и неплодотворны, если бы не главное, что отличало все поэтическое творчество Низами, начиная от его любовных газелей, романов в стихах и кончая монументальной эпопеей «Искендер-наме», а именно — свет гуманизма, мудрости, которые гармонически сочетались в его стихе с любовью к простому человеку, заботой о его насущных интересах, с желанием видеть всех людей свободными и счастливыми.

И особенно сегодня, когда все прогрессивное человечество объединяется, чтобы сохранить мир, утвердить равноправие народов, их независимость и свободу, великий гянджинец выступает с нами в рядах передовых борцов, как пламенный

¹ «Правда», 17 ноября 1981, № 321.

поборник равноправия народов и рас, сказавший еще восемь веков назад знаменательные слова: «и белый и черный — все дети Земли».

Поэт-гуманист отвергал несправедливые войны и жестокие распри феодального времени, наносившие огромный ущерб простому труженику, несущие бедствия и гибель культуре и искусству; его идеал состоял в том, чтобы находить мирные решения в сложных государственных конфликтах и идейных противостояниях.

Безмерно благодарны потомки своему любимому поэту, 840-летие которого было отмечено в Баку и Москве как праздник культуры, собравший многочисленных гостей со всех концов нашей страны, а также зарубежных ценителей его поэзии.

В годы Советской власти проделана огромная работа по систематизации, изданию, изучению богатейшего наследия Низами Гянджеви, всем своим творчеством ставшего как бы предтечей Европейского Ренессанса. Осуществлены переводы его произведений на языки народов СССР, иностранные языки, тысячами тиражами изданы его книги. Эта работа органически вписывается в политику партии в области художественного творчества, является следствием огромного внимания к нашему бесценному классическому наследию. Так, только за последние два—три года бюро ЦК КП Азербайджана приняло ряд постановлений об усилении работы по изданию, изучению и популяризации творчества азербайджанских поэтов и писателей. И среди них особое внимание уделено творчеству Низами Гянджеви.

Предлагаемая вниманию читателей книга — филологический перевод поэмы «Искендер-наме» входит в серию, издаваемую Институтом литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР в связи с 840-летием со дня рождения автора «Хамсе» («Пятерицы»).

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЬ НИЗАМИ

Поэма «Искендер-наме» великого азербайджанского поэта и мыслителя Низами Гянджеви завершает его пятеричный цикл, получивший в восточной, затем и мировой литературе название «Хамсе» («Пятерица»). Жанровая форма «хамсе», содержащая четко проступающие жанрообразующие элементы, своим рождением обязана гению Низами. В литературе народов Востока насчитываются десятки «пятериц», повторяющие основные идейно-художественные особенности «Хамсе» Низами — признанного корифея восточной литературы.

Правда, некоторые образцы «Хамсе» в отличие от «Пятерицы» Низами имеют иной порядок составных частей, т. е. нарушена привычная последовательность поэм. И нарушена не случайно. Ибо каждый автор стремится выразить волновавшие его общественные идеи своего времени определенным образом. В таких случаях мы нередко наблюдаем, что на последнем месте стоит не поэма, посвященная Александру — этому излюбленному герою множества художественных произведений (правда тоже благодаря Низами!), а

какая-либо другая: скажем, поэма о Бахрам-Гуре и его семи красавицах (Амир Хосров Дехлеви) или поэма об «обезумевшем» влюбленном Меджнуне.

Однако, как бы там ни было, завершающая часть любого пятеричного цикла одновременно должна была явиться наиболее ярким выражением идейно-художественных особенностей всего цикла. И эта традиция установлена великим начинателем хамсеписания, а точнее родоначальником жанровой формы «хамсе». Именно так поступил Низами при создании поэмы «Искендер-наме», над которой он работал много лет и завершил которую незадолго до кончины, уже будучи умудренным большим жизненным опытом.

Поэт придавал поистине большое общественно-политическое значение своей лебединой песне. Он не без основания восклицает:

Более славного повествования
Не находили еще люди-правдолюбцы.

Другие поэмы, которые ты в состоянии разыскать, Не окажутся правильными пред мнением народов!

Последнее детище поэта — «Искендер-наме» задумано им без преувеличения как энциклопедия тогдашних знаний о природе, главнов, о людском обществе (джамхур и миллет!). И вот Низами словно опасается, что читатели по той или иной причине не окажутся в состоянии понять его сокровенные мысли. Он мечтает «о слушателе, который сможет проникнуть во все глубины мыслей поэмы», — писал выдающийся знаток творческого наследия великого соотечественника член-корреспондент АН СССР Е. Э. Бертельс. Но дадим слово самому Низами, который по этому поводу говорит:

Раз я обладаю столь драгоценными жемчужинами,
Мне нужен и знаток, умеющий ценить их.
Прошу я у судьбы слушателя,
Чтобы рассказать ему тайны Учителя.

Надобно отметить, что эти стихи помещены автором во вступительной главе поэмы; более того, стихи эти содержит особая глава в этой части поэмы, где специально подчеркивается значение последнего творения Низами.

И еще одна характерная для данной поэмы деталь: в отличие от предыдущих поэм, написанных особым, изысканным поэтическим стилем, последняя поэма написана в более доступной манере. Этой продуманной «доступности» в известной мере содействовал избранный поэтом размер «мутакариб». Но эта «доступность» достигнута путем кропотливой работы над каждой строкой, над каждым образом. Именно благодаря кропотливой работе творение гения обретает поэтическую прозрачность. Во вступительной части «Искендер-наме» поэт неоднократно напоминает, что своим стихам он придает такой оборот, чтобы читателям они стали понятными.

Здесь нужно сделать небольшое отступление. У ряда исследователей творчества азербайджанского поэта в силу ясности и четкости поэтического стиля «Искендер-наме» сложилось впечатление, что мол в данном произведении поэтический талант автора, изумительно владеющего поэтической техникой, заметно потускнел, и «Искендер-наме» Низами в смысле «поэтического красноречия» уступает прежним его произведениям. Несостоятельность подобного утверждения была великолепно доказана Е. Э. Бертельсом. Добавим лишь, что если поэтический стиль «Искендер-наме» был бы

упрощенным, то вряд ли позднее в XIV—XIX вв. неоднократно возникала необходимость в создании основательных шархов-комментариев к тексту «Искендер-наме». А ведь насчитывается более десятка подобных комментариев, в которых предпринята попытка не только уточнить отдельные малознакомые читателям (скажем, относившиеся к Могольской Индии или Османской Турции) географические или этнографические реалии, но и прокомментировать почти каждую поэтическую строку, содержащиеся в ней поэтические образы.

Наиболее толковым и полезным среди многочисленных шархов-комментариев следует считать «Шарх-и Искендер-наме-и Низами» индийского ученого Сирадж ад-Дина Али Хана Арзу (XVII в.), автора хорошо известных толковых словарей персидского языка «Сирадж ал-лугат» и «Чираг-и Хидаят».

Следовательно, применительно к поэтическому стилю «Искендер-наме», к словесно-образному его оформлению речь может идти не о простоте и слабости, а, наоборот, о ясности и прозрачности поэтической речи. Это обстоятельство еще раз подводит к мысли, что великий поэт во время работы над последней частью своей знаменитой «Пятерицы» творил не для «немногих сведущих», как говорили древние, не для избранных, он сознавал, что его творения предназначаются для многих тех, кого волновали передовые идеи эпохи.

История зарождения и развития поэтической школы Низами в литературных народах Востока, близкое знакомство с поэмами на сюжеты и темы азербайджанского поэта-мыслителя ренессансного типа подтверждают правильность мысли о сознательном отходе Низами от виртуозности риторических приемов, считавшихся необходимым свойством высокоталантливого художественного произведения в эпоху поэта. Это опрокидывает мнение о низком поэтическом уровне «Искендер-наме», бытующее в иных работах буржуазных ученых. Абсолютно прав Е. Э. Бертельс, который писал, что неблагоприятная оценка стиля «Искендер-наме» является плодом недоразумения: «мы можем совершенно спокойно сказать, что Низами и здесь остался на прежней высоте» (Низами и Физули. М., 1962, с. 358).

Обратимся к сюжетной и идейно-тематической основам творения великого поэта-мыслителя. Почему Низами в последней части своей «Пятерицы» обратился к истории Александра Македонского? Случайно ли это вообще? Я думаю, что вовсе нет. Какаясь вопроса стиля и поэтической манеры Ни-

зами, я уже упоминал, что поэт при создании наиболее значительного своего художественного произведения ставил своей задачей быть понятным подавляющему большинству. Этот тезис поэта, естественно, должен был найти оправдание и в выборе сюжетной основы поэмы. Иными словами, Низами при таких обстоятельствах мог обратиться к сюжету, который пользовался всеобщей известностью. Свой выбор Низами остановил на преданиях об Александре Македонском, уже давно в эллино-римской культурной среде успешных сформироваться как законченный роман, широко популярный в литературе и фольклоре народов Запада и Востока. О необычайной распространенности преданий, связанных с образом македонского завоевателя среди разных народов, несомненно, мог знать и житель Гянджи — этого культурного центра тогдашнего закавказского мира.

Посмотрим, как и из чего складывались эти предания и какой путь они прошли к XII в. Отдельные детали биографии Александра Великого были описаны вскоре после его смерти историками Клитархом и Онесикритом. В исторической литературе наиболее полно жизнь Александра была отражена в труде римского историка Арриана «Поход Александра».

Однако наряду с беспристрастными «историями», походы Александра быстро стали объектом литературной и, что не менее важно, фольклорной художественной традиции. С давних пор считалось, что зачинателем литературной традиции является племянник Аристотеля и личный врач самого Александра — Каллисфен, который, попав в немилость к Покорителю мира, умер (или казнен) в Индии. Книга Каллисфена исчезла, и лишь во II в. некий египтянин, получивший греческое образование, вновь изложил все то, что было известно об Александре. Так появился греческий «Роман об Александре», ныне приписываемый тому египтянину, за которым в научной литературе закрепилось наименование Псевдо-Каллисфен. Учеными установлено наличие нескольких редакций Псевдо-Каллисфенова «Романа об Александре». Относительно источников «Романа об Александре» существуют разные предположения, среди источников называют и письма Александра Аристотелю и Олимпиаде.

Уже непосредственное сопоставление отдельных элементов «Романа об Александре» с версиями Фирдоуси и Низами обнаруживает ряд сходжений: поиски живой воды в Стране мрака, обмен «дарами» между Дарием и Александром, встреча Александра с царицей Кандакой (Кейдафе, Ну-

шабе), война с Пором (Фором) и др. Точек соприкосновения низамиевской версии с «Романом об Александре» можно найти еще больше. Эти параллели, однако, предполагают наличие множества промежуточных версий преданий об Александре — Искендере, лежащих между Псевдо-Каллисфеном и Низами.

Известно, что около 330 г. «Роман об Александре» был переведен на латинский язык (Юлиус Валерий). Другой латинский перевод этого «Романа» был осуществлен в 942 г. Леоном Ле Диакром. Из переводов «Романа» на другие языки отметим следующие: армянский перевод Моисея Хоренского (V в.); сирийский перевод, который, по мнению известного ориенталиста Т. Нельдеке, был осуществлен с пехлевийского варианта; перевод на иврит (кроме отдельных упоминаний в Талмуде) относится к X или XI вв.; арабские изводы греческого романа покоятся на пехлевийском и сирийском переводах; также ко времени создания поэмы «Искендер-наме» существовал коптский перевод.

Для полноты представления о широкой известности преданий об Александре Македонском отметим и такие факты. Уже в XII в. (незадолго до Низами) появляются две стихотворные версии на основе латинского перевода. Это поэмы Ламберта Турского и Александра из Бернэ. К этому же времени собственную немецкую версию создает монах Лампрехт.

Одновременно с Низами самостоятельно создают свои Александрии немецкие поэты Ульрих фон Эшенбах и Рудольф фон Эмс.

Характерно, что в Древней Руси Псевдо-Каллисфенов «Роман об Александре» начал переводиться в эпоху Низами или чуть раньше. Это так называемая хронологическая Александрия, которой зачитывались в Древней Руси.

Еще один любопытный факт: несколько лет тому назад в Тегеране был издан текст персидского прозаического переложения Псевдо-Каллисфена («Каллистен-и» другие). Сравнение этого персидского переложения с вариантами греческого романа показало, что оно, хотя и испытало мощное деформирующее воздействие ближневосточно-закавказской фольклорной традиции, но все же не лишено близости к своему архетипу.

Из всего изложенного здесь вытекает один несомненный вывод: ко времени создания Низами своей последней поэмы предания об Александре — Искендере были хорошо знакомы

тогдашнему культурному миру, более того, история походов Александра, сросшаяся с ней этнографическая фантастика весьма занимала литературные круги как на Западе, так и на Востоке.

Низами, конечно, знал о широкой распространенности истории Александра. Ведь в той же вступительной части поэмы он недвусмысленно заявляет, что «этот дастан наиболее знаком людям». Этим я не хочу сказать, что Низами знал и о немецкой и французской поэтических версиях «Романа об Александре». Но несомненно одно: поэту наверняка было известно о существовании разных версий на разных языках. В числе известных Низами версий романа были и такие, которые до нас не дошли.

Ведь мы знаем, что написанию блистательных поэм Низами всегда предшествовала долгая и упорная работа над разнообразными источниками. Круг же источников последней поэмы в силу уже известных нам обстоятельств оказался намного шире. Обратите внимание, что говорит по этому поводу сам Низами:

Рассказов об этом царе, исходившем горизонты,
Я не видел начертанными в одном лишь свитке.
Слова, собранные мною как сокровище,
Были разбросаны по многим спискам.
Из всякого списка я взял кое-что
И облек это в убранство поэтического искусства.
Сверх новейших историй [я изучал]
Еврейские, христианские и пехлевийские.

Ссылки Низами на свои источники налицо, но, как всегда, (увы, таковы были правила классической поэзии!) они глухие. На какие же источники все же Низами указывает? Мне кажется, наиболее удовлетворительное толкование этих стихов Низами пока что дает все тот же Е. Э. Бертельс, у которого мы читаем: «Под новейшими историями он, конечно, разумеет арабские и персидские хроники. Но что он имел в виду, говоря о еврейских и христианских книгах? Исходя из этнического состава Азербайджана XII в. и особенно Гянджи, можно предположить, что поэт или непосредственно или с помощью третьих лиц знакомился также и с сирийскими, армянскими и грузинскими источниками.

Таким образом, помимо чисто «мусульманских» преданий, ему открывался и второй путь к традициям античного мира» (Е. Э. Бертельс. Низами и Физули, с. 350).

Е. Э. Бертельс особо подчеркивает стремление Низами к необычному расширению круга используемых им для своей поэмы материалов. Далее ученый пишет: «В противоположность Фирдоуси, ставившему себе задачей и при жизнеописании Александра служить только иранской аристократии, Низами хочет создать книгу, которая для всех народов Азербайджана была бы приемлемой» (см. там же). Уместно вспомнить слова самого Низами: «Если хорошенько поищешь, то найдешь и другие книги про Искендера, однако они не окажутся верными [приемлемыми] пред мнением народов!» Не это ли проявление интернационального духа в поэтическом искусстве Низами! Так мог заявлять и поступать мастер художественного слова истинно ренессансного типа, живший и творивший в XII в. в закавказской культурной среде, в многотысячном ренессансном городе Гяндже.

Однако вернемся к источникам «Искендер-наме», точнее к вопросу об отношении Низами к источникам. Это необходимо не только для уточнения круга источников произведений Низами, но и для лучшего понимания идейно-художественной направленности всего творческого наследия азербайджанского поэта.

Произведения Низами имеют под собой надежную источниковедческую базу. Это вряд ли нуждается в доказательстве. Собственно говоря, иначе не могло и быть, так как источниковедческая обоснованность художественного произведения, по неписанным законам ближневосточной (не только ближневосточной) классической литературы в X—XIII вв. оставалась невыблемой. Поэтическое слово в те времена ставилось в один ряд с мыслью научной. Ведь недаром же к именам корифеев литературы присоединялись и ученые титулы — хаким Фирдоуси, хаким Унсури, Шейх Аттар и т. д. Благодаря своей учености Низами при жизни заслужил оба титула — шейх и хаким.

Однако зависимость художественных произведений от источников была разной. У Низами в «Искендер-наме» встречаются эпизоды, фабульная основа которых по сравнению с источником не претерпела существенных изменений. К такому относится эпизод посещения Искендером мусульманских святых мест. Этот эпизод наличествует и в «Шах-наме» Фирдоуси. Сопоставление произведения Фирдоуси и Низами показывает тождественность обеих версий. Можно привести еще ряд примеров.

Это вовсе не означает, что в произведениях классической литературы вообще и в творениях такого поэта как Низами в частности отсутствует художественный вымысел, авторская фантазия. Дело обстоит как раз наоборот. Во многих случаях, пользуясь сообщениями источников, автор подвергает их творческой переработке в соответствии с теми идейно-художественными задачами, которые стоят перед ним. Но наличие источника обязательно. Обратимся к примеру. В одном из боев между Искендером и русо-варягами на стороне последних выступает полудикий гигант — обитатель северных сосновых лесов. Это полная фантазия, что вполне допустимо в таком произведении как «Искендер-наме». Долгое время считалось, что эпизод является плодом фантазии Низами, однако сведения о «волжском гиганте» мы обнаруживаем в «Путешествии» Ибн Фадлана, посетившего в 912 г. Поволжье и услышавшего от «очевидцев» рассказы о человеке-гиганте. Ибн Фадлан сообщает о человеке-гиганте буквально несколько строк, и это оказалось достаточным, чтобы Низами развернул реалистическую картину человеческих чувств. Поэт сумел показать в образе обитателя диких лесов проявление жестокости и страданий, гнева и доброты, страха и надежды, тоски и радости, ненависти и любви. При этом Низами очень тонко, без навязчивой декларативности демонстрирует, как под влиянием общечеловеческих ценностей зло сменяется добром, пороки уступают место добродетелям. Мы видим, как на глаз полудикого существа наворачиваются слезы благодарности и сострадания, эти метаморфозы, психологически обоснованные поэтом, звучат настоящим упреком враждующим между собой разумным и цивилизованным людям. Это еще одно убедительное проявление гуманистической концепции Низами.

Работа над источниками у Низами всегда подчинялась ведущим идеям его творчества. Так произошло и с эпизодом встречи Искендера с мудрой и справедливой правительницей Бардаа Нушабе. При несомненных связях данного эпизода из «Искендер-наме» с версиями Псевдо-Каллисфенова романа образ Нушабе следует рассматривать как художественное открытие самого Низами. Аналогичный эпизод имеется и в «Романе об Александре» Псевдо-Каллисфена, Здесь Александр Македонский отправляется в Андалузию и встречается с царицей Кандакой. В арабских хрониках и у Фирдоуси имя Кандака очень легко получило форму Кейдафе. Однако Низами сознательно перенес эти события в родной

Азербайджан, в любимый им город Бардаа (Барду). Он заставляет своего героя прибыть в Азербайджан (где исторический Александр Македонский, кстати, и не бывал) и склонить голову перед умной женщиной, которой удается спасти свою страну, а вместе с ней соседние Армению и Грузию (у Низами Грузия фигурирует под традиционным названием Абхаз) от покорения греческим воинством.

Собственно говоря, восхитительный образ Нушабе в идейно-тематическом плане являет собой логическое продолжение образа Мехин-Бану. Четверть века тому назад в своей статье я показал, как под пером гениального Низами образ ниневийской царицы Шамирам-Семирамиды превратился в персонаж поэмы «Хосров и Ширин» — Мехин-Бану («ДАН Азерб. ССР», 1957, № 113). Это не прихоть поэта, а строгое соответствие идей произведения. Теперь же Низами андалузскую царицу Кандаку превращает в Нушабе, прочно связывая ее с Бардаа и Азербайджаном. Но Нушабе — уже не второстепенный персонаж произведения, а одно из основных действующих лиц. В ее образе, характере и судьбе поэт воплощает такие идеи, как патриотизм, дружба народов Закавказья. Бардинская правительница вместе с грузинским князем Дувалом (Двали) и армянским витязем смело защищает Закавказский край от иноземного нашествия.

Заканчивая краткие заметки об отношении Низами к источникам, я хочу со всей определенностью подчеркнуть, что работа его над материалами источников всегда носила целенаправленный характер, она подчинялась ведущим идеям всего его творчества. В этом направлении в низамиведении, к сожалению, сделано очень мало. Однако и сегодня, при нынешней недостаточной изученности источников «Хамсе», не подлежит сомнению то, что ничего случайного в произведениях Низами нет. Прав был известный русский ориенталист середины прошлого столетия В. В. Григорьев, писавший, что не следует усматривать в поэмах Низами только фантастику или басни, при внимательном рассмотрении в них проступает историческая действительность его современности.

Действительно, Низами был далек от мысли оживлять старые предания. Сам поэт всячески подчеркивал преимущество последнего своего творения перед ранее созданными им произведениями. Каким же хотел изобразить своего героя Низами? Ведь главный герой поэмы-завещания, которого Низами долго искал, является выразителем его сокровенных мыслей. Принято считать, что Низами стремился изо-

бразить Искендера в трех ипостасях, а именно: царь, мудрец и пророк. Интересно, что во вступительной главе первой части «Искендер-наме» автор сообщает:

Три части я сочинил, каждая — рудник сокровищ,
Над каждой частью я трудился отдельно.)

Закономерно предположить, что поэма должна была состоять из трех частей. Но «Искендер-наме» состоит из двух частей, каждая из которых оформлена как отдельная и вполне самостоятельная поэма: «Шараф-наме» («Книга славы») и «Избал-наме» («Книга счастья»). Абсолютно верно предположение Е. Э. Бертельса, согласно которому в процессе работы поэт изменил свой первоначальный план и темы «Искендер-мудрец» и «Искендер-пророк» объединил в одну книгу.

Е. Э. Бертельс вслед за В. Бахером основной идеей поэмы считаем идею о справедливом правителе, идею, которая красной нитью проходит через все его поэмы. Для отражения же этой идеи образ Александра Македонского подошел наилучшим образом. Тем более, что образ Искендера Двурогого был освящен Кораном. (Правда, некоторые ученые, в том числе индиец Абул Калам Азад, считали; что упомянутый в Коране Зул-карнейн есть никто иной как ахеменидский царь Кир). В отличие от Хосрова Парвиза и Бахрам-Гура — героев ранних произведений Низами, Искендер уже сложившийся справедливый монарх. Он завоевывает одну страну за другой и, по убеждению автора поэмы, идет сокрушительной войной на эти страны не с целью захвата и наживы, а во имя восстановления справедливости. Поэт со всей силой художественного убеждения подчеркивает, что вся мощь царской власти должна быть направлена на обеспечение благосостояния людей, освобождение их от тирании. Герой Низами обладает целым рядом высших человеческих добродетелей: он правосуден и справедлив, мужествен и отважен. Его отличают чувства гуманности и интернационализма. Искендер беспощаден к тем, кто держит народы в страхе перед разорением и рабством. Искендер Низами сказочно богат, но равнодушен к богатству.

Для Искендера знания — наибольшая ценность. Пылливый ум Искендера стремится познать окружающий мир, происходящее в нем. И, по Искендеру, наука должна служить интересам людей.

Последующей ступенью эволюции Искендера является обретение им пророческого сана. Он, по мысли автора, должен вести народы к истине.)

Принято считать, что, создавая образ такого совершенного правителя — мудреца — пророка, Низами хотел преподать урок справедливости, мудрости и нравственной чистоты современным ему феодальным властителям. Это верно, но это и не все. (Нам представляется, Низами то и дело заставляет своего героя спускаться с трона на землю и пытается изобразить его как простого смертного.) Такое стремление Низами — приземлить образ царя — находится в согласии с гуманистическими воззрениями поэта. Не потому ли поэма Низами, особенно первая ее часть — «Шараф-наме», так часто прерывается лирическими отступлениями — обращениями к читателю; иногда это — сентенции дидактического содержания, иногда философские размышления о назначении человека, о смысле жизни и тайнах смерти (загробной жизни). Некоторые ученые с удивительной легкостью готовы усмотреть здесь влияние суфизма. Но суфизм тут не причем. Как можно утверждать, что «взгляды Низами на жизнь и ее смысл несколько напоминают суфизм» (Е. А. Костюхин. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972, с. 72)? Сказать так — значит отрицать развитие идейно-творческих принципов Низами от «Сокровищницы тайн», действительно имеющей налет суфийской идеологии, к «Искендер-наме» — вершине творческой зрелости поэта. Е. А. Костюхин, посвятивший интересное исследование изучению проблемы отражения образа в литературе и фольклоре Александра-Искендера, проявляет, мягко говоря, непонимание идейно-тематической основы творчества азербайджанского поэта и мыслителя. Так, он с этакой легкостью объявляет «философию жизни у Низами несколько мрачноватой» (там же, с. 73). К такой оценке, очевидно, может привести лишь преднамеренная изоляция творчества Низами от контекста общелитературного процесса на Ближнем Востоке X—XII вв. Между тем при более внимательном сравнительном рассмотрении легко обнаруживается жизнерадостный характер творчества Низами.

(Поэзия Низами вообще и «Искендер-наме» в частности обращена в будущее. Величие Низами заключается как раз в том, что он в этой поэме опередил своих современников на несколько веков.) Достаточно взять его поэтические зарисовки утопического общества, где нет не только правителей, но и все члены общества равны имущественно. К этой социальной утопии Низами пришел сложными путями. Именно оптимистическая жизнерадостная концепция привела великого

поэта-мыслителя к идее о том, что «устранение несправедливости в обществе требует коренного преобразования общественного строя» (А. О. Маковельский. О поэме «Искендер-наме» Низами, Сб. IV, Баку, 1974, с. 62).

Поэма Низами сыграла довольно значительную роль в распространении темы Александра в литературах народов Востока. Она вызвала множество подражаний-назире на многих языках. Достаточно сказать, что ареал распространения влияния «Искендер-наме» простирается от берегов Босфора до Юго-восточной Азии. Однако философское истолкование темы Искендера ни в одной из этих многочисленных поэм не поднялось до уровня творения Низами.)

* * *

Предлагаемые читателям переводы «Шараф-наме» и «Игбал-наме» были осуществлены в 1939—1940 гг. известными советскими учеными-ориенталистами Е. Э. Бертельсом и А. А. Арендсом. Переводы эти отличаются не только стремлением к филологической скрупулезности, но и постоянным желанием переводчиков оставаться верными букве оригинала. Это особенно ощущается в переводе «Игбал-наме», который издается впервые.

Перевод «Шараф-наме» успел увидеть свет в Баку в 1940 г., но это издание, ставшее ныне библиографической редкостью, изобилует большим количеством опечаток и, что еще более досадно, пропусков. В настоящем издании опечатки исправлены и пропуски перевода восстановлены автором этих строк. Восстановленные места специально оговорены.

Тем не менее, к сожалению, оба перевода в настоящее время вряд ли могут удовлетворить современным требованиям. Речь идет вовсе не о стилистическом оформлении предлагаемых переводов. Дело в том, что благодаря новым текстам Низами и вообще развитию низамиведения мы стали лучше понимать поэтические строки «Искендер-наме». Надо надеяться, что со временем будет осуществлен новый русский филологический перевод последней поэмы азербайджанского автора. Пока же Комиссия по изучению и популяризации творческого наследия Низами при АН Азербайджанской ССР, сочла возможным предложить читателям именно эти переводы последней поэмы, подготовленные более четырех десятилетий назад.

Г. Ю. Алиев

ШАРАФ-НАМЕ

Филологический перевод
и комментарии
Е. А. БЕРТЕЛЬСА

О боже, владычество над миром — тебе,
 От нас — служение, господство — тебе.
 Охрана высокого и низкого — ты,
 Ничто не существует, все сущее — ты.
 Все сотворено, величавое и низменное,
 Ты творец всего, что есть.
 Ты высший учитель мудрости, чистый,
 Мудро начертал ты каламом на скрижали праха.
 Доказательство господства твоего правильно, и потому
 Разум первым свидетельствует о тебе.
 Ты дал ясное зрение разуму,
 Ты зажег светоч водительства.
 Это ты развернул небесный свод,
 Ты повелел ему вращаться над землею.
 Это ты сотворил из единой капли воды
 Жемчужины, сверкающие ярче солнца.
 Ты из милости создал жемчужину
 И ключ [к ней] ты дал продавцам жемчуга¹,
 Ты даришь драгоценные камни сердцу скал,
 Ты даешь краску драгоценным камням.
 Туча не проливает дождя, пока ты не скажешь «дожди».
 Земля не приносит [плода], пока ты не скажешь «принеси».
 Ты разубрал такую красотой мир,
 Ты не нуждался при этом ни в чьей помощи.
 И жар, и холод, и сушу, и влагу
 Ты смешал вместе в определенной мере,
 Ты так возвысил [небосвод] и так укрепил на нем светила,
 Что разум не может изобрести ничего лучшего.
 Астроном старательно допытывается относительно их тайны
 И все же не знает, как ты положил им начало.
 От нас может быть только созерцание,
 Затем спанье и принятие пищи.
 Во всем, что ты сотворил и украсил,
 У тебя не было нужды, о ты, ни в ком не нуждающийся!
 Ты так создал землю и время
 И это вращение звезд и небо,

Что как бы ни возвышалась мысль,
Она не может высвободить головы из этой петли.
Не было творения, ты уже был, господь,
Не будет его, ты все же будешь неизменно.
Ты укрепил на сферах небесных звезды,
Ты украсил людьми землю.
Высоко вознес ты замок небосвода,
Поставил ты его преградой для мысли.
Ты так выстроил этот голубой купол,
Что выше него уже нет пути мысли.
Разум во веки тебя не постигнет,
Ибо сила разума не может охватить тебя.
Доступ к твоему величию так узок,
Что побивает оно камнями путника восприятия².
Ты не рассеян и не можешь быть собран,
Ты не прибавлен и не можешь быть убавлен.
Среди мыслимых образов нет пути к постижению тебя,
Твой дворец свободен от изменений.
Если глава бывает возвышена тобою,
Ее уже никто не повергнет.
Кого повергнет ниц твоя мощь,
Того никто не поднимет своей поддержкой;
Будь то нога слона, будь то крыло мураша —
Ты даешь каждому и слабость и силу.
Все мы подданные, принимаем приказы,
Ты даешь помощь, ты помощник.
Если ты пошлешь силу [своим] чистым предопределением,
От мураша ты причинишь погибель змею³.
Если ты удержишь от прохода дым,
Мошка высосет мозг Немрода⁴.
Когда ты заставляешь уйти войско врага,
Ты убиваешь при посредстве птицы слонов и обладателей
слонов⁵.

Из капли семени ты подчас создаешь счастливица,
Из косточки выращиваешь дерево.
Ты выводил Друга⁶ из капища,
Ты знакомого [рождаешь] от чужого.
Ты дал возникнуть среди рода такой жемчужине
И все же заставил терзаться такого мужа, как Бу-Талиб⁷.
Кто из страха пред тобою может решиться
Провозгласить что-либо, кроме покорности тебе.
Мастерам слова нет к тебе доступа,
Ибо кладу нет дела до светильника⁸.

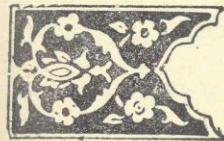
Ты отнимаешь язык у стражей тайны,
Дабы не смели они разглашать тайну султана.
Мне в пыли такой черной земли
Ты дал светлое сердце и чистую душу.
Если запылен я, не надо заботиться,
Земля на дороге не знает другого дела, кроме пыли⁹.
Если б этот прах отвернулся от греха,
Кто же тогда нашел бы путь к прощению твоему?
Если бы грех мой не шел в счет,
Разве было бы тогда имя твое — Всепрощающий?
Ночью и днем, поутру и вечером,
Все ты у меня на уме из всех помышлений.
Когда с наступлением ночи я собираюсь отойти ко сну,
Я тороплюсь прославить имя твое.
Когда подниму голову среди ночи,
Я зову тебя и проливаю слезы.
Настанет утро, путь мой к тебе,
Каждый день с утра и до вечера защита моя у тебя.
Я прошу у тебя помощи днем и ночью,
Не покрой же меня позором в этом деле.
Таким меня сделай, о творец, вершащий дела,
Чтобы не нуждался я в людях, испытывающих нужды.
Служитель, подобающим служителю образом
Служащий такому господину, как ты,
Пусть в этом мире найдет благоустройство благодаря кладу,
Пусть в будущем мире будет свободен от страданий.
У меня нет под руками отчета за мои дела;
Если только есть отчет, то он у тебя.
Ключ к добру и злу приходит от тебя,
От тебя является добро, от меня — зло.
Ты творишь добро, я совершил не зло,
Если приписал себе самому зло.
От тебя первое возникновение рисунка,
К тебе возвращение последнего слова.
Тебе подобает научить меня читать стих [Корана],
Мне же надлежит обмануть старания злого духа¹⁰.
Имя твое ласкает меня и поэтому
Посмеет ли играть мной злой дух?
Пред тобою не могу я отважиться
Сказать «ты», а затем молвить «я»¹¹.
Живу ли я в покое или в немощи,
Я живу таким, каким ты сотворил [меня].
Питаю я на этот дворец такую надежду:

Когда я удалюсь из этой мастерской,
Я развею все стройное соединение моего тела,
Изменяю свой прежний состав,
Ветер развеет мой прах,
Не увидит никто чистой души моей.
Допытывающийся о сокрытой [тайне] моего состояния
Заподозрит, что бытие мое не существует,
Но ты дашь ему доказательство в руки из мира духов
И он узнает, что этот отсутствующий все-таки существует.
Так как я, слабый разумом, относительно бытия твоего
Дал много чарующих сердце доказательств,
И ты, когда сокроется колыбель моя,
Дай весть: душа осталась, хотя прах и уснул.
Так разогрей устремление моих помыслов к тебе,
Чтобы радостным пошел я, когда буду идти к тебе.
Все спутники [идут] со мною только до двери,
Когда я уйду, эти друзья станут врагами.
Глаз ли, ухо ли, рука ли, нога —
Все это одно за другим отстанет от меня, останется на месте.
[Лишь] ты тот, кто со мною, пока я существую,
Да не останусь же я у этих врат с пустой полою.
Когда я преклоняю к порогу главу на сем пути,
Преклоняю я ее в надежде на венец,
Голове, которой я не пожалею ради сих врат,
Лучше будет, если ты подарить этой голове венец, не меч.
От того приговора, что ты вынес предвечно,
Калам не может уклониться, ибо тобою сей приговор
предопределен

Все же произнеси решение по моей просьбе,
Я порадою свое сердце этими речами.
Ты сказал: кто только в мучениях и скорби
Вознесет ко мне мольбу, того я услышу.
Я знаю, что ты освободитель слабых,
Как же мне не звать к тебе в моей слабости?
Да! Твое дело заботиться о рабе,
Мое дело: нести мою службу.
Я так разбит, больше того, так стал ничтожен,
Что ветер унес все мое имущество.
Это ты даешь мне избавление от разбитости,
Если ты ломаешь меня, ты же наложишь и повязку¹².
В этой полуночи, когда я нищу у тебя защиты,
Озари мне путь сиянием месяца щедрот.
Обереги меня от нападений разбойников,

Не дай сердцам врагов возрадоваться моей [беде].
Сначала приведи меня к благодарности, потом к сокровищу,
Сначала дай мне терпение, потом страдание.
Горесть, снести которую не хватило бы у меня терпения,
Удали от меня, о далекий, от несправедливости.
Если поразитишь ты меня какой-либо бедой,
Сначала дай мне терпение, а там лишь беду.
Если ты сломаешь меня или скрутишь,
Захочешь, чтобы я стал горстью праха или же пылью,
Я утрачу свое бытие и рассыплюсь,
Но все же я не отпаду от служения тебе.
Куда бы, в какой угол бы я ни попал, я буду петь хвалу
тебе,

Где бы ни был, буду знать, что ты господь.
Все имеет свою основу в небытии,
Ты же всегда неизменен.
Оттого не смог применить ключ испытующий,
Что смотрел на тебя, а желал приложить свою мерку.
Но тот, кто смотрит на тебя через тебя же,
Разрывает листы бесполезных заблуждений.
Нельзя найти тебя иначе, как через тебя же,
Надо удерживать поводья от всех [остальных] путей.
Только до этого места взгляд различает стоянки,
Пройдешь дальше, ужас охватит сердце.
Я вручил тебе весь мой достаток,
Ты знаешь счет мало ли там или много.

2. МОЛИТВЫ

О великий, о подающий величие, я одинокий,
Ты даришь помощь, ты защищаешь меня.
Я ничего не принес с собою из чрева матери,
Ты ведаешь: все, что есть у меня, — твое.
Ты сделал сверкающим свегоч мой,
Удали же от меня ветер задувающих светочи.
Ты дал мне способность сеять,
Дай же мне и плоды того, что я посеял.
Горный склон — крут, поток — силен,
Не отвори поводий моих с правильного пути,

Дай мне так пройти через этот поток,
Чтобы река не разрушила подо мною моста.
Не наказывай меня, я пришел, взывая о прощени,
Я пришел к твоему дворцу с темным лицом¹.
Черноту мою же и обели,
Не дай мне утратить надежду на твой дворец.
Тело мое ты замесил из праха
И смешал в нем ты нечистое с чистым.
Добрый ли я или злой в естестве моем,
Эти рисунки начертало на мне твое предопределение.
Ты наш господин, мы рабы,
Мы все от первого до последнего живы твоей силой.
Все, что сотворено, обладающему способностью зрения
Указует на творца.
Я созерцаю [сердцем], которое ты видишь.
Могу ли я не видеть им пути к тебе?
Во всем, что сотворено, я вижу тебя.
Ибо творец — ты, а все это сотворено.
Всякий рисунок для ума и рассудительности
Бывает водителем к художнику, начертавшему рисунок.
Много стоянок ведет от меня к тебе,
Нельзя найти тебя иначе, как через тебя же.
Основы, которые есть на небе и на земле,
Сообразны мере человеческого мышления.
Захочет мышление указать пути меры,
Оно не сможет освободиться из ее пределов.
Каждую степень можно охватить лишь постольку,
Поскольку грани ее обладают пределами,
Но, когда кончается предел земных существ
И у мышления не останется более сторон,
Мысль не может придумать ничего более этого:
Что ты — не это, но вне пределов этого.
О ты, желающий преподать мне добрый совет, так укажи,
Чтобы путь мой лежал в сторону благого дела.
Такой укажи мне путь, чтобы в конце дела
Ты был доволен, а я был избавлен [от кары].
В моей природе не заложено других возможностей:
Я могу только не противиться велению.
Пишу я послание, заключающее моление,
Скреплено печатью пророка.
Свидетелями сему кто? Четыре друга
На всех них да будет сто благословений?
Храню я эту грамоту, освобождающую [даже] убийц,

Пошу ее, как талисман, сокрытый на руке.
В том судилище, узком, как лезвие меча²,
Где место воскресения мертвых и место избавления от
смерти,

Когда полетят свитки к человеку,
Я разверну эту грамоту,
Покажу я ее: если ты справедливый судья,
По ней суди, все же прочее в твоей воле.
Надежда моя на тебя превыше всякой меры,
Не дай мне потерять надежду на твой дворец.
Хотя я и превратил себя в скакуна,
Но все же на пути к тебе остался на полпути.
Поставь мою колыбель в твоем дворце,
Не удаляй ее от пути твоего ни на волос.
Мне — искать, указывать путь — тебе,
Выбился я из сил, даровать новые силы — тебе.
Так как ты украсил базар мой без меня
Такими рисунками, таким способом, каким захотел,
Не лишай блеска рисунок моих украшений,
Дай мне удел из клада твоих даров.
Что ты хочешь от моего бессильного бытия?
Считай, что я не существовал изначально!
Не гони, раз ты бросил на меня взор,
Не ударяй плетью, раз ты обласкал меня.
Ты дал мне высокий сан,
Помоги же мне в этом узилище.
Раз ты дал мне честь именитых мужей,
Будь же справедлив ко мне, о судия судей!
Ту главу, на которую ты возложил венец,
Не повергай ее во прах перед всяким жалким [человеком].
То сердце, которое было хранителем тайн у врат твоих,
Охрани и не дай ему просить подаяния у всех ворот.
Дела мои сделай прекрасными, как твое творение,
Не делай со мной того, что я заслужил.
В этот высокий дворец Низами
Не приведет заступника, кроме избранника⁴.

3. ПРОСЛАВЛЕНИЕ ПРОРОКА

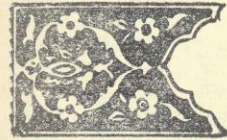
Посланец, приближенный к [самому] творцу,
Несущий убедительнейшее доказательство,
Драгоценнейший венец свободных,
Славнейший из всех, рожденных от Адама,
Мухаммед, предвечно и вечно все, что существует,
Было украшено убранством имени его.
Он светоч, к которому направлен полет зрения,
Блеск всего творения явился благодаря ему.
Он поручитель за весь мир и черный, и белый¹,
Он заступник в день страха и надежды².
Тенистое дерево в саду шариата,
Корнем своим погрузившееся в землю, ветви раскинувшее
до небес,

Место поклонения чистых [пророков],
Благотель всех существ, удел которых земля.
Пока не вспыхнул свет этого светоча,
Око мира было лишено блеска.
Украшающий чернотой родимое пятнышко Аббасидов³,
Снимающий бельмо с глаз солнцепоклонников.
Уста его слаще, чем дуновение Иисуса,
Тело его тщательно укрыто черным, чем источник живой
воды⁴.

Небо разбивает ему на земле четыре шатра,
Земля возносит для него пять раз в день почетную музыку⁵.
Колонна разума — опора спины его,
От его перста стали указывать пальцем на месяц⁶.
Правители Рума и Рея несут ему подать,
Шлют ему подать Хосрой и Кей.
Он Океан, нет, что я говорю, он подобен проливающему
дождь облаку:

В одной руке жемчуг, в другой — меч.
Жемчугом он украсил мир,
Мечом потребовал от мира выполнения долга веры.
Если правитель ударяет мечом по голове,
Конец меча его уносит венец и диадему.
Но когда он вознамерится снести голову врагу,

Он сносит ее, даже не ударяя мечом.
Кафтан двух миров сшили вместе,
Из обоих их расцвелили одну нарядную одежду;
Когда же он облекся в этот двухцветный кафтан,
Кафтан оказался на пядь с лишком короток по его стану,
Для стана его, созданного господом,
Требовалось и божественное украшение.
В начале творения был он ключом щедрот,
Им были открыты замки многих укреплений.
Он сделал пышной жалкую пирушку⁷,
Камни свидетельствовали о чудотворной силе его⁸.
Он был нищим и султаном в одежде дервиша,
Покупателем рабства и продавцом царства.
От восхождения его на небо в темную, подходящую для
набега тюрков ночь
Были украшены ангелы на небе.
Ночь была лишь тенью от зонта над его головой во время
восхождения,
Небо было лишь одной ступенью лестницы, по которой он
поднимался.

4. О ВОЗНЕСЕНИИ ПРОРОКА

В ночь, когда небо озарило пир,
Ночь по блеску своему состязалась с днем,
Преграда перед ставкой семи султанов¹
Была из китайского шелка, украшенного жемчугами²,
Глава³ облеченных в зеленые одежды жителей райских садов
Наполнил свежестью поля и луга.
Мухаммед был султаном этого ложа,
Наследником стольких халифов.
Он развязал мешочек с мускусом в дальней мечети,
Пустился от пуна земли⁴ к дальней мечети.
Он освободился от оков мира,
Стал возлюбленным предстоящих у трона ангелов.
Он сложил поклажу, ушел из этой семидесятивратной улицы
И разбил палатку на седьмом небе.
Он освободил сердце от забот о делах девяти горниц
И стремился к девяти небесным горницам.

Он вырвался из этих четырехкратных колодок⁵
И погнал коня на семь высоких сфер.
Бурак⁶ мчался под ним, как молния,
Сбруя его, как солнце, была залита светом,
Сухейль⁷ вошел в зените Арабов,
Окрасилась его светом Йеменская кожа⁸.
Хвост его был подобен шелку, копыта как жемчуг,
Бежал он, как жемчуг по шелку.
Он — не газель, но пуп его был полон мускуса,
Он был изукрашен жемчугом, как зубы газели⁹,
Он повиновался поводам легче, чем может вообразить мысль,
Бежал скорее, чем стрела, вылетевшая из лука.
Самые быстрые замыслы высоко летящей мечты
Отставали от него на семьдесят шагов.
Он проносился через мир, подобно ангелу,
Нет, он не проносился через мир, он нес на себе мир¹⁰.
На ночном пастбище опьянился он ночной тьмою,
Мчался он, неся ночной самоцвет, подобный месяцу...¹¹
Он был столь быстроходен, что от быстроты его бега
Его покой опережал быструю скачку.
Он шагал с быстротой, подобной взгляду,
Быть может, опережал даже и взгляд.
Пророк на этом хутальском¹² скакуне
Поднимал пыль от кружащихся водоворотов.
[Всадник] знающий путь, конь быстроходный,
Благо тебе, царский скакун! Благо тебе, царственный
всадник!

Когда из этих мест¹³ он направился ко вратам¹⁴,
Небо приняло новую хырку из его рук¹⁵.
Чернота неба стала благодаря ему цветником,
Заблестели, благодаря ему, очи светлых¹⁶.
В этом дворце, чистом от пыли,
Нельзя было предстать с полою, покрытой пылью.
Поэтому он сначала направился в море семи звезд,
Омыл стопы в семи земных водах,
Дал каждой из звезд ее свойства,
Месяцу дал колыбель сна,
Потом сломал калам на Утариде¹⁷,
Ибо неграмотный не берет калама в руку.
Дал свойство подвижности Нахид¹⁸,
В благодарность дал каравай хлеба солнцу.
Мирриху¹⁹ дал пламя своего гнева,
Ибо гнев не ходил ранее на том пути.

Мощность он придал Муштари²⁰,
Другой камень вставил в перстень.
Черноту книги дал Кейвану²¹,
Кроме чистых жемчужин, не унес с собой ничего.
На каждой стоянке он вручал подарок,
Так что под конец остался он один и единое сердце его.
Душа пророков, как прах, [стелилась] ему под ноги,
Всякий хватался за его стремя.
Пояс за поясом, гора за горой гнал он,
Хребет за хребтом заставлял скакать коня.
Гонцами его бежали Хызр и Моисей,
Мессия, что говорить! шел, сопровождая его.
Не в такое мгновение, чтобы можно было успеть вздохнуть,
Нет, во столько времени, сколько надо, чтобы моргнуть,
Он пролетел через шатер неба,
Перелистал землю и время.
От быстроты бега его не видели
Те, кто был вокруг, вокруг него его пыли.
От стремительности полета его стрелы в этом набеге
Небосвод отстал [от него на расстояние] полета многих
дальнобойных стрел.

Тело его на далеких возвышенностях
Облекло духов в светоносные тела.
На этом пути, не знающем пути к заблуждению,
Упал его вьюк²² и устал конь.
На пути его осыпались перья Гавриила,
Исрафил бежал от такого натиска.
Проскакав на много фарсахов дальше Рафрафа²³,
Он воспел славословия богу.
От врат лотоса²⁴ и до подножия трона
Шаг за шагом чистота устилала все коврами.
Он прошел тронную залу ангелов,
Вошел в высшую горницу, прошел и ее.
Власть пространства пришла к концу,
Оборвалось вращение циркуля [сфер].
Рожденный на земле устремился на небо,
Оставил позади землю и время.
Свое одинокое хождение он довел до того,
Что от бытия его ничего у него не осталось.
Кружил он на пути небытия
И поэтому вышел из своего существа.
В круге вращения его пути
Ноги его казались головой его.

Он смело шел по пути, где нет низа и верха,
Ибо в круге нет ни верха, ни низа.
Занавес божественного сана подняли,
Очистили покой от посторонних.
В том месте, коего не может коснуться мысль,
От Мухаммеда — молитвы, от бога — приятие.
Он услышал речь, раздававшуюся без орудия [речи],
Он удостоился того свидания, которого должен был
удостоиться,

Увидел он, что у великого и могучего
С одной стороны нет пространства, с другой немислимо
представление,

Все тело его стало оком, как нарцисс,
Не осталось ни единого шипа [препятствия] вокруг него.
На поле нарциссов, которое было в этом саду,
Не говори «ворон», там была печать «не меркнет»²⁵.
Он прошел к столу преданности богу,
Сам вкусил и дал часть и нам в удел.
Сердце его получило свет божественных щедрот,
Смотри, какое царство добыл сирота.
В мир пришел он с пылающим ликом,
Познав всю науку мира.
Так пошел и так возвратился,
Что никто не может охватить этого мыслью.
От быстроты, оттого что как молния пролетел он путь,
Не успело тепло сна его покинуть его ложе²⁶.
Не знаю, что это была за ночь.
Была ли это ночь или был целый год.
Если возможно, то души наши в одно мгновение
Облетают вокруг целого мира.
Тело его, которое чище наших душ,
Если пролетело [все эти расстояния] в одно мгновение и
вернулось, это допустимо.

Лучше мне пожертвовать для него жемчужиной души,
Воспеть четырех его сподвижников.
Это четыре покупателя жемчуга²⁷ и четыре жемчужины²⁸,
Какое дело продавцу до пустослова?
Если мы твердо привязаны любовью к Али,
То мы не свободны и от любви к Омару.
В то же время для этого ясного взора
Абу-Бекр — светоч, а Осман — светильник.
Благодаря этим четверем султанам, подобным нищим,
Завершились четыре славословия могущества.

Благо тебе, водитель посланников,
Принимающий оправдания павших.
Ты первое знамя в начале царства,
Ты последний стих в окончании века.
Ты избран обонми мирами,
Если есть подобный тебе, это ты же.
Ты ключ к замку сокровищниц,
Ты воздвиг пред нами врата добра и зла.
В благой день ты, не требуя от нас никаких обязательств,
Кладешь на нас свою печать, повторяя: «Моя община,
моя община».

Я самый ничтожный из твоей общины, прах твой,
При всей моей ничтожности я уловлен твоим стременем.
Пусть Низами, плененный в Гяндже,
Не будет лишен удела в твоём привете.

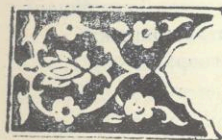

5. О ПРИЧИНАХ СОЧИНЕНИЯ ЭТОЙ КНИГИ

В ночь, разукрашенную подобно утру,
Испрошенную многократными предрассветными молитвами¹,
Мир был полон света от сверкавшего сияния месяца,
Из пуна земли пролился мускус.
Крики затихли на земном базаре,
Ухо отдыхало от звона колокольчиков.
Ночные стражи были опьянены сном,
Ясное утро спрятало голову под воду.
Я отряхнул руки от мирских дел
И был окован цепью размышления.
Раскрыл сердце, закрыл глаза,
Устремил свои помыслы на путь,
Каким образом надо мне расставить сеть,
Как уловить в эту сеть добычу?
Сидел я, поникнув главой, смятенный, [откинувшись]
На подушку, украшенную изображением глаз онагров,
мягкую, как круп онагров.
Голова моя поклонялась у меня на коленях,
Под головой у меня была земля, под ногами небо.
Не было покоя в плясе членов моего тела,
Голова моя сделалась престолом для моих ног.

В беге моей быстрой мысли
Меня бросали непрерывно из стороны в сторону.
Тело свое я оставил в углу.
И пустился в путь на поля души.
Я то брал пример с непрочитанной скрижали,
То учился у страниц предшественников.
Как светоч, упал огонь в мой сад,
Сад мой стал моим огненным тавром.
Таял я, словно воск на солнце,
Такой восковой фигурой сон отогнав от очей?
Быть может, кудесники научились от меня
Отгонять сон своими восковыми фигурами?
На этом пути, полном опасений,
Рассеялся в моей голове мой чистый мозг.
От кипения мозга охватил меня сон,
И увидел я в этом сне некий дивный сад.
В этом ярком саду я рвал свежие финики
И давал их всем, кого видел.
Проснулся рвавший финики от сладкого сна,
Мозг был полон пламени, рот полон воды.
Муэдзин провозгласил молитвенный призыв:
«Велик живой, который не умирает».
Внезапно вырвался у меня стон,
Ибо я был полон мысли, был пуст от себя самого.
Когда начало рассветать утро счастья,
Я ожил, как оживает поутру ветерок.
Я зажег светоч, озаряющий ночь,
И горел мыслью, как светоч.
Сердце мое и мой язык в сложении слов
Познали искусство чар, как Харут и Зухре⁴.
Не годится, мол, так долго сидеть без дела,
Опять я возьмусь за новый рисунок.
Запою я новый чуждый напев,
Пошлю привет душе предшественников.
Создам светоч из бабочки,
Создам дерево из одного зернышка.
И каждый, кто сбросит плод с этого дерева,
Скажет посадившему его: «Счастливец».
При том условии, чтобы горсть жалких людей
Не крала утвари у соседей.
Положим, я глава всех острых разумом,
Я шахиншах всех торговцев жемчугом.
Все только срывают гроздья, я сажаю зерна,

Все грабят дома, я же домохозяйин.
Как мне поставить лавку на этом перекрестке?
Ведь я же буду не в безопасности от уличных грабителей.
Кто владеет на этом перекрестке лавкой,
Которую не взламывали бы со всех сторон:
Но если я море, что мне бояться тех, кто ворует капли,
Ведь туча даст мне за это большую награду.
Если ты зажжешь сто светильников, подобных месяцу,
На них будет клеймо⁴ с именем солнца.

6. РАССКАЗ

Слышал я, что у одного промотавшегося гуляки
Была старая золотая монета, недавно им найденная.
Слышал он от мастеров, взвешивающих золото,
Что в мире золото притягивает золото, сокровище —
сокровище.

Пошел он на базар, чтобы притянуть золотом золото,
Одной магрибинской¹ монетой заработать и другую.
Пришел он в лавку торговца драгоценными камнями.
Нигде он не видел золота больше, чем там.
Золото у него было насыпано целыми мешками,
Мелкие монеты вместе, крупные вместе.
В надежде на этот клад, окруженный стенами,
Бросил он туда и свой динар.
Когда динар его выпорхнул у него из рук,
Полетел он прямо в сокровищницу менялы.
Бедняга сразу перестал копить золото,
Умножать свою монету во сто раз.
В печали он возопил вслед своему золоту,
Застонал перед торговцем драгоценными камнями:
«Из мирских богатств после долгого времени
Заполучил я наконец золотую монету.
Слышал я не от хитрого человека, от дурака,
Что золото притягивает золото, если положишь их рядом.
Побежал я к сокровищнице этой лавки,
Бросил свое золото на то.
Быть может, это золото присоединится к моему,
Вместо того только мой золотой смешался с тем золотом...»

Рассмеялся меняла, благородный муж,
И рассказал ему, как смешивается золото:
«Многое не идет к малому,
Одни приходит ко ста, не сто к одному».

* * *

Если кто-нибудь захочет обокрасть мой склад,
Этой притчи хватит в качестве надзирателя.
Много мельниц скрипит,
А как присмотришься, оказывается, работают по найму на диван².

Достаточно с меня и того вознаграждения за покражи,
Что про меня никто не посмеет крикнуть «вор».
Темнолицые, которые грабят на дорогах,
Грабежом своим затемняют весь мир,
Днем не смеют разжигать своего огня,
Ибо око стыдится ока.
Теперь посмотри, как писцы среди белого дня
Оттачивают калам из мускусной ивы.
Все тайное мое, которое крадут они явно,
Из Гянджи оно, хотя и везут они его в Бухару.
Не покупают товар, который продается тайком,
Ибо краденое добро бывает дешево.
Но когда откроется недостаток,
Даже сердце друга не знает пощады.
Если не поднимет крик ограбленный,
Надзиратель, хватающий воров, сам протянет [к его добру] руку.

Поэтому мне лучше оставить их в покое, ибо время
Научит, что хорошо и что плохо.
Весы готовящего вращение небесного свода,
Не оставляли и не оставят ничто невзвешенным.

7. О СВОЕМ ПОЛОЖЕНИИ

Приди, кравчий, укажи мне то вино,
Дай мне этого опьяняющего зелья.
Опьяни меня этим горьким зельем,
Быть может, я забуду себя самого.

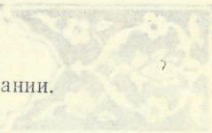
* * *

Низами, довольно этой громкой славы,
Довольно стареть, но оставаться юным.
Как лев, выпусти когти на лапе,
Не украшай себя уловками, как лиса.
Слыхал я, что пестрая лисица на Руси
Украшает себя, как невеста.
Если идет дождь или дует ветер и несет пыль,
Она не выносит своей шубы из логовища,
Устраивается в углу без пропитания,
Лижет только свои же собственные лапы.
Ради шкуры своей она питается своею же кровью,
Все заботятся о теле, она же о шкуре.
В конце концов, когда настанет назначенный ей час,
Ее же мех становится бедствием для нее.
Из-за этого меха покушаются на ее кровь,
Позорно сдирают его с ее тела.
Зачем украшать цыновку, с которой
Все равно неизбежно придется встать?
Если животное не украшает само себя,
Алчность не стремится причинить ему вред.
Выйди из-за этой семилепестковой завесы,
Ведь зеркало черно, если оно покрыто ржавчиной.
Ты не красная сера, не белый рубин,
Ищущий тебя не потеряет надежды.
Довольно, не умножай более таких чародейств,
Не старайся избегать людей, подобно чародею.
Водись с людьми, если ты человек,
Ибо человеку приятно водиться с человеком.
Если ты драгоценное сокровище и не даешься в руки,
То таких сокровищ под землей есть много.
Если дерево далеко от того, кто вкушает плоды,
Не все ли равно, плоды там или шипы.
Юность ушла и жизни не осталось,
Скажи миру: «Не оставайся!», если не осталось юности.
Юность — это красота человека,
Разве может быть веселье без красоты?
Если ноги твои ослабели и начали гнить кости,
Не рассказывай уже более о бесстыдстве.
Если юношеское ослепление отлетело от тебя,
Омой руки от дерзких дел.
Красота сада длится до тех пор,

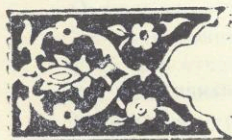
Пока самшит там смеется тюльпану.
Когда пронесется по саду осенний ветер
И время место соловья передаст ворону,
Посыплется листья с высоких ветвей.
Сердце садовников от этого исполнится скорби.
Базилки исчезнут из сада
И никто уже не станет искать ключа от его ворот.
Застони, старый соловей, вкусивший много лет:
Красный лик розы стал желтым.
Вдвое согнулся прекрасный стройный кипарис,
Садовник ушел из тени своего сада¹.
Когда возраст дошел до пятидесяти лет,
Положение торопливого [путника] совсем изменилось.
Голова от тяжелой ноши отяжелела,
Быстроходный верблюд истомился на узком пути.
Устала рука моя требовать вина [веселья],
Отяжелели ноги, не могут больше вставать.
Тело мое приняло синеватый оттенок,
Роза моя утратила красный цвет и стала желтой.
Быстроходный скакун [мой] начал отставать на пути,
Голова моя стремится опуститься на ложе.
Мой гнедой конь, быстроногий, привычный к игре в чоуган²,
И после сотни ударов чоугана не сдвигается с места.
Радость потеряла ключ к винному погребу,
Появились признаки раскаяния.
Над горюю показалось облако, проливающее дождь из
камфоры³,

Земля ослабела, пропиталась камфорой.
То сердце склоняется покинуть этот мир,
То голова восхваляет сон.
До ушей не доходят упреки красавиц,
Кувшин опустел и кравчий умолк.
Голова отвращается от шутки, ухо от пения,
Ибо настало время проститься и пуститься в путь.
В такое время лучше укромный угол, чем дворец,
Ибо время открыто протягивает ко мне руку.
До тех пор можно любоваться на бабочку,
Пока смеется свеча, озаряющая ночь.
Как только уберешь ты свечу из дома,
Не увидишь больше и признака бабочки.
В дни юности и свежести
Похвалялся я старостью и усталостью;
Могу ли я теперь радоваться горю?

Могу ли притворяться юным, когда голова одряхла?
Как гнилая деревяшка в углу сада
Сверкает новью подобно светочу,
Так озаряющий ночь светляк блестит издали,
Похваляется светом только потому, что ночь беспросветна.
Если я замечал в себе рост усталости,
Я искал место отдохновения.
Покой давал мне новую жизнь,
И я отдавал мир в залог за веселье.
Когда дни юности пришли к концу
И белесые сумерки забрезжили на востоке,
Я думаю, как бы мне преклонить голову,
Как бы выйти мне из дела.
Той голове, которая достойна венца,
Подобает мускус, а не слоновая кость⁴.
До того, как эти семь пестрых циркулей⁵
Измельчили начертание моей жизни,
Я прилагаю величайшие усилия,
Чтобы сохранить память о моем существовании.
Я играю со всеми костями⁶,
Я стараюсь помочь своему усталому [телу].
Когда мой гилянский конь перейдет через этот мост,
Я не буду пытаться вернуться назад в Гилян⁷.
На этом пути много спящих, подобных мне,
И никто не вспомнит, что здесь кто-либо есть.
Помни же, о свежая, прекрасная курапатка,
Когда ты будешь проходить по моей могиле,
Ты увидишь, что из праха моего выросла трава,
Надгробие распалось и насыпь рассыпалась.
Весь прах мой унес ветер,
Никто из моих современников не упоминает обо мне.
Тогда ты положи руку на мой могильный камень
И вспомни о моей чистой душе.
Если ты будешь проливать надо мною издали слезы,
Я буду проливать на тебя с неба свет.
О чем бы ни возлетала твоя молитва,
Я поручусь за то, что она будет услышана.
Ты пошлешь мне привет, pošлю привет и я.
Ты придешь, и я спущусь с купола.
Считай меня живым, как себя самого.
Я приду к душе, если ты придешь к телу.
Не считай меня одиноким, лишенным спутника,
Я вижу тебя, хотя ты меня и не видишь.

Не переставай говорить об уснувших,
 Не забывай тех, кто отошел.
 Когда придешь сюда, налей вина в чашу,
 Иди к опочивальне Низами.
 Разве ты думаешь, о благодатный Хызр,
 Что вино является для меня самоцелью?
 От этого вина я хотел бесчувствия,
 Этим бесчувствием я украшал собрания.
 Кравчий мой — божественное обетование,
 Утренняя чарка — забвение, вино — бесчувствие.
 В другом же смысле, клянусь богом, пока я жил,
 Я ни разу не омочил края губ вином.
 Если когда-нибудь вино омочило мое небо,
 Да будет запретно для меня дозволенное богом.

8. О ПРЕИМУЩЕСТВАХ ЭТОЙ КНИГИ ПЕРЕД ДРУГИМИ КНИГАМИ

Иди же, виночерпий, отгони сон,
 Дай неразбавленного вина искреннему влюбленному.
 Вино, подобное студеной воде,
 Дозволено во всех четырех толках¹.

* * *

О сердце, пока ты не добьешься величия.
 Не годится сидеть на месте великих мужей.
 Если тебе нужно величие, то для этого
 Неустанно поминай о великих.
 Пока тебя не спросят, держи уста закрытыми.
 Не разбивай жемчужин, осторожно обращайся с топором².
 Если кто-нибудь повел речь неспрошенным,
 Все свои слова он развеял на ветер.
 Нельзя показать светоча тому, у кого нет глаз,
 В саду сердце ищет только то, что желанно.
 Тогда только полезно говорить слова,
 Когда от этих слов далеко разлетится гул.
 Если же ответ не будет достоин говорившего,
 Неуместно попусту расточать слова.
 Лучше крепко забить рот гвоздями,

Чем говорить и сказанное сжигать.
 Зачем мне говорить, раз ты не выслушаешь меня,
 Твой слух направлен только на рассказ о сне и пище.
 Почему ты знаешь, о каких науках я говорю,
 Я бью в барабан у своих собственных дверей.
 Много у меня драгоценных товаров,
 Но я их не достану, пока их кто-нибудь не попросит.
 Покупатель жемчуга закрыл глаза, как раковина.
 На таком неживленном рынке не стоит продавать жемчуг.
 Раз я обладаю столь драгоценными жемчугами,
 Мне нужен и знаток, умеющий ценить их.
 Прошу я у судьбы слушателя,
 Чтобы рассказать ему тайны учителя.
 Раскопаю я его алмазом свою коню,
 Свяжу свою душу с его душой.
 Время создает много таких занятий,
 Один берет жемчуг, другой дает.
 Где то сердце, которое не знает обид?
 Где аркан, около которого нет дурбаша³?
 Быть может, потому змея расположилась на кладе,
 Чтобы змеиный камень⁴ не давался в руки безнаказанно.
 Если финиковая пальма не будет высокой,
 Она будет ограблена любым ребенком.
 При помощи воеводы можно охранять путь,
 При помощи пепла сохранять огонь.
 Так как природа моя получила в удел добрый нрав,
 Много покушений было совершено на все мое добро.
 Другие путники, опоясавшиеся такими же поясами,
 Из-за своего дурного нрава избавились от грабителей.
 Но для того, чтобы дети разбежались с дороги,
 Нужно ли стать черным, подобно негру?
 На том пути, по которому пойду я, слабый путник,
 Для меня достаточно такого подарка, как добрый нрав.
 Лучше пусть добрые качества накопит мое естество,
 С этим я жил, с этим и уйду.
 Если можно называть жемчуг для кого угодно,
 Можно напевать песню и ради себя самого.
 О стольких поэтах напоминают их слова,
 Я же наоборот [сам] напоминаю о своих словах.
 Так как слово получило устойчивость благодаря мне,
 Мною оно и будет держаться до самого воскресения
 [мертвых].

Я садовник, ухаживающий за кипарисами в саду слова,

Я опоясался на служение, как росток кипариса.
Я, как небо, далек от всех насмешек,
И все же я должен всем целовать ноги.
Как Бирджис⁵, сражаясь со всеми зломыслящими,
Я держу лук, но не пускаю его в дело.
Как Зухре, я кладу дирхемы на весы,
Но когда даю их, даю без веса.
Я не смеюсь ни над чьим горем, подобно молнии,
Ибо от моей молнии искры падают на меня же.
Каждый шип я, словно роза, приглашаю на пир,
Из каждого отверстия я, как флейта, издаю мелодию.
Это сгоревшее сердце, наверное, пламя,
Ибо оно разгорается оттого, что на него сыплют шипы.
Я, как море, стал врагом, смывающим пороки,
Я не друг, отыскивающий пороки, подобно зеркалу.
Я раздаю эти богатства и сокровища тому, кто хочет,
Ибо я не пострадаю оттого, что раздаю.
Я показываю ячмень, а даю вместо него пшеницу,
Не так, как торговцы, старающиеся выдать ячмень за пшеницу.
Я, как солнце, одинаков и спереди и сзади,
Блеска у меня много, а обмана мало.
Я не прохожу ни за одной спиной так,
Чтобы мне пришлось стыдиться, когда я пойду перед лицом.
Я скрываю от злоречивого злые речи
Зломыслящему я тоже не говорю злого слова,
И заставляю его устыдиться, воздавая ему добром.
Ибо тогда я сам бы стал зломыслящим.
За это добро несут ко мне,
Приветы от всех добрых и славных добрым именем.
А когда я покину это теперешнее состояние,
Я стану местом паломничества добрых.
Я сыплю жемчуга на того, кто сыплет мне дирхемы,
Я горделив, но только с теми, кто горд.
Я остался сидеть в углу не оттого, что я безоружен,
Мир — ветер, а ветра боится апельсин.
Из мирских царей в этой глубокой пещере,
У кого был столь же славный спутник, как я?
Кто видел у какого-либо пестрого цветка
Соловья, поющего громче меня?
Каждой истиной я украшал целую тетрадь,
Для каждого изящного оборота брал перо.
Я получил ясность от каждой области науки,

В каждой области науки отдельно я несравненный знаток.
Я умею извлекать сахар⁶ из каждых уст,
Умею заставить пролить розовую воду каждый глаз⁷.
Я заставляю читателя проливать слезы рекою,
А потом опять рассмешу его, как солнце.
В моих руках от счастья, благостно ведущего меня,
Таков белый сахар и такова красная ива.
Я могу закрыть двери отшельничества,
Прийти на пир, осветить беседу,
Но все-таки дерево мое выросло в углу,
И, если оно двинется с места, корни ослабеют.
Прошло сорок сорокодневных постов и тысяча уединений,
Теперь идти на пир уже не подобает.
Когда наступает разлив рек,
Не годится ехать из Рея в Бухару.
При таком сильном ветре лучше,
Подобно розе, не доставать из угла своей поклажи.
По своему желанию редко буду становиться водителем,
Хумай⁸ оттого и величава, что ее редко видят.
Голова моя отвращается и от лежания и от вставания,
Но все же другого я ничего не могу придумать,
Как только заставить распусться розу слов
И стонать над этой розой, как соловей.
Если бы я увидел розовый куст лучше себя самого,
Я сорвал бы с него красную или желтую розу,
Но если приходится есть жаркое из своей собственной
ляжки,

Зачем же ходить за подающим, словно солнце?
Я сижу в углу, как Симура⁹,
И уху даю пищу из рта.
Времени я уже надоел,
Но я принес покой в уголок уединения.
Двери дома, высокого, как небесный свод,
Я закрыл на засов от мира, завязал от людей.
Не знаю я, как идет круговращение времени,
Что доброго, что злого происходит в мире.
Я мертвый человек, но иду я смело,
Иду с этим караваном, хоть и не принадлежу к нему.
С сотней усилий я выпускаю единый вздох,
Чтобы не заснуть, звоню в колокольчик.
Не знаю я иного, кто бы душой и телом
Любил меня больше, чем я сам себя.
От любви родни я отвернул лицо,

Нашел, что я сам себе лучшая родня.

Если я показался очень злым перед влюбленными,
То лучше мне быть самому своей собственной возлюбленной.

Если мне не дано в удел ничьей любви,
То господь — податель и кормилец всех людей.

Лучше закрывать двери нужды от людей.
Лучше освободиться и не просить подаяния у всех дверей.

Если б только я имел возможность
Не исполнять ничьей просьбы никому.

В этом земном круге¹⁰, страшась крови,
Я не решаюсь поднять головы от строчки приказа.

Каково же положение и круг того,
Кто попал в оковы в кровавом круге.

Я замазал глиной дверь для людей
И удовольствовался здесь таким счастьем.

Сорок дней я смирял себя,
Ибо в сорок дней достигает совершенства дубленая кожа.

Не увидел я прочности в четырех подушках¹¹ [мира]
И [поэтому] засел в этих четырех тесных стенах.

За каждое зерно, которое я бросал на мельницу,
Я давал знатоку камней драгоценный камень.

Тысячи благословений на мастера словосочетания,
Который умеет из каждого зерна создать драгоценный

камень.

Влажное и сухое, мои слезы и мое лицо¹²,

Укрепил стены моей кельи.

Здесь мы должны поддерживать тело ячменной мукою,
Там украшать сердце сокровищницей.

Я не беспечно прошел через весь этот мир,
Ибо я знал и другое занятие, кроме сна и еды.

Не спал я ни единой ночи на ложе покойно,
Если не открыл в эту ночь врат знания.

Мой разум не женщина, он разжигающий пламя кремень,
Подобно Марии, он дева и все же беремен.

Разве захочется ему такого мужа,
Раз рождается у него [пламя] из камня и железа?

Столь чарующие девственные слова
Трудно родить путем мысли.

Говорить девственные слова — терзать душу,
Не каждый достоин говорить слова.

Сверли лучше глиняную посуду, не берись за жемчуг,
Если хочешь петь, пой лучше в бане.

Опасайся просторных равнин,

Ибо натрудишь себе только пеннем горло.

Если тыставишь царское клеймо на золото,
Ставь так, чтобы не пришлось огорчаться, если оно
сломаётся.

Какой-то еврей позолотил медь,
Его грабительская торговля приносила от этого доход.

Не каждый плод называется инжиром,
Не каждая вдова похожа на Зубейду¹³.

Если бы было много птиц, питающихся инжиром,
На ветвях не осталось бы ни одной инжиринки.

Два индийца происходят из Индостана,
Один оказывается разбойником, другой сторожем.

Водою этого блистающего серебра¹⁴
Я смыл всю нанесенную землю грязь.

Не сниму я покрыва с этой картины,
Пока она не поднимется, как высокая пальма.

Если ты придешь к дереву, плоды которого еще не созрели,
И начнешь трясти его, ты сам еще не созрел.

Рыночный торговец дает яблокам дозревать дома,
Но только тогда они ничьим зубам не приходятся по вкусу.

Если размять сырой инжир, он станет мягким,
Но только тогда, когда ты поешь его, пойдет кровь из неба.

Цветок, который раньше времени не смеется на ветке,
Много принесет плодов на дереве.

Если земля рыхлая и мягкая,
На ней нельзя возводить прочной основы.

Я могу блестяще выполнить это дело,
Настоящий муж не блестяще дела не делает.

От зерна можно ожидать выгоды,
Потому-то земледелец и принимается за посев и жатву.

Но когда торговля зерном вялая и оно не имеет цены,
Земледелец тогда перестает заниматься своим делом.

Знатоки мелодий, внимающие повествованиям,
Отвернули ухо от пения певца.

Стало необходимым выполнить это дело
И завершить столь драгоценную книгу.

Ибо когда она будет закреплена при помощи письма,
Она станет необходимой для слушателя.

Рисунком, который не мал в глазах великих,
Я одержал в этом сказе победу.

Более славного повествования
Не находили еще правдивые люди.

Другие книги, которые ты будешь смотреть сначала,

Не окажутся правильными перед общим мнением народа.
Такая книга не может распространять ложь,
Которая написана столькими острыми каламами.
Силою стрел стольких перьев
Эта книга имеет преимущество перед другими книгами.
От того царственного вина, которое налито в ее чашу,
Она получила название «Книга славы Хосроев».
Прежний повествователь, мудрец из Туса,
Который разукрасил слова, как невесту,
В той книге, где он нанизывал жемчуг,
Оставил невысказанным много из того, что надо было
сказать.

Если бы все то, что слышал он о древних,
Он сказал, долгим бы вышел рассказ.
Не сказал он того, чего не хотелось ему,
Сказал все, что было неизбежно.
Отложил он некоторое угощение и для друзей,
Ибо сладости не годится есть наедине.
Низами, нанизавший на нить жемчуга,
Перечеркнул все написанное.
От найденной им в сокровищнице непроколотой жемчужины
Нашел весы свои взвешивающими слова.
Дал громкий голос «Книге славы»,
Оживил ею древний рассказ.

9. РАССКАЗ ОБ ОБРУЧЕНИИ НИЗАМИ ХЫЗРОМ

Приди, виночерпий, пурпурный напиток
Дай мне, чтобы я мог уиться допьяна.
Быть может, в этом опьянении я заведу напев,
Кликну клич всем гулякам.

* * *

Меня учил вчера Хызр¹
Тайне, которая не была приемлема для уха:
«О ты, получающий жалованье моих советов,
Вкушающий из чаши слов моих,
Словно лилия, отвернувшийся от рабства,

Получивший в удел каплю росы от источника жизни,
Слышал я, что в книге о царях...
Ты хочешь повести слово, льющееся подобно воде,
Не иди никогда навстречу недостойному,
Ибо саз не строят на искаженный лад.
Совершай достойные дела, чтобы стать славным,
Достойные тоже найдут тебя достойным.
Быть немедленно проглоченным драконом,
Попасть в пасть крокодила
Разумные люди находят более приятным,
Чем видеть недостойного [человека].
Не говори того, что сказал прежний мудрец,
Ибо в одной жемчужине нельзя делать два отверстия.
Но все же включи в свой рассказ то,
Что приходится повторить по необходимости.
Так как ты в этом деле новый водитель,
Не иди вслед за теми, кто делал это раньше.
Ты имеешь силу испытать деву,
Не пачкайся же понапрасну со вдовами.
Не печалься о той добыче, которую ты не поймал,
Все, что не съел, останется тебе про запас.
Трудно образоваться драгоценному камню в скале,
Как же достанешь ты его оттуда с легкостью?
Если ты присмотришься ко всем вещам в отдельности,
Ты увидишь, что трудно они добываются из трудного места.
Нелегко добывать жемчужины,
Серебро нуждается в очистке.
Кто приложит труд и на суше, и на воде,
Получит деньги от рыбы, сокровище от коровы².
Хочешь серебряный кувшин и золотую чашу?
Тогда не надо тебе покидать землю Ирака.
От Рей и до Дихистана, Хорезма и Дженда
Ты не увидишь скачущего гонца, кроме разрытого потоком
русла.

Бухарец, гиялеец, хозар, курд —
Все четверо удовлетворяются куском хлеба.
Из Мазендерана ничего не происходит, кроме двух вещей:
Одна — люди, подобные дивам, другая — сами дивы.
В Мазендеране не растет ни единой травинки,
Около которой не росло бы ста острых копий³.
Да будет же славен чарующий сердце Ирак,
От него разносится слух о совершенстве.
Розы, обладающие свежим дыханием,

В то время, когда я слагал эти слова,
Я призывал того, кто охраняет мою душу:
Пусть сделает он славной и именитой эту кингу;
Пусть прославит того, кто ее уважает,
Пусть так развернет он ее крылья,
Чтобы добрая звезда восходила, если кто-нибудь станет
гадать по ней.

Пусть даст она радость читающим ее,
Да подаст веселящее зелье ведающим.
Пусть оживит она тех, у кого застыло сердце,
Да будет утешителем опечаленных,
Пусть ласкает она больную грудь,
Пусть дает развязку запутанному делу.
Если пожелает [читать] ее слабый,
Да ниспошлет ему господь силы вследствие чтения ее.
Если возьмет ее в руку отчаявшийся,
Пусть сможет он осуществить все, на что надеялся.
Все то, о чем я просил господу в этом роде,
Господь дал мне; воздаю хвалу за дар его.
А еще благодатнее то, что эта зала пира
Была очастливлена царским пиром.

10. ВОСХВАЛЕНИЕ ПАДИШАХА НУСРАТ АД-ДИНА

Приди, виночерпий, рубиновую влагу
Налей в эту чашу, украшенную рубинами.
Та глиняная чаша, душа которой вино,
Глина ее — земля, взращивающая благовонные травы.

* * *

Подними знамя, высокое солнце,
Иди, горделиво выступая, облако, мускусная завеса,
Загреми, сердце грома, как царские литавры,
Засмейтесь уста молнии, как утренний рассвет,
Пролей, о воздух, чистые капли,
Схвати их, о раковина, и преврати в жемчуг,
Выйди, о жемчужина, из пучины своего моря,

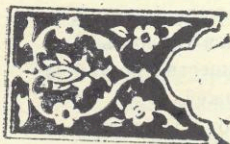
Найди себе место в царском венце.
Пред тем царем, который желает твоего появления,
Целовать землю — будет для тебя жемчужиной венца.
[Царем], мощью напоминающим Искендера во всех делах,
К которому вернулась мощь Искендера.
Он поддерживает жизнь земли, охраняет жизнь неба,
Покоряет мир и рассеивает врагов.
Он властитель запада по мужеству.
Он — Кадар-хан востока по мудрости.
Величайший витязь в мире Нусрат ад-Дин,
Покоряющий своих врагов, как небесный свод.
Соперник догадывается слишком поздно, а он видит вперед,
У зломыслящего мало любви, у него много ненависти¹,
Обладатель меча, трона и венца,
Три раза ударяющий и пять раз охраняющий²,
Подобно Рустаму он гонит своего коня,
Он украшает трон и дарит венцы.
У всех царей один определенный обычай:
Ключ железный, а в сокровищнице золото.
Но он заставляет блистать железо меча,
Ключ у него золотой, а сокровищница полна железа.
Как вода Евфрата, он явно ласкает,
Как источник Нила, тайно разрушает.
Если он бросит тень на солнце,
Он зальет водой этот источник огня.
Если он даст охранную грамоту молодому месяцу,
Он даст ему защиту от убавления его совершенства.
Если кто-нибудь перечислит все его дары,
С тем, чтобы воздать обильную хвалу за благодеяния,
Эти благодеяния превьсят его хвалу,
Может ли быть благодетель больше этого?
Он как небесный свод, кто бы ни захотел вступить с ним
в бой,

Всякого он заставит бросить щит на воду, подобно земле.
Когда он налетает подобно туче,
Вершину горы сносит острие его меча.
Всего того, что он показал на полях битвы,
Не показывали ни Рустам, ни Исфендиар.
Мир мира родился в ту ночь,
Когда забрезжило ясное утро его рождения.
Куда бы ни ступил покорный конь его,
Земля находит свежесть от копыт его.
В какой бы круг он ни устремил набег,

От линии его циркуля распутывается узел.
В той земле, куда он погонит своего коня,
Земля извергнет сокровища Каруна.
На той крепости, где он поднимет свое знамя,
Голова котвала³ свесится со стен.
Если все остальные, ведущие род от Адама,
Все — люди, то он — сама человечность.
Не знаю я никого из именитых людей,
Кто не воздавал бы ему хвалы за это благородство.
Так много ласки и благодеяний видели от него.
Что назвали его благодетелем всего мира.
Если мертвец поднимает голову из могилы.
Все города и базары охватит смятение.
Тысячи мертвых сердцем от царского правосудия
Оживают, и враг даже не смеет показаться на дороге.
Как Иисус, он оживил много мертвых
И шокорил народ таким нравом.
Мир был разрушен, как рудник драгоценных камней,
От этого солнца он вновь стал населенным.
Земля была адом, не знала посева и пастбища,
От такой тучи она стала свежей, как рай.
Из всех даров, которые текут от него неустанно,
Он раздает всем просящим, одно за другим.
Словно разум следует он всякому благому делу,
И разве может уйти из мира его добрая слава?
Я назову тебя не только величавым, подобно океану,
Ты драгоценен, словно рудник.
Сколь славен дворец, словно солнце
Раскинувший веревки палаток от Востока до Запада.
Если от пальмы туба⁴ протягивается в раю
В каждый дом благоухающая амброй ветвь,
То с Востока до Запада от благодеяний его приходит
В каждый дом дар с его стола.
Приложили ему имя Кей-Хосрова
И возвели его род от Кей-Кубада⁵.
В каждой долине, куда он направляет поводья,
Трава диремне⁶ находит у себя в подоле дирхемы.
Сокровищами его земля наполнила мешки,
Жасмин накопил серебра, желтофиоль⁷ золота.
Где та сокровищница, обладающая хотя бы единой медной
монеткой,
В которой не было бы чего-нибудь из его сокровищницы?

Так как небесный свод возвысил голову благодаря его
венцу,
Пусть же его глава получит победу через этот венец.
Благо тебе, Хызр и Искендер всех тварей,
Ты обладаешь и царством, и водою жизни.
Ты, как Искендер, царь, покоряющий страны,
Как Хызр, ты указываешь путь заблудившимся.
Ты обладаешь всем, что тебе подобает,
И нет у тебя одного: это — равного тебе.
Когда ты задумаешь охоту на львов,
Ты одной стрелой сразу пронзаешь двух хищников.
Когда во время боя со слонами ты разворачиваешь аркан,
Ты связываешь им, как слона, царя Канныджа⁸.
Если лев, чиня насилие, валит гура,
То ты валить льва — героя и даже Бахрам-Гура.
Есть ли счастье, которое бы не было сковано твоей
деятельностью?
Есть ли желание, которое бы не было осуществлено тобою?
Много жестких вый, покрытых крепкой кожей,
Которые как ремень, от стремени твоего становились
мягкими,
Два разряда людей спокойны, когда ты прогневаешься:
Одни — люди с мягкими выями, другие — люди с
проколотыми ушами⁹.
Извиняясь перед тобой, недоброжелатель спасает жизнь,
Таким обычаем разум твой покоряет мир.
Когда время пролетело над миром,
Осталось шесть воспоминаний о шести царях.
Венец от Гайомарта, покорителя трона,
Меч от Джемшида, трон от Феридуна.
От Кей-Хосрова чаша, отражающая мир,
В которой нашли место решения светил,
Блещающее зеркало, украшенное камнями,
Память об эре Искендера,
Перстень, в котором укреплен рубин,
Озарен печатью Сулеймана.
Такие шесть вещей содержатся в твоём имени,
Подтверждают слова названия шести букв твоих¹⁰.
Кроме того, вижу я у тебя еще шесть свойств,
Которые да возрастут с месяцами и годами.
Одно — это то, что из полной сокровищницы
Ты осуществляешь невысказанные желания.
Другое — это твое беспримерное благородство
И то, что ты не требуешь отплаты у благородных.

Третье то, что сердце твое украшено состраданием
И ты восстанавливаешь в правах притесненного.
Четвертое — знамя, вознесенное до Плеяд,
То, что ты рассеиваешь войска один, как солнце.
Пятое — что преступнику, умоляющему о прощении,
Ты из великодушия прощаешь проступок.
Шестое — соблюдение обещаний и договоров,
Хранение памяти об обещанном.
Пусть шесть сторон не будут лишены твоего блеска,
И да будешь ты отделен от этих шести свойств.
При полете твоего счастья участвуют два сокола:
Один в сокровищнице, другой на охоте.
Две змеи подсчитывают для тебя прирост:
Одна — змея камушка, другая — змея клада.

11. ОБРАЩЕНИЕ С ЦЕЛОВАНИЕМ ПРАХА

О царь мира! под семью небесными сводами
Ты, несомненно, пятый властитель!
В приказах стольким странам для всего мира
Колонна врат твоих — точка опоры.
Всю ночь, когда месяц совершает странствие по небу,
Он увеличивает количество масла в твоем светильнике.
Каждый день увенчанное золотым венцом солнце
Опясывается на служение у подножия твоего трона.
Тот, кто вручил тебе царство,
Из всего мира вручил тебе все, что ты хотел.
Затем дал он тебе царство, чтобы ты правил,
Так как ты судия, чинил бы расправу,
Сокол не смел бы повредить крылышко мошке,
Слон не смел наступить на спину муравью.
Хвала господу, охраняющему мир,
Гораздо больше можно было бы насчитать милостей шаха.
Лишь об одном я прошу правосудия шаха,
Чтобы он хоть немного заглянул в эту книгу.
Если он найдет, что эта басня не идет к делу,
Пусть ни тени на нее не бросит, ни света.
Если же увидит, что волна за волной в ней вздымают
жемчужины.

Пусть вознесет голову певца к зениту.
В этой записи о кладе из тайн мира
Я сокрыл ключ ко многим сокровищам.
Кто возьмет в руку золотой ключ,
Получит талисман, обладающий силой над многими кладами.
Если даже он не сумеет достать сокрытого клада,
Пусть же порадуетса он и золотому ключу.
Ты знаешь, сколько эта полупроколотая жемчужина
Скрывает в себе разных сокровищ.
Прокалывать жемчужины ради тебя — для меня радость,
Достойно тебя, чтобы я воспел тебе хвалу.
Разум, который делает небо землю,
Несомненно, осыплет похвалой эту похвалу.
Так как от царя последовал такой приказ:
Моим именем разукрась эту картину,
То я к другим речам отнесусь трезво.
Посылаю я невесту в зал пиршеств,
Которая озарит взор царского пира.
Пусть будет эта невеста рабыней царю,
Пусть будет счастлив ею герой мира.
До тех пор, пока вблизи и вдали
Будет освещать мир яркое светило,
Пусть ночной светоч его будет светильником дня.
Пусть разорван будет рот у всякого злоумышляющего на
него, как у клейма.
Пусть сгорит язык его врага, как у светоча.
Пусть Низами, словно счастье, в его портке
Ночь и день призывает на него благословения.
От дурного глаза тот не увидит ущерба,
Кто постоянно жжет на огне руту.
От чар не разрушится тот дом,
Где есть глиняный сосуд, полный руты.
Рута и судаб², охраняющие шаха —
Молитва Низами поутру³.

12. КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ВСЕГО РАССКАЗА

Приди, виночерпий, дай вина, умножающего покой,
Чтобы утром я мог испить утреннюю чару.

Если я пью утреннюю чару на берегах Каусара¹,
Это дозволено, хотя бы я делал это до самого Страшного
суда.

* * *

Мир вскармливает и добро и зло,
Много зла и добра у него на шее.
День и ночь из-за этой голубой завесы
Он извлекает много ловких игр.
Если и от меня ты увидишь чарующую сердце игру,
Считай, что происходит она все же от вращающегося
небесного свода

От колдовства этой древней завесы
Задумался я, как не играть мне мыслями?
Собираюсь я опустошить этот мир
И в таком ладу создать некие чары.
Создам я чарами картину,
Какой не сможет создать ни один кудесник.
Сперва я так повел начало рассказа,
Что скорбь вызовет мелодия саза моего.
Так много диковинного рассказал я обо всем, что видел,
Что сердце закрыло для себя дорогу верить.
Но расчетом, который удален от разума,
Я не связывал ног моим речам.
Набрал я по зернышку из всех жемчугов
И разукрасил рассказ, словно капище.
Сначала я заложил основание,
Чтобы стены этого дома были прочными.
Не обвиняй меня в забегании вперед и в отставании,
Рассказчику поневоле приходится делать это.
В рисунках этого китайского Артанга
Я поверг в смятение самого Мани².
Когда я приступил к составлению этого рассказа,
Слово неустанно шло прямо, но пути были запутаны.
Рассказов об этом царе, покорителе горизонтов,
Я не видел начертанными в одном свитке вместе.
Слова, накопленные как сокровище,
Во всех списках были разбросаны.
Из каждого списка я извлек ценное
И облек это в убранство стиха.
Кроме новейших историй [я изучал и книги]
Еврейские, христианские и пехлевийские.
Выбирая из каждой книги то, что было в ней драгоценным,

Из каждой скорлупы вынимал ее зернышко.
Язык за языком я собирал сокровища
И из всего этого построил целое.
Кто только обладает познаниями в этих языках,
Язык того будет свободен от попреков.
Когда я находил лад, соответствующий истине,
Я завывал кончик локона слова.
Но если ты хочешь, чтобы истинные слова были правильны,
Тогда не следует требовать украшения их стихом.
Если уберу я отсюда стихотворные украшения,
То в немногих бейтах все изложу.
Все подвиги царя, странствовавшего по миру,
Я доведу до конца на этом одном листе бумаги.
Искендер, который был царем, странствующим по миру,
Готовил припасы для путешествия.
Все четыре конца мира обошел он и увидел,
Что нельзя купить царства без четырех границ.
На какой бы трон он ни занесил ногу,
Он всегда соблюдал обычай Кеянидов.
Кроме обычая огнепоклонника Зардушта,
Он не упустил из рук ни одного из их обычаев.
Он был первым человеком, установившим украшение
И положившим в Руме начало чеканки золотой монеты.
По его приказу ловкий ювелир
Прикрепил к серебру золотые украшения.
Премудрые книги, написанные на старом персидском языке,
Он повелел облечь в одежду ионийского языка³.
Точно также порядка страж утром и вечером
Получил свое наименование от введенного им распределения.
Зеркалом он был, путеводителем для народа,
Из тьмы извлек он наружу драгоценный камень⁴.
Он стер в мире смуту зинджей⁵
И отнял у Дария венец и престол.
От меланхолии индийцев и от желтухи русов
Он вымыл мир начисто, как брачный покой.
Его решение было подобно китайскому зеркалу⁶,
Его местом был трон Кей-Хосрова.
Когда его жизнь перелистала двадцать лет,
Он уже ударил ремнем в барабан царства над миром.
Когда же к двадцати прибавилось еще семь,
Он сложил пожитки пророчества и ушел.
С того дня, когда он удостоился пророчества,
Начали считать эру Искендера.

Так как он поучал премудрости истинной веры,
Он побеждал на всех горизонтах, как счастье.
Много доводов собрал он в пользу чистой веры.
Много полезных зданий выстроил на лице земли.
При каждом повороте циркуля времен
Он основал много славных городов.
От Индостана и до крайних пределов Рума,
Он построил города во всех землях.
Это он разукрасил Самарканд.
Да не только Самарканд! Много ему подобных!
Он положил основание такому городу, как Герат,
Ценно создавать такие города!
Когда впервые Дербенд получил врата и запоры?
Он получил их на основании разума этого мудреца.
Больше того, и Булгар тоже его дело⁸,
Тот вал Яджуджа⁹ выстроен им,
Кто мог бы сковать таким образом гору с горой?
Кроме того выстроил он еще много других городов,
Но больше этого уже невозможно перечислить.
Когда этот чистый красавец вознамерился
Подарить земле драгоценный камень,
Он начертил в мире крестообразные линии
Еще раньше, чем появился в мире крест [христиан],
В этом четырехугольнике атласная сфера
Провела все меры геометрии.
Возвысил он четырехгранную палатку,
Которая девяти небесным сферам пять раз в день играла
музыку.
Одно основание ее у северного полюса,
Другой гвоздь ее в южной широте.
С одной стороны он протянул канат до востока,
Другой канат ее дошел до самого запада.
С такой длиной и шириной в этом мире был ли подобный
дворец у кого-нибудь другого?
Когда вознамерился он странствовать по миру,
Приготовил он канаты для измерений.
Из фарсахов и миль, переходов и стоянок
Он не забыл ни единой пяди на земле.
Были у него землемеры, высчитывающие меры,
Приставил он к этому делу сто секретарей.
Протягивали канаты, устанавливались меры,
Выяснилось расстояние различных переходов.
На суше, где бы он ни раскинул свою палатку,

От остановки до остановки он вымерял путь.
А если приходилось ему держать путь по морю,
У него наготове был способ вычислений.
Два корабля были связаны друг с другом.
Между двумя кораблями был натянут канат.
Один он оставлял на своей якорной стоянке,
Другой пускал вперед на расстояние каната.
Затем, снова этот связанный он освобождал,
А спешащему давал место в покое.
То один, то другой тянул канат,
Смотри же, какое величие так играть канатом!
Таким образом знающий стоянки землемер
Измерял расстояние от берега до берега.
Мир, который он от скорби перенес к радости,
Он такой геометрией вымерил.
Как велика земля и докуда ведут пути,
Все это точно взвесили весы его разума.
Точно также и сведения о «населенной четверти» добыты
им,¹⁰
Кто из нас сумеет дойти до этой стоянки?
Каждой стране, куда он гнал своего коня,
Он в подарок давал благоустройство.
Он умел справиться и с горами и с долинами,
Но когда пришла смерть, перед нею он оказался бессильным.
Из истории этого славного властителя
Вот что было удержано и записано мною.
Кроме этого все, что начертит калам,
Много ли, мало ли будет иметь очень легкий вес.
Когда начинается сочинение стихов,
Сбиться с пути неизбежно.
Мне приходится иметь дело с изящными оборотами речи,
И потому все мое дело состоит только из ошибок.
Все же то, что я нашел недостоверным,
От утверждения того я воздержался.
Всему этому я придал в мыслях такой оборот,
Что читателям оно станет приемлемым.
Слишком долгое кружение вокруг изысканных выражений
Заставляет повода речи повернуть к пустословию.
Однако, если ты поведешь речь без них,
Старые книги не получат новизны.
Старайся соблюдать меру в речах,
Чтобы по аналогии с другими им можно было поверить.
Если слово сверкает, как жемчужина,

То покажется оно ложью, если оно неправдоподобно.
Ложь, похожая на истину,
Лучше истины, отдаленной от убедительности.
Низами, торопись, друзья ушли,
Ты остался, а те, кто делили твое горе, ушли.
Искендер, царь семи кишверов, не остался,
Если не остался Искендер, никто не останется.
Не пей вина, лучше отыскать своих прежних друзей.
Если явятся мертвецы, сладостно да будет вино,
Если же нет, да будут забыты твои расчеты.

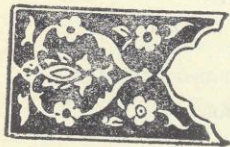

13. ОБРАЩЕНИЕ К СЛУШАТЕЛЯМ С ПРИЗЫВОМ ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ НА РАССКАЗ

Приди, виночерпий, из кувшина старого поселенца
Налей в чашу вина, подобного молоку и меду.
Не того вина, которое по религии запрещено,
А того вина, которым совершенствуется суть религии.
Иди, садовник, готовь веселый праздник,
Пришли розы, открывай двери настезь в сад.
Низами пришел в сад из своего уединения,
Украшай цветник китайской парчею.
Заставь завиться локоны фиалки,
Пробуди от сна головку пьяного нарцисса.
В уста бутона, издающие запах молока,
Вдохни благовоние из губ красной розы.
Заставь свободный кипарис широко раскинуть крылья,
Горлице дай весть, что зазеленели ветви.
Снеси тайно весточку соловью,
Что колыбель розы вновь спустилась в цветник.
С зеленой листвы смой пыль,
Ибо лазурная эмаль становится блестящей, когда ее моют.
Сердце тюльпана, в котором закипела кровь,
Заставь успокоиться, кровь прикрой землей.
Головке нестерена, покрытой белыми волосами,
Дай черноту из тени мускусной нвы.
Уста вяза омочи вином,
Вызолоти землю желтофиолями,
Снеси жасмину привет от пудина дерева,
Направь к розовому кусту проточную воду.

Погляди на свежие ростки на лугу,
Не забывай эту нежную область.
Весело сообщи про любовь подобных мне,
Снеси от нас привет всему, что цветет.
Воздух прохладен, сад чарует сердце,
От всего этого сердце друзей ощущает блаженство.
На краю сада распустились деревья,
Каждая роза горит словно светоч.
Кликни умолкнувшую птицу, скажи ей:
Начни снова порхать, как и в прошлом году,
Заставь рокотать струны ченга,
Заставь плясать это сжавшееся сердце.
Сделай колечко из локона возлюбленной
И набрось его на эту шею.
Свяжи букеты из сочных благовонных трав
И осыпь ими стан высокого кипариса.
Серебряными монетками молодой весны
Осыпь голову ручейка¹.
Вокруг наполненного водою пруда
Раскинь шелковый ковер из лилий.
Приди на это царственное пиршество
И налей в чаши царского вина.
Дай и мне, я научился пить вино,
Я выпью, в особенности, так как сгораю от жажды.
Я выпью в память друзей, ушедших на чужбину,
Из которых ни одного я не увижу на месте.
И наша жизнь тоже не много продлится,
Но тогда и в память о нас будет пить всякий.
В такое веселое и радостное время года
Я пошел в сад, под высокий кипарис.
От аромата роз и тени кипариса
Жажда веселых речей охватила соловья.
Пришла в сад девушка рвать цветы,
Ее блистающий лик был светел, как светоч.
Концы локонов свешивались до складок подола,
На лице розы, смеясь, рассыпали сахар.
Лицо словно роза, и на розе роса.
Дала она мне чашу, полную вина и молока:
«Выпей в честь повелителя мира,
Кроме этого забудь все, что у тебя есть».
Сидел я с людьми, выдавшими мир,
И вел рассказ о достойных одобрения.
После стольких красивых и остроумных слов,

Добытых мною из источника крови и мозга,
 Язык мой все еще не насытился речами,
 Если есть рука, нечего бояться меча.
 Много старых сокровищ я извлек
 И дополнил их новыми тончайшими мыслями.
 Сначала я устремил внимание на «Сокровищницу»,
 Ибо в этом деле я отнюдь не проявлял лености.
 Затем я смешал жирное и сладкое,
 Занялся Ширин с Хосровом.
 Оттуда я тоже перекочевал
 И постучал в дверь любви Лейли и Меджнуна.
 Покончив и с этим преданием,
 Я направил своего коня к семи красавицам.
 Теперь на цыновке словотворчества
 Я бью в литавры счастья Искендера.
 Веду речь о великолепии и мудрости его,
 Возвышаю его диадему и трон его.
 Много веков, прошедших ранее,
 Я теперь оживляю своей живой водою.
 Искендер направился по пути истинного смысла,
 Отправился к роднику вечной жизни,
 Должно быть, считал он, что благодаря счастью своему
 Приобретет вечную жизнь из источника жизни.
 Он искал пути к источнику жизни,
 Теперь он нашел тот источник, который искал тогда.
 Такое изречение вымолвил царь всех говорящих²,
 Что находящие те, кто ищет.
 Низами, раз ты пьешь вино с Искендером,
 Соблюдай приличие, чтобы быть достойным.
 Если ты сидишь за одним столом с Хызром на берегу
 этого источника,
 В семидесяти семи водах омой свои губы.

14. НАЧАЛО РАССКАЗА И ИЗЛОЖЕНИЕ ИСТИНЫ О РОЖДЕНИИ ИСКЕНДЕРА

Приди виночерпий, принеси эту воду жизни,
 Вручи ее тому, кто воспевает счастье Искендера,
 Чтобы до тех пор, пока счастье целует его в чело,
 Он мог раздавать ее наследникам Искендера.

Излагающий царственную книгу
 Таким образом придал свежесть стихотворной речи,
 Что среди всех венценосцев Рума
 Был один с вечно юным счастьем в этой стране,
 Славный царь, по имени Филикус,
 Приказу которого повиновались и Рум и Рус.
 В стране греков было его местопребывание,
 Жил же он именно в Македонии.
 И это был царь, вводивший много новшеств, повелитель
 горизонтов.

Он был правнуком Эйса, сына Исхака
 Он был столь справедлив, что правосудием своим
 Привязал хвост волка к ноге овцы.
 Он так сдавил горло неправосудия,
 Что Дарий начал питать зависть к этому правлению.
 Хотел он возвыситься над ним мечом и венцом,
 Послал к нему кого-то, чтобы слал он дань.
 У царя Рума было здравое мнение,
 Начал он искать примирения с Дарием, вражды не искал
 С теми, кому помогает счастье,
 Кто дерзнет вступить в пререkanie.
 Послал он ему сколько-то сокровищ и денег,
 Так что удалилась от него кара зломыслящего.
 Дарий удовлетворился этим, и царь Рума
 Охранил воск от пылавшего огня.
 Когда настало время завоеваний Искендера,
 Вращение времен приняло совсем другой оборот.
 Не оставил он ни власти, ни мира Дарию,
 Пронзил копьём твердокаменную скалу.
 Свидетельств об этом повествовании множество
 Мой слух направлен слову всякого¹.
 Так передают со слов румийских мудрецов,
 Что была некая отшельница из этой страны.
 В день, когда она забеременела, постигло ее несчастье,
 Лишилась она и родного города своего и мужа.
 Когда подошло время родить,
 Жестоко схватили ее родовые муки.
 Разрешилась она где-то в развалинах и умерла.
 Печалилась она о младенце и отдала свою жизнь.
 «Не знаю, кто вскормит тебя,
 Какой дикий зверь пожрет тебя».

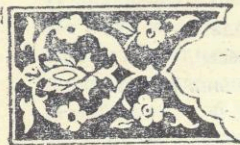
А того не знала она, как создатель
Вскормит его в своем лоне,
Какие сокровищницы подчинит его власти,
Какие удачи ниспошлет ему.
Когда умерла женщина, осталось несчастное дитя,
И тот, кто заботится о сиротах, позаботился о нем.
Так что царство мира благодаря знанию и разуму
Завоевал [младенец] от края до края.
Царь Филикус во время прогулки по степи,
Охотясь, случайно заехал к той женщине,
Увидел он на той дороге мертвую женщину,
И принавшего головой к ложу ее младенца.
Не было молока, и он сосал свой собственный палец,
Как будто от горя по матери грыз он свой палец.
Филикус приказал прислужникам поскорее
Позаботиться об умершей.
Поднял он младенца с дорожной пыли,
Изумляясь такой жестокой игре судьбы.
Повез он младенца с собой, воспитал, ласкал его,
После себя назначил его своим престолонаследником.
Но поклоняющийся огню дикан передает это иначе
И связывает происхождение младенца с Дарием.
Однако когда я принял во внимание хроники
И книгу мужа, познавшего Иаздана²,
Я увидел, что нет основания в обоих этих рассказах,
Пустые слова не могут быть верными.
Из рассказа всех стран выясняется,
Что царь этот родился от Филикуса.
Так как остальные сообщения не отличались полновесностью,
Слагатель слов³ и не положился на них.
Так говорит этот ветхий годами старец,
Излагая историю древних царей.
Что на пиру во дворце царя Филикуса
Была красавица, чистая юная невеста,
Царственной осанки, высокая станом,
Брови ее были как лук, косы, как аркан,
Подобная кипарису посреди дуга,
Косы как фиалки, ланиты, как жасмин.
Она была прекрасна, как солнце в полдень,
Ее полусонные нарциссы метали лукавые взоры.
Концы локонов вились, как черные змеи,
Дворец царя благодаря ей был напоен мускусом.
Царь так любил эту месяцеликую красавицу,

Что из его уст не раздавалось ничего, кроме речи о ней.
Как-то ночью царь страстно прижал ее к себе,
От царского финика зачала эта стройная пальма.
Ракушка таким образом получила свой плод из весенней тучи,
И явилась там царственная жемчужина.
Когда прошло девять месяцев беременности,
Жила рождения начала дрожать.
Во время разрешения царь повелел
Мудрецу наблюдать за звездами,
Дать ему знать о сокрытых тайнах,
Из этого движения дать ему покой для души.
Опытные люди взялись за инструменты
И стали искать тайну движения небосвода.
Установили для наблюдения звездные весы⁴,
Созвездие Льва было в подъеме, властелина силы,
От которого слепнут глаза врага.
Солнце посетило созвездие Овна,
Склонялось оно от знания к действию.
Меркурий вступил в созвездие Близнецов,
Луна и Венера соединились в Тельце.
Юпитер украсил собою Стрельца, а
Сатурн предавался игре в Весах.
Марс вступил в шестой дом,
Как слуга готов он был служить⁵.
О таком гороскопе, как гороскоп этого новорожденного,
Что мне сказать? Благо ему! Далека да будет от него дурной
глаз!

Так как родился он, этот славный [младенец] при таких
предзнаменованиях,

То и распустился такой сад из подобного ростка.
Когда закончили установление гороскопа,
Дали новорожденному имя — царь Искендер.
Из решений семи планет стало ясно,
Что вручит ему мир свой ключ.
Об этом счастье астролог
Дал знать, чтобы царь воздал хвалу.
Царь из любви к сыну, обладавшему победной судьбой,
Раскрыл врата сокровищницы и воссел на трон.
К радости перешел от скорби и печали,
Просителям роздал много сокровищ.
В честь успеха этого ароматного месяца
Пил вино и мускус на берегу ручья.
Когда вскормили в ласках эту ветвь кипариса,

Стал он ходить, выступая как фазан.
Из колыбельки сразу начал рваться на ристалище,
Из колыбели занес ногу на коня.
Просил у кормилицы лук и стрелу из колчана,
Мишенью ему были то бумага, то шелк.
Когда подрос он немного, начал упражняться во владении мечом,
В смелости своей вступал в бой со львами.
После этого предался усладе верховой езды,
Начал готовиться к покорению царств.

15. ОБУЧЕНИЕ ИСКЕНДЕРА

Приди, виночерпий, вина, смешанного с травами,
Дай мне, ибо вспоминается мне рай.
Быть может, от этого вина придет в порядок моя ладья¹,
Если же потону я, то стану жителем рая.

* * *

Прекрасно течет жизнь у того,
У кого не слишком волнуется базар алчности.
Есть у него средства в достаточной мере,
Трудится он, если он муж дела.
Проходит он по миру с наслаждением,
Умеряет бег своего скакуна.
Не знает он расточительности, которая потоком уносит добро.

Не знает скупости, заставляющей стеснять себя.
Все стеснения проистекают от скупости,
Но если сломаешь дверь, дом полон топлива².
Живи так, чтобы от этой жизни долгие годы
И тебе была польза и другим не было вреда.
Мудрец, передающий рассказы из книги, содержащей историю дикканов³.

Так рассказывал своим передатчикам,
Что когда царь греков, царь Филикус
Украсил царство мира, как невесту,
Возгордился он своим мудрым сыном,

Ибо благостна благородная природа.
Когда увидел, что сын его разумен,
Успокоился он, что получил подобавшего ему сына.
Нет ничего более приятного для отца,
Более подобающего, чем подобающий его сану сын.
Посадил он его обучать наукам,
Ибо камень становится драгоценным лишь тогда, когда его полируют.

Никумаджис⁴, тот самый мудрец,
Сын которого был мудрый Аристотель,
Старательно обучал его
И обучил его стольким наукам, что всего не перечислишь:
Царственным наукам, редкостным искусствам,
Которые дают силу сердцу и свет мозгу.
Всеми известными науками,
От которых размышление может достичь познания,
Он разукрасил эту чистую жемчужину,
Как звезды, украшающие небесный свод.
Дал он ему узнать все сокровенное,
Немногим учителям приходилось обучать таких детей.
Целый год острый разумом царевич
Не давал к своему слуху доступа ничему, кроме науки.
Когда он устремлялся вперед своим острым разумом,
Он находил остроумные слова.
Аристотель учился вместе с царевичем
И от всего сердца услуживал ему.
Все то, что он накапливал от отца,
Все это он передавал царевичу и учил его.
Когда мудрый учитель по проничательности своей и уму своему

Увидел, что царевич наступил на клад,
Он стал прилагать еще больше старания к обучению его,
Ибо человека радует оберегать сокровище.
Когда читал он диплом на счастье царевича,
Вписывал он в него имя своего сына.
В тот день, когда было удачное стечение светил
И когда перстень слов врезывался в печать,
Он передал царевичу сына.
И скрепил обет клятвой:
«Когда поднимешь ты главу до высокого небосвода
И погонишь скакуна из школы на ристалище,
Головы врагов заставишь скрыться под землей.
Весь мир припечатаешь твоим перстнем,

Сделаешь царственным престол под венцом.
И пошлют тебе дань из всех семи кишверов,
Завоюешь страны до самых горизонтов,
Весь мир сделаешь единым царством.
Тогда вспомни эти руки и учение,
Не поклоняйся золоту и серебру
И не отворачивайся от сына моего.
Дай ему то, на что он имеет право благодаря родству со мной.

Пользуясь его советами, взвешивай дела,
Ибо мудрый советник лучше венца и сокровищницы.
Тебе помогает счастье, ему — уменье,
Умелый — подходящий товарищ счастливому.
Где уменье находит полную оценку,
Там с помощью счастья возвышается имя властелина.
Счастье, достигающее успеха,
Возвышается благодаря совету мудрых.
Если ты хочешь возвысить трон до месяца,
Тебе поневоле придется ступить на такую лестницу». Царевич в знак обещания дал ему руку,
Дал клятву соблюдать все это.
«Когда я окончательно утвержусь на царстве,
Он будет везиром, бог мне свидетель.
Я не буду отворачиваться от его советов и обетов,
Не буду повиноваться ничьим решениям, кроме его решений». В конце концов, когда счастье оказало поддержку,
Царь сдержал свое обещание.
Когда учитель понял, что это малое дитя
Сумеет одолеть всех гордецов,
Начертил он геометрическую фигуру,
По которой можно было узнать, кто победит и кто будет побежден».

И дал ему: «По этой таблице, когда придет время действия,
Произведя расчет, вписав свое имя и имя врага,
Если «побеждающий» придется на твое имя,
Ты можешь в конце рассчитывать на победу.
Если же установится, что ты будешь побежден,
Страшись того, кто сильнее тебя». Царь взял эту таблицу у старого мудреца,
Это дело было приятно его сердцу.
Когда при случае он чертил эту фигуру, —
Он узнавал заранее о своих победах.
Так жил он, разумно и мудро,

И заставлял кипеть котлы всех наук.
Он и сам имел помыслы, устремленные к мудрости,
И о всех мудрецах постоянно заботился.
Поступал он по решениям знатоков дела
И этой осведомленностью помогал своему счастью.
Прилежал к искусствам сын его учителя,
Учившийся вместе с ним и сверстник его.
Был он изумительно ласков к царю,
И сердце царя всегда было полно ласки к нему.
Не приказывал он посадить единой птицы на вертел
Без того, чтобы не выслушать сперва мнения Аристотеля.
Не старался избегать его советов
И во всяком деле спрашивал его разрешения.
Когда циркуль небосвода над горами и долами
Повертелся некоторое время в этом кругу,
Царь Филикус отошел из этого мира
И оставил мир новому шахиншаху.
Что такое мир? Не прельщайся его чарами!
Старайся добыть освобождение из когтей его.
Это дерево с шестью сторонами и четырьмя корнями⁶,
Распявшее несколько человек на четырех гвоздях,
Один за другим листья наши с этого дерева
Сыплются, когда дует сильный ветер.
Ты не увидишь никого поселившимся в этом саду навсегда,
Каждый любит только одно мгновение.
Там каждый миг всходят новые посева,
Один уходит, другой приходит.
Хочешь ли или не хочешь, придется покинуть мир,
Зачем же упорствовать и настаивать на своей воле?
Нет на этом перекрестке такого сборища,
Где бы не было воров, вырезающих кошелек у своевольных людей.

Ты в сети мира, оттого что задолжал ему,
Уплати долг и освободишься из его сети.

* * *

Как-то раз вечером кузнец и седельных дел мастер
Потребовали своих прав у осла.
Осел с больных ног и израненной спины
Бросил перед ними подковы и седло.
Когда осел разделался со своими долгами,

Он отдохнул и порадовался своей судьбе.
Так и ты, запачкавшийся в пыли,
Отдай долг и вырвись из пыли и праха.

16. ИСКЕНДЕР САДИТСЯ НА ТРОН ОТЦА

Приди виночерпий, дай мне освободиться от себя самого,
Дай мне блистание сверкающего вина.
Вина, которое дает избавление от горести,
Дает исцеление всем угнетенным.

* * *

Пришел взвешиватель слов с весами в руках
И сломал позолоченные монеты¹.
Я этих монет не подбирал,
Ибо знал, что это позолоченное серебро.
Если палец мой займется критикой,
Не знаю я никого, кто бы мог писать [стихи].
Но так как опора моя стала прочной,
То и палец мой перестал критиковать кого бы то ни было.
Я ни на кого не смотрю со злобой,
Хотя у меня самого и много зложелателей.
Весь мой путь — это чаша яду,
Разыскивание добродетелей и покрывание пороков.
По этому пути, который я указал себе сначала,
Я до конца шел верными шагами.
Я так дубил эту кожу,
Что исчезли все изъяны и недостатки.
Прошу я у чистого творца,
Чтобы дал он мне до конца не сходить с этого пути.
Вычерчивающий достойный вычерчиванья рисунок,
Ибо рисунок обязательно должен быть вычерчен.
Рисует такую картину, что царь Рума,
Когда наложил на мир печать, как на воск,
Страна наполнилась слухами о его правосудии,
И трон и венец отца были обновлены им.
Те же обычаи, которые он видел от отца,
Соблюдал он, если решение его одобряло их.

Сохранил он в силе все прежние договоры,
Удержал на месте прежние знамена.
Продолжал платить Дарию то же золото и те же деньги,
Стойко держался старого договора.
Из подчиненных царю Филликусу царей
Никто не восстал против него,
Ибо он умел лучше, чем отец, привлекать друзей,
А меч его был острее при избииении врагов.
Стало так, что рука его при силе своей
Не находила никого, с кем бы она могла померяться.
Когда он с силой сгибал руку,
Он завязывал в узел ухо льва.
Боевой лук служил ему как лук для забавы,
При каждом повороте он умел пускать стрелу,
Во время охоты он убивал львов.
А диких ослов и оленей даже и не считал,
Отнимал у смельчаков преимущество,
Был главой мудрецов по обилию знаний.
Когда пушок провел линии по его солнцу²,
Расчертил его чистым мускусом,
Небосвод от этих вычерченных линий
Заставил черноту Абиссинии рассыпать листья³,
Вознамерился он приступить к покорению мира
И увидел, что мир бессилен в его руке.
Сердце его было полно благоразумия, рука полна силы,
При таких свойствах подобает сидеть на престоле.
В каком бы деле он ни стремился отличиться,
Небесный свод всегда помогал ему.
Весь Рум от этого юного кипариса
Украсился в радости ароматными травами.
В каждом доме создавался его портрет,
В каждый кишвер залетели рассказы о нем.
Иногда он открывал свои тайны перед собранием,
Иногда распутывал узлы звездных тайн.
На пирах пил с юношами вино,
В уединении следовал указаниям мудрецов.
Сделал он столько для людей из человеколюбия,
Что всего этого не может постычь человеческая мысль.
Никогда его решение не склонялось к тому, чтобы повредить
кому-нибудь,

Никогда он не выступал из-за черты правосудия.
Освободил он от податей купцов,
Не требовал налогов от горожан.

Сложил все подати с дихканов,
Начал одарять неимущих.
Строил полезные здания, сыпал золотом,
Вырывал все шипы и сажал розы,
В каждый угол проникало клеймо с его именем,
В Египет и Абиссинию долетел аромат из его сада.
Были раскрыты его руки, как блистающая молния,
Одна ударяла мечом, другая дарила венцы.
Для весов лучше, чтобы было два конца,
На одном месте для железа, на другом для золота.
В каждом деле, подобавшем его счастью,
Он с железом был подобен железу, с золотом подобен
золоту.

Он был так справедлив, что каждая страна
Только и говорила: «Сколь счастлива страна Рум!»
Аристотель, который был его придворным советником,
Был посвящен во все тайны царя, знал и доброе и злое.
Искендер, следуя советам мудрого везира,
В короткое время завоевал все горизонты.
Такой везир, такой властитель,
Как же не принять миру такого порядка?
Все дела царей, завоевывающих мир,
Получают успешный исход благодаря советам везиров.
Цари Махмуд и Ануширван,
Побеждавшие всех Хосроев,
Принимали советы своих везиров,
Ибо были из числа покорителей мира.
Наш царь, унижавший всех зложелателей,
Одолевал мир, благодаря советам везира.
Если и у меня и у тебя ослабеет нога,
То тело царя всегда должно оставаться здоровым.
Не дай бог, чтобы нога царя поскользнулась,
Ибо тогда помутится мозг в голове у страны.
Если злой глаз будет играть с царем,
Тогда див соединится со смутой.
Мир требует справедливости, а царь всем помогает,
Мир не может обойтись без справедливого судьи.
Да получит мир свет от господина мира,
И да будет далек дурной глаз от этого дела!

17. ЕГИПТЯНЕ ПРИНОСЯТ ИСКЕНДЕРУ ЖАЛОБУ НА НАСИЛИЯ ЗИНДЖЕЙ

Приди, виночерпий, ласкающий душу напиток
Дай мне, ибо скорбь терзает мою душу.
Когда я немного отдохну благодаря этому напитку,
Я сумею хоть сколько-нибудь свергнуть цыновку скорби.

* * *

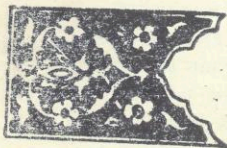
Когда утренняя заря забрезжила сквозь сумерки,
И уснула собака пастуха,
Захлопал крыльями спавший петух.
И барабанщик ударил ремнем по барабану,
Я встал после покойного сна
И приготовил свой разум к нанизыванию жемчуга.
Ищущий сокровищ и разрывающий россыпи,
Питая обманчивые надежды, терзает свою душу.
Чтобы добыть кроваво-красный лал,
Он спорит с твердокаменным сердцем скалы.
Что ты думаешь, о человек, слушающий с такой легкостью,
Что легко наполнить ухо жемчугами?
Если бы было много птиц, питающихся инжиром,
Не осталось бы ни единой инжиринки на ветке.
Вышивающий рисунки по этой парче
Такой рисунок передал художнику:
Когда поутру светоч небосвода
Заставил разгореться красоту лица мира,
Солнце захватило власть в свои руки
И, как невеста, уселось на золотом троне.
Искендер по обычаю древних царей
Устроил пир в своем дворце.
Юноши, похищающие сердца, розоволикне
Пояс к поясу [стояли] вокруг его трона,
Он то пил вино в память великого царя,
То сыпал сокровища в порыве опьянения.
Сидел он так, словно источник света,
Когда вдруг раздался вопль о правосудии с далекого пути.
Осведомитель сообщил царю,

Что кучка обиженных, ищущих правосудия,
Жалуются на притеснения перед царем Рума,
Ибо тесной стала страна для египтян:
Напало на нас столько чернокожих зинджей,
Что проход стал тесным в пустыне.
Так захватили они черноземную полосу мира,
Что тьмой покрылись и горы и долины.
Это жители пустыни, черные, как деготь,
И их больше, чем травы в степи.
Все старцы у них безбороды, по сложению похожи на детей.
Считаются тем красивее, чем они безобразней.
Нет у них чести и не знают они стыда,
Не питают ни к кому ни любви, ни нежности.
Все они людоеды, мучители людей,
Не может Египет устоять против этого нашествия.
Если придет на помощь к ним царь...
А если нет, разграблена будет вся страна.
Не останется ни Египта, ни страны франков, ни Рума,
Растают они от этой огнедышащей горы, как воск.
От таких врагов мы пришли в смятение,
А в остальном решение — царю, мы только рабы.
Справедливый царь, судия, защищающий веру,
Когда узнал, что зинджи повели войско,
Устрашился этой несметной силы.
Не годится, чтобы мудрец не знал страха,
Призвал он чуткого сердцем Аристотеля
И долго беседовал с ним об этом.
Мудрый везир, обладавший победоносным советом,
Указывал царю путь к победе:
«Выступи и испытай свое счастье,
Погуби такого дракона.
Быть может, рука царя совершит дело,
От которого опора царя станет прочней.
Египет и его окрестности покорятся тебе,
Имя твое будет прославлено твоим геройством.
Если ты заставишь врага скрыться под землей,
Друг восторжествует, а враг погибнет».
Искендер по совету указывавшего путь везира
Выступил со своими знаменами из Македонии.
Собрал он войско, от шлемов и мечей которого
Молнии играли на тучах.
От моря направился он к суше,

Руководитель показывал ему путь в Египет.
Все египтяне, воины и горожане,
Подчинились ему при добрых предзнаменованиях.
Царь приказал, чтобы от берегов реки Нила
Войско его двинулось в сторону пустыни.
На бой с зинджами устремились они,
Со сменными конями спешили в пустыню.
Витязи выступили в поле,
Туго опоясавшись для отщипления зинджам.
Когда зинджи узнали, что прибыло войско,
Потемнел в их глазах весь мир,
Два войска выстроились друг против друга,
Начисто забыто было чувство сострадания.
От подков коней, подбитых булатными гвоздями,
Разрушились от сотрясения самые основы земли.
От воплей, раздававшихся из засад,
Обрушилось небо на землю.
От тяжелой булавы воинов
Отяжелели головы у рыбы и у коровы.
От резких криков, гремевших как в день воскресения
мертвых,

Разбежались во все стороны дикие звери в пустыне.
Когда у них все было приготовлено для боя,
Див бежал от диких криков их.
В таком месте выступили они на поле битвы,
Где жара заставляла подниматься пыль от людей.
Земля была безводнее серы,
Воздух жег внутренности сильнее адского огня.
Не было там холодной воды, кроме чистого яда,
Не было теплых чувств, кроме раскаленного солнца,
Пещеры, глубокие, как логовища змей,
Там смута достигла необычайного напряжения,
Войска остановились в этом обиталище гулей².
И как гули начали бегать во все стороны,
Когда земной телец³ спрятал свой самоцвет
И из засады выскочил черный лев⁴,
Небесный Телец завладел небосводом,
Звезды засверкали, как зубы льва,
Ночь из пупка своего начала расточать мускус,
Мир снял с себя украшения света,
Вышел разведчик, знающий врага,
Страж опоясался для охраны.
Вышли блестящие звезды,

И люди погрузились в отдых от суеты.
В одном и том же месте и Рум и Занзибар,
И румийцы и зинджи оставили свои дела.

18. ИСКЕНДЕР СРАЖАЕТСЯ С ЗИНДЖАМИ

Приди, виночерпий, похожего на румийцев вина¹
Дай мне, мой нрав весел, как нрав зинджа.
Быть может этот безжалостный тигр²
Не будет для меня двухцветным³ как румийцы и зинджи.

* * *

Обманчивый путь — этот долгий путь.
Ибо свет можно видеть на седьмом своде,
На этом пути сбивается с пути ангел,
Придет один див, а уходят их десять.
Если путник на весах этого перекрестка
Взвесит два зерна, одно у него украдут.
Сначала он крадет по медным монетам,
Потом берут у него, когда наберется золотом.
Зернами отнимает он у старого дихкана,
Манами⁴ посылает в приказ к эмиру.
Пусть далеки будут от меня пожитки этих спутников,
Да будет извинение моему языку за эти речи,
От этих знакомцев, прикидывающихся чужими,
Увидишь двуличие, а искренности не ищи
У них две лазейки, как у хитрой лисы:
Одна к сладострастию, другая к алчности.
Но когда они охвачены страстью, у них, как у скорпионов,
Нет отверстия для глаз, нет отверстия для ушей.
Передающий сокрытые тайны
Так говорил по хронике дихкана:
Что когда китайский царь оседлал белого коня⁵,
А небосвод положил в огонь подкову коня вороного⁶,
Небосвод из засады заставил выскочить солнце,
А звезды побросали в печали свои кости⁷.
По миру героев, разбивающих войска,
Тянулось много отрядов, как звезды.

От навешенных на слонов зеркал и колокольцев верблюдов
был такой шум,

Что вместо жемчуга в ракушках образовалась яшма⁸.
От твердого бега, попиравшего землю,
Изломались кости в членах [земного] тельца.
Царь Рума возобновил обычай Кеев
И огласил мир военной музыкой.
Выстроил он войско по румийским правилам,
Как украшение рисунка на восковой печати.
Среди румийцев был один человек, весьма ласковый,
Красноречивый, знакомый со всеми языками,
Смелый, разговорчивый, ценивший знание,
Искусно владевший и стрелой и мечом,
Его заклинания завлекали попугаев в силки,
Это был красноречивый муж по имени Туттиануш⁹.
Сладкими словами, обманывающими людей,
Похищал он выдержку у слушателей.
Был он сотрапезником Искендера во всякое время,
Высчитывал веления солнца и месяца.
Искендер в качестве гонца
Вызвал его к себе с почетом
И приказал, ни мало не медля,
Торопиться к предводителю зинджей.
Внушить ему страх к мечу царя.
Быть может, услышит он, повернет с пути.
Чтобы указал он на языке зинджей,
Что железо, мол, бессильно перед огнем.
Розоволикий юноша, стройный, как кипарис,
Доставил это слово от румийца к зинджу:
«Обладатель венца, меча и престола
Двинул знамя силою счастья.
Счастье его юно, он резок и горд,
В минуту гнева он палит, как пламя.
Когда на рога оленя он натянёт шкуру осла,
Он пронзает голову муравья на муравьиной ноге¹⁰.
Лучше бы вам примириться с ним,
Застонать и поскорее просить извинения.
Не годится, чтобы этот огонь разгорелся полной силой,
Тогда его не загасить будет морем воды.
Надо украсить душу любовью к нему,
Не принесет благодати питать к нему вражду.
Все в мире, кто испытал его на войне и в мире,
От войны с ним видели убыток, от мира — прибыль».

Когда царь зинджей услышал эти слова,
Закорчился он, как старая змея.
Мозг его от жара закипел,
Издав он вопль, как грохочущий гром.
Повелел, чтобы Туттиануша схватили
И выбили у него душу из тела.
Схватили его эти демоноподобные чудовища,
Как кусок янтара притягивает соломинку.
Отрубили ему голову над золотой чашей,
И нежное лицо его было забрызгано кровью.
Что сделал зиндж, когда наполнилась эта чаша?
Выпил ее, как воду, и воды не выпил¹¹.
Те, кто были в пути вместе с гонцами,
Пошли к царю со слезами на глазах.
Рассказали этот прекрасный румиец,
Какое бедствие испытал от жестокого зинджа.
Царь от горя по этом кипарисе, подобном самшиту,
Разгорелся, как тростинка от огня.
Сердце его потребовало пролития крови
В отмщение за безвинно пролитую кровь.
Все румийцы сразу побледнели,
Увидев такую кровожадность со стороны зинджей.
Чернокожные от этого дела скалили зубы,
А уста румийцев потеряли надежду на смех.
Для ночи лучше не показывать зубов,
Ибо она умирает в то мгновение, когда засмеется¹².
Искендер постепенно, через один, два дня,
Оправился от гнева, палившего мысли.
Когда вечерняя звезда поднялась из горы дыма
И ночная птица запела ночную песнь,
Индиец небосвода¹³ свесил с пояса,
Для того, чтобы стеречь ночь, золотые колокольчики.
Воскликнул тогда царский советник:
«Да будет царь венценосным и да погибнет враг».
Разведчики вышли держать дозор,
Караульные — посменно сторожить лагерь.
На другой день, когда заторопился небосвод
И солнце высунуло голову из-за края горы,
Загремели литавры у ворот царя,
Весь мир потерял покой от звона колокольчиков.
Барабанщик, щекоча невыделанную кожу¹⁴,
Связал рот ночи удилами.
Застонал вой труб.

Заблыв в ладони бронзовые литавры,
Весы взвешивающих булаг¹⁵, качаясь,
Погнали из чаши в чашу потоки крови.
Острия дровиков, пробивающих кафтаны,
Выходили наружу через позвонки и пуп.
От метательных снарядов дровиков и широких копий
В куски разлетелись кольчуги и шлемы.
От рева натиска и звона мечей
Вода в черной туче стала кровью.
Когда оба войска сошлись друг с другом,
Стали выходить с каждой стороны войны,
Долго они нападали друг на друга,
Много крови пролили на ристалище.
Зиндж победил война Рума,
Как дикого осла занесший на него лапу барс.
Поражение нанесли зинджи румийцам,
И во всех концах застонала земля:
Испугались румийцы той закуски,
Того, что сделал зиндж с Туттианушем.
Налил в чашу кровь героя
И по кровожадности своей выпил ее сырой.
Когда зинджи устроили такую проделку
У румийцев не осталось более отваги.
Появлялся тогда полководец, знающий войска,
Что румийцы боятся зинджей.
Если войско страшится боя,
Оно не помышляет ни о чем, кроме бегства.
Позвал он к себе своего мудрого везира
И сообщил ему свою сокровенную тайну:
«Устрашилось это смелое войско,
Пресытилось боем, еще не вкусив меча.
Только с войском можно начать такой бой,
Что же может сделать здесь один всадник?
Оттого, что зинджи выпили кровь героя Туттиануша,
Все войско умрет со страху.
Всякий проявит в бою только страх,
И от трусов не будет никакого толка.
Если устрашилось это доблестное войско,
Принеси воды и омой руки от решимости.
А зинджи, конечно, еще осмелеют
И будут безумствовать, как яростные слоны.
Какую уловку можно надумать,
Чтобы нанести поражение этим зинджам.

Придумай совет, который мог бы помочь нам.
Мог бы освободить меня из такой беды».
Выдавший мир советник и помощник
Так повел речь, руководствуясь своим опытом:
«О царь, разум да будет твоим водителем,
Да будет твоим помощником победа, а враг да будет поражен.
Творец мира, хранящий творение,
Да охранит тебя, о царь, завоеватель мира.
Куда бы ты ни обратил лицо, в горах и долах,
Да будет тебе благо от бирюзового небосвода.
Чернокожие — это змеи, жалящие людей,
Это не люди, это скорее какие-то Ахриманы¹⁶.
Если румийцы страшатся боя с зинджамы,
Это не удивительно: одни — рыбы, другие — акулы.
Избиения людей обыкновенно очень боятся,
Так как же не бояться людоедства?
Если мы попросим мира у этих врагов с собачьими сердцами,
Нас не назовут мудрыми мудрецы.
Если мы не вступим в бой и уйдем,
Враги повергнут в прах весь мир.
Да, если бы они страшились нас,
Посредник был бы для них большим благом,
Но какой толк от посла? Они совсем не разумны.
И, если сказать правду, только убьют посла.
Надо надумать какой-нибудь исход
И хитростью устранить людоедство.
Надо схватить на дороге зинджей
И запереть в этом дворце.
Нужно, чтобы ты сидел молчаливо и грозно,
Поверг зинджей на землю.
Одному мучительно отрубил голову от тела,
Послал на кухню для приготовления кушанья.
Сказать на языке зинджей: «Вымой это
И свари, дабы мог съесть это славный царь».
Прикажи, чтобы повар втайне
Взял кусок мяса, а эту голову зарыл в землю.
Чтобы сварил он голову черного барана
И, очистив от костей, принес к царю.
Пусть царь эту недоваренную полусырую кожу
Разорвет и начнет жевать с видимой алчностью,
Пусть скажет: «Принесите также и мозги его.
Ибо никто не едал ничего нежнее этого блюда.
Если б я только знал раньше,

Что поедание зинджей пойдет мне на пользу,
Я не стал бы откармливать румийских пленников,
А ел бы только вкусных зинджей».
Когда этот людоед узнает,
Что есть людоед еще лютее, чем он,
Из страха он забудет свою пылкую ярость,
Ибо железо можно размягчить только железом.
Если нам только удастся применить такой прием,
Мы тогда разобьем этих наглецов.
Волчьей повадкой мы избавим себя от волков,
Ибо только глупостью можно поразить глупость».
Царь повелел, чтобы румийские храбрецы
Сделали набег на эту страну,
Устроили засаду на дороге зинджей
И захватили в плен несколько человек.
Смельчаки пошли, повинувшись приказу,
Захватили в плен несколько зинджей,
Привели их в царскую ставку
И передали начальнику ставки.
Повел их к царю начальник.
Затылок у них был в крови, а лица черны.
Царь в гневе, как рычащий лев,
Повергнувший на землю крупного оленя,
Повелел, чтобы одному из этой кучки
Отрубили голову, как скалу от горы.
Вручили ее повару, сказали: «Возьми,
Приготовь из нее то, что необходимо царю».
Но втайне повару было сказано другое,
Как будет налажен этот набег [на зинджей].
Остальные зинджи стояли перед царем,
Ослабев от страха при виде таких нравов и решений.
Когда царь приказал, чтобы несли стол
И разложили посреди цыновку для стола,
Принес мудрый хитрец кушанье,
Куски мяса из овечьей головы.
Царь с силой начал разрывать эту еду,
Как лев, разрывающий шкуру дикого осла.
Вволю наелся и качал головой,
Что не видал я, мол, никогда такого кушанья,
Раз зинджи так приятны на вкус,
Мне все другие жаркие уже противны
Буду я есть только окорока зинджей с вином.
Ибо жаркого вкуснее я не найду.

Так к ужасу всех чернокожих, связывающих слонов, шах
Ел это поддельное кушанье из баранины.
Напугав их такими змеиными повадками,
Выпустил он их в степь, как змей.
Пошли чернокожие к царю зинджей
И дали знать о таком великом бедствии:
Этот человек с ухватками дракона,
Это крокодил, причинивший нам ущерб,
Он так ест сырое мясо зинджа,
Как зиндж ест зернышко миндаля.
Головы попавших ему в плен зинджей
Он ест так, как едят бараньи головы.
Страх охватил сердце зинджей,
Когда из-под парчи показался войлок¹⁷
Завял их предводитель, разжигавший их пыл,
Ослабел жар бушевавшего пламени их.
Когда на другой день птица распустила крылья¹⁸
И мозг небосклона покинули мечты¹⁹,
Петух крикнул на черного духа пустыни²⁰.
Загремел грохот литавр.
Вопли труб раздались в воздухе,
Словно труба Исафила на страшном суде.
Трубы издавали такие страшные вопли,
Что Телец на небе изнемог от страха.
Так гремели барабаны из волчьей шкуры,
Что закипел мозг мира от страха.
От смятения сыпавших удары литавр
Разорвался слух небосвода от резких толчков.
Сердце смельчаков среди этой суеты
Испускало волю из тюркской флейты.
Землетрясение в мозг
Вонзало огненную плеть, как у свечи.
Пронзающие сталь стрелы проходили насквозь
Через тело витязей, одолеваящих львов.
Так сверкали лезвия мечей,
Как звезды ночью через черную тучу.
Опять двинулись оба войска,
Иначе выстроились в ряды.
Две тучи загремели с двух сторон,
Два пламенные моря закипели.
Смешались вместе войска румийцев и зинджей,
Белые и черные, как двуцветный кабан.
Копыта ветроногих коней, подбитые булатными подковами,

От крови героев делали землю похожей на лал.
Звон ломающих руку луков
Отнимал сознание у многих людей.
Сверканье мечей, блестящих как зеркала,
Было ярче, чем источник солнца.
Румийское войско шло с поднятыми знаменами,
Луками владело над землей, арканами захватывало небо.
В центре его был Искендер, сын Филликуса,
Фланги были разукрашены, как невеста.
Перед войском шел зиндж, черный как деготь,
Выстраивал фланги, подобные горе Бисутун.
С одной стороны стояли ряды огромных слонов,
Словно цепь гор вокруг горного склона,
Их веки были, как стрелы, глаза, как яхонты,
От хобота до хвоста они утопали в железе.
На каждом из них был иной трон слоновой кости.
На троне зиндж в тиаре из мускуса.
Если только он прикрикивал на непокорного слона,
Поджигал он все, хотя бы его заставили войти в огонь.
От множества слонов, выходивших на бой,
Земля под ногами их принимала синюю окраску.
Пехота двигалась вокруг высокого слона
И в каждом углу готовила сотню уз для слонов.
Когда все было приготовлено к бою,
И мысли были очищены от ласки,
Черный насильник по имени Зераче
Двинулся из лагеря зинджей.
Шел он, как слон, с костяной рогатиной в руках,
Которой он мог сломать кости слону.
Это была черная змея, отличавшаяся волчьей хитростью,
Голова его вспухла от заносчивости.
Рот у него был огромный и черный, как котел,
От вида его белели глаза у смотрившего.
Он походил на кувшин, сделанный из твердого черного
камня,

Словно лили на него кувшинами черную краску.
Грудь и шея его были словно из твердого булата,
А о теле его лучше и не спрашивай!
Видал ли ты высокое знамя с черной бахромой на верхушке?
Рост его ни на волос не отличался от такого знамени.
Если только прибавить к нему опрокинутый котел,
Да два котла крови — его два глаза.
Он много расхваливал себя на языке зинджей,

«Жгу я сильнее, чем огонь под дымом.
Зераче — я слон, грызущий булат,
Выливающий огромные чары на слоновьих спинах.
Когда сделаю я себе кубок для вина из слоновой ноги,
Я ударом булавы раздроблю слона.
Когда в бою извлекаю я острый меч,
Одним натиском измельчу я гору.
Пусть лев повстречается мне, пусть тигр,
На него я поток [ударов], как проливающая дождь туча.
Моя ярость побивает коня у Нила²¹,
Лицо мое делает слона пешкой.
Оружие растет из моего тела, как у яростного льва,
Но есть у меня и другое оружие из булата.
Как алмаз и булат жилы моего тела,
Зачем мне алмаз и булат?
Если я гордо закину голову,
Я не страшусь ни воды, ни огня.
Я разрываю бока героев мечом.
Я безжалостно пожираю почки смельчаков.
В избитии людей я подобен змею,
Я не только убиваю их, я даже их пожираю.
Я не стыжусь никого в мире,
Вражды во мне много, а мягкости нет.
Мягкость борца делает вялым,
Он тогда слобно осел под седлом.
Когда зиндж, подобный мне, смеется,
Черный лев показывает алмазные зубы».
Сказал он это и наморщил брови,
Как змея, которая вьется из алчности к кладу²².
Из румийцев могучий и ловкий всадник
Первым ринулся на это пламя.
Похвалялся, что угасит этот огонь,
Как бабочка, у которой закипела кровь.
Направился к нему опытный воин зиндж
И одним ударом снес ему с плеч голову.
Другой мститель вышел на бой,
Но и его ногу судьба толкнула на камень.
Так шло, пока семьдесят человек
Румийцев не погибло в бою от меча.
Больше уже никто не решался
Вступить в бой с этим адским стражем.
Сердце дрогнуло у румийских воинов, испугались они,
Как воск бонятся раскаленного горна.

Так как этот демон побеждал всех воинов,
Никто уже более не выходил на бой с ним.
Царь витязей, царь, высящийся до небес,
Вышел из кольца свиты.
Стал он готовиться на бой с зинджем,
Стал готовить копье для убийства зинджа.
Опоясался он поясом, изукрашенным самоцветными камнями.
Одел на голову индийский булат,
На тело кольчугу небесного цвета,
Кольцо в кольцо, как негритянское руно,
Взял он йеменский меч лучшего закала,
Подвески опустил с плеча.
Взял аркан, подобный брови тамгачских красавцев,
Изгибавшийся углом, как лукоподобные брови чачцев²³.
Набросил чепрак на спину гнедому коню
И вскочил в седло сильный, как слон, царь.
Вручил счастьем повода скакуна
И вступил в бой с этим силачом.
Как орел налетает на куропатку,
Как солнечный свет слетает на землю,
Так, и еще быстрее, слонотелый царь
Бурно ринулся на того Ахримана.
Крикнул царь на него: «Эй, ты, старая ворона,
Молодой орел летит, успокойся,
Если ты не свернешь с дороги поводный,
Я сделаю для тебя мир черным, как твое лицо.
Твое черное лицо показывает, что от острого меча
Ты хочешь бежать с поля битвы.
Не убегай, кровью я выкрашу твое лицо в красный цвет,
Скручу тебя круче, чем твои волосы.
Ржавчина нападает на блестящий, словно зеркало, меч,
Я же — зеркало, от которого падет зиндж²⁴.
Бронза излечивает бельмо у больного глазами,
Мой меч уносит красную окраску из желтого лица.
Чего хвастаешься, что ты, мол, див, пожирающий людей?
Съешь-ка меня! Я страшнее дива в образе человеческого!
Ты не знаешь, что такое бой тяжким мечом,
Я научу тебя этому рукой счастья.
Если двинешься с места, следи за собой,
Иначе я положу твою голову тебе к ногам.
Я — тот полководец румийцев, мудрый, как араб,
Который избивает зинджей, как утренняя заря убивает ночь:
Если я ударю индийским [мечом] огромного слона,

Вожак слона опустит халат в котел с индиго²⁵.
Если я вдену в ухо скалы железное кольцо,
Вденет в ухо кольцо вождь зинджей²⁶.
Сказал он это и привстал на стременах,
Протянул руку, натянул поводя,
Набросился на зинджа, как разъяренный слон,
Держа в руках булаву с львиной головой.
С такой силой он ударил врага по голове булавой,
Что тот что телом похож был на гору Альбурз задрожал.
Одним ударом этой твердой булатной булавы
Он отнял жизнь у этого черного дерева.
Голову и шею, и грудь, и ноги, и руки,
От головы до пят, разбил на медкие куски.
Когда дело Зераче удалилось от покоя,
Показалось новое бедствие.
Чернокожий ростом с высокую пальму,
При виде которого пугался взор садовников,
Ринулся на царя, как яростный змей
И посыпал на него удары, как пламя.
Но меч не мог пробить царской кольчуги
И зиндж взревел, как черная туча.
Румийский властелин, увидев эту черную змею,
Вытащил из ножен черного крокодила²⁷,
Такой удар нанес этой пальме,
Как молодой лев старому оленю.
Слетела голова с высокой пальмы,
Словно падающий с финиковой пальмы зиндж.
Другой зиндж вышел на поле битвы
И начал горланить пустую похвальбу:
«Вышла черная туча из-за горы зинджей.
Дождит она только драконами и крокодилами.
Я — Сияхкуле с крепкой рукой.
Я по весу равен тяжелой горе.
Срубаю я слону голову,
Одним глотком выпиваю источник Нила.
Если я кому-нибудь наносу удар железом,
Я многих заставляю покрасить платье в синий цвет».
Когда покоритель мира увидел, что этот пустослов
Заставляет распространять аромат мускуса кровь в всем
лупке,

Ударил он зинджа мечом по шее,
Посреди этой болтовни снес ему голову.
Еще страшнее чернокожий силач
Погнал коня на бой с царем.

Так ударил его царь ржавым мечом²⁸,
Что зиндж покружился и рухнул в пыль.
Еще чернокожий оседлал гнедого,
Но тоже закрыл глаза от его удара.
После этого до самой ночи ни у кого из героев зинджей
Уже не было желанья вступать в бой.
Повелитель мира был увенчан победой
И к вечеру вернулся назад в лагерь.
Когда яркая, как цвет граната, одежда солища
Получила синюю окраску из кувшина с синей краской моря,
Страж этого знамени с изображением дракона
Рассыпал золото по фиалковой парче²⁹,
Воины в лагере установили караулы
И глядели зорче звездочетов.
Не упустили из глаз несения караула,
Несли дозорную службу, как полагаются.
Поутру, когда с добрым предзнаменованием
Взошла красная роза на синем куполе,
Искендер вышел из опочивальни
И стал собирать войско на бой с врагом.
Погнал он покорного поводам коня,
Заставил эту воду разбушеваться, как пламя.
Сам он твердо стал в центре,
А каждому из героев вверил фланги.
Справа и слева воздвиг укрепления из железа,
Стал твердо, как путившая корни гора.
Войско зинджей и конница абиссинцев
На всех углах извлекали мечи.
Абиссинцы справа, берберы слева.
В центре подобные дивам зинджи.
Когда царский музыкант забил в литавры битвы,
Звонарь зинджей тоже затряс свой колокол.
Зарычала черная туча,
И жар мечей от рыбы долетел до луны³⁰.
Такой рев раздавался от обоих войск,
Что от ужаса мутились мозги дивов.
Пыль душила воинов,
От бескровия желтым становилось тело.
От тяжких палиц и острых мечей
Посредник высккивал путь к бегству,
От грохота бронзовых чаш литавр
Страх напал на вращающийся небесный свод.

От оглушающих трубных звуков
Земля выбросила из себя горы, словно мозг.
От бронзовой крепости литавры, гремящей как гром.
Пришли в смятение даже бронзовые крепости.
От звука флейт, далеко разносившегося,
Можно было подумать, что звучит труба Исрафила.
Оттого, что так много ударяли по земле булавами и
мечами,

Из каждой пещеры поднялась пыль тучей.
От клюва окрыленных булатом стрел
Сворачивалась кровь в сердце у твердокаменных скал.
Лук, похожий на крутые брови и стрелы-ресницы,
Из грудей кольчуги извлекал молоко³¹.
Свернутый кольцами в круг аркан
Только и делал, что хватал новую шею.
Как ловкий индус фокусник
Индийский меч ходил колесом.
Удары копий сыпались так размеренно,
Что кони в поводах начали танцевать.
От острых дротиков, коловших, как жало пчелы,
Было изранено лицо железа и камня.
Земля казалась сплошной раной от крови изрубленных
воннов,

Воздух сгустился от стонов израненных.
Центр царского войска стоял в бою
Словно гора из лазурного камня.
Ударяющий мечом отважный воин зиндж
Поднимал крик, звеневший как зинджский колокол,
Сердце его было полно смятения, он прикладывал ко рту
ладони

И раскрывал рот, широкий как спина черепахи.
Когда установились центры обоих войск,
С обеих сторон выехали всадники,
Показали великое мужество,
Показали и хитрость и безумие.
Зиндж погубил румийца.
Ибо тот был нежным, а этот устрашающим.
Призадумался царь, глядя на свое нежное войско,
Ибо от изнеженных не добьешься стойкости в бою,
Молвил про себя: «Лучше мне будет показать львиное
мужество.

Проявить смелость среди этих трусов.
Если войско ослабело в этой стычке.

Надо мне самому повести этот бой».
Еще раз он устремился вперед, как солнце,
Которое торопится пролить кровь ночи,
Несколько человек из этих могучих чернокожих
Он убил одним ударом меча, как собак.
Враги, увидев, как он начал бой,
Сразу стали сторониться его булата.
Остался предводитель румийцев без противника
И погнал своего коня в сторону войска зинджей.
Пеленгер, предводитель зинджей,
Когда понял, что из моря вышел крокодил,
Сказал своим друзьям: «Эта глупая дичь
Разве сумеет спасти жизнь, если сама идет в силок».
Приготовил он подобающее царю оружие,
Надел поверх панцыря меч,
Надел кафтан из носороговой шкуры,
Изукрашенный золотом от рукавов до самого тела,
Булатный шлем, подобный зеркалу,
Надел на голову, словно слиток серебра.
Меч, блестящий словно глаз дикого осла,
Булат у которого был словно муравьиная нога,
Извлек и устремился на того свирепого льва,
Однако не следует быть слишком смелым со львами.
Заревел он: «Эй, пытающийся гоняться за львами
Идет соперник на бой с тобой, не двигайся с места.
Не уходи, мы сразимся, как витязи,
На этом ристалище будем биться, как львы.
Посмотрим, кому из нас достанется величие,
Кому в этом деле достанется победа».
От похвальбы грубого зинджа
Закипела кровь в царском сердце.
Когда зложелатель проявляет свою ненависть,
У противника его закипает кровь.
Искендер сказал ему: «Не похваляйся понапрасну,
Не хвастайся попусту перед мужами,
Не похваляйся своим мужеством,
Страшись своей собственной тени.
Если ты лев, страшись тех, кто губит львов,
Не дерзай против того, кто губит дерзающих.
Если ты даже не можешь сдвинуть с места противника.
Стоит ли упорствовать в бою с ним?
Тогда протягивай руку в сторону льва,
Когда набьешь руку в искусстве истребления их.

Ты рвешься вперед на свою собственную гибель,
Ты воробей, а прикидываешься соколом.
Идем, встретимся на ристалище, прекрасно,
Посмотрим, кто из нас умеет переносить страдания.
Не похваляйся тем, что можешь низвергнуть противника,
Будешь взят в плен, если станешь хвастаться». Разъярился зиндж от царских речей,
Двинулся вперед, как черная туча.
Ударил царя мечом по шелому,
Но разве молния принесет вред туче?
Разгневался царь на эту мерзкую рожу,
Как мечи поднялись все волоски на его теле.
Яростно нанес он Пеленгеру удар мечом,
Но меч не мог повредить его кольчуге.
Долго они нападали друг на друга,
Но не могли нанести ни одного вредоносного удара.
Так бились они, пока не подошла ночь,
И все удачного удара так и не было,
Когда зиндж устал сражаться с царем,
Он сказал ему: «Солнце садится за горы,
Пришла ночь, надо кончать бой,
Надо сговориться сойтись завтра на условленном месте.
Когда злодейка-ночь будет схвачена приставом [утром]
И поднимется пламя из вращающегося дыма,
Ты увидишь от меня такие дела в этом бою,
Что от страха заползешь в змеиную норку.
Условимся, когда солнце двинет войска,
Я увижу тебя поутру вместе с восходом солнца».
Сказал это и повернул с ристалища;
Царь тоже был согласен на это предложение.
Порешили они сделать отсрочку на ночь
И направились с ристалища в свои опочивальни.
Когда на другой день источник солнца
Заставил подняться пламя из океана вод,
Два войска выстроились в ряды,
Словно шахматы из слоновой кости и черного дерева.
Румийские фазаны и вороны-зинджи
Смешались в два цвета, как перья на груди у сокола.
Чернокожие — словно ночь, румийцы, как светоч,
Более или менее как ворон и глаз ворона.
Поднялось облако ржавого цвета,
Пролило из глаз моря крови.
В этом море, от пят поднимавшем волны до самой головы,

Один не мог утолить жажды, другой тонул.
Царь мира собрался в бой,
Направил на своего зложелателя дурной глаз.
Разукрасил он базар битвы,
Пустил пыль выше проточной воды³²,
Надел шелковую рубашку, расшитую глазками³³,
И позабыл о мече и стрелах.
Надел кольчугу, блестящую, обладающую множеством колец,
Которая слепила глаза, как сверкающий ручей.
Взял острое копье, длиною в тридцать аришей³⁴,
Вскормленное кровью сердца.
Повесил индийский меч, блестящий, как вода,
Яснее источника солнца.
На голове у него был шелом китайского булата,
Блеску которого завидовали драгоценные камни.
Подвесил отравленный дротик,
Удар которого был горше змеиного яда.
Сел на коня, подобного горе,
Царственного на вид и быстроходного.
Двинул он коня на условленное место,
Ожидая, когда покажется на дороге враг.
Но Пеленгер не шел, он увял,
Глубоко завяз якорь его опасений.
Другого зинджа, похожего на опьяненного ифрита,
Послал он раздобыть эту жемчужину.
Но первый же удар дротика, доставшийся ему от царя,
Сразу перерезал зинджу жизненную артерию.
Другой див вышел, словно кусок горы,
При виде которого туманился взор зрителей.
То же самое постигло и этого неуча.
И, так, несколькими поцарапал прах голову.
Еще чернее зиндж, похожий на дива,
Выехал, извиваясь, как свившаяся змея,
В него тоже царь быстро пустил дротик
И его тоже уничтожил одним ударом.
Другой чернокожий, еще могучее,
Вышел на поле боя, более кровожадный, чем лев.
Выпил он напиток предшествовавшего товарища,
И время совершило с ним то же самое дело.
Никто уже более не выходил смело на ристалище,
Ибо напуганы были они этим свирепым львом.
Погнал царь коня к коннице зинджей,
Начал вызывать на бой зложелателя своего.

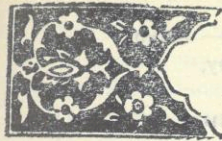
Когда Пеленгер увидел такую победоносность,
Члены его разломались от неполученных еще им ударов.
Хотел ли он или нет, он погнал коня,
Волей-неволей выехал на ристалище.
Погнал он торопливо коня к царю,
А судьба наказала его сотней унижений.
Много ударов наносил он со страшной силой,
Но не причиняли они вреда господину счастья.
Сильный, как лев, царь на этого слоноподобного
Ринулся, как лев, на свою добычу, дикого осла.
Сначала помянул он защитника,
Потом всю волю устремил на достижение цели.
Копье пустил он против зинджа,
Ибо круг циркуля уже замкнул точку³⁵.
Погнал на него коня поспешно
И рассмеялся, как гром, над этой черной тучей.
Так ударил его копьем с девятью узлами,
Что проткнул и тело его и кольчугу.
От одного дуновенья ветра разбилась ладья врага,
Упал якорь, Пеленгер умер.
Царь, не сходя с коня, приказал,
Чтобы все войско сразу двинулось вперед.
С двух сторон двинулись войска,
Смешался день с ночью
От страха перед лязгом оружия
Бойцам показалось, что под кольчугой у них не шелк,
а саван.

Звон блистающих мечей
Заставлял скрыться в туче щиты.
От палящего солнца латы
Раскалились словно огненная печь.
Голова кружилась от острого воспаления,
Черный ворон стал добычей белого сокола.
Дом был очищен от утвари разума.
И мир старался бежать от света.
Так много убитых чернокожих лежало на дороге,
Что почернело лицо земли перед небом.
Разгорелся агат от яшмы,
И яшма сгорела в этом огне.
Яшма оказалась малоценной, а самоцветный камень дорогим:
Такой уж обычай у ювелиров.
Мускусная ива попала в плен к белому жасмину,
Смятение охватило помыслы,

Смелые вожак подстрекали войска,
И дикий осел нашел смелость сразиться со львом.
Один кричал: Ну-ну! Другой: Скорей!
Рев поднялся во всем мире.
Когда бой двух войск разгорелся до крайних пределов,
Судьба свернула грамоту одного из них.
Могучему войску стала водительницей победа,
Слабый запросил пощады.
В этом натиске румийское войско
Повсюду опоясалось на избиение зинджей.
Искендер прокладывал дорогу мечом
И на базаре зинджей наступило полное оскудение.
Когда зинджи запели на печальный лад,
В победном ладу зазвенела песня румийцев,
Вершина царского знамени поднялась до луны,
Дорога была очищена от толкотни зинджей.
Из тучи пролился дождь милосердия
И смысл с меча ржавчину зинджей.
Царь стоял под золотым знаменем,
Облаченный в фиалковый плащ из тонкого шелка.
Со всех сторон гнали зинджей, словно крокодилов,
На шею ярмо или узды.
Кого из них приводили под знамена,
Тому по приказу царя сносили голову.
В этой долине не осталось ни единого зинджа,
А если и осталось, то только падаля для коршунов.
Воины, справлявшиеся со слонами,
Как гусеницы, попались муравьям.
Носильщик, таскающий вьюки людей,
Таскает то сапожную кожу, то шелк.
Когда уделом врага стал позор,
Абиссинцы выступили вперед, моля о пощаде.
Шах тех дикарей, которые происходили из Абиссинии,
Приказал не казнить во время этого избиения,
Простил их ради тяжкого их положения,
Дал им пощаду от своего меча
Приказал наложить на них клеймо.
И по этой причине для абиссинцев всегда клеймо на огне,
Озарил он их этим горячим клеймом,
Ибо светоч сверкает только, когда горит в нем огонь.
Столько добычи собрали для царя,
Что не помещалась вся она в лагере.
Царь увидел все эти драгоценные товары,

Целую степь, полную сокровищ, словно море:
Кроме чаш с жемчугами и золотых булав,
Целые выюки драгоценных камней и амбары алоэ;
И чистым золотом, и рубинами, и жемчугами
Наполнил он много мешков.
От камфоры, чистой, как серебро, в смятении была степь,
Из серебра, белого, как камфора, стояли сотни гор.
Все огромные слоны были навьючены сокровищами,
Так же и арабские кони, прекрасные как павлины.
Много пленников, зинджей и берберов,
Превосходивших красою и месяц и Юпитер,
Чепраки, изукрашенные драгоценными камнями,
Изготовленные из яркой кожи жирафы.
Вся степь была наполнена богатством,
Была украшена сокровищницей жемчугов.
Добившись победы над зинджами и получив в дань
сокровища,

Царь отдохнул от волнений и трудов.
Посмотрел в назидание на всех убитых,
Наружно посмеялся, а в душе заплакал.
— Столько народу в этом бою
Зачем было избивать мечом и стрелами?
Если я буду считать, что грех на их стороне, это не годится,
Если найду неправым себя, тоже будет неверно.
У небесного свода привычка — сносить головы,
Не следует заноситься перед приговором судьбы.
Словно дым от лазурной завесы,
Ты не уклоняй голову от лазурного небосвода.
Небеса подобны лазуревому шелку,
И ткнут они только синюю одежду.
Не пой песен в этом фальшивом ладу,
Не ищи воды в этом солончаке.
Кто знает, весь этот прах
Замешан кровью чьих сердец?
Повсюду путь, если только не слеп зритель,
Это оленья кожа и шкуры диких ослов.

19. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИСКЕНДЕРА ПОСЛЕ ВОЙНЫ С ЗИНДЖАМИ

Приди, о виночерпий, опьяни меня вином,
Когда будешь подавать вино, дай и закуску.
Дай мне вина, которым я смог бы порадовать сердце
И защититься от адского пламени.

* * *

Да понесет плоды то царственное дерево,
Под сенью которого можно укрыться.
Оно то украшает стол плодами,
То тенью своей дает душевный покой.
Такая весна¹, достигнув созревания плодов,
Да не лишится и впредь своего блеска.
Если молодое плодовое дерево начало приносить плоды,
Можно ли его затем предавать топору?
Зима ушла, пришла весна,
Зелень показала на берегах ручьев.
Снова зеленым стал сухой прах,
Фиалка смешала амбру с мускусом.
Сонный нарцисс, собираясь купить амбры,
Словно влажная камфора высунул головку из-под земли.
Я раскрыл запоры сокровищницы
И высоко поднял знамя в степи.
Таинственный вестник в зеленых одеждах,
Которого поэты называют Суруш²,
Тихим голосом сказал: «Вставай,
Сообщи то, что есть в твоём рассыпающем жемчуг мозгу».
Когда румиец так отомстил зинджу,
Куда же повел Искендер оседланного коня?
Передающие древние предания
Так излагают свои стихи:
Когда счастье соединилось с царем,
Он засмеялся, как цветок граната, распустился, как роза.
Раскрыл врата сокровищницы тем, кто хотел сокровищ,
Войско разбогатело от сокровищ и драгоценных камней.
Отдохнул он неделю на месте боя,

Окрашивая лицо рубиновым вином.
Когда водовоз — дождь и постельничий — ветер
Полили дорогу водой и подмели ее поутру,
Была убрана пыль с его пути.
Ибо дорога приятнее, когда нет на ней пыли,
Когда не было больше пыли на дороге, шах пустился в путь,
Сел на коня царь, осеняющий мир.
Задули в золотые флейты, закричали: «Собирайтесь».
Царскую палатку взвалили на спины вьючных животных³.
От моря Франков и до реки Нила
Все взволновалось от грохота барабанов, бивших сбор.
Повсюду звенели верблюжьи колокольца,
Пустым звоном наполняя мозги.
Рот бубенцов золотым звоном
Оглушал уши бряцанием.
Отрядами идут войска со всех сторон,
Столько, что никто бы не смог сосчитать их.
Правитель мира среди своих телохранителей
Гарцевал на своей танцующей куропатке.
Некоторое время шли они по той стороне
И от пустыни пришли в долину.
Так много развевалось красных и желтых значков,
Что лазурный небосвод стал походить на разукрашенный павильон.

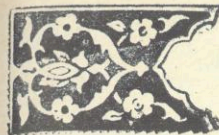
В степи захваченная добыча выслась горам,
Кони измучились возить драгоценные камни.
Так много богатств было навьючено на спинах у слонов,
Что в ста местах пришлось построить мосты через реку Нил.
С таким великолепием победоносный царь,
Вознеся свою главу до высокого небосвода,
Прибыл в Миср⁴, обласкал египтян
И по своему обычаю устроил дела этой страны.
Из Египта он двинулся на берег моря,
Отдохнув там сначала некоторое время.
На каждой стоянке, где он поднимал свои значки,
Тотчас же появлялись разные здания.
Расходуя сокровища и давая приказы в этой стране,
Он воздвиг много зданий по румийскому обычаю.
Старался он заселить весь пройденный путь
И сыпал на этот песок сокровища, словно песок.
Первую постройку на берегу моря
Основал он город, словно веселая весна,
Населенностью и блеском подобный рая.

Были там базары, были и посевы.
Так как Искендером был отстроен этот город,
То и дали ему поэтому имя Искендерие⁵.
Когда он закончил это дивное создакче,
Похожее на столицу Египта и на Багдад,
Укрепилось у него намерение ехать к грекам,
Потому что человек стремится вернуться туда, откуда
вначале ушел.
Переправился он через море и прибыл в Рум,
Мир под перстнем его был мягок словно воск.
С этим воском, если только было у него желание,
Делал он все, что хотел.
Вельможи Рума воспевали хвалу ему,
Осыпали жемчугами эту жемчужину.
Все города греков были украшены,
Ибо видели они от него то, что хотели.
Сажали музыкантов, рассыпали подаяния,
Дождавшись такой радостной игры,
Разбивающий противников, победоносный царь
Взошел на престол при счастливых предзнаменованиях.
Судьба его дарила ему победу, он достигал осуществления
своих желаний,

И поэтому он наполнил время новыми радостями.
Много подарков из отнятой у зинджей добычи
Разослал он во все стороны без веса и счета.
Из посланных ему судьбою сокровищ
Послал он долю каждому казнохранилищу.
Когда дошел черед до доли Дария,
Навьюченные золотом верблюды протянулись до Бухары.
Выбрал он человека ученого и умного,
Который должен был по обычаю выполнить это поручение.
Выбрал из добычи много диковин,
Таких, какие не всякий увидит.
Там были редкостнейшие драгоценности.
Кони, самоцветные камни, парча, благовония,
Кроме золотых блюд чистого золота,
Амбра сундуками, мускус харварами⁶,
Целые горы чистого серебра,
Целые дома неподдельной камфоры,
Узловатого алоэ были навьючены огромные тюки.
И каждый тюк весил сто манов.
Много мечей, изукрашенных инкрустацией и драгоценными
камнями,

Подстилки из яркой кожи жирафы,
Проворные девушки, ловкие юноши,
Здоровые и пригодные для службы.
Затем троны слоновой кости, украшенные драгоценными
камнями,

Осыпанные жемчугами, с цепями и венцами⁷.
Пленники с цепями на руках и ногах,
В вышину и ширину словно разъяренные слоны,
Целый ряд верблюдов, навьюченных отрубленными ушами,
Тюки набитых соломой голов,
Боевых слонов сто огромных самцов,
Во время боя бушевавших, как река Нил.
Такие изысканные драгоценности
Отправил он вместе с гонцом.
Когда пришел посланный, отмерив долгий путь,
И передал Дарию ценные сокровища,
Дарий испугался таких даров,
И зависть нашла дорогу к его сердцу.
Принял он несметные сокровища,
Но за дары даже не поблагодарил.
Изготовил неуместный ответ
И открыл врата сокрытой вражды.
Посланец такой неуместный ответ
Не укрыв от разума Искендера.
Искендер был оскорблен поступком Дария,
Но все же сокрыл свою обиду.
Судьба его была победоносна, он сознавал свой сан
И потому не питал злобы к зложелателям своим.
Со всех сторон летело известие,
Какую игру румийцы показали зинджам.
Изо всех стран торопились гонцы
И поздравляли Искендера с этой удачей.
Дверь упрека была закрыта для румийцев,
Все румийцы были избавлены от забот.
Когда судьба ласкает слабого,
Она играет со страшным змеем, как с муравьем.
В этой мельнице ты увидишь много зерна,
По очереди сыплют его туда все люди.

20. ИСКЕНДЕР ОБДУМЫВАЕТ,
КАКОЙ СИЛОЙ ОБЛАДАЕТ ДАРИЙ
И ПОЛУЧАЕТ ПРЕДСКАЗАНИЕ ПОБЕДЫ

Приди, виночерпий, вина, вызывающего веселье,
Дай мне; вино — это лекарство мужей,
Вина, которое будет сладостно для всякого опечаленного,
Которое не видело огня, кроме жара солнца.

* * *

Я вижу, что мир полон желаниями ищущих,
Один стремится к морю, другой к жемчужине,
Но не вижу я никого в наши дни,
Кто стремился бы к учителю.
Для такого соловья, как я, неизбежно
Избегать этих людей, избегающих назидания.
Занимаясь мелодией этой песни,
Я избавлюсь от необходимости заниматься морем и рекой.
Когда я по временам выглядываю из угла своего сада,
Держа в руках апельсин¹, блестящий, как светоч,
Я не вижу никого, ни трезвого, ни опьяненного,
Кому я мог бы дать в руки этот апельсин.
Тогда я снова от этих друзей
Бегу в уголок этого сада.
Созерцаю чарующий сердце сад
И улаждаю его видами свой разум.

* * *

Работающий в мастерской слова
Так говорит по рассказам древних мобедов²,
Что царь Рума, когда от войны с зинджам
Отдохнул и добился своей цели,
Он вкушал свою сладость покойного сна.
Брал в руки чару несмешанного с водою вина,
В день нового года сидел он, пил вино
И прислушивался к напевам певцов.
До самого сна не удалялись от царя
Певец и кравчий, музыка и вино.

Единственным делом его было осуществлять свои желания,
Никто не знал лучшей жизни.
Царь мира, победоносный завоеватель, сидел
И в радости проводил ночь до утра.
Вокруг него знаменитейшие философы,
Давал он миру в удел правосудие и справедливость.
Аристотель за чашей, Платон за кубком.
Лили они чистое вино на несогретую [вином] кровь,
Под звуки музыки пел певец
Новые напевы в честь молодого царя:
— О ты, защищающий мир, пусть вечно юной будет твоя
судьба,

Будь всегда неразлучен с венцом и престолом.
Заложь чашу за вечную жизнь,
Пей чистое вино.
Услаждайся пурпурным вином,
Веселись и воздай долг юности.
Раз есть у тебя молодость, есть и счастье,
Надо сидеть в весельи за вином.
Раз ты закончил дела меча,
Украшь свое собрание попойкой.
Возьми мир под тень своего венца и престола,
Мир примет это от тебя с радостью.
Ты взял черного, возьми же и белого³,
Такая пестрота⁴ для тебя необходима.
Водрузи знамя на небосводе, ибо мир принадлежит тебе.
Берись за владычество, ибо и оно принадлежит тебе!
От поддержки египтян и дани зинджей
Лицо царя начало светиться весельем и радостью.
Ему показалось делом легким покорять врага
И он начал помышлять о дани с Хорасана.
В Руме и в Сирии по весу
Он не мог найти никого равного себе.
Не дал он Дарию того, что [обыкновенно] давал раньше,
Да и то, что давал, потребовал назад.
Так как в нем была сила юности,
У него явилось желание покорять страны.
Перестал он служить иранцам
И туго подпоясался на завоевание Ирана.
Дерево, высоко подымающее свою купу,
Приносит вред другим деревьям.
Как-то раз, в хороший день, выехал царь на охоту,
Он был хорошо настроен и погода была хороша.

Истребляя дичь, проезжал по степям,
Охотился и в горах, и в долах.
Шествовал подобно небосводу, глава его была полна
величия,

То по горам, то по долинам.
Случайно пришлось ему проезжать по гористой местности,
Где было много разнообразной дичи.
Увидел он двух прекрасных куропаток на камне,
Сцепившихся в драке по обычаю куропаток.
То одна долбила другой клювом мозг,
То другая ломала крыло первой когтями.
Царь погнал коня к тому полю битвы
И начал разглядывать их обеих.
Куропатки сцепились с такой яростью,
Что даже не бежали при виде царя.
Измумился этому государь:
Откуда такая ярость в мозгу у птиц?
Одну он отметил своим именем
И стал ожидать от нее предсказания своей судьбы.
Другой птице он дал имя Дария
И стал внимательно приглядываться к решению.
Две смелых птицы в этой распре
Некоторое время боролись.
В конце концов восторжествовала та птица,
Которую государь отметил своим именем.
Увидев, что его имя победило,
Царь решил, что это предвещает ему победу.
Гордо выступающая куропатка, победив,
Улетела от куропатки, потерпевшей поражение.
Полетела она по направлению к горе,
А там налетел орел и оторвал ей голову.
Когда гордая куропатка погибла от этого орла,
Царь огорчился, но не дал воли своей печали.
Он был так рад своему победоносному полету,
Что не заботился ни о душе, ни о теле.
Понял он, что счастье поддержит его
И даст ему победу над Дарием,
Но что в этом полном счастье
Недолго продлится его жизнь.
Слыхал я, что среди этих твердокаменных скал
Была высеченная арка, высившаяся до небес.
Вопрошатели своим собственным голосом
Допытывались у нее ответа на свои тайны.

Слышали они голос из твердых скал,
Возвещавший им то, что велела судьба.
Царь приказал некоему мудрецу
Расспросить эту высокую гору,
Когда в мире произойдет кровопролитие,
Каков будет исход царского счастья?
Вопрошатель спросил этот дивный оракул,
Каковым окажется завершение дела.
Будет ли Искендер победоносен в мире,
Нанесет ли поражение могучему Дарию?
Из глубины горы раздался голос
И повторил те же слова, которые тот сказал.
В этом радостном предзнаменовании сердце царское
Нашло поддержку твердую, как твердая скала.
С веселым сердцем повернул он назад из этих мест
И прибыл в место пиршеств из гор в долину.
Уселся он держать совет с советниками,
Словно гордый кипарис посреди лугов.
Повел речь о положении своих дел,
О победоносности своей в мире и на войне.
«Раз я силою, осеняющей весь мир,
Вознес свой венец до вращающегося небосвода,
Могу ли я платить дань этим ростовщикам,
Могу ли я возлагать на себя такое унижение?
Зачем платить Дарию дань,
У меня не меньше драгоценностей, чем у него, венец мой
не хуже.

Если у него есть венец, у меня есть меч,
А раз у него есть меч, достанется мне и венец.
Если поведет он войска на бой со мной,
С меня довольно того защитника, который у меня есть.
Мне дана в удел небесная помощь,
Ибо решение мое правильно, войско — единодушно.
Войско, обладающее победоносностью,
Возвышается благодаря своему единодушию.
Две трещины, соединясь, расколют гору:
Нанесут они поражение и несговорчивой толпе.
Питаю я надежду на силу судьбы,
Что удастся мне отнять у врагов венец и престол.
Зачем нам быть данниками Дария?
Зачем позориться тем, что мы платим подать,
Вы, хитроумные советники,
Что скажете, каково это дело?

Какой мне довод привести против Дария?
Раскройте передо мною сокровенное».
Ведающие окончание дел
Возобновили благие пожелания государю:
«Пока вращается небосвод и движутся звезды,
Пока через их соединение складывается судьба,
Да будет царь светилом этого мира,
Да сверкает его лик ярче месяца!
Ты тот, кто обладает силой проницательности.
Кто обладает плодотворностью благословения,
Где бы ты ни был, будь властелином,
Что бы ни сеял, пожинай обильные плоды!
Раз ты спросил нас, как подобает ученому и мудрому,
Мы ответим, как указывает судьба.
Таково будет самое правильное решение,
Чтобы царь не торопился действовать против врага.
Сиди спокойно: если он начнет воевать с тобой,
Твой меч быстро расправится с ним.
Стоит твоей руке только поднять меч,
И враг простится и с мечом, и с головой.
Если олень вступит в бой со львом,
Земля очистит место для жертвоприношения.
Дарий не годится ни для чего, кроме музыки и вина,
Если нападет он на тебя, кровь его закипит⁵.
Ты можешь набрать войска больше, чем он,
От слабых можно требовать дани.
Ты совершаешь набеги до пустыни зинджей,
Его набег не идет дальше тесной опочивальни.
Ты заботишься о вере, враг вскармливает злобу,
Один — архангел, другой — Ахриман.
Ты берешь меч, он чашу,
Ты восседаешь на поверженных врагах, он — на ложе.
Ты справедлив, он — несправедлив,
Ты взвешиваешь силу, он — весы для золота.
Ты бодрствуешь, он — без сознания,
Ты творишь добро, он творит зло,
Хуже всего то, что во всех городах и войсках
У него нет ни одного доброжелателя среди добрых людей.
Ты увидишь, что со временем притеснение его
Сделает вялой торговлю на его базаре⁶,
А твоя заботливость и ласки твои
Вознесут твое имя до седьмого неба.
Доколе бесплодно бороться из вражды к истине?

Не затевай этого, ложь сама убежит от истины.
Ухватись за пояс бодрствующей судьбы,
Носи венец и сиди спокойно на престоле,
Не годится, чтобы тебя охватила такая ложная мысль,
Что счастье в имуществе и победа в деньгах.
Люди властвуют только благодаря мужеству,
А так всякий человек — только человек.
Не каждый человек возвышается,
Главой становится только тот, кто ласкает людей.
Потому лев — царь всех зверей,
Что угощает он гостей после охоты.
Не тогда хорош мир, когда, завоевав его,
Ты закуешь ему ноги цепями и замком:
Лишь тогда ты можешь назвать его сладкой утехой,
Когда ты берешь его у одного и даешь другому.
У благодарного человека всегда есть помощник,
Кто сам никто, у того нет никого.
У кого есть сырая квашня,
Тому охотно дают в долг печеный хлеб.
У тебя есть благородство, у тебя мужество,
А у зломыслящего только клад со змеем на нем⁷.
Если он гром, то ты молния,
Если он сокровищница, то ты даришь сокровища.
Хотя отец твой отличался львиной силой,
Но когда надо было мстить, он слишком мягко брался за меч,
Ты тот ловец львов, который во время боя
Так нападает, что под ударами меча его льется кровь из
твердой скалы.

Во время войны с чернокожими зинджами,
Уродливыми, как злые дивы,
Они восстали против твоего меча.
Что же бросили к ногам твоим, кроме своих голов?
Если ты, как гора, не повернул вспять от этих потоков,
Ты не растеряешься и при виде этих капель.
Крокодил, который может бороться со слонем,
Разве устрашит ягненка дикой козы?
Разве может свирепый тигр стать добычей дикого осла?
Разве черный змей побежит от мураша?
Для привыкшего к охоте орла
Цыплята только забава.
Раз звезды желают тебе добра,
Все созданные из праха будут прахом на твоём пути.
Ты обладаешь признаками покорения мира,

У врага твоего рана, у тебя — целебный бальзам.
Столько знамений предвещает победу,
Что врага не может не постичь пагуба.
Из звезд можно вычитать предзнаменование,
Что в этом состязании ты одержишь верх.
Точно так же и из геометрической фигуры,
Ты увидишь, что ты сильнее, если взглядишься в нее.
Когда Пеленгер, предводитель зинджей,
Обладал мощной десницей,
Мы обратились к вычислению «победившего» и «побежденного».
И нашли, что в этом бою победишь ты⁸.
Если то предзнаменование вещало победу,
То и теперь можно рассчитывать на успех». Убедившись в поддержке своих руководителей,
Царь вознамерился приступить к покорению мира.
Всюду, где он брался за меч и за чашу,
Он по причине благого стечения звезд видел добрые
знамения.
Старайся всегда искать доброе предзнаменование,
Ибо счастливое слово несет счастливое знаменье.
Не ищи дурных знаков, они несут несчастье,
Пусть никто никогда не ищет дурных знаков.

21. УЧЕННЫЕ ДЕЛАЮТ ДЛЯ ИСКЕНДЕРА ЗЕРКАЛО

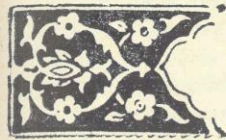
Приди, виночерпий, чистый рубин
Принеси и омой меня, загрязненного горем.
Принеси тот блестящий рубин, от светильника которого
Душистые травы в саду зажигают свой светоч.

* * *

Сколь счастлив бывает тот день, когда с утра
Человеку приходят на ум только благие дела.
Когда он создает добрые обычаи, упрочивает их
И добром поминает свою удачу,
Поднимает голову из переулка добрых предзнаменований
И загадывает на звездах только на добро.
В тяжкие времена не теряй надежды:

Из черной тучи льется светлая вода.
 Не закрывай для себя врата помощи,
 Ибо зачастую горечь бывает полезной.
 Лучше, чтобы вздох давал надежду на помощь,
 Ибо сам господь дает нам надежду.
 Не хмурь понапрасну своих бровей
 И посмотри лучше на себя в зеркало победы.
 Рассказывающий про рисунки румийской парчи
 Так наложил на предисловие восковую печать.
 Когда Искендер завоевал мир,
 Меч его стал для мира зеркалом.
 Для того, чтобы невеста — мир могла украситься,
 Ей было необходимо это блестящее зеркало.
 До него зеркал не делали,
 По его мысли оно было выполнено.
 Когда начали делать зеркало, сначала
 Сплавляли вместе золото и серебро,
 Потом отполировали, но цели не достигли,
 Не увидели в нем ясного изображения своего.
 Стали испытывать по очереди всякие металлы,
 Каждый показывал другое изображение.
 В конце концов, когда применили железо,
 Его субстанция приняла в себя изображение.
 Когда закончил его опытный кузнец,
 Заблестело оно от полировки.
 Все изображения такими, какие они есть,
 Увидел в них поклонявшийся изображениям художник.
 Сначала ему придавали самые различные формы,
 Но правильного изображения оно не давало:
 Когда оно было широким, оно растягивало лицо в ширину,
 Делали его длинным, вытягивало в длину лоб.
 Квадратным давало неправильные очертания,
 Шестигранным было далеко от истинного положения дел.
 Когда же, наконец, придали ему круглую форму,
 Не было в нем уже никаких противоречий.
 Как его ни поднимали, изображение оставалось точным,
 Не менялось, таким его и оставили.
 Такой геометрией из темного железа
 Царь заставил заблестеть такую прекрасную вещь.
 Ты тоже, если посмотришь в это зеркало,
 Добудешь себе обычай Искендера.
 Когда это круглое жестокое железо
 Размягчилось и утратило грубый нрав,

Искендер раньше всех посмотрел в него,
 Одна драгоценность изумила другую.
 Обрадовался он, увидев свое изображение,
 И поцеловал зеркало в обратную сторону.
 Этого же обычая придерживаются и невесты
 И целуют зеркало, отражающее их лицо.

22. ДАРИЙ
 ТРЕБУЕТ ОТ ИСКЕНДЕРА ДАТЬ
 ОТВЕТ ИСКЕНДЕРА

Приди, виночерпий, чашу, сверкающую, как зеркало,
 Дай мне, ибо место чаши в руке.
 От одной чаши я уподоблюсь Кей-Хосрову,
 От другой сверкающей чаши увижу весь мир.

* * *

Пойдем, омоем руки от несправедливости,
 Без справедливости нельзя избавиться от несправедливости.
 Чего нам всю жизнь привязываться сердцем к миру,
 Ведь это дом дивов и дорога злых духов.
 Мир сразу отнимет у тебя все, что давал тебе в долг,
 Давал он глотками, а отнимет целым кувшином,
 Так понемногу накапливается дождевая вода,
 Становится потоком и вливается в море.
 Пойдем, будем весело пользоваться тем, что имеем,
 Зачем откладывать дирхем к дирхему?
 Помни, что все мы должны встретиться с крокодилом
 [смерти],

Поэтому используй скорей неиспользованный клад.
 Карун¹ накопил себе огромные богатства,
 И все же в конце концов ты видел, как сидел он во прахе?
 От золотых кирпичей Шеддад² из племени Ад
 Разве имел удовольствие? Умер он, не удовлетворив своих
 желаний.

Не росло в этом пестром саду такого дерева,
 Которое осталось бы целым от удара дровосека.

* * *

Описывающий украшения венца и престола
 Говорил так: победоносный царь
 Как-то раз со спокойным сердцем и веселой душой

Отдыхал от превратностей судеб.
Чаша шахиншаха несмешаным вином
То наполнялась, то опять пустела.
Трезвые сердцем мудрецы стояли возле него,
Разумный — ему друг, сам разум ему родней.
При звуках каждого лада, звучащего со струн ченга,
Говорилось много о запутанных вопросах.
При каждом глотке, который выпивал царь,
Астроном сажал в него дерево³.
Сверкало вино, как блестящая молния,
Кубок расточал сахар, вино давало веселье.
Мозг слушателей кружился
От выпитого вина и напевов музыкантов.
Слезы кубка и стоны органона
Заставляли глаза проливать кровавые реки.
Прекрасны удары музыкантов! От этих сладостных ударов
Сухая река становится водообильной.
На этом пиру, веселом, как райское пиршество,
Где было больше цветов, чем в месяце урдибехиште⁴,
Искендер, завоеватель мира, обладатель счастливого трона,
Сидел словно светлый месяц на небе.
Пришел посланец от Дария,
Красноречивый, остроумный, вельможный муж.
Поклонился он Искендеру, как кланялись ему его слуги,
Восхвалил и его, и своего царя.
Прославив героя этого мира,
Он стал передавать выслушанную им [от Дария] речь.
Сначала он передал царю привет от Дария,
А потом потребовал невыполняемую дань.
«Как же это ты драгоценные камни, венцы и ожерелья
Не воздал нашему двору, не уплатил дани?
Какую слабость ты видел в наших делах,
Что решился поднять голову от черты, проведенной нашим
циркулем?»

Возобнови прежний обычай,
Не возносись, чтобы не испытать беды».
Искендер так вспыхнул от горячности,
Что язык его спорел в пламени сердца.
Брови его наморщились,
И от резкости его говоривший умолк.
Он так взглянул на отмерявшего путь гонца,
Что от сердечного волнения у того заболела голова.
Так как язык был распален гневом,

То царь сказал то, чего не следовало говорить.
Некоторое время говорил он резкие слова,
Какие говорят обладатели меча и престола.
У кого решения соответствуют велениям мудрости,
Тот не говорит бесполезных слов.
Если язык во время гнева умеет смиряться,
Он может спастись от своих врагов.
Если даже слова и украшены похвалами,
Все же не сказать лучше, чем говорить.
Как прекрасно сказал дальновидный мудрец:
«Язык из меча, а меч из железа».
Тот не заботится о себе,
Кто говорит все, что приходит ему на язык.
Древний рассказчик, ведущий род от Кеев,
Так передавал рассказ об этом событии:
Когда драгоценные камни, мечи и престолы
Посылались в виде дани от греков Дарию,
Среди несметных сокровищ этого драгоценного клада
Было сотворенное богом золотое яйцо,
Был расшитый царственный ковер,
Веселивший душу всякого, кто смотрел на него.
Когда гонец сделал свой язык булатным мечом
И начал поминать о прежней дани,
Крикнул на него смелый государь:
«Нельзя взять дани с ярого льва!
Время завело другие обычаи,
Сдохла птица, которая несла золотые яйца,
Небосвод свернул эти древние ковры,
Новые обычаи введены в царстве.
Не все время можно добывать драгоценные камни из скалы.
Мир то заключает мир, то ведет войну,
Не веди таких заносчивых речей,
Поговори со мной мечом и довольно!
Довольно с тебя того, что мой меч
Не покоряет под мою власть твой трон.
Если я, предприняв поход,
Предоставил тебе повода мира,
Ты, несмотря на то, что обладаешь таким богатством,
Должен оставить меня в покое в моем углу.
Не доводи меня до решения
Вступить с тобой в бой и единоборство.
Я отложу в сторону любовь и ласку
И заставлю вскипеть горячую ненависть.

Разве царь не знает, во время войны
Какие головы я снес в далекой стране зинджей?
До каких пределов дошел с первого натиска,
Каким героям снес головы?
Тот, кто в подарок шлет ожерелья и венцы,
Не будет посылать дани, как трус.
От меня надо требовать Египет⁵, не золото,
Не стоит украшать слова, как египетские золотые вещи.
Посмотри, до каких пределов простирается моя власть.
Только такая же власть может требовать от меня дани.
Не подымай смуты, не разжигай ненависти,
Не навлекай гибели на иранскую землю.
У тебя покойное царство без горя и хлопот,
Не будь же неблагодарен за эти сокровища и богатства.
Не сжигай своих дней прихотями,
Перечеркни каламом праздные мысли.
Не требуй от меня того, чего не получишь.
Веди себя со мною так, как ведет себя царь с царем».
Выслушав такой ответ, посланец
Забыл [все] свои речи.
Отправился к Дарию, неся клеймо на сердце,
Торопясь, как расточающая пламя молния.
Передал он грубые вести,
От которых гордый кипарис согнулся вдвое.
Когда Дарий выслушал ответ Искендера,
Он прикрикнул в сердцах на гонца:
«Как это решается тот, на чье имя не чеканят монеты,
Равнять свое имя с именем Дария?»
В порыве ярости наговорил он много слов,
От которых желтело лицо у слушателя.
Рассмеялся и сказал с горьким смехом:
«Что за странные дела творит высокий небосвод.
Смотри, какое правосудие задумало небо,
Искендер покушается на Дария.
Искендер... да нет, если бы это была даже гора Каф⁶,
Кто посмеет померяться со мною в мире?
Такая мошка хочет бороться с орлом!
Ведь он меньше, чем капля по сравнению с морем!»
Спешно гонца ко двору Искендера
Отправил и устремил свой взор на дорогу.
Дарий вручил гонцу мяч и чоуган
И мерку, полную кунжута.
Научил он гонца тайне такого подарка,

Сердце царя порадовалось этому приготовлению.
Торопливый гонец устремился в Рум,
Повез с собой полученный от Дария приказ.
Когда он с пути предстал перед царем Рума,
Он вспыхнул, как пламя от воска.
Опустив голову среди рабов,
Он поклонился царю, как подобает рабам.
Сначала он распутал такой узел из слов,
Начал речь ласково:
«Повелители решают вопросы жизни и смерти,
Гонцы только повинуются приказам.
Что мне прикажет победоносный властелин?
Я выполню веление повелителя...»
Искендер понял, что этот вежливый гонец
Везет грубую весть от царя.
Он резко сказал: «Давай весть».
Вестник распутал узы слова.
Достал он вещи, которые были у него с собой
И одну за другой положил их перед Искендером.
Положив привезенное перед Искендером,
Он начал передавать, что велел ему Дарий.
Сначала повел он речь о мяче и чоугане:
«Ты, ведь, — дитя, поиграй этим хорошенько!
А если ты пожелаешь начать войну,
Понапрасну измучаешь ты свое сердце».
Рассыпал он этот несметный кунжут:
«Я поведу против тебя войска больше, чем тут зерен».
Правитель мира, мудрый Искендер
Увидел в этом верные предзнаменования победы.
Сказал он притчу: «Кто убегает,
Того можно подтащить к себе чоуганом.
Быть может царь для того дал мне чоуган,
Чтобы я им отнял у него царство.
А шар этот опытный астроном
По форме может сравнить с землею.
Раз царь передал мне земной шар,
Я этим шаром отниму у него первенство».
Изложив таким образом все это,
Он перешел к толкованию кунжута.
Рассыпал он кунжут по полу во дворце
И велел принести птиц, питающихся кунжутом.
В одно мгновение птицы набросились на него
И очистили весь пол он кунжута.

«В этом знамени», молвил он, «ответ
Ясный, как вытекающее из кунжута масло.
Если царь соберет войско из кунжута,
То мое войско — птицы, едящие кунжут».
Потом меру мелкого зерна руты
Он вручил гонцу взамен кунжута.
«Если царь поведет такое войско,
То знай, каково будет мое».
Когда гонец увидел такой резкий ответ,
Он навьючил свою поклажу на осла
И доставил Дарию ответ Искендера,
Ответ, заставляющий сжаться горло, как чистый яд.
Смутил он такой вестью царя,
Увидел он, что у врага веские доказательства.
На эту войну повелитель мира Дарий
Стал требовать поддержки у иранцев.
От Китая, Хорезма, Газны и Гура
Земля стала железной от подков коней.
Собрал он войско, как гора Каф,
Все войны раздробляли камни и раскалывали железо.
Когда счетчик начал считать войско,
Ум пришел в изумление от числа его.
Из конных воинов, легких на ходу,
Собралось девятьсот тысяч.
Когда повелитель мира увидел, что от войска его
Его страна колышется, как море,
Он погнал войско, как пламя, на Рум.
Куда ни ступал, он всякую страну отдавал совам.
Вступил в Армению, как бурное море,
Его пыль ослабила ноги весеннему ветру.
Страна за страной, до пределов Рума,
Волновалось море, дрожала земля.
Злаки на земле стали редки, как сокровища,
От подков коней, подбитых шипами.
Пусть нога царя станет зонтиком от солнца.
Все же, куда он ни ступит, он несет разорение.

23. ИСКЕНДЕР ГОТОВИТ ВОЙСКО ДЛЯ ВОЙНЫ С ДАРИЕМ

Приди, виночерпий, освежающее дух вино
Пролей на мое сердце, как молния.
Я выпью его, освежится сердце,
Оно выпьет меня, получит только прах в удел.

* * *

Какое прекрасное имущество осведомленность!
Да не опустеет от нее мир!
Только тот высоко поднимает голову в мире,
Кто разумно относится к делам мира,
Кто измеряет этот путь не шутя,
И охраняет свой достаток от вора,
Он никогда не выбросит из своей поклажи это орудие,
Ибо оно когда-нибудь облегчит ему его задачу.
Не выбрасывай старой кожи, хотя бы она и казалась тебе
жалкой,

В холодное время она тебе пригодится.
Некто погиб на горе от холода,
Потому что из лени не взял с собой теплой одежды.

* * *

Излагающий историю шахиншаха
Дал такое разъяснение вопрошающему:
Когда Дарий привел войско в Армению,
Можно было подумать, что настал Судный день.
Искендер ничего не знал о его делах,
Не ведал, что ведет он полчища на войну.
Начали прибывать толпами люди, искавшие защиты,
Ибо поток докатился до самого моря.
Надвигалось нашествие Дария,
Почернела земля от людей, закованных в булат.
Шпион сказал: «Опьяненный враг
День и ночь вполне беззаботен там, где он находится,
Если царь хоть один раз сделает на него ночной натиск,

Он, несомненно, выгонит врага из царства»,
Искендер рассмеялся и дал ответ:
«Солнце не тайком завоевывает мир.
Когда царь натягивает поводья,
Ему не годится побеждать с помощью воровских уловок».
Другой шпион повел речь:
«Не столько войска собрал Дарий,
Чтобы его можно было сосчитать
Тем, кто знает военное дело».
Искендер ответил ему: «Один острый меч
Режет на клочки сало сотни быков.
Разве один волк, когда он разъярен,
Будет страшиться целого стада овец?»
Такой доблестный ответ войску
Понравился, когда оно услышало его от царя.
С каждым часом приходили все более тревожные вести,
Что яростный дракон уже дошел до Рума.
Когда Искендер узнал, что грозная туча
Сверкает грозными молниями мечей,
Послал он гонцов, чтобы войско со всех концов страны
Собиралось к царским вратам.
Из Египта, из страны франков, из Рума и Руси
Было собрано войско, разукрашенное, как невеста.
Когда собралось несметное войско,
Искендер пожелал сосчитать, сколько там героев.
Военачальник сообщил: шестьсот тысяч
Героев собралось, выезжающих на бой по одиночке.
Когда военные приготовления были совершенно закончены,
Царь собрал собрание без музыки и вина.
Уселись трезвые умы Рума
И положили на воск царскую печать!
Царь о делах Дария и войне с ним.
Повел речь и начал обсуждать положение.
Так сказал он: «Этот именитый государь
Опоясался на то, чтобы искать боя.
Как же нам порешить, воевать или мириться с ним?
Ведь дело теперь уже дошло до столкновения.
Если мы не извлечем меча из ножен,
Наше имя не будет прославлено, как имя храбрецов,
Если же я отниму венец у венценосца,
То посягну на правосудие.
Как я посмею выгнать из царства потомка Кеев,
Как отважусь на такое разграбление Кеев?»

Боюсь я, как бы за такую заносчивость
Судьба не дала победы моему врагу...
Какое решение принять, каким способом и путем действовать,
Чтобы дело наше от него не пострадало?
С добрыми мыслями и мудрым советом.
Найдите ответ на эти слова».
Видавшие мир, мудрые старцы,
Выслушав слова говорившего речь,
Сразу открыли уста для ответа
И возобновили пожелания добра правителю:
«Да будет свежим это царственное древо,
Слава которого высока и сила велика.
Да будет мир свежим благодаря его венцу и престолу,
А голова врага его да будет повешена на воротах.
Всякое мнение твое правильно, как ты сам.
Зачем же тебе еще искать правильности у нас?
Однако мы не ослушаемся твоего приказа,
Пойдем только по пути твоих велений.
Такая мысль приходит на сердце выдавшему мир
И достойным одобрения хитрецам:
Если сердце врага питает ненависть
И несет на тебя шипы и камни,
Ты тоже разожги огонь ненависти,
Ибо пламя, питаемое ненавистью, несет счастье.
Ты юный кипарис, враг — старая ива,
Разве может ива тягаться с стройным кипарисом?
Старый сад пришло время обновить
И обрубить там искривленные ветви.
Шелком этого юного царства
Укрась в колыбели невесту мира.
Твой враг — насильник,
Подданные его стремятся избавиться от его насилия.
Чего тебе страшиться того человека,
У которого и дома много врагов?
Перечеркни каламом обычай неправосудия,
Помоги народу, взывающему о помощи,
Так как царство пресტიдилось твоим врагом,
Смело выступи и низвергни его.
Печь раскалилась, сажай скорее хлеб,
Подгони коня скорее, чтобы погубить врага.
Где нога нашего царя, там наши мысли,
Где то сердце, что мыслит иначе?
Кто сможет разбить ожидания царя,

У кого хватит сил отважиться на это?»
На том завершилось указание руководителей,
Что царь не стремится начать бой первым,
Оказывает он внимание Кееву трону
И не опоясывается на кровопролитие первым.
Когда Искендер в решении этого вопроса
Нашел такую поддержку со стороны предводителей,
Он, руководствуясь разрешением правдивых мужей,
Согласился двинуть в бой войска.
В один день, когда от вращения времен
Получил он счастливое предзнаменование,
Он при царственных знаменях дал приказ
Войску собраться и тронуться в путь.
Погнал коня победоносный в боях царь,
Крепко опоясавшись на бой с недругом.
Булатный меч был у него в руках, царь был подобен
разъяренному льву,
И [меч этот служил ему] ключом для завоевания стран.
Войско, как пчелы, было снабжено острыми жалами,
Но было их больше, чем пчел в улье.
Знаком своим он решил сделать высокое знамя, подобное
Оставшемуся от победоносного Феридуна².
Во время, которое было найдено удобным,
Когда небосвод ласкал своих друзей,
Гораздо выше Кеева стяга
Укрепил он на древко синюю парчу.
Сосновое древко в пятьдесят аришей,
Обработанное и обструганное,
А на нем шелковое изображение дракона,
От которого зрителя охватывал ужас.
Наверху из локонов бахромы круглые кисти,
Словно черная туча на вершине горы.
На много фарсахов оно было видно издали,
Черный орел со светящимися крыльями.
Тронулся этот дракон с таким войском,
Во главе несли такое изображение дракона.
Наполнил пылью мир своей смутю,
И ради чего? ради горсти праха!
Эту землю, цветом похожую на кошку,
Разве можно окружить волчьими уловками, проявляя львиную
храбрость?

Мир — это обманчивая пища,
То попадает в ней сладость, а то горькая печень.

Небосвод наверху и земля внизу,
Один — чаша крови, другая чаша с прахом.
На этих двух испачканных чашах
Много походов, подобных крови Славуша³.
Если земля покажет свои запасы⁴,
Весь прах она затопит кровью.
Никто не может помочь тебе в этой чаше,
Ибо дорога помощнику туда закрыта.
Если путь для помощи закрыт наглухо,
Человеку, взывающему о помощи, лучше заткнуть горло.
Лучше будет, если ты сделаешь крепостью свой уголок
И будешь помогать себе молчанием.

24. ДАРИЙ СО СВОИМИ ВЕЛЬМОЖАМИ ОБДУМЫВАЕТ ПЛАН ДЕЙСТВИИ ПРОТИВ ИСКЕНДЕРА

Приди, виночерпий, пламя, сжигающее раскаяние,
Разожги на жертвеннике моего мозга.
Сердцу моему сладостно освещать собою пиры,
Ибо в голове моей пылает яркий, как светоч, огонь.

* * *

Счастье мудрого от его справедливости,
Защита божия его верное убежище.
Тот, кто не доволен этим царством,
Тот мудрецами разумным не считается.
Разум добрый сосед, но плохо,
Что он сосед переулка неразумных
Если обиталище твое переулок неразумных,
Лучше тебе поменьше похваляться разумом.
Тот сделал свой дом благоустроенным на этом пути,
Кто освободился от служения [страстям].
Если и тебе удастся скинуть с плеч эту ношу,
Тебе не придется стонать от страстей, губящих тебя.
Как море будь доволен своим собственным богатством,
Из своего собственного добра выкраивай свою прибыль.
Живи на свой собственный счет до самой смерти,
Будь деревом, выращивай свою листву из себя самого.

Если шелковичный червь начнет питаться чужой пищей,
Все тело его вытягивается, как палец, и он изрыгает то,
что съел.

* * *

Передающий от мобедев повести старец
Так рассказывал всем мудрым людям:
«Когда царь Рума приготовился,
Взял в руки меч и собрал казну,
Снешно полетели вести по всем странам,
Что вышел, мол, дракон из Рума,
Смело идет он на бой с Дарием
И приготовил все, что надо, для войны.
Эта весть для всего мира явилась праздником,
Ибо несправедлив Дария сожигало весь мир.
Все страны и области от него
И его насилия разорялись
Все страны отказывались служить Дарию
И украшали помыслы любовью к Искендеру».
Когда Дарий, сердце которого было подобно морю, узнал,
Что волна войск Искендера уже хлынула через море,
Из ясных сердцем и мудрых советников
Он тайно собрал совет.
У каждого мудреца, обладавшего здравым мнением,
Он просил совета для борьбы с Искендером.
Каким образом нанести поражение врагу,
Как преградить путь злу небосвода.
Какой уловке его научат руководители,
Чтобы он мог управиться с делом Искендера.
Видел он, что Искендер был победоносен на войне,
И теперь страшился его победоносности.
Никто не мог подать ему в этом совета,
Ни один печальник не разделил его горя.
Знали они, что Дарий заносчив,
Жжет, как пламя, в своей порывистости
И не слушает ничьих советов.
И поэтому все промолчали в этом деле.
Из рода Зенге сына Шавурана¹
Был некий именитый военачальник,
Звали его Ферибурз, величие и мощь²,
Телу его дали кольчугу, руке — палицу.
Он был на этом собрании, чтобы принести присягу,

И был осведомлен о прежних событиях.
Прославил он царя и царский совет:
«Да будет благоустроен этот совет тобою,
Да не опустеет мир от имени твоего,
Да не лишится твоего покоя возвращение судеб!
В давние времена мой покойный дед
Так сказал мне, давая наставление:
Когда Кей-Хосров, [почувствовав приближение смерти],
направился в пещеру,
Сообщил он весть, прочитанную им в украшенной
драгоценными камнями чаше,
Что в гороскопе царства в недалеком будущем
Звезда в зените скатится вниз.
Выйдет из Рума некий витязь
И предаст огню все капища огня.
Завладеет он всем Иранским царством,
Воссядет на Кеев престол,
Завоюет мир, но и сам не останется на месте,
В конце концов, и сам он погибнет.
Не дай бог, чтобы этот румийский человек
Оказался тем самым [о ком говорил Кей-Хосров], да не
будется это никогда!

Пусть царь лучше предаст его имя забвению,
Не позволит ему вступить в эту страну.
Не годится, чтобы государство страдало от него,
Скупец готов отдать свою жизнь за сокровище.
Пошли ему обманную весть, чтобы он покорился
И удовольствовался одним Румом.
Лучше хороший обман, чем нехороший гнев.
Лучше лить воду, чем разжигать огонь.
Не полагайся на силу твоей руки,
Соблюдай лучше вес твоих весов,
Не доводи его до натиска на страну.
Пусть лучше ржавчина не встречается с мечом.
Если лев теряет свою грозную мощь,
Жалкий мул сможет поправить его ногами.
Доброй славой надо охранять царство,
Такое знамя надо высоко держать.
Заставь его отказаться от притязаний на равенство,
Ибо в этой степи главенствует Дарий.
Всякое зерно, которое равно золоту по весу,
И считается на вес золота.
Много свирепых и грозных львов

Скрывалось в прахе от укола шипа.
Если ты вступишь в жаркий бой со скорпионом,
Не считай его мелким, если ты только пронизателен.
Вспомни о той обладавшей жалом мошке,
Которая сказала Немроду: «Склони главу».
Мир принадлежит тому, кто в бою
Видит мужа в человеке, лишенном мужества.
Если голодный будет есть жаркое с сытым,
Он постарается перехватить самые жирные куски.
Чужой человек, пусть он даже сын или жена,
Если станет носить твоё платье, истреплет его.
Если только твоё платье станет по плечу твоему сыну,
От сына уже нельзя более ожидать любви.
Если слишком высоко разрастается трава,
Она причинит вред стройному кипарису.
Не следует забывать советы мудрецов,
Не следует сворачивать листья изречений.
Когда ты изучишь свою судьбу,
Ты вспомнишь советы твоего учителя.
Если ищущий совета примет добрый совет,
Он раздобыл ключ к двери успеха».
Царь, выслушав слова старца, обладавшего ясным умом,
Устрашился того ошибочного дела.
Но все же он не погасил жаркого пламени,
Решил, что проявить мягкость унижительно.
Разгневался на слова советника,
Закорчился, как змея на земле.
Наморщил сдвинутые брови
И, распутал из узлов скрытый гнев.
Поглядел на старца, как дракон на оленя,
Взором, камень лишавшим веса:
«Разве ты видел во мне нерешительность,
Что так расхвалил его булат?
Ты описываешь мне доблесть людей Рума,
Огненной горе путь заграждаешь воском.
Когда играют орлы, если станут сражаться с ними
куропатки,
Голова сокола всех соколов испытает позор.
Чего мне опоясываться на бой с кем-нибудь,
Если у меня много подобных ему слуг, опоясанных на бой.
Дерзает на меня поднять руку этот жалкий человек,
Словно дикий осел, решающийся напасть на лютого льва,
Однако тогда очнется от грез его голова,

Когда лев отведаст жаркое из его тела.
Яйцо птицы твердо и тяжело,
Но все же не настолько, как молот кузнеца.
Кто мог знать, что это молодое дитя
Будет питать такие дурные замыслы по отношению к
старшим.

С первой же чарой он подносит гущу,
Забыл о моей мощи, забыл о своем стыде.
Я укажу дорогу позору к моему имени,
Если я проявлю слабость перед слабыми.
Если жаба даже будет утопать в змеином яде,
Все же крокодил не попросит у нее пощады.
Неужели румиец сумеет показать такую силу десницы,
Сумеет вытащить ладью из соленой воды?
Он хочет вызвать смуту у солнечного престола,
Надеется овладеть тронном Джемшида.
Поднимает знамена, чтобы разграбить Иран,
Овладеть престолом Кей-Хосрова и чашей Джемшида.
Мне надлежит соблюдать величие Кеев
И поступать так, как мне подобает.
Чья он собака? Слабая лиса!
Разве может она причинить вред свирепому льву?
От львов лисицы получают приглашение на пир,
Земля не засмеется, если не заплачет небо,
Если человек с пустыми руками захочет жить словно богач.
Он уподобится хромому, пожелавшему пуститься бегом.
Ты сам хорошо знаешь, что при такой мощи
Я не утрашу румийского ребенка.
Отдам я его в руки пьяным рабам,
Нанесу я ему поражение палками пастухов.
Если лев будет бояться собаки,
Над ним посмеется старый осел.
Если орел, улетающий от мошки,
Упадет, скажи ему: «Не вставай».
Если барс боится лисицы,
Пусть сгорит его мозг от тяжелого недуга.
Ты увидишь, как завтра я, герой, сильный как слон,
Раздавлю его голову конскими копытами.
Кто такой этот слабый данник?
Разве смеет он равняться с обладателями высокого венца?
Я восседаю на Кеевом престоле,
Увенчан диадемой, опоясан поясом.

Кто смеет заговорить о том,
Что желает отнять у меня престол отцов?
Венец Кеев подобает лишь Кеям,
Разве смогут тела румийцев заползти в этот шелк?
Я из рода Бахмана, потомок Кеев,
Чего мне бояться слабого румийца?
Железотелой кольчуги Исфандиара
Я память на золотом престоле.
Если он повернет по прежнему пути,
Ясный день его не омрачится.
Но если он ведет ладью в мое море,
Он увидит, что голова его свалится к моим ногам,
Я, словно море, дам ему горький ответ,
Смою его с суши, утоплю в воде.
Из этой мятежной тучи я пролью столько воды,
Что другой раз она уже не посмеет заслонять солнца.
Если мужик начинает бунтовать,
Его лучше побить, а не уговаривать.
Ослу лучше таскать деревянное седло, а не золотое,
Чтобы ему легче было нести поклажу погонщика.
Я возвысил эту дичь,
Я же ей наброшу на шею аркан.
А ты, старик с прогнившими мозгами,
Лучше не дерзи владыкам.
Нехорошо так торопиться
И набрасывать аркан на гору,
Зажигать светоч среди поля
И учить властвовать небосвод.
Ходи лучше так, как умеешь,
Для каждого драгоценного камня есть подходящее место,
Если кафтан не по росту,
Значит это краденое добро.
Тебя увлекла старческая слабость,
Старость отняла разум из твоей головы.
Когда спина у древнего старца сгибается,
Ему лучше брать в руки посох, а не копье.
От старости слабеет добрый мозг,
Забывчивость проникает в мозг.
Две вещи подобают и уместны старикам:
Одна — это кладбище, другая — молитва.
Молодым испытанным в бою воинам
Оставь мир, волоки по-стариковски ноги!
Разве может слабосильный ездить верхом?

Разве есть толк от сломанного оружия?
Воину лучше быть юным, ибо старик
Прибегает к переговорам, когда дело доходит до меча и стрел.
Надо говорить слова во-время,
Ибо куст граната не во-время плода не принесет.
Если петух кричит не во-время,
И голову ему надо отрезать раньше времени.
Придержи язык, чтобы спасти голову,
Что лучше, сухой язык или влажное горло?³
Безгласная голова, орошенная кровью,
Лучше того языка, что без головы.
Держи язык за зубами,
И слово молвить нужно ко времени.
Языку лучше держаться поближе к нёбу
И хвастаться только тогда, когда он добьется своих
желаний.

Потому стрелку на весах называют «язычком»,
Что она не сдвигается со своего места.
Если она только на шаг сдвинется с места,
Куда бы она ни двинулась, она склонится.
Много сокровенных изречений.
Надо говорить другими словами,
Если кто-нибудь старается слишком подробно изъяснять свои
слова,

Слушатель его не поймет.
К обладателю венца и престола лучше
Обращаться, взвесив слова, не резко».
Когда царь таким образом разгневался,
Старец пожалел, что вмешался, и попросил извинения.
Много опасностей представляет близость к царю,
Ибо никто не состоит в родстве с царем.
Когда их лицо разгорается гневом,
Они перестают любить даже детей своих.
Цари напоминают собою пламя,
А на пламя лучше смотреть издали.
Добрый совет только тогда приемлем для царя,
Когда он отказывается от своей заносчивости.
Давать советы мощным властелинам,
Это тоже, что рассыпать семена на солончаке.
Когда этот советник увидел,
Что государь разгневался на его совет,
Он заложил другое основание для речи,
Заговорил о царе в сладких словах:

«Ты известный властелин нашего века,
Кто смеет противиться, если ты правишь?
Кто такой Искендер? Как смеет он вести войско,
Чтобы отнять венец у властителя царства?
Само небо изготовило тебе твой венец,
Счастливая звезда зажгла свой светильник.
Если кирпич захочет сразиться с горой,
Его одним камнем можно превратить в пыль.
Тыква недолгое время
Может состязаться с чинарой.
Когда она получит достаточно колодезной воды,
Шея ее от тяжести плода согнется вниз.
Он возгордившаяся тыква,
Свившая канат из стеблей травы.
Веревка скоро перетрется, если она из травы,
И ведро его снова упадет в колодец.
Когда солнце зажжет свой светоч в саду,
Умирает огонь в светильнике, словно мотылек.
Во время стычки хромая лиса
Как сможет состязаться с барсом?
Разглядь узлы на своих бровях,
Два лука лучше, если узлы его на концах.
Полегоньку принимайся за управление миром,
Ибо в деле горячность вредит.
Если ты будешь торопливо зажигать светоч,
Ты не сожжешь ни себя, ни бабочки,
Тесто есть, огонь горит в печи,
От хлеба до рта дорога недалеко.
Терпение дает ключ к оковам,
Никто не видел терпеливых расканвающихся.
Нехорошо дурно играть в шахматы,
Двигать сразу и коня и слона,
Много сазов ломалось от ударов музыканта,
Прежде чем он научился извлекать напев.
Ты царь, я знаю твой высокий сан,
Как могу я сравнивать тебя с другими?»
Возвеличивая Дария, выдавший мир муж
Наговорил много таких слов,
Но повелитель мира Дарий гневался,
И сердце его не смягчилось от таких прекрасных речей.
В таком гневе и раздражении,
Которое готово было спалить смысл речей,
Потребовал он, чтобы из приказа пришел писец

И начертал мускусные строки на шелку.
Опытный писец прилетел, как ветер,
И написал то, что велел ему Дарий.
Стал он водить пером цвета яшмы
И отнял славу Мани и Арженга.
Написал он письмо изящным почерком,
По красоте почерка похожее на райский сад.
Но слова его были острее булатного меча,
Язык был влажен от резких слов.
Когда это красивое письмо было написано,
На него наложили царскую печать.
Гонец, возящий письма Хосроев,
Отправился от Дария к Искендеру.
Дал он царю письмо, тот раскрыл его,
Пришел секретарь и начал читать.

25. ДАРИЙ ПИШЕТ ИСКЕНДЕРУ ПИСЬМО С УГРОЗАМИ И УПРЕКАМИ

«Во имя великого господя, подателя справедливости,
Одарившего нас познаниями во всех науках,
Подателя хлеба насущного, помощника,
К которому неизбежно приходится прибегать человеку,
ищущему защиты,
Зажигающего блестящие звезды,
Создающего род людской из темного праха,
Могучего, ведающего все, что должно свершиться,
Прощающего все проступки, которые можно простить.
От него всякий миг дух получает поддержку
И разум различнейшие украшения.
Одного он так теснит,
Что тот даже хлеба не видит в своем мешке.
Другому в руки бросает горы сокровищ,
Не взвешивая, раздаетклады в гору весом.
Не всякий человек, которого постигла беда, преступник,
Не всякий нашедший клад, — труженик.
Он творит все, что хочет, судить его нельзя.
Для него дать жизнь и убить — одно и то же.
Нельзя уклоняться от его велений,
Разве можно найти повелителя кроме него.

Милосердие божие да будет над рабом,
Который мягко обращается со слабым.
Но какая в этом польза? Эти неблагодарные люди.
Благословение не умеют отличить от проклятия.
Когда враг заслужил смерть,
Быть смиренным значит быть слабым.
Прекрасно сказал тот свирепый лев:
«Не будь подданным своим подданных».
Ты, необразованное, неразумное дитя,
Не вступай в бой с опытным львом.
Разве есть у тебя сила состязаться со мной?
Где твоё войско? Кто твой полководец?
Ты словно скорпион, притворяющийся змеей,
Порываешься вступить в бой со змеем.
Если ты оставишь эти змеиные повадки...
А если нет, берегись: [я иду и] меч мой подобен змею.
Я так накажу тебя острым мечом,
Что ты захочешь либо принять от меня смерть, либо бежать.
Клянусь пылающим мечом и Зенд-Авестой¹,
Клянусь богом, которому враг Ахриман,
Клянусь Заратуштрой, который враг Ахримана,
От Рума и румийцев не оставлю и признака,
Всех их спалю своим огнем.
Допустим, что соберешь все железо Рума,
Но для нашего горна, что железо, что воск,
Что может сделать румец и его войско?
Я растопчу его страну конскими копытами.
Если ты целыми харварами соберешь кольчуги и шлемы,
Разве ты сможешь устоять против одного копья.
Ты, должно быть, не испытал стрел моих смелых воинов,
Что решаешься противиться моему натиску.
Где твоя голова, что ты смотришь свысока на Дария?
Для тебя лучше смириться перед ним.
Сломай лук, вырви перья у стрел,
Сверни кольчугу и облекись в шелк.
А если нет, я так нарву тебе уши,
Что ты поймешь, ты — ничто и даже менее, чем ничто.
Берегись моего гнева, палящего сердца,
Не полагайся на мою беспечность.
Не смотри презрительно на спящего зайца,
Пока ты смотришь, ты пропустишь время действия.
Я могу, о неразумный,
Быть мягким с тобой, искать примирения.

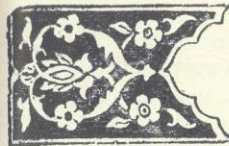
Но только правдива поговорка, что царю
Лучше броситься в колодец, чем унизиться.
Уплати дань; забудь про вражду,
Не перечеркивай давнишнюю обычая
Не годится всегда шить волчью шубу,
Шелк надо продавать вместе с нитками.
Не старайся причинить ущерб старому роду,
Ты сам будешь в убытке, не храбрись,
Не заставляй меня вскочить с места,
Комариное крыло не удержится на ноге слона,
Будь доволен тем царством, которое дал тебе бог,
Не думай, что ты будешь похож на льва, если у тебя
железные когти.

Ворона научилась ходить, как куропатка,
А свою собственную поступь забыла.
Созывая собрание, ибо спустилась звезда,
Ангел открыл ворота неба,
Не знаю я, диадема Хосроев
На чьей голове приобретет новый блеск.
Кому поможет время,
С кем будет играть планета.
Той пылью, которую ты поднимашь к небу,
Ты засоришь только свои же глаза.
Я глава, остальные владельцы — руки и ноги,
Зачем же разбивать свою собственную голову?
Ты ударяешь свое собственное тело,
Заносишь топор на свою же ногу.
Юношеское ослепление довело тебя до того,
Что шея твоя зудит по моему мечу.
Не тебя одного унизила непокорность мне,
Много шей она сломала героям.
Из всех царей Персии только мне подобает
Престол Кавуса и венец Джамшида.
Своим упорством ты меня сделаешь твердым, как железо,
Ведь я происхожу из рода железнотелых царей.
Чего бояться дождя тому старому волку,
Который носит волчью шубу, а не шелк.
Счастье нельзя отнять у того, кому оно дано,
Не годится покупать венец и трон,
Если Исфандиар ушел из этого мира,
Он передал власть в наследство Бахману,
Если Бахман расстался со властью,
Он оставил ее мне.

Кто кроме меня во время боя обладает
Сердцем Бахмана и силой Исфандиара?
Во мне нашла завершение рука Бахмана,
Ибо у меня тело железное, как у Исфандиара.
Я веду род от царей, все остальные — подданные,
Кто сможет прекратить род Кеев?
Ты ошибся, когда мерил меня,
Ибо ты не смерил руку Бахмана.
По роду моему я обладаю властью,
Не восставай же против своего властелина.
Раскайся теперь же, когда дело сделано,
Раскаяние уже становится бесполезным.
Хотя ты и смел, не дерзай понапрасну,
Не входи сам в пасть ко льву.
Оставь грубость, перейди к мягкости,
Не выводите меня из себя, чтобы ты сам мог удержаться на
месте.

За резкость я предаю твою страну разграблению,
За покорность дам тебе еще другую страну.
В моем величии я — та тяжелая гора,
Которая долго собирается двигаться.
Не приводи меня в движение, чтобы не затряслась земля,
Это я говорю тебе и повторяю еще раз». —
Когда читавший царское письмо
Дочитал эту прекрасную словно картину грамоту,
Искендер приказал поторопиться
И написать достойный послания ответ.
Опытный писец взял калам
И разукрасил все письмо сокровищами и драгоценными
камнями.

Написал такой чарующий сердцу ответ,
Что высокий небосвод поцеловал ему руку.
Когда ласкающее сердце послание было готово,
Он дал письмо гонцу, чтобы тот сvez его назад.
Писец пришел, развернул письмо,
Из каждой точки извлек сотню кладов,
Прочитал письмо от начала и до конца,
Слова в нем были приложены к другим, как жемчуга.

26. ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО ИСКЕНДЕРА ДАРИЮ

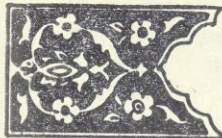
«Вначале письма имя чистого властелина,
Заставляющего подниматься из земли растения,
Дающего высоту высокому небу,
Раскрывающего око сознания,
Сотворившего мир и не нуждающегося в нем,
Помогающего в минуты беспомощности,
Лицо земли украсившего людьми,
Опясавшего его вокруг вращающимся небесным сводом,
Подобную ножнам землю мечом воды,
Заставившего блистать, как родник, солнце,
Господина не нуждающегося в рабах,
В котором нет ни преполненности, ни рассеянности,
Единого и ни на кого не похожего,
В сравнении с царством коего все бытие — пустяк,
Что ни возьмешь, все явно указывает на него,
Он не нуждается ни в чем из всего существующего.
Мне и тебе надо сначала материал,
Чтобы мы могли что-нибудь изготовить,
Но когда он творил, ему ничего не было надо, —
Постигнуть это не хватает сил у разума,
Рассудок — только ученик его.
Сердце принадлежит к числу покорных рабов его.
Мир полон мудрости и велений его,
Веления открыты, мудрость сокрыта,
Те, кто подобен архангелам в этой равной долине,
Пришли от него и к нему же вернуться.
Сердце и очи получают свет от него,
И я и ты, оба мы от него получили свое царство.
Никто не может уклониться от его велений,
Он господин, мы принимающие веления рабы.
Если он делает меня в мире венценосцем,
Нечего дивиться дару творца.
И ты, победоносный государь,
Не от матери получил престол и венец,
Господь дал тебе ту мощь, которой ты обладаешь,
Не будь же заносчив с теми, кого господь осыпал дарами,

Возблагодари господа, ибо неблагодарного
Не станет хвалить ведающий бога муж.
Пусть и в сознательном и бессознательном состоянии
Никто не забывает о его велениях.
Если захочет помочь мне господь,
Не диво будет, что даст он мне царство.
Могу я гордо поднимать голову
И играть мечом со львами.
Мечом я добуду себе венец и престол:
Этим драконом раздобуду месяц,
Разве ты не читал в истории царя Джемшида,
Как дракон проглотил этот месяц?
Герой Феридун с этим змеем
Расправился, несмотря на его драконью силу.
Клянусь властелином неба и земли,
От которого получает силу и то и эта,
Господом, если кто-нибудь из людей не знает о нем,
Разуму нет пути к такому безумцу.
Клянусь путем дедов моих,
Бывших пророками нашей веры,
Клянусь свитками ведавшего бога Авраама,
За веру которого возношу я ко господу благодарения.
Если только удастся мне одолеть иранцев,
Уничтожу я среди них веру Заратуштры,
Не оставлю ни огня, ни капища огня,
Будет огонь сожжен моею рукой.
Такой чистый обычай, такой прямой путь, —
Наш путь и обычай наших дедов,
Нельзя сыпать мусор на этот мускус,
Ибо прекрасный аромат мускуса не останется сокрытым.
Тому достанется финик с высокой пальмы,
Кто сумеет закинуть на финиковую пальму аркан.
Та роза гордо висится в саду,
У которой и цвет и аромат чарует сердце.
Среди диких ослов тот осел выделяется,
У которого мужество соединено с силой.
Среди львов тот лев свирепее,
У которого острее клыки и когти,
Два голодных льва и один окорок дикого осла,
Обед достанется тому, у кого сила.
Два слона обхватили друг друга хоботом,
Только одному из них достанется победа.
Ты муж, муж и я, во время боя

Мужество покажет, кто настоящий муж.
Я только тогда поверну с моего пути,
Когда отдам голову или добуду венец.
Что ты думал, в мире никого нет?
Ты один государь и только?
Под каждым листком есть торопливый путник,
На каждой стоянке есть знающий путь.
Не старайся околдовать такую змею, как я,
Начинай войну и оставь козни.
Ты даешь мне в удел мое же царство,
Из Йемена ты даешь в лен звезду Каноп.
Не годится давать овце сыворотку из-под сыра,
В ней овца найдет каплю своей же крови.
Не возносись вперед понапрасну,
Ты тоже сотворен из крови, не из огня.
Успокойся и оставь резкость,
Алмаз можно разбить свинцом.
Береги лучше тот кувшин вина, который у тебя в руках,
И не затевай спора со скалой.
Мир полон белой нефти,
Береги же свою иву от огненного потопа.
В покое проводи свою жизнь,
Какое дело властелину мира до дани?
Некий человек подарил нищему сад,
А тот из своего сада не дал ему и грозди винограда.
Одолей дичь, более слабую, чем я,
Ибо в львином окороке жиру не найдешь.
Зачем хвататься за ветку,
Если нельзя стряхнуть с нее плода?
Тогда только сбудется желание царя,
Когда можно будет перебросить мост через море.
Зачем ослеплять себя понапрасну
И питать неосуществимые желания?
Молодость толкает тебя, как Бахмана, на то.
Чтобы ты был растерзан драконом.
Смущает тебя злой дух, как Исфандиара,
И заставляет вступить в бой с Рустамом.
Когда Соломон водился с демонами,
Потерял он перстень с пальца.
Странись губительной вражды судьбы,
Погубившей много таких царей, как мы.
Ты сделал для себя расчет,
Но игра не такова, ты неверно сыграл.

Оставь же это неразумное желание,
Никто не поймает в силки Симурга,
Ты ведь не более кровожадный людоед, чем зинджи,
Ты не больше чинишь людям вреда, чем бербер.
Посмотри же, как я осуществил месть
И пролил кровь зинджей и берберов.
Будь вежлив, забудь вражду,
Ибо добрый человек не притесняет людей.
Я не первый начал готовиться к этой войне,
Это ты заставил змею высунуть голову из корзины.
Ты снарядил войско на борьбу со мной,
Повел его на меня, совершая наглые набеги.
Ты хотел разорить мою страну,
Отнять у меня царство моих дедов.
Теперь и мне надо подняться,
Опоясаться и собрать войско,
Выгнать войско из глубокого моря,
Пролить мечом моря крови.
Если ты в сознании, то и я не безумен,
Я сознателен и разумен.
Если счастье пролило свет на твои дела,
То и я не лишен успеха.
Если тебе мир дал в руки правление,
То я тоже принимаю в этом участие.
Твой союзник — венец, мой помощник — меч,
Я — меченосец, если ты — венценосец.
Не полагайся на свою столицу и свой венец,
За каждым престолом следует гроб.
Не смотри, что купол горы сложен из скал,
Не говори, разве может расколоться скала.
Когда земля во время боя начинает трястись,
Она с легкостью превращает в пыль горы.
Когда срок власти придет к концу,
Добывающийся ее, добудет ее с легкостью.
Ведь мир этот не стал тесным?
Неужели же мы с тобой мешаем друг другу?
Кроме этого я ничего не прошу у тебя,
Две разные гири не годится класть на одни весы.
Не думай, что я равен тебе по весу,
Ведь Бахман пострадал от дракона.
Если ты дашь мне в ответ камень и воду²,
Я, как гора, брошу в воду свой камень.
Я надену кольчугу, если ты будешь играть мечом,

Я опоясаюсь, если ты заключишь мир.
Что бы ты ни показал, горячее ли, холодное ли,
Я все приму, и мир и войну.
Давай же, что у тебя есть, меч или чашу,
И в том и в другом я вполне искусен».
Когда государь выслушал это письмо,
Мозг его от жара закипел.
Послал он приказ ускорить начало войны,
Но и Искендер не медлил в этом деле.
Приготовил он войско для битвы
И позаботился обо всех военных припасах.
Когда Дарий услышал, что этот дракон
Не хочет упускать из лап льва,
Задрожал он грозной дрожью,
Как тело горы во время землетрясения.
Сошлись войска с войсками,
Время открыло врата ненависти.
Местность на полуострове, прилегающая к Мосулу,
Прекрасное спокойное место и ароматная страна.
Это место оба царя избрали для боя,
От ужаса дрожали перед ним горы.
До сих пор, если поискать, воинво этих царей
Кости можно найти в этой стране.

27. БОЙ ДАРИЯ С ИСКЕНДЕРОМ ПРИ МОСУЛЕ

Приди, кравчий, сними запоры с твоего вина,
Отмерь мне несколько чаш.
Напой меня до бесчувствия чашей особого вина,
Быть может, я освобожусь наконец из этой трущобы.

* * *

Движение голубого небосвода
И вращение месяца и солнца,
Не думай, что это только пустая игра,
Что это завеса для такой суеты.
В этой завесе нет ни одной бесполезной нити,
Но начало нити мы увидеть не можем.

Кто знает, что случится завтра,
Кто скроется завтра от наших глаз.
Кого мертвым вынесут из дому,
Кому возложат на чело венец счастья.

* * *

Рассказывающий о добре и зле этой земли
Так говорил про тех чистых царей.
Когда поутру дал аудиенцию китайский царь
И эдемская невеста променяла жемчуга на золотой динар¹,
Войска прибыли к месту боя,
Раскинулись в два круга, как гора Каф.
Рассыпали железные шипы² на дороге злости,
Начальники отрядов подняли крик.
Авангарды за авангардами спешили во все стороны,
Сердца их не знали покоя, они не ведали сна.
Так много было войска с обеих сторон,
Что у бойцов были связаны руки и ноги.
С двух сторон стояли они на поле битвы,
Но медлили начинать сражение.
Думали, быть может, будет заключен мир
И меч их не будет извлечен из ножен.
Но так как от молодости и заносчивости врагов
Сошлись в одном месте вода и огонь,
Из спокойной выдержки возникла бурность,
И сердце врага исполнилось лютой злобой.
Найдя дорогу к злобе,
Они отвернулись от поисков ласки.
Загремел голос барабанов,
Небосвод поцеловал уста литавр.
Звон зеркал на боевых слонах вызывал такую смуту,
Что ломались кости в спине у слонов.
Такие мощные вопли раздавались из тюркских флейт,
Что вопли вылетали из глотки тюркских бойцов.
Трубы поднимали львиный рык,
Мозг был насыщен громом рогов.
Свист, раздававшийся от плетей,
Вылетал за пределы этого изукрашенного купола.
Вопли раздавались среди бойцов,
Криком подбодряли друг друга воины.
Ты сказал бы, что земля раскололась надвое
И Исафиал затрубил в трубу Судного дня.

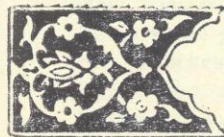
Земная пыль закрыла дорогу воздуху,
Повода мира выпали из рук.
Так много пыли насело на шлемы и седла,
Что небо стало землею, а земля небом.
Страшные вопли терзали сердце,
Арканы сдвигали горло.
От жаркого дыхания в воздухе поднялась туча,
Мир горел от пламенной молнии меча.
Меч так часто чихал от крови и пыли,
Что мозг воздуха наполнился чистыми душами [убитых].
Иранский полководец с самого раннего утра
Выстроил войско в полной боевой готовности.
Прежде всего он построил правое крыло,
Открыл мечом пасть дракону.
Также поспешно выстроил и левое крыло,
Ты сказал бы, выросла гора из булата.
Так соединил он впереди крылья,
Что закрыли они лицо солнца и месяца.
Центр был похож на булатную гору,
И для ищущего защиты был твердой крепостью.
С другой стороны румийский полководец
Выстроил войско как пальму из воска.
Оружие и кольчуги роздал желающим,
Укрепил спину искавших защиты.
И правую и левую сторону снабдил шлемами и мечами,
Как слезы тучи украшают розовый куст.
Авангард и арьергард сделал твердыми, как скала,
Воздвиг центр, мощный как Плеяды.
Но когда с двух сторон выстроили войска,
Витязи со всех сторон стали выдавать мужество.
Смерть приступила к выполнению казни,
Свет померк в очах мира.
Так много крови стеклось на поле битвы,
Что земля стала огненной, как красная сера.
От искрившихся мечей не было такого места,
Чтобы не таился в пещере дракон³.
Крокодилы — стрелы в засадах лука
Не отдыхали единого мгновения на том же месте.
Арки, дракон свивающийся кольцами,
Раскрывал пасть, чтобы поглотить клад⁴.
Разъяренные боевые слоны так рычали,
Что у яростных львов сжималось горло.
Так часто сыпались удары меча на шею,

Что никто не решался поднять голову.
Отец яростно бросался на сына,
Сострадание ушло, любовь удалилась.
Древко знамени окрасило одежду в крови,
Спасение раскинуло свою палатку вдали от мира.
Так много было раненных снабженными наконечниками
стрелами,
Что стрелки из лука натерли себе волдыри на руках.
Так разгорелся огонь битвы,
Что из копыт коней летели искры.
Покоритель мира Дарий в центре войска
Дышал злобой, как лютый черный лев.
От желанья терзать врагов и опрокидывать противников
Он раскрыл грудь и достойные Бахмана руки.
Где только он поднимал руку,
К его ногам падала голова врага.
Как только он набрасывался на человека, он убивал врага.
Как только ударял по голове, сносил ее.
Так много румийской крови пролилось в этом бою,
Что на земле были разостланы тысячи кусков румийского
красного атласа.
А с другой стороны Искендер острым мечом
Устроил на земле подобие Страшного суда.
Обеими руками действовал он в бою,
И в каждой был меч, сверкавший как алмаз.
Так владели мечом обе руки,
Что враг не мог отказать в жизни его мечу.
Когда кинжал его ударял по голове слона,
Он повергал к ногам голову слона.
Когда на реку воды проливал он свой гнев,
Из реки он заставлял подняться огонь,
Как дышащий огнем лев,
Который повергает в смятение коней.
Дарию доложили, что этот свирепый лев,
Многих львов сбросил с коней.
Лучше было бы, если бы царь перестал щадить его,
Ибо того героя сторонятся даже слоны.
Пусть прикажет он войску сразу
Погнать коней на борьбу с тем витязем.
Дарий понял, что лучше всего будет
Заставить войско двинуться как море,
Чтобы все в одну сторону
Толпой бросились на Искендера.

По приказу обладателя венца и престола
Закипело войско, вступило в яростный бой.
Все сразу натянули поводья
И двумя руками схватились за мечи.
Искендер увидел натиск врага,
Увидел, что его не пощадят,
И дал приказ, чтобы и румийское войско
Не жалело отдать свою жизнь,
Преградило врагу дорогу
И повергло противника в прах.
Два войска устремились, как муравьи и саранча,
Подняли в мире борьбу на целый мир.
Булатными мечами и острыми стрелами
Закрыли проход даже для мураша.
Как гилянские пчелы высунули жала,
Изранили землю стрелами.
Искендер среди этого яростного боя
Стоял твердо, как корень дерева.
Опрокидывавший слонов погнал к нему коня,
Устремился к слонотелому, как Ахриман,
Нанес удар по телу героя.
Удар, от которого дрогнул юный кипарис,
Разрубил кафтан, разбил кольчугу,
Смотри, что сделал булат со скалой!
Не разрубил руки блистающего солнца,
Но все же сила ее была ослаблена.
Едва-едва спаслось тело царя от ранения,
Ударил он мечом и снес противнику голову.
Устрашился этого бесстрашного врага,
Сделал из этого вывод о его смелости.
Принял решение уклониться от врага,
Дать освобождение груди от копий.
Но еще раз, надеясь на счастье,
Остался твердо стоять на своем месте.
Увидев знамение своей победы,
Увидев, что длань его одолеет врага,
Он сделал мощной свою руку в бою
И начал борьбу со своим соперником.
Войско без усталости проливало кровь,
От врага переходило к врагу.
Испытанные в боях иранские воины
Преградили путь румийскому войску,
Ослабели в борьбе с ними румийцы.

И смертный час захотел сделать их пленниками,
Но еще раз мужественно сдержали напор.
Словно железная гора не двинулись с места,
С честью держали свое знамя,
Не отдавали противнику добычи.
Когда зиндж собрал в своем венце драгоценные камни,
Китайский царь сошел с трона слоновой кости⁵.
Ясный месяц засветился в темной ночи,
Приобрел блеск начищенного зеркала.
Оба войска собрались в одно место,
Утомились и прекратили вражду.
Пришли в лагерь с поля битвы,
Омыли раны на теле и пыль на лице.
Опаслись быстровращающегося небосвода,
Что-то ниспослет он завтра...
На другой день омывший лицо апельсином⁶,
Как торговец благовониями, высунул голову из угла,
С двух сторон войско начало строиться в ряды,
Львы поднялись на охоту
Через булат меча и ремень лука.
Небо показало много силы в руках героев.
От крика войска пропало терпение,
Рука выпускала поводья, нога соскальзывала со стремена.
У Дария было два приближенных полководца,
Близких к преданности, но далеких от искренности.
От притеснений Дария пришли они в отчаяние,
Почувствовали в сердце его оскорбления.
Порешили они пролить кровь Дария,
Показать ему открыто свою ненависть.
Когда они задумали такое дело,
Попросили они у Искендера пощады:
«Мы приближенные Дария, вот и все.
Нет никого ближе к Дарию, чем мы.
Так как мы измучились от его неправосудия,
Мы сошлись на том, чтобы пролить его кровь.
Завтра мы хотим наброситься на него
И очистить царство от неправосудия его.
Сегодня вечером продержись в бою на месте,
Ибо завтра противник будет повергнут.
Когда завтра воздвигнет он знамя среди рядов,
Ему будет нанесен удар разрезающим бока мечом.
Но только при условии, что в награду за труды
Ты откроешь для нас замок сокровищницы.

Нас обоих сделаешь богачами,
Золотом сделаешь наши дела подобными золоту».
Искендер дал обещание выполнить просьбу,
В знак обещания дал им руку.
Не верилось ему, что эти два нечестивца
Совершат такой грех по отношению к своему повелителю.
Но только каждый прибегает к такому средству,
Посредством которого он может поразить врага.
Когда неправосудие стало для него правосудием,
Пришла ему на память старая поговорка,
Что зайца каждой страны без сомнения
Может поймать только собака той же местности.
Когда эти мятежники-цареубийцы
Узнали об обладателе разума,
Что он даст им распоряжение над сокровищницей
И поможет пролить кровь соперника,
Забыли они о своих обязанностях по отношению к царю
И стали готовиться убить его.
Когда вор унес рубины солнца
И мир начал упорствовать в поисках рубина,
В воровстве уличили лунный свет,
Что он, мол, украл эту чистую драгоценность.
Два войска, распоясавшись, словно горы,
Стояли усталые после тяжелого боя.
Направились они к своим стоянкам
И начали готовиться к завтрашнему бою.

28. ПОБЕДА ИСКЕНДЕРА НАД ДАРИЕМ И СМЕРТЬ ДАРИЯ

Приди, кравчий, удали меня от меня же!¹
Наполни мир светом рубинового вина.
Вина, которое доведет меня до стоянки,
Все в мире уносит сердце, вино уносит горе сердца.

* * *

Хотя мир и приятное место отдохновения,
Но у торопливого путника подкова в огне.
Две двери у этого разукрашенного сада,

И с обеих дверей сняты запоры.
Войди в дверь сада и осмотрись хорошенько,
В другую дверь снова выйди наружу.
Если ты хитер, не привыкай к розе,
Неизбежно придется оставить ее на месте.
В то мгновение, которым обладаешь, копи радость,
Ибо будущее и прошлое — ничто и ничто.
Мы пришли не для развлечения,
А скорее для печали и скорби.
Ослов никто не приглашает на свадьбу,
Пока не понадобится натаскивать воды и дров.
Передающий стихи этой повести
Вел речь по обычаю правдивых;
Когда угасло пламя светлого дня
И наполнился дымом быстро бегущих купол,
Небо нацепило в виде украшения месяц,
Изумителен бывает свет посреди мрака.
Авангарды из лагерей обеих царей
Несли сторожевую службу до самого утра.
Караульный начал ходить словно жернов,
Не переставала издавать куропатка клич караульного.
Много спящих из страха перед разъяренным слоном
В смятении каждое мгновение просыпалось и вскакивало.
Тело мужей отдыхало от трудов и тягот,
Но сон каждое мгновение покидал очи.
Втайне молились оба войска:
«О если бы подлиннее была эта ночь.
Эта длинна показалась бы отстрочкой,
И не скоро настал бы день боя».
Так думали оба состязавшихся:
Пролить бы кипящую желчь.
Когда светлое солнце наденет колпак,
Когда светлое будет отличаться от темного,
Оба царя встретятся повод к поводу,
Проложат дорогу к дружбе.
Лаской и довольством по отношению друг к другу
Согреют [грудь] и не будут отворачиваться от мира.
Когда Дарий попросил в этом деле совета,
Сердце противника оказалось слабым в совете.
Никто не указал пути к миру,
Дали ему совет мечом проливать кровь.
Что иранец перед израненным² румийцем
Неужели отступит в бою?

Если мы завтра будем упорствовать в бою,
Мы не оставим на месте и одного румийца.
Такими уловками успокаивали царя,
Кто указывал на мужество, кто на обман.
Об этом старались и оба скорых злоумышленника,
Ибо они дали обещание пролить его кровь.
С другой стороны, Искендер приготовился
И [думал], как выступить на этот бой,
Помнил он о замыслах двух полководцев,
Знал, что это поможет ему, кроме его собственной смелости.
Так сказал он румийским богатырям:
«Завтра в круге этой жесткой земли
Сразимся сражением достойных мужей.
Жилу души сражением укрепим,
Если мы одолеем, нам — царство,
Если нас победят, царство — Дарию.
Воскресение, сокрытое от нашего понимания
Настанет несомненно, и днем его будет наш завтрашний
день».

От таких страшных мыслей
Оба войска лежали в смятении и ужасе.
Когда мир открыл врата света
И вселенная начала новую игру,
Огнем сменилась горсть искр,
Вместе слилось³ серебристое просо звезд,
Задрожали оба войска, как горы,
И от этого дрожания в смятении пришел мир.
Царь рода Феридуна, семьи Бахмана,
Когда встал рано поутру,
Все снаряжение войска, потребное для боя,
Приготовил, колчаны для стрел,
Воздвиг из булата сотню гор,
У подножия их сделал место для сокровища⁴,
Когда с правого фланга все было в порядке,
И левый фланг был превращен в медную крепость.
Крылья с воздуха до земли простирали корни,
Арьергард в земле был укреплен словно четырьмя гвоздями.
Государь сам стал в центре,
Над головой его развевался Кеев стяг.
Искендер, у которого был сожигающий мир меч,
Держал этот меч ради такого дня.
Бой, как проливающая дождь туча, посылал
Град стрел и дождь мечей.

Крылья войск поднял до самого неба,
Копыта коней повел по лужам крови.
Витязям так, как хотел,
Приказал он пойти на правую сторону.
Отряд, который он сделал лучниками,
Пускавший стрелы левой рукой, поставил слева^б.
А богатырей престола,
На которых зиждется безопасность царя,
Он поставил в центре около себя.
Как булатная гора был этот слонотелый,
Поднялся крик из центра обоих войск.
Небо услышало вопль Судного дня,
Заревела труба как яростный лев.
Пустился в пляс отважный змей,
От испуганных стонов флейт,
Лихорадочная дрожь охватывала руки и ноги,
От грома бронзовых литавр на спинах слонов
Поднялся из Нила вопль крокодилов.
Так зычно ревели отнимающие силу трубы,
Что сила исчезла, сворачивался пупок.
От шума пустоголовых барабанов
Задрожала земля и горы и долины.
Лихорадочный жар вспыхнул в остриях копий,
И раскрылись для них окна кольчуги и шлема.
Так бушевал дождь из стрел,
Что дождевая туча скинула с плеч одежду [-дождевик].
Вопли бронзовых чаш литавр
Заставляли слышавших их страшиться за жизнь.
Звонящие в колокола звоном их
Исторгали кровь из сердца каменной скалы.
Забушевали два кровавых моря,
И от воды их земля окрасилась как тюльпан.
Земля, которая была разукрашенной цыновкой,
Стала пылью, поднявшейся с места.
Сражавшийся сверкающим, как ртуть, мечом
Заставлял беглецов бежать наподобие ртути.
От булатных стрел, пробивавших тела,
Содрогнулось в своих основах тело гор.
Так много сыпалось ударов дробящего скалу булата,
Что кости земли рассыпались на мелкие куски.
От острых стрел, похожий на водяное колесо, небосвод
Захромал в своем круговращении.
Так много дротиков сыпалось на уста,

Что дыхание не могло найти путь и вырваться наружу.
Копье срослось с копьем, как острия шипов,
Щит придвинулся к щиту, словно сад полный тюльпанов.
Для беглецов среди этого Судного дня
Не было ни средства к спасению, ни пути к бегству.
Всадники выпустили все стрелы,
То пуская стрелы, то бросая колчан.
На этой бойне рожденных от Адама
Земля стала горой от упавших тел.
Каждый был рад спасти свою собственную жизнь,
Никто и не помышлял о других убитых.
Никто не носит траура на поле битвы
И не надевает черного, кроме кафтана под кольчугой.
Слагающий слова говорил прекраснейшие речи,
Когда назвал смерть среди толпы веселым праздником.
Когда смерть убивает одного человека,
От плача печалится целый город.
Но когда умирает целый город, вдали от города
Никто не заплачет в отчаянии.
Так много трупов убитых рыцарей лежало друг на друге,
Что дорога была закрыта для коней.
На этом кровавом Тигре высокое солнце
Как лилия, плыло челноком на воде.
Копья Искендера в этом бою
Стали пламеннее западного источника^б.
Искры, летевшие от меча Дария,
Вызывали жар в сердце твердой скалы.
Когда оба войска сошлись,
Они подняли в мире подобие Страшного суда.
Рассыпаться начало войско
И позабыло оно о [необходимости] охранять шаха.
Когда войско рассыпалось во все стороны в бою,
Просторно сделалось на тесном поле битвы.
Никого из приближенных не было возле Дария,
Ибо никто не питал к нему в сердце любви.
Два полководца-предателя, как яростные слоны,
Напали внезапно на этого слонотелого.
Упал Дарий от быстрого удара,
В мире поднялся вопль Воскресения.
Кавеево древо упало во прах,
Корчилось в крови израненное тело.
Терзалось нежное тело от боли раны,

Нет родства между ветром и светочем.
Оба полководца, мятежные убийцы,
Тотчас же пустились к Искендеру:
«Мы разожгли пламя среди врагов,
На счастье царево пролили его кровь.
Одним ударом погубили его дело,
Душу его предали царскому стремени.
Приди, посмотри и ты поверишь,
Оросишь копыта коня его кровью.
Так как мы выполнили то, что обещали,
И ты сделай то, что говорил.
Подари нам клад, который добыл,
Выполни то, что ты сам сказал».
Когда Искендер увидел, что эти безумцы
Дерзают пролить кровь государей,
Пожалел он, что дал им обещание,
Ибо уверенность в собственной безопасности его исчезла.
Умирает надежда мужа,
Когда ровесник его склоняет голову во прах.
Начал расспрашивать: «Этот царь, укрощающий страны,
Где лежит в крови и поту?»
Два нечестивца тотчас же
Провели царя к месту своего несчастья.
Когда прибыл к центру свиты Дария,
Увидел он, что из свитских там никого нет,
Увидел тело властителя в пыли и крови,
Кейский венец был опрокинут.
Соломон упал к ногам мураша,
Мошка совершила насилие над слоном.
Руку Бахмана обвил змей,
Исфендиар потерял свою медную крепость.
Весна Феридуна и цветник Джамшида
Под осенним ветром стали добычей горя.
Грамота о престолонаследии дома Кей-Кубада,
Лист за листом разлетелась по ветру.
Искендер соскочил со своего гнедого,
Подошел к изголовью этого могучего слона.
Приказал: «Этих двух полководцев,
Наносящих удары из-за угла и коварных,
Задержите тотчас же на месте».
А сам ринулся вперед, как безумный.
Нагнулся к изголовью раненного,
Удалил кольца Кеевой кольчуги.

Положил себе на колени его голову,
Положил темную ночь на светлый день.
Не открывая глаз, то тело, охваченное [смертельной]
сонливостью,

Молвило: «Вставай из крови и пыли.
Оставь меня, нет мне спасения,
Не осталось света в моем светильнике.
Небосвод так пробил мне бок,
Что ребра мои исчезли внутри.
И ты, о витязь, пришедший ко мне,
Береги свой бок от моего бока⁷,
Хотя бок у меня разорван, как у тучи,
Но исходит от бока моего запах меча,
Оставь голову властителей,
Не разбивай, ибо нас разбил уже мир.
Что ты за рука, что решилась протянуться к нам
И играешь Кеевым венцом?
Береги свою руку! Это Дарий!
Это не сокрыто! Это очевидно, как день!
Лик моего солнца пожелтел,
Набрось же на меня лазоревый полог,
Не смотри на поверженный кипарис,
На такого царя в таком рабстве.
В этих узах избавь меня от сострадания,
Помяни меня, чтобы достичь всепрощения божия.
Я для земли венец, венчающий главу ее,
Не заставляй дрожать меня, дабы не задрожала земля.
Оставь меня, дай сладостному сну унести меня,
Земля унесет воду, небосвод — огонь мой.
Не снимай успешного с трона,
Ибо вращающийся небосвод испустит вопль.
Время мое, вот оно, идет несомненно,
Оставь же меня, предоставь себе самому хоть на мгновенье.
Если ты хочешь похитить венец с моей головы,
Помедли хоть мгновение, пока я не отойду,
Когда я распоясаюсь от служения этой стране,
Хочешь бери венец, хочешь мою голову».
Искендер застонал: «О венценосец,
Я Искендер, служитель государев.
Не хочу я, чтобы глава твоя лежала во прахе,
Чтобы лицо твое было омочено кровью.
Но только, что пользы! Дело сделано...
Огорчение не принесет пользы в этом деле.

Когда бы ты вознес венценосную главу,
Я, опоясавшись, служил бы тебе.
Увы, теперь пришел я к морю,
Пришел по грудь в волнах крови.
Отчего не сломалось копыто моего коня!
Отчего не заблудился я на этом пути!
Быть может, я не слышал бы тогда стога царя,
Не видал бы судьбы такого дня...
Клянусь вседержателем, ведающим тайны,
Нуждаюсь я в целости и сохранности Дария,
Но, когда камень упал на стекло,
Ключ врат исправления уже не попадает в руки.
Увы, из рода Исфандиара
Ты один был и только памятью о [великом] доме.
Что было бы, если б очевидной стала смерть,
Искендер лежал бы в объятиях Дария.
Но что пользы? Силой не умрешь.
Не сойдешь в могилу раньше положенного времени.
Для меня один волосок царя
Ценнее, чем сто тысяч венцов.
Если б знал я средство от этой раны,
Я искал бы его, пока только мог.
Пусть не будет ни веша, ни трона шахиншахов,
Если опустело от Дария государство.
Почему я не рыдаю кровавыми слезами над этим венцом
и престолом,

Которые скинули с себя [своего] владельца.
Да не будет этого цветника! Властелин его
В такой скорби от его терний.
Отвратителен мир, который убил Дария,
Он тайно вскармливает, а явно убивает.
Раз нет у меня силы помочь ему,
Буду я оплакивать память юного кипариса,
Что ты посоветуешь? Каково твое мнение?
На кого надеешься? Кого боишься?
Скажи все, что хочешь, я выполню приказ,
Дам обещание помочь тебе».
Когда Дарий услышал эти чарующие сердце вздохи,
Он раскрыл глаза, чтобы обратиться с просьбой.
Сказал ему: «О ты, более счастливый, чем я,
Достойный украшения моего трона,
Зачем ты спрашиваешь того, кто расстается с жизнью.
Розу, застигнутую самумом осени?

Мир для всех замешал шербет на льду,
Только для нас он записал на льду про этот шербет⁸.
От бесславия пылает внутри моя грудь,
От пят до головы утонул я в море крови.
Словно молния, которая спешит в туче,
Уста ее пересохли, а тело тонет в воде.
Если в глиняном сосуде сначала была дыра,
Его не исправишь ни воском, ни клеєм.
Мир со всех сторон совершает набег,
Одного принесет, другого унесет.
Не в безопасности от него те, кто существует,
Да и те, кто ушел и спасся.
Смотри на мой последний день, заботиться о правде
Помышляй и ты о таком дне.
Если ты воспользуешься моим советом,
Не даст тебе судьба в удел такого дня,
Не лучше я Бахмана, которому змей
Не дал времени даже почесать голову,
Не Исфандиар я, покоритель мира и герой,
А ведь и он не спас жизни от злого глаза мира.
Так как в нашем роду изначально появился обычай
насильственной смерти,

Убийца подтвердил на мне родословную мою.
Будь же весел на царстве!
Я перестал помышлять о покойном троне,
Так как ты спрашиваешь, в чем мое желание.
В то время, когда нужно будет рыдать надо мной,
Три желания я втайне питаю,
Пусть свершатся они по мощи царя мира.
Первое: чтобы за убийство невинного
Ты потребовал правосудия в этом деле.
Второе: чтобы на престоле Кеев, в венце их
Ты был правителем, не причинял ущерба,
Очистил свое сердце от семени ненависти
И не очищал земли от нашего семени.
Третье: чтобы с подвластными мне [женами]
Ты не обесчестил моего гарема в моей опочивальне.
Затем, чтобы Роушенек, дочь мою,
Которая возвращена в нежности монми руками,
Ты возвысил, приняв ее к себе на ложе,
Ибо славен бывает стол нежными красавицами.
Свое светлое сердце не отвращай от Роушенек⁹,
Ибо солнцу лучше сочетаться со светом».

Искендер принял от него все, что он говорил,
Принимавший встал, говоривший уснул.
Синева и мрак наполнили небосвод,
Лишивший Багдад дворца и Керха¹⁰,
Осыпавший плод с Кеева дерева,
Сшивший саван по мерке панцыря Исфандиара,
Когда солнце отняло свою любовь у мира,
Остался агат, а рубин сокрылся.
Искендер над этим царем славного рода
Рыдал от вечера и до самого рассвета.
Смотрел на него, а рыдал по себе,
Что и ему придется выпить такого же яду.
Когда на другой день утро, всадник на пегом коне,
Стрежило своего коня на этом лугу,
Искендер повелел, чтобы принесли все необходимое
И покойника отнесли на прежнее место¹¹.
С золотой колыбелью и каменным куполом
Приготовили ему новый дворец.
Когда приготовили ему такой покой,
Забыли все раны, которые он нанес им.
Обладатель тела до тех пор имеет цену,
Пока есть душа в доме тела.
Но когда выйдет драгоценная душа из тела,
Ты бежишь даже и от своей сожительницы...
Светоч, который задул ветер,
Не все ли равно, что он в куполе портика или на земле.
На небосводе ли ты, на земле ли,
Раз ты прах, в конце концов ты прахом и станешь.
Много рыб становится пищей муравьев,
Когда из соленой воды попадает на соленую землю,
Таков обычай у этого места прохода.
Всех оно заставляет проходить и уходить этой дорогой.
Одного поспешно приведет в назначенное время
Другому раньше времени скажет: «вставай».
Под этим лазурным ковром
Не веселись в этом замке цвета янтаря,
Сделает он твое лицо желтым как янтарь,
Сделает твою одежду синими, как лазурь,
Если олень прибывает в страну львов,
Дом его разрушен будет смертью.
Как птица подними крылья для отлета,
Не опьяняйся вином в этом отхожем месте.
Спали огнем этот мир, словно молния,
Освободи от себя мир и освободись.

Саламандра так же, как и бабочка, стремится к огню,
Но одна искони хромая, а другая прекрасно летает.
Пусть он царь над страной, пусть собственность царя,
Все это путь скорби или скорбь пути.
Кто знает этот издавна вращающийся прах,
Что таит в глубинах своих пропастей.
Этот прах — старый кошель, полный складок,
И никогда из него не раздастся звона кладов.
Золото звенит в новом кошелье,
Новая баклага от влаги начинает шипеть.
Кто знает, этот склеп всего живого
Какую историю имеет добрых и злых дел,
Как она волховала над мудрыми,
Каким витязям снесла головы.
Небосвод не всегда одинаков в твоих объятиях,
Его цветная кайма — двухцветная на твоём плече:
Он то возвысит тебя, словно архангела,
То свяжет тебя по рукам, как дива.
Вечером не вспомнит о тебе за куском хлеба,
Утром даст тебе печенье на небосводе.
Зачем в этой стоящей на семи ручьях мельнице¹².
Быть столь благодарным за одно зернышко.
Ты словно Хызр постись от такого удела,
Если есть вода жизни, нужны ли финики, нужно ли молоко?
От этих подобных дивам людей, лютых зверей,
Скройся, ибо это дурные товарищи.
Нога дикого осла сокрылась от охотников,
И это только от бесчеловечности этих людей.
Бегущий по лугам олень
От людей бежит в горы и пещеры.
Так же и лев, обитавший в рошах,
Стал опасаться вероломства людей,
Быть может, драгоценный камень благородства раскололся,
Что человечность умерла в людях.
Если ты хорошенько прочитаешь начертание слова «люди»,
Ты скажешь «я умер». Вот что это за слово¹³.
У человека в глазу шапка¹⁴
Оттого почернела, что умерло благородство.
Низами, устремись к молчанию,
Не старайся говорить то, что не надо говорить.
Ты живешь ведь со спящими, умолкни же!
Засни или заткни хлопком уши!
Учись у этого лазурного камня¹⁵,

С красным он красный, с желтым — желтый,
По ночам, когда он расписан сотней рисунков,
Он переливает на сто ладов, как молодая весна.
Поутру, когда ключ достается одному источнику,
Приобретает он облик одноглазого.

29. ИСКЕНДЕР ЗАКЛЮЧАЕТ ДОГОВОР С ВЕЛЬМОЖАМИ ИРАНА

Приди, виночерпий, яркую кровь лозы
Влей мне в мозг, зажги его, как огонь мех.
Вина, которые даст мне выскользнуть из себя самого,
Сделает мою голову двумозглой, как утро¹.

* * *

Где было ты, юное счастье?
Поставь свою колыбель во дворце ведомого истинным путем².
А когда войдешь во дворец ведомого,
Снеси от века моего привет ему.
Потому счастье назвало «успехом» тебя,
Что ты украшенне венца, убранство престола.
Ты заставляешь вспыхивать ланиты людей,
Мир не шил подобного тебе одеяния.
Клянусь именем бога! Ты разукрашенная картина!
Из всех самоцветных камней ты лучший камень.
Твоей руке надлежит вверять поведья,
От тебя — помощь, от нас — мужество.
Укажи мне приметку твоей улицы и базара,
Чтобы я сумел пойти поискать тебя.
Так мне кажется, что из всех стран,
Нет для тебя врат, кроме врат государя.
Где бы ты не находился, я опоясан,
Я постоянно с тобой для служения.
Потому-то сказал тот обладатель разума:
Прекрасно счастье продающего жемчуга.
Ведь такой драгоценный камень, сокрытый в скалах,
Можно добыть только с помощью счастья.
Искендер отличался здравым умом и правильным решением,
Был завоевателем мира благодаря силе счастья.

Если бы счастье не стало его водителем,
Он не растоптал бы под ногами головы врага.

* * *

Передающий рассказ старец, служитель счастья,
Такой рисунок вычертил циркулем счастья.
Когда край венца Дария сокрылся,
Искендеру досталось царство мира.
Все сокровища Дария от новых до старых,
Которым не было ни начала, ни конца,
Перешли в сокровищницу царя.
Из одного моря ввергли в другое,
Тронов и палаток, венцов и престолов.
Столько, сколько невозможно взвесить.
Драгоценных камней столько, что писец
Не сможет сосчитать их ни по пальцам, ни в уме.
Кристалльные блюда, подносы, полные рубинов,
Стерли подковы вьючным животным.
Также арабские кони с золотыми седлами,
Китайские юноши с золотыми поясами.
Достойных царя одежд свыше счета,
Верблюжьих выюков больше тысячи.
Оружие и одежды нельзя было сосчитать,
Принимавший даже и не благодарил за них.
Кроме того, другие диковинные вещи,
Которые достаются в удел личному казначейству.
Такой клад серебра и чистого золота
Запечатала личной печатью властелина мира.
От этого собранного клада властелин мира
Разгорелся, как сокровища от драгоценных камней.
От драгоценных камней разгорается темное сердце,
Быть может, потому их и называют «светочем ночи».
Если нужно идти за кладом в темноте,
Потому что клад страдает от света,
Почему же лицо того, кто находит клад,
От радости начинает сиять, как солнце?
Ты создан из праха и понятно, что тебе нужны сокровища,
Ибо никто не ищет земли, лишенной сокровищ.
Богатства заставляют сиять человека,
Ими украшаются дела.
Золото это тот проливающий шафран плод,
Который возбуждает радость как шафран³.

Черные обитатели Магриба, похожие на зинджей,
Веселятся желтизне этого шафрана.
Искендер, когда увидел, что все эти россыпи сокровищ
Попали ему в руки без малейшего труда рук,
Служителям дворца своего,
Как богатым, так и нищим,
Он дал удел из этих накопленных сокровищ.
Справедливостью и правосудием стал главою своего века.
Послал он кого-то к иранским витязям,
От этих дверей никто не уйдет обиженным.
Склоните свои головы к нашему дворцу,
В нашем дворце спасете свои головы от погнбели.
В отношении вас, каждого из вас я не потребую никакой
услуги,

Но осыплю вас милостями без счета.
Вельможи Ирана собрались
И этой радостной вести развеселились чрезвычайно.
Слыхали они про сердце государя,
Что оно твердо держит клятву и обет.
Все, собравшись вместе, пустились в путь,
Направились в чертог собраний царя.
Царь обрадовался прибытию
Этих витязей, охранявших войско,
С каждым в отдельности он заключил договор,
Что не снизит положения ни одного из них.
Раскрыл двери казнохранилища для каждого из них,
Много дал сокровищ, много драгоценных камней,
Дал им все то, что возвышает сан,
Возвысил их вдвое выше, чем ранее.
Выяснил дело каждого из них,
Разбудил счастье этих спавших людей.
Когда иранцы увидели эту щедрость,
Они отвернулись от петли непокорства.
Склонили все сразу голову до земли,
Вознесли край венца до небес.
Осыпали государя благословениями:
«Да будет помощником твоим высшая из небесных сфер!
Вершина престола Джамшида да будет твоим местом,
Троны властелинов да повергнутся в прах у твоих ног!
Старый ушел, наш новый царь — ты,
Ты не Хосров, ты наш Кей-Хосров.
Никто не уклонит головы от твоего решения,
Наша голова склонена к подножию ног твоих».

Когда царь увидел, что путем удачи
Рабство стало неотложным предписанием для иранцев,
На то место собрания, пышное, как звезды,
Где собрались толпы со всех семи кишверов,
Он повелел принести меч и чашу.
Привести к трону двух проливших кровь,
Двух полководцев, ослепленных гордостью,
Одевших на шею перевязь меча.
По велению замешали бы глину их кровью,
Жилы их шеи сделали перевязью.
Прежде всего из сокровищ и золота то, что он обещал,
Он выдал как уговор.
Когда же он отдал обещанные деньги,
Он этим выполнил свое обещание.
Тогда он повелел казнить их,
Связать веревками и свести на эшафот.
Глашатай обошел все войско:
«Вот каково возмездие пролившим кровь царя!
Если че-нибудь имя связано с таким преступлением,
Таким днем кончается жизнь его.
Никогда еще не прощал обладатель разума
Тому рабу, который убил господина».
Зрители из горожан и воинов
Смотрели на справедливость и заботу Искендера.
Такой нрав и обычай осыпали благословениями,
Стали покорными рабами покорителя мира.
Покоритель мира сидел с мудрецами,
Да будет далек глаз злых от этого круга.
В два ряда было накрыто для пировавших,
Все сидевшие встали.
Опоясанные юноши, проворные,
Ты сказал бы, пояс к поясу вырос из кольца.
Грозность царя узлом завязала руки и ноги,
От каждого из присутствовавших словно лишь изображение:
было на месте..

Как стена украшенная картинами:
Тело осталось, а дух отлетел.
Искендер, повелитель мира, победитель Дария,
От этого пира засиял как светоч.
Затем с каждым вельможей
Он поговорил, как подобало сану того мужа.
Разыскал внука Зенге⁴,
Потребовал его и омыл ржавчину с его зеркала.

Спросил его: «О старец, испытавший года,
Голова твоя бросает тень на ноги,
Много лет ты прожил в этом мире,
Ты не несведущ в делах мирских.
Когда ты увидел, что Дарий стал притеснителем,
Стал замышлять против меня злое, когда на мне не было

вины,

Ведь ты же знал тайны мира,
Почему же ты скрыл тогда от него добрый совет?
Если юность заставляет вскипеть кого-нибудь,
Преступление совершает тот старец, который молчит». —
Слушатель от жара румийского царя
Растопил воск масляными речами.
Соорудил лук из согнутой спинны,
Ноги и кости его стали цвета древесной коры.
Одел оружие слов, открыл колчан,
Из колчана положил на лук стрелу Ариша⁶.
Сначала прославил повелителя мира:
«Пусть повелитель мира никогда не расстанется с
осуществлением своих желаний.
Пусть веселы будут мысли властителя века,
Пусть велик будет удел его в сладости мира.
Пусть в весельи вздымается его юная глава.
Пусть глава врага его будет повергнута к его ногам.
Много советов дал этот выдавший мир старец,
Но только не нашли очи места в полном злобы сердце.
Много ярких светочей, не дававших дыма,
Я показал Дарию, но пользы от этого не было.
Если судьба Искендера — трон и чаша,
Что может быть от Дария, кроме безрассудных поступков.
Когда небо возвышает гордеца,
Оно причиняет урон всем заносчивым.
Некий старец в Индостане упал с осла,
А осиротевший сын в Китае неожиданно получил наследство.
Если где-нибудь поток разрушает канал,
Он несет воду в канал какого-нибудь другого человека.
Нога твоего счастья наткнулась на клад,
Не страдай же от несчастий врага.
Ты молод, ты царь, ты свободен,
Лучше всего тебе сидеть за чашей вина и музыкой.
Ты можешь осуществить юношеские желанья,
Когда придет старость, надо избирать угол.
Старческим головам лазурный купол,

Заххаку и Джамшиду, посмотри, что сделал⁶.
Когда царь мира становится ветхим годами,
Служителям своим он надоедает.
Если же он мудр и отличает зерно от шелухи,
Отличает добро от зла и врага от друга,
Страх перед ним появляется в сердце у всех,
Когда видят, что он знает людей.
Тогда изыскивают средства, чтобы свергнуть его,
И утверждают, что более не нуждаются в нем.
Нового с радостью встречают литаврами,
Ибо его они могут обманывать.
Таким образом Кей-Хосров и Кей-Кубад
В старости не упоминали более о царстве.
Мир оставили другому царю,
А сами направились в путь, на гору Альбурз.
Стали надевать дозволенное и питаться дозволенным
И так нашли безопасность от меча и яда.
Когда царь увидел, что этот старец, памятующий о Кеях,
Знает о делах полезных и убыточных,
Есть у него путь к добру и злу стычек,
Искушен он в боях и знает дело,
Вопросил: «Что же такое в бою
Полезно для того, чтобы достигнуть победы?
Какой замысел удержит войско на месте?
Какая беда отнимает сообразительность у мужа?»
Искушенный в боях, выдавший мир сказал:
«Победа неразрывна с тем витязем,
Который находится в войске такого царя, как ты.
С твоей славой — один человек — целое войско,
Если таков приказ, чтобы этот слабый прах
Для тебя дал правильное указание,
То слышал я от прежних испытанных в бою витязей,
Что от силы тела возрастает и мужество бойца.
Мужество, — вот путь полководца,
Смятение несовместимо с водительством.
При снаряжении войска
Не надо искать помощи у войска,
У себя ищи терпения, победы проси у бога,
Ибо эти две вещи удерживают войско на месте.
Если ты победоносен, не ищи боя,
Не закрывай врагу путь к отступлению.
Если ты потерял надежду, прилагай усилия от всей души,
Ибо мужественного человека никто не наказывал.

Лучшее предзнаменование, которое ты можешь найти,
Это сердце, не знающее страха перед врагом.
Так сказал Рустам Ферамурзу:
«Будь бесстрашен и сломишь гору Альбурз».
Так сказал Бахману Исфендиар:
«Если не сломишься, сломишь врага в бою».
Поражение, от которого кровь выступила на скалах,
Дарий понес оттого, что сердце его было разбито.
Со страхом в сердце, вышел он на поле битвы,
Но скрыл куропатку от этого белого сокола⁷.
Так как во время царствования его никак не знал покоя,
В деле с тобой уделом его мог быть только прах».
Еще раз задал ему Искендер вопрос:
«О ласковый старец, ветхий годами,
Слышал я, что Рустам, смелый всадник,
Совершал походы один, как лев.
Когда он один нападал на войско,
В бегство обращались воины на поле битвы.
Странно мне это, от одного острого меча
Как может обращаться в бегство целое войско?»
Так сказал в ответ древний старец:
«Язык вращается, когда говорит слова.
Рустам верно вел бой.
Сначала он убивал предводителей войска,
Когда предводитель падал от его меча,
Войско от страха обращалось в бегство.
Тот, кто один разбил целое войско,
Таким приемом победил врага.
А если не так, то невозможно, чтобы в бою
Целое войско бежало от одного всадника».
Еще раз сказал [царь]: «Объясни мне,
Почему была длинной длань Бахмана?
Отчего Бахман убил Ферамурза
И утопил в крови этого витязя, телом подобного Альбурзу?
Почему мобеда не дали ему совета,
Чтобы он удержал пагубу от этого рода?»
Такой ответ дал видевший мир мира:
«Посмотри, что сделал Бахман с тем драконом,
Но в конце концов, когда путь его запутался,
Пасть дракона стала местом, где он поселился.
Когда ударил он топором по богатырскому дереву,
Из рода царского его ушел престол и венец.
Видали ли его кого-нибудь, кто стоял среди пролитой крови

И в конце концов не понес возмездия за нее?»
Искендер задрожал от этого упоминания,
Как осенняя листва дрожит от холодного ветра.
Устрашился он того, кто потребует ответа за кровь Дария,
Ибо не легко перейти через этот мост.
Другой раз попросил он, чтобы этот мудрец
Снял запор с крышки ларца драгоценностей,
Рассказал о вращении судьбы
То, что может пригодиться покорителю мира.
После благословления обладавший бодрствующим счастьем
старец

Так сказал обладателю веща и престола:
«Если царство над миром и подобает тебе,
Все же не хватайся слишком крепко за эту слабую ветвь.
От новой истории и до древних времен
Кто остался, кто мог бы говорить с нами.
Где Рустам и Заль и Симураг и Сам?
Мудрый Феридун и Джамшид с его чашей?
Земля пожрала их и не много времени с того прошло.
До сих пор брюхо ее еще не пресытилось пожранным.
Они ушли, уйдем и мы тоже,
Ибо все мы схожи, как шарики на четках.
Не играй пять раз почетную музыку в этих четырех арках,
Ибо без шести сторон не могут быть эти девять сфер.
Раз ты владеешь миром, будь властелином,
Другие враги уснули, ты же бодрствуй.
Возвысь главу в мире страха божьего,
И страшись того, кто не страшится бога.
Оставь путь, который приносит ущерб,
Плохая тетива делает плохим и лук.
Если у кого-нибудь рубашка надета на выворот⁵,
Получив удел он снова поправит ее.
С того пути, который ведет тебя на выворот,
Ты, попросив бога о желанном, поверни назад.
Зачем ты привязываешь сердце к этому имуществу и
богатству?
Ведь недостаток его — беда, а излишек — бедствие...
Мудро указывали тебе правильный путь
И сравнивали имущество твое с кровью.
Горло страдает, если в нем нет крови,
Но если крови там слишком много, оно сжимается.
Всякое имущество, достаемое тебе в этой мастерской,
Знай, на нем спит страшная черная змея.

Гробница этого разукрашенного свода⁹
Обладает колоннами, в которых нет никакого богатства.
Так как мы будем спать под сводом этой гробницы,
Зачем же нам лежать там с черной змеей?
Освободи сердце от бесполезных уз,
Ты не притеснитель, будь справедливым.
Лучше оставь в покое несправедливость Дария,
Если он был Дарием, ты — Искендер.
Посмотри, что увидел Дарий от посевов мира,
Не делай того же, чтобы не увидеть того же,
Что ты сделал, посмотри, чтобы добыть мир.
Делай то же, чем ты добыл счастье».
Царь из ответа этого ветхого годами старца
Счел эти слова благим предзнаменованием.
Тот оказал добрую услугу, он его обласкал,
Много сокровищ и золота подарил ему.
Вельможи Ирана, видя его мудрость,
Отложили весы, полагаясь на его вес.
Прославители у дверей дворца
Начали славить царский пир.
Избранный дворец! Если угас там светоч,
Появилось зато блистающее солнце.
Ночь ушла от нас, но пришел день,
Роза ушла, но пришел тот, кто озаряет цветник.
Зерно золота ускользнуло от искавшего,
Взглянул он, ища золото, и нашел сокровища.
Величественный, как море, царь со щедростью, подобной
щедрости моря,
Осыпал ласками всех собравшихся.
Когда они увидели, что царь ласкает подданных,
Они раскрыли тайну о неправосудии Дария.
Пока было его правление в горячем и холодном¹⁰,
Никто не мог питаться плодами дела рук своих.
Он так нарушил всякую связь среди народа,
Что собака перестала находить своего хозяина.
К добрым привязывались злые наветчики,
Никто не мог быть уверенным ни в жизни, ни в имуществе.
Взывая о пощаде, ушло из этой страны
Благородство к грекам и мужество в Рум.
Те, кто обладал у него наибольшим весом,
Из столь многочисленного войска были эти два полководца.
Так как злым по природе он укреплял десницу,
Смотри, как сломал мир его самого.

Престол великих он вверял малым,
Посмотри же, как под конец он сам был унижен.
Неправедный судия тот слабый разумом,
Кто заставляет страдать божий народ.
Благородных людей губит,
А низких и подлых делает наглыми.
Не Хосров тот, кто вскармливает подлых,
Одно дело — низость, другое — царская власть.
Не осталось в этом царстве ни единого дара,
Не осталось покоя ни в городе, ни в кишвере.
Грудь людей исцарапана ненавистью,
Ушла прочность от замков сокровищниц.
Распад поразил всякое ремесло,
Разве может быть более злая мысль?
Ведь ремесленник бросил свое дело
И ухватился за дело другого.
Жители пустыни стараются быть витязями,
Сыновья царей пасут стада.
Земледелец стал заниматься военным делом,
Воин приступил к земледелию.
Не много благоустройства останется в мире,
Если всякий покинет свое занятие.
Если ранее спал правосудный
И планета мира от этого пришла в смятение,
То теперь есть судия, победоносный,
Долго ли может теперь длиться такое бесправие?
Смутился от этих слов царь,
Повелел глашатаям возвестить во всех странах:
«Пусть всякий ремесленник занимается своим ремеслом,
Если бы он стал делать что-нибудь другое, хотя бы и
доброе, он будет делать зло.
Земледелец пусть возложит ярмо на вола,
Пусть добивается своей цели при помощи плуга и вола.
Воин пусть идет своим путем по своему обычаю,
Так же и горожанин пусть не покидает своего занятия.
Пусть никто не занимается иным делом, кроме своего,
Пусть занимается тем, чем искони занимался».
Он разыскал бежавших от своего занятия
И вернул их к тому делу, которым они занимались ранее.
Установил занятия каждого,
Все дела мира привел в равновесие.
Мир из разрушенности прежнего состояния

Привел к благоустроенности в свой век,
Он поддерживал мир во время своего царствования,
Уместно мудрым поддерживать мир.

30. ИСКЕНДЕР РАЗРУШАЕТ КАПИЩА ОГНЯ

Приди, виночерпий, из радости, сладости и ласки
Смешай напиток, чарующий влюбленных.
Жаждущему дай это чарующее сердце питье,
Ибо жаждущему не терпится скорее взяться за него.

* * *

Руту принеси, выдавший мир старец!¹
Посыпь ее на пламя в опочивальне эмира.
Собираюсь я приступить к занятию, на которое косятся,
И потому опасаясь дурного глаза.
Но если я от сердца буду жечь руту,
Как сможет причинить мне вред дурной глаз?
Много опасностей от разбойников на этом пути.
Кто их не страшится, что это за беспечный человек!
Что это за жизнь, которую из-за таких опасностей
Приходится проводить в заклинаниях.
Лучше будет, если я сойду с этой ступени,
Прикрою крышкой этот полный крови котел.

* * *

Передающий рассказы о древних
Так рассказывает о тех, кто жил ранее него.
Когда сгорела вера дихканов,
Умер и огонь и сгорел огнепоклонник.
Искендер повелел, чтобы иранцы
Перестали покорно опоясываться перед огнем.
Чтобы обновили они старую свою веру
И перешли к вере своего царя.
Чтобы имущество магов ввергли в пламя,
А капища огня подвергли разрушению.
В это время был такой обычай,

Что в капище огня находился наставник.
Он оберегал так сокровища,
И никто не имел права прикасаться к ним.
Богачи, не имевшие наследников,
Оставляли свое имущество капищу огня.
Из-за такого обычая, причинявшего убыток всей стране,
Каждое капище огня было вместе с тем и сокровищницей.
Когда Искендер разрушил эти здания,
Он заставил потечь клады, как река воду.
Где только он находил капище,
Он срывал его, а сокровища брал.
Другой обычай был такой, что огнепоклонник
Весь год сидел с молодыми невестами.
В Новый год Джамшида и в праздник Саде²,
Когда возобновился обычай капища,
Со всех сторон девушек, не познавших мужа,
Из дому гнали на улицу.
С разукрашенными лицами и раскрашенными руками
Радостно бежали они отовсюду.
По обычаю магов поднимали рубиновое вино,
Вздымали голову в честь магов.
Огонь магов и заклинания на языке Зенда³
Заставляли подняться дым до высокого небосвода.
Все их тело — кокетство и лукавство,
То ласковые речи, то ласковые ухватки.
Кроме лукавства, они не зажигали другого светоча,
Кроме лукавых речей, не учились ничему другому.
Они распускали косы локон к локону,
Одна притоптывала ногой, другая хлопала в ладоши.
Подобные стройному кипарису с букетом цветов в руках,
Прекрасноликие кипарисы обожают цветы
В начале года, когда от быстровращающегося купола
Наставал новый день для счета мира,
Был у них один день, когда улицы и дворцы
Становились у них широким простором для осуществления
желаний сердца.
Каждый у себя устраивал пир,
И от этого возникло много смут.
Когда на одну нить было нанизано ожерелье царя царей,
Мир опустел от смуты.
Одним венценосцем бывает возвышен трон,
Если их больше, царство страдает.
Один венценосец лучше, чем сто.

Ибо если дождя слишком много, он несет вред.
Такой приказ дал премудрый царь,
Чтобы никто более не придерживался обычая магов.
Чтобы славные невесты закрывали лицо
И показывали его только матери или мужу.
Все надписи с заклинаниями он разбил на куски,
Изгнал магов из винных погребов.
Омыл мир от грязных религий,
Сохранил для народа правильную веру.
Не осталось в иранской земле от такой защиты [веры],
Не осталось огня ни у одного последователя Зердушта⁴.
После этого взвешивающим сокровища магам
Никто уже не наполнял кладами капища.
Все красавицы, лицом подобные цветку граната,
Отняли любовь у цветника пламени.
Когда царь очистил мир от обычая огнепоклонничества
И заставил подняться дым от огнепоклонников,
Он повелел, чтобы люди его времени
Не знали другого дела, кроме поклонения истинному богу,
Чтобы охраняли ханифитскую религию⁵,
А к солнцу и месяцу повернулись спиной.
Когда царство досталось в удел этому раздаривавшему
царства царю,

Он пустил своего коня по широкому ристалищу,
В благополучии сделался спутником победы,
Так об этом рассказывает красноречивый поэт⁶.
Если тебе надо в новом изложении
Еще раз услышать от меня эту загадку,
Вьнь из ушей этот старый хлопок,
Ибо он превратит новый шелк в нищенские рубища.
От многих обладавших ясным разумом людей
Я слышал об этом прекрасные рассказы,
Много хроник было у меня,
И ни одного слова я не оставил непрочитанным,
Собрал я вместе это накопленное сокровище,
Разбросанные куски листов.
Из этих философских камней с сокровенным смыслом
Я создал редкостное хранилище для клада.
Говоривший на старом языке ветхий мудрец
Так же рассказывал, и рассказы его чаровали сердце:
Когда царь отнял у Дария престол и венец
И выехал из круга Мосула,
Словно Зухре въехал он сначала в Вавилон,

От волхвов омыл прах этой земли.
Повелел, чтобы огонь мобедев
Погасили из мудрости и рассудительности.
Книги заклинаний — Зенд смыли водой
Или же сохранили их в книгохранилище.
Указал народу путь предка⁷,
Уничтожил в сердцах жар огня и дыма.
Оттуда по совету вельмож
Он отправился в сторону Азурабадакана⁸.
Всюду, где он видел огонь, тотчас же
Он гасил огонь и уничтожал священные книги.
В той стране был огонь, окруженный камнем,
Огнепоклонник называл его «Худи-суз»⁹.
Сто эрпатов¹⁰ было там с золотыми цепями,
Все опоясаны для поклонения огню.
Он приказал, чтобы этот древний огонь
Погасили и превратили целиком в уголья.
Потушив огонь, из этого места
Он повел войска в сторону Исфагана,
Этого прекрасного разукрашенного города,
Где было покойное житье и большие богатства.
Порадовалось сердце венценосца,
В весельи последовал он за своей мечтой.
Много огней эрпатов он погасил,
Многим эрпатам согнул спину вдвое.
Был там старый храм, изукрашенный китайскими рисунками,
Много прекраснее, чем сад весною.
По обычаю Зердушта и традиции магов,
При этом храме служили несколько девушек.
Все они были бедствием для глаза и смутой для сердца,
От розы их нога увязала в глине.
Была там одна девушка — чародейка из рода Сама,
Отец назвал ее именем Азар-Хумаюн.
Когда эта чарующая сердце читала заклинание,
Она отнимала разум у сердца, у души — терпение.
Волхвством отнимала сердце у Зухре,
Сотни волхвов подобных Харуту иогибали перед ней.
Когда Искендер приказал поторопиться
К этому дому и разрушить его,
Жена-кудесница из своего капища
Показала дракона собравшейся толпе.
Увидела толпа пламенного дракона
И изгнала из сердца мысль об этом огне.

Падая и подымаясь, бросились они в страхе
И прибежали к Искендеру.
«Там дракон в капище,
Как огнем¹¹, изливает на людей огонь.
Если только кто подойдет к этому дракону,
Он тотчас же либо убьет, либо пожрет его».
Царь о тайне этого сокровенного философского камня
Спросил наставника и тот сказал:
«Булинас¹² знает такие тайны,
Он владеет талисманами и искусен в чарах».
Царь спросил Булинаса: «Этот призрак,
Как может показать нам злоумышленник?»
Мудрец ответил: «Такой образ
Не может показать никто, кроме кудесника.
Если царь желает я поспешу
И поймаю в петлю голову дракона».
Повелитель мира сказал: «Это создание злого духа,
Если можешь, расправься с ним».
Мудрец направился к капищу
И увидел черного дракона, вздымавшего голову.
Когда тот дракон взглянул на Булинаса,
Он увидел путь стекла к алмазу¹³.
Эта нетерпеливая кудесница создавала
Много чар, обманывавших людей,
Но ни одна не оказала действия на опытного мужа,
И все возвращались вспять на саму кудесницу;
Всякая чара, не оказывающая действия,
Возвращается назад на самого чародея.
Своими действиями хитрый мудрец
Сковал все произнесенные ею заклинания.
В мгновение, когда сочетание созвездий
Дало возможность нанести поражение кудеснице,
Он велел принести немного судаба
И посыпал его на дракона, как воду льют на огонь.
Одним заклинанием он прекратил ее игру
И разрушил все ее волшебство.
Когда девушка увидела, что этот мудрец
Снял узы с чар и колдовства,
Она упала ему в ноги и стала звать о пощаде,
Стала просить пощады и приема у царя мира.
Булинас увидел лицо этого месяца
И увидел, что желанья его стремятся пойти по этому пути.
Он успокоил ее, дав обещание пощады.

И спас ее от людей, избивавших волкво.

Приказал зажечь огонь
И этим огнем спалить капище.
Периликую свел к царю:

«Этот месяц и был черным драконом.
Это мудрая жена, обладающая великим умением,
Чарами своими она может подчинить себе и небосвод.
Из пучин земли она умеет извлечь колодез,
С небес может достать месяц.
Зухалю¹⁴ может смыть мрак с лица,
Пройдет в крепость по одному волоску.
По красоте, что скажу, она подобна перя,
И у перя не бывает таких дочерей.
Локоны ее кольцами из чистого мускуса
Солнцу на шею набросили цепь.
Счастьем царевым я закрыл ей путь,
Сломал ее славу и доброе имя.
Ослабела она, слалась, моля меня о пощаде,
Будет уместно, если царь сделает ее моей подругой.
Если она достойна служить царю,
Мне она и повелительница и сестра».
Когда царь увидел лицо чарующей сердце красавицы,
Месяц, разукрашенный золотом и камнями,
Он дал ее Булинасу: «Она укрощена тобой,
Она достойна пить вино из твоей чаши.
Но только не считай себя в безопасности от ее козней,
Не будь беспечным, помни ее хитрости и чары».
Если у скорпиона янтарная ниша
Не считай себя в безопасности от него, он — все же
скорпион¹⁵.

Булинас, благодаря за царский дар,
Склонил в прах перед ним лицо.
Периликую сделал хозяйкой в своем доме,
Многих сводили таким образом с ума перя,
Научился он от нее всем видам волшебства
И потому дали ему прозвание Булинас-волхв.
Если ты волхв или звездочет, видя лицо волкво,
Ты все же не сможешь обуздать и отогнать смерть.

Пришел он во дворец, выстроенный из мускуса,
Как проточная вода, которая притекает в райский сад.
Увидел он рай, полный прекрасных гурний,
Стал он улаживать, когда увидел обольщающих.
С этими яблоколиками, обманывающими людей,
Стал играть, как люди играют с яблоком.
Первой вестью, изложенной им,
Был привет, переданный им затворницам от царя:
«Да будет царскому дворцу свет от царя,
Раздвоение да станет далеким от вас,
Хотя вращающийся небосвод и совершил проступок,
Испытай руку на этом доме,
Однако царь в тех несчастьях, которые случились,
Невинен, неповинен в том, что произошло,
В конце концов все же появилась у меня надежда,
От которой утративший надежду возымеет ее.
Царь принимает решение к благу этого дела,
Осуществляет свою власть.
По указанию Дария и своей собственной мудрости
Собирается породниться с вами,
Таково желание царя мира,
Обращенное к целомудренному дворцу, столь именитому:
Чтобы блестящим стал его подобный слоновой кости лик,
Роушенек стала жемчужиной в венце его,
Озарилась свой оги блестящим ликом его,
И дворец стал цветником через эту красную розу.
Дарию дал он такой обет,
И вот послал меня отнести месяцем этих носилках.
Повелитель мира отправил сюда своего коня
И возымел желание приготовиться к такому делу.
Запретил всем открывать уста для таких речей,
Собственной стопой вышел на эти поиски.
Пусть отнесут на носилки месяцеликую,
Пусть приложат старание скорее свершить это дело.
Так сказал советнику толмачу:
«Вечно оставайся в тени царя!
Породниться с этим домом может лишь благородный!
Кого принес ветер, того ветер и унесет⁴.
Золотыми чернилами надо было бы написать такое мудрое
изречение:
Владелец верблюда пожнет то, что посеет погонщик осла⁵.
Край навеса над его ложем — наш венец,
Целовать землю у этого ложа для нас — вознесение на небо.

Если возьмет он нас рабынями, — мы покорны,
Если возьмет себе в супруги, — мы рабыни.
Не надо отворачиваться от его велений,
Ибо его решение — золотой ключик.
Если царь примется за это дело,
Он вознесет голову Роушенек до месяца.
Мы дали согласие на брачный дар Хосрова.
Ибо мы сами проходим из рода Хосроев.
В тот день, когда даст повеление государь,
И скажет, что избрал его, чтобы породниться,
В царский дворец мы плавно пройдем,
Будем рады служить ему по обычаю.
Когда мудрый наставник услышал ответ,
Он пошел к царю, рассказал то, что видел.
Лицо царя вспыхнуло от веселья,
Ибо человек всегда остается добычей приятного ответа.
Ответ, который заставляет подняться пыль из уха,
Причиняет мучение сердцу слушающего.
В день, когда созвездия обещали удачу,
И предзнаменования благоприятствовали соединению,
Повелитель мира, по обычаю своих отцов,
Сделал перирожденную своей супругой.
Но по обычаю Кеев, он тоже принес клятву,
Сердце его было полно верности, душа — любовью.
При этой клятве для закрепления ее,
В брачный дар ей он назначил Иранское царство.
Повелел он, чтобы искуснейшие мужи времени
Разукрасили базар и город,
Хорезмскими тканями и румийскими шелками.
Разубрали всю страну,
Исфаган так, как хотели.
Убрали драгоценными шелками.
На улицах с вышек и крыши спустились
Пестрые ковры цвета агата,
Возвысили знамена до самых небес.
Весь мир разукрасили заново,
Переулки и базары были наполнены шатрами.
Распорядок дел совсем изменился.
Посадили музыкантов на всех перекрестках,
Поющих песни и играющих на люгте.
Рассыпание сахара этого пылающего алоэ,
Врагов сожгло, как алоэ и сахар,
От стороны Хузана до берегов Зинде-руда⁷.

Вся земля ожила от музыкальных напевов.
Хлынуло столько потоков вина,
Что оно вызвало оскомину у берегов Мамешан-руда⁸.
Исфаганская розовая вода и таразский мускус
Открыли флягу и развязали мешочек.
Заря украсила розами праздник царя,
Наполнили сахаром блюдо солнце и месяц.
Небосвод воздвиг павильон из сахара
Высилось целое новое небо из роз.
Все части страны в радости и волнении,
Повсюду звучат напевы певцов.
Когда ночь разостлала черный шелк,
Лицо и локоны украсила мускусом и месяцем,
Ты сказал бы, что месяц на небе — это ракушка,
В которой москательщик из Карха растирал благовония.
Ради царя этот месяц с мускусным арканом⁹
Очи и уста свой сделал — миндалем и сахаром.
Послала она и то и другое в царский павильон,
Ибо мускус и месяц подобают царскому павильону.
На другой день, когда высокое солнце,
Словно невеста, высунуло голову из-под шелков,
Сердце румийского царя из-за этой невесты
Стало звенеть словно колокольца русов.
Устроили они пир с музыкой и вином,
Столь прекрасный, что небесная синева потела от стыда.
Шутил он за вином с ведьможами,
И голова и кубок его отяжелели от вина.
Столько сокровищ раздарил он в тот день,
Что земля исстрадалась от таскания их.
Когда ночь распустила ожерелье солнца,
Заре попался в руки яхонт.
Она отдала его за бирюзу Бусхака¹⁰.
Смотри, как слово попало в руки Бусхаков.
Царь добился возможности осуществить желанья сердца
И послал кого-то в мускусный павильон,
Чтобы Роушенек, подобно горящему светочу,
Вместе с той, что украсила этот сад, привели в сад к царю¹¹.
Так сказала Роушенек ее мать,
Говоря ей о царе Искендере, обладающем светлой душой:
«Несравненный яхонт Искендера
Становится парой нам своей сути.
Посредством этого брака мы охраним власть.
Будем эмирами и падишахами.

Не следует отворачиваться от его приказов,
Ибо лучше его найти невозможно.
Локоны свои сделай поясом на служенне ему,
Ибо его веселие будет благодатно для тебя.
Всякий другой кроме него, кто посмеет посягнуть на тебя,
Словно твой локон, коснется головой пояса¹².
Пуškai у тебя в ухе золотое кольцо,
Без него это кольцо не ценнее дверного кольца,
Будь ласкова к нему, — он владеет нами,
Сердце его полно ласки к нам словно сердце Дария». *Дария».*
Чарующая сердце дочь привяла от нее
С большой скромностью и достоинством то, что надо было
принять.

Перирожденную для царского пира
Усадили, словно месяц, на золотые носилки.
Помчали ее в горницу государя,
Сокрыли завесой от зрителей.
Потом, когда появились редкостные дары,
Воспалившие зрителям мозг,
Любезная мать быстро принялась за дело
И вверила морю драгоценную ракушку.
Из семени горделивых царей
Лишь она, этот свободный кипарис, осталась воспоминанием.
«Не говорю я: драгоценнейшую жемчужину
Я вручила именитейшему супругу.
Нет, сироту, у которой убит отец, оставшуюся без отца,
Лишенную родины,
Вручила я на попечение Искендера,
Ты лучше знаешь, знаешь будущее и это дело». *Искендера».*
Царь царей принял ее от матери
И возложил на чело ей венец супружества.
Передали лилии самшит,
И луг стал местом свободного кипариса.
Царь от рубина этой достойной царя жемчужины
Занялся всецело покупкой жемчугов.
Увидел он периллику, столь чарующую сердце красавицу,
Что пери поклонялись ее изображению
Плавно выступающий кипарис, плоды которого — финики,
А сахар — только прихлебатель речей ее.
Лукавые очи — быстрые, ищущие притеснения,
Дающие лекарство больному, а сами томные, как больной.
Предплечья короткие, а локоны и шея — длинные,
Уста как сахар, а родника делит с ними тайну.

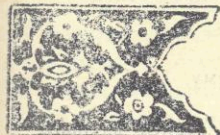
Подбородок чистый, двойной подбородок свешивался,
Талия тонкая, а грудь выдающиеся вперед,
Вскормленная кровью сердца, словно печень,
Имеющая пребывание в очах, подобно зрению.
Каждым суровым словом, раздававшимся из ее уст,
Она сыпала соль на раненые сердца.
Каждой усмешкой, рассыпавшей сахар на ее устах,
Другой усмешке согревала она помыслы¹³.
Лицо словно роза и пролитая розовая вода,
Розовую воду заставляло оно проливаться из глаз.
Ее вьющиеся косы из чистого мускуса
Бросали тень на родник солнца.
Искендер, увидев этот родник и эту тень,
Отдохнул, ибо прибыл на стоянку
Оком верности посмотрел он на нее
И унес ее сердце, когда заключил ее в объятия.
По желанию сердца тесно прижал он ее к груди,
И от этой желанной сердцу получил осуществление желаний
сердца.

Душа его стала светлой от Роушенек,
Его дворец стал светлее рая.
Повелительницей мира стал всегда звать ее царь
И охранял по отношению к ней обычай почтения,
Ибо она была разумна, стыдлива и терпелива,
И запрещала языку говорить то, что нельзя.
Ключ всех царств, которыми он обладал,
Он дал ей и возвысил венец ее до небосвода.
Одного часа не видя лица ее,
Он не мог провести спокойно, пока не приходил к ней.
В весельи в этой подобной в раю стране
Отдыхал с этой ведущей происхождение из рая.
Когда утро снимало покров с лица дня,
Хотан клал клеймо подати на Абиссинию¹⁴,
Звон баклаги наполнял все своим кипением,
Крик из кувшина повторял: «Пей же».
Из горла петухов с павлиньим хвостом
Лилась в чаши кровь кувшина.
Вино и пиршество царя при звуках арфы
Вызывало краску на щеках у мира.
Царь семи кишверов по обычаю Кеев,
Опясавшись украшенным семи цветов драгоценными
каменьями поисом,
Восходил на трон словно солнце,

Небосвод на служение ему тесно опоясывался,
Устраивал он пир с музыкой и вином
Столь пышно, что отнимал у зрителей разум.
Усаживали всех, кто был достоин этого,
И каждый искал себе место в соответствии со своим
искусством.

Певец рассыпал сахар своим пением,
Виночерпий опоясывался служением душе.
Влажность, которую проливал пение и ребаб,
Уносила желание как река несет воду.
Искендер начал осыпать всех щедротами,
Раскрыл настежь ворота искендеровой сокровищницы.
Так много сокровищ раздавал он иранскому войству,
Что жемчуга воздымались волнами от полы до самого
венца.

Мир новыми украшениями украсил он,
Разодев его в царственные одежды.
Словно был он великое солнце,
Весь мир получал удел от его света.
Высокое солнце, которое раздает сокровища,
И, даря, не пустеет, как молния.
Повелитель мира должен быть щедрым, не скудным,
Это особенность повелителя мира и только.

32. ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ ИСКЕНДЕРА В СТОЛИЦЕ ИСТАХРЕ

Приди, виночерпий, ночной светоч магов,
Принеси, не заставляй меня стонать
Светоч, от которого ясным становятся очи,
От него получает масло светоч тела моего.

Скажи, о слово, в чем философский камень твой,
Кто делает звонкий металл твой обладающим свойством
философского камня,
Что столько рисунков сделали из тебя,
А до сих пор у тебя не убавилось ни одной буквы?
Если ты рождаешься в дому, где же это место?
Если ты приходишь извне, где же твоя страна?

Ты приходишь от нас, но ты не с нами,
Ты показываешь нам рисунки, но тебя не видно.
Мастерская сердца под твоим началом,
Язык — заведующий твоего приказа.
Не знаю, что ты за птица, столь прекрасная,
Воспоминание, остающееся от нас, — это ты.
Ведающий слово, сколь высок его сан,
Да не будет же вялым сбыт на его товар.
Драгоценный товар да не будет без спроса,
А если и будет, то не так, как того хочет завистник.
Приди же, о быстропоющий поэт!
Основу слов изложи, одно за другим.
Поведай об усонших витязях,
Спой изумленным какое-нибудь заклятие.

* * *

Излагающий рассказ о прежнем событии,
Обладающий редкостными мыслями и здравым суждением,
Передаёт такую весть: когда царь
Закончил дело в Исфаганском царстве,
От победоносности бирюзового небосвода
Не пришлось ему долго медлить в Исфгане.
Направился он в Истахр¹, возложил на главу венец
На месте царя Каюмерса и Кей-Кубада.
Иранское царство было украшено им,
Крепкой стала опора героев благодаря ему.
Вельможи поздравляли его
И горделиво поднимали голову, радуясь такому величию.
Подношения, которые достойны престола,
Сыпали они на обладавшего победоносной судьбой царя.
От источников Нила до реки Ганг,
От солончаков Китая до горького моря знджей
Прибывали послы с данью и податью
И возвеличивали престол и венец царя.
Когда царь поставил стопу и золотой престол,
Он открыл бронзовый запор на сокровищнице слова:
«Хвала да будет творцу,
Который дал познать истину славословящему,
Голову подобного мне с изголовья праха,
Словно чистый свет вознес до звезд,
Привел меня в Иран из дальних пределов Рума,
По приказу моему скалы сделал мягкими, как воск,

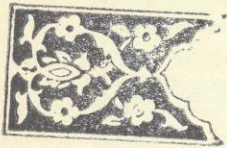
Довел мое дело до того,
Что небосвод мой груз несет, как паланкин,
Но взамен принял я от творца неба,
Что не буду отдыхать от правосудия ни на мгновение,
Пострадавшим от насилия буду давать правый суд,
Ночь бедняков сделаю ясной.
Разум указывает мне дорогу к верности,
Благоустройство мира в моей верности.
Путь прямоты я избираю сегодня,
Ибо знаю я мой завтрашний день.
Буду остерегаться Дня отчета,
Буду притязать на осторожность.
От лба слона до ноги мураша
Никто не испытает руки моего насилия.
Не желаю я ни чужого золота, ни серебра,
Если бы даже была у меня возможность овладеть ими.
Если я даже много насилия увижу от народа,
Не хочу я, чтобы кто-нибудь терпел насилия от меня.
Отменил я подать с деревень и сел,
Не беру ни денег со стороны, ни дани.
Если попадет мне в руки сокровище из мирских благ,
Держу я наготове часть для всех, кто есть.
Даю я каждому ключ к богатству,
Создаю опору для всякого.
Голову искусных я вознесу высоко,
Безумным свяжу ноги узами.
Отвернусь от всех, кто любит жить на чужой счет,
Исключая немых и беспомощных.
Если сильный человек обладает знанием дела,
Не допущу я, чтобы он был без работы.
Если увижу я кого-нибудь, кто трудится,
И доходы его при этом меньше его расходов,
Я подам ему надежду в этих расходах
И из своей сокровищницы окажу ему поддержку.
При помощи веры и знания я буду вершить дела,
Устрою для справедливости базарные дни.
Не страшусь я никого ни в каком деле,
Кроме того, кто страшится [бога].
Под мельничный жернов брошу я того, кого надо
раздробить,

Прошу всех тех, кого надо просить.
Украшу я мир щедростью,

Слову буду оказывать помощь деньгами.
Притеснение я разумом буду удалять от себя,
Буду ласкать угнетенных, убивать угнетателя.
В оплату за одно зло я сделаю одно зло,
В награду за одно доброе дело я сделаю сто добрых дел.
Наказывать буду я народ за преступления,
Но того, кто попросит прощения, обласкаю.
Если враг поднимет голову, я снесу ее,
Но если он будет молчать во вражде, промолчу и я.
Заложить основу добра — от меня,
Начало зла — от врага.
Я отсеиваю песок через сито разума,
Беру и снова сыплю на место,
Словно водяное колесо, дающее свежий напиток,
В одном месте оно берет, в другое дает.
Все то, что выходит из-под конца моего меча,
Постигает набег конца моей плетки.
Конец меча моего овладевает миром,
Конец плети дарит без промедления.
Для того я взошел на этот престол,
Чтобы стать помощником всех упавших.
Я изображение облака и солнца:
В одной руке у меня огонь, в другой — вода.
Если я встречу с твердой скалой, я пробью ее,
Если встречу с томимым жаждой посевом, напою его.
Не сам я пришел в Иран из Рума,
Господь прислал меня из этой страны,
Чтобы отделил я истину от лжи,
И нашел ключ к замку каждого запора,
Главу познавших истину поднял из праха,
Поклоняющихся лжи уничтожил,
Уничтожу я в мире краску нищеты,
Вызову примирение ветра со светильником,
Ангелом сделаю диво в каждом доме,
Разукрашу при помощи сокровищ развалины.
Где моя справедливость будет выситься неподобие кинариса,
Там фазан не будет страшиться неправосудия сокола,
Волк будет пасти стада овец,
А лев не будет причинять вреда диким ослам,
Злых я заставлю нетерпеливо стремиться к добру,
А добрых я тоже удалю от всякого зла,
Тому, кого я заставляю горделиво поднять голову,
Я не позволю преклонить ее ни перед чьими ногами.

И если я разорвал печень сопернику,
Другим терзателям я его не отдам.
Никого я не убивал тайно, посредством яда,
Только открыто [делал я это], мечом гнева.
Никого я не обучал сожигать мир,
И без причины не сожигал жатвы.
Не хочу я никому сделать перелом,
Но если сломаю, то есть у меня и лекарство от излома.
Если будет вызвана мною боль в чьем-нибудь глазу,
Смогу я дать также и зелье от нее.
Да подаст мне Бог помощь в этом деле
И да подаст освобождение от дурного глаза».
Когда царь рассказал все это одно за другим,
У слушателей руки поднялись к небу.
В этом собрании было много людей,
Которые готовы были повести речь для испытания царя.
Из этих пустословов, наглых говоруну,
И из этих лжеученых с характеров безумцев,
Был один вопрошатель, приводивший доводы.
В этом собрании попытался он испытать царя:
«О царь, я достоин одного дирхема,
Если ты подарить мне его, это лучше целого кишвера».
Повелитель мира сказал: «От обладателя престола
Проси сокровищ, в соответствии с его мощью».
Вопрошавший сказал: «Если одного дирхема
Царь стыдится, ибо малая эта вещь,
Пусть лучше тогда подарит он мне царство мира,
До звезд вознесет мою голову из этого собрания».
Опять сказал царь: «О зломыслящий,
Не по своей мерке ты попросил.
Две просьбы ты изложил не к месту,
Одна меньше моего достоинства, другая больше твоего.
В меру надо располагать слова,
Пустословию не должно внимать.
Слово, вызывающее складку между бровей,
Лучше пусть останется несказанным, даже если это похвала».
Еще вопрос задал этот наглый человек:
«Почему ты сидишь высоко, а весь народ низко?
Ведь ты сказал: мы все друзья,
Зачем ты пользуешься высокими и низкими сиденьями?»
Царь сказал: «Я глава всего этого собрания,
А если голова будет внизу, не будет и величия.
Когда голова растения внизу, — это прекрасно,

Но для человека — чтоб он держал голову высоко.
Лучше, чтобы у царя было высокое место,
Дабы очи всех могли увидеть его».
Опять сказал хитрец: «О государь,
Какое дело мудрому до украшений?
У тебя в сердце есть божественное украшение,
Зачем же ты украшаешь это тело, созданное из глины?»
Царь ответил: «Царственный убор
Придает свежесть глазам зрителей,
Если я уподоблю свою особу цветнику,
Я озарю вам собою очи.
Разве ты не видишь, что когда распухнет юная весна,
Очи времени, благодаря ей, становятся блестящими».
От этих остроумных изречений люди с быстрым разумом
Наполнили свои уши лалами и бирюзой.
Возобновили благословения на его душу,
Всей душой привязались к его обету.
Благодаря тому терпению, которое они нашли в царе,
Они все устремились к велению его.
По обычаю Джамшида, победоносный царь
Всходил на престол каждое утро,
Ласкал своих рабов
И соблюдал обычаи мудрецов.
Чаровал их сердца своей ласковой речью,
Давал им прощение и безопасность от кары.
Мир усмирил он своим приказом,
Всюду вызывал покой, но сам покоя знал мало.

33. ИСКЕНДЕР ПОСЫЛАЕТ АРИСТОТЕЛЯ С РОУШЕНЕК В РУМ

Приди, виночерпий, чистое вино цвета яшмы
Дай мне, нога моя наткнулась на камень,
Быть может, я как-нибудь под этим каменным дождем
Найду спасение от камня словно яшма.

* * *

Небосвод оттого заставляет быстро бежать свою верблюдицу,
Что каждые день и ночь он прибегает к новым уловкам.

Каждое мгновение он заключает и объявляет войну,
Каждый миг показывает новые и новые замыслы.
Все существующее, которое было изначала,
Если хорошенько приглядишься, разве не таково?
От забот творца
Облик всякого рисунка изменился.
Если все наши занятия сменяются сном,
Не воображай, что этот дом разрушается.
Много людей сокрылось с лица мира,
Но мир все-таки остался тем же миром.
Что нам делать, если наши пособники ушли,
Приятели отошли и друзья ушли?
Готовь же заблаговременно припасы на дорогу,
Ибо друзья не расстаются с друзьями.
Если он даже еле-еле плетется, в конце концов
Хромой осел придет в свою конюшню.

* * *

Так говорил красноречивый муж века:
Престол царей не может стать местом неправосудия.
Искендер, овладев царством мира,
Не стремился искать услады для себя.
Покоя мира он добивался в своих стремлениях,
Поэтому мир оказал ему такую поддержку.
Тебе надо мир? Делай то, что делал этот царь,
Поступай так, как он поступил, а остальное забудь.
Когда он овладел царством над всеми горизонтами,
Само время подчинилось его желаниям.
От Абиссинии до Хорасана, от Китая до Гура,
Все подчинилось его велениям без насилия.
Во все кишверы устремились гонцы,
Все стали чеканить монету на его имя.
Хотя повелитель мира обладал сердцем льва,
Весь мир держал под своим мечом,
Но все же не чувствовал он уверенности в этой стране,
Ибо безопасный град для румийца — это только Рум.
Как-то ночью, когда созвездия образовали хорошее сочетание,
Такое, от какого зарождаются добрые мысли,
Послал он, позвал своего наставника
И стал вести с ним тайную беседу:
«Когда досталось мне в руки Иранское царство,
Я не хочу сидеть на одном месте со связанными ногами,

Я, как небосвод, питаю склонность к кружению,
Сердце мое мечтает обойти все горизонты.
Посмотрю я, что такое есть на горизонтах,
Кто найдется сильнее меня в мире.
Но вот, что я счел правильным моим мудрым и светлым
решением:

Когда я буду поспешать вокруг мира,
Я золото и украшения свои отошлю в Рум.
Ибо стойкость есть в этой стране.
Не дай бог, пойдут мои дела плохо,
Ведь не всегда кувшины удачно подымается из колодца,
Займет тогда престол мой враг,
На разграбление недруга пойдет мое достояние.
Много таких неприятностей случается в мире,
Такого рода опасностей на пути много.
И если и ты поедешь назад к грекам,
Рассудительность и здравый смысл должны будут одобрить
это.

Все царство будешь оберегать от смуты,
Ведь месяц светит, являясь наместником солнца.
Возьми также и Роушенек, нашу госпожу,
Чтобы дела того царства были в порядке.
Решением, которое является наставником разума,
Ты соблюдай меру добра и зла.
Будь наместником в духовных и светских делах,
Поминай меня только добром.
Я тебя избрал среди всех вельмож
И потому я и посмотрел на тебя оком величия». царем,
Везир от разумности решения своего
Так сказал своему повелителю:
«О ты, чьи веления выполняются, повелитель мира,
Решение мудрых подчиняется твоему приказу.
С каждым днем да возвеличится царево дело,
Твои желанья да сблизятся с осуществлением.
Выбор, на котором остановилось высокое решение,
Никто от пронизательности не будет считать уроном.
Для благословенного занятия, возложенного на меня
Я опояшусь и не сверну с этого пути.
Но только надо, чтобы царь в своем деле
Расследование произвел в должном размере.
Когда подойдет ему время ухода,
Появится у него необходимость в возврате,¹
Пусть не тяготит его главу главенствование,

Пусть вручит мир повелителям.
Не подобает присваивать мир одному человеку,
Весь мир считать своим.
Мир имеет много разных стран,
И каждая часть его [принадлежит] кому-либо.
Когда ты подчинишь себе божью часть²,
Знай, что на нее и падет твое имя.
А если покорятся тебе окрестные [владельцы],
То окраина за окраиной — твое царство.
На этой чужой земле недолго оседай.
Не связывай ею себя.
Не сможешь ты ни удержать это царство,
Ни оставить его наследникам,
Ибо на господство над этим домом много притязаний.
У каждого есть доказательство на царство,
В этой стране для правления
Из румийцев никому главенства не давай.
Земля Аджамы³ место погребения Кея,
Чужая нога на ней — дикая нога⁴.
В эти годы, что ты в безопасности от вреда,
Высоко подними в мире имя царства.
Когда вернешься снова в свою область,
Не затягивай для себя короткого дела.
Озари лицо царевичам,
Чтобы победоносным стал для тебя небосвод.
В каждую область пошли по царю,
Желающих [из них] пошли по разным местам.
Займи все пограничные страны царями;
В каждом крае одного из них сделай хранителем границ.
Ибо, боюсь я, другой раз иранцы
Поведут войска в Юнан и Рум,
Разрушение постигнет ту страну.
Если же каждый из них отдельно будет господствовать,
Будут они враждовать друг с другом.
От занятости своим царством всякий
Не будет иметь свободного времени на нас.
Когда враг тянет руку к грабежу,
Таким средством можно преградить ему путь.
А затем, не возбуждай ненависти ни в одной стране,
Не привлекай мстителей в Рум.
Не усердствуй в пролитии крови государей,
Дабы не закипела кровь у смуты.

Не воображай, что от крови героев,
Как от крови Сиавуша, не останется следа.
Не поднимай беспощадно меч на чью-либо кровь,
Ведь у тебя тоже есть кровь, а у небосвода [-рока] — меч.
Как хорошо молвил тот мудрец,
Что того, кто не обижает, не постигает обида.
Будь причиняющим мало ущерба, ибо из всех бед и

несчастий
мало ущерба получает причиняющий мало ущерба муж.
Не хочешь своего унижения, не унижай никого,
Не убивай никого, и живи вечно!»
Когда советник таким образом указал путь,
Подействовали речи, принял [их] царь.
Когда утро открыло край серебряного таза⁵
А черный ворон снес золотое яйцо⁶,
Должно быть старый мобед в древности
Про эти таз и яйцо и сложил ту былинку.
Миродержец повелед, дабы пришел везир
И, [собравшись] в путь, сел на коня,
Все хранилище книг, что было на языке персидском,
Такое было указание, чтобы скорее принесли.
Сокрытые слова обо всяком предмете,
О каждой науке сложена тетрадь.
В сторону греков отправил с переводчиком,
[Чтобы] переложили с одного языка на другой язык.
Когда советник пришел по велению царя,
Чтобы о-дву-конь взять путь в Рум,
Взять снаряженную [в путь] Роушенек,
Те самые тетради, драгоценности и богатства.
По приказу шаха покинули место,
Пустились в путь в юнанскую землю.
От царя мира Роушенек понесла бремя,
Раковина в чреве содержала достойную царей жемчужину.
Когда поезд прибыл в землю греков,
Отяжелела нежная жемчужина.
Когда дошла она до девяти месяцев, открыла россыпь
жемчуга,
Мир [к одной] жемчужине прибавил новую жемчужину⁷.
Дали ему имя после целования колыбели,
По приказу Искендера, — Искендерус.
Аристотель, который был советником двора,
В юнанской земле был заместителем шаха.
Царевича в хождении и кормлении,

Словно жизнь свою, воспитывал,
Его нежный лик — лаской и любовью,
Его восприимчивое сердце — наукой и мудростью.
Знай, что сотни таких красавцев воспитал,
Но и пожрал их прах в конце концов.

34. ПОХОД ИСКЕНДЕРА НА ЗАПАД И ПОСЕЩЕНИЕ КААБЫ

Приди, виночерпий, того вина, что удаляет скорби,
Дай такому, как я, терзающемуся скорбью.
Может быть, даст оно аромат покоя моей душе,
От скорби хоть на миг даст мне безопасность.

* * *

Благодатно находить [для] себя благое предзнаменование,
Не бить себя по лицу¹, а делать шах королю.
В миг падения быть величавым,
В расстроенности собираться с мыслями,
Словно свеча, изнутри гореть сердцем,
Но снаружи сверкать от радости.
Когда чувствует беспомощность ищущий выхода человек,
От бессилия прибегает он к гаданию.
Добывает себе ключ из песка и камней²,
Ибо ведь много железа добывается из песка и камней.
Но для врат, которые сокрыты в тайне,
Никто не найдет ключа, кроме ведающего тайны.
Гадай же всегда на улучшение, в этом твоя польза,
Ибо улучшение твое и есть процветание твое.
Не томись худобой, станешь жирным,
Если скажешь: я стану лучше, чем был, то и станешь.
Наше дело — бросать жребий о твоих делах,
А дело творца — творить дела.
В эту мелодию, которая есть справедливость помощника,
Лучше не вносить тебе фальшивой ноты.
О сердце, мало осталось времени, будь мне другом,
Будь моим хранителем от разгласителей тайн.

Указующий путь³ моим блестящим стихом,
Красоты которого умножили мое убранство,
Так сообщает, что завоеватель мира — шах
Когда вознес к небосводу вершину престола,
Всех, кого надо было послать из каждой страны,
Отправил с выючными животными в Рум.
Когда он перестал тревожиться чарами мира,
Он установил подходящее время для странствия по миру.
Весь мир от благой вести о правосудии его
Не пил ни единой капли, не помянув при этом его.
Искендер, который был благим миродержателем,
Денно и ночью был бдительным в делах.
Начал налаживать устройство мира
И не знал другого напева, кроме ласки [к людям].
Хоть мир и попался ему в аркан,
Но не делал он того, что миру было неприятно.
Не оскорбил он никого из гордых,
Выявил признаки безопасности.
Если он и убил кое-где соперника,
То лучшего, чем тот, мощно поддерживал.
И если и разрушил кое-где страну и город,
То закладывал основание еще лучшего города.
Время ведь и не знает другого правильного пути,
Как одно — улучшить, другое — разрушить.
Искендер, когда занялся всем этим благоустройством,
Откуда до куда [простерлась] стена Искендера?
От центра Китая до границ Кайрувана
Устремились к его двору гонцы.
Охранной грамоты стал просить всякий властелин,
Смирясь пред ним, изо всех стран.
Из тех дворов, которые пленяют сердце,
Всякий посылал [ему] прекрасно и по обычаю.
Миродержец повелел, чтобы чистым мускусом
Во все стороны написали ответ.
После того, как прошло так некоторое время,
Обернулось несколько раз небо вокруг земли,
Царь мира для похода по миру
Стал готовиться в путь.
Он читал ранее книги арабских мудрецов
И годы мечтал о том,
Что, так как есть у него уже опора в Иране,

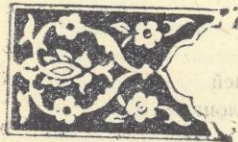
И арабы стали бы индийцами на его пути⁴.
Хотел он также посмотреть красу Каабы,
Порадоваться тому рисунку, несущему предзнаменование
победы.

Когда покорилося царю персидское царство,
В арабское царство он двинул свиту.
Харварами навьючил золотые сокровища,
Пустился в дорогу через пустыню.
Когда он осыпал золотом арабских глав,
Склонили они главу в покорность ему.
Увидели они победоносность его войска
И арабы тоже покорились ему.
Так погнал он на арабские земли,
Что арабам от него не получилось никакого вреда.
На всякой стоянке, где он распускал поводья,
Несли ему и угощение и подарки,
Кроме подобающих яств,
Также и необходимых баранов.
По мере своих возможностей
Подносили они ему много сокровищ.
Как арабских коней, пробегающих пустыню,
Так и блестящих отравленных мечей,
Также и хаттских копий в тридцать аршей,
Наконечники которых были вскормлены кровью,
Также и верблюдов, верблюдиц и самцов,
Быстрых, как ветер, чистых от пыли,
Сафьян и другие редкостные дары,
Как из драгоценных камней, так и благовоний,
Каждый миг для умножения величия его
Выюками везли к ставке его.
Миродержец, когда увидел это, открыл сокровищницу,
Харварами начал отмеривать драгоценности,
Всю пустыню закрыл атласными коврами,
Земля исчезла под яхонтами.
Устремился он к Каабе с разгоревшимся лицом,
Изучив обряды преклонения.
Вступил он на пуп мира
И много мускуса добыл из пупа мира⁵.
Словно циркуль небосвода вокруг той центральной точки
Ногами поклонения измерил путь.
Таваф⁶, который обязателен для всех,
Выполнил и взялся за кольцо дома.
Сначала поцеловал он врата Каабы,

Помянул своего хранителя,
Ударил челом в тот порог,
Много сокровищ раздал немущим.
Давая деньги — давал целые клады,
Давая верблюдов — целые караваны.
Когда вошел он в дом праведников,
Стал он поклоняться господину его.
Весь дом засыпал сокровищами и самоцветами,
Врата и крышу осыпал мускусом и амброй.
Когда осуществил он условия поклонения,
Попрал он йеменский сафьян,
Йемен он озарил пылью своей конницы,
Так, как йеменский сафьян [озаряет] звезда Сухейль.
Снова вернулся он в царство Ирака,
Направился в свой дом.
Прибыл гонец, из сословия благородных свободных
От повелителя Азербодечана
[Говоря], что: «Раз шах мира усмирил мир,
Название притеснения устранил из мира,
Почему он не печется о делах Армении?
Почему не направился в эту страну?
К дню [справедливости] твоей эта страна близка,
Почему же она темнее ночи?²⁷
В Армении поклоняются огню,
Подчиняются другому царю,
В Абхазии есть курд, род ведущий от Ада⁸,
Который, в бою не страшится Рустама.
Дувал по имени этот смелый всадник,
Вырывает он ремни⁹ из спины свирепых львов,
Армянские смельчаки благожелательны к нему,
Опясались на его обычаи и его путь.
Все они пьют вино за его здоровье,
Подать со страны везут ему.
Если шах не устремится на него,
Опустошит он страну от нас».
Миродержец, когда услышал об этой мощной длани,
Войско из Вавилона двинул в Армению.
Омыл он эту страну от скверны,
Приглянулася царю Рума та страна.
Он уничтожил там обычаи и пути злых
И поклонение огню мобедев.
Оттуда он совершил ночной набег на Абхазию,
Врата ненависти перед абхазцами открыл.

Снова загремели барабаны,
Концы копий сообщали свои тайны небу.
Во всяком замке, куда он посылал весть о себе,
Ключ от врат замка подносили ему.
Дувал — полководец абхазской земли,
Когда он узнал, что прибыл царь царей Рума,
Быстро ремнем пояса на верность ему опоясался,
Сердце начисто омыл от ненависти к шаху,
Погнал он коня, как сведущий муж,
Чтобы поцеловать руку царю мира.
Много сокровищ ценных привез с собой,
Вручил их казначеям государя.
Вошел во дворец, поцеловал землю,
Сердце от враждебных мыслей очистил.
Искендер — миродержец, странствующий по миру,
Когда увидел столь благородного мужа,
Дал путь к обласканию его,
Дал ему укрепиться возле трона,
Расспросил его сначала мягким голосом,
Сладкими речами согрел ему сердце,
А затем повелел, чтобы прворный казначей
Отсыпал ему сокровищ на высоту роста слона,
Дал подобающий ему царственный халат,
Разукрасил ожерельем и серьгами
Из парчи и самоцветов, мечей и кубков
Дал ему полное царское убранство.
Так и сделал испытанный казначей,
Как повелел ему многомудрый царь царей,
Мелик Дувал, когда под счастливой звездой
Облекся в искиндеровы шелка.
По золотым ожерельям и украшенному самоцветами венцу
Присоединился к числу горделивых правителей.
Открыл уста, благодаря царя царей,
Призвал на него благословение бога,
Еще более умножил расторопность в служении,
Возвысился он благодаря своему смиренню.
Опясался он на служение царю
И после этого все его дело было лишь в служении.
В служении государю стал столь приближенным,
В той стране, более сверкающей чем лужайки в саду,
Заблестали очи царя, как самоцветы,
Увидел он то же плодородие земли,
Успокоился и нашел удел от веселья.

Так говорил своему сыну дряхлый дикхан,
Что Тифлис получил от него устройство,
В той стране, прекрасной, словно рай,
День и ночь он не сеял ничего, кроме семян добра,
Приказал на земле той страны
Вести установления по обычаям Рума,
Прогуливаясь, двинулся он с той стоянки,
Опустил поводья, охотясь за степной дичью,
Две недели, около того, в горах и степях
Измерял пути, поражая дичь,
Когда опустошил это место от птиц и рыб,
Обратился к Нушабе в Бердаа,
Он знал о величии той жены,
Что было у нее великое царство и великие богатства,
Зеленым он увидел там мир от обилия посевов и рек
И с весельем сделал там привал.

35. ПРЕДАНИЕ О НУШАБЕ В БЕРДАА

Приди, виночерпий, того вина, что укрепляет душу,
Что, словно проточная вода, подобает жаждущему,
В этой скорби, когда сгорел я от жажды,
Дай мне, ибо научился я пить вино.
* * *
Сколь прекрасна Бердаа, что в пределах ее
Ни урдибехишт не бывает без цветов, ни дей.
Тамуз¹ там дает горные цветы,
Зима дает весенний ветерок,
Раем стали рощи вокруг нее,
Словно Каусар опоясывает их Кура,
Ее плодородная почва от обилия зелени и мускусовых ив—
Словно сад Ирема, в особенности Баг-и Сефид²,
От серых куропаток и турачей и белых куропаток и фазанов
Не увидишь пустой тень ив и кипарисов,
Склоняется земля ее к спокойствию,
Омыт прах ее от загрязнения,
Весь год зеленеют там ароматные травы,

Всегда в ней обильны богатства и блага.
Она — место сборища всех птиц этого пояса,
Если нужно тебе птичье молоко, то там оно.
Землю ее золотой водой оросили,
Ты сказал бы, посеяли там шафран,
Тот, кто шагает по зелени той земли,
Не найдет иной мысли, кроме веселья,
Теперь трон того дворца унижен,
Парчи и шелка его унес ветер,
Осыпались те свежие розы,
Те гранаты и нарциссы превратились в пыль,
Кроме сухих щепок и мокрого селя,
Не увидишь ты в тех рощах ничего.
Кажется, что та буйная растительность
Росла не из зерна, а из подола справедливости,
Если она [справедливость] снова будет здесь вспоена,
Еще лучше будет вышивка на рукаве³.
Да, если будет у шаха свободное время,
То сызнова подарит он украшение тому трону.
Харум было ее прозвание в начале дела,
Теперь Бердаа назвал ее учитель.
В этой процветающей земле и в месте великих мужей
Время сокрыло много кладов.
Где есть еще столь веселый цветник?
Где есть еще изобилие кладов такого рода?

* * *

Так сказал хранитель склада речей,
Что вождем этой древней сокровищницы
Жена — правительница была, по имени Нушабе.
Весь год в веселии за сладкой чашей,
Как павлин-самец, исключительна по красоте,
Как газель-самка без газели самца.
Крепкая советом и светлая сердцем и красноречивая,
Помыслами подобная ангелам, более того, нравом подобная
мудрецам.

Тысяча дев у нее в преддверии
Опоясаны на служение и каждая словно луна.
Кроме дев, быстро скачущих на конях,
Ударяющих мечами гуламов тридцать тысяч.
Из мужей никто не получал доступа в ее дворец,
Хотя бы и был он близким ей.

Кроме жен, никто не вел ее дел,
Не было у нее потребности видеть мужей.
Жен-советниц имела она во дворце,
Занятых управлением и не нуждавшихся в муже.
Гуламы же ее устремились в свои уделы.
И там сделали для себя место жительства.
Никто из гуламов, опасаясь гнева ее,
Воочию не видал даже врат ее города.
Во всяком месте, где бы она ни приказала им сражаться,
Это было для них обязательнейшим из дел.
Искендер, когда повел войско в степь
И шатер воздвиг вершиной до Плеяд,
Той обители радости, родственной раю,
Поразился и обилию воды и посевов.
Спросил: «Кому же принадлежит эта счастливая земля?»
Какой богатырь на ней падишахом?»
Доложили: «Эта прекрасная область
Принадлежит женщине со всеми этими богатствами.
Женщине, которая деятельнее многих мужей,
По роду и племени⁴ много чище моря.
Она крепка советом, ясна сердцем и горделива,
Во времена бедствий заботлива к подданным.
Она опоясывается мужеством
И хвалится происхождением от Кеев.
У нее есть венцепоносность, но не носит она венца,
Она — полководец, но войско ее не видит.
Много гуламов мужчин у нее,
Но лица ее никто не видит.
Женщины жасминогрудые, серебробедрые
Во всяком деле помогают ей.
У всех их грудь как гранаты, стан как стрела,
Из сосков каждой из них сахар пьет молоко.
Уж на что горностаи или шелк мягки,
А дрожат они на теле их от стыда.
Ангел не смеет на них дерзко взглянуть,
А взглянет, падет с небес вниз.
Сверкает каждая из них в айване и саду,
Как днем солнце и ночью светоч.
Взгляд не может выдержать их сияния
И взглянуть на них вблизи или издалека.
До чьего бы слуха ни долетел их голос,
Всякий жертвует собой ради их грехоти.
Ладами и жемчугами полны их шея и уши,

Губы из чистейших лалов, зубы из жемчуга
Не знаю, какое заклинание они прочитали,
Что избавились от волнений похоти.
Не имеют они под сием небосводом
Товарища, кроме вина и звуков напевов.
Жена чистого рода и властная
Закрывает доступ к ним для страстей.
Имеет она замки и дворцы, [пышные, как] капища.
И врата их настежь раскрывает перед теми куколками,
Хоть она и обитает за покровом,
Но ежедневно заботится об управлении.
Имеет она высокий царственный дворец,
Расстелен в нем драгоценный ковер.
Трон воздвигнут из хрусталя,
Харварами на него насыпаны жемчуга.
От изобилия самоцветов тот пышный дворец
Ночью словно светоч и сверкающая луна.
Садится она на тот трон каждый день по утру
И возносит благодарения творцу.
Словно невеста восседает она на троне,
А другие невесты стоят, готовые служить.
Ночь и день они за вином при звуках пения
Наслаждаются созерцанием под синим небосводом.
Кроме служения творцу, не имеют они дела,
За исключением сна и еды.
Рассудительная жена при всех своих дворцах и сокровищах
Утруждает свое тело служением богу.
От осмотрительности, которая ей врождена,
Не спит она в том доме словно рай.
Другой дом у нее из мраморных камней,
Туда идет ночью эта одиноко шествующая луна.
В том доме этот светоч, озаряющий мир,
Служит богу до самого утра.
На столько времени она склоняет голову ко сну,
Сколько нужно птице, чтоб поднять голову от воды,
А затем снова с теми подобными перн
Она пьет вино под музыку певцов.
Ночью и днем так и натягивает она поводья,
Днем — так, а когда придет ночь, — так.
Не знает она ночью покоя от служения богу,
Днем нет покоя от развлечений и удовольствий,
Вместе с нею и подругами ее.
Забоятся о ее делах вельможи ее».

Шах одобрил этот рассказ
И пожелал [узреть] эту невиданную картину.
Увидел он область от воды и травы
По ценности более драгоценную, чем философский камень.
Там спокойно за музыкой и вином
Отдохнул он немного и возрадовался.
Когда Нушабе узнала, что престол шаха
С благодатными предзнаменованиями приближается,
Начала она готовиться к служению ему,
Памятуя о высоком сане государя,
Послала она яства, подобающие ему,
Опясалась на служение его делу.
Кроме многих отборных животных,
Как для кухни, так и для седла,
Злаки, которые в той земле произрастали,
По краске и блеску привлекательные и приятные,
Яства царственные, благовонные как мускус,
Блюда с мускусом для мытья рук,
Много различных фруктов,
Еще несколько харваров сахара и мускуса,
Вина и закусок и благовонных трав, украшающих мир.
Везли среди тех даров в течение нескольких дней.
Отдельно еще для вельмож
Каждый день она посылала драгоценные дары.
От великого благородства, проявленного той женой,
Каждый на все лады восхвалял ее,
А царю увидеть ту чарующую сердце
С мига на миг все больше хотелось,
Дабы разведать все ее тайны,
Увидеть в той стране правление ее,
Поглядеть, докуда простирается ее власть,
Слухи о ней правда или ложь [узнать].
Когда Шеддиза подковал день золотыми подковами⁵,
Сел на седло озаряющий мир шах.
Наподобие послов наладил все дело,
К красавице поехал, словно посол.
Когда сошел он в преддверии дворца с коня,
Немного отдохнул от той скачки.
Увидел врата и дворец до небес,
Целовали пред ним прах и земля и время.
Служители узнали о [прибытии] его,
Поспешили к своей госпоже.
Возвестили, что от дворца шаха Рума,

Которым осчастливлена эта страна,
Прибыл посол, разумный и смысленный,
Вестник, словно благодатный Суруш,
С головы до пят он — облик разумности,
Явен в нем божественный блеск.
Украсила Нушабе тронную залу,
Золотом закрыла железную дорогу⁶,
Перилки с сотнями украшений
Рядами выстроила чарующими
Украсила жемчугом мускусный аркан
И спустила его на расшитые жемчугами шелка.
Заблестала она, как павлин в саду,
Сверкая и смеясь, как яркий светоч.
Воссела она на шахиншахский престол
И взяла в руки наполненный амброй плод.
Повелела, чтобы выполнили обряд,
Посланника ввели во дворец.
Посланник вошел во двери смело,
Пошел к трону, как гуляющий лев.
Перевязь с мечом не снял,
По обычаю послов перед ней не склонился.
Незаметно окинул взором тот прекрасный замок,
Увидел обольстительный райский дворец,
Полный гурий и украшенный как рай,
Цыновка земли его смешана с амброй.
От обилия жемчугов в ушах носительниц жемчугов
Глаз зрителя проливал слезы — жемчуга.
От сверкающих яхонтов и блистающих лалов
У шагающего разогревались подковы.
Словно россыпь и море слились,
И все свои драгоценности соединили там.
Проницательная жена от всей повадки его
В этом деле устрашилась его,
Почему этот пышный, медленный в решениях муж,
Не выполняет обрядов преклонения?
Надо расспросить его,
Не имеет ли он угрозы для нас.
От головы до пят рассмотрела она государя,
Чистое золото ударила о пробный камень.
Когда пригляделась, узнала его
И из трона своего сделала ему место покоя⁷.
Узнала она, что это Искендер
И достоин он восседать на престоле.

От победоносности семи синих сфер
Много благодарений вознесла она шаху мира.
Но все же не спросила его, прикинулась стыдливой,
Сначала приняла вид скромный.
Ничего из своих мыслей не выдала,
Что к замку твоему есть у нас ключ.
Искендер по обычаю послов
Сохранил обряды благородных мужей,
Сначала вознес ей ряд приветствий,
Доказал ей свой посланнический сан,
А затем начал передавать и самую весть,
Что шах мира, именитый и правосудный,
Так сказал: «О славная госпожа,
Опередившая всех именитых в мире,
Что случилось, что ты отвратила от нас поведья,
Хоть на день не поспешила к нам?
Какую слабость ты увидела, что стала непокорной,
Какую несправедливость я учинил, что ты враждебна?
Где меч острее моего меча?
Где наконецник моей стрелы, пламенеющий больше, чем мой,
Что ты могла бы у него искать от меня защиты?
Лучше же тебе стать на правильный путь,
Запылить ноги хождением к моему двору,
Устрашиться моего кипения.
Когда я проложил себе путь в эту страну,
Бросил на нее тень моей мощи,
Почему ты не опоясалась перед моим троном,
Почему отвернулась от моего пути?
Ты улещиваешь меня вином и фруктами,
Хочешь обмануть яствами и благовонными травами,
Приятно то, что ты сделала сначала,
Но и ты теперь прими правильный совет.
Видеть тебя столь разумную и мудрую,
Мне благодатнее, чем сень птицы Хума,
Поступи так же, чтобы завтра в час приема
Прибыть ко двору государя».
Шахиншах, когда изложил свою весть,
В надежде на ответ склонил голову.
Для ответа мудрая жена
С закрытого яхонта сняла запоры:
«Благо столь смелому шаху, как ты,
Который вести свои доставляет сам, как лев [герой].
Так запало мне в сердце, о богатырь,

Что при таком царственном облике
Ты не посредник, а благородный шах.
Ты посылающий, а не посланный.
Весть твоя рубит шею, как меч.
Кто посмел бы так занести надо мной меч?
Но, когда шах играет мечом,
Конец меча его высоко вздымается.
Что ты ведешь речь о мече Искендера?
Ты сам — Искендер, позаботься же теперь о себе,
Ты звал меня, но сам попал в ловушку.
Приглядишься хорошенько, неудачно ты пришел.
Счастье мое послало тебя ко мне.
Благодарение моей счастливой звезде, заботящейся обо мне».
Повелитель мира молвил: «О достойная трона,
Не веди розысков иначе, как по велению судьбы.
Искендер — море, я лишь ручеек,
Не подозревай солнце в том, что оно тень.
Как ты можешь примеривать меня к тому,
У кого много телохранителей, подобных мне.
Освободи сердце свое от неверности,
Помяни царя лучшим образом.
Как ты можешь сказать — Искендер до того одинок,
Что ему приходится самому везти свои вести.
У него при дворе столько мужей,
Что не приходится ему утруждать свои ноги».
И снова разумная Нушабе
Со своих сладких уст сняла запоры:
«Не старайся долее обольщать меня,
Не настаивай на неправде.
Не упорствуй ты в этом деле»⁸
Явствует твое имя из именитости.
Весть твоя величавая и имя величаво,
Не скрывай льва в шкуре волка.
Нет такой воли послу,
Чтобы резко вести с нами речи.
Не смягчая своей заносчивости,
Не склоняясь перед нами,
Входить резко и кровожадно,
Кто это посмеет, кроме шаха.
Да и кроме этого есть у меня скрытые признаки.
Из которых узнается сокрытая тайна».
Дал такой ответ смелый шах:
«Не может лиса передавать послания льва,

Если я кажусь тебе именитым,
То я все же не Искендер, но я — вестник его.
Какое мне дело до вестей великих мужей,
Изменять их по-своему недопустимо.
Если в послании и есть резкость,
То это дело твое и того, кто этот рисунок составил,
Если б я и был резок в посредничестве,
То ведь не от лисы, от льва я пришел.
По обычаю царей и правилам Кеев
Послы в безопасности от вреда.
Раз я изложил тебе весть шаха,
Не ударяй кончиком замка по ключу⁹.
Прикажи мне дать мягкий ответ,
Чтобы я снова мог пуститься домой». —
Разгневалась Нушабе на того смельчака с сердцем льва,
Который солнце прикрыл глиной,
Оставила мягкость, разгорячилась.
Резко заговорила, отвечая царю:
«Какая тебе польза спорить со мной
И прикрывать глиной лик солнца». —
Приказала, чтобы рабыня сбегала и принесла
Шелк, на котором портреты царей.
Один угол из свитка того шелка
Ему дала: «Возьми в руки эту картину,
Взгляни, чье это лицо изображено,
Для чего оно здесь помещено,
Если это твой портрет, не спорь так,
Бровью своей небо не закрывай»¹⁰.
Искендер поступил по ее приказу,
Развернул свернутый шелк.
Воочию увидел там собственное изображение,
Страну свою в руках злоумышленника увидел,
Спорить в этом деле было бесполезно,
Он сразу растерялся и не знал, что ответить.
Испугался он и стало лицо его цвета соломы,
Поручил он себя защите своего бога.
Когда Нушабе поняла, что тот быстрый лев
Смутился, она смягчила свою резкость.
Сказала ему: «О счастливый царь,
Много таких забав у судьбы.
Не смущайся и знай, что любовь моя велика,
Этот дом считай своим домом.
Я для тебя — рабыня и служанка.

Тут ли, там ли, все равно — рабыня.
Потому я тебе сначала показала твой портрет,
Чтобы моя сущность тебе стала ясна.
Хоть я жена, но живу не по обычаю жен,
Не лишена я знания о мире.
Я — львица, если ты — лев,
А львица равна льву в бою.
Когда я вскиплю от гнева словно грозная туча,
Я дымом меча вызываю огонь из воды,
Клеймлю я тавром круп львов,
Жиром крокодилов разжигаю светоч.
Не увлекай меня от любви в борьбе с тобой,
Не попрекай ту, которая пленена тобой.
Не рассыпай тернии, чтобы самому не упасть в тернии,
Освобождай других, чтобы освободиться самому.
Ты, если одолеешь меня,
Только расправишься со вдовой.
Я же, если в борьбе с тобой одолею тебя,
Запру самого шаха мира¹¹.
В этой борьбе, словно волк с лисою,
Ты будешь унижен, а я возвышена.
Так передают от древних мудрецов:
С неимущим никогда не вступай в борьбу¹²,
Ибо, стараясь что-нибудь у тебя отнять,
Тело мое хоть и живет в этом городе,
Но сердце мое не невнимательно к царям эпохи.
От Индии до румийской пустыни,
От пустынных земель до процветающих стран,
Я разослала во все пояса
Проницательных людей и художников,
Чтобы каждого шаха, покорителя поясов земных,
Они нарисовали мне портрет на шелку.
Рисователь портретов из каждой страны,
В конце концов привозит мне картины.
Когда приносят мне эти портреты,
Глядит на них мой тонкий ум.
Я требую письменных свидетельств для тех картин
От всякого, кого, мол, она изображает.
Когда скажут: «Портрет это такого-то царя,
Я признаю, что это правильный портрет.
Затем от ногтей на ногах до макушки
Устремляю я взор на каждый портрет.
Каждого из них, старика ли, молодого ли,

Стараюсь взвесить по мере его.
Достоинства и недостатки каждого портрета по аналогии
Выявляю я, ибо я — знаток физиогномистики.
Дни и ночи я занята такими мерами.
Не забавляюсь я сама по себе за этой завесой,
Я пускаю в ход весы помыслов,
И устанавливаю легковесность и тяжесть всех царей.
Из всех изображений, которые я нашла на шелку,
Образ мне твой больше всех пришелся по-сердцу,
Ибо дает он душе весть о любви,
Свидетельствует о величии и мягкости царя».
Когда сказала она эти слова Искендеру смело,
Сошла вниз с драгоценного трона
И усадила шаха на то сиденье,
Ибо не сдержат одному трону двух шахов.
Разве ты не видишь, у шахмат два шаха,
Вот это то все снова и утруждает всякое сердце¹³.
Периликая, когда с трона своего
Сошла и склонилась,
Словно невеста уселась на золотой стул
И стала обслуживать царю царей.
Шах от стыда перед этой рыбой, подобной акуле,
Словно жирафа все время менял цвет лица.
Про себя сказал: «Это опытная, если и жена,
То в науке мужества озарено ее сердце.
Если женщина такое сделала и так поступает,
То ангел восхвалит ее.
Но женщина не должна быть столь смелой,
Ибо крепка ненависть львицы.
Для женщины нужны легкие весы,
Мужская же гиря ломает весы.
Женщине быть лучше за завесой,
Ибо звук без лада — вопль¹⁴.
Как хорошо сказал Джамшид советнику:
«Женщине лучше быть за завесой или в могиле.
Не полагайся на женщину, хоть она и праведна,
Лучше закрывать дверь, даже если вор тебе знаком».
И еме сказал себе: «что это за неразумие?
Заступничество в этом деле бесполезно,
В горечи заставь вскипеть свои мысли.
Попалей ты, теперь забудь о теле.
Вместо такой ласковой красавицы,
Которая прекрасна по природе и сладкоречива,

Если бы нашел ты ненавидящего тебя врага,
Кроме отрезания головы, чего бы добился?
Если я отсюда уберу свои ноги,
Буду я соблюдать меру своих решений,
Не буду закрывать более лицо, словно чужой,
Не вступлю на путь безумцев.
Связанное сердце освобожу от оков,
Могу ли навязывать узел на узел¹⁵.
Если мураш упадет в блестящую чашу,
То освобождающему его ловкость нужна, не сила,
Терпеливым нужно быть в этой беде и муке,
Словно это видение, которое я вижу во сне.
Слышал я, связанный к эшафоту
Шел с веселым лицом, как весна.
Спросил его один сострадательный человек:
«Почему ты весел, а жить осталось так мало?»
Такой дал ответ: «Раз столько жизни,
То как же могу я проводить ее в скорби?»
В таких мыслях был он, и Бог дал ему избавление,
В этом мраке дал ему свет.
Много замков, к которым не подберешь ключа,
А вдруг находится, кто умеет открыть».
Много в таком роде говорил он про себя
И в конце концов покорился своей судьбе.
Когда богатырь в одиночку совершает набег,
Протягивает к нему руку див.
Певец если без лала затянет напев,
Посмеется над его пеннем звук музыкального инструмента.
Когда он некоторое время пожурил [свою] самонадеянность,
Он прекратил бушевание огня смятения.
В терпении увидел он свое спасение,
Склонил голову, предавая себя в руки счастья.
Нушабе опоясалась, как служитель,
Приказала, чтобы те периликие
Всеми видами яств украсили стол.
Позаботились о различнейших кушаньях,
Рабыни вскочили, словно свечи,
Царственный стол приготовили,
Расставили кушаний свыше меры,
Из всех видов мяса различные жаркие,
Тонкие хлеба и круглолицые лепешки.
От круга шатра до самой улицы
Сахарные же печенья,

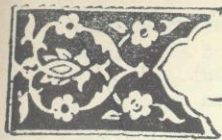
Словно кунжутные семена, посыпаны на них сверху,
Ароматные хлебцы, смешанные с амброй,
Давали весть о райских кушаньях.
Столько гор рыбы и мяса [было навалено], словно горы,
Что под землей тяжело стало рыбе и корове.
От куриц и баранов расцвело лицо скатерти,
Крылья выросли у нее, как у птицы от радости.
Дворцовый масус и хороший ричар¹⁶
Свели с ума миндаль и фисташки.
Так чисто было благовонное желе,
Что многие разжиженные мозги от него выедоравливали.
От сухих миндальных печений и влажной халвы
В смятение пришли карамели.
Фука¹⁷ из розовой воды, подслащенное сахаром,
Распространяло сладость благовонным дыханием.
Отдельно для счастливого царя
Золотую скатерть постлали на троне,
Разостлали зан, сверкающий, как солнце,
По нем четыре чаши из чистого хрустала,
Одна полна золота, другая — лалов.
Третья — яхонтов, четвертая — жемчугов.
Когда руки протянулись к столам
И рты открыли доступ пище,
Сказала шаху Нушабе: «Протяни руку,
Покушай тех яств, что пред тобой».
Ответил шах Нушабе: «О простодушная,
Не веди неправильной игры, дабы не устыдиться.
На этом яхонтовом блюде и золотой скатерти
Все только камни. Как же мне есть камни?
Как может человек есть камни,
Разве природа захочет такую насмешку?
Принеси такой еды, которую можно есть,
К которой охотно можно протянуть руку».
Расхохоталась Нушабе в лицо шаху:
«Раз нет дороги камню в глотку,
Зачем же ради несъедобных камней
Ведешь ты ненужные войны?
Зачем гордиться той вещью,
Из которой нельзя приготовить пищи.
Если несъедобен этот жалкий камень,
Зачем же, как скряги, мы тянемся к нему?
На этом пути, который нужно прорубить через камень¹⁸,
Зачем громоздить камни и камни.

Те, кто подбирали эти камни,
Не проели их и оставили [после себя], как [простой] камень.
Ты тоже, если ты не страстный любитель камней,
Отбрось от себя то, что придется бросить».
От упреков этой красноречивой жены
Омыл руки шах от несъеденного стола,
Сказал Нушабе: «О царица госпож!
Ты лучше героев силой и мощью,
Ты добрее сказала слово, ведь поклонник самоцветов
От самоцветов получит только камень,
Но было бы это изречение лишь только тогда правильно,
Если бы изрекшая его сама не копила сначала самоцветов,
Если у меня есть самоцветы на венце,
То ведь царская корона не может быть лишена самоцвета.
У тебя же кубки и скатерти полны самоцветов,
Смотри, кого же нужно порицать.
Зачем нужно накапливать самоцветы на столах,
А меня учить отказу от самоцветов.
Пускать пыль в глаза ювелиру,
А дом [наполнять] искендеровыми яхонтами.
Но все же, как я вижу по своему усмотрению,
Слова твои — уместны.
Тысяча благословений на мудрую жену,
Которая указывает нам путь к мужеству
От советов твоих, о предусмотрительная жена,
Бросил я чеканное золото на землю, словно россыпь».
Когда Нушабе выслушала эти прославления,
Она из уст своих напоила землю яхонтами¹⁹.
Приказала, чтобы принесли блюда с пищей,
Те самые яства не выдавшие пыли.
Прежде всего она сама вкусила от них,
Государь изумился этому проворству.
Не отдыхала она от услуг, пока шах,
Не отдохнул от пищи и не пустился в путь.
В миг отъезда взяли с шаха клятву,
Что не будет он стремиться вредить Нушабе.
Повелел шах, чтобы написали охранную грамоту,
Дал ей и поехал на пир из рая.
Искендер, когда из того места поехал к себе,
Испытал лукавство от небосвода и удачу от Бога.
За избавление от того, чего страшился,
Воздал он избавителю сто раз благодарение.
Когда ночь похитила у светлого дня шар²⁰
Зажегся светоч и погасли свечи.

Взамен того золотого шара на небе
Множество серебряных шаров явило лик,
Шах предался отдыху и сну,
Двустворчатую дверь четырех стен замкнул²¹.
Отдыхал, пока не забрезжил рассвет,
Не показалась белизна среди черноты.
Поднял шах голову от сладкого сна
И устроил пир, подобный утру,
Так, что солнце, держа в руке золотой апельсин,
Разбило им голову померанцу небосвода²².
Периликая Нушабе со сладостной судьбой
При счастливых предзнаменованиях выехала из города,
Словно сверкающая луна, которая под вечер,
Выходит с востока, когда становится полной,
Рабыни, словно плеяды, вокруг нее,
С головы до подола осыпаны [драгоценностями].
Двигались луноликие позади нее,
Так что сто нахид [Венер] не стоили бы одного ее пальца.
Когда взглянула периликая на лагерь шаха,
Целые миры конницы и шатров увидела.
От множества парчевых златотканых знамен
Воздух стал розовым, земля фиалковой.
От изобилия расшитых золотом шатров
Не могла она найти пути к престолу государя.
Расспросила и приехала ко дворцу,
Увидела, что вершина шатра вознеслась до луны,
Разбит шатер для народных приемов, канаты у него из
шелка,
Столбы из золота, а гвозди из чистого серебра.
Спешилась с коня, испросила приема,
Попросила разрешения поцеловать землю перед царем —
миродержцем.
Стражи привратники открыли ей доступ,
Вошла она в шатер государя,
Увидела, что главы мира в приемной
Склонили голову в тени одного венца.
Пояс к поясу венценосцы мира
Перед победоносным покорителем мира.
Так, что от красного сияния, света и блеска
Глаза у зрителя начинали слезиться.
Все они уподоблялись картинам на стене,
Ни у кого не было смелости сдвинуться, силы сказать слово,
Невеста из замка, когда увидела такой замок,

Задрожала от такого неприступного дворца.
Поцеловала землю, начала славословить,
Поразились ей те львы-герои.
Приказал государь, чтобы из чистого золота
Принесли трон, словно солнце,
Такую невесту усадили возле себя,
А других невест пониже ее.
Расспросил и оказал много ласки,
Проявил радость тому приезду.
Когда у севшей успокоилось сердце,
Такой приказ дан был распорядителю,
Чтобы стольник нес блюда с яствами,
Пустил в круговую сладостные закуски.
Сначала от сладостного напитка
Земля стала словно райский водоем
Ни одного ручья из того водоема сладкой розовой воды
Не то что Хосров, но и Ширин не видала даже во сне.
Затем разостлали белотканые скатерти,
И поднялась пыль амбры к облакам.
От всех благ, какие только можно насчитать,
Горы были насыпаны со всех сторон:
Шелковистые тонкие лепешки из дважды просеянной муки
Сверкали сиянием словно лунный свет,
Точно так же круглые хлеба словно шелковые волокна,
От которых спекались почки пекарей круглых хлебов.
Различных хлебов больше ста сортов
Поднесли на золотых подносах.
У мира оставался только один яркий хлебец²³,
Которого не было на тех подносах.
Когда поели столько, сколько было одобрительно,
Сняли оковы с чаш и фляг.
Чистое вино пили до полудня,
Когда же вино разожгло пламя дружбы,
Радость разгладила брови поклонников вина,
От силы вина засияли лица опьяненных.
Периликие с той очаровательницей
Уселись до вечера за музыку.
Когда ночь хотела двинуть войска скорби,
А желание увлечь голову на подушку,
Тем куколкам сказал вождь мира:
«Не надо сегодня ночью уезжать в город,
Таков приказ, что завтра с утра
Устроим пир от рыбы до луны.

По обычаям Феридуна и правилам Кеев,
Утешим сердца музыкой и вином.
Может быть, когда засверкает пламя в кубках,
Удалятся наши дела от той сырой крови²⁴,
Хоть на время забудем о земных делах.
Утешим душу выдержанным [в погребах] кораллом,
Разогреемся, словно розы от вина.
В этом горне заставим вспотеть розу²⁵,
Землю брызгами вина напитаем амброй,
Для омовления головы радости увлажним глину²⁶.
Рожденные от пери поцеловали прах,
Словно пери, и радостны, и смущены.
Сверкала Нушабе на пиру шаха
Светлее, чем Зухре поутру.
Когда ночь одела убранство из амбры
И раскрыла мешочек с мускусом,
Шах из мускусных локонов тех очаровательницы
Сделал аркан, рассыпающий амбру,
И Луну и Юпитера мускусным арканом
Заставил спуститься с высокого небосвода.
Ночью пиршества была эта пленяющая сердце ночь,
Периподобные блистали, словно пери,
С тем, что, может быть, распалат рубиновое пламя
И ради шаха положат в огонь подкову²⁷.
Шах повелел зажечь костры
По обычаю магов жечь благовония,
Вином разжег такое пламя,
Что сгорели в нем все пожитки винопийц.
За вином, музыкой и другими забавами
Он в радости провел всю ночь.
Когда посыпали киноварь на лазурь,
От черного соболя родилась желтая лиса²⁸,
Снова пришло в движение веселье,
Разостлана была царственная цыновка.
Обновились луга тополем и кипариеом,
Зашагали куропатки и фазаны.
Вновь запели те периликие,
Ибо радостно солнце в праздник Михргана²⁹.
Согревающим сердце вином цвета яшмы
Вызвали они яшму на лице дня³⁰.

36. ПИР ИСКЕНДЕРА С НУШАБЕ

Приди, виночерпий, принеси чару вина,
Принеси весть о розе цвета яшмы.
Этим вином мое лицо сделай таким как вино,
При помощи яшмы придай мне цвет яшмы.

* * *

В празднество Феридуна и Ноуруз Джама¹,
Когда радость истребила в мире имя скорби,
Миродержец воссел на свой престол,
Сели и цари, склонив голову.
Играющие вином, музыкой и кубками
Украсили в совершенстве мир.
Сладостное вино и Нушабе, словно сахар.
Невесты вокруг нее, пояс к поясу.
На том пиру Искендер сын Феликуса
Не обращал внимания на остальных невест.
Во-первых, потому, что был он сам воздержан,
А затем, так как нельзя охотиться в заповеднике.
Все его войско целиком, стесняясь его,
Ни на атом не отходило от такой же сдержанности.
Воздух холоден, а шатер солнца² пылал,
Земля суха, а подушка Джамшида мягка.
Вышло солнце из колодца Водолея,
Чтобы словить Рыбу в водяном пруду.
Полные серебряных дирхемов³ подступы гор и предгорий
Засверкали ото льда словно спина рыбы.
Буря захватывал дыхание, словно глаз волка,
Дела портных, шьющих шубы, пошли на лад.
Круя оленя и зад онагра
К бокам львов прижались с силой.
Влажное жаркое из окорока гасели
Посыпало соль на сердце воды⁴.
От потоков, сыпавшихся из тучи, дождившей камфорой,
Жасмины выросли на ветвях чинара.
Фиалка еще не высунула комчиков своих бутонов,

А небо уже сыпало снег, словно осыпающиеся бутоны.
Куст розы от оплодотворяющего ветра
Наполнил свое чрево младенцами растений⁵.
Еще не раскрывались губы [-берега] прудов,
А заросли по краям их уже издавали запах молока⁶,
Ветерок прорвал соловьям барабан⁷,
Розы от чужих скрыли свое лицо.
Глиняный кувшин стал соловьем на пиру,
Словно у горной куропатки клокотал у него смех в горле,
С лица виноищ цвет вина
В каждом уголке резко вызывал пот.
В извинение за прошлую ночь повелел шах,
Чтобы огонь разожгли в зале пиршества.
Украсил он убранством, золотом и убором,
Словно сад Ирема, чарующий сердца пир.
Вспыхнуло на нем пламя, словно роза,
Розы, завидуя тому цветнику, сгорели.
Терновник от огня словно бы держал золотые розы в руках,
Но не был огнепоклонником, как тернии зороастрийцев.
На мускусный уголь огонь цвета тюльпана
Пал как отражение самоцвета на камень.
На огне тот мешочек, источающий мускус —
Словно черный змей на колоде с кладом.
От безжалостности старец маг отдал
Хабашскую землю на разграбление русам⁸.
Из Индии прибыл заклинатель,
Как дунет на ячменное зерно⁹, вспыхнет целое гумно.
Вместо ячменя некий огнепоклонник засеял пурпурный
Аргаван

Во время же жатвы он собрал фиалки¹⁰.
Черный негр нес мускус в Мазендеран
И менял его на кисет сухого золота.
От индийской жены дом наполнился кровью,
Все черное дерево ее стало табархуном¹¹.
На Китай свершил набег славянин
И выменял на соболей красный буртас¹².
Билал¹³ возвысил свой сладкий голос,
Наполнил призывами Рум и когда он сам находился в стране
хабашей
При звуке его голоса занзибарец цвета дегтя
Пустил из сердца поток желчи, из глаз кровь.
У писца вырос калам из спины,
А мускусные каламы еще в его пальцах¹⁴.

Сидел джеванмард, торгующий атласом,
Покрывшись кольчугой из пепла старухи¹⁵.
Для паласа сучил он нитки,
Но вместо паласа соткал атлас.
Словно в тигель алхимик,
Насылав железо, извлекает золото.
Искра, создав золотой эликсир,
Со всех сторон сыпала золото в поля [сидевших].
Пары курений над раскаленным пламенем.
Словно на лике, подобном розе, голубые косы,
Глиняная курильница украсилась благовонными травами,
Но только травы ее произросли в лесу¹⁶.
Не огонь то был, а роза из сада Джамшида,
Каравай солнца был испечен на таком огне.
Озарял он сущность всего доброго и злого,
Был другом мага и верным спутником хербада¹⁷.
Пламя это — раскрывшаяся роза, пища ее — колючки,
Внешностью его света нова, суть же исконная.
Пела она напевы для обездоленных
Несла весть о соседских котлах¹⁸.
Греск, который издавало пламя,
Был лучше Зенда Зердушта и напевов его.
С такой жизненностью сжигающее Зенд пламя
Разжег озаряющий мир шах.
Словно лепестки красной розы на ветвях кипариса,
На нем то рябчик, то фазан.
Из коралла воздвигся чинар,
На нем стонала куропатка¹⁹, словно горлица.
Если ногу утки себе на голову возьмет чинар,
То грудь утки на нем издаст жалобный стон.
Тело утки пригодно для водоема,
Если в огонь его свергнешь, будет стонать.
В этом саду взволновались все птицы,
От каждой раздавался иного рода вопль.
Игрок на ситаре издавал звуки,
Напевы более прекрасные, чем сто гимнов.
У печонок в крови возникла соль,
У соли от жалости [к ним] сжималось сердце.
Шекер-буре шептались с кончиками зубов²⁰
И заставляли поедавших сладости наострить зубы.
Свежее зажаренное на огне мясо с ароматом специй,
Да еще яства, распространившие аромат мускуса²¹.
Из закусок — все, что драгоценно,

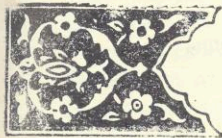
И померанцы, и айва, и гранат, а также и апельсин,
Певец словно Зухре во время пения,
Кувшины сверкали, как Юпитер.
Розоцветным вином, более пленяющим, чем розовая вода,
Утоляли они головную боль от дел мира целому миру.
Все звуки речей — мягки и приглушены,
Кроме звуков музыки, которые гремели.
Благовоспитаны были все сотрапезники,
Кроме вина, оно одно было невоспитано.
Искендер от опьянения в полусне,
Текли звуки с ченга музыкантов, словно вода.
Вино и курица и благовонные травы и звук ченга,
Узкоглазый кумир в тесных объятиях,
Тот, для кого осуществится такое желание,
Станет Искендером, если бы у него даже не было и ячменного зерна.

За здоровье шаха те ликом подобные Юпитеру
Оеушали тяжелые кубки, словно Венера,
Когда прошла половина светлого дня,
Небосвод прошел полпути земного.
Шах повелел, чтобы хранители сокровищницы
Утрудили себе ноги ради гостей,
Принесли харварами золото и убранства.
Целые верблюжьи вьюки сейфура и атласа,
Также несколько рабов из абашей,
Ликом приятных и станом великих,
Много мускусных мешочков и доброй парчи,
Дабы умножить их рассудительность и разум,
Изумрудных перстней, блестящих и хорошей воды,
Жемчугов и лалов и бирюзы без веса и меры,
Золотой венец, украшенный изумрудами,
Осыпанный царственными жемчугами.
Тканей, расшитых яхонтами и жемчугами,
Все швы которых полны толченой камфоры,
Паланкин и верблюдов с золотыми шарами,
Которые везли паланкин, а вся упряжь их из золота.
Такие дивные украшения, осыпанные самоцветами
Дали Нушабе рассыпатели самоцветов.
Облачилась Нушабе в почетные дары шаха,
Как луна в почетный дар солнца.
Отдельно для всякой красавицы
Повелел он приготовить убранство,
Для каждой из них по сану ее,

Одел их и дал, что взять с собой.
Периликая с теми периподобными
Были отягощены сокровищами и самоцветами.
Поцеловали они землю в благодарение шаху.
С весельем в сердце пустились в путь.
Добыв драгоценных камней из той россыпи,
Прибыли они домой словно странствующий клад.
Обилие сокровищниц — обилие забот,
Мало огорчений тому, у кого мирских благ мало²².

* * *

Нанизывающий ожерелье из жемчугов
Дал весть о том самоцвете, рассыпающем золото,
Что, когда вождь, разумный как Джамшид,
Выпил немного вина за здоровье Нушабе
За благовонными травами и оживляющим сердце вином
Провел несколько дней с царями,
В один день уселся он с намерением [взяться за] дело,
Разостлал ковер словно ноубехар²³,
Вокруг себя он возвел из воинов такую стену,
Что звезды в этом знаке зодиака стали невидимы.
Созвал он вельможных людей войска,
С почетом усадил всякого из них.
Собрались мудрецы своего времени.
И получили удел от мудрости шаха.
Шах из рассказов о желаниях своих
Повел различные речи:
«Вчера запало мне в сердце такое желание,
Чтобы не водиться ни с кем, кроме вас,
Силой вашего совета, вельможи,
Узреть мир от края до края,
Ранее я собирался было в Рум,
Но небосвод отвратил от этого мои поведья.

37. ИСКЕНДЕР ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ГОРУ АЛЬБУРЗ¹

<Приди, о виночерпий, то красное молоко,
Что окрашивает в цвет крови своими лучами даже ртуть,
Поддай мне, ибо кровь моя обесцвечена как ртуть
Сам же я словно тонкая нить.

О рано утром проснувшееся мое усердие, думаю,
 Чтоб волны моих стихов превратить в зябь.
 Своими златыми речениями заполучить злато,
 И главы тех, кто мне подвластен в поэзии, разбить о камень.
 Да разве злато обладает тем могуществом,
 Чтобы подчинить себе тех, кто верой крепок.
 Злато — средство для достижения цели,
 Стоит привязаться к нему, оно свяжет тебя.
 Богач, золото которого спрятано в земле,
 День и ночь в страхе от вора.
 Бедняк, вечно стремящийся к злату,
 Обретает силу благодаря этому вожделению.
 Поскольку мечта о золоте сильнее самого злата,
 То бедный богаче и сильнее богача.
 Мир этот принадлежит людям дервишеского нрава,
 Ибо они радуют себя и радуют других.
 Без страха они всегда наслаждаются вином,
 Они не бояться ни вора, ни надсмотрщика,
 Много богатства — много и печали,
 Печали меньше, коль меньше привязанностей к миру >
 Я теперь, пока все страны мира
 Не объеду, не направится глава моя в Рум.
 Поживу я и в обитаемых и в необитаемых местах,
 Добуду себе все царства мира.
 Скручу руки синджабийцам,
 Поставлю свой чекан на серебро славян.
 Во всех странах и всех странах земли
 Посмотрю я, который человек счастлив.
 От этого счастья, может быть, и я получу долю,
 Ведь железом обрабатывают железо.
 Первым походом в этом кочевьи
 Двинусь я на Альбурз.
 С той благодатной стоянки спущусь в степь,
 Из степи поверну к морю.
 Полюбуюсь я на Хазарское море²,
 Глотком [вина] осыплю его жемчугами.
 Когда поведу свиту по берегу моря,
 Неделю буду охотиться на птиц и рыб.
 [А там] посмотрю, куда потянет меня,
 Время куда укажет мне путь.

Что скажете вы, каждый из вас на эту речь?
 Ведь счастье не отвращается от [совета] правдивых.
 Войско целиком поцеловало землю:
 Наш замысел — это замысел шаха.
 Туда, куда он поставит стопу, мы преклоним голову,
 Его веление возложим на голову, как венец.
 Если воду и огонь назначит он нам местом,
 Решение наше от его веления не отступит.
 Если свергнет он нас с горы в прах,
 Падем, и в сердце нашем не будет страха.
 Царю мира — пуститься в путь,
 Нам — быть покорными шаху.
 Успокоился сердцем шах от их речей,
 Много их обласкал.
 Начал готовиться в путь, не торопясь,
 Раскрыл закрытые врата казнохранилища.
 Обогатил он вельмож сокровищами
 От перетаскивания самоцветов измучилось войско.
 Миродержец, когда увидел, что от сокровищ и золота
 Отяжелела голова у получающих дары,
 В предусмотрительности применил разум,
 Ибо опасался он немного дурного глаза.
 От обилия самоцветов и сокровищ, которые у него были
 во вьюках,

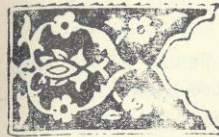
Всюду, где он проходил, путь для него был труден.
 В горах и долинах, в трудностях и трудах
 Войско его везло сокровища на телегах.
 Когда пришло на ум покорителю мира
 Захватить в аркан глиняный шар³,
 Изведать измерения и стоянки земли
 Измерить и влагу и сушу,
 Узнать землю, низкую ли, высокую ли,
 Длина ее какова и ширина какова.
 Ознакомиться со всяким правосудием и неправосудием,
 Направить на путь того, кто сходит с пути,
 Смыть со своего века неправосудие,
 Освободить от пролития крови свободный народ,
 Во всяком опасном месте выстроить замок,
 Сделать дело на будущие времена,
 Задумался он о длине того пути,
 Ибо дальний путь несет утомление и усталость.
 Как бы не пропал понапрасну его труд,
 Не стали бы его сокровища уделом врага.

Увидел он, что войско тяжело нагружено добычей,
Устрашился, когда увидел, что сокровищ много.
Одно то, что сытые усиленно не стараются,
Ибо боятся, что отнимут у них добро.
Затем то, что если насытый вступит [с ними] в бой,
В две руки ударит он мечом в надежде на добычу.
Из мудрецов, находящихся под божественным покровом,
Сто тридцать было с ним в пути.
Все они мужи совета, знающие звезды,
Умеющие рассчитать замысел всякого дела.
В том числе при великом государе
Был в его распоряжении мудрый Булинас.
Во всяком деле он искал у него подмоги,
Ибо он умел оказывать помощь.
О трудностях пути и таких богатствах
Повел он речь такому взвешивающему дело.
Ответ был таков от предусмотрительного:
«Пусть шах скроет свои сокровища в землю.
Войско тоже подчинится велению шаха,
В развалинах скроют сокровища.
Для доказательства [принадлежности] на каждом хранилище
клада

Пусть каждый установит от себя талисман,
Чтобы, когда вернутся с дальнего пути,
Из каждого темного колодца извлекли они свет⁴.
Когда они доказательство своего клада принесут,
Принесут они знак, установленный ими ранее». кладом.
Шах увидел, что этот совет украшает мир,
Увидел, что спасение войска в этом совете.
Скрыл он клад под землей, установил талисман над этим

Приказал, чтобы всякий, у кого есть сокровище,
Спрятал его, ибо нести его [с собой] тягостно.
Рассеялись все по тем горам и долам,
Каждый скрыл клад в глине и вернулся.
Каждый в отдельности над своим добром
Установил фигуру по своему подобию,
Но такова была коварная игра судьбы
Что научила она шаха иному.
Иным путем пошел он в Рум,
Так и остались сокровища в той стране,
Этому же самому войску его от обилия имущества
Уже не яонадобились те скрытые сокровища.

От обилия явных сокровищ, которые они нашли,
К скрытому кладу они не поспешили.
Когда обосновались они в румийском доме,
Отошли они от мирских занятий,
Воздвигли каменный монастырь,
Сделали его местом богослужения для общины,
Все записи о местонахождении кладов, которые были,
Дали они быстро настоятелю этого монастыря,
Чтобы всякий, кто поклоняется Богу,
По этим записям добыл себе клад.
И теперь еще в этом древнем годами монастыре
Есть много записей о тех кладах и богатствах.
Тем, кто на пути покорности,
Услуживает в этом капище,
Дают одну из этих записей,
Иногда более, а то и поменьше.
Идут они и раскапывают то вместилище клада
И этим кладом окупают свои труды.
Верно судьба наградила меня за труды,
Что наткнулась таким образом моя нога на клад.

38. ИСКЕНДЕР ЗАВОЕВЫВАЕТ ДЕРБЕНДСКИЙ ЗАМОК ПРИ ПОМОЩИ МОЛИТВЫ ОТШЕЛЬНИКА

Приди, виночерпий, того вина, что негу несет,
Молодость дает, жизнь возвращает,
Дай мне, ибо утратил я и то и другое
И довольствовался только сукровицей глиняного кувшина¹.

* * *

Тот, кто стучит в двери доброй славы,
В этом кружке похваляется рабством своим,
Так воспитывает свое имя,
Что и конец его, благодаря ему, становится добрым,
У кого тело бежит в кафтан,
Который кольчугой будет ему, не рубашкой².
Нет имени лучше, чем доброе имя,
Для того, у кого недобр конец.
Если хочешь, о ценящий добро муж,

Возвысить свое имя добротой,
Одень халат в добром имени
И за доброту остальное одеяние продай.
Разве ты не видишь, что шелк мускусного цвета
Необходим для продавца мускуса³.

* * *

Излагающий эти новые мысли
Месяц и год вел речи об обладателях доброго имени.
Искендер, который добился того доброго имени,
От того доброго имени много получил выгоды.
Всегда взирал он на добрых,
А злых к себе не допускал.
Чем на повелителей стран и владык,
Он больше смотрел на павших.
Где только он находил уединенного отшельника,
Он спешил в его уединенную обитель.
Всюду, где бы он ни собирался на бой,
Он от них просил помощи молитвой.
Верно потому он и был победоносец в боях,
Что умел отличать бирюзу от камня.
Войско, которое пришло с ним на войну,
От этого занятия, которое у него было, пришло в стеснение,
Заявили: «О носитель справедливости нашего времени,
Само счастье — учитель, дающий тебе уроки.
Победа и одоление у тебя от войска,
А ты жалуешь отшельников, ведь это же иная речь.
Мечом нужно завоевывать мир,
Что ты возьмешь на память от добрых мужей?
Если молитва — оружие в бою,
Скажи, и мы изломаем то, что имеем⁴.
Впредь, когда будем ударять по врагу,
Будем стучать во врата добрых мужей».
Повелитель мира на эти резкие упреки
Удержал ответ с помощью счастья.
Слово, сказанное экспромтом, не попадает в цель,
Ответ надо давать в подобающее время,
Когда двинул он войско в сторону Альбурза,
Он в каждом округе оставил наместника.
Через прихожую тесных горных проходов,
Из Ширвана двигался он, словно лев.
В этом походе, которого он желал,

Путь его лежал через Дербендский проход.
В те времена это не был процветающий город,
Замок лишь был, а в нем много имущества.
В том замке несколько человек преграждало путь
И никого по этой дороге не пропускало.
Когда шаху воздвигли там шатер,
Стражи замка возвысили свою палатку⁵.
Закрыли врата замка пред лицом шаха,
Не посмотрели на меч и войско.
К шатру шаха не поспешили,
Уклонились от прихода на поклон.
Когда призывал их справедливый завоеватель,
Не повиновались и не шли,
А когда сворачивал он свиток требований,
Не пропускали его через горы и доли.
Увидел разумный шах, что единственный выход
Удалить эту заставу с этого места.
Повелел войску, чтобы сто тысяч
Окружили этот замок,
Камнями из катапульт разрушили его,
Кровавым потоком затопили его,
Сорок дней усердствовало войско,
Но не смогли сдвинуть и одной черепицы того замка.
От высот его стрела теряла свои крылья,
Не было такого аркана, который мог бы достать туда ремнем.
Пращники раздражены, словно дивы,
Пристыжены они этим замком, подобным невесте.
Баллиста не знает пути вокруг него,
Вращение катапульты ему не страшно.
Когда они обессилели от этих натисков,
От этого швыряния орехов на купол⁶,
Деловитый шах собрал новый совет,
Созвал вождей и разгладил брови:
«Что скажете, молвил об этой горной преграде,
Которая истомила нас заботой?»
Горделивые завоеватели стран
Стали на колени и склонились пред шахом:
«Мы, рабы, с тех пор, как опоясались [на служение тебе],
Не переживали дня, подобного этому.
Вот уже сорок дней, что без пищи и сна
Боремся мы с тучей и солнцем.
Ты же знаешь, что по челу солнца и облака
Нельзя ударить копьём, стрелой и мечом.

Словно дивы, много уловов мы применяли,
Но с этим обиталищем дивов не справились.
Лучше свернуть нам с этой узкой тропы,
Подняться на вершину, попирая камни.
Когда понял государь, что те вожди
Обессилели и не могут справиться [с делом],
Когда глаз солнца опустил иглу в сурьму
И самоцвет закатился в море из индиго⁷,
Шах на берегу реки с сокровищницей камней
Устроил собрание, подобное Ноубехару.
Спросил он, когда собрание стало в круг.
У тех предводителей, разбивающих войска:
«Кто есть в этом углу из отшельников,
Которые оплакивают в скорби [мирские] желания?»
Один молвил: «О шах, почитающий науку,
Есть служитель бога в такой-то пещере.
Никому не показывает он своего лица ни под каким видом,
По нетребовательности довольствуется горстью кореньев».
Государь поднялся в тот же миг,
Отвернул поводы от спутников.
Взял с собой только нескольких приближенных,
Расспросил [о пути] и приехал к доброму мужу.
Путь от ночи был [темен], как день злоумышленника,
Слуга с факелом шел впереди.
Когда прибыл он к пещере из дальнего пути,
От того факела упал свет в пещеру.
Служитель божий, когда увидел луч света,
Выбежал из мрака пещеры.
Увидел он ангелоподобного, словно солнце,
Заставившего счастье поднять голову от сна.
Видавший мир устремился к миродержцу,
По свету миродержества признал его⁸.
Сказал ему: «Благостен твой облик,
Так думаю я, что ты Искендер».
Царь ласково подал ему руку,
Вошел [в пещеру] и почтительно сел перед ним на колени.
Стал расспрашивать: «Кто твои знакомые,
Что ты одеваешь из мирских благ, что твоя пища?
Как узнал ты, о проникательный отшельник,
Что я — Искендер в этой тесной пещере?»
Помолился о нем отшельник: «Да возрадуется твое сердце!
Да будешь ты свободен от оков тиранни!
Да взойдет твоя звезда на счастье,

Да будет украшена силой твоего счастья.
А что узнал я шаха,
То ведь всякий в ночи признает луну.
Не только у тебя в руках зеркало,
И у меня в сердце тоже есть зеркало.
За те сто лет, что полировало его умерщвление плоти,
Научилось оно, в конце концов, сбрасывать облик.
А затем, что вопрошает муж совета,
Каково, мол, отшельнику в этом тесном месте,
То по мощи твоей весел я и здоров,
Я полнее того, чем был ранее,
Не помню я ни о любви, ни о вражде к кому-либо,
Никто из рабов не свободен так, как я.
Не нашел я в мире верности,
А ведь никто не ищет дружбы у неверного.
Когда взвесил я помыслы о делах своих,
Увидел я, что эта самая пещера подобает мне.
Прекратил я счеты всякого знакомства,
Довольно мне и знакомства с одним всепрощающим [богом]!
К объединению я не прилежен,
Ибо полнота [желудка] заставляет вращаться пупок.
Одеваюсь я в травы, да и пища моя — тоже травы.
Этим философским камнем я превращаю камень в золото.
Вот уже много лет, что из властелинов
Не видал я никого, кроме тебя, из приходящих ко мне.
Какова же причина, что сегодня ночью в этот угол
пещеры
Потрудился прийти государь по счастливой звезде?
Вход в пещеру мою и такой, как ты!
Для служения шаху я — ничтожнее индийца.
Миродержец сказал: «О выдавший мир старец,
Неизбежно было мне прийти сюда.
Бог железо разделили на две части,
Нам обоим вручил их обе.
Ключ и меч так он создал,
Ключ тебе, а меч он оставил мне.
Так как я железом озаряющего мир меча
Помогаю правосудию в полдень,
Ты в полночь, если согласен помочь,
Пошевели ключом в этом деле.
Может быть, твоим ключом и моим мечом
Будет осуществлено дело этого сборища.
Есть замок на самой вершине этой горы,

В нем разбойники, несколько шаек.
Весь они день и ночь грабят караваны,
По злодейству ограбляют жизни.
Ищу я того, чтобы завоевать его,
Украстить его справедливостью и знанием,
Если и ты поможешь своими помыслами,
Проснется на этом пути счастье.
Очищен будет путь от разбойников,
Создано будет продовольствие для путников».
Когда узнал тот ведавший бога муж,
Что разбойники засели в том замке,
Создал он стенобитную машину из молитвы,
Которая пробилла себе путь к замку неба.
Так ударила по нему скала стенобитной машины,
Что гора в ней утонула как в море.
Сказал он шаху: «Встань и ступай обратно.
Ибо сдвинулось с места то подножие горы».
Когда государь прибыл на свой пир,
Подбежали участники пира,
Снова устроили пиршество,
Сели при звуках музыки и потребовали вина.
Кто-то пришел [доложить]: «Владелец замка на этой горе
Стоит у врат в надежде на прием».
Повелел шах, чтобы ввели его быстрее,
Приблизился он к шаху и склонился.
Помолившись за шаха свыше всякой меры,
Бросил он пред ним ключ от ворот замка.
Возвестил: «Сегодня ночью мощью шаха
Разрушение напало на этот замок.
Две мощные башни этого опоясанного камнем замка,
Да будет это далеким от замка [знака зодиака] царя,
рухнули.

Настигла нас стенобитная машина гнева божьего,
Рухнул замок и вдруг раскололся надвое.
Если бы твоя стенобитная машина разбила его,
То как может разбиться солнце от пылинки?⁹
Разрушение это, знаю я, не от этого войска,
Эта стенобитная машина из другого замка.
Раз распоряжение над замком небесным — у тебя,
Твоя воля и господство над замком — тебе!
Взглянул шах на предводителей войска,
Что можно ли указать молитву лучше?
«Вот уже сорок дней, что деятельные мужи

Мечами бьются с этим замком.
Столькими острями алмазных мечей
Не откололи они и зернышка камня от гранитной скалы,
А от одного вздоха, который испустил лишенный
пропитания,
Рухнул угол ее вышки.
Ну, что же вам кажется по этому поводу?
Да не будет земля лишена добрых мужей!»
Вожди войска, извиняясь,
Устыдились от такого доказательства.
Поцеловали землю на пиру шаха:
«Да не лишатся тебя трон и венец!
Мощной да будет на царстве рука твоя,
Вечной да будет звонкая монета твоих весов!
Лишь ты можешь знать такие слова,
Ибо господь тебя сделал своей тенью.
Когда и мы узнали об этом деле,
Вернулись мы на [правильный] путь, хоть и сходили с него».
Послал шах, чтобы поскакали к замку,
Очистили замок от тех разбойников.
Вместо замка дал он им уделы,
Послал их на данные им [земли].
В том опоясанном камнем, высящемся вверх замке
Во многих местах произвел перестройки.
Все разрушения его сразу восстановил,
Замок насилия сделал домом правосудия.
Окрестные правители тех гор
Пришли к нему на прием с жалобой,
Что из страха перед дикими кыпчаками
В этой области мы не смеем сеять зерно.
Стоит им только устремиться в эту сторону,
Как чинят они разрушения посевам и воде.
От этого постигает нас ущерб,
От скудости хлеба угроза постигает жизни.
Если только соблаговолит царь нам милость,
Доставит покой этой стране,
В этой сторожевой башне бреша, которые в ней есть,
Заделает, чтобы была она закована камнем,
Тогда, может быть, от бедствия тех степняков
Покой найдет тело хазар.
Повелел шах, чтобы перевал в горах
Закрыли хазары совместно,
Из булата и свинца и гранита

Возвели стену на том узком пути.
Из камнетесов, искусных в деле,
Которые умеют укрепить замок на скале,
Послал он великое множество,
Приказал закрыть проход на той горе.
Когда закончили заделку бреши,
Подняли знамена, собираясь в путь.
От ударов в барабаны и боя литавр
Тополя в тех лесах стали черными.
Царь двинул войско в сторону степи,
Опустил поводья и проезжал стоянки.
Словно планета на небе гнал он коня,
И в какой знак зодиака ни приходил, приносил счастье.
Когда локон ночи амбровыми кольцами
Посыпал жасмин на синий свод,
Шах и войско от дорожных трудностей
Ненадолго упокоились.
Несколько человек из спутников в том пути
Посадил шах ради вечерней сказки.
Расспрашивал их о тех горах и долах
И осведомился о происшествиях.
Они же о всяком склоне и подъеме
Докладывали тайны уху царя.
Сообщили: «Есть здесь хороший замок,
От которого далек ураган южного ветра.
Камень его — цвета эмали, словно изготовлен в раю,
По красоте и веселью как райский сад.
Высокий барир прозвание его,
Там престол Кей-Хосрова и кубок его.
Когда Кей-Хосров покинул царство,
Сложил он в том величественном месте кубок и трон.
Могилой избрал себе пещеру,
В которую из-за пламени нельзя вползти.
Из рода его в том месте
Есть владыка, властвующий над всеми.
Служит он дому того шаха,
Охраняет тот кубок и тот престол».
Охранитель границ мира, царь, странствующий по миру,
Весь вспыхнул, когда услышал эту повесть.
Где бы он ни завоевал благодатный замок,
Будь то силой, или по слабости его,
Явное ли его, тайное ли,
Он шел в этот замок венценосец мира,

Все осматривал, спускался из замка,
И владелец замка от него получал благо.
Жаждал он повидать невиданное,
Куда бы ни ехал, быстр и проворен был.
Когда в ту ночь услышал он о признаках того замка,
Появилось у него желание осмотреть замок.
Может быть, древней чашей Кей-Хосрова
Сможет он обновить сборище государства.

39. ИСКЕНДЕР ЕДЕТ В ЗАМОК САРИР

Приди, виночерпий, освежи мое сердце вином,
В этом деле медли в меру!
В цветочке моего сердца иссякает масло,
Вином придай свет моему цветочку!

* * *

Когда белый день из вороновой ночи
Взошел, как камфора из дальних стран зинджей,
Засверкал день словно чистый рай,
Поднял голову клад Каруна из праха.
Воздух чист от дыма, мир от пыли,
Небосвод омыл свой лик, как лазурь.
Опоясался на уединение осенний ветер,
Весенний ветерок веет со всех сторон.
Все горы — цветник, вся степь — сад,
Блистают очи мира от золотого цветочка¹.
Время действует словно райский сад,
Земля от цветов и зелени — словно райская почва.
С победоносным решением счастливый шах
На движущемся троне² сошел с трона,
Верх венца вознес до вершины небосвода,
Поднял знамена, разгорелся лицом,
Утомил землю поступью коней,
У тяжелой горы вызвал смятение в голове,
Двинул войско оттуда к престолу Сарира,
Чтобы узреть того, кто восседал на том престоле.
Правитель Сарира узнал, что тот венценосец

Прибудет к тому тронному месту.
Он был осведомлен о познаниях повелителя,
[Знал] что это царь мира, победоносный и благодатный,
Что не убивал он никого из рода Кеев,
Всех праведных укреплял и поддерживал,
Чело вождей поднимал до венца,
Много расходов нес, но хараджа не брал.
От радости за два перехода поспешил он навстречу,
На целые фарсах разостлал шелковые ковры.
Из приношений, которые были у него под рукой,
[Добыл] столько, что предела им не знал никто.
Всякого рода мехов, ярких как цветы,
Драгоценных свыше всякой меры,
Черный соболей, лисиц с красным мехом,
Также горностаев и куниц, без сожаления.
Шубы из вашака, словно весенние цветы,
Фиалок просыпалось на них сотни тысяч,
Рабов с горделиво поднятыми шеями,
Каждый из них готов для любого боя,
Юношей, сопровождающих свиту, быстро вскакивающих,
На вид приятных, на ходу быстрых.
Когда такие прекрасные и изукрашенные приношения
Отправил он и с ними еще много богатств,
Вручил он их хранителям тронный зал.
Так что обессилели те, кто должен был их перенести.
Вошел он в тронную залу царя мира,
Вдвое согнул стан, как опытные мужи.
Царь мира встал, оказал ему почет,
Усадив его [возле себя], уважил его.
Когда воздал он ему полную благодарность за богатство,
Расспросил его о преданиях про трон и кубок:
«Что кубок, отражающий мир и трон Кеев,
Как же они теперь без благодати благодатных [шахов]?»
Владыка Сарира дал ему ответ:
«О горделивый венец царей,
Каюмерс — служитель твоей свиты,
Феридун — покорен твоему царскому приказу,
Звезда да будет стрелой твоему луку,
Арканом твоим да будет обнимающий мир небосвод.
Ключ, который Кей-Хосров нашел в чаше³,
В зеркале руки твоей этот ключ.
Разница только в том, что славу и имя
Ты от зеркала видишь, а [Кей]-Хосров от чаши.

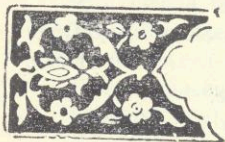
Раз ушли шахи с бодрствующей судьбой,
То да будет же тебе вечно диадема и престол.
Да будет горизонтом свет от твоего трона,
Да не будет тень венца далека от твоей главы.
Каково было намерение шаха,
Что обновил он рисунок этого старого свода?
Подад коня своего в эти пределы
И область нашу возвысил до неба?»
Повелитель мира сказал ему: «О именитый,
Хранящий для трона память о Кей-Хосрове,
Раз стал моим престолом престол Кей-Кавуса,
А также испил я вина из чаши Джамшида,
От этой чаши и этого украшенного престола
Сердце мое сдвинулось с места.
Затем хочется мне видеть, как уснул шах,
Как сделал себя усыпальницу в той пещере.
Ищу я тайное Кей-Хосрова,
Ты посиди здесь, пока я пойду туда,
Онлачу тот покорный ему трон,
Поцелую край его чаши.
Посмотрю я, тот охранявший Хосрова престол
Как будет жаловаться мне на смерть шаха,
А от той бездушной чаши выслушаю
Молитву, от которой скрепнет моя жизнь.
Зеркало души моей заржавело,
Счищу я той чашей с зеркала пыль.
Этим видом устрою я сердце,
Все дела для себя облегчу».
Владыка Сарира при речах обладателя престола
Покорился этим указаниям.
Тайно послал к правителю своего замка,
Чтобы приготовил он угощения свыше меры,
Опясался, был проворен,
С сотней ласк служил гостю,
Указал бы хранителям трона,
Быть смиренным перед победоносным шахом,
Впустить его в сокровищницу трона,
Если потребует, дать ему сладостного вина,
Посадить его на трон Кей-Хосрова,
Осыпать ему главу драгоценными дарами,
В ту бирюзовую чашу налить вина
И победоносно поднести ему.

Во всем, что бы ни пришлось ему по зубам,
Не уклоняться от его веления.
Когда доверил он тайну надежным людям,
Сказал он шаху: «Готовься в путь.
Я здесь посижу по приказу шаха,
Когда вернется шах с пути, направлюсь в путь».
Шахиншах принял приглашение в дом,
С собой в путь взял мудреца.
И человек четыре-пять из личных гуламов,
[Верных], словно золото, вышедшее из плавильной печи.
Двинулся он к тронному дому,
Поднимаясь, прошел выше неба.
Поднялся так, что нигде не отдыхал,
На тот вращающийся небосвод по сотни извивов и изгибов.
Увидел он замок, соперничающий с небом,
Никто не поминал его названия в бою.
Невесты замка изготовили питье,
К тому питью примешали сахар из уст⁴.
Поставили перед ним царственный золотой стол,
А также кушанья, подобавшие ему.
Периликие обитательницы дворца, словно луны,
Построились рядами вокруг шаха.
Изумился он этому блеску и красоте,
Ибо облик мощи чарует сердце.
Когда шах поел той пищи и испробовал питья,
Поднял он голову на престол Кей-Хосрова,
Склонив голову и сняв венец,
Подошел он к подножию того трона.
От стен и дверей словно бы раздался вопль,
Что спящий Кей-Хосров проснулся.
Таков был приказ повелителя,
Чтобы воссел на трон тот венценосец.
Глава венценосцев взшел на трон
Словно Симург [феникс] на ветвь золотого дерева.
Хранитель того трона с золотыми колоннами
Из россыпи слов высыпал драгоценные камни:
«Победоносность шаха над тронном шаха
Указует путь к победоносности счастья.
А осыпанная самоцветами взвешивающая яхонты чаша —
Ключ к замку многих сокровищниц.
Этим тронном и этой чашей, верной властелинам,
Сколь много чаш и престолов ты себе добудешь!»
Другой страж сказал: «О государь,

Подобно тебе шаха немного стран видело.
Раз ты устремился к Кей-Хосровову трону, —
Вознес ты главу выше престола небосвода».
Другой красноречивый открыл уста:
«Долго ли [говорить] о Кей-Хосрове и Кей-Кубаде!
Раз этим тронном укрепилась рука шаха,
Он будет кей-кубадствовать и кей-хосровствовать.
Все предзнаменования вознесла судьба».
Когда шах украсил собой тот трон
И вернул жизнь мертвому Кей-Хосрову⁵,
Посидел он на том троне лишь миг, не долго,
Пошел трон и сошел.
Из самоцветов целый клад высыпал на тот трон,
Которому изумилась и сокровищница.
Повелел, чтобы поставили золотое кресло,
Перед ним поставили ту самую благодатную чашу.
Когда кресло поставили и царь сел,
Потянул руку к чаше, отражающей мир.
Когда виночерпий это увидел, по приказу
Вином озарил он эту чашу.
Поднес ее царю осмотрительно и бережно:
«Выпей это вино в память Кей-Хосрова!
Пей, и да будет другом тебе счастливая звезда,
Да будет твоя рука достойна этой чаши».
Когда шах увидел чашу, он встал,
Выпил только одну чашу и не потребовал более.
На тот кубок браслет со своей руки
Набросил, сел и поставил его.
Поглядел он на тот трон без венценосца,
Поплакал немного над той чашей без вина.
То по поводу отсутствия вина, то по поводу отсутствия
шаха.

Такие изречения вещал о той чаше и троне:
«Да не будет золотой трон без венценосца,
Раз нет вина, да не будет отражающей мир чаши.
Вином озаряется чаша,
Шахом возвышается покорный трон.
Раз ушел шах, сломай же и трон совсем,
Раз вино пролито, брось же на землю чашу.
Такой шах нуждается в этом троне,
Который на эмалевом престоле не спит в неге.
Тот, кто в рай уносит свои пожитки,

Темницей сочтет такой трон.
 О сколь много птиц исчезает с луга,
 Клетку им делают из слоновой кости, силек из шелка.
 А когда она сделает себе ожерелье и венец из ветвей сада,
 Ни о шелке не вспоминет, ни о слоновой кости.
 Потому ищем мы венца и короны,
 Что беззаботны мы к натиску смерти.
 Весной потому распускаются ветви на лугу,
 Что не видели они меча осеннего ветра.
 Округлили свои крупы степные онагры,
 Разве лев пройдет мимо их стада?
 Олени веселятся в игре,
 Разве спят грозные тигры?
 Железы газелей наполнились мускусом,
 Вдруг ее растерзают когти и зубы барсов?
 Так проводим мы день в беспечности,
 А нас поражают огнем, испепеляющим ножитки.
 Зачем нам так дерзостью строить себе трон,
 Чтобы другой укрепился на нем?
 Согреваем мы место для другого,
 Устыдились бы мы такого дела!
 Какая польза возводить такой трон,
 Если место наше — гроб, не трон.
 Не золотой трон это место наше,
 А из железа кандалы на ноге нашей.
 Раз нельзя вечно сидеть на троне,
 Нужно сломать трон раньше, чем сломится тело.
 Раз не осталось блеска в чаше Кей-Хосрова,
 Не следует уже наполнять ее вином»

40. ИСКЕНДЕР ИДЕТ В ПЕЩЕРУ КЕЙ-ХОСРОВА

Приди, виночерпий, ту кей-хосровскую чашу,
 Свет которой освежает очи,
 Наполни до краев вкусным вином
 И поставь перед Кей-Хосровом [нашего] времени.

* * *

О шах, государь, носитель правосудия в мире,
 Саном высокий как небосвод, обликом подобный Юпитеру,
 Где теперь Кей-Хосров и богатство его,
 Кто стал теперь Искендером на троне его?
 Раз та звезда двинулась и ушла из своего зодиака,
 Ты теперь носитель могущества тех Хосроев.
 Тебе принадлежит власть над миром и правление,
 Если с теми же помыслами ты возьмешься за мир.
 Хотя мир и принял чеканку твоего имени,
 Хотя земля и счастлива твоим покоем,
 Но не привязывайся в любви к этим обольстительницам
 сердец,

Ибо небосвод не ладит с теми, кто влюблен [в него].
 Смотри, мир с влюбленными в него
 От неласковости что учинил.
 Престолом, который он околдовал.
 Какую игру учинил с владетелями престола,
 Чашей, которая радовала одного опьяненного,
 Какое насилие учинил обладателю чаш.
 Раз ты Кей-Хосров семи стран,
 Раз ты захватываешь области Искендера,
 В зеркале и чаше этих обоих шахов
 Лучше бы больше благо увидеть тебе в обоих отношениях,
 В каждом деле, которое ты сегодня предпринимаешь,
 О припасе на завтра подумать!
 Ты — раздаривающий венцы, который от того венценосца
 Остался на память на отцовском престоле.
 Ты веселись, хоть и ушли те веселившиеся,
 Ты — при венце, хоть и ушли венценосцы.
 В этом саду, пестром как крыло фазана,
 Ни цветок не останется на лугу, ни кипарис.
 Если ушел стройный кипарис — шах Ахсатан,
 Ты зеленой в этом цветнике.
 Если он дал мне удел от милостей,
 Поднял от земли до высокого небосвода,
 Ты еще больше и выше меня ценил,
 Двери сада² ты не оставил закрытыми.
 И небосвод, пока он чертит свои рисунки на земле,
 Да не закроет пред тобой врата веселия.
 Из щедрых повелителей времен мне
 Ты один остался, живи же вечно.

Что я говорил? Чем занимался?
Где был? Куда гнал серого [коня]?

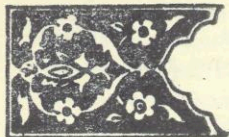
* * *

Когда Искендер увидел тот престол и ту чашу,
Увидел престол, на котором не подобало покоиться,
Всякий престол, кроме небесного,
Лишь заключает в темницу жизнь.
Он подозвал мудрого Булинаса
И усадил его возле чаши, отражающей мир.
Он потребовал, чтобы тот взглянул на устройство чаши,
Дабы полностью выяснить ее тайны.
Когда мудрец погрузился взором в чашу,
Прочитал он начертания ее от слова до слова.
В этой чаше там, где были соединения,
Вязью было написано несколько строк.
Долго рассматривали они эти строки,
В них был скрытый расчет, они poznали его.
Царь царей и мудрый ученый
Содержавшиеся в строках числа запомнили.
В конце концов, когда шах из этой области
Направился в румийский пояс,
Округленную астролябию, который ученый создал,
Он создал по подобию этой царственной чаши.
Когда царь мира нашел доступ к той чаше,
На том престоле отдохнул некоторое время.
Он сказал ученому: «На царском престоле
Не хочу я, чтобы кто-либо делал себе место отдохновения».
Укрепил он талисман на этом благодатном престоле,
Такой, что кто бы ни уселся на этот престол,
Если промедлит хоть дольше мига,
Сбросит его престол яхонтового цвета.
Слышал я, что это очень долго дряхлеющее сотрясение
И посейчас сохранилось в том престоле.
Когда царь обновил обычай Кей-Хосрова,
Он словно Кей-Хосров направился ко вратам,
Вышел он, посмотрев престол и чашу.
Направил шаги к пещере Кей-Хосрова,
Хранитель замка много потрудился,
Чтобы провести царя к той пещере.
Когда шах подъехал к той узкой пещере,
Ноги ветроногих скакунов попали на камень,

Ибо прохода по тому пути не было,
Был он завален обломками гранита и
Указавший пещеру сказал царю:
«Кей-Хосров, вот, в этой пещере уснул,
Есть туда путь, прожженный молнией.
Но извивается он, как склон на склоне,
Не предавай разграблению клад такой пещеры.
Подумай немного о таком деле,
Подумай, что путь туда прокладывать когтями и зубами.
Представь себе, что уснешь ты сам, словно Кей-Хосров.
Выскивание причин сокрытых тайн
Делает долгой работу ищущего.
Надо отвратить поводы от этой пещеры,
Ведь в пещере можно найти змея».
Искендер не обратил внимания на его речи,
Пешком устремился к пещере Хосрова.
Бежал водитель впереди, мудрец же позади,
Два раба с ним, более никого.
Постепенно через те трудные проходы
В преддверие пещеры внес он сокровища.
Когда досталась ему в руки сокровищница пещеры,
Устрашился поклоняющийся богу муж.
Древнюю грамоту увидел он в сердцевине камня,
Путь к той расселине темный и тесный.
С трудом проник в ту пещеру государь
С тем, что иаидет, может быть, признаки друга пещеры³.
Прошло некоторое время, показался огонь,
Так что сгорел бы всякий, кто бы туда подошел.
Он сказал мудрецу: «Откуда эти искры,
В этой тесной пещере пары откуда?»
Посмотрел мудрец в тесную пещеру,
Как сверкает огонь из твердого гранита.
Сверкающий колодец увидел, глубокий,
Из того колодца блистал дивный огонь.
Об этом блистании ничего не знал,
Ибо доискивающемуся не было к нему пути.
Много он искал пути к тому свету,
Но не выснил для него светлый путь.
Обвязал себе веревкой пояс смелый муж,
Спустился вниз в тот сверкающий колодец.
Стал выяснять свойства того сверкающего огня,
Как это сверкает свет из той ямы.
Это был не рассеянный огонь, а сосредоточенный,

Когда присмотрелся к нему, это была залежь серы.
Подав он знак, чтобы вытащили его из колодца,
Поднялся и помолился о здравии шаха:
«Нужно скорее торопиться,
Ибо из этого колодца огонь исходит, не вода.
В нем горящая залежь серы,
От серы его все вокруг сгорело.
Знал о ней, кто уснул в этой пещере,
Потому-то и скрыл он в сере свой философский камень»⁴.
Прочитав молитву над той пещерой государь,
Вышел и посыпал благовоние на огонь.
Когда он вышел из пещеры и начал искать пути,
Ни одна дорога ему не раскрылась.
Слышал я, что туча из глубокого моря
Поднялась вверх и просыпала снег.
От этого снега, заполнившего мир,
От долин до гор все было засыпано.
Искендер заблудился в том снегу,
Словно снег, сбрасывал слезы с ресниц.
Обитатели замка прослышали об этом,
Поспешили к расселине пещеры,
Палками и протаптыванием пробили путь,
Разными ухищрениями смели снег.
С их помощью шах из того угла пещеры
Выбрался и поднялся на горы.
Когда этот зеленый блистающий павлин
Похитил у птицы Хума белую кость⁵,
Возвеличивающий трон, престол и венец
Спустился вниз с вершины Сарира.
Вернулся он в свой лагерь,
Высокая звезда снова покорила ему.
Отдохнул он от жары и усилий,
От испытывания страха замка и трудностей пути.
Тело, которое испытало столько невзгод и трудов,
Нашло покой и сон под [руками] массажиста.
Заснул он, когда пришел отдых,
И поконлся, пока не наступило ясное утро.
Когда второе утро поднялось на небо,
Утренняя заря разбила оземь флягу с вином,
Украсил этот лазурный пруд
Глину земли желтыми благовонными травами⁶.
Шах повелел устроить пир,
Потребовать вина, сборища и закуски.

Позвал он Сарира мелика на пир,
Усадил на лучшее место.
Взяв с ним вместе рубиновое вино в руки
И так [было], пока не опьянились они в этот день.
Дарением занялась рука правителя,
Открыл он врата сокровищницы перед гостем.
Обогатил его, давая ожерелья и венцы,
Дал ему золотой венец и престол слоновой кости,
Расшитый самоцветами парчевый кафтан,
Словно пляеды, драгоценный по обилию самоцветов,
Из бирюзы чашу формы померанца,
В которую поместилось бы пол-апельсина,
Небольшой кубок из позолоченного рубина,
Лучше, чем гранатовое зерно — словно свежие гранаты,
Доска для игры в нарды, инкрустированная лалами и
изумрудами⁷,
На которой сверкали кружочки из желтого и красного яхонта.
Из сверкающего хрусталя широкий поднос,
Словно свежий цветок нарцисса на зеленой ветви,
Десять скаковых коней с украшенными драгоценностями
удилами,
Все под убранством, изукрашенным самоцветами,
Сто верблюдов с крепкой спиной и гладкими бедрами,
Вспотевших под тяжким вьюком.
Из закрытых сосудов, что были на пиру,
Самоцветы — манами, золото — харварами,
Особые халаты всякому из его свиты,
Много расшитых золототканых каба.
Многими дарами, халатами и богатствами
Трон Сарира был украшен.
За эти дары поцеловал он руку шаха,
Радостно пошел обратно в свой замок.
Государь ударил в барабаны и двинул войско,
Вершину знамени своего вознес до небосвода.
С тех пор спустился в степь,
По направлению к глубокому морю проходил путь.
В той степи неделю охотился,
А через неделю задумал двинуться дальше.

41. ИСКЕНДЕР ИДЕТ В РЕЙ И ХОРАСАН

Приди, виночерпий, принеси тот золотой кубок,
Что остался на память от Феридуна и Джама.
Дай чистого вина чистому возлюбленному,
Ибо лишь в опьянении можно првести этот сон.

* * *

О сердце, долго ли заниматься этой игрой,
Все снова и снова измышлять уловки?
Дерево страсти выросло возле твоих дверей,
Согни ему вершину, пока оно не согнуло тебе голову.
Не пив чистого вина, не предавайся опьянению,
А если выпьешь, не поклоняйся идолам!
Раз без шафрана тебе становится смешно,
Не вкушай шафрана, дабы не погибнуть.
Словно шахи, не привыкай к сладостной жизни,
Опасайся дня черной нужды.
Из этого бурно кипящего пылающего дома
Тот спасется, кто умеет крепко трудиться.
От трудностей умением переносить можно спастись,
Серой и нефтью ничей огонь не был погашен.

* * *

Передающий древние таблицы
Так украсил лазурью свое писание,
Что, когда государь с Кей-Хосрова престола
Направился в свой лагерь, быстро двигаясь,
Посидел он один день на троне,
А затем сложил пожитки, замислив поход.
Спешащий гонец влетел, как ветер,
По обычаю гонцов поцеловал землю.
Царю мира сказал сокрытую тайну,
Оповестил его о тайном и явном:
«Дабы поцеловать порог тронной залы
От истахрского престола пришел я к шаху.

Прирожденный мелик, заместитель государя
Так чеканит свои слова:

С тех пор, как шах на управление делами
Назначил меня своим наместником,
Так соблюдал я страну спереди и сзади,
Что ни от кого никому не было обидно.
По условию, которое я заключил, давая обет шаху,
Соблюдал я доверенное [мне].
Слава Аллаху! Ни сверху, ни снизу
Эту страну не задел ни на волос урон.
Но так как обычай небосвода вращаться,
Обращается мир по ненависти и любви.
Время чревато и добром и злом,
Звезда — то друг, а то недруг,
Несаженное дерево появилось из Рея,
Притязает он на происхождение от Кей-Кавуса.
Это жалящий демон, смутьян,
Спешит он к гибели, как змей.
Пастухи, которые поклоняются греху,
Из стрел его делают себе посох.
Даже и те люди, которые из всех оружий знают только
заступ,

Его широкие стрелы приняли вместо заступа.
Гордо поднял он голову словно Ахриман,
Во всех городах заставил подняться жалобный стон.
На господство притязает он,
Ложно приписывает себе благородство,
Собрал он вокруг себя рассеянную кучку,
Которая способна поднять пыль из моря.
От удачи своей он обнаглел,
Верно, потому, что один он, без соперника.
Голова и имущество того раба погибнут,
Который посмеет вступить в спор со своим хозяином.
Хорасанцы влекут его за поводья,
Ведут на бой с шахом.
От границ Нишапура до балхской земли
Делают они ему небо горьким нашей желчью¹.
Повязал он свои волосы на возглавление мятежа,
Направляется к твоему коронному месту.
Такую смуту, разогретую ненавистью,
Если сочтешь мелочью, лучше не считай.
От малых возникают великие смуты,

Ибо лодыжка волка в ноге становится наконечником
стрелы².

Если только эта смута затянется,
Протянет она руку к шахским делам.
Если шах не прикроет облаком его месяц,
Захватит он престол мечом.
Если же у сокола будет снят ремень с ноги,
Сломаны будут у куропатки крылья и перья.
У меня нет достаточно сильного войска,
Которым можно было бы ослепить дурной глаз.
Военачальников в области мало,
Все они при дворе царей мира.
Что ни день, то у этого рожденного дивом
Мощнее становятся руки, да не удастся ему это!
Кроме урагана ветроногой конницы шаха,
Никто не сможет сдуть эту пыль с дороги». —
Когда проявил гонец быстроту в речи,
Грамотой подтвердил он свои слова.
Из сокрытых тайн, доброго и злого,
То самое было в грамоте, что сказал ее податель.
Обладающий львиным сердцем шах, слоноподобный
государь,

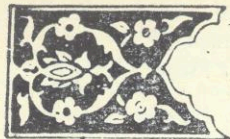
Сказал про себя об этом деле:
«У меня здесь трон Кей-Хосрова под ногами,
А там другой дерзает на мой трон.
На тот рассказ похожи [события] с этими венцом и престолом,
Как индеец у другого индийца украл пожитки³.
Лучше всего мне поторопиться,
Ибо щадить врага неразумно». —
Свита шахская словно небо была,
Что не покоилась она на своем месте и мига.
Мир стал караваном, шах — вожаком его,
В том караване было много вьюков.
Со всех углов валялись вьюки,
Одно дело выпадало за другим,
Во всех этих делах помощником был он один и только,
Ищущему защиты прибегал он на помощь.
Раз планета несет с собой веление блуждать по миру,
Не годится набивать себе на ноги колодки.
Двинутся с этого кочевья государь
Берегами, берегами, вдоль реки.
Войско его подняло знамя выше месяца,
Древко вознесли до неимеющего опор [небосвода].

Проходили они путь, предаваясь охоте,
Ибо и дичь [там] была хороша и место для охоты.
От тяжелой ноши согнулись колосья
И [потому] бег дичи убавился⁴.
Так сильно вздувались реки, что берега их
Омыли от пыли лик мира.
От молний вскипела туча Нейсана⁵,
Гром яростно гремел.
Жилы растений в земле укрепились,
Заплясала листва на деревьях.
От сладостных воплей соловьев, слагавших напевы Зенда,
Весенний ветерок разорвал одежды роз до пупка.
Всадник на коне с яшмовой подковкой —
Рубиновая роза под рубиновым цветком граната.
Два юных ростка — тут и листва тут
Приносили пользу халвой и шелком⁶.
Земля — словно золото, вода — как лазурь,
Подобна парче полуголубой и полужелтой.
Пение жаворонка лучше звуков музыки
Приносило радость сторожам посевов.
Узел на поясе завязал стебель ячменя,
Крестьянин получил радостную весть о жатве.
Увеличилось брюхо у степной газели,
Заострил на нее зубы волк.
Ноги онагра стали вялыми, как желчный пузырь коровы,
Олени из пустыни начали искать пути в горы.
От непрерывных родов газелей
Целый мир был наполнен ягнятами.
Миродержец за охотой, музыкой и кубком
Стоянку за стоянкой плавно проходил.
Когда однодневная серьга молодого месяца
Стала превращаться в однонедельный браслет,
[Искендер] просунул голову в окружность того кольца,
Которое ныне называют золотой Хальхаль⁷.
Вступил он в Гилян подобно туче,
Таким образом как лев входит в лес.
Всякое капище огня, которое там попадалось,
Делал он холодным, как лед, для огнепоклонников.
Когда сломил он спину хербадам
И опрокинул обычай Зердушта.
Вышел он из Гиляна и вступил в Рей,
Чтобы опрокинуть врага занес ногу.
Казнил он огнепоклонников,

Дым заставил подняться из всего их рода.
Когда враг узнал, что пришел леопард,
Забился он в нору, как хромая лиса,
Бежал, покинув родные места в Хорасан,
От того хранителя Рея понес поражение.
Когда узнал государь, что злой враг его
Бежал от блеска его диадемы,
Начал он преследовать бегущего вепря,
Пошел в ночной побег и преградил ему путь.
Так ускорил свое движение, что погнал его
И одним ударом отвратил его голову от царства.
Когда злоумышленника он поверг в прах,
Рассеянных же рассеял,
В том самом месте, где он казнил злоумышленника,
Возле степи был холм,
В благодарность за здоровое счастье
Он быстро воздвиг на том холме здание.
Так как он украсил его золотыми шарами, называемыми
«хера»

То назвали его на пехлевийском языке «Хери».
Когда он наполнил сокровищницу того здания,
Он повел войско в город Нишапур.
На две части [разделенный] мир он нашел в том городе,
Одну часть нашел благосклонной к себе,
Другая часть там была в барабан Дария,
Явно говорила о дружбе к нему.
От царя Дария у них было знамя
И считали они, что [сам] царь под этим знаменем.
Такое знамя в честь царя
Воздвигали они в почетном месте.
Искендер сильно укрепил свои ноги во вражде,
Но ни у кого не удавалось вырвать любви к Дарию.
Увидел он, что лишь таков выход в этом деле,
Чтобы обратиться за помощью к своим друзьям.
Из дворца своего разумно и рассудительно
Воздвигнуть там другое знамя.
Этим знаменем того добивался шах,
Чтобы знамя отомстило знамени.
Так как знал он, что этот приверженный Дарию город
Стараниям Искендера не поддается,
То создал он там место вражды до самого трубногo гласа⁶,
Вот почему этот город удалился от согласия и мира.
Враждовавшие давно ушли под землю⁹,

И до сих пор есть эта вражда в той земле.
Когда ударило войско куропаток на фазанов,
Из царства Нишапурского двинулся он на Мерв,
Погасил огни в домах хербадов
И разогнал бабочек от огня.
Пришел в Балх и огонь Зердушта
Потоком мечей, словно водой, угасил.
Чарующий сердце бехар был в Балхе,
От которой горько становилось во рту у свежей розы,
Периликие там — словно картины,
Капища — словно радостная весна.
В ней больше всякой меры динаров и сокровищ
Положено во всяком углу без трудов.
Мобеды ее подковывали коней золотыми подковами,
Название того дома было Азер-Гушасп.
Когда государь овладел этим хранилищем сокровищ
И увидел, что маги опьянены чашей вина магов,
Он рай капища лишил гурий,
От ада служителей этого места удалил.
Истошил он этот древний клад
И им наложил повязку на много израненных грудей.
Обошел он вокруг весь Хорасан,
В каждом городе провел некоторое время.
В мозгу Хорасана вызвал кипение,
Наказав хорасанцев.
Во все области двинул свиту,
Ибо юное счастье помогало ему.
Хорасан, и Кирман, и Газну, и Гур —
Все это он измерил копытами коней.
Во всяком городе, куда он прибывал, в радости
Ворота перед шахом раскрывали.
Хотя его странствие по миру и было трудно,
Но весь его путь был клад на кладе.
На всякой стоянке, где он останавливался,
Вьюки от сокровищ становились тяжкими.
Землю он наполнял сокровищницами,
Проходил и оставлял их в земле.
Золото, которое заставляет человека страшиться,
Что ему быть в чреве огня, что в утробе земли!
Люди прячут золото в землю,
Накладывают на него замки и железные оковы,
Так как налетит ветер и унесет их [собственный] прах,
Какая польза накладывать на него железные замки!

42. ИСКЕНДЕР ИДЕТ В ИНДИЮ

Приди, виночерпий: то расплавленное золото.
Из которого делают красную серу¹,
Мне дай, чтобы я мог изготовить из него себе лекарство,
Свою медь сделать философским камнем.

* * *

Коня веселей гони, [дорога], в степи хороша,
Не подтягивай поводья, скакун [твой] резво бежит
С наилучшим именем из этого безобразного места
Нужно направиться в райский сад.
Не надо привязываться сердцем к этому праху,
Ведь от него клад Каруна провалился в глину.
Путь спасения в смиренни,
Солнце сколько бы ни расходовало себя, сосредоточено
Чем больше на тернии на дорогах,
Тем больше польза торговым людям.
Если безопасна будет дорога от кровопийц,
Барыш купца на ней ничтожен.
В том хранилище, где нашли клады,
Дорогу нашли полной опасностей от драконов.

* * *

Тот самый гладкоповестующий, сладко излагающий муж
Такое жирное ядро извлек из сердцевины дела,
Что, когда шах прибыл в Газну из Балха,
Пошел в сторону от воды горького моря,
Так много вождей приходило к его порогу,
Что возжелал он [посетить] Индию.
В этом предприятии он стал советоваться с хитрецами:
«Счастье облобызало мне ноги,
Все царство иранское досталось мне полностью,
В Индию направлю я удила.
Когда я направлюсь к индийцу Кейду,
Я удалю от него ненависть и коварство.

Если же придет он, как и другие на поклон,
Буду я лишь осыпать его милостями.
А если он забудет себе в голову враждовать со мной,
Тогда я и шея Кейда, и острый меч!²
С боку на бок буду я ворочать его,
Сядет он там, куда я посажу его.
Когда направлю я коня в дальний путь,
Острие меча я устремлю на чело Фура³.
А когда от Фура Фуров похищу венец,
Поведу войско на хана ханов.
Оттуда же пойду на Чак и Тараз⁴,
Пройду всю землю одним набегом».
Смелчаки войска и великие мужи боя
Приняли его решение и намерение.
В день, когда добрая звезда была дружелобна,
Когда было очевидно явление счастья,
Искендер возвысил главу до небосвода,
Погнал коня, как сверкающее солнце.
Из Газны вступил он в Индию,
Дорога от его свиты стала словно сад.
Стоял он на том, чтобы разогреть мозг,
Поспешить на Кейда-индийца,
На разграбление его царства набежать как туча,
Предать его царство разграблению мечом.
Но в другой раз по совету мудрецов
Не сделал он того, что совершают безумцы.
Налегке быстроногого гонца
Отправил и дал ему весть к индийцу:
«Если ты склонен к бою, выводи войско,
Вот я пришел, словно черная туча!
Если же ты опоясался на служение мне,
Знай, что ты от моего меча спасся.
Голова нарцисса тогда пробуждается от сна,
Когда льет на него дождевая туча воду.
Роза тогда принесет свой паланкин в сад,
Когда у солнца разогреется мозг.
Вскиплю я, вскипит весь мир от ужаса,
Дрогну и дрогнут степи и горы.
Не спит там смелый орел,
Где можно под ним провести воду⁵,
Если там [от гнева] встают волосы на голове,
То здесь эти головы повиснут на одном волоске.
И если ваши горы имеют острые зубы,

То мой меч превратит горы в пещеры.
Если ради клада веду я сюда войско,
То на западе ведь больше магрибинского золота.
Если тороплюсь я за красавицами,
То ведь в Хорезме ярче солнце.
Самоцветов не ищу я в этой области,
Ибо такого добра много у меня в Руме.
В Индию пришел я с индийским мечом в руках,
Потому что нужно мне сочное жаркое из яростного слона.
Не проедай податей Индии, не вспоминая обо мне,
Ибо индийского происхождения мой булат.
Если нужна тебе твоя голова, не уклоняй ее от дани,
Если же нет, ни головы у тебя не останется, ни венца.
Посланец пришел ко двору Кейда,
Расставил сети словно силки для дичи.
Изложил ему резкие слова,
Которые жгли сильнее, чем огонь в день воскресения.
Когда Кейд увидел столь жгучий огонь,
Увидел он, что спастись от него можно осторожностью.
Видел он [ранее] вещий сон об этом
И толкования этого сна утратил.
А затем о господстве над миром государя
Знал он и что небосвод — ему друг,
Что он сделал во время борьбы с шахом Дарием,
От пределов страны Хабашей до Бухары что сделал.
Не показалось ему разумным отвращаться от него,
Вместо покорности спешить к смуте.
Понял он, в этом жарком пламени
Как отстранить от себя распрю.
Открыл уста для мольбы,
Много благословений шаха помянул:
«Раз он в мире рассудительнейший,
То и власть над миром ему уместнее.
Пусть же и подножие его трона будет на луне,
Но да будет же к нему путь и милости.
Мое дело было лишь любовь к нему,
По какой же причине идет он на бой со мной?
Если сокровища хочет, пожертвую ему,
Если и венец, сброшу его для него.
Если же он хочет милую жизнь мою,
Зубами вырву ее, к нему приволоку.
Если пришлет он ко мне раба своего с пути,
Вручу ему и сокровища и престол и венец.

От подчинения и служения не откажусь,
Искендер — господин, а я — сауга.
Если он будет величаться, я смирюсь,
Может быть, он тогда снова будет доволен рабом.
Если же обратно складывается дело
И шах склонен к борьбе,
От распри с ним я постараюсь уехать,
Не брошусь я под ноги слону.
Если я отвращусь от боя с ним,
Не осуществится его намерение пролить мою кровь.
Если же решит он призреть меня,
Останусь я, ведь не схватит меня боль в желудке!⁵
Если приведет войско, нога у меня не хромя,
Бегу в другое место, мир не узок.
Но если он сначала заключит со мной договор
При условии, что будет он нерушим,
Что не предаст он меня и не разграбит,
Что об этом отложит все помыслы,
Дам я ему четыре вещи, не имеющие пятой,
Которые по редкости своей выше звезд.
Одно — дочь свою пошлю шаху,
Да что за дочь! Сверкающее солнце и луну!
Второе — чудный кубок из чистого яхонта,
В котором не уменьшается вино, сколько ни пей.
Третье — философа, раскрывающего сокровища,
Который указывает тайны небосвода.
Четвертое — врача, разумного и искусного,
Который стенающих исцеляет.
Этими дарами я выражу признательность шаху,
Если шах примет, приму на себя благодарность». ⁶
Посланец согласился, что если эти четыре
Ты пошлешь дарами к государю,
Сделает он тебя именитым в этой стране,
Почтит тебя связью с собой.
Вознесет твое имя выше именитых,
Не уклонится от выполнения твоих желаний.
Когда индийский мелик увидел, что этот чистый мозгом
В этом деле не поскользнется,
Из индийских старцев одного славного
Послал вместе с гонцом государя,
С таким условием составил соглашение,
Слова жирные и сладкие емшав.
Посланные вернулись радостно,

С ними тот самый гонец, старец индийского рода.
Прибыли они ко двору государя,
В этом саду словно розы расцвели
Когда индеец увидел шатер шаха,
Увидел, что полумесяц шатра выше шатра полумесяца,
Вошел он, подметая землю челом,
Весть, которую привез, шаху сказал.
Когда прежние вести были сказаны,
Повел он речь о том, что было принято.
Описал те четыре дара шаху,
Что ни у кого не было таких сокровищ.
Сердце шаха в том желании вскипело,
Глаз потребовал того, о чем слышало ухо.
В намерении добыть себе эти дары
Не было у него и мига задержки от поспешности.
Потому того индийца мягкоречивого
Обещаниями и обетами он начал ласкать.
Послал Булиаса с другими вельможами
И запакрованным тяжким сокровищем.
Послание, которое алмаз делало воском,
Всю Индию делало индийским рабом Рума,
Написал от Искендера смелому Кейду,
От свирепого змея рыкающему льву.
В нем без счета всяких обольстительных уловок,
Которые пускаются в дело писцами.
Много обещаний за его извинения и ласку
Было там дано его горячему сердцу.
Когда писец эту охранную грамоту написал
И приказ с камфорой и амброй смешал⁷,
Булиас с румийскими опытными мужами
Направился к Кейду из той страны.
Когда румийский мудрец в том набеге
Прибыл на стоянку войска индийца,
Нашел он сердце Кейда полным света,
Нашел его далеким от коварства, свойственного индийцу.
Преклонился он перед ним, как перед шахом,
Ибо был он обладателем пояса и венца,
Поцеловал письмо и поднес,
Ключ сокровищницы индийцу вручил.
Прочитал письмо смелый дебир
И от грозности его небосвод упал вниз.

43. ПИСЬМО ИСКЕНДЕРА ПРИХОДИТ К ИНДИЙЦУ КЕЙДУ

Так было в письме шаха Рума
Словами, от которых гранит становился словно воск:
«После имени того, кто держит солнце и луну,
К тому нет пути мысли,
Господина веления и покорных ему,
Посылающего откровение пророкам,
По приказу его под синим сводом
Много да будет благословений над людьми доброго имени»,
А затем речь идет так: «О богатырь,
Спина твоя да будет крепка, а счастье юно!
Таково было намерение мое — двинуться в поход,
Палицей со слоном сразиться,
Показать миру великий подвиг,
Как гора от моей палицы разлетится на куски,
Ввергнуть в пламя Индию,
Не оставить там ни одного гордеца,
Набросись аркан на шею яростному слону,
Кровью вырвать красный корень у индиго,
Всю землю ее кровью увлажить,
А воду ее засыпать прахом.
Но раз ты обратил лицо к миру,
И я не отвратил от мира поводий.
Сладкими, ласкающими душу словами твоими,
Был я господином, а сделал ты меня слугой твоим.
Сердце мое просьбой о пощаде ты сдержал,
Колдовскими речами меня связал.
Сделай же так, чтобы этот приятный договор
И среди потомков наших удержался подольше.
Если ты четыре драгоценности мне пошлешь,
Я обещаю тебе в этом же собрании,
Что если даже все семь стран наполнятся войском,
В стране твоей и волосок не погибнет,
Во всяком добре и зле буду тебе помогать.
В этих словах буду стоек».
Когда посланец это письмо Кейду прочитал,
Благие пожелания пославшего ему передал,

Чарами и чарующей речью
Раскрыл перед ним врата колдовства,
От уловок и чар колдовских его
Кейд сразу же стал его индийским рабом.
Слышал я, что много есть индийских колдунов,
Но не читал [нигде], что кто-либо околдовал индийца.
Когда он некоторое время поговорил, как ему полагалось,
Поднес он привезенные с собой дары.
Сердце индийца Кейда сдвинулось с места,
Стал он выражать готовность служить покорителю мира,
Много благословлял государя,
Что да не будет без него время и место.
Посланца, опытного в делах, обласкал,
Попросил одну неделю времени, чтобы сделать все дело.
Когда прошла неделя и дело было сделано,
Подготавливающий все дела завершил,
Он [Кейд] совершил земной поклон на покорность шаху,
Принятые им дары гонцу вручил.
Кроме тех четырех ценных украшений,
Много других приятных сердцу ценностей,
Сокровищ, золота, украшений, лалов и жемчугов,
Много слоновьих грузов, полных драгоценностей
Индийского булата много выюков,
Сандал и амбра харварами,
Четырех яростных слонов, словно движущиеся горы,
Река Нил не достигла которым до пупка,
Трех белых слонов для трона шаха,
От которых день врага становился черным.
Булинасу тоже полнейшее сокровище,
Как из вареного мускуса, так и из сырого сандала.
[Дочь свою] Перидухт в паланкине из сандала,
Перед которым склонился до земли паланкин небосвода,
Оправил он с такими сокровищами,
Ради каждого из которых потрудился мир.
Булинас таким образом золото и украшения,
Каждое из которых было лучше целой страны,
Снес к своему повелителю мира,
Посмотри же как помог он ему овладеть миром!
Когда шах увидел присланные сокровища,
Четыре богоданные желания,
Он этим сокровищам так обрадовался,
Что даже румийская сокровищница вылетела у него из памяти,
Проверил он эти четыре дара,

Так было, как тот сказал, и даже более того,
Когда взглянул он на блеск кубка, озаряющего мир,
Увидел он, что от одного глотка из нее утолилась жажда
горла.

Когда завел он беседу с философом,
Получил он сведения о древних делах.
Врач благодатный лишь только дунул,
Из тела удалил болезнь, из сердца злые страсти.
Когда же черед дошел до того сокровенного клада,
Из Индии появилась китаянка¹.
Увидел он, что настолько прекрасна, что описывающий ее
Свойства удовлетворительно перечислить не смог бы.
Розу увидел, ароматную и не выдавшую пыли,
Весну, еще не пораженную холодным ветром,
Периподобную, украшенную как кумир,
Пери и кумир, явившуюся среди индийцев.
С узким ротиком, круглой головкой, широкими бровями,
Лик, словно красная роза на зеленой ветви,
По сладости нежнее засахаренной розы,
По нежности мягче объятиями, чем легкая роза,
Узел на узле завитки ее локонов, словно силки,
Все китайцы Китая ее рабы.
Словно газель в степях Китая, она была пропитана
мускусом,

Поела гвоздики в Индии².
Не коса, а цепь из чистого мускуса,
Спускалась она словно туча на солнце.
Из той источающей мускус тучи розы сыпались,
Луна в знаке зодиака Девы создавала гиацнты³,
На той щеке ее цвета пшеницы
Словно черный мускус одна родинка величиной с ячменное
зерно,

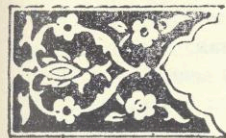
Показывала она ячмень на пшенице, осыпанной мускусом,
Не так, как некоторые продавцы, показывающие пшеницу, а
продающие ячмень.

Луна тюрчанка лицом, индианка по происхождению
Из Индии дала шаху рай.
Не индианка, а скорее хатайская тюрчанка по имени,
Столь же совершенная в похищении сердец, как индийцы.
От ее румийского⁴, но говорящего по-индийски лика
Шах румийцев стал ее индийским рабом,
Сладостная усмешка совсем как тростниковый сахар,
Нежная и приятная, свежая, сладкая и влажная.

Красавица такой приятности и привлекательности,
По природе она и вода и огонь.
Когда шах увидел [ее], пошел ей навстречу,
Такая невеста приглянулась ему.
По обычаю Исхака, доблестного предка⁵,
От которого глаз разума получил тугию⁶,
Убранство невесты на нее набросил шах,
А затем страсти к ней дал волю.
Для угощения полководца Индии
Стол он украсил словно цветник,
Самоцветы харварами, парча кусками,
Леопардовый шатер и золотой трон,
Венец, украшенный яхонтами и лалами,
Арабских коней с серьгой в ухе,
Китайских рабов с серьгой в ухе,
Румийских рабынь, облеченных в парчу, шитую золотом.
Больше того, чем можно охватить помыслом,
Послал он, и Кейд выразил благодарность.
Государь мира Искендер сын Филикуса
От связи с той луноликой невестой
Отдохнул, ибо поистине прекрасна была невеста.
Вся она лишь зерно и палуде из зерна⁷.
Когда он пальцем коснулся блюда с палуде
От палуде был орошен его палец.
Непроколотая жемчужина, нераспутившаяся роза,
Сама птица Хума без ума от нее, как соловей.
Роза из бутона рассмеялась, и жемчужина была пронзена,
Смотри, как эти слова сказаны под завесой.
Повелитель мира, когда нашел удовлетворение желаний от
мира

И в этом походе от счастья нашел покой,
Послал кого-то из мудрецов
В город Истахр и проявил твердость
Написал те слова, которые ему хотелось,
«О победе над страной мускусной земли,
Что дело так сложилось в Индии,
Как того могут пожелать сердца друзей.
С недружелюбием Кейда я покончил,
Раз он стал другом, с другом я поладил,
Пойду я теперь в Каннаудж на Фура,
Бог да будет мне помощником в этом дальнем пути.
Посмотрю, что там мне приключится,
Может быть, дело пойдет по желанию,

Ты — наш наместник во всех областях
От китайского моря до моря румийского.
Возвести же миру о победе,
Разгласи радостную весть о нас в веселии,
Воина и горожанина, юношу и старца,
Которым неизбежно подчинение нам,
Сердце каждого из них от нас возвесели,
Испроси молитвы, дай им знание и будь справедлив».
Написал он такие письмо обо всем
И разослал гонцов по всем странам
Драгоценной невесты дело тоже
Уладил, дабы поселилась она в Греции,
Дал ей войско из верных людей своих,
Обдуманность проявил выше меры.
В сопровождение того паланкина, богато изукрашенного,
Послал он сколько-то верблюжьих выюков сокровищ.
Остальные сокровища он поместил в землю,
А признаки их передал руководителю.
Мудрому учителю написал охранную грамоту,
Природа которого состояла из знаний и справедливости.
Известил его обо всем добре и зле,
О победоносности своих блажелателей.
Когда отдохнул со спокойным сердцем шах
Направил он свою свиту к области Фур.
Обычаи и правила шахов он так обновил,
Что наполнил всю Индию слухами о том.
Твердо укрепился на земле в справедливости и правосудии,
Этим укрепился на земле в справедливости и правосудии,
Этим приемом он похитил власть у мира.
Сладкое вино пил в память о Кее
Так, как шахи этого времени в память о нем самом.

44. ПОХОД ИСКЕНДЕРА ИЗ ИНДИИ В КИТАЙ

Приди, виночерпий, того вина словно аргаван,
От которого дряхлый старец становится юным,
Дай мне, чтобы я от него помолодел,
Желтую розу превратил в аргаван¹.

Воздух был приятен и путь без шипов,
И если и были шипы, то содержали они манну.
От сладких трав гор и долин
Сахарным получали газелята молоко.
Когда шах проехал по этому месте охоты,
Амброй наполнилось это место от пыли его.
Всякая газель, которая была рождена с его клеймом,
От ношения мускуса освобождалась.
Олень, который от него падал мордой к земле,
От глаз его мир ожидал противоядия⁴.
Покоритель мира скакал как ревуший лев,
Скачущий лев, пред которым добыча.
Поражая дичь в степях Китая,
Очистил он от газелей и онагров землю.
Шелк земли под копытами коней
Покрылся рисунком онагровых глаз от обилия глаз онагров.
Наконечником стрелы, разрывающей бок,
Много газелей он сбивал с мускусной железой.
Кожа оленей от крупа и до головы
От золотых наконечников стрел становилась словно золотой
рудник.

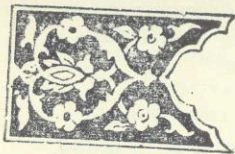
Лук государя засел в засаду,
Каждой стрелой сбивал по оленю.
Художеством кончика тополевой стрелы
Опустошил он степь китайскую от рисунка.
Охотясь в том обильном дичью месте,
Он целый день провел до ночи.
Когда живущий в замке тюрк прекратил свое дело⁵,
Невеста мира⁶ вступила в замок.
В тоске по нему ночь, словно индийская жена,
Начала рассыпать ячмень⁷ по всем переулкам.
Государь сошел с коня,
Да и войско его все сразу.
Решил он предаться отдыху,
И до утра ни одна птица не шелохнулась с места.
Когда госпожа из Ягма с золотым браслетом
Из халлукского шатра высунула голову⁸,
Мир, вздымавший дым, словно индеец,
По яркости уподобился Ягме⁹ и Халлуху.
От литавр государя раздался гром,
Ягма и Халлух вскипели.
Царь, устремляющийся по миру, проезжающий свет
В той земле месяц провел у водопоя.

Стойла установили, конюшни поставили,
На свежие стойки посыпали траву.
Дошла весть до хакана, что горы и степь
Изнемогли под подковами обложенных в булат.
Налетел поток из иранской земли,
Который ни Китая не оставит, ни китайского хакана.
Стремительный поток, который на горах и в долах
Поднимается выше прежнего потопа.
Его град превратит землю в Плеяды,
Уничтожит крокодилов в реках.
Черный дракон, подобного которому ни в одну страну
Не приходило из Рума свирепого льва.
Абиссиния имеет на себе клеймо покорности ему,
Зинджи облеклись в черные одежды, стеная от него.
Когда покончил он с разграблением Фура,
Опоясался он в ненависти к фагфурцам¹⁰.
Если это глубокое море сдвинется с места,
В этом деле не устоит и гора.
Устрашился хакан и стал советоваться о своих страхах,
Да такого врага и надо было страшиться.
Всем пограничным правителям написал кровью грамоты,
Что в земле нашей прах смешался с кровью.
От шаха Хатая до хана Хотана
Всем послал и созвал совет.
Войско Исфиджаба и Ферганы
И других мудрых хранителей границ,
Из хырхызов, из Чача и Кашгара.
Много созвал он богатырей с золотыми поясами.
Когда замкнулось ожерелье войска,
Сердце хана ханов успокоилось.
Занес он ногу на движущуюся гору¹¹,
Словно булатная гора двинулся с места.
За два перехода более или менее от шаха
Расположил конюшни и поставил шатры.
День и ночь он расспрашивал о государе.
Какую бы уловку с ним сыграть.
Вызвал он тайно посланного лазутчика,
Чтобы тот правильно описал ему положение.
Дал ему весть муж, отслеживающий секретное:
Это шах — величественный и грозный,
Обладает он пронзительностью справедливостью и
человечностью.

Ангел это в образе человека,

Разумен, осторожен, быстр соображением,
Наедине разговорчив, в трудах молчалив.
Веско и спокойно он дышит,
Не торопится пролить ничью кровь.
Притеснению ущерб, справедливости барыш от него,
Бог к нему благосклонен, люди им довольны.
Никого он не поминает иначе как добром,
Да и не радуется ничьему горю.
Не видал я никого, кто одолел бы его,
И ни одного героя, который не умер бы из страха перед ним.
Стрела его словно бы из колчана Ариша,
Что от конца ее страдает даже гранит.
Когда берет меч, он словно молния.
Когда вино берет на ладонь, дарит клады.
Когда звонкую монету словно пробует о камень,
Самую сущность мудрости пускает в дело.
Не слушает слово, которое не правдиво,
Тому, что обещал, остается верен.
Всюду выявляет он царственную пышность,
Кроме опочивальни и кроме охоты.
Гоняться за дичью не медлит,
Не медлителен, когда приходит время войны.
Мир стал безопасным по знанию и правосудию его,
Царь за царем — все предки его.
На ристалище он — глава царственных всадников,
В опьянении он — лучше трезвых.
Раз смеется, странная мысль приходит ему,
Когда шутит, аромат благовония издает.
Обилен он терпением и скуден на слова,
Ибо прям он, как росток кипариса.
Казнит он, когда исполнится ненависти,
Но прощает, когда добьется победы.
Его уста при речи волны потопы вздымают,
Всегда он советуется с философами.
По совету старцев творит дела,
Юношей водит в бой
Прибегает он под защиту бога во времени и в безвременьи,
А не впадает во зло человек, ищущий защиты у бога.
Когда сажает он в седло свой свободный кипарис¹²
На коня, который обгоняет слона,
Соперник его, будь он даже яростный слон,
Будет меньше капли в реке Ниле.
Не дай бог, чтобы конь его заартачился.

Ибо львиной кожей¹³ заставит от коня облиться кровью,
Запрыгает он тогда вдруг вперед и назад, словно змея,
Вправо и влево сверкая огнем, как искра.
Цари, которые обладали знаком венца,
Мир держали военачальниками,
Но в его войске нет кроме него наносящего удар мечом,
Сколь славен создающий войско, разбивающий войско.
Не страшится он ни одного кровопийцы,
А только слабых и несчастных.
Широко раскидывает он ковры в своем дворце¹⁴,
В меру смеется, когда развеселится.
Не смотрит он от величия своего ни на кого,
А если посмотрит, обласкает много.
Целая сокровищница, когда дарит он самоцветы,
Целый табун, если дарит мулов,
Если другие дают просителям золота,
То он вместо золота дает города и страны.
Если его сердце задумает какое-нибудь желание,
В малый срок дает это ему судьба.
Когда хакан узнал о подобном благоразумии,
Устрашился он этого божественного сияния.
Сердце его смягчилось влечением к государю,
Разгорелось его желание повидать его.
Мысли о войне преградил он путь,
Стал искать предлога к примирению с шахом.
Шаху мира донесли рассказ о том,
Что тюрки Китая подняли знамя.
Шахиншах сказал поговорку: глупая дичь
Лучше, чтобы собственными ногами пошла в силос.
Если он будет бороться со мной,
Не мужество, а великодушие проявит.
Вашему желанью облегчил он путь,
Нам же долгую дорогу сократил.
В такие тесные узлы заставлю я сжаться его брови,
Что в Китае заплачет о нем твердый гранит.
На рассвете, когда с синего небосвода
Солнце принесло привет шаху,
Заставил он сесть пшца, обладающего помыслами Меркурия,
Который умел сближать Венеру с Юпитером¹⁵.
Потребовал составить изукрашенное письмо,
Более блестяще, чем неущербленный месяц.
Слова были распределены в изложении на две половины:
Одна половина полная надежды, другая полная угроз.

45. ПИСЬМО ИСКЕНДЕРА КИТАЙСКОМУ ХАКАНУ

Владеющий пером писец взял перо,
Начал он слова с благословения,
Творца мира помянул,
Без памяти о котором да не будет творения,
Бога, от которого и надежда и покой,
От которого осуществление желаний сердцу ищущего
человека.

В беспомощности он — помощь нашим делам,
В воде и огне он — хранитель наш.
Когда одаряет он, указывает путь к кладу,
Когда прощает, избавляет от беды.
Сызначала не было у мира никакого устройства,
По его велению сложился этот рисунок.
Избранник тот, кто покорен его приказу,
Благословение на том, кто его благославляет.
Когда перо освободили от вступления к письму,
Слова повели из уст шаха:
«Это письмо от Искендера со смелой десницей
К хакану, который да будет служителем Искендера.
По повелению держателя синего небосвода
Да будет от нас благословление на душу хакана.
Так знает этот государь, одаряющий справедливостью,
Что, когда мы погнали коня в эту землю,
Не на войну мы пришли из иранской земли,
Пришли мы в гости к китайскому хакану,
Так полагали, что покорно
Будет он услуживать гостю.
В городе вашем если высокое солнце
С востока спешит на запад,
То я — то солнце, которое,
С запада на восток привело войско.
От черного до белого я все взял мечом,
Раздал я просившим, без жалости.
От границ Хабаша устремился в Китай,
С запада в восточную землю погнал.
От места заката высокого солнца

Довел коня до того места, где оно восходит.
В Индии посадил я мускусные ивы,
Посажу в Китае белый жасмин.
Если страшишься ты притеснения правления моего,
Не уклоняйся от письменного веления моего.
Если же уклонишь от веления моего решение и разум,
Ухватит тебя вращающийся свод за ухо.
Не доводи дело до того, чтобы этот свирепый лев
Смело пошел на охоту за онаграми.
Отврати ногу льва от этого сада,
Не напоминай слону об Индии.
Несчастье на собственную голову накличут,
Если будут распевать в честь пьяных.
Посмотри от меча моего в день боя,
Какая кровавая река потекла по степи зинджей,
Как охладил я заносчивость Дария,
Что сделал с низким Фуром,
Других царей силой счастья
Как низверг от венца и престола.
Если бы сейчас Феридун пошел на меня,
Стал бы он тотчас же пленником моим.
Во всех странах, куда я гнал коня,
Очищал я тот дом от чужих,
Но тот, кто оказывал мне благожелательность,
Тому от меня зложелательности не было.
Если я кому-либо обещал пощаду,
Не отказывался я от моих слов.
Язык мой, если указал путь к соглашению,
Не отходил я от договора и обещания.
В Ягме и Китае не затем сижу я,
Чтобы раздобыть себе рабов из этих стран.
У меня и так есть много заморских жемчужин,
Рабов китайских и из Ягма.
Спуститься с неба на землю
Много лучше, чем из Иранского царства в Китай.
Что у тебя в помыслах, о китайский тюрок,
Вместо того, чтобы послать угощение и дары,
Почему ты копишь ненависть к лвам?
Почему это ты преградил путь,
Выстроил войско словно стена Искендера?
Если ты вознамерился биться с нами,
Ты курения вверг в огонь!
Если же ты идешь встречать мое величие,

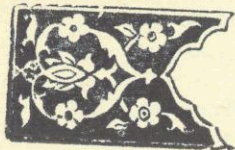
То где же твои извинения, если только ты ладишь
извиняться?

Дай мне весть, дабы я мог высчитать.
Что в корзине, змея или змеинный камешек?
Войско от долготерпения пришло в волнение,
От оплошностей моих завопило.
Львы мои завидели китайскую газель,
Мало они видали таких жирных газелей.
Порвали цепи мои львы,
Смелы на пролитие крови смельчаки мои.
Оперенные стрелы и клювы острых наконечников
От возбуждения рвут колчаны на куски.
Копья устремили взоры на дорогу, поджидая врага,
Если там мен весит палица, то в моей сто мен.
Мои тюркские гуламы, если возьмутся за тетиву,
От одной стрелы войска понесут поражение.
Если бы это был даже властелин всех стрелков из лука²,
Он все равно станет мишенью этих лучников.
Когда мой дым окутает род,
Если бы это даже была китайская картина, станет она
дымком в стене.

Если я откажусь от дружеской связи с кем-либо,
Да не будет у меня чести, если я выпью хоть глоток воды
с ним.

Копья мои так пожирают драконов,
Как огненный потоп пожирает траву.
Когда стрела моя летит над смельчаком,
Она мишенью себе избирает бока львов-героев.
Если даже глубокое море станет моим соперником,
От моря я мечом подниму пыль.
Если же железная гора это будет, расплавлю ее,
Ржавчиной ее железо покрою.
Одним прикосновением руки я сломаю слона,
Я шах слонотелый, более того, повергающий слонов.
Пожирать круп онагра и спину оленя
Для хищного льва — не тяжко.
Когда морской сокол возьмется за дело,
Он рыбам дает остатки пойманных им птиц.
Вы — рыбы, без ног и когтей,
А у меня змей во рту, как у крокодила.
И собаки, которые едят кости,
Своими зубами острыми, как мечи, едят хлеб.
Повсюду, где только утверждалась моя нога,

У меня были победа и одоление.
Если с ненавистью придешь, встречу я тебя ненавистью.
Будешь любезен, я окажу любезность.
Жемчуга ли тебе нужны или крокодил,
И то, и другое можно добыть в моем море.
Разве ты не видал занесенный меч мой,
Это крокодил, а осыпан он жемчугами.
Я тот клад и тот змееподобный,
У которого в кубке и яд и противоядие.
Для тебя клад или змей,
Сообщи мне, тело твое заверну в парчу,
А нет, накину петлю тебе на шею.
Резкость и мягкость показал я тебе,
Этим обоими речами испытал тебя.
Если ты смиришься как прах у дверей моих,
Пройду я над Китаем как солнце.
Если же нет, побросаю я в борьбе
Всю землю китайскую в китайское море.
Когда прочитаешь письмо, не медли,
Покажи мне облик мира или войны.
Смотри, не будь беспечен, ибо бурный поток
Кипит в туче, проливающей потоки».
Сведущего в языках и разбирающегося в людях человека
Позвал он, который никого бы не страшился,
Послал он, чтобы снес прекрасное письмо,
С печатью Искендера хакану вручил.
Когда хакал прочитал заголовок шаха,
Он едва не упал с высоты трона.
От этого величия запал ему в сердце страх,
Ибо был он хитроумен и опытен в хитростях.
Две мысли в образах преградили ему путь:
Ударю ли я на шаха, пойду ли к нему.
Двойственность в мыслях мучительна,
Голову, изыскивающую выход, клонит она ко сну.

46. ХАКАН ОБДУМЫВАЕТ ОТВЕТ ИСКЕНДЕРУ

Приди, виночерпий, того вина, словно розовая вода,
Налей мне, чтобы очнулся я от сна,
Розовой воды, в которой кровь сердца,
Которая целебное средство от всех забот.

* * *

О страж мой, встань, закрой двери,
А затем ступай и подумай о себе,
Отдали меня от смятения в мыслях,
Избавь меня от заботы о тебе.
Не склонен я к беседе ни с кем,
Много у меня бесед с самим собой.
Если придет покупатель из дальних мест,
Чтобы посидеть вместе с копыю самоцветов,
Посмотреть на сокровища Низами,
Порадовать небо на пиршестве слов,
Скажи: хозяина дома нет дома,
А если и есть, не нуждается он в посторонних.
Ошибся я, о благодатный поступью страж.
Вражда к странникам с моей стороны странна,
Не закрывай моих дверей ни перед кем,
Ибо закрывать двери — недостойно.
Раз слово назвало меня морем,
Пусть дверь моя будет открыта как море,
Открой дверь дома, сбрызни водой,
Словно луна, озари светлым шатром развалину.
Пусти, пускай идут ищущие,
Посмотреть на шаха поэтов.
Ибо завтра, когда закрою я лицо покрывалом,
Из деревни уеду в Гилян¹,
Сколь много народу будет спрашивать меня,
Но не найдет пути, чтобы повидать меня!
Только рисунок пера, создающего образы,
Увидит смотрящий в тетради.
Смотри же, как я ушел от своих слов,
Где я был и куда погнал своего гнедого коня.

* * *

Располагающий в порядок обильное сокровище
Такие самоцветы дал из этого богатства.
Когда наследник царства Афрасиаба
Поднял голову в Китае, словно солнце,
И узнал, что пришел в ту область
Такой пышущий дракон из Рума,
Прочитал он это самое письмо шаха
И в этом деле впал в растерянность.
Чистой мыслью и правильным взглядом
Старался найти кончик клубка.
Прежде всего сочло его мнение правильным
Написать ответ на послание шаха.
Повелел он, чтобы бумагу, перо и принадлежности
Поднес китайский писец,
Ответ написал бы достойный шаха,
Меру слова в нем соблюдал бы.
Из пупка пера рука проворного писца
Разбросала черный мускус по шелку,
Слова обдуманые, чарующие сердце,
Удерживающиеся в мозгу людей,
Обращение, которое дает надежду,
Упрек, который содействует примирению,
Чары, которые преграждают путь войне,
Лесть, которая придает мягкость камню,
Словесные сочетания словно острые наконечники стрел,
Одна дверь — к смирению, другая дверь — к раздору.
Украшением заголовка письма было вначале:
Именем того, кем придана правильность именам,
Господа, не имеющего помощника и помощника всем,
Живого по себе и дающего жизнь всем,
Творца мира, ласкающего немощных,
Подымающего знамя тех, кто сияет на небосводе,
Отменяющего черноликих дивов,
Дающего движение принимающему толчок циркулю,
Придающего покой покоящейся точке,
Вызывающего в бытие все то, что возникло,
Заставляющего свершиться все, что свершилось.
Из говорящих и безмолвных, трезвых и опьяненных
Никому не постигнуть его тайны.
Кроме служения, ни от кого ничего не может быть,
Абсолютное господство — ему и только.

После благословений творцу мира,
От которого явились небо и земля,
Речь о просьбе государя.
«Да будет от творца благословение на тебя.
От всех шахов, которые явились в мире,
Творение тебе дало в руки ключ.
С моря на море ты переносил пребывание,
Иран и Туран ты одолел.
Когда ты покончил с циркулем запада,
Поставил ты знамя на прямую линию востока.
Ты завладел миром целиком, верхом и низом его,
Но сердце твое еще не насытилось боем.
Подтяни поводья! змей на дороге!
Сказка длинна, а ночь коротка.
Ты Искендер, шах Ирана и Рума.
Но я — повелитель этой области.
У тебя много людей с проколотым ухом,
Я тоже один из них, не торопись быть резким.
Я и ты — мы из праха, а прах от земли,
Лучше человеку быть смиренным, как прах,
Все господство лишь до праха и только,
В прахе никто не лучше другого.
Когда влили каплю в море,
Других капель от нее не отличить.
Присутствие твое в этой каменной стране —
Великая милость моей стране.
За всякую милость богобоязненный человек
Еще больше возносит благодарений богу.
Раз бог умножил мне милости,
Как же мне не благодарить бога.
Пока буду жив, буду стремиться возблагодарить бога,
Ибо разумный лучше этого ничего не имеет.
Слыхал я от стольких обладателей тайн,
Что куда бы ты ни привел войско,
Ты посылаешь несколько человек из жителей Рума
На торговлю в той области,
Чтобы они закупали все то, что получают из пищи,
Кушанья, которые встретятся, горячие ли, холодные ли,
Сжигали и ссыпали все это в колодези,
Не соблюдали уважения к благам божьим.
Когда запасы того города опустеют,
Ты, словно змей, туда устремляешься,
Захватываешь по беспомощности ее, эту землю,

Как огонь, который бессильным делает воск.
Я ради того вышел навстречу,
Чтобы эту нужду от города своего отвратить.
Хотя коварством и чарами
Невозможно опустошить запасы Китая,
Но мир лучше, чем спор и война,
Ибо те приносят раны и боль, этот блеск и процветание.
Не разрушай посеvy китайцев,
Ведь и твои посеvy может унести вода.
Не ожесточайся сердцем, хоть и жестка твоя рука,
Ибо веление бога выше господства.
Не годится разумному по поспешности
Вступать в распрю с обладателем мощи.
Ты нужен миру, как разум,
В твоей воле всякое дело, доброе ли, злое ли.
Тот, кто никому не может пригодиться,
Того подсчитывающий не берет в счет.
По существу царство над миром — тебе,
Ибо у тебя и веление и благословение аллаха
Всякой вещи прежде всего нужна субстанция,
Ибо порок лежит в слабых основаниях.
Делать золото из серебра, яхонт из хрусталя —
Это силой добывать плоды.
Всякий может вырастить яблоко в доме,
Но только ничьим зубам оно не будет сладко.
Тебя бог создал ради справедливости,
Насилне не придет от справедливого шаха.
Притеснителям не помогай,
Ибо когда-нибудь потребуют у тебя отчета в этом.
Обладающий добрыми помыслами, когда подумает злое,
Разрушение в свое собственное процветание внесет.
Так как мир в разные времена по вращению своему
Становится в жару жарким, а в холод холодным,
В этих жаре и холоде блага не ищи,
Чтобы отвратились они от своих привычек.
Лучше, чтобы каждое время из времен года
Держалось свойственных ему качеств,
Весна имела бы природу весны,
А тамуз нес то, что предписано тамузу².
Все, что отклоняется от своего предназначения,
От того отклонится и вращение времени.
Искендер знаменит правосудием,
А если нет, то ведь каждый из нас — Искендер.

Не думай, что я неспособен в бою,
Одним ударом я целую гору превращу в столб дыма.
Когда на спину слонам я водружаю трон слоновой кости,
Мне несут дань из Индии,
Свирепого льва я одолеваю,
Свод шатра устанавливаю на спине льва,
Однако по царскому величию и именитости
Не собираюсь я состязаться с тобой.
Если ради того ты совершил этот набег.
Чтобы, как рыбы, преклонился я перед тобой,
То во дворце твоём я склоню чело до земли,
Да не только я, а все областные правители Китая.
На всякое желание, которое у тебя явится,
Я буду благодарен, если смогу выполнить его, как веление.
В этом деле никакой борьбы нет,
Не уйти мне от обязанности гостеприимства.
Такой хороший и ласкающий ум ответ
Вручили гонцу, чтобы он сvez его назад.
Когда прочитал ответ шах, сильный как лев,
Перестал он торопиться на охоту за онагром,
Военачальник Китая от ночного нападения шаха
Не был уверен в безопасности от вечера до утра.
В день, когда из всех дней у солнца
Был особенно яркий блеск на земле и воде,
Военачальник китайский по рассудительности и разумию
Начал совещаться с советником.
Видал многое в мире его советник,
Мир был светел от его лучезарного ума.
Всякий расчет, который хакан набрасывал,
Он действовал в нем по его указу.
В этом деле он попросил совета того опытного мужа,
Ибо в делах имел он мнение правильное.
Раз намерен я свершить это дело,
Как бы мне изменить в нем бег колеса.
Какой полированный камень мне приготовить, любви или

ненависти,

Для этой складки, которая появилась на бровях Китая³,
Если воевать, то ведь противник силен,
На челе у него Кей-Хосрова венец.
Если же в борьбе с ним я проявлю податливость,
Выявлю перед народом свою слабость.
Не знаю я, цель этого государя
Какова была, когда зашел он в эту страну.

Хакану Китая сказал доблестный везир:
«Необходимо дать тебе добрый совет,
Опасаясь я резкости твоих решений,
Как бы резкость не овладела тобой.
Возгордишься ты богатством и войском,
Поражение покажется тебе далеким.
Пришел столь могучий повелитель мира,
Двери дружбы перед ним не закрывай.
Куда бы он ни приходил, он завладел странами,
Не нужно дивиться этому делу.
Что ты думал? Это игра?
Все дело зависит от улаживания.
В такого рода делах — воля божия,
Вражда — это испытание бога.
Нельзя заносить меч на солнце,
Невозможно разрушить Альбурз.
Покорись, а если нет, то высокий небосвод
Тем, кто покушается на могущество, причинит ущерб.
Нельзя отбрасывать счастье,
Нельзя враждовать со счастливыми.
Не связывайся с удачливым счастливецом,
Ибо трудно свергнуть счастливецов.
Если счастливец опоясался, носи туфли,
Нельзя дать пощечину по шилу.
В один месяц более или менее с ним все дело уладь,
Чтобы чужестранец здесь долго не медлил.
Не бросай первым камнем в стекло,
Ибо если разобьют его, не скоро его починить.
От крови раны получают исцеление,
Но на раненом месте волосы уже не растут.
Старайся о том, чтобы этот черный змей,
С лаской получил доступ в эту землю.
Китай в тот день постигло проклятие,
Когда этот змей подоспел к вратам Китая.
Не думай, что от лазурного купола
Какому-либо мужу достанется халат без синевы⁴.
Музыка мира звучит не в тон,
Но не в струнах беда, а в том, кто играет на ченге.
Если ты в этот лад хочешь настроиться,
То лучше тебе согласовать свой строй с партнером».
Правитель Китая, когда в этом деле
Не увидел помощи от судьбы в борьбе,
Из тех дел, в которых у него был выбор,

Предпочел он покорность.
Остановился он на том, что опустился над миром,
А также на горделивых придворных.
Поутру, когда лодочник — солнце
С берега столкнул свой челн в воду,
Военачальник Китая, государь Хотана,
Принял вид посланника.
Поспешил он в лагерь шаха мира
Так, что никто об этой тайне не узнал.
Когда прибыл он ко дворцу царя царей,
Об этом приходе его узнал шах:
Что хакал, мол, прислал гонца проворного,
На вид приятного, по речам правдивого.
Повелел государь, чтобы дали ему разрешение войти,
Поместили его на месте, предназначенном для послов.
Вошел несущий весть, склонив голову,
Покоряясь преклонился перед шахом.
Повелел шах, чтобы он сел
И порученные ему слова доложил.
По приказу шаха тот красноречивый муж
Сел и посадившему его поклонился до земли.
Прошло некоторое время, а он не моргнул и глазом,
О добре и зле своим не сказал ни слова.
От циркуля того кольца он был в смятении,
В этом круге он молчал, словно точка.
Такое указание было от государя:
«Если есть у тебя добрая весть, давай!»
Месяц, сокрывший лицо под тучей,
Начал сыпать жемчуга слов, словно меч:
«От посещения шаха Ирана и Рума
Да получит удел всякая страна.
От Китая до другой стены дальней границы
Да будет вся земля целиком ему покорна.
Мир да не будет враг его двorca,
Трон мира да не будет без его покрова.
Сокрытые слова есть у меня с собою,
Которых страшится моя речь.
Пославший меня счел нужным сделать так,
Чтобы шах очистил помещение от посторонних,
Чтобы не было никого из его приближенных возле него,
Кроме него, да будет благословение на вере его.
Если хоть один человек будет там тайно,
Не нужно тебе говорить скрытой тайны».

Шах от такого требования уединения
Задумался, нужно ли устранять всех.
Приказал, чтобы из золота ножные скобы
Наложили на ноги высокого кипариса.
Точно также руки его на золотом поясе
Протянули под золотые цепи.
Затем дворец очистили от людей,
Все вельможи устремились к дверям.
Царь остался один в этом своем месте,
Положив перед собой алмазный меч.
Сказал посланцу: «Пусто теперь место.
Развяжи же узел скрытых слов».
По приказу шаха муж, скрывающий тайну,
У сокрытой тайны развязал узел.
Когда покрывало с лица слов он сбросил,
Начав с молитвы к речи приступил:
«До тех пор, пока зелень растет в саду,
Красная роза горит, как яркий светоч,
Лицо твое пусть сияет, как роза,
Мир пусть от тебя учится свежести.
Перстень небосвода да несет на себе твое имя,
Все дела счастья по твоему желанию до будут!
Я того мнения, что если государь раба
Узнает, молитв не будет нужно.
Если он не осведомлен о скрытой тайне,
То нет к нему лучшего пути, кроме правды.
Я тот гонец, посланный мной самим,
Который пал раньше, чем ты меня сбросил.
Я, о шах, хакал, военачальник Китая,
И я, покорный шаху, целую землю».
Искендер от смелости его
Не счел достойными внимания его крикливые слова.
Резко и грубо окрикнул его:
«Лицевая сторона шелка видна с изнанки
Я различаю сокола от воробья
И от печени мускусную железу,
Но соблюдаю я мягкость и честь,
С тех, кто закрылся, покрова не срываю.
Какая наглость толкнуло тебя на то,
Что ты не остался сокрытым под покровом?
Разве ты увидел шаха Рума лишенным грозности,
Что булат счел мягким словно воск?
Разве ты не страшился силы моей руки,

Что бросаешь прах на мои весы?
Молодой олень, хоть и смел он,
Но лучше ему отойти в сторону с дороги льва».
Такой ответ дал ему китайский хахан:
«О достойный сотник тысяч благословений!
Потому я укрылся в этом дворце,
Что не видел я беспощадности от шаха.
Раз не пойманный вхожу я сюда [сам],
Не отрубят мне ни один зложелатель головы.
Черный лев до тех пор готовит бой,
Пока издали показывается кабан.
Но если скалящий клыки склоняет голову,
То свирепый лев отказывается от его крови.
Раз шах мною не обижен,
То благородство льва от него было бы не странно.
Я лишь тогда буду страшиться меча,
Когда мой собственный меч наострит зубы.
Но раз я с Искендером не имею распри,
Чего же мне опасаться острого меча?
А затем, ведь, я же не совершал прежде предательства
И потому пленения не заслужил.
Ты пошел на меня в набег.
Но неверне бы с моей стороны биться с тобой.
Враждебность я убрал с пути,
С таким доверием пришел я к шаху.
Если я выкажу много любезности,
То ведь никто голову любезным не рубит.
А если я совершил большой поступок,
То я здесь чужестранец и это лучший для меня заступник.
Правосудие шаха настолько милостиво,
Что сжалится оно, особенно над невинным.
Ищущего защиты не заключит он в оковы,
От ищущих покровы удалит всякую беду.
Если я пришел к этому двору,
То пришел, уповая на правосудие шаха.
Ведь шах мира — справедлив и правосуден,
Потому-то господь и помогает ему во всяком деле».
От этой вкрадчивой речи, полной сладости,
Развязался узел на сердце правителя.
Сказал он ему: «В добрый час ты пришел! Радуйся!
Словно счастье, будь свободен от пленения!
Расчет твой в этом приходе на что был?
Раз свершена дерзость, надо докончить ее!»

Ищущий защиты сказал: «О покров мира!
Не скрою я от тебя своей мольбы.
Затем я пришел к твоему двору,
Чтобы увидеть твое благоволение и твой путь.
Какого, мол, намерение шаха в его приходе,
В этом походе начало и конец.
Если поможет мне судьба,
То хотел я помочь шаху осуществить его желание.
А если это желание не осуществится от моей руки,
Эта самая стрела далеко отлетит от тетивы моей,
Хотел я поцеловать землю с просьбой,
С тем, что шах не удалится от правосудия,
Раз я не желаю жизни ради государя,
Зачем хвататься стрелы и меча?
Если самоцвет легко сам идет в руки,
Зачем трудиться, раскалывая камень?
Раз желание полностью удовлетворяется миром,
То зачем направлять удила к войне?
Если хочешь ты китайский престол и туранский венец,
То этот раб не далек от покорности.
Если же ты не захочешь быть со мной мягким,
Не подаришь мне место моих отцов,
То все же приму я печать своего имени,
Не будучи куплен за деньги, буду твоим рабом.
Ведь не будет вреда, если в стране царя
Станет одним благожелательным рабом больше.
В Китае не подпоясывай кафтан к бою,
Пусть на твоём кафтане не будет ни единой складки.
От поклонов твоих рабов, каждый из которых стоит целой
страны,
Оставь такому рабу, как я, хоть один завиток.
Разве бывают когда-либо морщины на лице луны?
Лучше пусть удалится от складок [Китая] свод бровей
шаха!»
Шахиншах сказал: «О обладающий достойным одобрения
умом!
Те слова, которых ты просил, я скажу.
Потому я привел войско на окраины Китая,
Чтобы завладеть царством туранской земли,
Зложелателей головы повернуть в прах,
Очистить мир от чуждых религий,
В каждой стране покорного мне
Посадить отдельного правителя.

Раз ты без ночного набега моего меча
Склонил покорно предо мною голову,
Я голове твоей дам высокий трон,
Дам тебе удел от моего собственного венца.
Ни венца от тебя не потребую, ни страны, ни престола,
В этих делах не буду тебя притеснять.
Но только с условием, что со своей страны
Ты привезешь мне доход за семь лет.
Если дашь ты мне дань за семь лет.
То остальная дань да будет тебе прощена».
Слушающий пустил в ход свой ум,
Еще более привлекательный ответ дал:
«Раз хочет от меня обладатель венца
За всю жизнь только семь лет дани,
Лучше будет, если в воздаяние за богатство
Даст он мне грамоту на право жить еще семь лет».
Покровителю мира его прекрасный ответ
Понравился и разогрелся его мозг.
Сказал он ему: «За шесть лет доход со страны
Дал я тебе в подарок за приход твой, о разумный.
Так как увидел я, что ты хитер и умен,
Довольствуюсь я одним годом твоего дохода».
Когда вождь тюрок от вождя мира
Такой радости добился,
Он концами ресниц подмел прах дворца,
А после подметания праха сказал шаху:
«Если шах осуществит свои слова,
То да будет ему мощь от бога.
Мне на такую милость сначала
Нужно выправить грамоту рукой государя,
Что, когда привезу я доход за один год,
Шах меня не сгонит с моего места.
Сделаю я амулет из грамоты шаха,
Ради головы своей буду оберегать
А я тоже дам шаху грамоту, написанную кровью,
Что не вступлю на иной путь, кроме верности».
На этом соглашении дали они друг другу много клятв,
Что ни один из них не будет стараться нарушить верность,
Не будут искать вражду, будут поддерживать свежей любовью,
Разве только, если небосвод прекратит свой век.
Повелел шах, чтобы хранители дворца освободили
скованного.
Поднял его саны выше золотых оков,

На голову ему возложили жемчужный венец.
Когда дело хакана государем было налажено,
Он вернулся в свой лагерь,
Когда султан ночи поднял зонт над головой,
Земля в мире приняла цвет амбры.
Звезды такие сокровища золота просыпали на землю,
Что лаланкин земли гнал вола на сокровищнице.
Искендер сильно возжелал вина,
Сидел он с вечера и до самого утра
И пускал круговую память о Джаме чашу Джама.
Шипы посыпал он на дорогу сну,
Забыл о всех волнениях и заботах.
Сердце его было без заботы о враге,
Не было шума войска, ни переклички стражи.
Царственную попойку вел он до самого утра,
Бодрствовал всю ночь, пока не осталось ночи.
Когда непроизанный яхонт небосвод пронизал,
Мир спарился с яхонтовым венцом,
Вышел рано утром из дверей дозорный:
«Почему, мол, шах сразу стал беззаботен.
Вот показался издали китайский хакан,
Да так, что дрожит под ним земля.
Целые миры — его выстроенное войско,
Поднялись звуки труб и барабанов.
От обилия ног слонов, которые ранят землю,
Пыль насела на лицо солнца и луны.
Такое войско, что, если орел захочет отыскать еще,
Не увидит он ни в одном месте стольких людей.
Все они взяли воинские доспехи,
Словно море, засыпанное железом.
Сидит царь на боевом слоне,
От нас до него — не больше двух миль».
Когда об этой игре узнал шах,
Спустился он с шахиншахского престола,
Сел на быстроходного коня,
Построил войско в боевом порядке.
На бой с хаканом проворно опоясался,
Ибо не счел он обещания его верными.
Повелел он, чтобы забили в медные литавры,
На бровях у китайцев вызвали складки.
Выстроил он войско, словно высокую гору,
С мечами и палицами, луками и арканами.
От авангарда до арьергарда из стрел и мечей

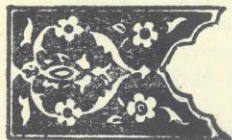
Вывел он гору, [высотой] от моря до тучи.
Когда хакан узнал о деле его,
Что идет Искендер на бой с ним,
Выехал он из свиты в центре,
Громко крикнул: «Который там шах?
Скажите ему, чтобы он направил повода ко мне,
Не скрывал своего лица от меня!»
Искендер, когда услышал крик китайца,
Надел кафтан из плотного шелка, полного складок,
Погнал он своего низвергателя слонов,
Ладью направил на зломыслящего слона,
Проклиная тюрок, открыл уста:
«Тюрок без смуты не родился от матери.
От китайца, кроме складки на бровях, иного не жди,
Не соблюдают они данной людям клятвы.
Верно сказали древние:
Нет верности обетам у китайцев.
Узкость глаз одобряют они все,
А широту видят в глазах у других.
Если же нет, то после такого мира,
Как же это ты пустился на путь гнева?
Зачем ты сначала искал дружбы
И какова же в конце польза от этой вражды?
У меня сердце одно было и клятва одна,
Правдивость в избытке, а слов мало.
Не знал я, что любовь наша — это ненависть,
Что сердце китайского тюрка полно складок и изгибов.
Если бы китайский тюрок обладал верностью,
Держал бы он мир под складкой мантии.
Связав меня, ты заключил договор, словно див,
А теперь поднимаешь вопль в нарушение клятвы.
Если бы булатной головой был твой облик,
Если бы полчищами яджуджа было твое войско,
Не двинется от грызущего булата яджуджа
С места Искендер, словно вал Искендера,
Когда фазану к концу приходят дни,
Задумывает он охоту на сокола,
Саранча, когда развернет красные крылья,
Если пойдешь на меня, сорву я с тебя венец.
Если будешь молить о прощении, приму твою вину.
Есть у меня по обычаю и оливковое масло и наконечники
стрел,
Как у пчелы, есть и мед, есть и жало».

Китайский военачальник сказал: «О государь!
Не уклонил я головы от жалобы о пощаде.
Я столь же доброжелателен, как и был сначала,
В клятве стоек, в обещании правдив.
Раз принял я повиновение тебе,
Не опоясаясь ни на что, кроме выполнения договора
с тобой.

От этого наполнил ароматом курильницу из сандала моего,
Знай же, что я с такой мощью,
Я, выстроивший войско до звездного неба,
Не так уж слаб и слеп, как крот,
Чтобы повернуть с поля битвы без боя,
С этим войском и этой силой, которую ты видишь, словно
гора она,

Не сдамся я и перед бушующим морем;
Но только счастье — тебе помощник,
Земля-слуга, небо-служитель.
Распря с обладателем счастья
Спорящему приводит голову на дерево.
Тебе небо оказывает помощь,
У меня же нет спора с небом».
Сказал это и сошел со слона,
К владыке Египта пошел, словно река Нил.
Когда шах увидел, что тот властелин, приносящий извинения,
Пешком направляется к нему,
Приказал он подвести ему богато убранного коня,
Который от головы до крупа скрывался под золотом.
Когда дал ему счастье сесть на коня,
Рядом с собой богатейское место ему дал.
Кроме того много еще другого ему дал,
Да простил к тому же еще и доход одного года.
Когда покорился шаху хан ханов,
Вражда между домами прекратилась.
Два войска соединились в этом просторном месте,
У двух разбивателей войска одно стало мнение.
Оружие с тела сбросили, пот с лица осушили,
Смешались вместе в мирных сношениях.
Китайский военачальник из китайской страны
Каждый миг посылал угощение государю,
Так что свите шаха целиком
Достаточно было того гостинца утром и вечером.
Вместе были у них и музыка и вино и кубок,
Рядом друг с другом место покоя,

Когда после вина занялись охотой,
В одном месте охотились.
Не пили вина один без другого,
Всякий сводобный пользовался своей сводобой.

47. СОСТЯЗАНИЕ РУМИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ

Приди, виночерпий, того вина, что укрепляет жизнь,
Дай мне, нужно оно мне, как жизнь.
Может быть, обновит оно увядшую жизнь,
Заставит закипеть эту застывшую кровь.

* * *

В один день, более веселый, чем юная весна,
Избраннейший день из всех времен
В гостях у шаха был китайский хакал,
Два солнца сидели вместе.
Из Рума и Ирана и Китая и страны зинджей,
В два ряда сидели присутствующие, плотно сомкнувшись.
Вином было украшено лицо собрания,
От лица мира пыль была удалена.
В этом весельи, полном ласки и сладкого вина,
Из уст попадали в уши волны жемчугов.
Зашла речь о делах искусных мастеров,
Кто, мол, в мире хитроумнее всех,
Что дает земля в каждой стране в эти времена,
В каждой стране ремесла, на что они.
Один сказал: «Чары и колдовство
Из Индии происходят», второй: «На несчастных людей
Сильное волхование идет из Вавилона».
Третий заметил: «Во времени согласия идет
Пение из Хорасана, а музыка из Ирака».
Другой: «В пределах возможности
Нет никого, более красноречивого, чем арабы».
Другой: «Живопись жителей Рума
Одобрена во всех областях».
Другой: «Разве ты не слышал, о ценитель живописи,
Что притчей стала во всем мире живопись китайская?»

Между румийцами и китайцами в этом деле
Разногласие вышло о большей славе.
Каждый из них в своих речах показал
Образец рисунка своего циркуля.
В конце концов согласился на том,
Что сделают арку, словно изогнутая бровь,
Между двумя бровями высокой арки
Занавес спустит художник,
В одном углу румиец возьмется за дело,
На том углу китаец напишет картину.
Не увидят они украшений друг друга,
Пока срок состязания не придет к концу.
Когда закончат они это дело,
Занавес посередине будет отброшен.
Посмотрят, из этих двух картин которая
Поразительнее будет завершена.
Сели художники втайне
В этой паре арок, как подходящая пара.
В краткий срок закончили они дело,
Разделяющий покров с картин сбросили.
Одинаковы были картины в обоих изображениях,
Не было разницы ни в рисунке, ни в окраске.
Поразились этому зрители,
Все сразу углубились в созерцание,
Как это два эти художника
Две картины выполнили одним образом.
Между двумя картинами сел шах,
Посмотрел хорошенько и на ту и на другую.
Не смог он отличить одну от другой,
Не мог проникнуть за завесу их тайны.
Много старался он высмотреть тайну,
Но положение дел ему не стало ясно.
Да, разница между ними была,
Один принимал, другой показывал.
Когда мудрец увидел эти два капища,
Станным показался этот рисунок мудрецу.
Стал он искать правды и столько спешил,
Что нашел конец нити того рисунка.
Повелел, чтобы поспешили туда
И другой покров между сделали.
Когда спустился покров между двумя сводами,
Один стал грустным, у другого повеселело лицо.
Рисунки румийские не потеряли своего блеска,

А на китайское зеркало попала ржавчина.
Когда китайский ряд оказался без картины
Поразился этому государь.
Снова он поднял оттуда покров,
Оттуда показалась та же прежняя картина.
Догадался он, что та сверкающая арка
Отполирована и отражает рисунок.
В то время, когда эту работу производили,
Между спускали завесу.
В искусстве живописи румнец оказался стоек,
А китаец отполировал дворец.
Всякий рисунок, который там был закреплен
С блеском эта сторона принимала.
На том остановилось решение в этом деле,
Что обем сторонам помогает проницательность,
Никто не умеет создать таких рисунков, как румнец,
Но в деле полирования китаец побеждает.

48. ПОВЕСТЬ О МАНИ-ХУДОЖНИКЕ

Слышал я, что Мани, будучи художником,
Из Рея в Китай отправился пророчествовать.
Когда китайцы о нем услышали,
Они по тому пути устремились навстречу.
Сверкающий бассейн из чистого хрустала
Сделали они на том пути, словно бассейн с водой.
Искусство кисти художника
Вызвало волны на этом водоеме,
Словно вода, которую волнует ветер,
Изгиб за изгибом бежит к берегу.
Те самые растения, которые растут на краях бассейнов,
Зеленой краской проворно у того бассейна изобразили.
Когда Мани прибыл из далекой пустыни,
Сердце его лишилось терпения от жажды.
К бассейну спустился он, измученный жаждой,
Открыл горло пересохшего кувшина.
Когда ударил он кувшином по тому бассейну, вымощенному
камнем,
Из глины был тот кувшин, сразу разбился он.

Понял Мани, что на пути его
Тот бассейн китайцев был западней для него.
Вынул он кисть по обычаям и правилам
И начертил рисунок на том бассейне, обманувшем Мани.
Нарисовал той покорной велениям кистью
Дохлаю собаку на поверхности того водоема,
В ней кишаших червей, несметное множество,
От которых в сердце жаждущего западал страх.
Чтобы жаждущий, когда в том бассейне с водой
Увидит дохлаю собаку, не торопился.
Когда в китайской земле распространилась эта весть,
Что Мани у той воды поставил предостережение,
От колдовской силы мудрости его
Уверовали в него и в Эрженг¹ его.
Смотри, куда я снова забежал,
Куда завел свою речь.
Повелитель мира с шахом Китая несколько дней
За сверкающим вином веселились.
С каждым мигом их любовь друг к другу возрастала,
И того и другого мир восхвалял.
Сказал он хану как-то «Собираюсь я,
Если небосвод не поставит мне ловушки,
Повернуть обратно в мою страну,
Из Китая в Рум совершить переход».
Такой ответ дал ему китайский хахан:
«Царство твое — это семь стран земли.
По счастью куда хочешь, туда и ступай,
Ты — кыбла, где ты ни утвердился.
Куда бы ни устремился царский поезд,
Нам рабам — только повиноваться».
Знаниям хахана и проницательности его
Удивился шах верности его.
Благодаря повелителю Китая каждый миг пир шаха
Становился более блестящим, чем солнце и луна.
Опоясался хахан на служение,
В ухе его было кольцо покорности.
По обычаю своему доставлял он шаху угощение
И этим любовь [солнце] свою поднимал до луны.
Хотя царь дает мужу сан,
Не надо, чтобы он слишком высоко ценил себя,
На самой высокой ступени нужно унижаться,
Показывать свою подчиненность.

Шах то сделал с китайцами в оказании уважения,
Что делает дождевая капля Нейсана с раковиной².
Из одежд багдадских и румийских,
Которые были драгоценны в той области,
Китайским царям он создал обильное богатство,
Какого не было в распоряжении ни у одного шаха.
От обилия Хосроевых скатертей, которые он в Китае
разостлал,

Он морщины на челе китайцев разгладил.
Ни осталось в Китае ни одного человека,
Который не облачился бы в шелк или атлас.
Так как оказал шах по доброте
Этим узкоглазым щедрость,
То привязались они к нему, как брови шаха [одна к другой]³,
Клялись только глазами и головой шаха.

49. КИТАЙСКИЙ ХАКАН ПРИНИМАЕТ У СЕБЯ ИСКЕНДЕРА

Приди, виночерпий, освободи мою шею [он гнет],
Слезы кубка пролей мне в полу.
Слезу, которая по чистоте своей
Смоет всякое загрязнение с полы.

* * *

Не веди себя тюрком, о тюрк, прекрасный как китайская
картина.

Приди и хоть часок не морщи бровей.
Сердце мое утешением развесели,
От оков горя меня сегодня освободи.
Если даже и принадлежит тебе доход китайского хакана,
Не расходуй его как поток, дождь это твой.
Продай кое-что из богатств, а кое-что отдавай,
А кое-что и откладывай для других.
Не продай всего, боюсь я, долго ты заживешься,
А на старости плохо ничего не иметь.
Врата расхода так для себя не закрывай,
Чтобы от недоедания заболеть.
Но и не истощай сразу весь клад,

Ибо от бесполезного расточительства будешь страдать.
Соразмерь свои расходы,
Чтобы они были средними, не меньше и не больше.
Если ты возьмешь нитку толще, чем игла,
То много игольных ушек поломаешь.

* * *

Художник, излагающий слова,
Такие рисунки расположил на китайском шелку.
Слухами о шахе наполнился мир,
Что насыпал он Китаю полы жемчугов.
Ночь и день хакан тратил на то,
Чтобы огромное воздаяние шаху дать,
Царственное пиршество для него устроить,
Бросить целый мир под копыта его коню,
Доставить царственные приношения
Соразмерно степени собственного дела.
Выбрал он один день в мире
Сверкающий, как гороскоп государя.
Устроил пир, словно светлый рай,
На подносики которого пустил львиные зубы.
С вином и вкусными плодами такое
Достойное шаху устроил угощение,
Что ни одного желания в мире не осталось,
Которое в отдельности не было бы собрано на тех столах.
Помимо закусок китайского изготовления,
Подобных которым Ризван не видал в раю,
Из сахара сваренной много прекрасной халвы,
Наполненной внутри сладким миндалем,
Редкостных яств не таких, чтобы поклонник мирских благ
Смог хотя бы одно из них за свою жизнь раздобыть.
Самоцветов столько, чтобы знаток драгоценных камней
Смог хотя бы половину за год примерно сосчитать.
Когда сокровищница была опустошена
И такого рода угощение приготовлено,
Шах тюрк¹ со знатными людьми страны
Пошел к государю приглашать его.
Поцеловал он землю по прежнему обычаю,
Умножил целованием земли перед ним собственное
достоинство.

С мольбою сказал: «Если счастье шаха
Найдет дорогу к престолу этого раба,

Оно главу его почитит венцом
И этим возвеличиванием прославит его». Принял шах горячее приглашение его, Отправился к нему и тем выказал свое уважение к нему. Шах и войско шаха, все сразу К тому столу пошли, сойдя с кошей, Земля сняла запоры с сокровищ своих, Поднялась до самого высокого небосвода. Когда Искендер прибыл к столу хакана, Это нога Хызра прибыла к живой воде. Увидел он золотой престол, словно солнце, В нем родник жемчугов, словно река воды. Радостно сел он на этот золотой престол. Взяв в руки апельсин из камфоры и амбры. Повелитель мира, фагфур, с правой руки Опоясался на служение и стоял на ногах. Ласково подозвал его к себе царь, Как подобает царям, посадил на золотое кресло. Хакан повелед, чтобы несли кушанья, От золотых блюд чтобы стала земля желтой Посыпались в обилии царственные припасы, Словно листва лозы с ветвей во время листопада. В этом месте желаний, похожем на райский дворец, Желание не торговалось со своим покупателем. Словно в раю, все, что бы ни пожелали, Сейчас же подавали на тех чудесных столах. Когда поели всякого рода яств, Совершили набег и на вино. Устроили веселье за красным вином, Так как и ковры тоже были разостланы красные. Сидели, играя на разных инструментах, из всех областей Чужестранные мастера и музыканты. Искуснейшие певцы, поразительные, Сообразно закону размеров распевали слова. Играющие на шелковых струнах согдийские мелодии До небосвода возносили звуки музыки. Певцы, знавшие пехлевийские напевы, Изобилием своих песен придавали пению прелесть. А плясуны, рожденные в Кашмире, Кувыркались в танце словно смерч. Из греков, играющих на органоне, многие, Которые похищали сознание из сердца у всякого слушателя. Опоясанные рабы, румийские и китайские, вместе

Помогали поднять знамена и из Рума и из Китая. Двери сокровищниц открыл китайский хакан, Очистил землю от клада Каруна. Сначала были пушены в ход самоцветы, Кольчуги и латы, разукрашенные драгоценными камнями. От хрусталей, сверкающих как солнце, Одна рука [крыло] собравшихся увлажнена, как вода. Китайских шелков — целый харвары, Muskusa китайского тоже — амбары. Блюда камфоры, обладающей мускусом, А еще больше сухого сандала, чем влажный камфоры. Чачские луки² и китайская парча, Драгоценных мечей тоже столько же. Пороdistые кони хутальского бега³, Все прекрасные на вид, все быстрые бегом. Целый караван кречетов и соколов, Быстрых крылами для сбивания дроф и журавлей. Сорок слонов с сидениями и броней, Высоких, сильных умом и крепких костями. Рабов-гуламов, разбивающих войско, целые полчища, Рабынь, вызывающих у всякого мужа страсть. Когда такие дары он гостям поднес, Он кроме того вручил и много других подношений. Но через час он открыл еще новую сокровищницу, Еще лучше подарки наладил. Плавно выступающего хутальского коня, чернохвостого, Более быстрого, чем ветер поутру, Как быдвигающийся шахиншахский престол, Сидящий на нем даже не замечает движения, По быстроте обогнал он газелей, Горяч — как огонь, мягок — как вода, В степи — легче снимается с места, чем птицы, В воде — проворнее даже, чем рыба. По скорости хода вид его — рожденный дивами, По проворности прозвание — смерч. На скаку был он не хуже неба, Ветер не мог соперничать с ним на ристалищах. Так налетел и облетел он поле боя, Что воображение отставало от него на полпути. Коня противника повергал на землю во время схватки, Сбрасывал слона, применяя силу как конь⁴. Словно воображение, налетел свободно со всех сторон. Словно мысль, совершенен в быстроте бега.

Не скажу конь саламандроподобный,
Да не саламандроподобный, а достойный нести Искендера.
Охотничью птицу со смятенной головой,
Более беспокойную, чем сон в ночи смутного времени,
Словно круговращение времен в полете быстрокрылую.
Улетает словно южный ветер, налетает словно ветер
северный,

Булатные крючья — ее когти.
Орлы облеклись в черное убранство от натиска ее,
Много крови было на шее ее.
От крючьев ее когтей, сбивающих орлов,
В полете заставляла она растаять печень Симурга.
Добыча ее — гоняться за носорогами.
Гневная, кровожадная с дерзким взглядом,
Бог сотворил ее из несправедливости и ярости.
Туганшах это среди птиц, звали ее по имени Тогрул³,
В султанстве своем она совершенна как Тогрул.
Рабыню черноглазую, чистую лицом,
Тело как розы, сахарноустую, благоухающую мускусом,
Кумир, разукрашенный, словно рай,
Смута, которую всякий жаждал сотней желаний.
Плавнико выступающая луна она, словно высокий кипарис,
Цепями тянутся две косы, как мускусные арканы,
У нее двойной подбородок, с капельками влаги,
Кто видел воду, подвешенную над огнем⁶,
Свободный кипарис завидовал ее стану.
Сахар — ее раб, мед — вольноотпущенник.
Опоясался на служение локонам чистый мускус,
Ибо ее локоны опоясались на служение солнцу⁷.
Красноречива как мед и сахарные печенья,
Совершала она насилie над сахаром и медом.
Тело ее из хрусталя, спина из горностая,
Пальцы по форме — хвост горностая.
Серебряный подбородок словно шарик,
На нем цепочка из двойного подбородка подвешана.
Той цепочкой и шариком та ищущая любви луна
У луны похищала ожерелье, у солнца шар⁸,
Из бровей лук сделала, а кокетливые взоры — стрелы,
Луком и стрелами полонила сотни сердец.
Когда она пила вино, от нежности ее тела
На горе ее выступал цвет вина.
Тысяча благословений на ту кормилицу,
Ни на кого она не смотрела от узости глаз⁹.

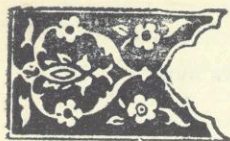
Но рот ее еще много уже, чем глаза.
Ты сказал бы даже, что вовсе нет у нее рта,
А имя ее Нист-андар-джахан¹⁰.
Доставляющий драгоценные дары
В расхваливании этих даров поднял голову.
«Эта птица и этот конь и эта рабыня —
Драгоценны и да будут они дороги шаху.
Не всякий сидел на таком хутальском скакуне,
Такую птицу нелегко достать.
Нужно ли еще говорить, что в миг дела
Покажут они свои доблести.
Рабыня с таким лицом — тоже щедрый дар,
Ведь по красоте с ней нельзя сравниться.
Три свойства есть у нее, унаследованные от матери,
Четвертого подобного не найти.
Одно — красота и прелесть,
Ибо она — чудо по очаровательности.
Второе — сила, ибо во время боя
Не отступит она перед мужем-героем.
Третье — прекрасный голос и музыкальность,
Ибо поет она прекраснее самой Венеры.
Когда возвысит она свой голос высоко нежно.
Засыпает от ее пения птица и змея.
Повелителю мира в этой проворно обладающей сердцами
Сладкогласность и красоты показались пленительными.
Но рассказ о смелости и мужестве
Он не принял, и это было по мудрости.
Жасмин нежен, а шип — крепок,
Мужество в женщинах редко бывает.
Жена, если она не жасминотелая, меднотелая,
Что ее похвалиться мужеством, все равно она — женщина.
Если бы рыба была из твердого гранита,
Все равно — она добыча крокодилов в реке.
Из бумаги не годится делать щит,
А потом выбрасывать его в воду¹¹.
Важным считал это государь,
Женщин в мужестве стойкими не считал.
Принимая ее, он ставил ей серьгу в ухо,
Но, приняв, забыл ее имя.
Когда принял шах те приношения,
Он из-за стола хакана отправился в опочивальню.
Поутру, когда павлин, шествующий с востока,

Высунул голову с бирюзового свода,
Снова шах поставил себе на ладонь вино,
В веселии врата тронной залы.
Провел день, два за музыкой и вином,
И снова стал его конь быстроногим.
Подготовив дело к возвращению,
Стал он по вращению подобен времени.
Периликая тюрчанка, которую китайский хахан
Дал шаху, чтобы он ее любил,
Так как она шаху не понравилась,
Словно тень, была схоронена за завесой.
Вспыхнула та луна, словно солнце,
Полила на розу из нарциссов розовую воду¹².
Во дворце—темнице шахских рабынь
Пребывала она, словно тень на дне колодца.
Как-то раз, когда этот небосвод, увлекающийся игрой
в чоуган,

При помощи ночной игры¹³ завладел шаром,
Искендер, который отнял шар у всех царей,
Отпустил повода своему предназначенному для игры
в чоуган коню.

Вскочил он на летающего, разбивающего горы,
Лошадь — слон по росту, а царь — слонотелый.
Знамена подняли вельможи,
День показал подобие сборища Страшного суда.
От войска, ширина которого была фарсах,
Степь для зверей стала тесной.
От китайской степи до реки Дженд
Вся земля целиком была под шелком.
Когда войску был сделан смотр и произведен подсчет,
Избранных в нем было пятьсот тысяч.
Спереди и позади тюрки расцветки павлина,
Слева и справа львы с булатными когтями.
В самой середине шах, грозный как море,
А войско все вокруг — как гора.
Кроме мощных, как слоны, в железных шлемах,
Сорок боевых слонов впереди и позади шаха.
Тысяча сорок пехлевийских значков
Двигалось следом за знаменем государя.
Золотые пояса у личных рабов-гуламов.
Словно чистое золото на серебряных слитках.
Юноши, кипящие словно вода горного потока,

Со всех сторон табунами вели коней.
Достойные недимы¹⁴ вокруг шаха,
От которых легкими становились трудности пути.
Величаво ехал государь государей,
А правитель Китая шел у его стремени.
Когда властитель проехал некоторое расстояние,
Такое указание было китайскому хахану,
Чтобы он вернулся назад в свой дом,
Совершил набег на пояс тюрок.
Повелитель мира распрошала с тюрком,
Водой ресниц превратил лицо в поток.
Повернув поводья, шах, объезжающий мир,
Из степи до Джейхуна¹⁵ поднял пыль.
Когда подъехал он к этой глубокой реке,
Повелел он, чтобы войско спешилось.
На том берегу он увидел радующее сердце место,
Посидеть там счел приятным.
Канаты царского шатра
Натянули и укрепился основной столб.
От обилия конвойных, осыпанных жемчугами,
Берег Джейхуна стал словно сад Ирема.
Когда шах увидел область Мавераннахра¹⁶,
Не скажу мир, один город увидел,
Из тех богатств, которые ему в Китае достались,
Много он отдал, когда задержался там.
Разрушенные здания он отстроил,
Да и много новых городов основал,
Самарканд, которому радуется человек,
Так было слышно, что им основан.
Разлетелись вести по Хорасану и Руму,
Что шахиншах пришел из чужой земли.
В каждом городе, радуясь победе шаха,
Ударяя в барабаны радости, вышли на дороги.
В благодарность подняли знамена,
В каждом доме устроили веселье,
Каждый посылал много даров и сокровищ
Во дворец шаха, поздравляя с прибытием.

50. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИСКЕНДЕРА ИЗ КИТАЯ

Приди, виночерпий, сегодня вечером поспешно с вином,
Ибо от головной боли обязательна розовая вода.
Таким вином, которое блеск вызывает в делах,
Не таким вином, которое вызывает похмелье в голове.

* * *

Блуждающему по миру странствовать по миру
Приятно, совершая путешествия за путешествием,
В каждой области осматривать ее убранство,
На каждой стоянке отдыхать,
Получать сведения об одеждах,
Получать удел от невиданного ранее.
Но все же, как посмотришь, в конце концов,
В своем собственном городе человек — государь.
Опустить в своем городе вместе с жалкими
Лучше, чем царствовать в чужом городе.

* * *

Искендер при всех удачах, которые были,
Все стремился к своей родной стране,
Хоть и обладал он областями выше предела,
Но все подумывал и о собственном доме.
Словно ветер занесет ногу на ветроногого коня,
Тоску по родине в сердце облегчит.
Порадуется воздуху Хорасана,
Снова вступит на персидскую землю,
К царству Истахра направится,
Мир озарит своим блеском,
Возвысит свой престол,
По той стране, создающей сладости, проедет,
На добро и зло той области посмотрит,
Прикажет, чтобы сызнова установили порядок.
Устремились к целованию земли перед государем,
Возобновит жалованье всем,

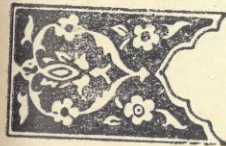
В этом отношении много ласк окажет,
Просителям даст подарки,
Миру сызнова даст жизнь.
Вот о чем шли его мысли,
У шахов нет иной заботы, кроме этого.
Дувал, который был правителем Абхазии¹,
Мощью шаха был возвышен,
Опоясал ремень пояса по приказу шаха,
Много по всем странам измерил путей.
Пришел к шаху добромыслящий,
Застонал, словно литавра от ремня:
«Приди на помощь, о шах, от притеснения русов,
Которые в колыбелях Абхазии требуют невесту.
Кто-то пришел доложил, что в той изукрашенной стране
Даже и зубочистки не осталось из всего имущества:
Русские бойцы из аланов и арков².
Ночное нападение совершили, словно град.
К Дербенду в той области пробилась,
На ладьях-корватах к морю устремились³,
Совершили нападение непомерное,
В этих местах старую вражду обновили,
Разграбили всю эту землю,
Да будет прегражден путь этим зловещим стопам!
Кроме убитых, которых и счесть нельзя,
Много разрушений причинили и много похитили.
В наполненных амбарах ничего не осталось,
В сокровищницах нет ни единой нитки,
В сокровищницах наших все опустошили,
Дверцу сорвали с ларца, шелк с престола.
Царство Бердаа они опрокинули,
Город, полный сокровищ, уничтожили.
Ограбили царства Нушабе и похитили ее.
Разбили о камень драгоценный фиал.
От стольких невест, которых ты видел предстоящими,
Не оставили и одной нежной на месте.
В городе и стране они все смешали,
Деревни и села подожгли.
Если бы я в том деле был,
Лучше было бы пасть убитым и найти покой.
Я здесь возвышен служением тебе,
А жена и дети там — в темнице и оковах.
Если не отомстит шах врагу,
Да будет бог помощником тем, кто взывает о справедливости.

Увидишь ты, что рус в эти несколько дней
И Руму и Армении причинит ущерб.
Раз нашли они таким путем дорогу к кладу,
Поспешат они так, как спешили,
Захватят страны, завоюют города,
Ведь это необразованный народ, самый жалкий в наше
время.

Все они грабители — словно волк и лев,
Расстилать скатерть — не храбры, а проливать кровь —
храбры.

От руса никто не ищет человечности,
Ибо от человека в них только основная субстанция.
Если на осле груз жемчугов,
А по сути, что в нем увидишь? Тот же осел и есть!
Раз эти враги нашли путь к сокровищам,
Многим странам причинят они горе.
Поднимут они голову, чтобы творить неправосудие,
У купцов отнимут их богатства.
А когда разорение внесут в эту область,
Алчность свою направят на Хорасан и Рум».
Взволновался шах от его слов,
От насилия, постигшего его дом и пару,
Да смутился он и за Нушабе,
Ибо шаху та область была дорогой.
Опустил он голову смутно и грозно
И из этого грозного молчания поднял снова голову,
Взывающему о помощи сказал: «Приказ тебе,
У меня на сердце то, что у тебя на душе.
Лучше тебе оставить эти слова.
Ты сказал, а остальное увидишь от меня.
Увидишь, когда пущусь я в путь,
Какие сердца мужей лишу рассудка,
Какую кровь львов заставлю вскипеть.
Прекращу я заносчивость псов,
Ибо для льва игра повергнуть онагра.
Ни буртасов⁴ я не оставлю на месте, ни русов,
Головы их я повергну себе под ноги,
Если Рус — это Египет, сделаю я его Нилом,
Смятенным брошу под ноги слонам.
Воздвигну я престол на его горах,
В огонь ввергну все его камни,
В горных пещерах не оставлю ни одного дракона,
На земле не оставлю ни одной травинки.

Если я не отомщу так русским львам,
То пес — я, пес, а не Искендер, сын Филикуса.
А если я не изловлю буртаса словно волка,
То я трусливее буртасовой лисы.
Если отвращения небосвода будет нам время,
То потребуем мы расплаты от злоумышленника.
Все, что они похитили, вернем на место,
А похитителя повергнем под ноги.
Не оставим им Нушабе в оковах,
Когда настанет время, из тростника добудем сахар.
Если бы даже это серебро⁵ было укрыто в камне,
Вытащим его, словно волос из теста.
Разумной мерой разрешается и трудное дело,
Когда подойдет время и весна распускается на дереве.
В трудном положении не отрывай сердца от мысли
о разумной мере,
Ведь небосвод миг от мига становится старше.
Если я уже собрал припасы на этот путь,
То буду терпелив, пока не осуществится мое желание.
От тяжелой горы до глубокого моря
Медленность в деле всем полезна.
Я имел намерение идти в персидское царство,
Чтобы в том месте некоторое время побыть,
Но раз дошли до меня сведения об этом предании,
То лучше, чтобы трон мой был пуст от меня.
Поклажа моя клонится к движению в путь.
Достаточно мне седла моего в качестве престола.
Не буду я спать, не отдохну ни от одной дороги,
Пока не отомщу за тех, кто взывает о мести».
Когда Дувал увидел эту готовность,
Отдохнул он от того гнева и смятения.
Губами оросил амброй прах,
Землю лицом позолотил⁶.

51. ИСКЕНДЕР ПРИБЫВАЕТ В КЫПЧАКСКУЮ СТЕПЬ

Приди, виночерпий, то вино возьми в руки,
Без питья которого никому не обойтись,
Нет, не вино это, а кусочек сердца самого солнца,
У этого вина и огонь в природе и вода.

Двух бабочек вижу я в этом странном месте,
 Одна белая, другая — черная.
 Эти бабочки ничьим мотыльком не становятся,
 Ибо не выполняют они нашего приказа, да и только.
 Освети же светочем этот дом,
 Чтобы зажарились в нем обе эти бабочки¹.

Расстилающий ковер этого зеленого сада
 Так зажигает светоч от светоча.
 Когда узнал Искендер, сын Филикуса,
 Недобрые вести о нападении русов,
 Не спал он ночь от намерения мстить,
 Обсуждая про себя разные меры,
 Как, мол, мне двинуться на это дело,
 Чтобы выполнить это обещание свое.
 На другой день, когда этот бурный конь цвета яшмы
 Оторвался от Шибдиза²,
 Он отогнал своего коня от кипящего Джейхуна
 И погнал его в другую сторону, в Хорезмскую степь.
 Войско словно море за спиной его,
 Расчет пустыни на пальцах у него³.
 Хорезмскую степь он прошел,
 Перешел через Джейхун, прошел в Амул
 Чтобы очистить мир от русов,
 Не было у него отдыха ни на воде, ни на земле.
 В этом беге лишал он очи сна,
 Пришел он в славянские степи.
 В степи он увидел много разных кыпчакских племен,
 У них куколок с серебряными ногами увидел,
 По жару они словно огонь, по мягкости словно вода,
 Более сверкающие, чем луна и солнце.
 Все они узкоглазые, смущающие мужей.
 Даже ангелу не терпелось скорее поглядеть на них.
 Не было покрова на страницах их лиц,
 Не боялись они ни брата, ни супруга.
 Войско, обреченное на безбрачие и всякие трудности,
 Когда увидело такие лица без покровов,
 От юношеского жара вскипело,
 В этом деле начало проявлять большое усердие.
 Но все же из страха перед шахом никто не совершал набега,

К тем куколкам не протягивал руки.
 Когда шах увидел красавиц этого пути,
 Неладным показалось шаху это правило.
 Периликих увидел он, словно чистое серебро,
 Войско все измучено жаждой, а они словно вода.
 Подумал он о нуждах войска,
 Ибо женщина, конечно, женщина, а мужчина — мужчина.
 Целый день посвятил он этому делу,
 Вельмож кыпчакских к себе вызвал.
 После того, как он их по-шахских обласкал,
 Возвеличил оказанным им уважением.
 Старцам кыпчакским тайно сказал:
 «Женщине лучше скрывать лицо в тайне.
 Женщина, которая показывает чужому лицу,
 Не оберегает своей чести и стыда мужа.
 Если бы даже женщина была из камня и железа,
 Раз имя ее женщина, разве же она не женщина?»
 Когда-те хранители степей со спутанными дорогами
 Выслушали все до единого слова шаха,
 Уклонились от веления по этому делу,
 Ибо таковыми находили свои обычаи.
 Покорно сказали: «Мы рабы,
 Мы спешим выполнять веления государя,
 Но закрывать лицо — не по обычаю,
 Это свойство не принято у кыпчаков.
 Если по твоему обычаю закрывать лицо,
 То по нашему обычаю — закрывать глаза.
 Раз лучше не смотреть на чужое лицо,
 То проступок пусть не на лице будет, а на глазах.
 А если это не покажется шаху грубостью с нашей стороны,
 Зачем нужно ему глядеть на лицо да на спину?
 Нашим невестам довольно и той защиты,
 Что не имеют они дела с чужой опочивальней.
 Покрывалом не рань лицо этого народа,
 А набрось-ка лучше покрывало на свои собственные глаза.
 Тот, кто укроет покрывалом свои глаза,
 Ни на луну не взглянет, ни на солнце.
 Повелитель мира, если только даст приказ,
 Из нас всякий, от кого он потребует, отдаст за него душу.
 Да, все покорны шаху,
 Но только от обычая своего мы не откажемся.
 Когда услышал шах красноречие, ослабел его язык в этом
 деле,

Стало очевидно для него, что этим людям
Давать совет не принесет пользы.
Мудрецу он поведал этот рассказ
И попросил у него помощи этот умеющий помогать другим:
«Эти прекраснеликие с косами, как цепи,
Жалко, что ни от кого не скрывают лица.
Погибель от них чужому глазу,
Как от созерцания свечи мотыльку.
Что нам сделать, чтобы смягчились они нравом,
От чужих скрывали бы лицо?»
Такой дал ответ знакомый с наукой о человеке:
«Приказ шаха с готовность принимаю.
Создам я талисман в глуби пустыни,
Так, что об этом происшествии будут слагать сказки.
Всякая женщина, которая на него взглянет,
Кроме как с закрытым лицом от него не уйдет.
С условием только, что шах там остановится,
И все, что я от него попрошу, добудет».
Шах из доброго и злого все, что потребовал мудрец,
Силой ли, золотом ли, приготовил одно за другим.
Выдавший мир ученый при счастливой звезде
Приступил к осуществлению искусства.
Изумительную невесту в том открытом месте
Изготовил он из твердого камня.
На ней чадра из белого мрамора,
Как лепестки жасмина на мускусной иве.
Всякая женщина, которая смотрела на ее стыдливость,
Из стыда перед ней закрывала лицо,
Накидывала из стыда чадру на лицо,
Скрывала лицо и прятала волосы.
С того дня кыпчаки стали закрывать лицо,
Когда художник изобразил этот рисунок на камне.
Художника спросил шах: «Это изображение
Как же подействовало на этих каменносердечных людей?
Моего приказа они не слушают,
А на этот камень смотрят и становятся разумны».
Известил его мудрец, обладающий бодрствующим счастьем:
«У кыпчаков сердце твердо, как камень,
Потому-то они и склонны к тем, у кого каменное сердце.
Когда натывается их поклажа на этот камень,
От него мягким становится их твердое сердце.
Ибо раз лицо такой твердости из гранитного камня
Всегда укрывает себя от позора,

То дозволено, чтобы и мы закрыли лицо
От несправедливости чужого и стыда перед мужем.
А другое свойство, которое небесное,
Я не скажу, ибо это сокрытая загадка».
С помощью этого высокого талисмана
На эти лица было спущено покрывало.
Остался в той степи, не опрокинут.
Вокруг него целый лес из древков стрел,
Как бывает трава вокруг пруда.
Больше, чем перьев на этих повергающих орлов стрелах,
Орлов вокруг него.
Все племена кыпчаков, когда попадают туда,
Сгибаются вдвое перед этой единственной в своем роде
статуей.

Пешком ли зайдут они туда с пути или верхом,
Поклоняются ей, как творцу.
Всадник, который подгонит к ней коня,
Кладет стрелу из колчана в честь ее.
Пастух, который заведет туда стадо,
Отпускает перед ней овцу.
Орлы слетают вниз с громадных высот
И не оставляют ни волоса от той овцы.
Из страха перед орлами с булатными когтями
Никто не бродит вокруг того твердого камня.
Посмотри же на кумир, который тот изобразитель создал,
Как он то узел завязывал, а то развязывал.

52. ПРИБЫТИЕ ИСКЕНДЕРА В ОБЛАСТЬ РУСОВ

Приди, виночерпий, ту деву с сокрытым лицом
Мне дай, если есть у нее забота о муже,
Начисто омою я руки от грязи,
Ибо лишь так можно протягивать руку к деве.

* * *

Снова соловей прилетел в сад,
Пери к яркому светочу пришла.
Образ пери передо мной воплощается,

Меня уподобляет призраку пери¹.
Из этой темной ахримановской шахты
Смотри, сколь яркий самоцвет я достаю.
Тысяча благословения на тех хитрецов,
Которые блестящее золото достают из темной шахты².

* * *

Излагающий предание о том правителе
Такое изложение берет в уста.
Что когда шах мира румийскому мудрецу
Приказал сделать из камня воск,
По победоносности того заказанного изображения
Прекрасная словно бирюза статуя была создана.
По красоте такой ее сделал художник,
Что набросил покрывало на тюркские картины.
Когда создал статую скульптор,
Шах покинул место перед статуей.
Где бы он ни шел, он рассыпал сокровища,
Терпел неудобства во имя будущего покоя³.
На каждой стоянке оставался неделю.
Когда стоянки вплотную приблизились к зложелателям,
Львы на бой стали затачивать когти.
Просторное это было место, около воды,
Остановился он там к ночи.
На том лугу от царя до воина
Все отдохнули от трудностей пути.
Словно звезды украсил он лагерь,
Подняв до небосвода свой шатер,
Мир от обилия знамен уподобил павлину,
А у шатра вход направил в сторону русов.
Русам стало известно, что повелитель Рума
Ввел войско в ту область:
Войско, которое губит помыслы,
Когда совершает натиск, гора от страха потеет,
Смельчаков, ударяющих мечом без счета.
Жалящих людей, словно извивающиеся змея,
Бросателей арканов, которые, словно грозные львы,
Повергают ниц головы слонов,
Китайских гуламов, которые в стычке
Волосок пронзают сотней древков стрел.
Это Искендер, нет это грозный змей,
Для мира это неотвратимое бедствие!

Не войско идет с ним, гора,
Под которой изнемогла земля.
Из слоюв двести, закованных в булат,
Которые заставляют вскипеть кровь земли.
Целая степь полна слонов и слонотелых,
Все они приводящие в смятение области и разбивающие
войска.

Когда Кинтал—рус⁴, который был их предводителем,
Узнал, что небо занялось таким делом,
Собрал он войско из семи русских племен⁵,
По снаряжению каждое из них сделал невестой.
Из буртасов и аланов и хазранов⁶ толпы
Созвал он, поток, словно море и гора.
От земли Ису до кыпчакской степи
Покрывл он землю мечами и кольчугами.
Войско не в таком числе, чтобы опытный в войсковом деле
Мог подсчитать его меру.
Когда докладчик посчитал то, что было перед ним,
Число их было более девятисот тысяч.
Остановились они, придя из дальнего пути,
На расстоянии двух фарсахов от войска шаха.
Войску так сказал Кинтал-рус:
«Что бояться невесты повергателям мужей?
Такое красивое войско, не испытывавшее бед,
Все от края до края, целые караваны сокровищ.
Как устоит против русов,
Это войско столь нежно и стыдливо
Все они в жемчужных убранствах и золотых сбруях,
Из хрустала у них блюда, даже кубки из яшмы.
Все их дело — питье вина и музыка,
Никогда не ходили они ночью в бой.
По почам они заняты возжиганием ароматов,
По утрам смешиванием вин.
Есть свою печень⁷ — обычай русов,
А вино и закуска — дело невест.
От румийцев и китайцев не жди боя,
Все это шелк и парча, красивая и желтая.
Бог дал нам такое богатство,
Тому, что дал бог, как можно преградить путь?
Если бы такую добычу я увидел во сне,
Рот мой от этой сладости наполнился бы слюной.
Нет там ни одного, у кого не было бы золотого венца,
В море не найдем мы столько жемчуга.

Если мы раздобудем это богатство,
То всем поясам мира нанесем поражение.
Мир завоюем и будем властвовать.
Весь год будем только господствовать».
Затем погнал он коня на вершину горы,
Несколько человек сопровождало его.
Показал пальцем: «Вон вдали
Целый мир изнеженных и гурий.
Все шатры полны самоцветов и сокровищ,
Вместо копий и кольчуг — рубины и жемчуга.
Все седла из золота украшены яхонтами,
Чепраки расшиты самоцветами.
Высятся их расшитые шапки,
Кафтаны — длинные до самых пят.
Все ковры — парча, шерсть и шелк,
А в руках нет копий, нет в колчанах стрел,
Все они в ожерельях и ножных браслетах,
Кольца локонов извиваются над ушами,
От головы до пят в царском убранстве,
Нет способной к бегу ноги, нет сильной руки.
С такими слабоногими, криворукими
Искендер какое войско сумеет разбить?
Если упадет на них только кончик иголки,
Разинут они рот, как окошко.
По датам и календарю воюют они,
Месяц ждут наступления высчитанного дня.
Не такое это войско, которое в день боя
Поднимет пыль от комков земли на поле.
Когда мы бросимся все сразу, с места,
Уже первого натиска нашего они не выдержат».
Когда русы, привычные к трудностям, крепким мозгом,
Услышали столь обольстительные речи,
Они подняли головы: «Пока мы живы,
Мы держимся этого обещания и обета,
Будем биться, как нужно, словно крокодилы,
Не оставим от этого цветника ни запаха, ни краски.
На врагов державы нападём,
Концом копий перейдем к кинжалу,
Голову зложелателя поймаем в силок».
Когда рус увидел, что у войска разгорелось сердце,
Что от его силы размягчилась гора,
Пришел он в лагерь, готовясь к бою,
Из сердца удалил тревоги, с меча ржавчину.

С другой стороны шах, разбивающий войско,
Уселся на совет в собрании вельмож.
Все предводители войска вокруг шаха,
Уселись, как звезды вокруг луны.
Кадар-хан из Китая, Гур-хан из Хотана,
Дубейс из Медиана, Авелид из Йемена,
Дувал из Абхазии, Хинди из Рея,
Кубад истахрский из родных Кея,
Зериванд гилянец из Мазендерана,
Витязь Ниял из страны Хаверан,
Бушек из Хорасана, Кум из Ирака,
Беришад из Армении в этом сборище.
Из Греции, франков, Египта и Сирии
Их столько, что не перечислить по именам.
Повелитель мира избавил их от скорби,
Утешая, придал им надежды.
Так сказал: «Это войско, рвущееся в бой,
Не привыкло к борьбе со львами.
В разбое, грабеже и хищничестве
Видят они мужество и героизм.
Не видели они ни у кого двуручных мечей,
А также топориков и копий спереди и сзади,
Оружия и снаряжения нет у них надлежащего,
А от безоружного настоящего боя не жди.
Несколько обнаженных тел в схватке
Что стоит разрубить от головы до пупа.
Если я возьму меч и двинусь с места,
То у Альбурза окажутся связаны руки и ноги.
Я тот покоритель времен, что витязь Дарий
Хотел похитить мою жизнь, но сам не спас жизни.
Уловкой, которую я применил к Кейду,
Как поверг я его к своим ногам?
Когда сразился я с войском Фура,
Перед моим мужеством Фур съел камфоры⁸.
Когда мой лук наморщил брови,
Шах Китая у своего лука снял тетиву.
И войны с русами не страшусь я,
Ибо много потоков льется с гор.
От хазарских гор до китайского моря
Все землю я вижу полной тюрок.
Хоть тюрки и не родня румийцам,
Но вражды к русам у них еще больше, чем у румийцев,
Концами тюркских стрел на этой стоянке

Можно вызвать пузыри у русов на ногах.
Много ядов, которые телу причиняют вред,
Другим ядом надлежит обезвреживать.

53. ПРИТЧА

Слышал я, что от волка, ловящего лисиц,
Благодаря собачьему лаю, спасалась старая лиса.
Два молодых волка посеяли семена вражды,
Стали преследовать старую лису.
Была деревня, в ней большие собаки,
Все они жаждали крови лисиц и волков.
Взвизгнула хитрая лиса так,
Что запоры с собачьих ртов сняла.
Деревенские собаки подняли лай,
Ибо лису приняли за волка.
От собачьего лая, доносившегося издали,
Бежали волки, и лиса спаслась.
Опытный мыслитель в момент действия
От врага избавляется с помощью врага.

* * *

Хотя мне при таком обилии снаряжения
Нет нужды ни в чьей помощи,
Все же врата уловок не закрыты перед умеющим ими
пользоваться,

Не всякое дело требует меча.
Вожди войска склонили головы:
«Прольем мы к твоим ногам свою кровь.
Мы и ранее не были слабы в бою,
Но теперь еще жарче того закипим
И ради мужества и ради богатства
«Будем биться с зломыслящим врагом».
«Войско потому сильно, — утешал государь,
Что не годится, чтоб кто-либо терял мужество».
Обдумывал он до самого вечера,
Что ему завтра сделать из меча и чаши.
Когда темной ночью был скрыт ясный день,

Вышли разведчики, а лазутчики уснули,
Карательные войска свыше всякой меры
Уселись сторожить на всех проходах.
Темную ночь не оставили они без стражи,
С ночи до утра сторожили.

54. ПЕРВЫЙ БОЙ ИСКЕНДЕРА С РУСАМИ

Приди, виночерпий, ту расплавленную ртуть,
Переработанную в киноварь,
Подай, чтобы снести ее в приемную залу,
Использовать как растертую киноварь¹.

* * *

Говори же, о выдавший мир старый дихкан,
Идущие из глубины сердца и чарующие его те слова
О том, как пришел Искендер из Китая в Русь,
Куда занес его этот непокорный зеленый конь².
В другой раз какую игру сыграло с ним небо,
Мир какие чары на него напустил.
Рассказчик — купец, торгующий самоцветами,
Слову наполнил уши жемчугами,
Что румиец, когда увидел настороженность руса,
Мир увидел подобным павлину с выщипанными перьями,
Темной ночью бока не вверил ложу,
Вопрошая судьбу, считал звезды.
Когда земля свернула шелковый ковер,
Подняло голову утро с мечом и чашей,
Тем мечом, который сверкал с чаши,
Была снесена голова у солнца,
Вышла из-за завесы темной тучи
С каждой горной вершины гора мечей.
Не скажу два войска — два кровавых моря!
По обилию их больше, чем вода в море.
Стремилась они с намерением пролить кровь,
Вместе подымали мечи и знамена.
На расстоянии двух ристалищ в этом тесном месте
Твердо уперлись они ногами, как булатные горы.

На том поле боя счетчик войск
По приказу шаха выстроил войска.
Из облаченных в булат, с алмазными мечами
До самого ясного солнца поднял тучу.
Отдельно от конницы каждого отряда
Укрепление возвел, подобное горе.
Дувал и витязи иранской земли
На левое крыло жарко устремили ненависть.
Кадар-хан и фагфурцы, все вместе,
Подняли свои значки на правое крыло.
Крылья со стрелами приближенных гуламов
Выстроились рядами для убийства из мести.
Впереди и посередине слон, покрытый булатом,
Позади его смельчаки, грохочущие, как гром.
Шах слонотелый с тысячами надежд
Опоясался [на бой] на спине белого слона.
С другой стороны краснолицые русы,
Пламенные, словно место поклонения магов.
Правое крыло украшено хазарами
Слева поднимались клики бургасов.
Аланы позади, исуйцы с крыльев,
Срубание голов они сделали для себя разрешенным.
В самом центре рус, ищущий боя,
От любви к Искендеру омывший грудь³.
Войско с двух сторон построилось рядами,
Земля поднялась наподобие неба.
Колокола русские вскипели,
Подняли крик, словно больной индеец.
Рев литавр, раскалывающий небо,
У земли вызвал рези до самого пупка.
Флейты тюркские подняли смуту,
Рукам тюрок придавая силу,
Ржание пронзающих [копытами] землю коней
До самой рыбы причинило земле ущерб.
Тяжкие удары семь раз плавленной палицы
Заставили вопить быка небосвода.
Мечи просом серебряного цвета
На серебре вызвали кровавое просо.
Трехкрылая стрела проходила через железо,
Как двукрылая птица над лугом.
От копий зарослью тростника стала поверхность земли,
От палиц горами стали ямы.
Наконечники копий играли волосами,

Кровь омывали лица врагов.
От рева львов с волчьей шкурой⁴
Малая смута возросла,
Копья родники крови открывали в камне,
На нем росли сотни лесов стрел.
Стрелы, которые плодом приносят только красные розы,
Розы, с шипов которых капает кровь.
Крокодилы — мечи, пробивающие панцири,
Поднимали шеи для срубания шей.
Поры в теле гор раскрывали швы,
Земля задрожала всем телом.
От рева, который поднимали полчища русов,
Кони под львами начинали артачиться.
Не годился в бой с малейшим из русов
Даже Платон, он становился Филатусом⁵.
А румийцы поднимали знамена,
Индийским [мечом] свергали в воду пламя.
Горло воздуха сжалось, о диво!
Одышка охватила небо мира.
Бежавшему не было на земле места поставить ногу,
Летящей [стрепе] не было в воздухе места.
Из русов вышел на поле боя
Один бургасский витязь в лисьей шапке.
Словно гора летел он на спине ветра,
Смотри, какое диво! Гора держалась на ветре.
Вызывал он бойца и гарцевал,
Похвалялся своими славными подвигами,
Что у бургасов в их недубленных шкурах
Благодаря моему бургасовству спина становится теплой⁶.
Когда я думаю, я гром по природе,
Когда иду на бой, имею облик дракона.
Я разрываю леопардов на вершинах гор,
Я пожираю крокодилов на берегу рек.
Словно львы привык я к схваткам,
Не приучен к лукавству, как лисицы.
Крепок я когтями, силен мощью,
Сырым разрываю я бок самца онагра.
Все мое питье — недубленные кожи,
Мое копье от бока доходит до пуна,
Не лгу я, вот бой! [проверьте]!
Идите целым войском, и китайцы и румийцы,
Ведь огонь лучше разгорается от воска⁷.
Да не простит бог тому предводителю,

Который решится защищать меня от пролития крови.
Из центра от царя к тому грозному змею
Вышел одетый в панцырь копыносец.
На бой выпустили они когти,
В этом беге помедлили несколько.
От меча гневного буртаса
Герой румийский пал на землю.
Вышел другой румийский витязь и тоже прах увидел,
Ибо увидел он, как сияет счастье буртаса.
Царевич по имени Хинди,
Который много голов отрубил [в своей жизни] индийским мечом,

На этого хищного волка словно опьяненный лев
Кинулся, держа индийский меч в руке.
Много бились они, испытывая счастье,
Но ночью счастье не были сбито с ног.
Царевич Хинди умножил усилия,
Занес индийский меч до плеча,
Так ударил режущим алмазом,
Что скинул голову буртаса под копыта.
Из русов некий лев со смятенной головой,
У шеи держа русский щит,
Вышел на бой, похваляясь,
О крови соперника помышляя.
От Хинди такой удар получил снова индийским [мечом],
Что русский щит уже перестал в нем нуждаться.
Еще другой рус вышел, придя в гнев,
Но упал раньше, чем успел моргнуть глазом.
Так он нескольких убил до полудня,
Словно грозный барс, преследующий газель.
Занялось от него у русов дыхание,
Уже никто более на бой не выходил.
В место отдыха направил Хинди повода,
Орошенный кровью и потом с головы до пояса.
Царь, когда это увидел, обласкал его,
Удостоил его даже халата.
Спешились с обеих сторон войска,
Выставив на посты разведчиков.

На другой день, когда рано встающий виночерпий
Полил яхонты вина на землю,
Два войска, пышавших словно море огня,
Вновь натянули луки из засады.
Снова выступили они в бой,
Вышли на охоту, чтобы повергнуть ниц львов.
Колокол, разрывающий печень, и вопль бубенцов
Из головы похищал мозг, с лица краску.
Так же бронзовые литавры, обтянутые волчьей кожей,
Не только сердце, но даже и булат размягчали.
У земли от смятения вырвался корень,
Сбросило небо подковы, а солнце гвозди.
Вышел гордец из эйлакев.
Всадник быстрый, словно пламя,
От головы до пят скрытый под железом,
По жестокости и жестокосердности словно мир.
Вызывал он соперников, словно опьяненный лев,
Но кто ни выходил, от ног слонов не спасался!
Смельчаки от него оробели,
Головы от когтей льва отвернули.
Через часок грозный черный лев
Вышел с края центрального отряда.
На бухарском коне, ростом со слона,
Вопил и ревел он громче, чем река Нил.
Сказал он похожему на Ахримана эйлакцу:
«Вышло солнце из-за тучи,
Вот у меня чаша в руке, как у кравчих,
Только не с вином, а с кровью эйлакев».
Сказал это и сжал бока коню,
Поднял руку с тяжелой палицей.
От палицы этого испытанного в боях слона
Голова слоноподобного была сбита.
Эйлакец был раздавлен булатной палицей,
От потока крови его опьянела земля.
Еще более горделивый всадник из того полчища
Погнал, словно гора, на того разрывателя гор,

Другим ударом он был сравнен с землей
И так еще несколько гордецов было уничтожено.
В конце концов, это сбивание голов
Ослепило его и заставило поднять голову.
Из облаченных в булатные панцыри, держащих алмазные
мечи,

Многих он убил и сам был беспощадно убит.
От полуденного намаза до третьей молитвы
На поле уже не выходили другие бойцы.
Снова кровь в печени вскипела,
Предопределение ударило судьбу по уху.
Из русов всадник выехал, словно слон,
Лицо — как бакан², глаза — словно индиго.
Вызывал он из румийцев соперников,
Выказывал мужество, убивал мужей.
Целое войско он обагрил кровью,
У нескольких человек душу из тела извлек.
Так много убивал он испытанных в боях мужей,
Что никто уже более не решался на бой.
Когда рус таким образом одолел румийца,
Булавой своей слона раздавил,
Скакал он с индийским булатом в руке
И убил несколько человек румийцев и китайцев,
Словно длинное копьё вытянулся он [от заносчивости],
В этом бою играл копьём.
С края лагеря государя
Выехал на коне царственный всадник,
Не коня, орла он подгонял.
Не меч, а крокодила на себя навесил.
Шелк его тела в плотном шелковом кафтане,
Шлем из булата, словно лазурь.
Выехал он на поле, словно опьяненный демон,
Держа четырехгранное копьё в руках.
Испустил он вопль и сказал в прахе,
«Хочешь в тот же миг уснуть в прахе.
Я — Зериванд мазендеранец,
Для меня игра — бой с Ахриманом!»
Когда рус взглянул на него и на его облик,
От желчи закружилась у него голова.
Догадался он, что кончился его бой,
Что не такой он муж, как тот, и не противник ему.
Повернул он поводья к своему лагерю.
В бегство устремился, как ураган.

Пустил копьё тот смелый всадник
В спину тому обратившемуся льву.
Беглеца копьё поразило в спину,
Вышло из груди копьё на четыре кулака.
От быстроты, с которой скакал ветроногий конь,
Доставил он то пронзенное тело на его место.
Устремились к нему свои и чужие
И увидели, что убитый, как бы распят³.
Когда увидели, что этот боевой змей
Распинает в бою мужественных героев,
Поводья опустились спереди и сзади,
Из буртасов и русов уже никто не двинулся.
Когда войско от ожидания измучилось,
Выехал рус, словно скала,
Из родственников Кинтала, по имени Купал,
Слоноподобный витязь двинулся на него.
Два бойца мечами сцепились,
С обеих сторон заносили мечи.
В конце концов, витязь Зериванд
Одним ударом отнял жизнь бойца.
Так продолжал он пока из горделивых русов
Не сбил он с ног семьдесят человек.
Разгневался Кинтал на того грозного льва,
Ибо увидел он, что от этого дела ослабели ноги войска.
Надел он кольчугу, облеся в шлем,
Словно кипарис, который вместо плодов и листьев
несет меч.

Вскочил он в седло, как дракон,
Голову коня направил на него.
Зериванд, когда увидел, что пришел лев,
Взревел, как гремящая туча.
Занесли они друг на друга острые мечи,
От жара разгорелись они, словно небосвод.
Словно циркуль о двух ножках вокруг центра поля,
Одна медлительная, а другая быстродвигающаяся,
Много один вокруг другого скакали.
Много пламенных ударов наносили.
Но не удавалось ни одному одолеть другого,
От третьей молитвы до ночи затянулся бой.
Наконец, нанес удар мечом царь русов
Тому мужу, разукрашенному, как невеста,
Поверг его с золотого седла в прах,
Погубил того свирепого льва.

Когда убийца восторжествовал над своим врагом,
Весело устремился он к своему войску.
Повелитель мира от этого огорчился,
Что гилианский вождь повергнут в глину.
Повелел он позаботиться о его теле
Так, как это было достойно его.

56. ТРЕТИЙ БОЙ ИСКЕНДЕРА С РУСАМИ

На другой день, когда этот тюрк, грозный как султан,
Из китайского моря поднялся на гору¹,
Устремились оба войска на кровь,
Подняли знамена, как Бисутун.
Поднялась с моря ревущая туча,
Из каждого леса высунулся лев.
Рев крокодилов поднялся ввысь,
Со всех концов волнами текла кровь.
Из румийцев один слон, боец с булавой,
Повесив меч, захватив стрелы,
Стал вызывать мужей испытать бой,
Вышел смельчак в желтом кафтане.
Опустил руку с булавой румиец,
Голову и ногу руса раздробил.
Другого вызвал с ним случилось то же,
Не знал он ничего, кроме разбивания мозга.
Конный алан по имени Ферендже,
Показавший доблесть с мечом и кубком,
Вышел, держа палицу на плече,
От вида его рассудок покидал мозг.
Этот занес свою палицу на бой,
Но и тот на плечо положил палицу.
Как вы двустворчатую дверь образовали их две палицы,
В этих дверях они крепко сцепились.
Когда понял алан, что на его пути
Ослабел злосчастный зложелатель его,
Поднял он палицу и ударил его по голове,
Голова его рассыпалась на его тело.
Когда он чело врага обагрил кровью,
От этой горделивости поднял он голову до неба.

Из витязей Армении грозный лев
На убийство сильный сердцем, по мужеству смелый,
Обогнавший всех витязей, Шарве по имени,
В миг воинского испытания совершенный,
Когда он заносил меч с двумя остриями, словно крокодила;
Головы крокодилам сносил.
Погнал своего коня на бой с аланом,
Вспыхнула от сверкавшего меча молния,
Ферендже, когда увидел эту мощную руку,
Прочно укрепил щит у плеча, словно крыло муравья.
Но так ударил его Шарве острым мечом,
Что бежала из клетки птица его души.
Из исуйцев опоясанный гордец
Быстро погнал коня, словно грозное пламя.
Начал биться и показывал мужественные подвиги,
Но какая польза была от его геройства при
[столкновении с Шарве].

Когда увидел он, что враг силен, он поднял голову,
Но и он под одним ударом голову склонил.
Некто по имени Джерем, с горы Лакзан², словно гора,
Выступил, в мире от него стало тяжко.
На голове у него шлем из бронзы и железа,
Самый облик которого разжигал бой.
На теле его сверкающий плотный шелковый кафтан,
Как ртуть сверкающий, словно серебро блестящий.
Налетел он на Шарве, как пышущий лев,
Не дал ему пощады от мира и на миг.
Так ударил он мечом льва-героя,
Что этого свирепого льва превратил в прах.
Когда упал враг на том скользком месте,
Он растоптал ему мозг копытами коня.
Многим вельможам из горделивых
Он с хладнокровием поставил значок на лед³.
Дувал, когда увидел такого витязя,
Да не витязя скорее, а отрубателя голов,
Собрался он и потребовал воинское убранство,
Направился прямо в бой.
На чело возложил полубронзовый, полужелезный
Шлем, изготовленный из китайского булата.
Подвесил меч ядовитый, закаленный,
Аркан, полный изгибов как локоны кумиров.
На коня набросил броню

И вскочив на седло, словно движущаяся гора.
На врага выехал с таким родственным лицом,
С каким ребенок из школы выходит на улицу.
Джерем, когда увидел у него прекрасное сияние,
Увидел, что его собственное сердце уклоняется от боя
со львами,

Но не было ему врат для возврата,
Поневоле сдружился он со смертью.
Вокруг Дувала он закружился смело,
Хитрил он в бою со львом.
Дувал, видя как обходит злоумышленник его,
Словно веревка скрутился вокруг⁴.
Много слов в игре своей они наговорили,
Но не научились и одному слову о милосердии.
Дувал опоясался как лев-самец
И ударил его по ремню пояса.
Прошел меч без всякого затруднения
И расколосась пополам эта булатная гора.
Был у него брат, словно разъяренный слон,
На месть за брата он опоясался.
От удара Дувала он испытал вкус ремня
И понес свои пожитки к поклаже брата.
Таким образом гора с булатной спиной
Много разбивающих войска мужей убила.
Один рус дурной славы, по имени Джударе,
Для которого лев-самец был ягненком газели,
Грубый, полный и воинственный,
В одиночку связывающий врага и распускающий войско,
Много несший крови на своей шее,
Крови многих смельчаков проливший,
Крепко завязал узел на ремне пояса,
Направился на бой с Дувалом
Занесли они друг на друга острые мечи,
Ибо был закрыт путь ноге к бегству.
Много ударов их сыпалось друг на друга,
Но по их опытности не чинили они вреда.
Замахнулся рус рассекающим мечом,
По той булатной горе безжалостно ударил.
Через булатный шлем проник меч до чела,
В море крови утонул раненый.
От слабости в теле тот, получивший рану,
Совершил покражу поводьев⁵ и поскакал назад.
Соскочил с коня и повязал голову,

Сердце шаха от этого разбивания головы разбилось.
Мудрецу он повелел, чтобы тут же
Он приложил целебное зелье на рану,
Обласкал бы его, дабы понемногу
Дувал отдохнул от усталости и ран.
Когда ночь набросила на голову покрывало черного цвета
Голова месяца была поймана в мускусный аркаи,
С обеих сторон войска выступали караулы
И мухи к шатрам не подпускали.

57. ЧЕТВЕРТЫЙ БОЙ ИСКЕНДЕРА С РУСАМИ

Когда солнце высунуло голову из-за зеленого столба
И небо смыло индиго со своей мантии,
Снова львы пришли в волнение,
Всю степь правратили в могилу онагров.
Зазвенели бубенцы и колокола,
Кровь вскипела от рева труб.
От вопля рогов и грома литавр
Красные розы превращались в сандарус¹,
Опять тот же Джударе поспешил на поле,
Ибо он не видел в себе и крупницы слабости.
Снова и Хинди, словно черный лев,
Бросил хутальского коня в сражение.
Быстро кинулся он на Джударе,
Но обычные удары не действовали.
В конце концов наморщил он брови,
Голову Джударе на седло сбросил
Срубанием ее он удовлетворил свое желание
И вручил ее подковам своего быстроходного коня.
Смело он гарцевал от многих противников.
Был один именитый муж по имени Тартус,
Среди русов был он славен своим мужеством.
Словно красный дракон был он в быстроте своих извивов,
Все его намерения — погубить того [бойца].
Выехал он на Хинди, кипя как горный поток,
Который с горы на долину несет свой рев.
В этом споре и вражде,
Проявили они немало мужества.

В конце концов рус сделал такой натиск,
Что тот индийский сандал обратил в пыль².
Опустошил он от крови его тело,
А когда пролил вино, разбил о камень и кубок.
Снял он с головы шлем, сказал: «Это я —
Тот хищник, который уничтожает таких львов.
Меня мать когда нарекла Тартусом,
На русском языке назвала русским Рустамом.
Тот, кто нахмурит на меня бровь,
Пусть лучше саван наденет вместо кольчуги.
Не уйду я обратно с поля,
Пока целое войско не собою с ног».
Шах от убиения Хинди и ударов руса
Свивался [от боли], как локон невесты.
Он уже собрался было направить поводья в бой,
Но снова в намерении его появилось замедление.
Посмотрел он налево и направо, из войска
Кто, мол, отомстит этому ищущему вражды.
Погнал своего нетерпеливого коня,
От стальных доспехов сверкая как молния,
Величественный всадник, словно ревущий лев,
Могучий и быстрый [по вращении] поводьев и смелый.
Так погружено в железо его тело,
Что открыт только рот для дыхания.
Гарцуя, красовался он,
Играл мечом, словно молния.
От ловких движений, которые он быстро совершал,
Рука зложелателя напротив ослабела.
Размахнулся рукой для испытаний меча,
Так ударил он, что от его меча, перерубающего шею,
Голова врага упала на его полу.
Еще более львиносердный другой всадник
Вылетел он на бой, словно лев-самец.
Другим ударом тоже был лишен головы,
И так [продолжалось] пока несколько голов не было
снесено.

Больше сорока русов со спинами, подобными горе,
С легкостью убил тот воинственный лев.
Куда бы он ни гнал [своего коня] цвета ночи,
От крови и лалы превращало его железо в камни.
Каждым натиском, куда бы он его ни направил,
Он разгонял целое войско русов.
Так как его жало поспешало на кровь,

То никто из страха ему навстречу не шел.
Наладил он хорошее нападение,
Ослабил поводья своего послушного поводом коня.
В этом натиске, который та гора медленно совершила,
Сотню человек он поверг, сотню убил и сотню ранил.
Шах поразился его львиному героизму
И начал благословлять ту руку и тот меч.
Так продолжал он вести бой,
Лил пламя на тот сухой валежник.
Пока небосвод не стал растирать над его головой мускус,
Не возвращался он назад с поля битвы.
Когда солнце скрылось за покровом горы,
Голова ясного дня склонилась ко сну.
Темная ночь, словно черный змей,
Подняла голову от рыбы к луне.
Затемнила она ночным путникам дорогу,
Проглотила, словно змей луну.
[Тогда] тот всадник, совершавший ночные нападения, от
натисков

Отдохнул и поскакал на почлег.
В темноте ночи он так скрылся,
Что не узнал его никто в мире.
Шах от мужества того самого смелого всадника
Подумал, что это львиносердный был лев.
Задумавшись, говорил он: «Тот властелин,
Который сегодня так славно бился,
Увы, если бы я видел его лицо,
Я подарил бы ему сотню закрытых сокровищниц.
Мощной своей рукой он уничтожил много народу
Крепкой сделал свою спину, словно моя собственная рука.
Не человек это был — разъяренный лев,
Да будет благословение на том льве-герое!»

58. ПЯТЫЙ БОЙ ИСКЕНДЕРА С РУСАМИ

На другой день, когда этот свод цвета бирюзы
Извлек яхонты сверкающие из камня,
Аланский всадник, словно ревущий лев,
Выехал, под ним черный змей.

В руке у него булава на семьдесят человек,
Которая могла выбить мозг из Альбурза.
Вызывал он бойцов и убивал людей,
От героев мира поднималась пыль.
Из румийцев, иранцев и людей Востока
Многих он поверг в этом бою.
Опять тот же повергающий русов смелый всадник
Выехал из крайнего отряда, словно лев.
Натянул он на лук тетиву из сырой кожи,
На кольцо наложил добрую стрелу.
От мощи его державшей лук руки
Упал аланец всего от одной его стрелы,
Наподобие индийской камышевой трубки,
Наполненной внутри тополевой стрелой.
Снова один рус с глазами как у кошки,
Словно лев, нахмуривший от гнева брови,
Изучивший боевое дело,
Многим панцырям нашивший заплаты,
Заиграл он мечом, словно молния,
От головы до пят утонув в железе,
Принимая смуту боя,
Накинул он чепрак на черного коня.
Хоть и имел он сердце, как гранитный камень,
Но не был он испытан в опасностях войны.
Одни по себе он упражнялся в этом ремесле,
Не дрожал перед мечом врага.
Когда этот дракон разинул на него пасть,
Увидел он, что дичь слаба, понял это.
Оружия на нем увидел больше, чем [нужно] для боя,
Попона и кафтан лучше, чем конь и муж.
Одним ударом извлек он у него душу из тела,
На его покров и попону накинул смертный покров.
Другой рус опоясался на бой,
Но случилось и с ним то же, что и с другим.
Другой смельчак изготовился к бою,
Другим львиным натиском он извлек и у него душу.
От каждой стрелы, которая слетела с его кольца,
На бок падал один богатырь.
Десятью стрелами тот дивный всадник
Очистил поле от десяти богатырей,
И снова тайно от зрителей.
Удалился он к месту, где войско пребывало.
Так несколько дней этот доблестный всадник

В скрытности выявил бой.
Ни у кого уже не хватало дерзания
Вывести на бой с ним коня.
Дошли они до того, что от страха меча
Стали рассеиваться, как облако.
Не дорожили они своей честью,
А задумывали какое-нибудь коварство.

59. ШЕСТОЙ БОЙ ИСКЕНДЕРА С РУСАМИ

Так было до одного дня, когда этот древний небосвод
Извлек жемчужину из моря смолы.
Снова поле битвы было украшено,
Со всех углов поднялись вопли.
Из лагеря русов звон бубенцов
Спереди и сзади поднимался до звезд.
Выстроили ряды витязи русского центра,
И из этого центра, убранного, как невеста,
Вышел на бой некто в старой шубе,
Как из глубокого моря вылезает крокодил.
Пешком, наподобие целой скалы [был он],
И было в нем грозности больше, чем в пястиках всадниках.
Столь силен он был, что когда разогревал ладонь,
Сжимая, размягчал алмаз.
Пришел он за кровью, словно злой дух,
Вышедший из преддверия ада.
Цепь была навязана у него на ноге,
Длинная и крепкая, равная его росту.
Словно дикие львы на той цепи,
Наполнил он мир волнением и заботами.
Повсюду, где бы он ни избрал себе цель,
Земля становилась от его силы колодцем.
Не было у него оружия, кроме железа с загнутым концом,
Которым он мог развалить целую гору.
Со всех сторон этим увлекательным мужей оружием
Тешил он руку избиванием мужей.
От крепости, которая была в его грубом телосложении,
Как бы чешуей покрылась кожа на его теле.
Когда устремлялся он в бой,

Булатный меч не брал его.
Вышел такой, подобный дракону,
Убивающий ангелов, пожирающий людей.
Кого бы ни видел, хватал, как муравья,
Отрывал ему голову одним ударом сильной руки.
Не склонялся он к иному делу,
То отрывал ноги, а то голову.
Из шахского лагеря мощью руки
Многим людям он сломал ноги и бока.
Одинокий всадник, могучий и проворный,
На бой готовясь, выехал.
Выехал, чтобы возвыситься,
Поиграть с этим жгучим пламенем,
Только увидел его издали этот пышущий крокодил,
Не успел схватить, как тут же убил.
Другой именитый выехал смело,
Но и его поверг этот воинственный лев
Таким образом, мощными ударами
Человек пятьдесят из именитых он убил.
Так много сердец ранил этот терзающий лев,
Что разбились сердца львов-героев в лагере.
В удивлении застыли мудрецы,
Что не человек это был, но и не хищный зверь.
Когда темная ночь прикрикнула на день
И сброшена была голова озаряющего мир солнца,
Шах в смятении от дела этого Ахримана,
Тайно вел беседу с собранием:
«Этот убийца людей что за дьявольское исчадие,
Что люди беспомощны в борьбе с ним?
Хоть и нет оружия в его руке,
Но все вооруженные им унижены.
Я того держусь, что не человеком он рожден
А если и так, то не из этой обитаемой земли.
Верно он из пустынных мест, дикарь по природе
По облику человек, но не человеческого рода».
Знающий человек, который знал те места,
В укрепление ответа поднял свое знамя:
«Если повелит справедливый шах,
То объясню я ему, что это за животное.
Есть гора поблизости от вечной тьмы,
Куда путь — волосок по своей узости.
На ней есть такие обликом подобные человеку,
По виду земные, по силе железные.

Никто по-настоящему не ведает их происхождения,
Какова была их родина первоначально.
Все они краснолицы с бирюзовыми глазами,
В миг гнева не страшатся и львов.
Так сильны они и стойки,
Что один человек — вместо целого войска.
Будь то самец или самка, в бою
В мире поднимают они ужас дня воскресения.
Для всякого боя, какой случится, годятся,
Но кроме этого, других верований не создали.
Никто не видал никогда из трупов,
Только живыми, да и то лишь мало.
Богатство каждого из них — овцы,
Из этих овец они делают себе все необходимое.
Их база поконтся на цене шерсти,
Кроме этого, иного товара у них нет.
Соболь, который по природе черен,
Происходит только из тех мест.
На лбу у каждого из них, мужчин и женщин,
Растет рог, словно у носорога.
Если бы только у них не было тело с рогом,
То, что они по облику, что русы.
Если кого-либо из них начинает клонить ко сну,
То подымается он на дерево, как летающий орел,
Втыкает свой рог в высокую ветвь
И спит, словно див, в той крепости дивов.
Как увидишь его залезшим на ветку,
Увидишь нависшего на ней змея.
Спит он в бесчувствии сутки,
Ибо сон — основа неразумия.
Когда русские пастухи мимо него проходят
И увидят этого висящего дива,
Потихоньку к тому Ахриману
Подходят и тайно собираются.
Приносят веревки и связывают его,
Из железной цепи делают для него аркан.
Когда крепкие узы на него нацеплены,
Стаскивают его пятьдесят человек вместе с дерева.
Когда тот пленник увидит, в чем дело,
Взревет он громopodobным ревом.
Если сумеет разорвать те узы,
Убьет всякого одним ударом кулака.
Если же крепко держат его оковы,

То потихоньку привозят его на Русь.
Надевают на него прочные узы и цепи
И при помощи его добывают воду и хлеб¹.
Водят его по всем улицам, всем домам
И от этого зверя достается им пропитание.
Если же неизбежна станет для них война,
То бьются они этим яростным слоном.
Притаскивают его в цепях, словно дракона,
Не решаются освободить из оков.
Если распалится он так, жажда боя,
Не остается ни в ком ни цвета, ни аромата жизни».
Повелитель мира в деле этой опасности
От этого повествования смутился в помыслах.
Рассказавшему ее сказал: «Не надо страшиться,
Не все древки стрел из одного леса.
Если мое счастье поможет,
Голова его будет играть на конце копья».

60. СЕДЬМОЙ БОЙ ИСКЕНДЕРА С РУСАМИ

Когда белизна подняла голову с востока,
А чернота спрятала голову на западе,
Выстроил войско повелитель Запада,
В опасении того влекущего крюком людей дива.
С правого крыла румийцы и берберийцы,
Словно яджудж на валу Искендера,
С левого крыла узкоглазые из Китая,
Тесно стало от их обилия на земле.
Шах Рума в центре, словно грозный лев,
Словно движущаяся гора хутальский конь под ним.
С другой стороны аланы и русские буртасы
Бушевали, как непокорные кони.
Грохот барабанов слился с колоколами,
Словно труба Воскресения, дули во флейты.
От расчесывания литавр, раскалывающих гранит,
Перья повысыпались у Симурга на горе Каф.
От рева рогов и больших труб
Вопли ужаса вырывались у медной литавры.
Войско с двух сторон вступило в дело,

Кому, мол, счастье окажет помощь,
Тот самый лицом Ахриман, зловещий,
Вышел, как боевой слон на бой.
Опять он нескольких человек лишил щита¹,
Никто не мог с ним сражаться.
Одетый в кольчугу из середины шахского войска
Вышел словно лев на поле битвы.
Из меча он извлекал пламя, словно воду,
От которого темнело в глазах у солнца.
Шах в центре узнал, что этот лев-герой
Тот самый, который ранее выступал в боях.
Заботить начало его дело,
Ибо увидел он, что бой его с драконом.
Жалко ему стало, что такая шея
Будет сломлена таким Ахриманом.
Искусный всадник, быстрый в стременах,
Который без счета совал ранее в огонь палец²,
Словно ангел вокруг того диволика
Гарцевал, как вокруг мира небосвод.
Первая стычка, которую он надумал —
Он полил дождь стрел на того с темным сердцем.
Так как не утратился злодей стрел,
То пускавший их разгневался на свои стрелы.
Вытащил булатный слиток алмазного цвета
И пустил им в самого крокодила.
Если бы этот слиток попал в коня,
То совсем с другой стороны вылетел бы наружу.
От твердости, которая сжимала вместе то тело,
О тот гранит расплюснулся слиток.
Другой слиток пустил он, еще увесистее,
Но и он не подействовал на того достойного смерти.
Третий слиток тоже об него так разбился,
Ведь необожженными кирпичами не преградить путь воде.
Когда понял он, что тот созданный из железа див
Не опасается ни копья, ни стрелы, ни слитка,
Извлек он сжигающего мир крокодила,
Помчался к пышущему дракону.
Ударил его по плечу и сдвинул с места,
Так что этот притеснитель упал.
Снова вскочил он из-под пыли
И упорно сцепился в схватке.
От жгучести [ударов] преградил он путь его счастью,
Тем искривленным железом крепко его зацепил,

Сдернул его с седла, словно грозный лев,
С чела свалился у него шлем.
Весна появилась из-под шлема,
Много прекраснее и нежнее, чем лепестки тюльпана.
Хотел он оторвать голову, но смягчился,
Когда увидел такое лицо, стыдно стало ему.
Увидел он, что две косы свешиваются у него до пола,
Сделал он косы веревкой на ее шее.
Словно индийский грабитель уволок ее из сокровищницы,
От румийцев похитил, русам вручил.
Когда тот ангел стал пленником дива,
От русских дивов поднялся вопль.
Снова тот устремился на охоту,
Ибо сразу же добыл дорогую дичь.
От этого позора шах, разбивающий войско,
Скорчился, словно змея.
Повелел, чтобы черного яростного слона
Разъярили на это поле боя.
Закричал вожак на яростного слона,
Погнал на того Ахримана, словно река Нил.
Много дротиков он метал в того слонконового,
Много горшков с горячей нефтью, жалающих душу,
Но ни нефть не действовала на гору,
Не пролетал дротик через море.
Когда увидел дракон опьяненного слона,
Раскрыл он в изумлении руки.
Понял, что тот испытанный в бою слон
Сдвинет его с места крепким хоботом.
Так крепко схватил его хобот,
Что тюрьмой для него стала земля его.
Взревел и вырвал его хобот,
Упал словно гора высокий слон.
Шах от страха перед этой ужасной игрой,
Устрашился, что погибнет войско.
В этом гневе сказал он мудрецу:
«Счастье скрывает от меня свой лик,
И меня постигли превратности судьбы.
Если же нет, то зачем искал я этого трудного дела?
Когда небесное зло спускается вниз,
Нежные красавцы отвращаются от неги.
Походам шахским недолго длиться,
Ведь ярость у льва бывает раз в год.
Нет у меня покоя от походов,

В этом я и прикончу свою жизнь!»
Утешать его начал мудрец: «О государь,
Будь стойким в этой войне
Наверно, добьешься ты победы,
Ведь есть у тебя и мудрые замыслы, есть и меч.
Если бы средство к избавлению лежало в гранитной скале,
Разумными мерами и мечом оно будет найдено.
Раз помогает тебе высокое счастье,
Сто таких смут ты закуешь в оковы.
Хотя один волосок на теле шаха
Мне дороже, чем сотня войск,
Но в звездах такова тайна,
Что, когда шах выйдет на бой,
По счастью шаха и по мощи судьбы
Падет на землю этот крепкий великан.
Ведь только так дело, что этот облик с крепкой кожей
Обладает неслабыми ногами и не мягким телом,
Но, хотя тело у него и бронзовое, это — один человек,
Можно его сбить с места, хоть он и из железа.
Не годится наносить ему удары мечом,
Ибо железом не разогнать тучи,
Но, может быть, ты захватишь его голову в аркан,
Петлей аркана свяжешь его.
Если нельзя его убить мечом,
Так как у него крепкие ноги и грубая шкура,
Но, когда ты его закуешь в цепь,
Хочешь бей его мечом, хочешь стрелой».
Шах от благой вести звездочета
Вознес благословления богу.
Так как он увидел свою победу от бога,
То занес ногу на хутальского коня,
Которого ему подарил китайский шах,
Родившегося в зеленых конюшнях Китая
Потребовал он аркан и драгоценный меч
И направил поводья прямо на злодея.
Подъехал он к тому диву, грозному, как море,
Словно черная туча, которая надвигается на гору.
Не двинулся с места тот крокодил,
Ибо счастье шаха связало ему когти.
Аркан, связывающий врагов, государь
Пустил словно кольцо судьбы.
Упал он на шею злодею,
Землю поцеловало небо перед шахом.

Когда аркан упал на шею врага,
Поспешил государь, связывающий дивов.
Затянул его петлей аркана
И волоком так и потащил к войску.
Покатился тот сжигающий добычу лев,
Как ягненок газели под когтями барса.
Когда этот дикий онагр в том бою
От нападения и подымания был разбит,
От лагеря победоносного шаха
Вопль поднялся до высокого неба.
Барабаны так гремели на радости,
Что небо пустилось в пляс на земле.
Когда шах увидел, что этот дивоподобный облик
По счастью судьбы попался в руки,
Предал он его судьбе остальных врагов.
Вверг его в темницу ахриманов.
Сердце русов от такой мощи руки,
Которая была у этого повергающего врагов врага,
разбилась.

Шах русов стал словно плавящийся воск.
Возвеселился шах Рума,
Действа музыкантов он наладил,
Двери радости перед миром открыл.
Стал слушать стоны ченга
На ладонь взял воду цвета розы³.
Поминал он победоносность счастья,
Вкусное вино радости пил.
Когда ночь на бирюзовый замок закрыла сокровищницу
И камфорные весы стали взвешивать мускус⁴,
Все пил благоухающее мускусом вино шах,
Те же лады соблюдал музыкант
То он пил кубок пронзенных лалов⁵,
А то слушал непронзенные лалы⁶.
Каждый глоток приносил ему вдохновение,
Просителям давал шелка и злата.
Вступил он в длинные беседы,
Стал расспрашивать о всяком событии.
О том бьющем мечом, искусном всаднике
Завел речь с собранием государь:
«Сегодня этот неверный соперник,
Не знаю, пролил его кровь, или полонил.
Если остался он в оковах тех разбойников,
Вызволим мы его ударами копья.

Если же ушел он, не оставим ушедшего,
Лучше нам выпить в память о нем вина!»
Когда разогрелся его мозг от питья вина,
Смягчилось его сердце к узникам.
Повелел он, чтобы тот узник бессловесный
Пришел на веселье правителя.
По велению шаха тот плененный оковами
На место пира пришел словно высокая гора
Все тело его было разбито от силы шаха,
Вялым он был на том пиру.
Жалобно застонал он от боли.
И не было у него иного заступника, кроме бессловесности его.
Когда застонал жалобно бессловесный человек,
Простило ему сердце государя.
С того испытавшего силу сильного тела
Повелел снять оковы.
Освободил его тот благородный шах,
А благородному никто не причинит вреда.
Посадил его ласково и дал ему пищи,
Обласкал его совершенно.
Некоторое количество вина соединил с его природой,
Через вино выявилась его природа.
Когда овладело опьянение тем смятенным,
Свалился он, словно тень, к подножию престола.
Хоть от упрямства он и не ладил ни с кем,
Но обласкавшего его признавал.
Выбежал он оттуда в смятении
И так стало, что никто и пыли его не видел.
Поразился государь этому
И стал расспрашивать вождей:
«Этот узник, раз он развеселился от вина,
Почему удалился от нас, когда освободился?»
Вельможи царские от этих расспросов
Об этом деле повели беседу.
Один сказал: «Это — степные чудовища,
Как сняли с него оковы, он и пустился в степь».
Другой сказал: «Когда подействовало на него вино,
Он направился к себе домой».
Шах о всем, что происходило, из явного и тайного,
Речи слушал, но сам ни слова не говорил.
Все думал о том, что эта завеса цвета индиго⁷,
Какую ночную игру покажет из-за покрова.
Когда прошло некоторое время, пришел тот яростный слон,

Держа за талию прекрасную невесту.
Ласково положил ее перед государем,
В знак преклонения поцеловал землю.
А когда принес с пути такую добычу,
Снова вышел с пира.
Изумился государь, когда увидел такое дело,
Не на змея, на зменный камень глядел⁸.
Стыдясь шаха та нежная куколка,
Словно кукла прикрыла голову рукавом.
Когда шах увидел в шатре ту луну,
Освободил он шатер от людей.
Протянул руку к той кочевой тюрчанке,
Складки покрыва снял с ее лица.
Когда взглянул, беду увидел, какой и не придумаешь,
Не беду, а сияющее солнце.
Периподобную, кокетливую и опьяненную,
Словно пери, попавшую ему в руки ночью.
Райскую ликом, которую терзал ад,
Нашедшую переход от Малика⁹ к Ризвану
Словно кипарис, украшенную свежестью,
Красная роза просила ее об одолжении.
Каждой стрелой взоров, которую она пускала,
Она делала своей добычей небожителей.
Уста! и что за уста! смута базаров!
На них сахар и сахарный песок харварами.
Жасминов изобилие в объятиях ее,
Ее уши — изобилие роз.
Когда государь взглянул на ее лицо, подобное луне,
Целое капище перед ним предстало.
Он увидел, что добыча — рабыня с сахарной усмешкой
И себя вследствие ее освобождения он нашел рабом.
Рабыня, у которой сам хозяин — ее гулам,
Смотри, какие сердца попадают в ее силки.
Узнал, что та тюрчанка из китайских замков
Была дана ему на память китайским хаканом.
От подвигов, которые он от нее видел
И одобрил на поле битвы,
Он пришел в изумление, что она вышла из-за его завесы,
А еще удивительнее то, как она снова попала ему в руки.
Спросил он: «Расскажи же о себе,
Сердце мое этим рассказом утешь!»
Прекрасная пленительная служанка,
Покоряясь, склонилась перед шахом.

Помолилась за венценосца мира:
«Венец твой да не скроется из мира!
Ты — тот покоритель мира, завоеватель стран,
Которого бог сотворил из правосудия и веры.
Величие твое очевиднее дня,
Сердце твое — ласковее счастья.
Дню надежды от тебя наступление,
Свет от тебя — блистающему солнцу
Из других падишахов, разбивающих войска,
Один — венценосец, другой — меченосец.
Ты же — что солнце в эти дни,
Которое берет и меч, носит и венец.
Когда ты на пиру, ты — государь мира,
Когда пробуешь силы в бою, — ты богатырь мира.
Такая земная, как я, не смеет
Вести речь с живой водой.
У кого хватит смелости испустить здесь нежный стон,
Ибо, если хватит смелости, он растает от стыда.
Тот черепок, который у меня есть, не стоит нанизывать¹⁰,
А если скажешь — говори, нужно сказать лишь немного.
Я та с проколотым ухом, которую китайский хакан
Из непроколотых¹¹ выбрал.
Послал он меня ко двору шаха и сказал:
«Есть жемчужины, сокрытые в этом ларце...»
Должно быть, не понравились те слова шаху,
Что гневно он на меня взглянул.
Меня заставил смолкнуть за завесой,
Сразу же забыл вспомнить обо мне.
Мне от удаления от шаха взгрустнулось
И от тоски пошла я на бой.
Показала я в первой схватке
По счастью шаха те быстрые уловки.
В другой раз, когда я прикрикнула на гнедого,
Я целое войско русов разбила.
На третий день, так как судьба не помогла,
Повала я в плен врагу во время боя.
Не враг это, крокодил, устремившийся на бой,
Из гнева, божьего созданный облик.
Не убил меня этот жестокий крокодил,
А так стащил меня в лагерь.
Вручил меня несправедливым русам,
Что храните взаперти это сокровище.
Снова полетел он на бой,

Наладил сражение для свергания слонов.
Когда счастье слонотелого царя царей
Словно слона повергло его в том сборище,
От победы шаха на поле битвы
Голова моя до небес поднялась от мощи шаха.
Когда увидела я, что синок твой хватает хищников,
Твой аркан беду влечет за собой,
Я все же не освободилась от некоторого огорчения,
Так как увидела, что дракон еще не убит.
Но, с другой стороны, победу ощутила я в сердце,
Что такой див попал в оковы.
У всех русов сердце наполнилось болью,
Их красные розы стали желтой мальвой.
Когда злой дух ночи наладил свой злой обычай,
Начал преграждать путь людям,
Связав по рукам и ногам, словно дива,
Меня поместили в одном доме,
Ко мне стражем был приставлен воин,
Несговорчивый и неприятный речами.
Когда прошло полночи или менее
До моего слуха долетели крики из степи.
Налетела туча мрачного цвета
Дождем поскакали камни на тех камнелобых.
Сторожа, которые сторожили ночью,
От страха все покинули свои места.
Я видела только, что он отрывает головы от тел,
Отрывал и бросал в других.
От обилия голов, которые он оторвал,
Целая гора тех голов была навалена.
Ворвался он, словно курицу, меня с места схватил,
Снял у меня все узы с рук и ног,
Посадил меня к подножию шахского престола,
От пучин рыбы доставил к луне.
В темнице я была до сих пор, словно сокровище,
Но теперь в радости живу.
Женщине лучше, чтобы ноги ее носили украшения,
Не женщиной считай ту, место которой темница.
Так кажется моему нашедшему свои желания сердцу,
Что вижу я эти желания сердца во сне».
Периликая, когда рассказала о себе,
От радости лицо шаха расцвело, как роза.
Поцеловал он ее в сладостное колечко¹²,
Сказал ей слова на ухо, [тонкие], как кольцо в ухе:

«О свежий лепесток розы, не выдавший пыли,
Божьей печатью отмеченная в бою!
Умножилось мое влечение в любви к тебе,
Ибо ты — украшение пира и прекрасна в бою.
На поле схватки увидел я тебя отнимающей жизнь,
Сильной рукой и скорой поводьями увидел тебя.
Но и в месте услады вижу я тебя дивной,
Соперницы ты не имеешь в этих двух делах.
Я — тебе пара, вставай и принимайся за музыку,
Освежи мое сердце звуками пения!»
Периликая взяла ченг из тополя.
Заиграла она напев из дивных ладов,
К нему удивительно пехлевийскую песню:
«О шах, государь, властелин мира,
Разумный нравом, помощник разуму!
Твоя юная голова да будет далеко от уроков!
Твое светлое сердце да будет источником света!
Так будешь ты счастлив и удачлив в решениях,
Могуч и мудр, завоеватель стран!
Душа твоя опоясалась на отдых,
Оболочка тела твоего далеко от прегрешений.
Куда бы ни обратил ты лик, в доброе ли место или злое,
Бог да будет твоим прибежищем, помощником разума.
Да будет так, чтобы звезда шла по твоему желанию,
Все царство мира покорилось твоему имени!»
Затем начала она о своей тайне,
Излила свое горение в своей музыке:
«Сладостное дерево взросло в саду,
Распустилось, как яркий светоч.
Роза была в саду, не распустившаяся,
И нарцисе на лугу, полусонный.
Вино рубиновое в чаше не тронута было,
Непроколотая жемчужина, которой рука не касалась.
[Все это] в надежде на то, что приедет царь с охоты,
Захочет насладиться розой после охоты,
Красную розу сорвет белой весной,
То на тюльпан взглянет, то на мускусную иву.
Разве нет у шаха времени на сад,
Что не взглянет он на яркий светоч?
Если же нет, то столь веселые цветы
Зачем ионапрасну осыплются на землю?
Опасаясь я осеннего ветра,
Просыплет он такие цветы в прах».

Шахиншах, когда услышал голос похитительницы сердец,
От сердца испустил стон утративших сердце.
Сладость стонов ее ченга
Дала ему весть о ее розовом лике,
Что лик — таков, красноречие — таково,
Да не будет же тебе запретно такое желание!
Когда сердце шаха вникло в эти тонкие речи,
Оно возжелало тем желанием.
Но снова он счел нужным промедление,
Ибо имел в виду разграбление зложелателей.
Склонил он сердце к тому, чтобы попросить у виночерпия

вино,

А припас на дорогу отложил на стоянку.
Золотой кубок вином наполнил,
Выпил за лицо той рожденной от перн.
А затем еще кубок сладостного яхонта
Той сладкоустой дал и молвил: «Пей!»
Взяла луна, поцеловала, к устам поднесла,
С поцелуем взяла кубок, с поцелуем и отдала.
Шахиншах одной рукой брал кубок,
Другой же ласкал кудри похитительницы сердец.
То целовал уста чаши,
То покусывал уста покоя сердец,
По тому порядку, который пленяет сердце:
Горькое вино со сладкой закуской — приятно.
Когда пролили они сладкое вино в рот,
Приятному сладостному сну отдались.
В этом месте желаний, при наличии угрозы,
Не занялись они ничем, кроме поцелуев.

61. ПОБЕДА ИСКЕНДЕРА НАД РУСАМИ

Приди, виночерпий, ту окрашенную амбру,
Которую кровью окрасил старый дихкан,
Подай, может быть, как попадет она мне в руки,
Придаст ее цвет и блеск мне цвета и свежести!

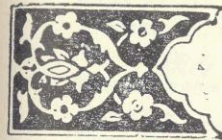
* * *

Когда войско рассвета подняло знамя,
Мир слово ночи перечеркнул,
Мозг земли от жара солнца
Проснувшись, к воспалению страсти устремился,
Утренняя птица подняла крик,
Как страдающий воспалением мозга от света солнца
и припадочный от дива,

Шах голову от сна поднял смятенно,
Но чистое сердце освободил от опасений,
Пришел в место поклонения, совершил молитву,
Испытал язык славословием.
От помощника своего в этом деле
То сил просил, то помощи.
Когда он некоторое время лежал на земле,
Он опоясался и заложил полы за кольчугу.
Поставили трон на спину слона,
Извлекли мечи на две мили вокруг.
Войско по порядку предшествующих дней
Выстроил полководец, озаряющий мир.
На этой широкой степи, грозный как море,
Замок образовался из воли войска, словно гора.
Слева и справа вокруг того замка
Булатом преградили путь пыли.
С другой стороны горделивый рус
Выстроил войско по обычаю и порядку.
Русские бубенцы залились,
Мозг от жара гнева кипел.
От отражения концов мечей и блеска коней
Голова сбивалась с пути, рука [теряла] поводья.
Звон лука отдавался в мозгу горы,
Со свистом летели стрелы над всеми отрядами.
От пробивающей булат, ломающей шею булавы
Высыпались мозги через рот.
От несправедливости палицы опрокидывателей слонов
Небосвод одежды свои бросил в кувшин с индиго¹.
Свист клинков, похожих на крылья мураша,
Лишал силы крылья орлов.
Концы копий из перевернутой чашечки²
Проливали на знамена чаши крови.
Копыта ветроногих от крови как яхонт,
До потника промокли седла в крови.

Конья в щитах зажимали звезды,
Щит к щиту соединили словно навес.
Так много железных слитков несло гибель,
Что каждая глыба земли становилась катафалком.
Снесение голов пронзающим шею мечом
Создало заросли тюльпанов из потоков крови.
Словно игла прошивало копье грудь,
Научившись работе ножниц от двузальной стрелы,
Из каждой руки спешащий кинжал,
Словно змей, поднял голову от сна.
Так много убитых вокруг их пути,
Что поле боя стало похоже на базар последнего сборища⁴.
Русы, повсюду вступая в бой,
Среди румийцев творили Страшный суд.
Смешались войско румийское и русское —
Румяна и белила, словно лицо невесты.
Искендер в том бою, словно опьяненный слон,
С богатырским дротиком в руках.
Как бывает слон облачен в булат,
Как ревет свирепый лев.
На того слона и льва походил шах,
Который льву и слону преграждал путь.
С каким бы меченосцем он ни сталкивался,
Голову его сносил с тела мечом.
Его черный, как у Аббасидов, зонт
Пускал камень на чашу буртасов.
Силой руки и ударом стремени
Направо и налево сбрасывал он головы без счета.
Держался он, держалось и войско его,
Когда, мол, взойдет его звезда из-за горы.
Астролябия мудреца [направлена] в солнце,
Рассчитывал он гороскоп, спеша как луна.
Когда гороскоп поднялся на победу,
Мир сделал меч шаха ключом.
Сказал он шаху: «Бей, у тебя есть поддержка.
В этом бою стойкость за тобой!»
Всколыхнулся государь, как река Нил.
Сбросил голову врага к ногам слона,
Натиск повел на русов,
Словно грозный змей с отверстой пастью.
Победа шаха взяла верх,
Поражение постигло руса Кинтала.
Когда разбил их, разбивая в куски,

Одним натиском сбил их с места.
Бегство охватило зложелателя,
Мир дал шаху господство над миром.
Шах слоноподобный петлей аркана
Захватил в узы Кинтала.
От руса много крови и пота пролили,
Хватали и убивали и вешали.
Столь многим русам снесли головы,
Что бакан изменил свою окраску⁴.
Из героев буртасских и русских стран
Было взято в плен десять тысяч меченосцев.
Остальные были убиты мечами и стрелами,
Убийство неизбежно во время смут.
Небольшое число спаслось без всех пожитков,
Обратившись в бегство, вернулось на Русь.
Но столько добычи досталось государю,
Чтобы мера ее могла выявиться.
Серебром и золотом, соболем, лалом и жемчугом,
Верблюду за верблюдом наполнялись дома.
Когда одолел шах врагов,
От радости стало его дело, как картина.
Спустился он с коня хутальской рыси,
Ибо видел, что завершено то, что было его целью.
Благодаря бога, припал лицом к земле,
Ибо победа была от бога, а он был прахом.
Когда благословил он своего творца,
Роздал он сокровища нищим.
Увидел он, что опустело в мире место врага,
И принял решение отдыхать и веселиться.

62. ОСВОБОЖДЕНИЕ НУШАБЕ

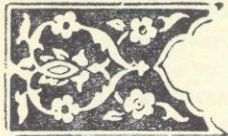
Приди, виночерпий, ту чашу, рассыпающую жемчуга,
Соедини с субстанцией моего состава,
Может быть, моя иссохшая душа от этого увлажнится,
Ибо ржавчина на стали сталью счищается.

* * *

Когда освобождился Искендер сын Филикуса
От разграбления буртасов и потока русов,

Творцу мира полнейшую хвалу
Воздал он и тогда потребовал чашу.
От прекрасной музыки и вкусного вина
Обуяла его щедрость, как весеннюю тучу.
Вождем войска, которые потрудились,
Дал он харварами парчи и сокровищ.
Обогатил он их рассыпанием золота,
Тем, что каждый миг давал новый халат.
Не осталось в войске носящего бархат плеча,
На котором не было бы парчевого убранства.
Потребовал он бессловесного человека,
Степняка, порвавшего узы.
Вошел степняк, блуждающий по горам,
Как и другие, в ноги поклонился шаху.
Царь смотрел на то животное с головы до пят,
Поучаясь, и качал головой.
Из украшений и самоцветов и золота и серебра
Дал этому животному много даров.
Не принял тот—сокровищница и убранство, мол,
Не нужны степнякам.
Голову овцы бросил он перед шахом,
Показал ему, что нужны ему овцы.
Шах из племенных овец
И из тех, которые идут на мясо,
Повелел дать ему без счета,
Взял дикарь и поблагодарил.
Погнал он стадо свыше меры
И, довольный, пошел домой.
На том приятном освежающем сердце лугу
Понравилось шаху, ибо приятное это было место.
Пил он чистое вино под звуки музыки,
И небосвод каждый миг благословлял его.
Когда опьянел он от вкусного вина
И на розе от розоцветной воды появилась испарина,
Позвал он к себе шаха русов,
На подобающем месте его усадил.
Велел снять с ног и рук его,
Велел накинуть на плечи его золототканый халат².
Вдел в ухо серьгу на покорность себе,
Прошлую вражду позабыл.
Других пленников от насилия и оков,
[Освободив], украсил холстом и обласкал.
Повелел, чтобы привели Нушабе,

В одиночку не хотел поедать такое жаркое³,
По приказу шаха поспешил рус
И привел луну к солнцу,
Этих самых испытанных беды куколок,
Это украшение и прекрасное золото.
Украсил он Нушабе, словно весну,
Одеждами, расшитыми жемчугом.
Много сокровищ ей дал из русской добычи,
Снова изукрасил ее, словно невесту.
Несколько ночей пил он с ней в удовольствии,
А когда черед наслаждения завершился,
Дал он ее руку мелику Дувалу,
Ремень Дувала вокруг нее узлом завязал.
Когда дал он им жемчужное украшение,
Заключил он между ними брачный договор.
Послал их в Бардаа без ущерба,
Чтобы высоко возвели они его строения.
Для построек в том разрушенном дворце
Много богатств им дал, кроме дорожных припасов.
Когда дела их, как должно, привел в порядок,
Военачальников, одного за другим, обласкал.
Шаха русов тоже с ожерельем и венцом
Отпустил и наложил на него дань.
Когда рус пришел в свой город,
Он снова возрадовался венцу и престолу.
После этого он уже не уклонялся от закона его,
И ежегодно пил, поминая его.
День и ночь государь на том лугу
То веселился, а то охотился.
Под стройным кипарисом, ивой и тополем
Пил рубиновое вино под звуки ченга.
Когда радостным увидел сердце, возликовал,
Тому ликованию радовался.
Юность и царство и великое счастье,
Почему бы не радоваться разумному сердцу.

63. ИСКЕНДЕР ВЕСЕЛИТСЯ С КИТАЙСКОЙ РАБЫНЕЙ

Приди, виночерпий, той воды, которая полна огненных
мыслей,

Налей в этот черепок цвета соломы,
Вкусной воды, которой из этого темного праха
Можно начисто смыть все печали.

* * *

Ясна ночь, светлее, чем день,
Луна светит ярче солнца.
От зеленого цвета сверкающего купола
Изумрудной стала доска детей праха.
Звезды на этой красивой доске серебром
Написали много слов о надежде и страхе.
Писец, который познал эти слова,
В этой пещере, полной духов, не поселился.
Какая польза мучиться мирскими делами,
Ведь все равно никакими усилиями не прибавишь и дня
[жизни].

Не стоит мир [скорби]. Клонись к веселью,
Ведь не для скорби же выстроили этот дворец.
Мир — ради радости и счастья,
Не ради притеснения и нужды,
За это трудное место не надо цепляться,
Уйдем из этой бездонной ямы.
Неси вино радости! Радостно поставим его,
То, что с радостью подано, [другим] радостно дадим.
Раз «вчера» ушло, а «завтра» еще не явилось,
Надо в радости провести хоть сегодняшней вечер.
Лучше нам повеселиться сегодня вечером,
А когда «завтра» придет, займемся завтрашними делами.
Нельзя насильно скорбеть о том, что еще не случилось,
Посреди пира нельзя идти в могилу.
Кроме веселья, ни о чем другом за вином не помышляй,
Ведь базар каждого ремесла очевиден.
Зачем причинять себе же насиллие,

Из года в год понуждать себя к скорби,
Что нам биться в этом запутанном мире,
Ведь барыш от него — ничто и капитал его — ничто.
Бежим из этой стоянки, которую нужно пройти,
Ранее, чем попадем под ноги слону.
Проедим то, что другие должны после нас проесть,
Унесем то, что от нас хотят отнять,
Если хочешь выигрasha, такое добро бери,
Которое унесли ранее тебя другие.
Если боишься грабителя и сборщика податей,
Которые грабят все, что увидят на дороге,
То дай сначала нищему все, что имеешь,
Ибо лачугу нищего никто не обыскивает.
Разве ты не видишь, что плательщики десятины
Крадут подати во дворе нищего?
Сколь хитер был тот измеряющий основы человек,
Который развалину сделал оградой для сокровища.
Раз вся история мира — лишь один день,
То зачем же ты прячешь клад столетней давности?
Давай, сядем, повеселимся,
Хоть одну ночь повеселимся по кей-кубадски.
Хоть сегодня вечером воздадим должное счастью,
Не будем вспоминать о «завтра» и «вчера»!
Не будем бояться их! Это бесполезно!
От этого дела мысль безрадостна.
О том, что для человека достижимо,
Постараемся, чтобы весело прошел миг!
Этим способом возвеселим свое сердце,
Но не настолько, чтобы тело стало подковой в огне!
Хотя бы миг, который есть часть капитала жизни,
Отдать горечи — неразумно.
Так дыши в этот миг, чтобы воздать должное [радости],
Ибо попусту ты его проведешь, если впустую вздохнешь!
Жертвуй деньгами, но готовь веселье,
Ибо купить сердце за ничто — это дешево!
Из-за денег не будь резок и хмур,
Надо, чтобы ты сам был, а денег пускай не будет!
За мир цепко не хватайся,
Все, кто цепко хватаются, трудно умирают.
Отсчитывай свои мгновения, легко проводи их,
Ибо легко живет человек, легко относящийся к жизни,
Ночь благодатна, час прекрасен!
Радость в такой час прекрасна!

Так золотых дел мастер украшает
 Слово искендеровским яхонтом,
 Что Искендер ту ночь с величайшей любовью
 Наполнял кубок за уста друга.
 Давал он сладким устам ту чашу,
 Уста его становились кольцом в ухе чаши.
 Сидел он наподобие юного кипариса,
 Который то сыплет тюльпаны, а то аргаван.
 От амбрового пушка, появившегося на розе,
 На ту розу мир лил розовую воду.
 И от победы над врагом его сердце было радостно,
 И от его подруги дом был полной чашей.
 Позвал он чарующую сердце подругу,
 Периликую с нежным телом.
 От посторонних шатер очистил,
 Было только пение и певцы в шатре.
 Кумира чело и косы украсил,
 Желанного с сотней молений просил.
 Уста ее более привлекательны, чем гранаты,
 Язык сыпал больше сахара, чем карамель.
 Рот и глаза соразмерно узки,
 Один грабил сердце, другой ченг².
 Мешочек для косы и косы, расточающие амбру,
 Словно канат волочились у подола.
 Украшающая собрание и пир,
 Играющая на ченге — в руках у шаха.
 По велению шаха наладила она ченг,
 Крышку ларца с жемчугами с уст сняла:
 «От радости сегодня ночью в мире обновление»,
 Вся радость от государева счастья!
 Во время цветения роз сладостные дни,
 Смеется мир, когда засмеется весна.
 Когда светлое солнце поднимается к зениту,
 Из светлого мира вздымается свет волнами.
 Ветерок, когда займется изготовлением парчи,
 Земля парчу румийскую несет, воздух — шуштерскую.
 Красная роза когда украсит сад,
 Засверкают из каждого бутона сотни светочей.
 Когда Искендер одержит победу,
 Некрасиво держать зеркало под ржавчиной.
 Когда Кей-Хосров берет чашу вина,

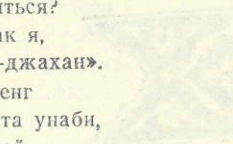
Зачем держать пустую чашу у престола!
 Если царь — выше Джамшида,
 То мое лицо — прекраснее солнца.
 Если шах-Феридун в златых сапожках,
 То я — то Кавеево знамя³, которое ему дарует победу.
 Шах если Кей-Кубад с высоким венцом,
 То у меня венец из мускуса и амбры.
 Шах если Кавус с бирюзовым венцом,
 То у меня он должен попросить трон слоновой кости.
 Шах если словно Сулейман связывает дивов,
 Но у меня много в мире одержимых бесами⁴.
 Шах если завоевал мир, о диво!
 Я завоевала того, что завоевал мир.
 Хотя захватывающий мир аркан шаха
 Упал на шею солнцу и луне,
 Я для него изготовлю аркан из кос
 И бесстрашно наброшу ему на шею.
 Если у него есть аркан, ловящий луну,
 То у меня аркан ловит шахов.
 Если он стрелы пускает мощью руки.
 То у меня есть взоры, заменяющие стрелы.
 Если у него есть дротик для проливания крови,
 То и я умею вызывать кровь на лице.
 Если он собирается поиграть мечом,
 То и мой язык играет мечом.
 Если он золотую булаву кладет на плечо,
 То две булавы — мои два локона возле ушей.
 Если у него одно ожерелье на коне,
 То взгляни на меня, у меня десять ожерельев — двойной подбородок.
 Если у него ларцы лалов и жемчугов,
 То у меня есть ларец полный лалов.
 Если у него яхонты из россыпей,
 То у меня губы — словно яхонт лучшей воды.
 Если он знает звезды на небе,
 За мной следят звезды на небе.
 Если у него знамя над головой,
 У меня сто знамен за дверью⁵.
 Если он — шах мира по господству,
 То я — шах красавиц по прелести.
 Когда я сброшу покрывало с лица,
 То я весь мир возьму за один волосок свой.
 Когда на луну наброшу амбровую косу,

Косой я луну стащу на землю.
Когда карамель я возьму в яхонт,
Из фисташки лучшее вино добуду⁶.
Мое вино заставит плясать воду,
Яхонт мой даже сон отгонит.
Если ты хочешь ожерелье от луны,
Смотри на мой двойной подбородок.
Если нужно тебе соли от сахара, вот тебе губы мои!
У этого сахара, который так сладко смеется,
Смотри — двери поцелуев из самаркандского дерева⁷.
Если философский камень превращает в золото,
То мое ароматное дыхание из праха делает амбру.
То, что делает йеменский Сухейль с сафьяном⁸,
То же делает мой аромат с ветерком.
Одним глазом я сжигаю раненое сердце,
Другим глазом отнимаю жизнь.
С одной стороны ловлю добычу и ласкаю ее,
С другой бросаю ее в реку⁹.
Обольщаю я лекарством, а жгу болезнью,
Я делаю это и кроме меня никто этого не делал.
Еси христианский монах увидит меня издали,
Склонится он предо мной до земли, как эрбад перед огнем.
Если отшельник из гранитного камня,
Заставляю я его плясать одним звуком ченга.
Я занимаюсь серебряным ченгом, ибо серебристо мое тело,
Но замок сокровищницы я не ломаю.
К калитке моего сада, которая скрыта,
Кроме садовника, никто не знает ключа.
Хоть и много у меня влажных фиников,
Но кроме сухих шипов никто у меня ничего не получит.
Я розовая вода, но от меня похмелье,
Тому, кто соли моей просит, скорбь я даю,
Должно быть, ночь видела тюрка моего лица,
Что, словно моя родинка, она стала моим индийским рабом.
Должно быть, молодой месяц, когда принимает вид
полумесяца,
В надежде на меня опустошает свой дом.
Когда мой локон начинает играть,
Он завлекает в шлок ногу горной куропатки.
Если краешек моего уха skinет покров,
Изо рта красной розы потекут слюны.
Когда я прикрываю локоном ямку на подбородке,
Я набрасываю аркан на подвешенную в воздухе воду.

Когда выявляю я нежность тела,
Я разбиваю голову ядру миндаля.
Когда открываю свою нежную руку,
Заставляю свернуться от стыда лепестки жасмина.
Сахар подражает моей сладости,
Жемчуг вдевает кольцо в ухо перед моим ухом.
Рот мой бился о заклад с Муштари
И выиграл, ибо кольцо теперь у него¹⁰.
Если я сыграю «в двойняшки» с красной розой, на здоровье,
Пусть я запомню, а она забудет¹¹.
Одна из чар моего глаза попала в Вавилон,
Оттуда-то и возникло все вавилонское колдовство.
Из кудрей моих один локон попал в Китай,
От него мускусной стала железа газели в степи.
Когда я сверну в кольцо локон вокруг уха,
Иди и увидишь, что сердце утратит рассудок!
Если я шаловливо взгляну опьяненным глазом,
Сто отбившихся от рук верну себе обратно.
Сердцу, которое я направляю в путь,
Покажу ямку на подбородке, и упадет оно в яму.
Одним волоском я влюбленному даю ожерелье и венец,
Ароматом беру дань с Халлуха.
На владычестве над Китаем кладу я отпечаток кольца на воск,
Заставляю играть царственную музыку на разграбление
Рума.

Я любимица китайцев благодаря родинке,
Я светило сердца румийцев по доброму предзнаменованию.
Карамель даю я, когда темен мой взор,
Табархун раскалываю, когда бросаю шаловливый взор¹².
Губы мои придадут окраску лалу,
Мысль моя играет с солнцем.
Маг серебряного монастыря зовет меня кумиром,
Знает, что я кумир из Иремского сада.
Когда поднимаются гранаты моих грудей,
В цветнике сердца осыпается цвет граната¹³.
От моих гранатов, которые словно новогодний апельсин¹⁴,
Кому счастье, а кому — надел.
Я благодатное древо — полюби меня,
Сорви мой цветок, хоть он еще и не распустился!
Я и красная вода и юная голова шаха —
Скажи миру: погрузись в черную пучину!
Собираюсь я совершить подвиг,
Когда свой ченг положу на колени,

То буду целовать его опьяненные очи,
А то давать ему в руки свои кудри.
С тем условием сделаю я свою душу его местом,
Что никогда не отниму головы от его ног.
Так усну от любви к тому солнцу,
Что подниму голову от сна только в день Воскресения.
Если есть вода, скажи, пусть она дает жизнь,
А если тень есть, пусть дает юность.
Свидание со мной жизнь делает долгой,
Юность я даю, когда становлюсь нежной.
Искендер за живой водой напрасно идет,
Я здесь! куда же идет Искендер?
Если нужен ему путь в страну мрака,
То локоп мой ему покажет дорогу,
А если поищет он цвета моего яхонта,
Добудет он живой воды.
Мои губы, в которых сверкающий яхонт,
Много там источников, подобных живой воде.
Повелитель мира! Долго ль упрямитесь,
Не упорствуй перед этой живой водой.
Я перилика и, словно пери, в шелку,
Если ты привязался сердцем, не закрывай двери перед пери!
Мне с тобой дверь да будет, а закрывания да не будет!
Извивы [локонов] да будут, а разрыва да не будет!
Довольно превращать сердце в твердый камень,
Не общаться с теми, у кого нежное сердце!
Не будь жесток, верь влечение мое — к тебе.
Я твой тюрок, более, индийский раб твой,
При всей небесности я земля твоя,
Я из Китая, но я удалю твои печали¹⁵.
Розая моя не в тени возвращена,
Ибо тень солнцу не подобает.
Довольно быть такому плоду, как я, в тени дома,
Ибо не вкусен возвращенный в доме плод.
Считай, что я — тот благовонный цветок,
Ведь дому не обойтись без цветка.
Пусти сокола на эту куропатку
Берегись орлов, охотящихся на дичь¹⁶.
Финик, который созрел на дереве,
Станет вялым, если крепко не сожмешь его.
Не найдешь ты утешительницы, лучше меня,
Да не утешительницы, а рассыпательницы сахара!
Сколько сердец облилось кровью от тоски ко мне,

Сколько крови у меня на шее!
Много раз я состязалась с сахаром,
Но у меня больше покупателей, чем у него!
Голосом и лицом я прекрасна и чарую сердце,
И тем хороша и другим хороша, сплошь хороша.
Если я стану виночерпием, вино не будет запретно,
Если я заведу музыку, сладость польется из кубка.
Когда я запою прекрасные напевы,
Опьяню я и поведу опьяненных куда захочу.
Издали я так пленяю сердца,
А в объятиях я утешаю душу.
Когда я напротив, я ласкаю взор.
Когда обнимут меня, я увлекуа сердце.
Я и стоны ченга и сладкое вино,
Как могут утерпеть влюбленные, как!
Если такой государь, как ты — мой друг,
Что же мне делать, как не веселиться?
Никто в мире не счастлив так, как я,
Потому-то зовут меня Нист-ндар-джахан».
Когда чарующая ченгистка под ченг
Такою речь повела из сахара цвета унаби,
Шах от любви к той нежносладкой
Кинулся как смелый сокол на смелую куропатку.
Истомился весенний фазан,
Вышел из колыбели золотой апельсин.
Шатер был пуст, а влюбленная опьянена,
Сразу же поводья сердца выпали из рук.
Ночь, уединение и такая луноликая,
Можно ли от нее отвернуться?
Юного оленя опрокинул лев,
Смело пошел на разграбление его.
На охоту за птицами вылетел орел,
В гости к луне пошло солнце.
Некоторое время он кусал ее губы, словно сахар,
Некоторое время вкушал, словно сахарную тростинку.
Обнял он ту жасминогрудую,
Снял печать с дверей сокровищницы.
Увидел никем не питое вино, искрящееся, вкусное,
Запертый сад, полный яблок и гранатов,
Яхонт не тронутый, запечатанный своей печатью.
Кольцо, еще не пораненное алмазом,
Несорванную розу с оципанными щипами,
Не выдавшую мужа, кроме садовника.

От этого жара и умножения пламени
У кипящего кровь стремилась вылиться наружу.
Из сладких уст рассыпали сахар,
Как молоко и сахар смешались вместе.
Сошлись вместе два высоких кипариса,
Сахар попал в миндаль и миндальное молоко.
Две ноги обе словно лам-элиф изогнулись
Две буквы одного рода вместе слились.
Когда непронизанную жемчужину лал пронзил,
И жемчужина отдохнула и лал уснул.
Искендер у этого источника жизни
Много веселился и был счастлив.
Так несколько ночей он вручал сердце радости
И с этой стоянки не выезжал.

64. ПРЕДАНИЕ О ЖИВОЙ ВОДЕ

Приди, виночерпий, тот кубок сверкающего вина
В ладонь возьми при звуках пения и флейты,
Вино, которое по мнению виноиийц
Разрешает все трудности беспомощным.

* * *

Когда крик петуха раздался с поста
И бубенец себе к горлу привязал царский страж,
Ремень барабанщика вскипел,
Птицы подняли крик,
Поклоняясь [богу], люди поднялись,
Завялись поклонением [Богу].
Шах от вчерашнего сна поднял голову
И снова приступил к молитве.
Добром помянул подателя добра,
Своей заботой мир благоустроил.
Когда же он завершил условия поклонения,
Он склонился к вину и собранию.
То он пил вино под звуки музыки,
То благославлял верных своим обетам.

Розоцветным вином, свежим как розовая вода,
Из головы он удалял боль, из мозга жар.
Открыл он двери шуток и веселья для своих друзей,
[Вдали] от смуты и шума посторонних.
Пошла речь обо всем втайне,
Не было никого, кто бы ни рассказал что-либо дивное.
Один повествовал о Хорасане и области Гура,
Что оттуда можно добыть золото и могущество.
Другой поминал Исфаган и Рей,
Что клад Феридуна идет оттуда.
Другой рассказывал о Хорезме и Китае,
Что мускус там такой, а шелк — этакий.
Еще другой сказал: «Кисур лучше, чем эти страны,
Ибо дает он несметное множество камфоры и сандала».
Но другой возражал: «Индия лучше,
Ибо дрова ее — алоэ, а глина — амбра».
На этом собрании был один древний старец,
Когда, под конец, дошел черед до его речи,
Он также раскрыл уста на чудесный рассказ,
Как другие вельможи, поцеловал землю:
«Из всех стран Страна мрака — лучше,
Ибо вода там дает жизнь.
Обилием богатства жизнь свою не измеряй,
Ибо земля полна сокровищ и их владетелей.
А если хочешь найти долгую жизнь,
Направься к источнику жизни».
Собрание повесило головы,
Как же это так? Жизнь во мраке?
Искендер его спросил: «О доблестный муж,
Может быть, значение мрака таково.
Чернота — это буквы, написанные испытанной рукой¹,
А эта вода ее — смысл, умножающий жизнь.
Если же нет, то кто же видал черную землю
И тот родник, который предохраняет от смерти?»
И снова повел речь выдавший мир старец:
«[Нет] это вне таких сокрытых загадок.
Есть завеса над северным полюсом,
Там чистый родник студеной воды.
Имя этому покрову — вечный мрак,
Течет живая вода в той тишине.
Всякий, кто выпьет той живой воды,
Спасет свою жизнь от пожирателей жизни мира.
А если не верится тебе в мои слова,

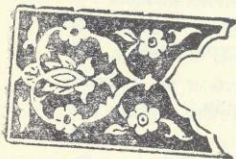
Спроси других престарелых мудрецов». У царя от смятения в этой беседе Явилась мысль расследовать это. Спросил он у него: «А где же эта чернота?» Указывающий показал. «Справа. От нас до той страны путь недалек, Это десятая часть той дороги, что ты прошел». Когда шах увидел, что тот сладостный источник Можно найти во мраке, словно утро, Он ход в палатку велел переставить направлением на мрак. Стал готовить войско в поход. Когда прошел он несколько стоянок и пригляделся, Увидел он, что в войске много больных. Целый движущийся мир был его лагерь, Да еще другой мир — его личная свита. От базара войска на том пути На базар последнего сборища походила дорога. Если бы кто погнался за птичьим молоком, То и его нашли бы в этом лагере. В какую бы пустыню ни заходил государь, Там начинал идти дождь, вырастала трава. Словно нога Хызра была на том пути, Как будто и сам Хызр был с шахом. Озаботило его изобилие войска, В своем движении он решил помедлить. Было несколько пещер вблизи степи, Где располагался лагерь государя. Все, что у них было с собой из тяжелой поклажи, Оставили около тех пещер. От тех людей, которые там поселились, Эти пустынные земли стали обитаемыми. Бун-и гар называли это место хранители степи, По имени этой «глуби пещер» получилось Булгар. Те, кто правят этой областью, Потомки слуг шаха Искендера. Когда шах увидел, что то несметное войско Не знает на том пути стоянок, Выбрал он несколько человек, подобных айярам², Лучников, владеющих луком и умеющих переносить трудности, Смелых, здоровых и крепких костями, Выносливых, мощных и молодых. Повелед он, чтобы ни один большой и старый Не двигался в этот поход,

Ибо древние старцы, ветхие годами, От трудностей пути заболели. Осели старики, а молодежь пошла В долгий путь, без людей, знающих дорогу. Повелитель мира из жителей той страны Потребовал осведомленного и смышленного. Поручил он ему вести войско И шел, проходя по два перехода за раз. Все дорожные припасы, сладкие ли, соленые ли, Он повез на молодых бурых верблюдах. Погнал он о-двуконь войско к Стране мрака, А у тех оставшихся назначил заместителя. В виде увещания сказал ему все, что было нужно, Ибо в таком месте дремать нельзя. Когда прошел он месяц пути к северу, Линия прохождения солнца изменилась. С северного полюса свет показывался, Восход и заход совершались в один миг. Линии широты сдвинулись к горизонтам, А посредничество выпало на северный полюс³. Дошли они до такого места, где от солнца Видели только мысль о нем, да и то во сне. Устремились они к краю земли, На этом зонте установили знамена. Земля у воздуха похищала свет, Завеса мрака господствовала. С одной стороны мрак все покрывал, С другой стороны преграждало путь глубокое море. Вел их сметливый проводник В сторону от окружности высокого небосвода⁴. Когда они понемногу стали удаляться от окружности, С каждым удалением все больше удалялся свет. Так шли, пока приход не привел к месту, Где совершенно свет исчез. Чернота появилась с края дороги, Мир неприятен, когда становится черным, Смутился государь, что же делать? Кто покажет обычаи этого пути? Обсуждали это сведущие в делах, Что эта чернота — скрытый покров. Войти туда можно, как бы там ни было, А вот кто покажет дорогу, чтобы выйти назад? Все устремились к отысканию средств,

Но никто не нашел пути к разрешению трудности.
Когда настала ночь в той полусветлой стране,
Предпочла черный мускус алоэ,
Взбунтовался небосвод словно сидящий на цепи узник,
В зинджа превратился кашмирец.
Стала та дорога тоньше волоска,
Темнее, чем ночная тьма.
Всякий пошел обратно на свою стоянку,
Задумавшись о том, как помочь в этом деле.
Был там один воинственный юноша, благородный муж,
У которого светлое сердце было оскорблено любовью.
Был у него отец девяностолетний старец,
От слабости тела ежеминутно стонавший.
В тот первый день, когда шах повелел,
Чтобы никто из старцев не пускался в путь,
Юноша беспокоился об отце,
Как больной, который стонет по яблоку⁵.
Оберег он этого дряхлого старца,
Как другие красный яхонт.
Скрыл он его в сундуке с припасами
И привез его, как оплату за путь.
В ту ночь, когда от ночной растерянности
Смятение охватило помыслы,
Юноша открыл ту закрытую крышку
И такие речи с ним повел:
«Шах жалеет, что пришел сюда,
От перенесения трудностей готов нарушить обет.
От мрака его сердце охватывает ужас,
Не знает он меры своего пути.
Может он войти туда без проводника,
Но выйти оттуда не знает как».
Юноше древний старец ответил:
«В этом деле есть сокрытая тайна,
Когда наступит время шаху идти,
Чтобы выбраться назад,
Нужна ему здоровая кобыла,
Которая только в первый раз ожеребилась,
Когда родится ветроногий жеребенок,
Пусть ему тут же отрежут голову.
То место, где ему отрезали голову,
Пусть не закрывают, чтобы видела мать.
Этим сердцем матери пусть повергнут в жар.
А затем торопливо оттуда пойдут.

Когда наступит время возвращения из пути,
Пусть кобыла идет впереди войска.
Помчится она к своему милому жеребенку,
Выведет обратно на прежнюю дорогу.
По этой дороге, идя без проводника,
Таким способом можно выйти назад».
Юноша, когда выслушал этот рассказ от отца,
Получил в руки нить клубка выхода.
Поутру, когда мускусная расшитая завеса
Снова сменилась на шелк цвета алоэ,
Царь царей сел с собранием,
И каждый давал совет относительно похода.
Придумывали различные средства,
Все разные меры предлагали,
Но шах ни чьих мер не признавал
И двери выхода ни у кого не показались.
Тогда разумный юноша осторожно
Повел речь о мысли указывающего путь.
Речь, которую от мудрого старца слышал,
Подавая совет, шаху передал.
Когда шах выслушал, понравилось ему,
Показалось сообразным разуму.
Сказал он ему: «О благородный юноша,
Как можно от себя дать такой совет?
Ты не сам накопил такие знания,
Скажи прямо, от кого ты им научился?
Если скажешь, приготовься получить клад,
Если же нет, то от искривления речи пострадаешь».
Юноша ответил: «Если помилуешь меня,
Сниму я покрышку с вьюка, полного стонов.
Когда шах в первые дни повелел,
Чтобы не пускались в путь нездоровые старики,
Был у меня отец древний годами старец,
Много мучений выдавший от неба.
Я от жалости к своему старому отцу
Забыл всякий страх.
Скрыто привез я его с собой,
Неплохо это было, хоть и плохо я его привез.
Рассказ о походе шаха вчера
Я ему, одно за другим, рассказал на ухо.
Его полученнем озарил свое сердце,
Такому средству от него научился».
Шах от совета того указчика тайно

Возрадовался и сказал такую прекрасную мысль:
«Юноша, если он даже и шах смельчаков, когда нужен совет,
Нуждается в стариках.
Тыква, если она и играет с молодыми ветвями
На старых ветках склоняет голову.
Юноше, хотя бы он был несравненен по знаниям,
Все же нужны ему речи старика».
Так говорил царь мира,
Когда тот дикий человек в двери внезапно
Вошел и поднес шаху
Целую охапку черных соболей.
Из них каждый совершеннее бобра,
По качеству один другого лучше.
Когда шах принял у него его приношение,
Он снова скрылся от шаха.
В темноте исчез он,
Изумился шах этому трудному делу.
По мысли того, указавшего свет [старца]
О-двуконь направился во мрак,
Повелел, чтобы кобылу, словно ветер,
Которой настало время жеребиться,
Привели так, как сказал тот старец,
Чтобы рожденный ветром сочетался с прахом.
Когда сделали то, что повелел шах,
Направились в путь к живой воде.

65. ИСКЕНДЕР ИДЕТ В СТРАНУ МРАКА

Приди, виночерпий, этот прах цвета мрака
Обыщи и добудь живой воды,
Этой водой просветли мой взор,
Этой жизнью меня оживи!

* * *

В этом разделе, благодатном от нового до старого,
Поведу я речь по истории дикхана.
Повествующий дикхан так записал,
Что в первую ночь месяца урдубехишта

Искендер двинулся во мрак,
Ибо от темноты наступает спокойствие в помыслах.
Разве ты не видишь, что из этого замка с золотым ключом
В темноте достают самоцветы!
Тому, кто живую воду делает своим местом,
Подобает, если он набросит спереди завесу.
Ведь тот, кто сидит в бассейне для омовения,
Нуждается в завесе цвета индиго.
Когда Искендер устремился во мрак,
Покинув все остальные дела,
Направил он поводья в черноту,
Скрылся, словно месяц, в пасти дракона.
Такой он дал приказ на этом новом пути,
Чтобы Хызр-вестник шел вперед.
Спешащего коня, которого под собой он имел,
Он дал ему, ибо [тот конь] имел силу льва.
С тем, чтобы он на нем совершил пробег,
К водопою проложил бы путь.
Дал ему самоцвет, который в темной яме
При испытании водой начинал светиться.
Сказал ему: «На этом пути впереди и позади
Ты первым будешь, перед тобой никого нет.
Направляй коня во все стороны,
Трезвым мозгом озирайся,
Где заблестит живая вода,
Ибо сверкающий камень не лжет,
Попей, а когда попьешь, под доброй звездой
Укажи мне и от меня получишь великий удел».
По приказу шел шествующий по зелени Хызр,
В качестве разведчика двинулся вперед.
От пути войска отошел в сторону,
Взгляды заботливо во все стороны устремлял.
Хоть и много он искал воду в темноте,
Но уста жаждающего не доставали до воды.
Вдруг сверкающий камень заблестел в его руке,
Взглянул вниз Хызр и нашел то, что искал.
Показался тот источник цвета серебра,
Словно серебро, которое выступает из недр камня.
Не источник! Далек он был этого слова!
Если это был и источник, то источник света!
Какой бывает звезда поутру,
Такой он был, когда еще только брезжит утро.
Какой бывает ночью неущербленная луна,

Такой он был, когда луна еще прибавляется.
Он движется, он не покоился ни на миг,
Словно ртуть в руке старого паралитика.
Не знаю по чистоте его облика,
С чем сравнить его сущность.
Ни от одной субстанции не исходит такого света и блеска,
И огнем его можно было назвать, но и водою.
Когда Хызр ознакомился с источником,
От него просветлели его очи.
Сошел он, поспешно снял платье,
Голову и тело в том роднике начисто вымыл.
Выпил из него столько, сколько было нужно,
И удостоился вечной жизни.
Того белого коня вымыл и напоил,
Чистое вино в чистое серебро влил.²
Сел он на коня, проходящего степь,
И не спускал глаз с того водопоя,
С тем чтобы, когда шах благополучно подъедет,
Скажет он ему: «Вот источник жизни».
Когда взглянул он еще раз на источник, увидел он,
Что тот источник из его глаз скрылся.
Понял Хызр по своей осведомленности,
Что Искендер лишится источника.
От обездоленности его, не от [страха] гнева его
Исчез он, словно источник, из его глаз.
Об этом предании древние румийцы
Иные говорят слова.
Что Ильяс был вместе с Хызром
У того источника, который у них был на пути.
Когда встретились они там,
То сошли с коней у того источника.
Открылы котомки у того родника,
Ибо родниковая вода пищу делает вкусной.
Вместе с хлебом, который был ароматнее мускуса,
Была [у них] сушеная соленая рыба.
Из рук одного из этих двух счастливых спутников
Упала рыба в студеную воду.
Готовившийся [поеть] к бирюзовой воде
Устремился, чтобы достать рыбу.
Когда попалась ему рыба, она живой была,
Для ищущего это было благое предзнаменование.
Понял он, что этот умножающий жизнь источник
Указывает ему путь к живой воде.

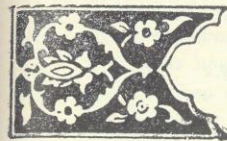
Выпил он живой воды и благодати,
И получил вечное существование в жизни.
Уведомил он об этом и друга своего,
И он тоже выпил воды из этого родника.
Не столь удивительно, что вода, обладающая свойством
живой,

Мертвую рыбу делает живой.
Удивительна эта мертвая рыба,
Которая указала путь к роднику жизни.
О рыбе и той расточающей жемчуга воде
Иначе говорит арабская история.
Вода, мол, жизни была в другом месте,
А маги и румийцы сбились с пути.
Если есть светлая вода в этом темном прахе,
То не страшно потерять водою.
Когда Ильяс и Хызр нашли водопой,
Они от тех жаждущих отвернулись.
От полноты счастья в том приключении
Один пустился к морю, другой ушел в степь.
Из одного источника выросло их зерно,
Но мельница их разделилась на два источника.
Искендер в надежде на живую воду
Стойко переносил трудности и лишения.
Искал он от родника свежести для своей головы,
Ибо более сочная зелень растет у родников.
Сорок дней он гнал коня в поисках источника,
Тени на него не бросил, а сам остался в тени.
Должно быть, жар у него был в стесненном сердце,
Что искал он родника и тени.
От родника не тень получают, а свет,
Хоть и редко можно найти родник вдали от тени.
Если бы родник обязательно сочетался с тенью,
То где же тени у родника солнца?
Если от солнца вкусным становится родник,
То почему же в тени скрылся тот источник?
Да, для источника тень лучше, чем пыль,
Ибо от той он мутится, от этой становится холодным.
Измаялся государь в этом тенистом месте,
Словно тень, почернел для него день.
Надеялся он на то, что выпьет живой воды,
Ибо всякий, кого видишь, печалится о своей жизни.
С того пути, который губил его жизнь,
Потеряв надежду, он в конце концов повернул назад.

Заботило его то, как наладить,
Чтобы только выбраться из этой тени.
На том пути встретился ему божественный вестник,
Свою руку о его руку потер.
«Мир, сказал он, завоевал ты весь полностью,
И все еще не насытился твой мозг пустыми желаниями».
Дал ему камушек меньше чешуйки,
Цени, мол, этот камень высоко.
Постарайся в этом сложенном из камней доме³
Добыть камень равный ему по весу.
Вероятно, от волнения стольких страстей
Утолится твоя жажда равным ему по весу камнем, более
ничем.

Взял у него камень властелин мира
И вручивший ему камень от него скрылся.
Начал он спешить в этом мраке,
Тяжесть на сердце, темнота в глазах.
Таинственный голос из какого-то угла его окликнул:
«Удел каждому назначен!
Искендер искал, но живой воды не видал.
Хызр не искал, но досталась ему живая вода.
Искендер поспешает во мраке,
Хызр находит ясный путь к воде.
Сотни людей разводят огонь для варки халвы,
Но только у одного рот наслаждается этой халвой».
Другой тайный голос сказал: «О люди Рума,
Сверкающий песок — песок этой земли.
Раскается всякий, кто его возьмет с собой.
Но еще более раскается тот, кто оставит его [лежать]».
Того [песка] каждый в свою поклажу наложил,
Сообразно своей судьбе и удаче.
Много чудес видел шах во мраке,
Из которых нельзя пересказать и десятую долю.
Рассказ об Исафила и трубном звуке⁴
Не поведал я, ибо деревня [эта] далека от моего пути.
Раз другой рассказчик открыл эту шахту,
Нельзя другой раз закладывать ее основание.
Когда шах не добился знакомства с родником,
Поспешил он к источнику света.
Войско тоже по велению шаха
Направилось в обратный путь.
Тот же самый бег пошел по новой дороге, который уже был,
Та же кобыла бежала впереди, которая была.

Когда было сосчитано еще сорок дней,
Появился край этого мрака.
Вышло из-за тучи солнце,
Он так и не нашел воды, но тело властелина в воде.
Бежал он за тем, что не было ему назначено в удел,
Если нет удела, какая польза бежать?
Зачем бегать за своим уделом,
Ты сиди, а удел твой сам объявится.
Не годится сеять только для себя,
Ибо получающих пользы — выше всякой меры.
Из сада, который предшественники посадили,
Преемники собрали плоды.
Если для нас было кое-что посеяно,
Посеем же и мы для других.
Как посмотрим мы на посеvy мира,
Все мы — сеятели, один для другого.

66. ВЫХОД ИСКЕНДЕРА ИЗ МРАКА

Приди, виночерпий, того вина, которое влечет сердце,
Мне дай, ибо приятно вино в юности,
Может быть, когда я увлажню уста тем вином,
Счастье свое я им омоложу.

* * *

Так как бодрствующая судьба указывала путь,
То вышел Искендер из мрака.
Так вела его та кобыла,
Что не было отклонения ни влево, ни вправо.
По той линии, по которой он прошел в первый день,
Так как это был круг, он в последний вернулся.
Так как счастье содействовало шаху,
То вывел его путь в светлый мир.
Выехал он к войску, натянув поводья,
Понскав своего желания и не найдя его.
Но от этого жара не впал он в томление,
Ибо удел многих получить по предопределению.
Не огорчился он, что не нашел пути к живой воде,

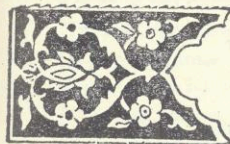
[Хорошо и то], что на пути к живой воде он не умрет, как
скот.

Если придет огорчение, не будь не благодарен.
Берегись более тяжкого огорчения.
Ходить голым из степи в степь
Лучше, чем утонуть в морской воде,
Тяжко голове от сильных головных болей,
Но все же не так, как от удара меча или булавы.
Много дел, которые труднее одно другого,
Спокоен может быть тот, у кого крепкое сердце.
Когда посмотрело войско на принесенное с пути
И положили перед собой добытые камни,
Все камни были красными яхонтами,
От которого глаз получал в пищу свет.
У одного сердца в тоске, что мало взял,
У другого тяжкие вздохи, что ничего не взял.
Раскаялся тот, кто оставил,
Но еще более каялся тот, кто с собой не захватил.
Когда отдохнул день-два шах от спешки,
Отдал должную дань прежним пище и сну,
Вспомнил он о том малом камушке,
Который тайно вручил ему ангел.
Потребовал весы и стал его взвешивать,
Но он весил больше, чем многие гири.
Был он больше мискаля¹, перешел и за ман,
Много камней перетянул с гор и степи.
С помощью ста человек установили большие весы,
Бросили туда камень и гири.
Оказался он по весу больше, чем сотни скал,
От взвешивания его все измаялись.
Слышал я, что Хызр появился издали и сказал:
«Сделайте парой для этого камня прах».
Когда только горсточку праха с ним взвесили,
Вес его точно с ней совпал.
Шах понял из этого хорошего примера,
Что прах — он и прах же насытит ему мозг.
Однажды с приближенными воинами
Устроил шах пиршество, словно райский сад.
Рабы-гуламы с золотыми поясами вокруг трона,
Словно серебряные колонны вокруг золотого дерева.
Все венценосцы отовсюду
Стояли у подножия на коленях, словно тени.
Всякого рода речи, которые бывают приятны,

Шли там о вращении древнего неба.
О мраке и живой воде много
Разных речей раздавалось от каждого,
Что, если во мраке эта вода есть,
То почему же не добыть ее спешащему,
А если нет этой воды в темной земле,
То почему название ее не вычеркнуто из книг.
Об этом говорились прекрасные речи,
От которых просветление наступает в мозге.
Из старцев той чужой земли
Так сказал один повелителю Рума:
«Шах покоритель мира, объезжающий горизонты,
Проезжающий области, словно солнце,
Если ради того ищешь живую воду,
Чтобы спастись из когтей смерти,
То в этой стране есть только один обитаемый город,
Где никогда никто не умирает.
Вздывается в том городе высокая гора,
Жители города окружены, как стеной.
Время от времени крик раздается с горы,
От которого слышащего охватывает страх.
Вызывает он из жителей кого-либо по имени,
Встань, мол, такой-то, иди наверх.
Слышащий повинуется этому крику,
Ни одного мига не медлит.
Снизу спешит наверх,
Распрашивающим не дает ответа.
За гранитной горой исчезает,
Никто не знает ключа к этой ограде.
Если тело шаха хочет пощады от смерти,
То, конечно, в тот город надо ехать».
Шах от речей того мудрого мужа
Остался в смятении и растерянности.
Сердце его загорелось желанием испытать это дело,
На это решение мысль его быстро отважилась.
Повелел, чтобы из хитрейших людей войска
Несколько человек направилось в путь.
На той стоянке остановились,
Всю правду о том рассказе шаху привезли.
В назидание им сказал: «От голоса с горы
Пусть никто из них не дрогнет.
Если имя будут называть или прозвание,
На эти окрики внимания не обращали бы.

Может быть, если затянется путь ответа,
Тайна из-за завесы выйдет». Принявшие указание по назиданию шаха
Тайно начали искать путь в город.
В тот город счастливо устремились,
В приятном месте остановились.
Вести о городе, явные и тайные,
Были таковы, как говорил тот древний старец.
Время от времени голос с гор
Долетал, [звующий] по имени одного из жителей той страны.
Когда слышащий узнавал свое имя,
Охотно он спешил на гору.
Так в беге становился нетерпелив,
Что с этой дороги не отогнать его мечом.
Стражи шаха пытали все средства,
Но мелодии этого лада не узнали.
Когда вращающийся небосвод немного повертелся,
Небо несколько стоянок отмерило,
Из гонцов шаха вращение судьбы
Одного научило пойти.
Из тех доискивающихся до тайны, расследующих секретное,
Одного призвал к себе голос с горы.
Бегом пустился тот, кто услышал имя,
К горному голосу помчался радостно.
Его друзья ухватились за его поводья:
«В беге хоть немного помедли!
Не нужно бежащему терять разум,
Может быть, тайна этой завесы откроется».
Но это пользы для спешащего не принесло,
Он стонал и омрачился.
Не говорил он ничего, чтобы могло пригодиться,
Беспокойно [стремился] в путь, словно небо.
Освободился он сотней хитростей и насилий
И скрылся от них, как летающий муравей.
Друзья остались в изумлении от него
И каждый поучался на его примере:
Самый хитрый из нас в этом набеге,
Смотри, как ушел от нас, а тайны не открыл.
Когда после этого прошло еще некоторое время,
Пригрело солнце горы и доли,
Пришел черед и другого друга,
И он тоже сокрылся в шатре.
Те люди, которые остались,

Не прочли и одного слова с этой доски тайны.
Устрашились они этого дела,
Ибо никому не помогало небо.
От неумения разобраться пустились в путь
И из этого города пришли к шаху.
Изложили дело: «Многие из нас
Ушли на гору, но не вернулся никто.
При уходе они не медлили,
Не было и надежды на возврат.
Не знаем мы, каков голос этого лада,
Играющий на инструменте этого лада кто.
Так как мы путь этого лада [-завесы] не узнали,
То из-за этой завесы вот бежали.
Многие из нас пытались подобраться к горе,
Но ни единого звука с той горы не раздавалось.
Когда мы увидели, что они ушли в горы,
Мы ушли в степь и пришли к этим людям.
Такой уж обычай у этого быстровращающегося купола,
То от него в гору идут, то в дол».
Искендер, когда выслушал тайну стражей,
Путь увидел, возвращения с которого не видно.
Лишь тогда ему захотелось бы туда,
Если бы хоть кто-нибудь из ушедших вернулся.
От изумления в этом деле растерялся он,
Ибо заголовок этой книги никто не прочитал.
Понял он, что этот внезапный уход
Для тех, у кого к концу приходит мир.
Сложил он поговорку: «Всякий, кто родился человеком,
Из когтей смерти жизни своей не спасет.
Так как не имеют они силы против охотников на онагров,
То собственной ногой идут онагры в могилу.
Когда пронзит его стрела, смелый орел
На собственных крыльях слетает сверху вниз».

67. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИСКЕНДЕРА В РУМ

Приди, виночерпий, то вино скорее возьми,
Ибо без вина нельзя веселиться,
Одним глотком того вина мне помоги,
Из когтей смерти дай освобождение.

* * *

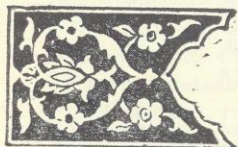
Не успеешь ты моргнуть, как судьба
Сотне добрых и злых дел научит.
Одну голову она прикует к земле,
Другую вознесет к высокому небосводу.
Одного с вышки низвергает в колодезь,
Другого от рыбы вознесет до луны.
Каждый миг несколько игр она замышляет,
А конечный итог ее игр — ничто и ничто.
Лучше смириться и не артачиться,
Ибо удар плетью получает непокорный конь.
Так как арабский конь непокорен,
То поднимается цена на египетского осла.
Мир много людей видел в мире,
От всех он бежал, ни с кем не сдружился.
Мир — тому, кто в мире
Осведомляется о делах опытных мужей.

* * *

Так излагается в этой мастерской,
Что, когда шах расположился в той пещере,
Много богатства он потратил на ту пещеру,
И из той пещеры сделал такой город, как Булгар.
Из Булгара счастливо проехал на Русь,
Разукрасил ту страну, как невесту,
А оттуда проехал в румийское море,
Провел корабль в обитаемую землю.
Вельможи румийские узнали,
Поспешили к шахским знаменам.
В благодарность жизнь свою предлагали,
Когда увидели лик своего властелина.
Вся румийская земля от даров шаха
Осветилась, как ночь светлой луной.
Лицо каждого ювелира стало словно яхонт
От искендеровских яхонтов из мрака.
Украсился весь город,
Земля получила удел от сокрытых сокровищ,
Каждый замок превратили в рай,
Золото и серебро на землю сыпали.
Разбили замки на дверях казнохранилищ,
Мир навесил замок на двери нужды.

В свой знак зодиака поднялся сияющий месяц,
На голове, словно солнце, китайский венец.
Шах из Рума уезжал — земле был родней¹,
В Рум приехал — был больше неба.
Как вода, которую туча тянет вверх,
Когда возвращается, несет в море жемчуга.
Сел он удобно на греческий престол.
Отдохнул от трудов и длинного пути.
С сердца сиял полу семи стран²,
В каждую страну назначил наместника.
Царьки племен по велению его
Опясались на верность и обеты ему.
Его вниманием возгордились,
В свои страны возвратились.
Каждый отдельно в высокомерии и гордости
Возносил голову в заносчивости.
Никто ни перед кем не склонялся.
Каждый сам за себя величался.
Поминая Искендера брались они за чашу.
Кроме того, никого не поминали.
Когда шах снова вернулся на греческий престол,
Счастье дало ему ключ к сокровищу.
От мудрости накопил он великие богатства,
Врата божественной мудрости открыл.
Когда пришло ему веление быть пророком,
Не уклонился он от повиновения.
Снова стал он готовить припасы,
Начал собираться в странствие по миру.
Два раза повелитель мира объехал мир,
Один раз города и страны, другой горы и доли.
На этот раз так было, что обитаемые земли
Он одну за другой осмотрел и вернулся в Рум.
Другой раз было так, что по дорогам и бездорожью
Двинул он знамена, как солнце и луна.
Когда я закончил это пиршество,
Другой рассыпающий сахар пир я устроил.
Пиршественные речи в этой половине книги
Я расточал из девственной мысли.
Если же жемчуга, один за другим, которые я на нее повесил,
К каждому введению присоединил,
В одном месте наножут на нить,
Наполнится жемчугами нить ожерелья,
Отдельный список всех красот

Составит тетрадь закона мудрости.
Опять же виночерпий и передатчики,
Которых я вместе посадил от края до края,
Каждый из этих сидящих по сравнению —
Как бы хранитель над кладом самоцветов.
Кто может создать такой рисунок?
Так прекрасно смешать краски?
Так связал я шелк на этом инструменте,
Что звук его стал сладостнее, чем у Зухре.
Там, где я находил неправду,
Я на ее место украшение правды влетал.
Слово, которое ведет не к истине—
Презренно, если бы оно даже покоилось на луне.
Там, где предшественник древний старец
Ошибки делал, [отходя] от правдивости слов,
Ошибочно сказанное я заново украшал,
С таким извинением я пересказывал уже сказанное.
Когда половина этого здания была завершена,
Мне половина мира досталась.
Другую половину, если хватит жизни,
Я так сложу по указаниям природы,
Что читателя они заставят поднять голову от сна,
Заставят рыб плясать в воде.
Если время даст мне пощаду,
То такие замыслы пришли на ум,
Что в саду этой картины румийской ткани
Выращу я красную розу из желтой земли.
Наполню клад самоцветами природы,
Победоносными, как бирюза, сверкающими, как жемчуг,
Из каждого сада добуду ароматный цветок,
Из каждой розы розовую воду нуцу в канал.
Если счастье шаха мне поможет,
Быстро будет изложено слово.

68. ВОСХВАЛЕНИЕ АТАБЕКА НУСРЕТ АД-ДИНА

Приди, виночерпий, тот кубок, ясный, как месяц,
Дай мне в память целования земли перед шахом.
Чтобы вознести колыбель на спину Плеяд,
Буду я за здоровье шаха пить тот золотой кубок.

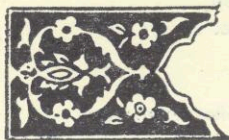
Завоеватель областей, шах — покров мира,
Обладающий поясом Феридуна и даже венцом хакана.
Мелик Нусрет ад-Дин, от справедливости которого
Каждый пьет вино, поминая его.
Так как он возвысился в мудрости и вере,
То вся мудрость и вера к нему и возвращаются.
Это небосвод, на котором сверкает звезда,
Это океан, нашедший венец из жемчугов.
Словно третье море обмывает он поверхность земли,
Начисто вымывая из мира тронцу¹.
Как планета Муштари величав он,
Все его взгляды полезны.
В учетверении и утроении рассыпает он жемчуга,
Сидит учетверенный и усаживает утроенно.
От свежести его радостен мир,
Миру он память о стольких царях.
Звезда, которая трет голову о небосвод.
На двери свои нанесла клеймо: раб его.
Мир мощью царственной
Он наполнил знанием и опустошил от скорби.
На пиру он горящее солнце,
В бою — змей, сожигающий мир.
От ясной души, которая у него словно вода,
От него светлым стал взор солнца.
Когда его меч собирается лить кровь,
Он из камня извлекает воду и огонь,
Когда он пускает стрелу из засады лука,
Он повергает голову неба на землю.
Франк палестинский и румийский монах
Принимает отпечаток кольца его велений, как воск.
Когда я увидел, что на победоносном престоле
Он возвысился благодаря свежести счастья,
Не было у меня приношения, достойного его,
Чтобы осыпать царственный престол.
Из искиндеровской живой воды
Я изготовил такую драгоценность, подобную студенной воде.
Когда окончил я писать ее,
Поднес я ее к его двору.
Вручил я камень столь драгоценный
От Искендера Искендеру же.
Да живет шах по мощи счастья,

От него да будет свежесть венца и престола!
Такой соловей в ивстнике его
Да будет благодатен голосом для жизни его!
О венценосец, венец небосвода,
Трон которого возносит к солнцу,
Ты в мире — шах с бодрствующим счастьем,
Тебя счастье признало достойным престола.
Никто в мире не имеет таких возможностей,
Чтобы послать дар, достойный шаха.
Если из этого глиняного кувшина пролилась вода,
Как это будет видно в той глубокой реке?
Влага родника, которая струится по гранитной скале,
Если ее мало, как дойдет до реки?
Низами, который себя сделал твоим рабом,
Словно изложил на твое имя.
То самое послал он в подарок и твоему престолу.
Что тот муравей послал Сулейману?
Не смотри на цвет павлина и полет его,
Ведь, как у кошки, безобразен его крик.
На того малого соловья смотри, который пеннем
Птицу заставляет спуститься из воздуха.
Я тот соловей, который прилетел из Ирема
И в твоём саду свил себе гнездо.
Пою я в твои дни, песню,
В которой на долгие годы останется имя твое.
Оттого на твое имя сложил я эту книгу,
Что золотым делает твой рисунок перо.
Не стремлюсь я получить от тебя целые слоновьи вьюки,
Ведь твой слон не таков, как слон Махмуда.
Ты даришь без того, чтобы тебя просили,
Казну обильную и много халатов.
Если бы эту книгу я сложил за золото,
В течение всей жизни, мог ли я нанизать жемчуга?
Должно быть, любовь толкнула меня на это,
Таких нетребовательных, как я, любовь многих имела.
Мне господь дал силы слагать,
Тебе же волю, мудрость и совет.
Больше того, чем можешь задумать,
Завоевывай области и покоряй страны.
С каждым миготом от высокого небосвода
Будь осчастливлен новой победой!
Весь мир да будет закуской твоей юности,
Жизнь твоя да продлится дольше всех!

Перевод и комментарии

А. К. АРЕНДСА

Не следует уклоняться от исполнения [его] повелений.
Одному [Бог] приуготовляет чертог из небесных сфер,
Другого с выси небесной низвергает в пропасть³.
Душу [одного] он озаряет, словно светильник,
На душу [другого] налагает клеймо страдания.
Всякое изобилие для него лишь малость,
Великий и малый перед ним равны.
Для него [одинаково], что гора, что былинка,
Что для него значит повелеть смерть или жизнь
Никто не сотворит говорящий прах,
Нельзя также навести узор на воде.
А кто кроме него создал человека из праха
И умеет начертать подобный узор на воде?
Когда теряется дорога, путеводитель он,
Когда заперта дверь, он ее раскрывает.
Он всемогущ, для него все возможно [сотворить],
Будь то вещь движимая или недвижимая.
Все твари набираются сил от него,
Благодаря нему живет каждый, кто наделен жизнью.
Во всех существах есть частица его существа,
Совершенен [лишь] он, а все прочее несовершенно.

2. ХВАЛА ЧЕРТОГУ ВСЕВЫШНЕГО БОГА

О боже, ты мой покровитель,
Мое бытие неизбежно зависит от Бога.
Ты творец тех, кто был и кто будет.
Прости прах, достойный прощения,
Прощеньем своим окажи мне помощь,
Избавь меня от моего раздора¹.
Из всех предметов желания, какие есть, я желаю тебя,
Ибо благодаря тебе исполняются все желания.
Душе, которой ты от себя не отверг,
Нечего бояться небосвода и его звезд².
К чему страх перед небосводом и звездами, когда
существуешь ты,
Поскольку есть небо, посыпь прах на землю³.
Мир создан таким прекрасным и цветущим,
Почему же вечная жизнь перенесена в рай,
Другой [мир] не прекраснее этого?

Но раз ты сказал: «Тот прекраснее», [значит]
тот прекраснее,
Приготовь же нам доброе место в том райском саду,
Сотри печать скверны с нашего зрения.
Ни я не знаю как себе помочь, никто другой,
Ведаешь [лишь] ты, так сделай же так, как ты знаешь.
Каждый ищет тебя с надеждою,
Один в черном, другой в белом⁴.
[Для того], чтобы из твоего сада получить плод,
Каждый смиренно молит у врат.
Я не вижу в себе такой смелости,
Чтобы просить тебя: подай мне то или это.
Я ищу удовлетворения своих потребностей у разных людей,
Но когда получаю [что либо], то подавший ты, а не он.
Ты не нуждаешься ни в чем, что находится на твоем пути,
Мольбы же всех направлены к твоему чертогу.
Не делай моим ангелом человека со свойствами дива,
Не отводи нити [моей жизни] от твоего пути.
Поскольку ты раскрыл предо мной двери познания,
То не посыпай мою голову прахом отчуждения.
Просвети собою мои очи,
Дабы обрел я покой от [дурного] глаза людей.
Я словно мотылек, [вьющийся] вокруг твоего ночного
светильника,

Потому что я птица из твоего сада,
[Но] не взрай на меня с презрением, хоть я и ничтожен,
А вознеси меня, ибо ты сам ведь велик.
Я малая, незаметная песчинка,
На которую твое всемогущество пролило свет.
Когда я возник благодаря твоему всемогуществу,
Я сделался ключем к дверям сокровищ.
Я довел до конца первый ковер сказания⁵
И [теперь] собираюсь обновить другие старинные свитки.
Для первого сказания ты дал мне уменье,
Укажи же мне путь для последнего шага.
Озари эту темную землю,
Дабы [раб твой] узрел сей трудный путь.
Я постараюсь по этой столь узкой дороге
Проследить так, чтобы ты остался доволен.
Сохрани меня в моем труде так,
Чтобы ты остался доволен моим сказанием,
[А] раз я пойду к тебе путем, которым [ты] доволен,
То я не отвернусь от слов твоего пророка.

И в снаряде [оказались] чудесные рыбы.
Я построил звездочетную башню, чтобы [наблюдать]
гороскоп властелина,
[И] сдружил свою речь с добрым часом,
Дабы поднести государю подарок,
Смешал я китайский род с эфиопским⁸,
Прискакал на быстром коне до стоянки,
Обогнал утро и вечер, поспорив с ними.
В той жуткой обители упадка сил
Мне протянуло руку [помощи] счастье государя,
Кирка искателя самоцветов нагнулась на рудник,
[И] закончились терзания сердца,
Когда шатер солнца протянул
Золотые канаты к вершинам гор,
Я встал, не вкусив покоя ночью,
[И] устроил пир для отдохновения.
Ложе, такое как у царей,
Я разостал на пути духовных [видений],
Я разложил ковер на новый лад.
И пустил пройти по нему мысль.
Вино, сласти к нему и ароматы трав для меня
Были только язык, сердце и речь.
Когда от вина голова у меня зажглась опьянением,
Речь [моя] поравнялась со щедростью.
Туча высокая стала греметь,
И полились жемчужины на ценителя жемчуга.
Сердце мое было огнем, моя счастливая звезда—львом;
А слово мое в этом занятии—мечом.
В двух местах мужу должно быть смелым,
Одно — пред огнем, другое пред львом,
Разве огонь и лев не одной породы,
Что пожирают кого бы то ни было из разных тварей.
Поскольку счастливая звезда мне дала в руки
Бубен Венеры⁹ и книгу Юпитера,
То я иногда, по [этой] милости, мастерил украшения,
Иногда раскрывал дверцы клада премудрости,
И наполнял мир драгоценными самоцветами,
Ибо у меня был государь, покупающий самоцветы.
Опять я устроил засаду у рудника
[И] добыл из земли мозг сокровищ.
Ради утверждения [этого] лгать не нужно,
Вот золото, вот огонь! Можно испытать.
Я вновь прошел Шараф-наме

{И} белила покрыл лазурью¹⁰,
Погляди еще раз, куда умчатся
Эти стихи, полные китайских украшений.
[Погляди на то], что я сначала посеял и что потом взошло,
[На то], как нужно чинить разбитое.
Уже много лет прошло, как любитель самоцветов
Не добывал подобного рода самоцвета.
Продавец драгоценных камней появился,
Нужно у продавца купить товар.
Поскольку государь повелел украсить сад,
Посадить жасмин и подрезать кипарисы,
Я благодаря процветанию государя со светлым сердцем,
Благодаря силе послушного знания,
На поляне посадил один кипарис,
Дабы [людское] общество чтило его память.
Такого же рода речи, хотя бы они обладали новизной,
[Только] подражают этой [моей] новой манере.
[Ведь] мысли нужно живое и острое сердце,
От тупой же сабли рубки не жди.
Речь с легкостью льется [только] у того,
Чьи пустые стихи многословны,
А тот, кто добывает самоцветы из горной породы,
С трудом подыскивает слова.
[Каждое] заблуждение этих чудесных грез
Передавало в мозг волнение сердца.
От пыли голову мою наполнило чадом,
От сухости тело мое стало как вяленое мясо.
При наряжании этой соблазняющей супруга девы
Пусть хватит у меня терпеливости, а у государя терпения.
Погляди, где речь разобьет [царский] шатер!
Как мне сказать, какой напев она сыграт!
Не знаю, каким образом эти искусные волшебства
Возникли в этом вавилонском колодце!¹¹
Кто научил эту Венеру зендским гимнам,
Что она поет пленяющие Харуга напевы¹².
Благодаря этому колдовству, унесшему славу Зардушта,
У многих [книг] Зенд угас живой огонь¹³.
Куда тем каплям, что тянут жемчужины в море!¹⁴
[Или] приводят ослов и из этой Басры вывозят финики¹⁵.
Я та туча у этих прекрасных шести сводов¹⁶,
Что из [своего] сердца дарит воду горизонтам.
Все, словно травы, питаются моей [влагой],
От меня зеленеют и жаждут моего дождя.

Они [поэты] будто тень с лучом света [на ней],
Смешаться с которым она [тень] не может.
Хотя сон их беспокоен из-за меня,
Все же их вода от разлива моего ручья¹⁷,
Все они пьют чистое [вино] из моего расхода [стихов].
[Все] лишут долговые расписки моему красноречию.
Я достиг этого обильного излияния
Оттого, что отвернулся от других родников.
В уединении я удалил ржавчину со стального [зеркала],
Чтобы синяя эмаль переняла от яхонта краску.
Когда я довел зеркало до блеска,
То стало принимающим чистое, чистое место.
Ты не читал, как от китайской полировки
Стена у румийцев переняла картину?
Если хочешь найти ключ к сокровищу,
То не нужно отказываться от воздержания¹⁸.
Об этом сложил пословицу тот, кто был мудрым,
Что ни из одной руины дым не подымается.
Много есть снов, которые сначала бывают страшны,
А когда наступит светлый день, приносят радость.
Много есть вещей, что вселяют в сердце ужас,
[Но] в конце концов их приходится благодарить,
Мир стал полон возбужденных домогательств,
Боюсь, что будет пролита кровь на этой подстилке¹⁹.
Когда в [месяце] тамузе²⁰ бывают обильные дожди,
Погода становится холодной, как стужа старухи²¹.
Когда дождь увлажняет воздух водою,
Солнце не жжет той грязи.
Когда по своему обычаю приходит осень,
То в воздухе далеко не нежный ветер.
Холера возникает от сырости погоды,
Потому что тяжело становится дышать.
Надобно зажечь какой-нибудь огонь,
Сжечь на нем сандал, алоэ и розы.
Я сожгу такое алоэ, ибо на царском пиру,
Кроме этого залога, я не храню [у себя другого].
Бог сотворил меня для покорности,
[Ничего] кроме покорности от меня и не появится.
При добыче и при зле муж наставляющий
Не отворачивает головы от превратностей судьбы.
Он согласен со всем, чтобы с ним ни случилось,
[Ибо] судьба унижает строптивного.
Мир не имеет свойства музыкантов,

Он не подлаживает [своей] песни к играющим.
Когда он видит шелк, прикрепленный к музыкальному
инструменту,
Он протягивает руку, чтобы его оборвать.
Есть два червя в шелководстве,
Которые участвуют в нем как вода и огонь.
Один свивает шелковый кокон,
Другой порождает шелковую нить.
Есть две пчелы в улье,
Соблазняющие, как свеча, мотылька.
Одна пчела добывает пищу,
Другая тайком, по-воровски пожирает.
Одна из этих пчел, та, что медоносна,
Лучше сотни пчел, пожирающих мед.
Прежде чем приспееет смертный час,
[Ты сам], подобно куропатке, отдайся на жаркое.
[Исполнения] какого желания нужно требовать из жадности,
Чтобы она из тебя иногда делала жаркое, а иногда оставляла
сырым²².

Если ты начнешь терзаться, то сгоришь от мученья,
А если не будешь терзаться, то станешь равнодушным
невеждой.

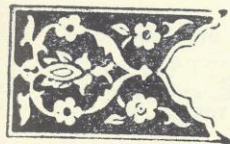
Небесная сфера — семиглавый дракон,
Одним ударом сбивающий с месяца щит.
Под этим подобным решету голубым тазом²³.
Ты — решето с землей, а небосвод — таз с кровью.
Если он начнет изливать на тебя, как таз, воду,
Ты на него, как решето, высыпи прах.
[Ведь] где имеются вместилища для земли и воды,
[Там] не обойтись без решета и таза.
Сей голубой кувшин — кувшин-волшебник²⁴,
Ибо из него выходит сотня всевозможных красок.
Если один какой-то чародей уселся верхом на кувшин,
То взгляни на этот кувшин, на нем чародеев сто тысяч²⁵.
Брось измерение небесной сферы,
Ибо низкое [бывает] высоко, а высокое низко.
Иногда она [сфера] под нами, иногда над нами,
Если ты назовешь ее и низом и верхом, то [это] допустимо.
В этой моей песне нет борьбы с небом,
Потому что эта песнь ни с кем не созвучна.
На какой только лад эта игривая судьба
Не забавляется в этих тесных четырех стенах²⁶,
Человеку, который высоко поднимает голову,

Она накидывает на шею аркан.
Если она ему дарит [сегодня] шапку из красной лисицы,
То завтра бросает его на корм черным псам.
Долго ли мы будем задерживаться здесь, на этом базарном
перекрестке²⁷,

[И] как животные, будем делать свои утробы базарным
перекрестком?

Тогда [только] мы склоним головы на четыре подушки,
Когда избавимся от оков этих четырех подушек²⁸.
Две двери имеет этот земной караван-сарай,
Одну дверь на горе, другую в яме.
В ту дверь никто не спустился долу,
Кого в эту дверь не вывели бы,
Каждый приходит в уныние, что в этот глубокий колодец
Упал словно снег и застыл как лед.
О блаженна молния, что душу зажгла пожаром,
Родилась в мгновение и в миг же скончалась.
Не застывает свеча, ибо когда она зажжена,
То светит несколько ночей, а затем догорает.
Тому, у кого неисправен корабль,
Необходимо сначала [научиться] плавать.
Ты [разве] не видишь, что рыба в глубоком море
Не боится ни дождя, ни снега.
Для спешащего вышколенный конь,
Несущийся по степям, лучше коня необъезженного.
Мир стал тем миром, что из коварства и зла
То проливает твою воду, то мою кровь.
Небосвод стал тем небосводом, что от скорби и горя
Делает цвет наш то синим, то желтым²⁹.
На этот лад [только] тот может сыграть мелодию,
Кто сумеет постигнуть строй этой мелодии³⁰.
С путеводителем путь можно пройти до конца,
Я собираюсь в путь, где же путеводитель?
Так временами близко подходит ко мне смерть,
Что я уже оставляю надежды на жизнь.
А иной раз небрежение ведет войска
И приводит мою голову на изголовье ложа.
Мечту я осуществляю во сне,
Жизнь проживаю при помощи сказки.
Но с таким крылом куда я смогу улететь?
С такой стопой до чего я сумею дойти?
От этого перекрестка дорог, ведущих в противные стороны,
Я не избавлен, будь я стар или млад.

Если я пушу в дело степенность старцев,
То я отстану от людей века.
А если я с таким телом заживу, как молодой,
То буду жить чужой жизнью.
Поэтому лучше, чтобы со старым и юным
Я обходился соразмерно его достоинству.
Быть может, до той поры, когда я порву связи [с этим
миром],
Я [таким способом] не обижу этих спутников [жизни].

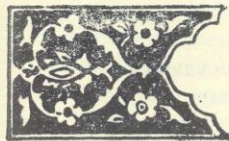

5. О СОБЛЮДЕНИИ МЕРЫ ВО ВСЯКОМ ДЕЛЕ

Когда разлившееся море начнет волноваться,
То поднимет жемчужину с глубин морских к нему.
От той тучи, что мечет и воду и огонь,
Земля бросает тень на солнце.
Еще раз счастье стало содействовать,
Счастливое сердце с красноречьем сдружилось.
Ночь миновала, ясный день наступил,
Ветерком дохнул для соловья¹ рассвет.
Еще раз мое счастье легко запорхало,
[И] в сердце заострилась охота к речам.
Если счастье мне даст ключ к исполнению желанья,
То из черного камня выйдет драгоценный самоцвет.
Всем дням вместе название — век,
Один день — зерно, а один день — тенета².
Когда владыка, чертящий циркулем круг,
Мне под начало отдал царство слов,
Я прикинул в искушенном уме,
Кому бы подошло это царство.
В этом краю, где счастье приходит на помощь,
Кто есть, кто бы мог быть властелином?
Разум сказал: Тот властелином бывает,
Кто бывает приятен во всех краях.
[Кто] бывает легок на руку в раздаче даров,
[Кто] не имеет в щедрости равных.
[Кто] дает муравьям то, что бывает едой муравьев,
[И] слону подает слоновую пищу.
[А] не вроде невежды, который опьяняется,

Не умеет [даже] очинить пера,
Посылает слону муравьиный гостинец,
А мошке дает содержание [архангела] Гавриила.
Дела всех царей с опороченной славой
Пришли в упадок из-за незнания меры,
Ибо они вовсе не отличали головы от ног.
В опьянении покупали, не платя,
Большой уносил скудно, а малый обильно.
Величие вельмож от того умалилось.
Щедрость, которая бурлит неразумно,
Выбивает дробь на дырявом барабане.
Соблюдай чины, дабы во время дела
Ты смог вести счет от единицы до тысячи.
Не отвешивай большую и малую толику товара так,
Чтобы их носильщик всякий раз обижался.
Не прививай к старой ветви новых побегов,
Ибо поэтому Шируйе убил Парвиза³.
Не приставляй пилы к старому дереву,
Так как от этого Заххак остался без венца и престола⁴.
Миродержец подобен туче и солнцу подобен,
В меру он дарит и огонь, и воду.
К морю придет, отсыпает [ему] жемчужины,
В чреслах гор он укрывает руины.
Всюду, где знамя он водружает,
Он развязывает [свой] кошелек.
Хвала богу, сей государь весьма разумен,
Ибо гордыня его есть покупка, а ласка—продажа.
От взвешиванья и горы, и былинки
Он знает достоинство всякой вещи.
Для каждого, у кого есть талант,
Он оценивает остроумие и щедрое [слово].
На нем потому запечатлены благословенья,
Что в мире он имеет подобных.
Разные люди у меня зарились на эту книгу,
[Однако] она была сочинена с посвящением ему.
Ни у одного из повелителей, виденных мною, кроме него,
Я не видел места для отшельников.
Я видел головы, опорожненные от мозга,
Которые гнусным [способом] снесли много голов.
Дверь заывает, а стол с угощением пустой,
Все только тощее, безо всякого жира.
Все они — торговцы, с природой менялы⁵.
Мучители тех, кто на [их] иждивеньи.

Эту же нить я увидел всю в лалах,
Сердце как море и слово как перл.
Покупатель, воистину столь благородный,
Как же не стать моим словам высокими!

6. СЛAVOCЛОВИЕ ВОCXВAЛЯЕМОМУ

Я слышал, что над этим зеленым ковром
Есть белый петух под небесным престолом¹.
Когда колотушкой он бьет в свой барабан,
Другие петухи хлопают крыльями.
Несомненно, что та небесная птица — я,
Так как каждое утро я пою песню.
На мой голос все птицы города
Провозглашают: Это ты, краснопевец эпохи!

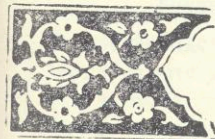
* * *

Низами, сними запоры с сокровища!
Доколе ты [будешь] невольником Гянджи?
Выкладывай, если ты сбил [с ног] дичь,
Пускай в обращенье, если скопил какой-либо клад!
Такое угощенье, если оно бывает уделом судьбы,
Бывает достойно озарить мир.
Раз ты из его [клада] золота выбил монету с именем
государя,

То провозгласи же и хутбу² с его минбара³,
Ибо то, что есть цареву в пору его, —
Это хутба и чеканка монеты во имя его —
Главы великих и гордых [властелинов],
Царя Изз ад-Дина, покорителя царственного.
Благодаря мудрости он покровитель Мосула,
Благодаря мужеству он Кадар-хан⁴ царей.
Как на Махмуде⁵ на нем благодать, он образован и скромнен,
Словно пред Давидом стала мягкой сталь от него.
По тугре⁶ могущества — он махмудиец,
По царской печати происхожденья — он давидиец⁷.
Он весна — на нем плоды и цветы,
Ему поют соловей и горлица.

Не видишь разве, что на пиру, словно молодая весна,
Он бросает дирхемы⁸ и рассыпает перлы.
Когда он наливает в кубок старое вино,
Рубин свершает кровавый набег на лазурь⁹.
Когда его меч горит огнем от воды¹⁰,
Облако выступает ходатаем за солнце¹¹.
Куда залетит его ловящий добычу сокол,
Там он вызывает жалобный вопль сокола судьбы.
Когда его орел ударит крылом по небосводу,
Добычей его бывают никто иной, как месяц и солнце,
Кто тот человек, который в его время
Похитил бы его образ жизни и обычай?
Разобьется голова того вора,
Который делает себе веревку из лунного света¹².
Неразличенне миража от источника воды
Заставляет жаждущего пуститься вскачь.
Принятие хлебной лепешки за диск месяца
Многих людей повергло в колодец.
Демон издали кажется ангелом,
Однако тот бывает из мрака, а этот из света.
В этом милосердном, богобоязненном государе
Есть сколько угодно любви и верности.
Нет, я остался бессилен в его деле!
Но кто же сказал похвалу, достойную его?
Отчего небо назвало его Пишкином,
Ведь его [милосердие] впереди [малосердия] подобных
царей¹³.
Если [имя] Пишкин написать верно,
Выйдет «Первый царь»¹⁴, — [и] словно говорит за него.
Ему подобает название «Первый царь»,
Ибо на нем царственный знак и сидит он на царском
[престоле].
Благоустройством его оживилось мирское царство,
Мои свидетели — люди, у которых [от него] есть польза.
От того землетрясения, что разорвало небо,
Города те на земле исчезли.
Такое содроганье напало на горы и степи,
Что пыль повалила из ворот мира.
Земля стала шаткой, как небо,
[Стала] кувиркаться от игры судьбы.
[Будто] от трубного¹⁵ гласа нанесен удар
Такой, что рыба отскочила от горба вола¹⁶.
У небосвода [землетрясение] освободило оковы,

У земли же оно раздробило суставы.
В членах земли прекратилось течение воды,
Изранило горы обилем ударов.
Лица юсуфов оно разукрасило, мил'ем¹⁷,
Двери жителей Египта покрыло синей краской¹⁸.
Ни одного глаза не оставалось на своем месте,
Весь мир сплошь был покрыт сурьюмою сверх меры.
Землю оно так сильно прижало,
Что от сжатия горы распались кусками.
Ни на одной нити не уцелели стеклянные бусы,
На стенах не осталось ни одного карниза.
Из многих сокровищ, что тогда пошли прахом,
В ночь на субботу в памяти стерлась Гянджа.
От стольких женщин и мужчин, юных и старых,
Не слышалось ни звука, кроме жалобных воплей.
Поскольку вот эта нить жемчуга¹⁹ осталась на месте,
Той нити²⁰ опять удалось обрести жемчуга.
Благодаря счастью этой благородной жемчужины,
Из той округи удалилась распря.
В короткий срок та опустошенная страна,
Его благодатью стала более цветущей, чем Рум.
Не разглядывая те поврежденья от вывертов [земли],
Ныне разруха из владенья удалилась.
А гляди, как благодаря этому обладающему поднебесным
престолом государю,
Оно снова обрело благоустройство.
Как глинобитные стены от обилия богатства
Он заменил золотыми стенами.
Он украсил развалины сокровищами,
Заботливостью из владенья изгнал скорбь.
Из каждого угла он создал сотни садов,
Сотни светочей зажег на каждом доме.
И раз устроенем он дал свет тому царству,
Пусть разоренье будет далеко от чертога его!

7. ВСЕПОДДАННЕЙШЕЕ ОБРАЩЕНИЕ

Хвала тебе солнце! Мы издалека
При свете твоёмзираем на все, что существует.
Хотя и светильник тоже из породы света,

[Но] при нем кроме него [самого ничего] нельзя видеть издали,

Не тот падишахом стал венценосным,
Кто имеет в сокровищнице сотню венцов,
Венценосцем стал тот, кто каждую голову
Всегда [в награду] венчал шапкою.
Мозги, что вбирали в головы спесь.
Ты мечом выбивал из голов.
Если знамя и ум государя бывают высоки,
Все пиры и битвы его бывают счастливы.
Ты же — знамя, снаряженное помощью божьей.
Твоему суждены колебание чуждо.
Если [древние] цари и покинули место веселья,
[Зато] вот! — Ты, процветая, обладаешь короной.
Ныне ты повелитель народа
[И] сам собою лучший из созданий.
Ты на свете властелин мира,
Ибо от тебя венцы на головах великих.
Ты более справедлив и [ты] лучше Пишдада⁵,
[Лучше] Кавуса, Кей-Хосрова и Кей-Кубада.
Поскольку в правосудии у тебя превосходство,
Достойно, чтобы ты стал превыше царей,
Взойди в эти семь бирюзовых чертогов,
Сделай просторной узкую ограду бытия.
Из чаши Низами кубок вина
Выпей же по обычаю царя Кавуса³.
Этим кубком, звенящим по-тусски⁴, возьми
Плату с Махмуда за «Книгу царей»⁵.
Считай двух наследников из двух древних россыпей,
Себя по щедрости и меня по речам.
По долгу, что остался не отданным раньше,
Плата наследнику приходится с наследника.
Я это сказал, потому что так никто не говаривал,
Ты же то сделай, что нельзя утаить.
В рассказывании мне содействовал разум,
Пусть и тебе будет помощь [больше] при чтении,
Когда обе помощи нам соединятся вместе,
У речей степень станет в десять раз выше.
Этой розой, детищем моего сада,
Моим ночным самоцветом в твоём чертоге,
Укрась же собранье, зажги [вином] кубок,
Чтобы напиток сварился в сырой крови.
Пей же вино! Оставь отговорки!

А меня извини, мои уста сомкнуты печатью⁶.
Да будет благословенно навсегда для тебя питье вина
Из кубка, вносящего в мысли трезвость.
Да будет душа у тебя молодой и счастье юным,
Да будешь ты миру всемирным героем⁷.
Счастливое сочетание светил для тебя во вращении время
Да не утратит силы, словно вертящееся колесо.
Да будет величие твое высоко, как синее небо,
Ибо небо с высоты не спускается долу.
Твой меч — более обоюдоостр, чем [меч] утра⁸,
Небосвод под тобой покорней земли.
Пусть твой сверкающий меч поражает врага,
Пусть знамя царей победным станет тобою.
Хотя в итоге большой работы
Я послал тебе памятник великий,
Но пусть не останется от тебя памяти, кроме как о тебе⁹,
А из этого памятника запомни эти слова.

8. НАЧАЛО ПОВЕСТВОВАНИЯ

Глава толпы греческих философов
Также извлекает самоцветы из горного рудника:
Когда однажды тот царь¹, прошедший по свету,
Поднявший к небу пыль от походов,
Прибыл в Греческую землю с дальней дороги
И озарил светом [свою] древнюю родину,
От веселья он свой ум обратил к наукам
[И] стал искать учителя.
Мозг небосвода он просверлил мыслями
[И] раскрыл ворота узилища тайн.
Он искал следов руководства в сказаньях
Греческих, нехлевийских и дерийских,
В той персидской книге о Хосроях,
Что в памяти у него текла как вода,
[И] в других языках разных краев
Вроде греческих или румийских.
Он повелел, чтобы все философы
Сделали переводы всего, что наука.
Из каждых врат он знаньем добыл жемчужину,

И из той совокупности возникло море,
Когда раковина наполнилась всевозможными перлами,
Из Рума хлынуло море жемчужин.
Первое украшение, которое он смастерил по аналогии,
Есть книга мироведения.
Затем книга тайнописи духовных сил,
Силой которой продолжают жить греки,
Та самая «Походы Искендера», посредством которой
Жители Рума железо делают мягким как воск.
Они разузнали о злом и добром,
Чем обладает сфера в семи небосводах.
Ныне из тех жемчугоносных раковин
Уж ты не увидишь следов, исключая Антиоха.
Вот такие новинки, сужденья и разума
Появились от царя-покровителя стран.
С таким знанием дела и мастерством,
Когда он воссел на престол царя царей,
Вышло такое указание от высокого престола:
«Для нас дороги ученые люди,
Пусть не ищет никто над другими превосходства,
Разве только в искусстве и знании.
Изо всех степеней, что бывают высоки,
Степень мастера будет самой высокой».
И так повелось, что вблизи [у] царя
Мужу степень стала при помощи знания.
Поскольку царь² паланкин направил к знанию,
Вельможи [тоже] стали стараться в науках.
Все повернулись лицом к науке,
Стали знанию учиться у мудрых людей.
От ума того государя, ценителя знания,
Далеко раздался голос греков в науках.
Та страна свернула листы, прошли времена,
Но и ныне слава ее знания [еще] не миновала.
Хотя его прямой шатер доставал вершиной до неба,
Место его постоянно было в молелье.
У него была келья из кожи козлиной,
На ней ни одной золотой иль серебряной скрепы,
Шалаш из досок красной ивы,
В котором рассыпан был белый песок.
Когда сердце его пресыщалось сим миром³,
Он в том шатре искал успокоения.
Слагал с чела корону царей,
Повязывал быстро пояс служенья,

Льнул лицом к лицу той почвы святой,
Скорбный вздох испускал от души.
За то, что минуло, он хвалу возносил,
Для того, что грядет, молил помощь.
Каждую победу, что ему приносило счастье,
Он считал от милости божьей, а не от усилий своих.
Гляди, как сокровенна была его молитва!
Конечно, он был государь, за которого принималась молитва⁴.
Молитва, что следует путем скверны,
[Ничего] не приносит, кроме изнурения мозга.
Если чист человек, молящий [о свершении] желания,
Молитва скоро находит путь к предмету желания.
Искендер, воспринявший верховную власть,
Покорил мир такой праведностью.
Он не был из тех беззаботных людей, что от песни и вина
Не [могут] проникнут [в смысл] зла и добра.
Ни к кому он не допускал и крупницы⁵ насилья,
[И] мир он сохранял в равновесии.
Старая ли женщина или малый ребенок,
Если правосудия искали, то направлялись к нему.
Его миссия была настолько правой,
Что семь земных поясов⁶ пришли под его начало.
Он вершил дела по совету знатоков
[И] завоевал мир благодаря знанию дела.
Если не так, [то как случилось], что богатырь⁷ с румынским
венцом

Разбил царский шатер в Индии и в Китае?
Я слышал, что всюду, где он мчался как гора,
Его двор не был лишен шести сообществ:
Разящих мечом богатырей
Повязалось поясами [на службу] тысяча полчищ,
Несколько волшебников, чародеев искусных,
От которых развязались узы Харута,
Краснобаи, которые в спешке
Похитили [с неба] диск солнца,
Сметливых ученых так много,
Что не стоит утруждать свою мысль об их [числе].
Благочестивые старцы, весьма добрые люди,
Что по ночам умеют молиться.
Для пророков [тоже] у него находился приют,
Во всех них у войска его недостатка не было.
Когда предстояло запутанное дело,
Встречалась нужда разрешить затрудненье,

9. О ТОМ, ПОЧЕМУ ИСКЕНДЕРА НАЗЫВАЮТ ДВУРОГИМ

Сыграй, о певец, сердцу милый напев
На струнах этого звонкого органа.
Такой напев, что избавляет от горести
И озаряет светом темную ночь.

* * *

Искусный писатель в сказанье
Об Искендере изобразил так,
Что двурогим его потому называли,
Что он прошел по Востоку и Западу.
По другим словам, потому, что он вместо Джама
Разил в две руки мечом как утром рассвет.
По другим словам, которые [писатель] привел,
[Искендер] за спиной носил две завитых косы.
Еще такие слова, что во сне¹ [он видел как]
Восток и Запад у солнца отняли небо¹.
Еще сказанье поведал наставник,
Что жил Искендер два карна² от века.
Иначе гласит мировой философ
Абу Ма'шар в книге «Улуф»³.
Когда для Искендера пришло к концу время,
Люди и не помышляли о такой беде.
Из любви, что греки питали к нему,
Они изобразили его на бумаге.
Когда кисть художника на своем месте
Смастерила достойное его украшеньё,
Еще два рисунка нанес живописец,
Один с левой руки и один с правой.
Два рога он вывел из головы [одной] фигуры
И смешал на ней лазурь с золотом.
Дал им прозвание [один] звездочет
По аналогии: два светлых ангела, —
Ибо у фигуры, как ее создает бог,
Ангел бывает и слева и справа.
Когда все три столь пленительных портрета,

Где один портрет получал превосходство от двух [других],
Попал из Греции в другие земли,
То благодаря им вспомнили предание об Искендере.
Из-за них прошла похвала по всем странам
Картин [работы] художников Рума.
Арабы, когда в нее вперили свой взор,
Приняли другой образ за Искендера.
Мненье их было, что тот, кто с рогами,
Не светлый [ангел], а Искендер.
Поэтому они попали впросак,
Когда [Искендера] прозвали двурогим.
Кроме того говорил мне мудрец,
Что у него было два уха чрезмерных.
На уши как венец, изготовленный
Из золота, был у него наложен обруч.
От золота он держал уши как вместилище сокровищ,
Как сокровище он скрывал их от людей.
Кроме одного брадобрея, который был у него рабом,
Об его ушах никто [ничего] не ведал.
Но когда тот раб со света ушел,
Он стал нуждаться в другом брадобрее.
Вошел в приближенье [другой] мастер брадобрей,
Втайне он распустил его волосы.
И когда он откинул волоса с чела повелителя,
Повелитель мягко к нему воззвал
«Если тайну этих ушей, скрытых украшеньем,
Я узнаю, что кто-нибудь слышал,
То задам тебе трепку такую,
Что того, что нельзя говорить, ты уже никому не
расскажешь».
И позабыл не то что про речь, а про самый язык.
Никому этих слов не сказал он на свете,
Как кощунство он держал их скрытыми в сердце.
От сокрытия тайн [его] лицо пожелтело,
Ибо сокрытая тайна сердцу наносит мученья,
Однажды тайком он ушел из дворца,
От стеснения сердца пришел на широкое поле.
В стороне⁴ он увидел прекрасный колодец
[И] бросил в тот глубокий колодец слова:
«У царя мира длинные уши!»
Как только сказал он эти слова,
Из сердца пропало волненье,
Он пошел потихоньку домой

И хранил на устах печать молчания.
Отозвалось же так: из тесного колодца
На звук того стога вырос тростник,
Из колодца поднял голову, вверх потянулся,
Рукой воровской потянулся к товару⁵.
Степную дорогой шел некий пастух,
Он увидел тростник, выросший со дна колодца,
И по обычаю пастухов им воспользовался.
Он сначала изранил его, а затем приласкал⁶.
Сердце свое он не оставлял в раздумье,
Тем тростником веселил свое сердце.
Однажды государь выехал в поле
[И] в том поле проезжал мимо пастуха.
Он увидел флейту, на которой вдаль играл пастух, —
[И будто] весь край возмутился; против правителя, —
В звучанье флейты тайно так было [слышно]:
«У царя Искендера два длинных уха».
С часок он простоял на месте в смятении
[И] не вникал в музыку взятых с собою людей.
Он призвал к себе пастуха и спросил о секрете,
Пастух рассказал ему тайну того тростника:
«Это тростник вырос из колодца,
Он слаще сахарного тростника.
Нанеся ему раны, я сделал его совершенным этим
раненем:
Он не стал бы играть песен, пока не был изранен.
В нем нет души, а есть страсть моей души,
При этой [его] немоте он мой язык».
Удивительным показался этот рассказ государю,
[И] он пустился в путь в направлении дома.
Когда наедине он остался, то кого-то послал,
Призвал к себе брадобрея
[И] молвил ему: «Ну тихоня,
Развяжи-ка связанный язык,
Кому ты тайну мою разболтал,
В чьи уши [о ней] ты бросил слова?
Если скажешь, то будешь избавлен от грозной тучи,
А нет, то удар меча снесет твою голову!».
Когда брадобрей услышал эту речь,
Он лучше правды не нашел что ответить.
Сначала концами ресниц он дорогу подмел,
Добра пожелал и сказал тому, за кого молитва приемлема
[богом]:

«Когда царь со мной заключил такой договор,
Чтобы я покрывалом закрыл девственниц ложа,⁷
То от скрытой той тайны у меня сердце изныло⁸,
[И] рассказ о ней был поведен колодцу.
Больше никому не сказал я, о царь правосудный,
А если сказал, то пусть господь меня покарает!»
Когда царь узнал его мучительную⁹ тайну,
То потребовал [доказательства] правоты его слов.
Он повелед, чтобы отважный хранитель принес
Звучащую тростинку из того глубокого колодца.
Когда мелодия тростника задышала¹⁰,
Царь услышал все ту же сокрытую тайну.
Он понял, что на арене мира
Ничья тайна не останется сокрытой.
Он за милость певца¹¹ помянул,
Избавился сам [от терзаний] и избавил от меча брадобрея.
Знай, что лалов и жемчужин¹²
Разверзается все, что ими бывает полно
Пар, что бывает скрыт в граните,
В конце концов становится явен¹³.

10. СКАЗАНИЕ ОБ ИСКЕНДЕРЕ И МУДРОМ ПАСТУХЕ

Приди, о певец, и ранней зарею
Ударь плектром по жильным струнам.
Таковую песнь [сыграй], что воду в реке приводит
[в течение]¹,
Из напрасной тоски погружает в сон.

* * *

Так говорит тот древний, чудесный сказитель,
Равных которому не было [среди] философов,
Что царь в румийском поясе и китайском венце
Ранним утром однажды восседал на престоле.
Он обе брови нахмурил дугою,
Узами связал улыбку «чаши Джамшида»².

Была у него луна³, как солнце сиявшая,
В переломе горячки страдала она и пылала,
В зеве у ней разбились желанья мирского⁴,
Ее несчастье дошло до безнадежности.
Сердце царя, которое было как зеркало чисто,
Мучиться стало от того недуга.
Он повелел, чтобы ученые Рума
Явились к нему из всех стран и краев.
Быть может, помогут⁵ они периподобной
[И] излечат больное сердце царя.
Люди, ставшие втайне наперстниками,
Вместе собрались в тот дом правосудия.
Много лекарств они смастерили от той лихорадки,
[Но] тело ее не спасли от пожара.
Ни красное яблочко от горячки не стало здоровым,
Ни с бровей государя хмуры не слетела.
Оттого, что сердце царя было к ней привязано,
Он из заботы о больной сокрушался.
С престола сошел он и поднялся на крышу,
Чтобы найти не столь мятежное место.
В миг один он обошел кругом крышу,
Взором обвел с той крыши горы и степи.
С крыши высокого замка, внизу,
Пастуха он увидел и овец перед ним.
Старика осанистого, дородного, гордого,
И шапка и голова у него камфорою⁶ [были] покрыты.
Он в той степи бродил беззаботно,
То на траву поглядывал, то на стадо.
От того пастуха сердце [царя] слегка приоткрылось,
Ибо он был прекрасных помыслов и ловкого склада.
[Искендер] послал, чтобы его привели из низины,
На царскую крышу высочайшего сиденья,
По указу царя помчались хранители,
Пастуха удостоили чести приглашения.
Взошел пастух к государю
[И] увидел шатер высотой до месяца.
Он знал, что это «вал Искендера»⁸.
[Что] он предзнаменует собою счастье.
Облобызал пастух землю, ибо был он учтив, —
Он уже раньше служил государям.
Затем царь к себе его подозвал,
Чтобы его ободрить, сказал кое-что
[И] молвил ему: «Из рассказов о горах и степях

Расскажи мне о каком-нибудь приключении,
Потому, что мне сердце теснит от вращения времен,
Не разведело ли я сердца [посредством]¹ наставника». Молвил пастух: «О царь берущий престолы,
Да обретет мир твоим венцом процветанье,
Благодаря твоему золотому престолу пусть царство
наполнится светом,

Да будет дурной глаз далек от венца твоей головы!
Сначала поведай мне, отчего властелин
На сердце [свое] напускает печаль,
Дабы, когда рассказчик к ней обратился,
Его речь была бы к тому подходящей». Царь одобрил эти слова пастуха,
Потому что рассказу он искал основание⁹,
Не говорил о правосудии и защите веры,
Пустых речей, как жители пустынь¹⁰,
[И царь] поведал ему о состоянии красавицы.
Когда пастух узнал о тайне сокрытой,
Он еще раз облобызал прах земли,
Лучше той сотворил другую молитву
[И] так рассказал: «Когда я был молод,
Я всю жизнь служил только царям.
Из тех устроителей пиров¹¹, что у меня были,
Благодаря которым я был ошастливлен,
Был царевич одним в городе Мерве.
Прекрасный обличьем, как кипарис, строен¹²,
Молодому кипарису он высоту сделал низкой¹³,
Красота его лика опьянила мозг розе.
Новобрачная из [числа] его слуг,
От которой спальня его была полна восторга,
Стала недужной от сглаза из-за угла.
Горячка пришла, заболела красотка.
От того горения, что было без дыма, а только дым с жаром,
Много снадобий делали, но пользы не было.
Молодой кипарис стал как ива,
До того, что народ от него дошел до отчаяния.
Царевич, увидев, что похитительница сердец
Уже стала согласной с работой смерти,
Раньше, чем придется отвесть этого яда,
Сам отступился от той красотки.
От отчаяния он вдруг
Путь блуждания предпринял из мира.
В той области была никому неизвестная

Пустыня вдали от гор и лесов,
В ней много оврагов безлюдных,
В ней логова барсов и львов.
От растений в ней ни листочка, ни корня,
По названию та пустыня—Пустыня смерти.
Тот, кто от мира приходил в отчаяние,
Скрывался в той обители страдания.
Никого не видели, кто бы из соденой пустыни
В свой приют возвратился обратно.
Царевич из скорби от той тяжелой болезни
Дорожные вещи¹⁴ свернул к той пустыне.
Имел он старинного, верного друга,
Который в груди носил любовь к царевичу.
Он знал, что властелин опечаленный
Таким путем себя изведет.
Как дорожный разбойник он лицо повязал,
С мечом в руке к нему подступил,
Не будучи узнан, он на него громко гаркнул,
Напал на него и на землю повалил.
Его повалив как колеблемый кипарис,
Он опустил на лице его покрывало,
В жилище свое одним наскоком
Его привез с очами закрытыми.
Был погреб у него под землею
[И] он посадил его в это мрачное место.
Приставил к нему одного из верных людей,
Чтобы скрытую тайну он от него держал
скрытой.
Удовлетворил его лишь водою и хлебом,
И ничего ему дозволено больше не было.
Царевич плененный и огорченный,
Со скованными руками, очами и сердцем,
Пораженный не знал, как постичь свое дело,
Как не идя, он вперед прошел по дороге¹⁵.
Человек благородный, вкушавший с ним горе,
Кушак подпоясал¹⁶, чтобы помочь его делу.
Он делал лекарства для больной новобрачной,
Ее сердце лелеял сотней разных напитков.
Врача призвал, знатока недугов
[И] несколько времени оберегал дорогую.
Красотка с ланитами перн от искусного снадобья
Вдруг избавилась от озноба и жара.
Та же свежесть вернулась, что была раньше,

Она пожелала пройтись и стала веселой.
Когда она выздоровела, будучи вылечена,
Искать начала она радость своего сердца.
Благородный [друг], увидев, что красотка
Царевича идет ради любви,
Вечером раз надушил дом алоэ
[И] пиршество устроил по-царски.
Когда он пир собрал как весна молодая,
То ту алую розу усадил в стороне.
Пошел привел царевича с очами закрытыми, —
Месяц, спасенный из пасти дракона, —
[Друг] повязку с лица его сбросил.
Свел к месту веселья и оказал ему ласку.
Царевич, когда оглянулся немного,
Увидел вино и собрание, сласти и милую.
[И] из ада тесного, темного, гадкого
Для него получились и рай и гурни.
Как сказать мне, что от той радости было?
Пояснение сверх этого было б не к месту»¹⁷.
Когда царь царей выслушал речи пастуха,
Рассудок во встревоженный мозг он вернул,
Отдохнул, обрел покой от той боли,
Ибо от умного старца получил свежее вино.
Задумался царь, как [вдруг] из царских покоев
Раздались возгласы об избавлении,
Что верная государю нежная душа
Чихнула по счастью царя и спаслась.
Когда государю пастух добра пожелал,
Любезность царя его наградила по-царски.

* * *

О том, в чьей природе есть чистота,
Можно писать такие рассказы.
От людей благородных изливается доблесть
Как свет из луны и блеск из Муштари¹⁸.
Знающий, если он не безумен,
Отличает фальшивые деньги от настоящих динаров.
Тому, кто с тобой ведет чистые речи,
Сердцем внимай, ибо их он приводит из мозга¹⁹.
Языку, у которого речи неправедны,
Ответ нужно давать молчаньем.

11. СКАЗАНИЕ ОБ АРХИМЕДЕ И КИТАЙСКОЙ ДЕВЕ

Певец, спой песнь поскорей,
Ибо от мыслей в мозгу стоит чад.
Спой так прекрасную песнь,
Чтобы мозг в голове успокоить.

* * *

Из философов тех стран и краев еще
Так рассказал один старец из стариков Рума:
Был из наперсников с царской осанкой
Некий искусник по имени Архимед
Из греков вельможного рода,
Такого благородного, как он, еще свет не видал.
Много сокровищ имел он, весьма был красив,
Лучше его у греков не было мужа.
Умен, рассудителен, образован и мудр,
Ухо открытым держал к наставленью ученых.
Назвал его сыном своим Аристотель,
Украсил [свой] дом, его обучая,
Искендер ему царский диван¹ поручил,
Так как видел от него избавление скорбным.
Деву, что хакан подарил Искендеру,
У ней с русами были все те сраженья, —
Он сему даровитому отдал красавицу,
Сердце искусника предал мыслям [любовным].
Когда косуля к охотнику в руки попала,
Он досыта не может насладиться сочной дичиной.
Китайской красотке так вверил он сердце,
Что черное горе улетело из дома².
Он так занят был ею, что долгое время
Не ходил для ученья к наставнику,
Учащему наставнику в дни уроков.
Нападал страх на сердце за его обучение:
Кажется, что-то стряслось с одаренным,
Что мысли в мозгу его помешались?
Сто учеников у него было в ученьи,
Учившихся от него [познавать] зло и добро.

Если Архимеда не было на месте,
То девяносто девять были под его руководством,
[Но] у учителя речь пресекалась,
Ибо от того чекана обновился старый узор.
А если бы только один он учился,
То у говорящего раскрылось бы сердце.
Единый слушатель, который разумен,
Бывает лучше сотни невежд.
Учитель призвал к себе одаренного:
«Как это так, что нас ты не вспомнишь,
Какое дело тебя отвлекает от знания,
Жизнь ведь нельзя провести в неведении».
Так отвечал [ему] Архимед:
«Жаждающему путь преградил родник.
Всех больше меня царь так обласкал,
Что луноликую мне подарил китайянку.
Я молод, и в подобный кумир
Как не быть мне влюбленным, в ту милую,
Из-за той добычи отстал я от той охоты³ —,
Ведь в двух делах одно сердце за одно не бывает».
Когда поняв учитель, что разумник
Стал пылким рабом своих страстей,
Он сказал: «Ту красотку ко мне
Прислать нужно без провожатых, —
И погляжу, как грабеж той разбойницы
Тебя удержал от [занятия] науками».
Покорился поклонник кумира,
Отправил кумира к мудрому старцу
Смешал мудрец горькое снадобье,
Что из тела выводит сырую слизь.
Не ту слизь, которая жизнь отравляет,
А ту, что приумножает кровь.
Он выпустил из ее тела закваску, —
Молодой кипарис вдвое сложил [свою] тень.
Набрал в чашу отважный мудрец
То, что вышло наружу из той закваски.
Когда он чашу наполнил слизью закваски,
Прелестный кумир стал на вид некрасивым,
Слетела свежесть с лица и красок сочность,
Чистая ртуть превратилась в воду и камень.
Призвал мудрец молодого ученого,
Отдал ему любимую чаровницу:
«Прими свою любовницу⁴, ласкай,

Веди домой обратно с ликовањем!»
Взглянув на идола⁵, благородный юнец
Спросил мудреца: «Кто эта дурнушка?
Где та, в которую я был влюблен,
К кому я был постоянно привязан». Мудрец приказал, чтобы из какого-то места
Представили ту закрытую чашу,
Снял крышку с чаши закрытой, —
Тому мастерству изумился [весь] мир, —
[И] молвил ему: «Вот твоя милая,
Вот этим желанье твое было занято,
На том основании, что пока тело девы
Было этим полно, она тебе нравилась,
Когда же в ее теле этой закваски не видишь,
Ты по облику девы зовешь ее безобразной.
К чему выпускать из крови мокроту,
И той мокротой и кровью любовь ублажать?
Не изливай свою воду в эту темную почву,
Ибо от этой почвы стал снять человек.
В этой капле воды непролитой
Смешано много отрад.
Нескольким девам из диких племен
Не отдавай понапрасну урожай жизни.
Для тебя одной пары будет довольно,
Ибо муж при множестве жен — одиночек.
Мир оттого сделался пестрым,
Что семь отцов у него и матерей четыре⁶,
Если ты хочешь, чтобы дети были дружны,
Они должны быть от одного отца и одной матери». Когда Архимед увидел, румийский мудрец
Какой мед извлек из восковых [сот],
Он с извиненьем таким облобызал его ноги
И впредь обратил взор к науке.
Но сердце его все к луне той стремилось,
Ибо, впрямь, он манящую зазнобу имел.
Когда опустилась снова зелень на ветви,
Для стройного кипариса поляна стала просторной,
Фиалка опять благоухать стала мускусом,
[И] голова нарцисса запылала от страсти, —
Тогда расцвели и розы той китайской девы,
Налетел ветерок и дорожку в винный погреб подмел,
[Опять] сердце забилося у Архимеда.
Как среди ветвей порхающая птица,

[Опять] он уши закрыл для наставлений ученого,
[И] раскрыв ворота наслаждения для услады и ласки.
Как пери он зажил с той периподобной,
Потому, что тот счастлив, кто скрыт как пери.
Учитель ему не делал упреков,
Извинял его сердце за такую любовь.
Когда один—два года прошли с той поры,
Очи китайской газели потеряли прелесть.
Осыпалась алая роза на землю,
Из сада исчез соловей, певший песни.
Ту красотку земля поглотила,
Точно также как красотки вино.
Небо раньше, когда ко мне было щедро,
Лучше этой мне подарило служанку.
Все то же занятие у ней — любовь и услуга
[И] тот же ум был в мыслях у ней.
Ланиты ее пешим сделали месяц,
Царю же она подставляла лошадь⁷.
Счастливый цветок, она пила мою кровь,
Кроме меня, никто не был ее мужем.
Когда очи мои она сделала источником света,
От моих очей в ее глаз дурной удалил.
Хищное небо вот такую похитило,
Ты бы сказал, пока было [небо], ее совсем не бывало.
При том удовольствии, что у меня от нее было,
Что мне сказать? Пусть бог ею будет доволен!
Чудная судьба у меня от [творения] сказаний:
Когда обновлю я сказанье старинное,
То на том торжестве, где я сыплю сахар [творенья],
И в жертву приношу супругу сахарноустую⁸.
Когда мастерил я сладкое блюдо Ширин⁹,
Я утратил ту, которая дому давала сладость¹⁰.
Когда я ограду обвел вокруг клада Лейли¹¹,
То в жертву принес там другой самоцвет¹².
Также и ныне, когда к концу подошла новобрачная¹³,
Препоручил я Ризвану¹⁴ еще новобрачную.
Не знал при печали по нескольким женам,
Как завершу я историю о Руме и Русе.
Лучше, если прежнюю скорбь я оставлю
[И] этим сказаньем себя развлеку.

12. СКАЗАНИЕ О МАРИИ-ЕГИПТЯНКЕ

Сыграй, музыкант, старинный напев,
Песнь сыграй на лад магов.
Тою песнью одной меня, бедняка,
Уважь и возбуди стремление.

* * *

Избранный мудрец, выдавший свет,
Так заставил рассказ сбросить завесу,
Что была египтянка в Сирийском царстве,
Отец за главенство дал ей имя Мария.
Множество было у ней крепостей знаменитых,
Но она их покинула от насилия врагов.
Ее ненавистники одержали над ней верх,
И мир ее делу нанес поражения.
Когда от врагов ее дело дошло от отчаянья,
Она прибыла ко двору повелителя мира,
Чтобы царя просить для себя правосудия,
[Чтобы] насладиться своим цветущим владеньем.
Искала защиты она для себя у дастура царя¹,
При той справедливости у него правосудья просила.
[Но] когда увидела, что ищущий знания везирь,
Многих людей обучает науке,
Она побоялась просить правосудия,
[А] ученье науки для нее стало легким.
Она в сердце стерла вопрос правосудия и неправосудия
[И] отдалась наставленно в знанию.
В услужении мудрецу века
Она стала дерзкой поклонницей, наиболее смелой
Из прочих дев, что в услужении были.
Кроме нее, никто не был допущен к воде для рук²,
От воздержанья, что [место имело], учитель
Закрывал глаза всякий раз, когда лицо она открывала.
От подобной руки, с которой струилась вода,
Он видел только воду, на руки ему попадавшую.
Когда она заметила, что мудрец целомудренный,

От ее камфоры стал глотать камфору³,
К той склонности, что есть у женщин к мужчине,
Сердечная страсть ее сразу остыла.
Все помыслы она отдала изучению науки,
И покаялась в прежнем влечении к радости.
Аристотель мудрец пред ласкающей сердце
Врата своего знания раскрыл широко.
Много перлов он нанизал перед той несверленной жемчужиной.
Много речений изрек неизреченных.
О тех науках, что легко не даются в руки
Все, что есть, он ей рассказал, одно за другим.
Ищущая знания дева, для знаний рожденная,
Словно скрижаль вписала [в себя] всякое знание.
К своему государству она ум обратила,
Чтобы соблюсти обычаи предков.
На это дело у нее не было силы,
И не имела снаряжения в дорогу.
Когда мудрый учитель такое дело увидел,
Что без богатства стать нельзя властелином,
Он для того самоцвета применил алхимию⁴
[И] своим эликсиром ее сделал алхимиком.
Посредством алхимии повелителем стала Мария,
Стала прославлена в науке алхимии.
Когда государев везирь от своего знания
Силы предал ей подобным богатством,
То по указу царя в ее государство
Отправил ее с богатством и войском.
Когда рьяная в свою страну поспешила,
Она исподволь владенье свое возвратила.
Она так перестала нуждаться в сав'е и бадж'е⁵,
Что во владении своем отменила харадж⁶.
Она так усовершенствовалась в алхимии,
Что из сырого серебра делала чистое золото.
Множеством золота, что наделала сребротелая,
Она земным обитателям открыла ворота богатства.
На весах все равны — что камень, что золото, для того,
Кто без веса добывает золото.
Из ее малой рати не попадался никто,
Кто подков золотых не подбивал бы коню.
У каждого, кто при ее дворе состоял,
Если был хоть осел, то и он седло имел золотое.
От обилия золота, что для убранства копили,
[Даже] собак держали на золотых цепях.

Толпа мудрецов, поклонников знания,
Стала нуждаться в средствах для жизни.
Они разузнали о том тайном богатстве
[И] поспешили прийти лицезреть драгоценную.
Представили просьбу той россыпи сокровищ:
«Нам нищета доставляет лишенья,
Как прочие люди, ремесла мы не знаем,
Разве только размышленье о мире.
Мы отвернулись от мирского занятия
[И] лишены пропитанья дневного.
Быть может, призревающая бедняков госпожа
Перед нами откроет ворота богатства.
Благодаря уму и совету научит
Нас кое-чему из своего знания алхимии.
В мире подобных кладов жемчужин есть много,
Ключи к дверям сокровищ у каждого есть,
Быть может, мы сумеем снискать пропитанье дневное,
Не будем нуждаться в людях на свете».
Дева, красящее дело со светлым сердцем,
К прошенью тому отнеслась благосклонно.
Был один прекрасный чертог
Из гранита возведен [в виде] мукарнаса⁷.
Она как невеста, взошла в тот блестящий покой,
Прикрыв диск луны черным шелком,
Как нарцисс и мускосная ива украсив
Черные волосы белыми бусами.
Крест-на-крест как аркан, две черных косы
Она вокруг тех бус обвила.
Взиравшим сказала: «На косы мои
Вы взгляните над дугою бровей моих,
На символ моей тайной науки
Взгляните на утро чело моего».
У внимавших в том деле
Язык в заблужденье впал от такого красноречья.
Один сказал: «То указанье было на бусы,
Которые прозрачны и ярки словно Зухре»⁸.
Другой скрытую тайну искал в волосах,
Ибо сперва он те бусы увидал с волосами.
Каждый [по своему] стал разъяснять то занятие,
[И] разногласие появилось во мнениях.
Из-за тех слов каждый часок поразмыслил,
[Но] никто не постиг учености мудрой.
На другой день они предъявили прошение,

В том отношении вторую главу попросили⁹.
Воссела красавица на своде чертога,
[А] тех людей усадила пониже.
Речь повела о богатстве¹⁰ просимом,
Словно запертый клад она расписала.
Историю о вершине горы с мандрагором,
Из чего искусники делают философский камень,
Тот самый камень, что является россыпью золота,
Гляди, как ее речь любовно к алхимии.
Таинственно она объявила сокрытое,
У нее [к] запору железному ключ золотой.
До мудреца дошла эта речь, он нашел клад,
К невежде пришла, нашел огорчение и горе.

* * *

Коль у философского камня сущность в растении,
То растение калома¹¹ — сущность алхимии.
От сего философского камня [дается] всем мастерам¹²,
Отказу нет — сколько просят, имеется.
Философский камень бывает у того в обладании,
Кто не бывает обманут алхимиком.

13. РАССКАЗ О ХОРАСАНЦЕ И ОБ ОБОЛЬЩЕНИИ ХАЛИФА

Я слышал, был один хорасанец-ловкач,
Он уехал в Багдад, когда дело ослабло.
Надувательство¹ он применял, и, о чудо!
Хорасанец прибыл, и его чары сбывлись.
Те чары, с помощью коих хорасанцы
Легко играют багдадцами.
Тысяча динаров египетских была у него, словно воск²
Деньги такие, каких нет в Руме,
Один за другим он раскрошил их напильником
И быстро смешал с красной глиной³.
Из той красной глины наделал он бус,
И погляди, какую выкинул с бусами штуку!
Перед аптекарем он сосчитал эти бусы
И под печатью своей ему поручил эти бусы:
Ты де тайком эти бусы спрячь в ларец, —

Ай-да жулик! Ай-да ловкач! —
Это тебе я продал за один лишь динар
[И] этим мошну [тебе] сшил для наживы.
Когда придет время, я то, что хранишь ты с трудом,
Обратно куплю раз в десять дороже, а рудник сокровищ!
Аптекарь спросил: «А как называется это?»
Ответил: «Табарьяк», — и закончилась речь.
Когда же вернулся из лавки аптекаря,
Он снарядился волшебством алхимии.
В халифском дворце он [так] возвестил:
Что некий алхимик приехал искусный.
Я де проник в тайны алхимии,
В знанье камней-самоцветов никто мне не пара.
Если действия мои приведу в исполнение,
Десятком станет один, десять сотней и тысячью сотня.
Сперва мне дать надобно сто золотых,
Чтобы мной была сделана из той сотни тысяча.
А также зрителей верных, знатоков людей,
Ко мне пусть приставят и меня стерегут.
С моей стороны коль выйдут странные действия,
Пусть они в этом деле не говорят мне ни слова,
А если я буду уклоняться от правды,
То у меня голова и кровь, а у вас меч и чаша!
Когда услышал халиф об алхимических действиях,
Он золота дал по соблазну, а купил лишь притворство.
С хитростью лисьей тот отважный как лев
Пролил чистое золото на пустое вино.
Когда от тех денег остался десяток,
[Тогда] к [своему] приступил он искусству.
Он сделал горн, тяжелый словно золото,
[И] кое-что вложил в него из разных снадобий.
Послал он в верхний город и в нижний
Сыскать «табарьяк», но его не нашлось,
В конце концов сторожа мастерской
Пришли к аптекарю вышеуказанному.
Красную глину его за динар золотой
Купили и принесли к тому человеку.
Хорасанец раскрошил мелко те бусы
[И тут] проявил кое-какое проворство,
Бросил в горн и огонь [в нем] раздул,
На месте осталось золото, а другое! исчезло.
Плавку он вылил в тонкую трубку.
[И] вышло червонное золото, цветом как яхонт,

Об этом рассказ дошел до слуха халифа,
Что новое золото из старой копи явилось.
Золото он увидел в соупутствии с прибылью,
Сам-десять возросшее во властных руках⁴.
На богатство надеясь такое блестящее,
Он ему оказал много ласки и милости.
Того магрибского золота, пробы египетской
Он ему переслал десять тысяч [динаров]:
«Пусти это в дело, о добрый советник,
Чтобы мне уплатить тебе награждение.
Мои пристава тебя оставят в покое,
Потому что к тебе у них есть доверие,
Поскольку в том испытании ты оказался искусным
[И] пришелся как раз по весу дела».
Хорасанец тот клад принял с жеманством,
Как разбойник в набег повязал [себе] пояс,
Пустился бегом по дороге домой.
Несколько дней он с приказными пил вино,
Лег спать и сном их усыпил.
[А] когда встал, то усадил их на землю⁵.
Арабских коней и дельных гуламов
Купил сколько нужно и навьючил поклажу.
Дорогой, от которой глаз не видел следа,
Он ушел так, что в мире его никто не заметил.
Когда проведал халиф об этом обмане,
Что хорасанец унес украшения и злато,
Он о «табарьяке» вспомнил рассказ
[И] кроме него все, что слышал, счел пустяком.
Стал известный искать о продавце «табарьяка»
[И] усмехнулся, когда до слуха его дошла та издевка.

* * *

Возможно, что слово «табарьяк» искажил переписчик,
Почувшись риторике и ухвати его смысл⁶.
О каких бы ты чарах не слышал от алхимика,
Смотри, не прими его уловку за правду.
В это дело никто не вступал,
Кто бы не пострадал от забавы алхимии.

* * *

Искендер в Греции услышал известие,
Что посредством богатства Мария стала маром⁷.
Царю рассказали, что та [дева]-львица

Отважится [скоро] ловить добычу.
Она дева искусная и знает обычаи,
Никто меры не знает для ее серебра.
Ей, должно быть, известны тайны богатства,
Богатством она заполняет мир.
Она волшебством из камня делает золото,
Битые ракушки превращает в жемчужины.
Золотых сокровищ она сделала больше,
Чем Карун накопил под землей.
Если главу не снесет ей меч государя,
Она скоро возьмет мир богатством и войском.
Войско доставит врагам беспокойство,
Ведь воин только к деньгам стремится,
Государь устремился, чтобы ее притеснить,
От ярости он запылал словно солнце.
Стал о том размышлять, как ту чистую душу
По совету врагов обречь на погибель.
Когда о пламени гнева царя царей
Весть донеслась для мудрого дестура,
Он к повелителю собрался на служенье,
Красноречия много он с ним пустил в ход:
«Та дева — дева с душой святой,
Нижайший слуга покорителя мира⁸,
Готова служить тебе в Сирийском владеньи.
По природе служанка и по службе гулам.
Долго она у меня в слугах ходила,
Стала моей ученицей в нескольких искусствах⁹,
Я знаньем сердце ее просветил,
В тайне ее кое-чему обучил,
Дабы столько она раздобыла достатка,
Чтобы в людях на свете ей не нуждаться.
На нее гороскоп я составил и видел,
Возвещал о богатстве он и владеньи
Каждый, кроме него, кто это искусство применит на деле,
Не насчитает и крупницы из ее сокровищ.
По мудрости счастливой звезды, добро отмеряющей
Кроме Марии, никто не стал владыкой сокровищ¹⁰.
Теперь, когда ей досталась эта способность,
Она воссела на место дедов».
Когда государь оправданье дестура услышал,
Он от дела того отвернул свой помысел.
Дестур же, похитив печаль из сердца царя,
Сейчас же послал человека к Марии.

Приказал, чтобы царю принесла извиненье,
[Чтобы] того же гонца в путь [тотчас же] послала.
Услышав эти слова, разумная дева,
Отперла старый клад нового золота.
Снарядила посланца [в дорогу],
Послала сокровище властелину,
Такое, что много весов, сокровища мерящих,
Не видели сразу столько богатства.
Когда ее сердце нашло путь к подношению сокровищ,
Гибель она от себя отвела и гнев от царя,
Подношенье дирхемов гасит огонь ненависти,
В сердцах унимает давнишнюю злобу.

14. СКАЗАНИЕ О БЕДНОМ ХЛЕБОПЕКЕ И О ЕГО БОГАТСТВЕ ПО СЧАСТЬЮ СЫНА

Певец, спой ту чудную песнь,
Необычайней стенанья соловья.
Песнь, в которой бывает довольство,
[А] не песнь, что от несчастья бывает¹.

* * *

Так разнеслось по румийским краям,
Что с чужой стороны один прибыл бедняк².
В короткий срок он стал столь богат³,
Что хозяином стал караванов сокровищ.
Не ведал никто тот громадный, как море, клад
Скопился у него из гор иль из моря,
Один его относил к копанню руды,
Другой полагал грабежи на дорогах.
В конце концов его не оставили,
[И] рассказ [о нем] донесся царю мира,
Пришел де с дальней дороги бедняк⁴,
Ни блеска в мошне, ни света в миске⁵.
В течение года иль больше, иль меньше,
К рукам он прибрал столь много дирхемов,
Что если к нему царь приставит десяток писцов,
Ум не в силах окажется их перечислить.
[И] был он [всего лишь] хлебопеком несчастным, —

Ни проточной воды, ни хлеба насущного, —
[А] теперь продает лалы и жемчуг,
Как может смолчать об этом разум?
Ни сева, ни торга, ни ремесла,
При закваске такой, где ж тут корень и ветви?
Было бы так справедливо, чтобы царь всего мира
В его делах учинил тайно розыск.
Повелел миродержец, чтобы тот муж благородный
Смыл бы грязь со своей пользы.
Наедине поцеловал бы руку государя,
От поношения не поднимал барабанного боя.
Богатый, счастливый указом царя,
Во дворец пошел на служение.
Вошел, пред царем облобызал прах,
Прах облобызав, вознес славословие,
Когда государь увидал, что его счастье молодо,
Он подозвал счастливица к престолу.
Помянул он ему много хорошего и дурного,
Речи, которыми можно открыть сокровище:
«Ты человек почтенный с благородным обличем,
Благосклонно на тебя взглянуло небо.
Я слышал, что когда ты здесь поселился,
То в день ты [не мог] уплатить за дневное питание,
А теперь у тебя добра стало столько,
Что его увезти караваны не могут.
Для такого богатства нужен был труд,
А коли нет, так я богатства больше достоин.
Если правду ты скажешь, как было дело,
Не бойся меня, будь спокоен за добро и за жизнь.
Ну, а если ложные речи ты поведешь,
Я жизнь и добро отберу у неблагодарного».
Когда слушавший понял, что от гнева царя
Для него нет прибежища кроме правды,
Он повторил целованье земли пред царем
[И] так сказал: «О государь, ласкающий бедных,
Мир не видал от тебя проявления тиранства,
На свете тебя поминают добром.
Правосудием твоим столь довольны подданные,
Что если жизнь ты потребуешь, они отдадут.
У меня добро и богатство рождены землей.
Оно от подаяний твоих и от твоего правосудия.
Если ты примешь все, что есть у меня,
То скажи, я от всего отреку руку

И отдам нижайшему рабу у царя,
И поцелую прах у сего чертога.
Поскольку сказал царь: «Расскажи про себя»,
Я расскажу, как эта вода побежала по руслу.
Сначала, когда я прибыл сюда,
На руках у меня никакого не было богатства.
Печаль нищеты разбила мне сердце,
[И] я взялся за ремесло хлебопека.
Но и от этого ремесла мне не было достатка,
Ибо в занятьи моем не было постоянства.
В стране, где бывает царь справедлив,
Доход хлебопека засыхает как ветка.
Не зная, что делать, я метался повсюду
И от нужды это сделал своим занятием.
Была жена у меня, скромна и покладиста,
Случайно жена от меня стала чреватой.
Небо для нас повернулось к несчастью,
Солнце сразу от любви отвернулось.
Жена моя чище запаха мускуса,
Со мною довольствовалась куском хлеба сухого,
Но когда подоспело ей время рожать,
Стала нуждаться в пище⁷ горячей
Из того, что в пищу могло бы пойти,
У меня ничего кроме крови не было в доме.
В доме я, жена, да и только.
Она мне сказала: «О супруг и помощник,
Если б [сумел] раздобыть ты похлебки,
Ты мне, зачахшей, вновь вернул бы красу,
А если же нет, то знай, [для тебя] я пропала,
Буря стала свирепой и корабль разбила».
Когда я увидел красотку такую,
Я из дому вышел, рыдая и плача,
Туда и сюда по всем городским околоткам
И бегал: не найду ли немного съестного.
Я не видел двери, что не была бы закрыта,
Ведь беда меня поразила жестоко.
[Но вот] я дошел до отдаленных развалин,
Чертоги в них поровнялись с землею.
Долго я бродил вокруг тех развалин,
Спя как див в каждую щель.
[Вдруг] я нашел жилище старинное,
На дверях его осели копоть и пыль.
Яркий огонь там был разведен,

Горело в нем много харваров топлива.
Увидел я огнепоклонника, черного зинджа
С глиняной кружкой вина в руке.
На огонь он поставил просторный котел,
А в нем копченое мясо нарезано жирное.
Заметив меня, зиндж быстро вскочил,
Стал извиваться, как делает дым,
[И] крикнул мне: «Эй, чертов сын,
Как пришло тебе на ум напасть на меня, —
Ты вор и я тоже вор, разве так можно?
Идти воровать у воров — это грех!»
Из страха пред зинджем и себя оберегая
Я, сбитый с толку, не знал, что мне делать.
Стал держать речь я на лад зинджей,
Добра пожелал и его подкупил:
«Что я де из бедности и от нужды
От этой сени осел по соседству.
О благородстве подобного тебе, порождающего львов,
Я слышал рассказы от разных людей.
Незванным к тебе я обрушился в гости,
Склонил свою голову под твои ноги,
Может быть, из-за тебя мое дело удастся,
Достанутся средства в такой нищете».
Когда зиндж увидел, что мой язык жирный⁸,
И услышал такие сладкие речи,
Он от сладкого с жирным бросил бороться,
Ибо сладкое с жирным соблазняет врага.
Он спросил: «Ты знаешь застольные песни?»
Я сказал: «Да», [и] он для меня принес руд.
Я от него принял руд, тешащий любящих,
[И] из расстройств⁹ его на иной лад настроил.
Кончик плектра я к струнам приставил
И извлек чарующий напев.
И заставил его [издавать] звук и бурление
Как котел, начинающий закипать на жару.
Он то вина отпивал из той кружки,
То плясал в надежде на деньги.
И несколько песен сыграл, соблазняющих зинджа,
Из души зинджа тянул я терпенье.
Он стал обходиться со мной, как товарищ,
[И] когда опьянел, то раскрыл тайну:
«Я де ночью в сих развалинах замка
Пребываю в надежде [получить] деньги.

Есть еще один зиндж, со мной он ровесник,
Он не выпьет вина, не помянув меня.
[Вместе] нашли мы спрятанный клад,
Который не оберегал ни один дракон¹⁰,
Только разве мы, будто драконы,
Из сердца отбросили стыд перед всеми.
Вот уже с год, как из этого клада
Мы вместе вкушаем и не мучим себя.
Я здесь сижу вот так, без ровесника,
[А] другой зиндж пошел за богатством.
Из всего серебра и золота клада
Пожалуй осталась еще одна ноша.
Поскольку сегодня ты к нам пришел в гости,
Твой приговор—закон в нашем доме.
С условием, когда тот бродяга придет
И притащит алые лалы¹¹ и желтые яхонты,
Ты скроешься в уголке жилища
[И] терпеливым будешь, словно мертвец,
Ибо выдумал я, о разумник,
Тому дракону ущерб нанести. >
Весь клад, что он принесет, я один утащу,
В угол засяду и один буду есть.
Тебе на него тоже долго поутру
Я дам, чтобы сердце твое было радо от клада».
Я и зиндж увлеклись разговором,
Как вдруг дошел до ушей звук шагов.
Я с места вскочил и заполз в уголок,
[А] в сердце моем то шип, то померанец.
Вошел чернолицый как будто уголь [и],
Принес на спине одну ношу добра.
С трудом он свалил ее с шеи наземь,
[А] шея крепка у него как у быстрого льва.
Прежде чем развязать эту ношу,
Он съел половину копченого мяса,
Поглядел — товарищ его спал.
Он сделал с ним то, что тот говорил:
Булатным клинком его ударил по шее,
Его голову сбил ему же в полу.
От страха я чуть было с ног не свалился,
[Но] снова себя поставил на место,
[А] зиндж, отрубив своему другу голову,
Его тело кинжалом разрезал на части,
Половину одну завернул, на плечи взвалил,

[И] вышел, я же остался без ума и без чувств.
Через несколько времени, показавшегося долгим,
Я увидал, что он снова вернулся.
Половину другую он так же разрезал,
На прежний манер завязал и унес.
Поскольку я видел, что путь его долог,
[А] ночь была из числа темных ночей,
Я как орел поспешил к тому кладу,
Бросился быстро к ноше богатой.
Эту ношу [себе] я на плечи взвалил,
Как другой зиндж убитого зинджа,
Копченого мяса кипящую миску
Прихватил [и] молча направился к дому.
Я дошел до своих ворот так,
Что кроме счастья никто мне не встретился.
Когда я вступил в дом по воле счастья,
Я с плеч скинул ношу и бремя с сердца.
До ушей долетел голосок новорожденного,
И от того веселей стало мое веселое сердце.
Дал жене копченого мяса. Она съела
[И] после терпенья долго молилась.
О счастливом дитяти я [ей] сообщил,
То был сын — а сын — венец головы,
Я развязал узел связанной ноши, —
К сердцу больному приложил пластырь, —
Что я увидел! В ней целая россыпь
Яхонтов, золота. В ней все, что ты знаешь!
С кладом таким я россыпью стал самоцветов,
Я стал с той ночи богат словно море.
Сердце мое ликовало за счастливого сына,
Ибо он стал близнецом жемчугов и сокровищ.
Все богатство появилось с той ночи,
Ибо ночь была с кладом, а клад был с ключом»,
Таково с рассказавшим было приключенье,
Когда речь досюда дошла, он свернул лист¹².
Царь о времени рождения сына его
Узнать пожелал и об условиях зачатия.
Вышел доблестный муж и из дома
Принес образец [его] гороскопа.
Царь тот список таким, как он был,
Быстро отправил к мудрому Валису:
«О всем, что есть в этом гороскопе,
Ты так расскажи, как узнаешь из звезд.

О добром и злом для него узнай тайну,
И когда тайну узнаешь, ты [ее] объясни»:
Когда до Валиса дошел царский указ,
Он посмотрел хорошенько на звезды.
Он постарался выяснить, как глядела каждая [из них],
[И] обстоятельства тайные для него достоверными стали.
Послал, написав, о том, что [сам] видел,
Не о том, что от кого-либо слышал.
Когда царь прочитал приговор Валиса,
Он удивился тому приговору.
[Валис] так составил образец гороскопа
На основании письмен, что были за завесой:
«Этот счастливый — сын хлебопека,
Он благодаря свету счастья одарен богатством.
Он родился от матери в нищете,
[А] когда родился, небо одарило его богатством.
Взлетом его стал счастлив отец,
[Стал] богатым победой его тайны.
Несомненно, что раз он удачно родился,
То он наступит ногой на сокровище»¹³.
От рвения царь взволновался как море,
Милость оказал продавцу самоцветов.
Потом он его весьма обласкал
[И] одним из своих наперсников сделал.

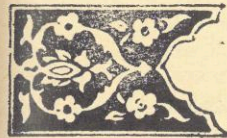

15. ОТРИЦАНИЕ СЕМИДЕСЯТЬЮ МУДРЕЦАМИ РЕЧЕЙ ХОРМУСА

Певец, настрой саз на свой лад,
Хоть разок сними покров¹ со своего напева!
Нам не хочется грустных песен,
Наше намерение — только громкое и радостное [пение].
От времени до времени философы Рума
Собирались вместе из всех стран и краев
[И] устраивали со знанием и разумом
Беседы, уащие сердце и возвышающие душу.
Тот, чьи доводы оказывались сильней,
Становился главою над теми вождями.
В тех беседах Хормус остроумный
Прекрасные мысли имел при изречении истины.

Из всех, кто больше доводов приводил,
Тому он более склонялся.
Из-за обилья речей о силах небесных
Греки стали к нему относиться ревниво.
Собрались вместе семьдесят мужей
[И] составили общество, чтобы его отрицать.
«Что бы ни сказал он — мы не поверим,
Как бы красны ни были речи — мы не слушаем.
Его мы смутим своим отрицаньем,
При отрицании речь невозможно развить».
Такое условие они заключили друг с другом:
Как только Хормус из рудника извлечет самоцвет,
Они из моря его выливать будут воду,
Будут прах посыпать на вместилище кладов,
Не будут вникать в его изречение истин,
Заткнут [себе] уши, отрицающая оратора.
Когда Хормус начал говорить речь,
Раскрыл ворота божественного знания,
К каждому замыслу приводил довод,
Который как свет озарял сердце и очи.
[Но] тем речам он у них не видел одобрения,
Только одно отрицание громкими криками.
Он еще раз раскрыл новый клад.
На иной лад снова положил основание, —
Объяснение столь ясное и для сердца приемлемое,
Что не только и в сердце проникло, нет, даже и в камень!
Далее он не видел силы в той речи,
[Зато] видел, что они дружно отрицают.
В третий раз разумом, разрешающим трудности,
Он то представил, что представляет истину.
Прекрасную речь, тешащую сердце,
Он им прочитал, один длинный раздел.
На трепет голоса, столь звенящего,
Никто, его слушая, не кивнул головой.
Когда изнемог от своей речи оратор,
Язык оцепенел и гортань надорвалась,
Он понял, что неразумным путем,
Они с божественным доводом спорят.
Когда и следа кивка он ни в ком не заметил,
Он дрогнул, лицо отвернул от соперников.
[И], крикнул им: «Эй!
С места никто не вставай до воскресенья из мертвых!»
В то же мгновение семь десятков мужей

Движенья лишились и застыли на месте.
Так как в верном напеве они криво сыграли²,
То в этом мире у них отняли платье³.
Они свесили головы к своим ногам как вода⁴
[И] на месте своем застыли от холода.
Искендер, услышав о таком состоянии,
Взошел как звезда над тем собранием.
Из того леса кипарисов с запахом мускуса
Один свежим остался, а семь десятков засохли.
Спросил, и Хормус рассказал ему тайну:
«Стремление высокое врата неба раскрыло».
Искендер ему воздал похвалу
И оттуда во дворец свой вернулся обратно,
За тайной беседой с разными лицами
Он об этой истории рассказывал много,
Что Хормус в урагане семи десятков людей
Был похож на волну, а семь десятков на щепы,
Толпа, заткнувшая уши к его правоте,
Умерла, когда разум представила глупым.
За сокрытые поученья наставника,
Гляди, [какой] саван на них надела судьба.
Изложение, что бывает сильным доказательством,
Если ты не внимаешь, бывает плохим.
Жемчужину, что бывает венцом на темени,
Не к добру швырять на землю.
Не доблестно отвращать лицо от науки,
Узорный шелк разрывать [и] ткать грубый [холст].
Если ты с мудрецом поступаешь учтиво,
Ты свою проявляешь ученость.

16. СОЗДАНИЕ ПЛАТОНОМ НАПЕВОВ ДЛЯ НАКАЗАНИЯ АРИСТОТЕЛЯ

Певец, сыграй мелодию с жаром,
Голосом нежным песнь заводи.
Не станут ли дела мои жарче,
Не пройдет ли застой на базаре моем.

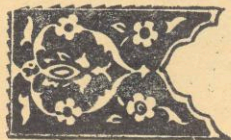
Когда барабанщик огрел барабаниную шкуру,
 Он согрел прохладный воздух печной,
 Черный ворон изнемог без надежды,
 [И] начал белый петух распевать,
 Искендер восседал на румийском престоле, —
 Язык точно пламень, а мозг словно воск.
 Все мудрецы, сотня за сотней,
 Расселись рядами под престолом его.
 Соразмерно каждой науке то больше, то меньше,
 Шла у них вместе беседа.
 Один держал речь о природном,
 Другой о божественном распутывал узел,
 Один похвалялся наукой² счисления,
 Другой об измерении мечтал и строении.
 Один штамп выбивал на монете науки,
 Другой притязал на волшебную силу и славу.
 Каждый себя восхвалял в каком-нибудь знании,
 Ученым² [был] каждый в своей науке.
 Аристотель, воодушевленный поддержкой царя,
 Выше всех превознес свою степень:
 «Всем мудрецам подам помощь я,
 [И] в знании другом не нуждаются мудрые люди,
 Монета мудрости пущена мной в обращение,
 [И] мудростью я для всех предводитель,
 Такое-то доброе знание от меня появилось [на свет],
 Такой-то от меня услышал такую-то тонкую мысль,
 Не говорю и в этом деле неправды,
 Я с аргументом притязую на славу».
 Из-за сердца царя и его подтверждения
 Уста согласились одобрить его⁸.
 Платон возмущился этим собранием:
 Ведь он превосходство имел во всех знаниях,
 Так как началу⁴ всякого знания,
 Что они обретали, они от него научились.
 Он вышел, из-за света насупив⁵ лицо,
 [И] словно анка⁶ исчез с царского пира.
 Несколько суток он не спал, размышляя,
 Пока не извлек из сокрытия песнь.
 Он в бочку залез, потерял след людской
 И искал лишь след голоса семи небосводов.
 У того, кто поет чарующим голосом,

Звучание бочки делает голос приятным.
 Может быть, заставляющий петь голос руда
 В этой бочке спел песнь под этим предлогом.
 Господин звездочетной башни, заняв место в бочке,
 К небосводу обратился и к звездам.
 Того благозвучия напева, которое он слышал там,
 Он здесь явил образец.
 Когда для того звучания он у руда нашел строй⁷,
 Музыкант на этот лад натянул струны.
 Пустую тыкву на время игры
 Он обтянул кожей, струны приделал,
 [И] кожу газели вычернив мускусом,
 Он свежий напев возбудил из сухих струн.
 Затем по обычаю и образу, как он хотел,
 Он создал органон некоей формы.
 На нем совершенный напев и звучания
 На струнах настроенных искусно сыграл.
 На басах и дискантах переливчатого звучанья
 Он то нежно плектром водил, то резко.
 Мягким и резким [ударом], дискантом и басом,
 Он напев сочинил из голоса льва и коровы.
 Удался такой строй звучанья,
 Что где ни играл он, он обоим сковывал ноги.
 Тот самый строй от человека до зверя
 Один за другим был сыгран на струнах,
 Так что у людей от той мелодии
 Победила охота к веселью и пляске,
 [А] дикие звери от того органа⁸
 Один пробуждался, а другой засыпал.
 Когда же на строй голоса всякой твари
 Ему удалось добыть много ладов,
 Он из музыки построил систему,
 Которую кроме него никто [не мог] постичь.
 Он так заставлял звучать каждый строй,
 Что у стонущего сердце приводил в возбужденье.
 Он до того довел музыку, когда играл,
 Что благодаря ей ученый узнавал порок и болезнь.
 Согласно канона от такого звучания небесного.
 Разум обретал известье о всякой причине.
 Когда струны того органа были закончены,
 Жженое алоэ стало прекрасней сырого алоэ,
 Он вышел в степь и на нем заиграл,
 Сыграл кое-что при каждом строе.

Вокруг себя он квадрат начертил,
Сел внутри и песни певал,
Всяких зверей из гор и степей
К себе он согнал многими стаями.
Каждый бежал на голос его,
Склонял голову к черте: его игры.
Все чисто один за другим чувства лишились,
Попадали на землю [все] словно мертвые.
Ни волк молодой ни обидел овцы,
Ни лев свирепый не тронул⁹ онагра.
При строе ином, который он знал,
Он песню завел на том органоне
Так, что те звери подняли вой,
Из бесчувствия снова в чувство пришли
[И] по степям разбежались.
Кто помнит еще приключенье такое?
По свету пошло такое известье,
Что яхонтов россыпь стала сыпать яхонтами.
Платон де сочинил такую песню,
Что кроме него никто той песни не знает.
Из руда сухого он [такой] извлек голос,
Что от свежести небо вниз повергает.
Когда в одном строе он персты свои водит,
На звуки его засыпают все звери,
Когда в строе ином он заспешит,
Он спящих в чувство приводит от сна.
[И] поднялась молва в чертогах царя,
Что Харут поспорил с Зухре.
Аристотель когда услышал, что разумник
Поднял такого рода дело,
Он тем мастерством был подавлен, печальный,
Как соперник, который пристыжен соперником.
Засел он в раздумье в углу дворца,
Стесненному сердцу предоставил широкое поле.
В связи с тем уроком, тайно написанным,
Который был чудесным узором и редкой монетой,
В том деле высоком он много трудился,
Много дней и ночей посвятил размышленью.
И, наконец, после долгих трудов
Он нашел кончик нити [той] тайны.
Он распознай при помощи острого взгляда,
Как возникает звучание руда,
Как он до уха доводит напев.

Чувства лишает и в чувство снова приводит.
Тот самый строй нашел его ум,
В котором первый мудрец [струны] настроил.
Он отправился в степь и напев заиграл,
Приступил к заклинаньям бесчувствия.
Когда он у тех, кто в уме был, чувства отнял,
Стал он играть по иному на умолкнувшем руде.
[Однако] не помогло ему счастье в том строе,
Чтобы бесчувственному [вновь] вернуть¹⁰ разум.
Он старался заставить зазвучать
Напев, который уснувшего в чувство приводит,
Но сколько ни брал он строев, он не сумел,
[И] в том деле в тупик встал, о чудо!
Когда он изнемог от ненахожденья, —
Не подобает отворачиваться от наставника, —
Он по [своей] охоте пошел к нему поучиться
[И] сразу ему передал бразды [управления].
Он спросил: «Тот дивный строй,
Который бесчувственных делает трезвыми,
Я не знаю на ладах его голос
Каков? И как мне находить его?
Платон, когда понял, что тот гордец
Стал нуждаться в его наставлении,
Весело провел черту вокруг себя,
Заиграл, пока строй не явился.
Все в степях, и онагр и барс,
У черты тесным кругом сомкнулись.
В бесчувствии от его первого строя,
Они головы склонили на черту его круга.
Еще напев он сыграл,
Так что [и] мудрый Аристотель чувства лишился.
Когда он без чувств был, [Платон] мелодией чудной
Всем зверям в мозг вернул разум.
Опять заиграл он в строе, разум дающем,
Так что Аристотель взвился как знамя.
Он застыл, пораженный, на месте,
Ибо не знал [ничего] о тех зверях.
Как из бесчувствия они в чувство пришли,
Что было то, когда они от него стали вить.
Он понял, что мудрец, играющий песни,
От него хитростью держит тайну сокрытой.
Он произнес похвалу и так просил у него извиненья,
Что фальшивый напев им был исправлен.

Когда ему правильный строй был указан,
Он его записал, а свой [в памяти стер],
Мозг освежил он признанием его,
С ним обходился учтиво сверх меры.
Искендер, поняв, что в каждой науке
Платон в Руме стал учителем знания,
Сам повысил его в том превосходстве
И дал ему у себя повышение.

17. РАССКАЗ О ПЕРСТНЕ И ПАСТУХЕ

Приди, о певец, настрой же чанг,
Сделай горло сладкоголосым для пенья
[И] мне игрою на ченге своем
Произнеси на свой лад угожденье.

* * *

Назавтра, когда озаряющее мир утро
Победоносно довело ночь до дня¹,
Из родника солнца взошли цветы,
[И] словно рыба под воду канула луна,
Государь-венценосец взошел на престол золотой,
Опясав чресла поясом, полным камней драгоценных.
Все мастера расселись ниже престола,
[А] Платон поместился повыше [других].
Царь тому строю, в котором он напев сочинил,
Был удивлен: как узнал он об этом напеве.
Он спросил его: «О выдавший свет старец,
Из сердца извлекший покрытое тайной,
Вы ключом являетесь к замку познания,
Вашим умом появились науки,
Читали ли вы о ком-нибудь из ученых,
Кто больше вас обладал бы умением,
Кто бы мысль возбуждал в таких областях,
К которым суждены вашему доступна нет?»
Платон, после славословья большого,
Молвил так: «Сей небосвод бирузовый
Творил волшебства превыше того,

Что бывает доступно нашим сердцам.
А если их творили [наши] праотцы,
То их вызывали заклинаньем и магией.
Я говорю, в настоящее время одной из сотни,
Никто не ведает тайны наставника.
Если государь мне прикажет, немножко
Я расскажу, не десятую часть, а только лишь сотую».
Снизойшло позволение от главы справедливых,
Чтобы поведал мудрец то сказание.
Свет выдавший мудрец с ясным сердцем
Так рассказал: «О царь, приемлющий знание,
Я слышал, пары устремились с пылом,
Землю разверзли раскрытием расселин,
Извергла долина глыбу из недр,
[И] талисман из-под земли появился,
Из меди и цинка литая болванка,
А из нее произведен [был] образ коня.
Зияла в боку у большого коня
Дыра, словно дыра водоема.
Солнце когда ту дыру освещало,
Взор находил в ней картину сокрытую.
Той глубокой долиной пастух проходил,
На ровной степи он заметил пустую яму,
[А] в ней талисман виднелся блестящий.
Подошел пастух в глубокой долине
[И] из меди увидел коня, в его теле
Дыру соответственно телу.
В ту дыру при свете сиявшего солнца
Он взором окинул все [нутро] коня
И увидел покойника в нем с давних лет,
Ни один волосок у него не упал с головы,
На руке у него будто из золота перстень.
[С] камнем, сверкавшим словно Муштари.
К нему торопливо он протянул свою руку,
[И] перстень сиял с его пальца.
Когда у тебя в кулаке он перстень увидел,
Он его быстро надел на свой палец.
Звонких царских монет он уж там не нашел,
Оставил гробницу и вон поспешил.
Погнал вперед стадо и радуясь шел.
[И] был терпелив до ранней зари.
Когда небо манджук² млечнолицего
Знамени превратило в блестящее солнце³,

Пастух пошел к хозяину стада,
Пустив стадо бродить по горам и долам,
Чтобы перстень с камнем положить перед ним
[И] узнать приблизительно цену.
Хозяин стада, увидев, что прибыл пастух,
Речью язык развязал [и]
Расспросил об ягнятах и овцах,
Внимавший же дал ему добрый ответ.
Во время беседы пастух
Ему иногда становился невидим,
[Затем] появлялся опять из сокрытия.
Хозяин стада на него закричал и сказал:
«Ты отчего каждый миг от меня исчезаешь
[И] внезапно являешься вновь?
Гляди, какому волшебству научился,
Что сшил для себя такую завесу!»
Тому суждёнью пастух изумился,
Стал искать помощь в этом деле у разума.
Было так: тот человек, поклонник перстня,
Перстнем играл на руке.
Он его камень и быстро и медленно
То вверх обращал, то поворачивал книзу.
Когда камень в перстне пребывал наверху,
Пастух перед зрителем был на виду,
Когда же к ладони руки он бывал обращен,
Пастух становился невидим для зрителя.
У свойства камня такова была ценность,
Что обладателя он держал за завесой.
Когда об этой игре дознался пастух,
Он пошел [и] повторил этот опыт в горах и степях.
Начал он выкидывать штуки
[И] перстнем играть как судьба.
Где стать незримым имел он желанье,
[Там] не пускал он камень с ладони.
Когда же себе он желал появиться,
То поворачивал⁴ камень на свое место.
Появляясь и прячась он, по городу бродя,
Все доставал, о чем заветно мечтал.
Однажды он тайно собрался сокрытый,
Отвернул камень сверху к ладони,
С индийским мечом обнаженным в руке
Он к падишаху пошел и, невидимый, сел.
Когда приближенные ушли из собрания,

Он ему показал свое тело.
Напугал он собою сердце царя,
[И] царь ему поручил [свое] место⁵.
С опаской спросил его: «Что ты хочешь?
Кто тебя послал сюда?»
Промолвил пастух: «Я пророк, торопись,
Уверуй в меня, будь счастьем доволен.
Когда я не желаю, меня никто не видит,
Этого чуда для [подтверждения] моего пророчества
довольно, и только».

Из страха поверил в него государь,
А также люди города свыше меры.
Пастух столь высоко вознесен главою,
Что то государство досталось ему.
Гляди-ка камень перстня-печати,
Как доводит до сана пророка.
Гляди мудрецы что сделали камень,
Что создали при помощи знания.
Призводить надо так волшебства и чары,
Чтобы мы не могли с тайны снять покрывала.
Путеводителем часто я делал мысль,
[Однако] не мог разгадать⁶ эту тайну».
Царь его похвалил, когда это услышал,
И за то похвалил, что им картина открыта.
Все же стражи того порога
Получили урок от сего сказанья.

18. ОТНОШЕНИЕ СОКРАТА К ИСКЕНДЕРУ

О певец, сазом, сжигающим грусть,
Разожги на время во мне веселье.
Быть может, напевом нежным, как шелк,
Я Руму шелк разрисую узором.

* * *

Так говорит тот философ-знарок,
Которому были известны дела горизонтов¹,
Что жители Греции в те времена

В аскетизме наставником были.
Они не искали на свете удобства,
Им не пристала грязь вожделья.
Не творили [много] сверх воздержанья
Со множеством знанья и с малостью пищи.
Тот, кто содержал себя в силе,
[И] в природе своей подавлял желанья,
Не предавался страсти и не пил вина,
Ибо от этих двух [зол] пропадает рассудок.
От общения голова начинает кружиться,
Раз голова тебе надобна, к беде не стремись.
От такого обычая и мненья они дошли до того,
Что у них, основанье исчезло в сем зданьи².
С суши на море они груз сволокли³,
Воздержанье стали блости от общенья.
Женщин они от мужчин отделили,
Отдельно для них построили судно.
Свою кровь они проливали отважно
[И] умирали, но не сходились с женами.
На свете у них основание было такое,
Чтобы их семья перевелася на свете⁴.

* * *

Однажды в день ясный, с ранней поры
Устроил царь пиршество с мудрецами,
Дал такой указ старшине собранья,
Что ко мне де сегодня пусть никто дел не имеет,
Пошлите и позовите Сократа,
Хранителя лимф и соетава.
Разыскал Сократа посланец [и]
Напомнил ему о царе: «Он просит тебя,
Пожалуй сейчас в Хосрова дворец,
Одежду укрась, зажги [вином] кубок».
Старец ученый соблазну его не поддался
[И] не допустил обольщения.
Ему он сказал: «Поди скажи Искендеру:
Все, что ни находишь на этом пути, не ищи.
Я — по ту сторону, и слова эти ясны.
Если же здесь и есть облик [мой], то он без меня.
Если бога поклонник меня заполучит,
То я достанусь из чертога господня».
Ответ, что тот рудник премудрости дал⁵,

Посланец пошел и сказал пославшему.
Государю царей стало ясно как день,
Что Сократ есть свеча, озаряющая уединение.
Никто не найдет способа увидеть ту свечу,
Кроме того, кто как месяц встает по ночам⁶.
Искендер был обладателем венца
[И] в знаньи постоянно⁷ нуждался.
Не бывало поры, чтобы какой-либо мудрец
Не дал ему [хоть] верно от жемчужин.
Из всех тех наук ученых людей,
Что подносили ему подносители,
Речи Сократа трезвого разумом
Приходились царю для слуха приятными.
Решило на том его сердце, помышляющее о знании,
Чтобы Сократа к нему привели.
Доложили, что старец, одиночества ищущий,
Людям закрыл к посещению доступ.
Он так отказался от мирского занятия,
Что, кажется, будто нашел в могиле пристанище.
С родными и друзьями он разлучился
[И] свел знакомство с глухим⁸ уголком.
Хотя свет его дело доводит до крайности,
Но невозможно, чтобы он в свет показался.
Он отказался пить кровь животных,
Оделся в палас, а шелк разорвал.
Одна горсть муки, оттого что она есть предел,
Для него достаточна в сутки.
Кроме служения богу, у него дела нет,
Для людей у него не бывает приема.
Мудрец взял в обычай свойство поэта,
Не от него ли перенял Низами это свойство⁹.
От описанья, которое дали об этом прибежище веры,
Еще больше к нему склонилась любовь государя.
Такова уж досталась человеку природа,
Что он вспоминает предающих забвению.
Тот, кто больше бежит от людей,
К нему склонность людей [гораздо] упорней.
Когда Сократ смыл любовь свою к людям,
Весь народ стал Сократа искать.
Много его к себе звал государь,
Царь звезд не пошел в то собранье.
Когда желанье властелина стало чрезмерным,
[То и тогда] сердце знатока дел не согласилось.

От ломанья искусника на лад красавиц
Счастье ласкателя¹⁰ не шарахнулось [в сторону].
Царь из числа своих надежных людей
Призвал одного наперсника личного,
Послал [его] к мудрецу [и]
Много втайне ему рассказал:
«Я много раз тебя к себе призывал,
Для тебя припасал разговоры,
Ты не дал согласия, почему же такое
Непризнание прав того, кто тебя ласкает?
Почему ты наш дворец избегаешь?¹¹
Приди или довод скажи, приемлемый сердцем,
Подкрепи доказательством своим извиненья,
[А] если нет доказательства, то оставайся в нужде».
Посланец счастливой стопой по дороге
К Сократу пошел и передал весть государя.
Видевший мир мудрец, готовый к ответу,
Такой дал ответ по справедливому мнению:
«Если меня государь звал к себе,
То [весь] разум понимает вещи дурные и добрые,
Он скажет, что идти к нему не умно,
Ибо нет места для любви к тебе в его сердце.
Поскольку нехождению оснований есть много,
То Гавриил для забавы ни к кому не явился.
У меня появилось бы стремление тогда,
Когда весть государя прибыла с ключом.
Если мускус в мешочке¹² сводит знакомство,
То за него свидетельствует аромат.
У сердца, что является путеводителем к дружбе,
Есть кроме речи еще довод иной.
Нутро, которое обнаруживает любовь,
Проявляет учтивость больше учтивости,
Те, кто при царе состоят приближенными,
На пирах сотоварищи государя,
На меня не взирают с почтением,
Оттого у коня моего хромяя нога.
Видно так, что на месте пиров
Царь меня не поминает добром,
Ибо те хранители тайн, что служат [царю],
На меня не глядят с сердцем приязни.
О сердце царя знаток людей
По людям царя делает заключение.
У вельмож если нежен язык,

То в надежде на шаха горячить можно сердце.
Если же у говорящего речь не выходит мягкой,
То у шаха есть спрятанная грубость.
Когда свод, отражающий звук, бывает исправен,
Он приятный звук производит и при слабых струнах,
Но когда у свода рухнет [хоть] один столб,
То на голос приятный идет неприятный ответ.
Все то зло и добро, что выходит наружу,
Указует путь к властелину чертога,
Меня ты зовешь, а хранители тайн,¹³
Благодаря [своей] силе меня от завес отстраняют.
Смотри же, при буре морской
Как мне спешить в эту драку?
Такой пример приведен оттого, что глубокое море
Показывает, что для нас имеется жемчуг чудесный,
А драконы морские протягивают когти.
Кто же ищет жемчужины в пасти дракона?
Как я пойду ко двору разливателя сводов,
Когда вокруг него все эти гонители¹⁴,
Если они пред царем мой облик делают скверным,
То они ведь себя причиняют вражду, а не мне.
Какой страх пред людьми мира у раба,
Который готов служить святому богу.
В этом служении для тебя я наставник,
А если к тебе я приду, то буду слугой для тебя.
Погляди, Искендер, с оценкой верной,
Отколь высота у тонкой сей мысли».
Властелина посланец от него
Пошел к шаху [и] прочел урок наизусть,
Снял крышку с подноса на столе с жемчугами.
Жемчугами наполнил полу государю.
Царь от метания жемчужин [из] той россыпи сокровищ,
От накопления самоцветов оскорбился.
Ему захотелось, чтобы те меткие речи
В прении нашли правильное подтверждение.
Так как он понял, что тот отшельник¹⁵,
То решился [пойти] пешком к его месту уединения.
Пошел [и] то сокровище¹⁶ увидел в углу:
[Для себя] он припас недостаток припасов¹⁷,
От мирского занятия он сну предавался,
Отдыхал от солнечного зноя.
Лицемерье его задело сердце [царя],
Он его ногою толкнул, разбудил

[И] сказал ему: «Вставай и со мною полады,
Дабы я сделал тебя ненуждающимся в мире».
Рассмеялся мудрец от этого дела:
«Лучше, если бы кроме меня раздобыл ты [другого].
Кто сердцем привязан к клочку сухих трав,
Вкруг тебя не вращается словно жернов,
Раз мой покровитель — ячменная лепешка,
Чего мне печалиться о пшеничной булке.
У этого путника бремени нет и в ползерна,
Ибо в амбаре у него нет ни зерна.
Мне, изнемогающему от [тяжести] соломинки,
Зачем становиться несущим бремя словно гора».
Царь еще раз сказал: «Из добра и чинов
Чего ты желаешь, о доброхот».
Так отвечал ему мудрец [той] эпохи:
«Ты с таким как я не наполняй кубка.
Я богаче тебя высоким подвигом,
Ибо ты ненасытен, а я малым доволен¹⁸.
Ты хотя и владеешь таким миром,
Сердцем все же не сыт от угощенья такого.
Для меня вот это рубище старое,
Не будь жарко и холодно, было бы дорого.
При той тяжести, что в твоём бремене,
Какое дело тебе до моих желаний».
Еще раз спросил его властелин:
«Сочти-ка, кто ты и кто я?»
Такой дал ответ речистый старик:
«Я отдаю повеленье, а ты его исполняешь».
Вспылил государь от правдивого слова,
Стал втайне у слов искать внутренний [смысл].
Еще такой ответ дал мудрец:
«Пред царем я раскрою закрытые двери:
Есть раб у меня, страсть его имя.
Сердце мое того раба повелитель,
А ты тот, кто у того раба раб,
Служитель у нашего служителя».
Царь от ума пронизательного мудреца,
От стыда опустил голову долу.
Сказал ему сам: «Свет чела моего —
Свидетель чистоты моего рассудка.
Поскольку ты чист, не сторонись чистых,
Не пробуй земли, не умерев».
В другой раз как серебро он ответ ему дал:

«Нельзя класть ртуть в уши¹⁹.
Если ты чист и непорочен умом,
Отчего же животным ты быть притязашь.
Ведь только скотина, которая спешит,
Человек погоню выводит из сна.
Спящего вроде меня, муж разумный,
Нельзя пробуждать на эдакий лад.
Ты возмущен нашим сном,
Спящего будишь, а сам [при том] спишь.
При этом заячьем сне и нраве барса,
Лапы прочь от бдительных львов.
Добычи ищи, которая от стрелы твоей падает,
[Но] такой лев, как я, не для тебя добыча».
Сердце царя от тех жарких речей,
Стало мягким как воск от восприимчивости.
Он пожелал, чтобы тот мудрец
Советом своим вдел в [его] ухо кольцо.
Огорченье прошло у старца-подвижника,
Стал он действовать ласковой речью²⁰.
Из тех советов, что величье дают,
Он рассказал то, что пользу приносит:
«Поскольку железо, созданное

украшающими руками,

Отразило облик твоего ума²¹,
Ты можешь [и] грудь [свою] сделать ясной,
Ей придать свойство зеркала.
Раз ты можешь удалить ржавчину с железа,
Чтобы в нем отражались узоры и краски,
Сделай [и] чистое сердце утратившим ржавчину
[И] открой ему тайну духовных сил.
Очерни злонамеренную душу²²,
Омой свое сердце от черноты²³,
Адский служитель — всякий, кто неблагожелатель,
[Но] не всякий зиндж счастливый ходжа²⁴.
Ты не следуй черному [виду] зинджа,
Гляди на радостное, из его уст исходящее.
[А] будешь разводите черноту²⁵, то сгори как ива,
Ибо ею зиндж победил [свои] зубы²⁶,
Быть может, зеркало²⁷ зинджа из железа,
Что при той черноте его сердце светлое.
Оттого сообщил [так] опытный муж,
Что живая вода во мраке находится.
Выйди из грязи как серебро,

У серебра поучись очищению.
Ум, который от скверны очистится,
Превзойдет этот унылый свод²⁸,
Станет кельей молитвы раннего часа,
Заповедником станет божественной тайны.
Удаление завесы с окна — от тебя²⁹,
Свечение в окне — от солнца.
Считай, что светильник живет лишь подаянем,
Считай, что он получил удар по затылку от ветра³⁰.
Будь носильщиком паланкина света солнца,
[И] благодаря красавице в паланкине³¹ будь в надежде.
Ты вход очисти от колючек и сора.
И, берегись, не приглашай владыку.
Когда владыка на охоту отправится,
Он вход подметенным увидит и политым путь.
Когда же ты поймешь, что он пришел в гости,
То незванному гостю хвалу от нас вознеси.
Если в эту дверь ты войдешь, то не будь дерзким,
Не проси величия и покорности.
Воспринимай душою царственный пир,
Ибо телу ты не увидишь пропуска от привратника³².
В обуви, запачканной грязью, на царский престол
Не должно ступать, обувь скинь по дороге,
[И] поскольку ты будешь сидеть сотрапезником шаха,
То ноги укрась и руки умой.
У кого смелость [найдется], будь он сам лютой лев,
Чтобы дерзко взойти на престол государя.
Ибо тот лев, что на престоле его укреплен,
Ведь от грозного вида престола стал доской³³.
Тот, кто войдет в чертоги твои,
Получит по шее, если путь потеряет³⁴.
Смотри же к престолу кого ты стремишься,
Чьей ареной является твое робкое сердце.
Если ты в эту дверь постучишь, будь нижайшим рабом,
Коли так ты решился, опусти [покорно] главу.
Если же нет, то ты сам царь и владыка,
[И] какое дело тебе до собак сторожей.
Не горячись, если я от горячего нрава
Тебе не сказал ласковых слов.
Воспылавшее сердце ушло от меня
[И] отправилось небо разведать.
Теперь же, когда оно с неба вернулось на землю,
Его гостинец с пути было то, а это — подарок в дорогу».

Когда старец сказал эти речи,
Слова запали в сердце царя.
С ликом, словно солнце пылающим.
Царь поспешил на свое пиршество,
Он повелел, чтобы муж, по природе писец,
Золотою водой записал те тонкие мысли.

19. БЕСЕДА ИНДИЙСКОГО МУДРЕЦА С ИСКЕНДЕРОМ

Песнь заведи, о певец, со страстью,
Ведь не должен молчать в саду соловей.
Ты, может быть, всколыхнешь мою душу,
Заставишь меня, немого, вопль издать.

* * *

Все тот же мудрец, видевший свет, рассказал,
Что когда знанье пришло, ушел шаха обычай.
Для сладких вин он уста печатью замкнул,
Потому что основу веселья он прочной не видел.
Однажды, когда из-за золотистого покрывала утра¹
Солнце зрителям лик показало,
Искендер по обычаю своего величия
По-царски воссел на свой престол.
Вошел хранитель: вот де с пути
К шаху прибыл посланец индийский.
Он говорит: «Властелину великому
Я известье несу, прошу приема»
Государь повелел, чтобы поспешили
И муга² доставили к солнцу.
По указу царя к мугу помчались,
Путь открыли ему, приласкали.
Муг нашел, обученный службе,
По обычаю магов, как зажженный огонь.
Лишь только узрел он блиставшее солнце³,
Он исполнил служенье по правилу мугов.
По указу царя ему стражи престола⁴
Назначил место, где следует сесть.
Речь зашла о всех приятных предметах,

От праха земного до высокого неба.
Выказал каждый меру таланта,
Речью своей повысил свой сан.
Когда на индийца к слону охота напала,
Поросло свежим цветом старое дерево.
Много тонкостей он рассказал недоступных —
Таких несверленных жемчужин никто не сверлил,
Небу сосуд он устами наполнил нектаром,
Перлами миру вдел в ухо кольцо.
Похвалу миродержцу, прибежищу мира,
Он вознес так, что чертог озарил.
Когда восхваленне старец окончил,
То сброшена была с красноречия завеса.
Темная бабочка в сторону сада
Полетела, надеясь на яркий светоч,
Не сведет ли, быть может, знакомства с тем светочем.
«Не даст ли он мне, бедному, света.
Я предводитель всех индийцев,
Стар размышленьем, а силою молод.
Много имею я тайных речей,
Те тайны не всякий [сумеет] раскрыть.
Слышал я, что от этой эпохи учитель
Лучший — ты на все времена.
Твой разум — нить несравненных жемчужин.
Сужденье твое — ланцет, разрезающий узел.
Хотя господин ты венца и престола
И счастье знанье тебе даровало,
Коль получу от тебя я на речи ответ,
Я отвернусь от служения солнцу
А коль от царя ответ не будет добыт,
Можно опять на осла навьючить дорожные вещи.
Но я не хочу, чтобы кроме владыки
Кто-либо другой шел в счет в сей беседе
Вопрос от меня, от тебя же пойдет ответ,
Ответ благодатным словом идет от тебя».
Миродержец сказал: «Предлога не ищи,
Говори все те тайные речи, что есть у тебя».
Умудренный индеец облобызал прах
[И] язык обнажил⁵ как индийский меч.
Когда восхваленье достойное шаха он сделал,
Его он спросил о деянии прибежища мира:⁶
«Как мне избавить себя от мирского⁷,
Как мне дорогу к творцу проложить.

Я знаю, что только один творец существует,
Но где найду я его, когда тронусь в дорогу?
Следы его явны, а сам он невидим,
У кого я найду ключ к запертой двери?
Его существо, которое [много] значений имеет,
Земное оно или стало небесным.
Искать ли мне в мыслях его или во взгляде?
Если спросят где он, что мне сказать?
Где его место вверху и внизу,
Вопрошающий лишь аргументам поверит⁸.
Так миродержец промолвил в ответ:
«Речь об этом и кратка и долга.
Как только ты от себя отвернулся,
Так, ведай, к богу ты дорогу обрел.
Искать его место не бывает разумно,
Ибо места у творца мест не бывает.
Не может никто сосчитать его тайн,
И мысль не знает, [как] проложить к нему путь.
К тем лишь предметам мысль доступ имеет,
Которые глаз [наш] может лицезреть.
Бога в мыслях не должно искать,
Ибо все, что из мыслей растет, [это] див.
Каждая мысль, которая в сердце бывает,
Это лишь фантазия, принявшая [облик] творения.
Все то, что не имеет места в мысли,
Оно и есть проводник к творцу.
Негоже беспечно ступать на эту дорогу,
Ибо туча скрывает луну от тебя.
Есть много следов, создателем сделанных,
Раз сюда ты пришел, ты здесь и признай.
Такое сравнение сделано богопознанию,
Мимо него не пройдет верящий в Бога».
Когда индеец услышал ответ Искендера,
Он появился с новой уловкой:
«Сколько бы ни было земли и небес,
Все же, несомненно, есть им предел.
Поведай, по ту сторону сего чертога
Есть ли путь к чему другому или нет?
Если есть, почему никто не знает о том,
Если же нет, то нет и пути к небытию».
Сказал миродержец: «По старому расчету
Осторожнее чекань [монету] слова.
Не унесись за пределы земли и небес,

Ибо ты не вернешься к своей точке исходной.
Судьба потому начертала вокруг тебя семь кругов⁹,
Что негоже стремиться за пределы кругов,
Негоже преступать через этот круг смерти¹⁰,
Ибо небо [на страже] стоит с мечом и чашей.
Этот высокий чертог есть ограда,
В которой [витают] плененные мысли.
Раз мысль [не может] проникнуть за эту завесу,
То как ей постигнуть, что за завесою тайны.
Пусть она больше не ищет завесы тайн
[И] известий о конце и начале.
Таковыми притчами руководитель гласит,
Что невиденному нет места в мыслях.
Если ты думаешь о том, что не видел,
То, коли всмотришься лучше, увидишь ошибку.
Много людей, которых я представлял [себе] словно виденными,
Представление о коих рисовал в [своих] мыслях,
В конце концов, когда я их увидел на деле,
Оказались не такими, как я полагал.
Есть еще мир с ликом сокрытым,
К нему совершить исканье можно».
Его еще раз спросил: «Скажи мне по правде,
Отчего царство мира из двух частей?
Мир столь прекрасно устроен,
Зачем же миров много создавать?
Коль скоро явно, что здесь можно жить,
К чему же тогда переселенье туда?
Если же там приуготовлен приют,
Зачем же сначала сей путь пройти нужно».
Царь разумный ответил: «Эх, ты, простак,
Смой с сердца пыль¹¹ и ведай так,
Что создал два мира бог для того,
Чтобы там сокровище было, а ключ [к нему] здесь.
Здесь ты пашешь и сеешь,
А там пожинаешь посев.
Здесь все сущее меняет свое состояние,
Там все должно пребывать в одном состоянии.
Два круга¹² начертал творец мира:
В этом созидание, а в том восхваленье.
Этот круг—мост, нужно пройти через мост,
Поток [воды] возвращается в море.
Поскольку родник начинает течь с гор,
Ему успокоиться надобно в море».

Еще раз спросил индиец-старик:
«Что есть душа в одушевленном теле?
Сдается мне, что то горящий огонь,
Искры которого обрели телесную форму,
Угасанье души и огня одно и то же,
[И] плохо бывает тому, у кого в том сомненье».
От него сердце царя как огонь распалилось,
Он гневно минуту глядел на него
[И] молвил ему: «Ты ахриманова склада,
Если душа из огня, то это твоя.
Ты не читал, что когда душа тронулась в путь,
Она вернулась к тому, от кого появилась.
Если бы первым движеньем души был огонь,
То было бы можно искать ее место в аду.
Еще ты сказал, что во время конца
Умиранье души на лампаду похоже.
Ты неверно сказал: душа, парящая к небу,
Не умирает, а возвращается к месту.
О человеке, который с жизнью расстался¹³,
Что говорят, он душу отдал или душа умерла?
Говорят «отдал душу» и то не обман,
Между «отдал» и «умер» разница есть.
Не касайся души, ведь то—дламя святое.
Она из божьего света, а не из воды и праха».
На иной лад завел речь индиец,
Понадобилось ему о снах расспросить:
«У видящего сон фантазии,
Что за сила дает для полета крыло,
Что от привала к привалу она пролетает горы и степи,
Приключения видит то в том мире, то в этом?
Если видящий там, то кто же сей спящий,
А если он [сам] стал живописцем, то что эта за картина?»
Снова царь загорелся в ответ:
«Сон возникает из представлений,
Представление всех снов происходит в себе,
В нем знакомство имеется, а не чуждость.
Если покойника во сне ты видишь живым,
То от твоей же свечи исходит тот блеск и сияние:
Представляющий есть твоя чистая мысль,
Представляемый — твоего ума пожеланье.
Если бы тебе захотелось спросить, сокрытая тайна
Почему для того стала явна, кто спит,
[Я бы ответил] поскольку в фантазии душа обнажается,

Ни одно состояние перед ней не скрывает [свой] вид
Разве не видишь, тот, кто подвижник,
Благодаря бдению к тому кладу доступ имеет.
Муж с недремлющим разумом видит то,
Что другой видит во сне, а сон от Суруша.
Еще раз индиец заговорил,
Острием алмаза самоцвет расколол надвое:
«Не гляди на меня гневным оком, дай мне шахи¹⁴,
Расскажи мне известье о сглазе.
Что за сила в движеньи глаза дурного,
Что [даже] свою красу он [может] сглазить.
Действительнее его поживший на свете
Не глаз, а зритель разит души.
Всякая вещь, которую пробуют,
Если глаз одобряет, она упоминается,
Кроме [глаза дурного], ибо у того, что одобряет,
Он и шею и голову забивает в оковы.
Ни в одном ремесле, которое мы рассмотрели глубоко,
Мы не видели точности ни в одном отношении.
А этот вот лучником стал, так что сразу
Его стрела в мишень попадает исправно.
Скажи, его сила, какая же сила?
Почему рута отводит беду от его свойства?
Как мне узнать, узрен ли я дурным глазом,
Одобен ли им или не одобрен?»
Ответил ему миродержец: «Мудрец догадливый
Так рассуждает на основании ума, познающего смысл:
На чем бы ни задержался взор,
Он неизбежно [должен] пройти сквозь воздух.
К тому предмету, на который он устремлен,
Он направляется с воздухом вместе.
Когда он вносит свою поклажу в то отверстие,
Воздух тоже получает в то отверстие доступ.
Если воздух бывает полезным,
То основанию той вещи вреда не наносится.
Если состояние воздуха ядовитым бывает,
Он ту мощь повергает в могилу.
Это дурной воздух пораженному сглазом
Наносит вред с места с дурным глазом.
Однако для меня втайне [известна],
Кроме этой, причина, никем не указанная.
Но сам по себе дурной глаз бывает столь действен,
Ибо перед взором узор изменяется,

Когда он странное видит в воображении,
Для исправления глаз карает его.
Недопустимо на его пути удивление,
[Ничего] не должно быть, кроме него, в его поле зрения.
Когда ему кажется странным неприятный узор,
Он начинает строить козни коварно,
Пленителя он сгибает и крутит,
Чтобы больше уже не быть пленным.
У того, кто сглазом постигнут внезапно,
Зевота на рот нападает.
У того, кто сглаз причиняет кипение крови
Пар из чела наружу выносит.
Узнают по этим двум знакам и только,
Что этого сглазили, а тот сглаз причинил.
Рута потому зажигается,
Что на огне сгорает несчастье.
Волшебник иначе тайну раскрывает:
Когда на руту находит огонь,
Черный¹⁵ дым руты до неба доходит,
[И] небо само отвращает тот яд».
Еще раз индиец, румийца¹⁶ поклонник,
В руку схватил индийский булат¹⁷:
«Как звездочет о добре и о зле
Весть подает, когда открывает знаменья узор.
По признакам тем, что не выходят из действия,
Как указывает он зло и добро?»
Так ответил ему источник божественный:
«Все что приходит злого и доброго,
Несомненно, начертано на сем [небо] своде.
Если добро, то добро, и зло, если [начертано] зло,
Когда гадающий вытянул жребий,
То может картину по гороскопу прочесть.
Образец гороскопа представит исправно
Те семена, что взойдут на той пашне.
Бог, прибежище сотворенных,
Когда видит нужду на поприще этом,
По мере того, как бывает нужда,
Нам кажет из тайны, что сбыться должно,
Он посылает Суруша и вместе с ним ключ
[И] сокровенное перед нами являет».
Индиец так опьянел от того вина,
Что меч его сразу выпал из рук¹⁸.
Еще раз спросил он: «У китайца и зинджа

Кожа лица почему двух цветов.
 Если в котле¹⁹ одинаковы краски,
 То почему этот стал черным, а тот стал белым».
 Самодержец ответил: «Этот вертящийся шар
 Двухцветен, не ищи в нем краски одной.
 Двучично зеркальное солнце,
 Один лик в Китае, в Хабаше²⁰ другой.
 Одним ликом оно луноликне делает лица,
 [А] ликом другим делает черными лица».
 Когда мудрый индеец при стольких вопросах,
 Был побежден образованием ученого,
 Он, приветствуя шаха, облобызал землю,
 Шах же от счастья вознес главу к небесам.
 От такого ума и сужденья все искусные мужи
 Подули²¹ и божие имя призвали.

20 ТАЙНОЕ СОБЕСЕДОВАНИЕ
 ИСКЕНДЕРА С СЕМЬЮ МУДРЕЦАМИ

Певец, заведи тот былинный напев,
 Помощь мне окажи в этом сказанье.
 Может быть, я душу спасу от козней мира
 [И] сему сказанью путь завершу.

* * *

Слово такое дошло до мудрого мужа:
 Когда государю день старый стал новым,
 Победой судьбы, знаменующей счастье,
 Он стал раздавать богатство и царства.
 От обилья подарков его в тех краях
 Бедность исчезла у жителей Рума.
 Склонили Хосровы главу перед ним,
 Имея власть, приказу его подчинились.
 Победоносный царь счастливо
 Однажды взошел на престол бирюзовый,
 Речь повел о правосудии, расправе и вере,
 То свергивал свиток, то справлял!
 Недолго речь подержав, он из чертога, где был,
 Предпочел в своей покой [удалиться].

Из тех мудрецов он избрал семерых,
 В сознание которых не входила ошибка:
 Аристотель, бывший везирем владений,
 Булиас младой и старец Сократ,
 Валис, Платон и Фарфорий,
 Которым святой дух² произвел целованье руки.
 Седьмой же Хормус благомыслящий,
 Который попал на небо седьмое.
 Эти семеро вокруг царя словно круг,
 [А] царь в том кругу стал [средней] точкой,
 Украсили пир словно светлые гурии,
 На нем вина и пышности нет.
 Сердце царя в том тесном собранье
 В великодушии широком пришло в возбужденье.
 Он тайну раскрыл мудрецам и сказал:
 «Доколь наша тайна останется скрытой?
 Много ночей в опьянении прошло и бесчувствии,
 Проведемте же трезво хоть одну ночь.
 Только сегодня взглянем на месяц и солнце,
 Вскроем сокровенные тайны небес.
 Давайте узнаем сей шатер, словно буйвола горб³,
 Как превратился в грубую землю.
 Было ли так до того, как стал быть низ и верх.
 Нужно смело сказать о том, как было.
 Здравому разуму [знать] стало нужно,
 Каков изначала был первый состав,
 Что за увеличение и уменьшение все снова и снова
 Следовало за прежним небытием.
 Первопричину сего утока и основы
 Давайте поищем в телах синего неба.
 Собранья таких искусных наставников
 После сего не соберет уже больше судьба.
 Не ведаю я, из нас по этой дороге лишенный
 У кого нога наступит на клад.
 Скажите, каждый по своему знанию,
 Как это дело свершалось сначала.
 По повелению и указу сотворившего мир
 Создана раньше земля или небо.
 Давайте извлечем из сокрытия наружу,
 Как расцвела первая весна мира,
 Как положил ему основание строитель,
 Какие звуки лились в гармонии первого гимна».
 Когда государь завел эту речь

[И] так приоткрыл запертый клад,
[Он] в отношении истоки древней мастерской
Речь связал философам.
Но для внимающих в ответ
Речь обязательной стала по правильной мысли
По верному мнению вышло такое решение,
Чтобы первым начал Аристотель,

21. РЕЧЬ АРИСТОТЕЛЯ О ПЕРВОМ ТВОРЕНИИ

Аристотель разумный со светлым сердцем
Вознес хвалу высокому венценосцу:
«Стремись постоянно вперед к науке,
Всегда открывая врага сокровенного,
Силой творца живи радостно,
Свободным живи от оков, которые не раскрываются.
Поскольку от властелина вышел указ,
Чтобы дал я отчет о начале бытия,
[Я говорю]: сначала одно лишь движение было,
Двигалось столько, что два движения стали.
Когда оба движения сошлись в одном месте,
От каждого родилось новое движение.
Кроме того движения, что было единым,
Три движения столкнулись в одном месте.
От тех трех движений появились три линии,
Теми линиями были три круга охвачены.
Когда те три круга от центра стали отличимы,
В середине субстанция стала вещественной.
Когда та субстанция сошла со станка¹,
Подвижным телом назвал ее разум.
Но то подвижное тело не находило покоя,
Оно в движении было много веков.
[Часть] того тела, которая была прозрачной,
Поверх центра устремилась поспешно.
Когда то, что кверху поднялось, стало вращаться,
Покой обрело то, что осталось внизу.
От того яркого, вращающегося тела
В движение пришла блестящая, чистая сфера.
[Вследствие] влечения к своему центру

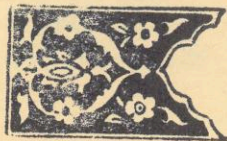
Она обрела свое движение по кругу.
Благодаря той склонности, которую она получила сначала,
Она постоянно находилась в движении.
Когда первый круг так замкнулся,
Что из него создавалась высокая сфера,
То от вращения сферы появился огонь,
Ибо огонь возникает от силы вращения.
От мощи огня открылся воздух,
Который подобно [огню] обладает горячей природой.
Его элемент устремился ко влаге,
Ибо вращение было ему чуждо.
Закапала влага из воздуха в яму,
Вода появилась приятная, свежая, чистая.
Когда утихла вода и осадок осел,
Из осадка явилась низкая почва.
Когда все четыре элемента по повелению творца
Заняли место на своем центре,
То все элементы смешались вместе,
И из них породились растения.
А из тех сотворенных растений
Были созданы животные всякие.
Согласно с рассудком, с происхождением знакомым,
Больше сего нельзя сделать суждения.

23. РЕЧЬ ВАЛИСА О ПЕРВОМ ТВОРЕНИИ

Мудрый Валис повел речь такую:
«Да будет он государь в древнем мире,
Пусть будет силен он обучением знанию,
Да будет удачлив в искании знания.
Раз повелел господин горделивых,
Чтобы каждый поведал о том, чем владеет,
То так мне сдается по верному знанию,
Что кроме воды сперва элементов не было.
Что в порых вспыхнул огонь от нее,
Когда из туманности огонь метнул молнию,
То остался от него воздух, содержащий воду.
Уплотнилась вода от состояния покоя,
И от того образовалась земля.

Когда утвердились элементы особые,
Мир получил от природы богатство,
Из мякоти, бывшей накипью той совокупности,
Окрепло небо и [начало] двигаться.
Если слышавший сему не поверит,
Что образ такой из воды появился,
То уж, наверное, спермы пример
Есть рассказу сему аргумент непреложный.

23. РЕЧЬ БУЛИНАСА О ПЕРВОМ ТВОРЕНИИ

Преклонил мудрый Булинас колена,
На земле запечатлел талисман поцелуя:
«Доколе создание существует на месте,
На тебе пусть пребудет, о царь, одобрение бога,
Да не станет далеким сердце царя от науки,
Ведь глазам лучше со светом, а свету с глазами¹.
Раз ученость Хосроя так спросила,
Чтобы раскрыл я первые тайны,
То [я говорю], первый талисман сотворенный
Была земля и состав из нее изготовили.
Когда же в ней действовать стала сила движенья,
То от сжатия из нее туманность поднялась.
То, что в ней было ясного, чистого,
Тела небесные сотворило.
Прочие части, не имевшие той высоты,
В разных центрах положили закваску.
Из одной ее части — блестящий огонь,
Что является высшим сводом сего цветника².
Из другой ее части — ветер летучий,
Который не чувствуется, пока не дует.
Из третьей части ее — вода проясняющаяся,
Ибо становится прозрачной для нее неизбежно.
Четвертой же частью является почва —
От толчков [при] вращеньи она сделалась круглой.

24. РЕЧЬ СОКРАТА О ПЕРВОМ ТВОРЕНИИ

Когда же черед дал слово Сократу,
Гроздь пальмы рассыпать стали финики.
Искателю мира он сказал: «Будь здоров,
Вперед устремляйся к вере и знанию.
Пусть добычею станут тебе все желанья,
Пусть тайны мира для тебя станут явны!
Для спрошенного владыкою мира,
Кто знает, не является ли сей вопрос тайной?
Однако померно своему разумению
Каждый свой товар предлагает.
Первоначально, [еще] когда создания не было,
Не было видно кроме бога владыки,
От грозного вида [его] поднялась высокая туча
[С] тою молнией и с ее полезным дождем.
От ливня ее небосвод появился,
[А] от ее молнии явились месяц и солнце.
Из того вещества, что из туманности выпало,
Образовалась земля и встала на свое место.
Дальше сего не провел путеводитель,
[А потому] не стоит вести пустых речей».

25. РЕЧЬ ФАРФОРΙΑ О ПЕРВОМ ТВОРЕНИИ

После того, облобызав прах,
Такой ответ поднес Фарфорий:
«Пока проходить будут плавно века,
Да будешь для мира ты миродержцем,
Да не отвернет свет лица от расправы твоей,
Ибо твою правосудье покорило тиранов!
От вопроса царя, познающего бога,
Мне в сердце пришло по сравненью,
Что прежде чем появился сей мир,

Мира создатель сотворил вещество.
Оттого что росла промыслителя милость,
Стало водой вещество, содержащее жидкость.
О двух половинах стала вода из [того] вещества,
Одна разместилась внизу, а другая сверху.
По природе тех двух половин, как камфора и мускус¹,
Стала влажной одна половина, а другая сухой.
От влажности стала одна половина подвижной,
Другая от сухости покой получила.
Подвижная вода превратилась в небо,
А то, что покой обрело, землей стало на свете,
[Только] досюда постигнуть [мог] разум,
Далее этой черты нет места мысли».

26. РЕЧЬ ХОРМУСА О ПЕРВОМ ТВОРЕНИИ

Когда испытание замка дошло до Хормуса,
Ключ вошел в замочную скважину¹.
Прежде чем распутать тот узел,
Он завел речь для пожелания шаху добра:
«Над всем, что нужно извлечь из оков,
Пусть ум и сердце царя торжествует.
Небосвод пусть кружится по желанию его.
Да не пройдет слава Хосроя сего!
Поскольку царю так стало угодно,
Чтобы каждая ветвь плод принесла,
То и мне миновать не должно приказа.
И вот я теперь обращаюсь к вопросу,
С тех пор, как я в размышления пустился,
Взгляд устремил на сей свод бирюзовый.
Стою на том, что свод, великий как море,
Навис словно пар над вершиной горы,
А над паром, внушающим ужас,
Свет блестит яркий и чистый.
Пар сей — завеса перед светом,
[В ней] отверстия поодаль друг от друга.
Через отверстие каждое, получившее доступ сквозь пар,
Свет [в разной] мере наружу излился:

То суть светила от солнца до месяца,
Блеск, который явился из-за завесы.
Я это признаю творцом бытия,
[Но] как творило сначала оно, я не знаю.

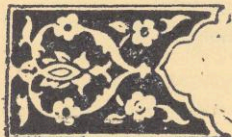
27. РЕЧЬ ПЛАТОНА О ПЕРВОМ ТВОРЕНИИ

Платон, который для всех был наставник,
Раскрыл клад жемчужин моря души:
«Разумом светел властелин света,
Пусть от сердца его скрыта не будет ни единая тайна,
Пусть счастье поможет ему в каждом деле,
Пусть шествует он по дороге спасенья!
Весть, о которой чистое сердце его вопрошает,
Я расскажу, но боюсь его разуменья.
Как мне не бояться ошибочной речи,
Ведь буду читать я урок о незримой скрижали.
В мыслях моих так утвердилось,
Что творенье сначала было ничто.
Если бы бог один создал из другого,
То субстанция была бы извечной.
Рождено все, что возникает из материи, —
[Но] бог — одно, брак же другое.
Тому, кто разум называет созидателем,
Во многих рожденьях нет нужды¹.
Каждый элемент он создал отдельно,
Посредника он не имел ни в одном элементе.
Когда один элемент за другим был устроен,
Противоположность [между ними] исчезла.
Из тех непослушных, противных [друг другу],
Он властью своей сотворил человека.
Ты если возьмешь крыло мураша для сравнения,
То и оно может быть примером для познающего бога².

28. РЕЧЬ ИСКЕНДЕРА О ПЕРВОМ ТВОРЕНИИ

Когда конец речи в царя метнул жребий,
Слово чекан могущества на луну положило¹.
Искендер, который был солнцем всех стран,
Благодаря ясности сердца [в] мире не имел равных.
Из-за его просвещенности те просвещенные²
Так собрались вокруг него.
Если царь-наставник искусен бывает,
То та эпоха искусников всяких выводит,
Когда выслушал царь речь тех искусников,
Из каждой чаши отдельно вкусил,
Тем мудрецам, вскрывающим трудности,
Он много похвал еще воздал от Бога.
Затем он сказал: «О питатели доблести,
Думал я много о небесных светилах,
Стою на том, что сей образ³ не возник сам по себе,
Спервоначала у него был художник.
Я знаю в душе, что художник имеется,
Однако не знаю, как он творил.
Если б я знал о том, как он творил,
То и я мог бы сделать, что делает он.
Всякий тот образ, что на ум бы пришел,
Можно б на деле сотворить непременно.
Поскольку не можем прочесть мы скрижали творенья,
То как нам о ней проводить, изыскания?
Вы, назвавшие небо листом,
Смотрите, какие сказали несогласные речи,
Было бы непохвально сказать больше того,
Что «мира узор не без живописца»⁴.

29. РЕЧЬ МУДРЕЦА НИЗАМИ О ПЕРВОМ ТВОРЕНИИ

Низами, ты спх врат ключем не касался,
Ибо тайны картины предвечной не видел никто.
Великий создатель того, что есть,

Из всего того, что он создал вверху и внизу,
Сначала на свет явил разум,
[И] светом своим пробудил [его] очи,
Узор, который он написал кистью могущества,
Он нисколько не скрыл от очей разума.
Лишь первичный узор, что рисовал он сначала:
Он завесою скрыл от очей разума.
Когда первичный узор был начертан,
Он повязку снял с очей разума.
Ко всем тайным сокровищам, что появились,
Он ключ дал в руки разума.
Кроме первого счета, который был тайным,
Пред которым он разуму глаза завязал,
О прочем, что для разума не было тайным,
Если просишь ты разум, он укажет путь.
О том пути же, к которому он закрыл разуму доступ,
Рассказ [сам] не веди и не требуй рассказа.
Только туда может разум путь проложить,
Где может фарсанги¹ оң счесть и привалы.
Путь к тайне значительно более дален,
И никто туда свою мысль довести не сможет.
Мудрость у того есть, кто на все то, что есть,
Закрывает глаза, если не следует на это взирать.
Когда творенье тебя приводит к творцу,
То на сей лад нельзя спеть песни,
Взгляни, слову на кляче полухромой
Как выехать по тесной дороге?
Будто провозвестник по имени Хызр,
Дробящий гранит и плывущий как небо,
Возгласил мне привет и после привета
С неба спустился в келью мою.
Разгорячил он мой дух [своими] словами,
Речь вел со мною голосом нежным,
Столько сказаний, в уединеньи придуманных,
Ты не посвящай немым языкам.
Ты у этого тополя ствол обдираешь и корень,
Зачем ты вяжешь рассказ с теми мудрецами?
Зачем нужно сказанья прелестные связывать,
С теми костями истлевшими?²
Ты хлеб свой не ешь с чужого стола,
[А] ставь на свой стол сосуд с зерном³.
Да, люди этой эпохи не доблестны,
Увлечены они не собраньем, а звездами⁴.

Не смиренны они, не любят прах как землю,
Но ведь не ставший прахом, а смиренный человек хорош⁵.
Земля-чародейка стала фокусы делать,
То мир украдет, то вновь им играет⁶.
Она прячет шарик в кулак
И вновь изо рта его тащит наружу,
Она глотает желтый мышьяк,
[А] извлекает индиго с лазурью⁷.
Осенью пожирает сухое алоэ,
[А] весной извлекает мускусный мешочек⁸.
Лишь тело людское, что она поглощает,
Не знаю, когда она вновь возвращает.
[Ведь] наше тело, схороненное в почве,
Не в небытии оно [а] в распылении.
То распыленное, что пребывает на месте,
Если сойдется, бывает прелестным,
Ибо все, что бывает на землю прислано,
В другой раз опять возрождается.
Золотые опилки если просыплются,
Посредством ртути их собирает разумник⁹,
Ибо распыленное золото [человек] умелый
Опять бывает при помощи ртути.
Если наши частицы, в которых душа,
Вновь соберутся, то это возможно.

30. ДОСТИЖЕНИЕ ИСКЕНДЕРОМ ПРОРОЧЕСКОЙ МИССИИ

Музыкант, на зоре звоном руда
Напомни ту богатырскую песнь,
Во мне пробуди радость пения,
Избавь меня от того, что слышать нельзя.

* * *

Тот же мудрец геометр от природы,
Так помянул из истории Румы:
Когда предводитель высоких светил,
Искендер, миродержец счастливый¹
От обучения наукам дошел до того,

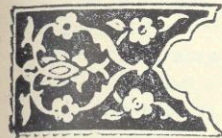
Что дал ему разум ключи для открытий,
Он много отверстий² начал заделывать,
У множества пут он узлы развязал,
[И] в знании тайных наук
Совершенного не было в мире, кроме него.
Когда все науки он записал,
И с людьми Греции, и с людьми Рума,
Он отошел от звездных таблиц³,
Ибо не было в них искомого им.
Его престол⁴, который спас венец от гибели,
Взнес чалму к престолу божьему.
Он уже больше не говорил о сотворении [мира]⁵
[А] искал создателя мира, и только.
В том открытии он старался с лица тайны
Сбросить семь сурмяных облачений⁶,
Чтобы увидеть должное, как оно есть,
Ухватиться за то, что не дается в руки.
С этой целью он исчез до дня проводил,
[И] ночью однажды звезда его мир озарила.
Явился Суруш от великого бога,
Он весть о себе ему подал в этом экстазе,
Лучезарный Суруш, как ясное солнце,
Далекий от искушений льстивого дива,
Тайно тому блиставшему самоцвету
Он откровенье принес от бога святого.
Так он сказал: «Больше моря и гор
Шлет привет тебе творец мира,
Сверх того, что охрану мира он отдал тебе,
Он удостоил тебя [еще] быть пророком.
Поскольку ты властелин исполняем велений,
Таково повеленье питателя:⁷
«Покой убери ты с места покоя,
[И] в сем предприятии с пути не сходи.
Обойди кругом света, как сфера,
[И] к любви обрати дикарей.
Народ призывай с дурного пути:
К хранителю счастья и веры своей
Сей древний свод опять возведи.
От неведения страны⁸ очисти,
Избавь от обиды демона мир,
Покажи устремление к владыке вселенной,
Головы спящих от сна пробуди,
С лика рассудканими покрывало.

Ты клад милосердия бога святого,
Посланник к обездоленным не земле,
Ты беги по кругу мира,
Дабы миряне в тебе нашли пользу
Поскольку ты царством этого мира владеешь,
То лучше, если бы ты царство того мира добыл.
В предприятии, к которому ты приступаешь
Взираи на одобрение бога, а не на свой труд.
Вооружись прощением к имеющим душу⁹,
А неимеющим душу не прощай ничего.
Если ты вред испытаешь от имущего душу,
Ты с ним не мешкай, убей иль свяжи».
Так сказал: «О пронцательный вестник¹⁰,
Раз повеленье такое пришло от творца,
Чтобы выступил я за эту ограду¹¹,
Я набег совершу на Восток и на Запад,
Выбью хмель из голов [человеческих] тварей.
В разных краях, где я сам стану князем,
Как я скажу, коль не знаю языка кого-либо?
Как мне также понять, что они говорят?
Есть и хуже этого много вещей,
Во-первых, на войско во время охраны
Боюсь, от злодеев напасть может страх.
Во-вторых, намереваясь [идти] на столько полчищ,
Войско как мне вести в горах и пустынях?
Толпа обильней воды и земли,
Как наложу наказание на каждого?
[А] если слепоглазые мне не поверят,
От глухоты моих слов не услышат,
Вместе чужом из сухих или влажных
Какое лекарство мне сделать для слепых и глухих?
Если домогаться я стану пророчества,
Какой аргумент путь укажет народу?
Чудо какое мне в речах поможет,
Чтобы зрители веру ко мне возымели?
Сперва меня научи закону и образу действий,
Затем уже требуй от меня отпавленья в дорогу.
У наполненных жемчугом словно моря
Голова и мозги полны собою¹²,
Как было бы можно подставить им ногу,
Чтобы гордыня в их мозгах умалилась?»
Ангел, поющий о промыслителе,
Такой Искендеру подал ответ:

«Твоя власть в четырех краях мира
Доходит до явного и до тайного.
На Западе есть народ, бродящий в пустыне,
По названию насик¹³, он службу богу забросил.
На Востоке — народ ангельского права,
Которого имя нельзя написать, кроме как мансак¹⁴.
Один народ, словно море, тяготеющий к югу,
Для которого Авель был предводителем.
Для одного народа север является поясом¹⁵,
Из уважения его назовешь ты Канном¹⁶
Когда ты коня отправишь в дорогу,
По белому будешь держать путь и по черному¹⁷.
Рать поведешь от насика к мансаку,
От Авела к Канну путь обретешь,
То все они мудрости станут покорны,
А если не повинуются, от тебя погибнут,
Никто из противников пред тобой не устоит,
Никто твое место не захватит на свете.
Ты ночной самоцвет при счастливой звезде,
Ночь озаришь, как Муштари и месяц,
Дабы всюду, где будешь ты светить с высот,
Ты раскрыл запор и оковы сокровищ.
Сделай так: когда путь ты начинаешь,
То прибегни к своему властелину.
Повсюду, куда [свой] поезд отправишь,
Ты прибегай к судьбе справедливых¹⁸.
На твою главу мир не свалит беды,
[Не будет] вреда ни тебе, ни твоей рати.
И если на новых путях прозожденья
Тебе будет нужен кто-либо впереди и в тылу¹⁹,
То всюду, куда твоя душа устремится,
Свет и мрак твоему повеленью будут [покорны].
Пред тобой будет свет, а мрак позади,
Ты будешь видеть, тебя же никто не увидит.
Кто удаляться не будет от твоих повелений,
Тому удели от того сияния света.
Кто же с тобой пустит в голову хмель,
На того напусти ты свою темноту,
Дабы он, словно тень, в той темноте,
Сгниул во зле и ничтожестве.
Затем, когда бразды отправишь в дорогу,
Рать поведешь на завоеванье краев,
К какому бы народу ты ни обратился,

[И] с тобой заговорили бы на чужом языке,
Вдохновеньем путеводителя, подающего помощь,
Языки всех народов тебе будут доступны,
Во всех государствах язык будешь знать,
Речь для тебя ни одну дверь не закроет,
Также и то, что ты скажешь по-румийски,
Понимать будет слушатель без переводчика,
В доказательство этого чуда, господня
Ты добро, а противник зло обретет».
Когда царь увидел, что та речь не насмешка,
Что рабу остается лишь исполнить приказ,
Он от принесшего принял известье,
Ведь он господин, а мое имя — раб.
Беспечен он не был с тех пор в снаряженьи,
Кроме этого дела, в сердце ничего не допускал.
От прочих занятий не отказался²⁰,
В намерении похода готовил в дорогу припасы.
Помимо этой радостной вести Суруша,
[И] вестей о помощи божьей, что он ему сообщил,
У мудрецов еще средства искал [Искендер],
Ибо счастливы люди, творящие средства,
Рассуждений, приятных для сердца,
Что от путников вред отвращающих.
Кроме «Великой книги»²¹, которая в премудрости
Была знаменьем божественной сути,
Три наставленья от счастливых писцов,
Начертал на шелку черным мускусом.
Первый лист написал Аристотель,
Он весть ему подал о сути зла и добра.
Другое писанье Платон начертал
О разных науках, в которых был сведущ.
Третий свиток Сократ завязал
О разных материях, для сердца приятных.
Когда все три свитка были готовы,
Слова друг к другу прилажены,
Царь те писания все запечатал,
Свернул и вложил в один свиток,
Дабы, когда приспее нужда,
Он протянул бы руку к тем свиткам
[И] из сокровищ отдельных листов
Помощь искал бы для этого дела.
А если б не справился ум его с делом,
То помощь просил бы у милости божьей.

В первый день он воссел на престол из кости слоновой
И возложил на главу бирюзовый венец.
Такой дал приказ везиру счастливому²²,
Чтобы принес он перо, указы приемлющее,
[И] написал бы писанье полезное
При помощи знания и высокого мненья
В связи с великими советами,
От которых бы волк с овцой поладили.
От властелина вышел везирь,
Стал послушен царскому слову.
Путеводителем стал искусно для мудрости,
Чтобы извлечь самоцветы из россыпи.
Он кончик пера заострил как язык,
Излил на бумаги из тростника сахар²³.

31. ПОСЛАНИЕ АРИСТОТЕЛЯ О МУДРОСТИ

Было в послании указание такое:
«После того, как прославлея был бог:
О царь, просвети¹, сердце знаньем,
Удались от невежд и помни [об этом].
К двери, запор которой незрим,
У мудреца найти ключ возможно.
За каждое счастье, которое ты считаешь,
Пред промыслителем ниц упади.
От победы своей не будь дерзновенным²:
Не относись беспечно к стражу божьему,
Богобоязненному потворствует счастье,
Для небобоязненного дело становится трудным.
Всюду, чтобы весел ты был и здоров,
Руту бросай в огонь поутру.
Себя не считай защищенным от глаза дурного,
И не только от дурного глаза, но и от своего.
Притчу такую привел знаток самоцветов:
Если ты красив, страшись себя самого,
Дерево вреда не получает от ветра,
Которое главу не вздымает от почвы,
Мечущие на охоте двойные стрелы³,
В самцов⁴ лишь попадают.

Чтобы других упредить, ты свой бег замедляй,
Для зависти путь к себе преграждай,
Зависть людям причиняет боль сердцу,
Между двумя благородными пыль поднимает⁵.
Никого со злобою с места не двигай,
[А] если сдвинешь, то и свали с ног⁶.
Если есть у тебя на кого-нибудь давняя злоба,
Ты сразу не искорений его род.
Ни с кого не ищи за злобу отцов,
А взирай на него благосклонно.
От солнца до тени один волосок,
[Но] сверкает одно, а другое темно.
От фиников пядь [лишь] одна до шипов,
Но одно гюльшекер⁷, а другое невкусно.
Хотя устрица стала соседом акулы,
У ней жемчуг венцов, а не меч боевой.
Не хватай брата за вину брата,
Ведь меж молоком и кровью различье большое⁸.
Жалом никого не пронзай за другого,
Каждую овцу вешай за ее же ногу⁹.
Поскольку тебе прощенье божие нужно,
Не нужно, чтобы скверный обычай у тебя появился.
Плохо придется злодеям от синего неба,
[А] на хороших снизойдет все добро.
Кроме добра не стремись ни к чему,
Ибо в славе хорошей есть постоянство.
Не напускай пыль на сердце славных людей¹⁰,
Ибо бесславье приносит это в конце концов.
Не возвышай дела низких людей,
Ведь вскармливание волка принесет вред.
Ты не якшайся¹¹ с дурными людьми,
Философский камень не давай пеплу.
Когда дурное естество проявится на муже,
Он алому самоцвету придает желтый лик¹².
Совещанье с обладателем знания
К знанию тебе путь укажет.
Если от денег желаешь прибыли больше, не меньше,
То совет не держи с тем, у кого денег нет.
Требовать убийства от смиренного человека
[Все равно] что покушать жемчуга у продавца ячменя.
Все породы и онагр, и барс, и корова
Радость находят от однородности.
Когда за завесой окажется пара неравной,

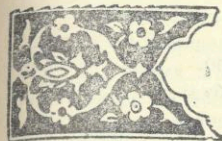
От подозренья многое будет рисовать воображенье.
Если два зеркала ты сложишь вместе,
Они оба ничего не займут друг у друга¹³.
С тиранами ты смиренным¹⁴ не будь,
[Иначе] в печали застрянешь, как в глине осел.
Благородное обхождение льва с человеком
От боязни людей, а не от великодушия.
С тем человеком, кто бывает жесток,
Грубость лучше бывает, чем мягкий нрав.
С ненавистником если справиться трудно,
То пригласи его мягко и жестко держи.
Коль голова будет полна крамолы,
Добудь ее лестью и сруби силой.
Когда попадешь меж двух глупых врагов¹⁵,
Ты их отдели узда от узды,
Натрави друг на друга, [как] волка и барса,
[И] муку подбирай из-под двух жерновов.
Тому, кто бывает из диккан и царей,
Содержанье кладь соразмерно достоинству.
К могучим ты отправляй силачей,
К ученым посылай из породы ученых.
Послу, который бывает умелым,
Нет нужды наставления делать.
Там, где железо покрывается ржавчиной,
Раздачею золота добудь из камня железо¹⁶.
Казна [для того], чтобы деньги копить,
А деньги — чтобы врагов разгонять.
Лестью связать можно ноги лисе,
За сласти дитя из рук упускает что-либо.
Радуйся пыли людей как мутриб¹⁷,
От оков своих как кипарис будь свободен.
Мир, как наставшее раннее утро,
Украшай, пока [сам] не будешь украшен,
Не украшай сам себя, как садовый цветок:
Ведь в чужих руках приятней лампада.
Казна, которая при тебе — для тебя бремя,
Если раздашь, то раздачею будешь спасен.
Деньги — это огонь, который не следует копить,
Это искры, которые надо от себя разбрасывать.
Не говори о том, кто лучше, деньги — или хозяин денег:
Узел хуже пут, а пути хуже узла¹⁸,
Огнепоклонник так с огнем говорил:
«Кто из нас лучше где бы то ни было?»

Молвил огонь: «Если ты хочешь узнать,
То тебя убить нужно, а меня сжечь».
Будь щедрым, ибо с зеленой сей ветви
В щедрые руки попадают фрукты¹⁹.
Не будь столь охотлив до насыщения,
Чтобы от расстройства пищеварения не попал яд тебе в чашу.
Бедняк²⁰ проложил к сокровищу путь,
Упал и от радости умер.
То же жаждущему сгоряча студеной воды
Не следует пить непосредственно сразу.
На всяком привале, куда ты спешешь,
Негоже устраивать ложе для сна.
Не пей воды, сперва неиспробованной,
Сие испытание свершай чужим ртом.
Отложи тот плод, что кажется странным тебе,
Ибо тебе от него достанется немощь.
Во время еды каждый, кто лекарь,
Блюдет воздержанье от яств необычных.
По тем путям, где никто не ходил,
[И ты] не ходи, хотя бы у тебя было спутников много.
Путь, который лишен опасений начисто²¹,
Лучше ближней, опасной дороги.
Не слишком ищи обилья богатства,
А то в ставке твоей пойдут разговоры.
Из всякой добычи и доходов от дел
Ты каждому бедному дай то, что есть.
Давай кое-что просящим тайком,
Ибо бога довольство лучше всего,
Даянье, которое скрыто от взоров,
Бывает оградой от небесного зла.
В меру давай войскам содержанье,
Не давай денег больше, чем расходы в пути.
У чревоугодника, когда сыт стал живот,
Он трусость рождает, хотя тот и смел.
Не давай насыщаться так, чтобы пьянели,
Не допускай их до стеснения в пище,
Живи так, чтобы в пору лишений и боли,
Войско кроме тебя ни в чем не нуждалось.
Два раза в день ты стол накрывай,
[И] созывай всех начальников рати.
Вина не вкушай нигде на чужбине,
Не распускайся, пока в Руме не будешь.
Светлейшим людям поверяй [свои тайны],

Ведь от прозрачной воды не вздымается пыль.
Поскольку солнце всех светлее,
Море и горы ему храненье доверили²².
Если ты удачлив — знайся с удачливыми,
Ибо удачу охраняет удача.
Не допускай к себе несчастливцев,
Ведь виноград от винограда становится черным²³.
Верность есть для тебя врожденное свойство,
Не отходи от закваски, что сначала была.
Если народ изменит обычай и состоянье
Для него повернется монета добра и богатства.
Нельзя отходить от старого нрава,
Ведь нельзя обратиться к нраву другому.
Как мудрые люди не покидай нрав врожденный
[И] чужеземному нраву не следуи.
Пешка, которая движется прямо,
Становится вниз головою ферзем.
Если кого-либо ты увидишь счастливым,
То я не одобряю, чтобы ты бился с ним много.
За каждый оборот с небосводом высоким
Ты не борись, чтоб беды не увидеть²⁴.
Сердце смиря во всем, что доставит судьба,
Не отвращай головы от света наставника.
Если б от счастья каприз появился,
Капризу счастья не нужно противиться.
Не обижайся капризу, что исходит от счастья:
В капризе счастья бывает россыпь сокровищ,
Потому что, когда каприз изойдет,
Тогда и счастье тоже каприз твой исполнит,
Все тело потому стало у устрицы костью,
Что имеет внутри она такой мозг, как жемчуг²⁵.
Рудник самоцветов для того стал тверд, как камень,
Чтоб самоцветы только с трудом добывались.
При затруднении не думай плохо о звездах,
Ибо пойдет веселей от поры до поры.
Печальным не будь от бирюзового свода,
Ведь победит в конце концов дело.
Если дело трудно пойдет, не будь без надежды,
Подкрепляй свое сердце могуществом счастья.
Смело камень ты кверху бросай,
Дело будет иное, когда вниз он вернется.
Брось насилье ты целиком,

Ведь насилье приносит недолгую жизнь.
Если царь в своем правосудии раскается,
Владенье в упадок придет от неправосудия.
Бог тебя создал для справедливости,
От справедливого шаха не исходит насилия.
Если благомыслящий [свое] мнение отменит²⁶,
То ты ведай так, что зло он творит себе же.
Если бы мир иногда сбивался с пути,
Жаром горячим и стужей холодной,
Ты добра не ищи в той жаре и в той стуже,
Ибо они отвращают лицо от своего обычая.
Лучше так, чтобы каждое время года
По своему свойству проявляло обычай.
Весна от весны пусть закваску несет,
А осень от осени берет назначение.
Если кто-либо от порядка вещей отвернется,
То от него отвернется вращение времени.
Если зло тебе причинит негодяй
И если ты окажешь добро кому-либо,
Ты позабудь и про то и про это,
И о добре промолчи и о зле.
Ресницы держи, как алмаз, оберегая себя от сна,
Охраняй бдительно страны.
Такую пословицу изрек великий знаток,
Вниманье чабана — пути для волка.
Когда мощь обретишь ты в природе [своей],
То ты не смейся, ибо смех там плохой.
А если бессилье в дело придет,
То никому не показывай слабость,
Не связывай губ для веселого смеха,
Грустным будь втайне, а на яву — улыбайся.
Где б для тебя ни случилось сраженье,
Ни явилась нужда в ратных опытных людях,
Бежавших с другого поля сраженья.
Допускать не надобно к этому бою.
Когда беглецы ударятся в бегство,
Они навлекут поражение на бьющихся.
Коль хочешь, чтобы победа тебе была другом,
Твои воеводы должны иметь за собою победы.
С [поддержкой] счастливых [и] славных стремянных
Трогай поводом выступленья в поход.
Все, что ты сотворишь из добра или зла,

Зло считай от себя, а от бога добро».
Когда это письмо знаменитое было закончено,
Он царю его подал, и был государь им доволен.

32. ПОСЛАНИЕ ПЛАТОНА О МУДРОСТИ

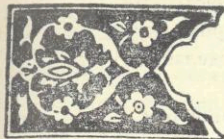
На другой день, когда от чихания солнца
Подули камфорой на мускусный мешок¹,
Государь послал, чтобы для светлого сердцем
Платон приложил к шелку перо
[И] написал бы письмо, тешащее сердце,
Дабы читателям оно ладило дело.
По повеленью царя старик с величием моря
Самоцветы рассыпал из рудника гор.
Покорное перо рассыпателя самоцветов
Так написало на его свитке:
«Больше, чем небеса и земля,
Да будет создателю от нас восхваленье!»
После же восхваленья творца
Ковер речи он расшил самоцветами.
«Государь мира превыше мира,
Мир стал рудником самоцветов, а он — самоцвет.
Раз он отменной природы и знатного рода,
Пусть он вспоминает цену² самоцвета.
Если проявит он зло и добро,
То это свершит он соразмерно своему естеству.
Этот привал стал засадой разбойников,
Не стоит на нем поклажу развязывать.
Тот, кто в сем карауле не бдителен,
Не подобает тому править миром.
Коль миродержец главу вознесет к облакам,
Он мир заберет рассуждением как меч.
Тот самый меч храбрецов, проливший кровь,
Острым стал советом ученых.
Ночью и днем пир государя царей
Не должен лишаться ученых.
Царю лучше стремиться к знанию,
Яства и сон его не должны соблазнять.
Два зла у царей друга душевных³.

До которых рукой не достать бедняку,
Первое зло от искусной стряпни,
Чревоугодником царя она делает тучным.
Другое же зло от красивой супруги,
Из-за которой нетерпеливо желанье.
Государю от этих двух не будет добра:
То природу полнит, а это опустошает тело.
Не будь невоздержанным и обжорой не будь:
От того немощь приходит, от сего нездоровье,
У мира, который ты видишь столь злым и желтым,
Обманчивый ковер на станке,
Мир есть дракон по названью любовница,
Радости нет от него, и душа через рот улетает⁴.
Не говорю я, что мир не для нас,
Ведь он наш земляк⁵ и он же наш город,
[Но] не будем столь поклоняться земному,
Чтобы стол добывать при [помощи] крови:
Натура, которая держится кровью,
Как сможет держаться без печени?
От сих снабженных четырьмя составами,
Попросивших займы у четырех элементов,
Лучше повода повернем ранее,
Чем они от нас отвернут головы.
Коль вода становится жемчугом [и] прах амброй⁷,
То ведь в конце концов элемент в элемент переходит».
Был осел-водовоз, бурдюк у него разорвался,
Поставщик⁸ огорчился, а осел убежал.
У мира шипы на спине, а мы дикобразны,
Друг друга достойны: тот колкий и сей колкий⁹.
Две вдовы говорили друг с другом,
[И] направили речь на попреки,
Сказала одна: «От твоего безобразия
В мире никто твоим не становится мужем».
Другая сказала: «Ты речь прекрасно держала,
Ты дома осталась из-за пригости».
Что спим мы столько на этом пороге?
Ведь сон сотоварищем сделался смерти!
Тот, кто не знает, он в пору сна,
Устремится ли вновь к пробуждению,
Тот сна страшится так же, как смерти,
Ибо сон и смерть при сравнении похожи.
На этом пути нет сна, кроме заячьего,
Ведь у спящего мертвым сном разума нет.

О, если б ко сну, Зирека¹⁰ достойному,
Отнеслись терпеливо нетерпеливые очи,
Ты, быть может, узрел бы дела невиданные,
[Вещи] похвальные и непохвальные,
И от свершенья сих суетных дел
На время покой бы нашел от гонки.
Зачем за куском насущного хлеба
Направлять во все стороны нужно повода,
Спешить по морям и по степям,
Зачем, когда возвращенье бывает к хлебу?
Мятежные люди, чистые сердцем,
Ищут спокойствия [на] стоянке¹¹,
Все они мир попирают ногами,
[И] ум наконец направляют к покою.
Путники все перед разумными
Похвалу воздают сидящим [на месте].
Благополучье находится в зоне покоя,
Из нее если выйдешь — все суета.
Зачем нужно в сем огне мира¹²
Тяжко трудиться для добычи жаркого?
В конце концов всякое старанье
Лишь только [ради] одежды и пищи,
А раз имеется одежда и пища,
То больше не надобно биться.
В море тот, кто душу терзает,
А также тот, кто рудник копает в горах,
Никто [из них] не [может] преступить своей доли,
Он пропитанье дневное ест соразмерно себе.
На страсти взгляни, сколько тысяч людей
В душе прячут жадность, а деньги в земле.
Прячущий деньги, на золото сыплющий прах,
[Сам] прах объедает и прахом главу посыпает.
[Принадлежит] мир тому, кто на свете
Дорожный припас съедает со спутниками,
С мешка благородно¹³ снимает завязку,
Придает тучность нескольким тощим.
Если на одно зерно весит больше грубая гирия,
При [всей] его сухости ее называют большой¹⁴.
Дорога долга, а припасов на ней нет,
О том, где привал, не знает никто,
Не нужно неосторожно дремать,
Ведь наводнение приходит внезапно.
Но и нельзя быть столь без сна и без пищи,

Чтобы стало тело бессильно и желто лицо,
Куда б ни держал путь искатель пути¹⁵,
Пусть не бежит, он бегом как бешеный,
Пусть на пути том поставит охрану,
Для себя безопасным устроит проход.
Ночью и днем пусть неусыпно будет у дела,
Ведь судьба нападает на спящих в дороге.
Назад и вперед пусть глядит он со знаньем и разумом,
[И] не внимают рассказам чужих.
Коль есть у него полководец, знакомый с дорогой,
Пусть не страшит его трудность дороги,
Пойдет ли равниною он иль в горах,
Пусть он в полки не вносит разброс,
Пусть выступает со свитой, как ливень и снег,
Грозно на месте стоит¹⁶, как глубокое море.
Двух—трех уроженцев той [враждебной] страны
Пусть раздобудет и кормит досыта.
Наедине с них снимает допрос:
Не прорастает ведь зерно из почвы без влаги.
С легкостью дело то завершится,
[Лишь] отворачивать повод не нужно от трудности.
Коль от одной головы удача появится,
Нескольким людям не нужно голов отсекают.
По той дороге, где сильнее бывает рука¹⁷,
Шагать вперед — погибель для головы.
Не стоит настаивать на таком деле,
Где нельзя провести [свои] домогательства.
Коль в нити дела узел случится,
Терпение лучше, чем усилия тщетные.
Всякое дело из состоянья замкнутости
Раскроется, но потихоньку.
Запертость дела бывает в пути,
[И] в нем же бывает внезапно раскрытие.
Хоть и сказано слово на своем месте,
Но [знание — цены] слов у царя того больше.
Куда б под счастливой звездой ни помчался,
Мудрость сама государю укажет дорогу.
Тот, кому помощь бог подает,
Не нуждается в людях и в человеческом.
Сердце, которому ангел приносит привет,
Ни в чьем размышлении нужды не имеет.
Если я по указу царя [сего] мира
Мисал¹⁸ написал, как сведущий в деле,

То только исполнил я службу ему,
Ибо счастье стало путеводителем шаха.
Сердце царя не нуждается в ком-либо,
Разум и бог царю помогают, и только.
В добром и скверном пусть разум ему помогает,
Когда мудрый муж письмом сочинил,
Царю мира подал и за него помолвился,
Сердце царя освободилось от скорби,
Возликовало от письма знаменитого.

33. ПОСЛАНИЕ СОКРАТА О МУДРОСТИ

На третий день, когда свод сей игривый
Игру произвел г. Рум и Зинг¹,
Румийский мудрец² Сократу сказал,
Чтобы перстень он на воск наложил,
Письмо написал дорогое о мудрости,
О разных науках и о всяких советах.
Не отказался мудрец быть покорным ему,
Поспешил для ловли жемчуга к морю,
Так он навел на серебристой³ бумаге
Черноту слов со знаньем и мненьем.
В виде предисловия к каждой картине художник
Главу поднимает во имя господне⁴,
Промыслителя-бога, создателя мира,
В котором создание имеет нужду,
После имени бога, прибежища мира,
Он с именем связал узор речи:
«О государь, по этому колодцу с прикрытым облищем⁵
Ходи по велению лишь знания и разума.
Тебя, которого замесили из многих начал,
Не ради игры сотворили.
Барс на пути притаился, тебе говорю!
Не дерзай, берегись, тебе говорю!
Где бы ты ни был, на пиру иль в бою,
Не будь далеко от достойного друга,
Когда ты сидишь на веселом пиру,
Лучше было б, коль нашел ты веселого друга.
На лица печальных людей не гляди,
Чтоб веселье в тебе не пропало.

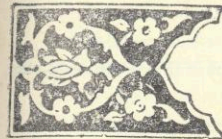
Когда в дни расправы у тебя общий прием⁶,
Ты на собутыльников не бросаешь взоров.
Не нужно, чтоб от тех дерзких забав
В разговорах с тобой слышна была дерзость.
Не привыкай есть один словно море,
Ибо горько то, что съедаешь как море,
Каждому долю давай, как воду ручей,
Чтоб прежде тебя умер каждый кувшин⁷.
[От] яств, которые под замком хранишь дома,
В семь десятков домов доходит зловоние.
А если из дома пошлешь ты [их] в город,
Твой двор и дворец они ароматными сделают.
У фиалки пока цветок не открылся,
Скверный запах бывает в состоянии закрытом,
Когда ж она кудри за уши заложит⁸,
Ветер сделает землю продавцом благовоний.
Жадным не будь, сей дворец⁹, ведь не твой,
От него для тебя хлеба лишь [каравай].
От земли и воды будь доволен одним караваем:
Ведь ты ж наконец не прекраснее солнца.
Отказ от еды — свойство божества,
Ибо [противное]¹⁰ можно найти в осле и корове.
Коль, как скотина, кто-либо стал рабом чрева,
То скотиной он выйдет из пуга могилы.
Когда Страшный суд наступит с весами в руках,
Придется ему из-за свойства коровы пересесть на осла¹¹.
От воздержания в еде болезней людских становится меньше,
Не живет долго тот, кто много ест.
Постоянно губы человека-обжоры
В рыгании скверном от нездоровья.
Привыкай, словно лев, к скудной пище,
Ведь боязлива корова с большим удоем¹².
Осла нерадивых людей тянут за хвост,
Потому что они хум наполняют водой¹³,
Бери по каплям, как туча, воду морскую,
[А] во время раздачи давай, не жалей.
И мех водоноса, который наполняется,
Наполняется от раздавания воды.
На пастбище этом ты все¹⁴ вкушай так,
Чтоб меру природы [своей] соблюсти,
Подай, и поешь, и оставь немного,
Ибо всему этому есть свое место.
Если ты подал, поел и оставил¹⁵,

То для мира ты наилучший хозяин.
Гляди на полезность от всякой пищи,
Не гляди на сладость, смотри на пригодность.
Когда с уксусом ладишь, не пей молока:
Уксус с молоком не бывает полезен.
Не предавай тело досугу, забаве и холе,
Гляди на поход и дорожные вещи готовь.
Берись за дело, что это за вялость!
Ведь конец безделья — оцепенение.
Не копай рудник самоцветов чужою рукой,
Если ты жив, сам изо всех сил старайся,
Для тебя руки и ноги служители,
Которые не оставят тебя, пока ты не позволишь.
Хотя ты имеешь служителей тысячу,
[Однако] «служителей» не отставляй от работы.
Если службу ног и силу руки
Ты препоручишь служителю,
То если служитель не будет на месте,
Не будешь ли ты тогда без рук и без ног?
Если найдешь ты слугу с ласковой речью,
У него не ищи любезности больше:
Слуга нелюбезный, но сладкоречивый,
Лучше невежи, который бывает любезен.
Приятною речью оказать можно ласку,
Что за прок в любезности, если слова неприятны?
Насколько ты можешь, веди речь любезно,
Дабы и слушающий тоже стремился к любезности.
Мягкая речь свойство мудрых,
Проявление же грубости — свойство безумных,
В словах, которые молвит невежа,
Добра не бывает, хоть [сам] он и добр.
Грубую речь лучше бывает забыть,
А в молчании никто не раскается.
От ремесла, от которого приходит позор,
Производителю достаются боль и мученье.
Будь терпеливым к тому, что [не можешь] достать,
[И] надеждой себя обольщай.
Надежда на пищу прекраснее пищи,
[Ведь] растят же тмин обещанием¹⁶,
Не видишь разве, что в солнечной зоне
Для тмина запретна всякая вода, кроме его же сока.
Ты, словно тмин, терпи, довольствуясь слюной.
Цветок засыпает от [жажды по] влаге туч,

Когда же ливень потоком поидет, его унесит вода.
Насильникам ты не оказывай помощь,
Ибо когда-нибудь спросят тебя о сем деле.
К пролитию крови реже готовься,
Устрашишь этой искривляющей ногу колодки.
Чего ты хочешь от стольких снесенных голов,
Доколе такими шарами ты будешь состязаться¹⁷.
Много слез¹⁸ в твоей туче содержится,
На шее меча твоего много крови.
Ты не боишься, что твой разящий шен меч
За чью-либо кровь твою же шею и схватит?
Ты как кяджавэ¹⁹ погоняй, чтоб через одну—две мили
Верблюдица не сбросила тебя под ноги слона.
Погляди, сколько крови на свете ты пролил,
Сколько голов [себе] на шею повесил.
Ты много стран привел в разрушенье,
Когда [тебя] спросят, как дашь ответ?
Так верно не будет, когда в сем зеленом саду
Ты несколькими розам наложишь на голову клеймо
раскаленное²⁰,
Не привязывай сердца к сему норовистому коню светлой
масти²⁰,

Ибо он есть дракон с ликом невесты.
Он сердце имсет, лишённое нежности,
Ведь [он] — сердце, которое свое тело не знает,
Ты, как земля, будь к покою готов.
Небосвод стал спешащим, а ты будь степенным,
Ты царь и не будь быстрокрыл, словно сокол,
Ты, как лев, со степенностью действуй,
Натянув поводья, гони коня мысли,
Ведь на пути имеются тернии у этого леса.
К делу, которым ты горе [можешь] связать,
Ты поспешай, а не медли.
Когда войну ты ведешь с невинным,
Было бы лучше, коль ты подождал бы при этом.
Кроме убийц и воров грязноруких,
Всякое прегрешенье прощай, которое есть.
Ты избегай презренных людей,
Не позволяй дерзить тебе распутным людям.
Когда с неприязнью царь относится к подданным,
То подданные осмеливаются [восставать] на царя.
С подвластными ты не разговаривай мягко,
Ведь поражение терпит алмаз от свинца.

Не склоняй головы на постели людей,
Словно лев из своей шерсти²¹ делай постель.
Червь шелковичному стал саван одеждой,
Ибо он для одежды шелк сучит из души.
Ты тайну скрывай от закрытых²¹
[И] их не выслушивай речи.
Не проводи [свою] жизнь в воздыхании²²,
Ибо такой воздыхатель сожаленья [достойн].
Хоть есть у меня еще такие слова,
Но я не скажу. [И] лучше этого не скажет никто.
Для тебя, которому было знаменье небесное,
Сказать больше было бы пагубно.
Если был резок мой меч, на меня не сердись,
Не миновать [ведь] мечу остроты.
Столь острым мечом рука государя
Да будет сильна всюду там, куда он рать поведет».
Когда он от этого свитка отнял перо,
Царь то послание мудрости принял.

34. СТРАНСТВОВАНИЕ
ИСКЕНДЕРА ПО СВЕТУ
В ПОИСКАХ ПРОРОЧЕСКОЙ МИССИИ.
ЖАЛОБА НИЗАМИ НА СУДЬБУ СТАРОСТИ

Когда на заре я голову поднял ото сна,
Чело озарил словно солнце,
Высоко престол красноречья воздвиг,
Рутой посыпал от сердца в огонь
Для сочиненья царственной книги¹,
Старому тополию вновь вернул юность,
Снял печать с сокровища речи,
В нем не оставил несверленных жемчужин,
[И] от рассыпанья жемчужин мое перо
Небесное чрево чуть не очистило.
Плавно вошла жасминогрудая
[И] подала мне в зеркале меч:
«Ты не пылай так любовью к себе,
Взгляни на себя и не будь [столь] надменным».
Когда же бросил я в зеркало взгляд,
То в нем распознал я свой образ.
Иные ланиты узрел я в цветущем саду,
Как белый шелк, они были в вороновом крыле.

Сон я нашел лишенным нарциссов,
 Юный тополь я свежим не видел,
 Жасмин фиалке устроил засаду,
 Блеклость обидела алую розу.
 От той потерятой монеты я огорчился,
 Стал в рассказе втупик с ослабевшим рассудком.
 Нет ног, чтобы сделать себя быстроходным!
 Нет рук, чтобы старый узор обновить!
 Мне стало стыдно своего бесцветного лика,
 Я звал на свой лад песнопенье.
 [И] испугался, что быстроидущее счастье
 Оставит этот узор неоконченным.
 До того, как наступит ночной набег сна²,
 Я поспешил возвести это здание.
 Быть может, себе я спальню³ добуду,
 Чтобы засесть³ в ней на вечное время.

35. РАССКАЗ

Муж, испытывающий изменчивые века,
 Так говорит о беге месяцев и лет:
 Когда письмо повеления Искендеру
 Заверено было откровеньем пророческой миссии,
 Смыл он со списков заголовков сокровищ,
 Ибо имя его попало в список трудов¹.
 Он повелевал, чтобы подать Руса и Рума.
 Писали на имя Искендероса.
 До того, как с престола уйти², он [престол]
 Ему отдал и поручил его матери.
 Для назидания он с уст снял печать
 [И] так сказал ласковой матери:
 «Я ухожу, ты же из благочестья и веры
 Так поступай, чтобы говорили: «Да будет так!»
 По-отцовски божьим рабам,
 Раз стала ты матерью, окажи любовь материнскую.
 В питании правосудья и веры, смотри,
 Соблюдай повеленье питателя.
 Повеленье старайся исполнить: оно приносит добро,
 Ведь исполнять повеленье лучше, чем его отдавать.

Пришла мне нужда отправляться в путь,
 Тебе поручаю дело венца и престола.
 Предпринимаю я путь очень дальний³
 [И] не знаю вернусь ли к своему престолу.
 Если б пришел я, сделай так, чтоб от глаза дурного
 Ни ты бы ни омрачилась, ни меня не постиг сглаз.
 А если вернуться мне не придется,
 Ты разумеи, каков бывает конец,
 [И] так поступай, чтобы в том судилище завтра
 Твой язык извиненья не сделался косным».
 Когда речь он закончил, то вещи собрал
 [И] передал матери венец и престол.
 Он повелевал, чтобы рати Рума и Сирии
 Перед ним целиком явились на смотр.
 Из тех войск, что были подвластны ему,
 Ему понравилось больше ста тысяч.
 Каждого воина он выбрал из какой-нибудь области,
 Каждый по мужеству [целое] войско.
 Четыре тысячи верблюдов у него под поклажу
 Сзади и спереди рати вереницей построились.
 Первая тысяча из них бисураки⁴,
 Они горделивостью горы с прахом равняли.
 Вторая тысяча — грузовые бухты⁵,
 Весь у них груз приятные яства.
 Третья тысяча — верблюдицы ходкие
 Под убранством и золотом червонным и желтым.
 Четвертая тысяча — верблюды отборные, быстрые,
 Во время скачки они как горячая лань,
 От разных ремесел, что водятся в мире
 Он выбрал по сотне всяких ремесленников.
 С таким оснащеньем государь миродержец
 Знамя поднял от рыбы до месяца.
 Из Македонии он тронулся в путь
 [И] прошел до Александрии.
 Там он поставил державный престол
 И, ликуя, сидел на нем несколько дней.
 По обычаю Кей-Хосрова, берущего троны,
 Из мира в Сарир свой престол перенесшего,
 Он столб повелевал водрузить
 [И] приладить к нему ясное зеркало,
 Дабы то, что на море на месяц пути,
 Оно бы все⁶ показало.
 При нем чтобы было дозорное место престола,

На нем дозорные с бдительной судьбой.
Когда они в зеркале скрытую тайну узрели б,
То о ней говорили б владельцу престола,
[Дабы], если враг совершит нападенье,
Гарема хранители приняли бы меры.
Когда он покончил дела в этой ставке,
Он на бурого сел с высокой уздой,
Первый шаг он на Запад совершил,
Прибыл в Египет и простоял там два дня.
Оттуда он вышел с намереньем верным,
По велению бога подвязал быстро пояс,
Когда в [одну] сторону прошел часть земли,
Он краем долины вышел на поле.
Несколько грустных людей из Макдуса⁷,
Претерпевших обиду от тиранства правителя
Шли дорогой, на насилие жалуясь,
[И] ухватились за бразды правосудия шаха⁸.
«Раз получила земля чистоту от тебя,
То ты очисти и «Чистое место»⁹.
Знамя свое доведи до Макдуса
[И] убери злодея со света.
В том месте святых есть Ахриман,
Который врагом друзей бога является.
Покорные этой почтенной обители
От него только видят несчастье и горе.
Он покидает путь служения [богу]
И притесняет служителей [бога].
Он возгордился пролитием крови,
Голову многим снес незаконно,
Все мы в страхе от сего бесовского чада,
Ты укротитель бесов, у тебя мы просим защиты».
Когда Искендер увидел такие рыдания,
Подобного рода над ними насилие,
Он на помощь пришел на вопли обиженных,
[А] на [их] вопли никто на помощь не шел.
Этот рассказ услышав от макдисцев,
Он направил поводыя в Святую обитель,
Крепость мира, которую он раскрыл¹⁰,
Он [раскрывать] со святой обители начал.
Искендер в Макдис прибыл из Румийского края,
Чтобы смуту изгнать из этой страны.
Когда враг-притеснитель проведаль [о том],
Что из гор и степей пришла молва о расправе,

Он пояс надел и на бой с ним пошел
[И] не знал об его недремлющем счастье.
При первом набеге, что шах произвел,
Он путь преградил тому разбойнику-диву.
Увидев, что он тиран, он пролил его кровь
[И] повесил его на воротах Макдуса.
Тотчас же глашатая он снарядил,
Чтобы тот возгласил об его тираннии:
«Каждый, кто учинит в сем доме обиду,
[Пусть] так ту злую судьбу его вспомнит».
Когда он отнял у него Святую обитель,
Он смешал ту землю с амброю,
Спокойным стал за то место покойник,
Изгнал¹¹ из него испачканных грязью,
Отвратил от него насилие тиранов,
Набожным место оставил для [бога] служенья.
Когда дело Макдуса им было улажено,
Он помчался в Магрибское царство,
Оттуда он рать привел в Ифранджат,
А из Ифранджата перешел в Андалус.
Когда в пору проповеди и увещевания он приступил
К выявлению мудрости и укреплению веры,
Никто от знания и веры его не отвращал головы,
Путь видел он ясным и спешил к той дороге,
Когда он всех научил правосудью и вере
[И] новые храмы построил во всех местностях,
Он еще раз в поход повел войска,
Знамя поднял за завоевание мира.
Он мчался поспешно через горы и реки,
Где видел зелень, [там] делал привал,
[И] когда от усталости он избавлялся,
То снова опять собирался в поход.
Через пустыни он поспешил к морю,
Спустил корабли на море воды,
Сидел три месяца на воде моря,
[И] добывая добычу из моря,
С той стороны, где пряталось солнце,
Со спутниками он держал бег.
Много видал островов без людей,
Ехал все дальше и землю за землей проходил.
Много встречалось ему живых тварей,
Как людской, так и породы иной.
Никто из них с ним не смешался,

От него они убегали с горы на гору.
Наконец, когда он прошел долгий путь,
Склон земли теперь сменился подъемом:
Пустыня песка, блестящего, желтого,
Не подымавшая пыли, кроме желтой глины,
Если кто-либо мчался по той песчаной стране,
Земля под ним извергала огонь.
Несомненно, что вместо состава земли
Та равнина была из состава серы.
Когда в той пустыне один месяц промчался,
То и сквозь нее они пронесли дорожные вещи.
Когда появился конец той долины,
Искендер подошел к превеликому морю.
Он стал, пораженный, у глубокого моря,
Которое грек называл океаном.
Всемирное море¹² вздымало грозные волны,
Дальше сего места не было ходу.
Захождение солнца от мира
В том море глубоко не было скрыто.
У той воды имелась завеса мугов,
От глаз она не скрывала сиянья.
Небо каждые сутки вдали от очей
В море бросало из источника свет.
В захождении солнца для нас
Указание есть на источник и море воды.
Тот теплый источник, где ему ¹³ место имеется,
Указующий путь¹⁴ относит к морю.
Когда где-нибудь вода производится,
Она скопляется и вливается в море.
Пока она в яме, она словно завернута¹⁵,
Когда же она вокруг земли, она подвешена.
В том море, которого имя «объемлющее»,
Морская вода постоянно подвешена.
Когда солнце красу [свою] прячет от мира,
Оно скрывается за каймою воды.
Во время ухода высокого солнца,
Оно из круга моря одевает покров.
Когда с высоты оно вниз опускает зрачок,
То его можно видеть за волнами [моря],
Немного пройдя, оно покрывало на себя надевает,
Потому что в счет идет округлость земли.
При помощи знания представляется так,
[Но] для знающих путь указанье пути есть иное

Когда государь увидел тот теплый источник,
Очи его не сомкнулись в опочивальне.
Он спросил мудреца: «Что то за источник?
Кто же теперь хранитель источника?»
Так ответил мудрец: «Эта теплая вода
Воду позора у многих очей унесла¹⁶.
Много искали тайну за этой завесой,
Но конец нити в руки не дался.
Я несколько старцев спросил об этой истории,
[Но] ни один не дал ответ, приемлемый сердцем,
Каждый дает объяснение тому чистому свету,
Один вокруг центра, один вокруг земли,
[Однако] кто знает, вне этого места¹⁷ сиянья
Где сияют солнце и месяц».
Остановился на том берегу Искендер
[И] утратил покой к воде моря.
Увидел он воду огромного моря, как ртуть,
Закрывшую путь облакам воровать капли¹⁸.
Легко не ходил в таком море корабль,
А если ходил, то не нашел без знающих путь.
У знающих путь царь о тайне спросил,
Взвешивая дело и готовясь [в дорогу]:
«Как спустить мне на эту воду корабль?
Через нее как мне перебросить поклажу?»
Умудренные люди не признали за благо,
Чтобы царь там спускал на воду суда.
Они указали, что путеводителей сотня
Из этой воды не выведет судна.
«А еще в сей воде, похожей на ртуть,
Имеется змей касасэ по названью.
Он черен, ужасен и притеснитель,
Как дым, который выходит из ямы.
Есть у этого зверя такая расправа:
Когда зритель увидит его [хоть] одним глазом,
Душу он отдает и больше с места не сходит.
На подобном пути кто же укажет дорогу?
Хуже всего, что вдали от этого дома
Ты видишь берег, как пылающий свет.
Много камней цветных на том месте волн,
Все синие, красные, желтые, черные,
Блестящие, словно золотой марказит¹⁹,
[Весом] в мен и два мена, меньше и больше.
Когда на них взглянет человеческий глаз,

Он рассмеется от обилия счастья и радости
И тотчас от счастья он душу отдаст,
Как увидел, так душу и отдал.
Однако то, что [весом] меньше мискаля
Лишается свойств, будь их вместе хоть сотня.
Боясь похищения им жизни знающий путь
Его называет простором, губящим души».
Когда эта повесть была рассказана, царь
Послал и произвел испытание дела,
Было так, как сказал говоривший старик:
На земле лежало несколько штук тех камней.
Он повелел, чтобы на ярых верблюдах
Добрались рукой до цветных тех камней,
Все [чтобы] быстро глаза завязали
И [стали] тогда бы камни искать,
И сколько бы тех камней ни досталось,
Привезли бы на спинах ярых верблюдов
[Чтобы] все камни обвязали карбасом²⁰,
А поверх него обернули обертками.
Нагрузили б камнями тех верблюдов,
Не оставались бы сами в той каменистой пустыне.
Повинуясь приказу, дорожные стражники
Привели в исполнение приказ государя.
Царь и рать из страха от великой погибели
Прошли словно ветер сквозь тот желтый прах.
Царь повелел, чтоб тем желтым песком
Шутурбан²¹ тяжело нагрузил сто верблюдов.
Когда он в местность пришел, которая воду имела,
Где земли были благоустроены,
[Там] ссыпали камни по приказу его
И из камней возвели основанье.
Все [камни], все так же карбасом обернутые,
Так что из них ни один не открылся.
Согласно тому, как камни сложили,
Он [вокруг] возвел ограду без двери,
Зданье построил как ядро миндаля,
Все прекрасно сложил одно на другое.
Он замесил глину, говорят, из того желтого праха
И замазал целиком наружную сторону зданья,
[А] утро не обкладывал и оставил пустым,
Чтобы тайну скрывало оно за завесой.
Так рассказано было наставником:
Когда с той поры прошел некий срок,

Карбас с камней, истлевший, осыпался
И показались те семицветные самоцветы.
Наружная часть зданья осталась на месте,
Ибо от облицовки глиной в ней была недоступность²².
А те, что остались внутри, скинули рубища,
Из-за тех рубищ, много жизней пропало.
Каждый путник, который туда приближался,
Встречал нужду поглядеть на тот замок.
Он искал на стене, поскольку входа не видел,
Забрасывал петлю и вверх поспешал.
Когда он на стенку влезал, то вскоре видел и камни,
[И] они, как магнит, у него жизнь похищали,
Ведь от одного камня [весом] в мен бывает кровь²³,
Каково же будет, если ты сложишь целую гору.
Я слышал, что из царей один благородный
Слышал этот рассказ и не поверил.
Он послал и стал расследовать дело,
От испытанья стал для него рассказ достоверен.
Когда царь построил то здание, то от него отвернулся
[И] поспешил от моря к пустыне.
Когда он еще шесть месяцев мерил дороги,
Рать утомилась от лишений походов.
Путем, который его слоны попирали ногами,
Его прохождение пришло к реке Нил.
Он стремление имел к источнику Нила,
Ибо глаз не видал [еще] того основанья.
Ночью и днем к той многоводной реке
Он гнал о дву-конь по горам и равнинам.
К той цепи [гор], от которой та река отклонялась,
Он шел, как идет поток к реке.
Много гор и степей миновал он на свете
[И], наконец, дошел до края тех гор и степей.
Из подола сухого песку появилась
Гористая местность, зеленая, с запахом мускуса.
Тесно друг к другу гранитные горы
Высились цвета зеленой финифти.
К ним прегражден бегущему путь,
Подступ потерян для ищущих путь.
Протянулась отвесно река торопливая,
Вниз низвергалась с зеленой горы.
У ней на дороге стоял крутой холм,
На который, взбираясь, коченели ноги.
Тот, кто на холм, полный терний²⁴,

При помощи рук и ногтей забрасывал душу²⁵,
Взойдя на него, начинал хохотать
[И] вниз низвергался с другой стороны.
Шел ли один на него или [шла] тысяча,
[Все], словно птицы, летели на тот луг.
Были посланы несколько человек на тот холм,
[И] ни один из них не возвратился обратно,
Ибо каждый, кто на тот холм взбирался,
На нем, ты сказал бы, находил венец и престол:
Он так отводил свой взор от полков,
Что [их] глаза получали впечатление лишь об его образе.
Призвал Искендер мужей, видевших свет,
[И] много бесед вел о том, как помочь [делу].
Нельзя де влезать в одиночку на гору,
Надобно лезть сразу двум вместе.
Останавливаться [нужно] при восхождении,
Через каждый десяток шагов делать привал.
На гору взойдя, утвердиться на месте,
[И] сделать то, что окажется нужным.
По ту сторону горы глядеть постепенно,
Не глядеть сразу, не то страх нападет.
Сделали так, но пользы не было.
Еще раз мудрец произвел рассмотрение,
[И] руководство вышло такое в том деле:
Доблестный муж и чистый суждением
Писец имеется, человек бывалый²⁶
Перо и письмо у него превосходны,
Сын прекрасный есть у того человека,
Отдаляющий от него печаль и страдания.
Если б он устремился на то горное место,
То сын бы в дороге был его спутником.
Человек наверх пусть полезет, а сын внизу [останется].
Ведь львенок бывает цепью для льва.
Если он не вернется, то о сущности дела
Он своему сыну расскажет.
А если от того он будет иметь немоту,
То он, не торопясь, напишет письмо
[И] сбросит вниз своему сыну,
[Но] не отсечет сердца от любви к своему отпрыску.
Чудесного мужа доставили,
[Который] объединял [в себе] все то, что сказано.
Пошел на гору старик и с ним молодой,
Словно львенок, бегущий со львом,

В следующий полдень тот храбрый юнец
Вниз спустился с подножья горы,
Держа в руке свиток бумаги.
Он к шаху пошел с бледным лицом,
Подав бумагу царю, [и] царь прочитал.
Так [старик] написал: «От извивов дороги
Я так дошел до души²⁷, что от страха
С адом сравнил дорогу свою,
Дорога будто росла из [кончика] волоса²⁸.
Каждый, кто ступил на нее, [он] себе умыл руки.
По этой дороге, имевшей лишь форму волоса,
Спуститься вниз совсем нельзя было отважиться.
Когда я взобрался на гранитную гору,
Я от тесноты пути пришел в стеснение.
Когда в ту сторону²⁹ я посмотрел, сердце мое разорвалось
на части

[И] расстроился разум от ужаса.
А с этой стороны гора была без каменистой почвы,
От края до края все было в садах,
Полных плодов, зелени, воды и цветов,
Голоса птиц выводили трели.
Воздух от нежности там струил аромат,
Почва от влажности рождала ручьи.
Оседанье, смешавшись с просачиваньем,
Из обоих произвело такую реку³⁰.
С этой стороны все красота и жизнь,
А с той стороны все пристрастие и пакость.
Здесь рай, а там [все] адской природы,
Из рая в ад никто не идет.
А еще та пустыня, по которой мы шли,
Взгляни, откуда и куда мы пришли.
Кому сердце позволит из такого прелестного места
Своею ногой ступить на то скользкое [место].
И вот я ушел. Да будет шаху привет.
Радостны будьте, а я тоже рад».
Когда царь узнал о тайне сокрытой,
Он в степь увел рать с подножья горы,
Никому ни сказал о том, что прочел,
Дабы ни одна душа к тому месту не возымела страсти.
Поскольку он понял, что сидеть там ошибка,
Он искать стал проход по правую руку.
На том пути не отдыхал от движенья нисколько,
Приготовлений не делал, кроме как для похода.

По дорогам пустыни он вышел с трудом,
Богатства с собою везя, как песок,
Его дорога песчанна, а горя в ней больше песку,
На жар вздохов его³¹ не хватило б котлов.
По всей дороге враги из хищных зверей
В каждом углу расставили рать.
Однако, когда они напали на шаха,
От мрака путь перед ними делался черным.
Из темноты никто не мог выйти наружу,
Разве только позволение царя указывало дорогу.
Для того, кто противился суждению [царя],
Место [стояния] [для] него становилось ножною колодой.
Без посредника и без перевода
[Царь] все языки понимал отдельно.
Он на их лад настраивал речи
[И] давал им ответы достойные.
Таким образом он держал путь,
Время под небом, под пылью земля.
В пути у него, кроме этого, никакого не было дела,
Что, словно ветер, он пыль³² из сердец уносил.
Сердце знакомца он озарял,
Чужих же учил [исповедывать] веру.
Когда он ту степь перешел, словно смерч,
То в другую дикую местность³³ направил стопы,
[В] пустыню, от огня и пыла которой
Словно говорил ему в уши адский служитель.
Кроме золота, которое создано Богом,
Из растений [там] никто не видал ни травинки.
Искатель мира от той раскаленной россыпи золота
Рассмеялся³⁴, как дитя, нашедшее золото.
Когда в той степи он прошел часть пути,
То в саду Ирем обрел он место покоя.
Появился тот сад с золотыми деревьями,
Откуда Шеддад добыл венец и престол.
Внутри вошел вождь, мир обошедший,
Землю желтой увидел от дерев золотых,
Каждое из дерев его полно плодов,
Все плоды — биджады³⁵, лалы и жемчуг.
Со всех сторон висели яблоки и гранаты:
Все гранаты — яхонты, а яхонты — гранаты³⁶.
От золотых померанцев и серебряных теренджев³⁷
Обольщение взоры пленяло.
Его весна — самоцветы, земля — алхимия,

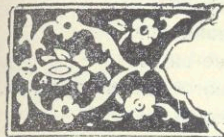
Цветы из биджадов, из изумрудов трава.
Ковер разостлан в том зеленом саду,
Озаренный самоцветами, словно светоч.
Две статуи [там] из золота сделаны,
От каждого образа отлита форма.
Когда б на глаза попались они знатоку статуй,
Он в ужас пришел бы, коль они не были б золотыми.
Из влажного хрустала построили водоем,
Отлили куски серебра словно лед,
В нем сделали рыб из чистого джаза³⁸,
Более прекрасных, чем рыба в воде.
В два кирпича³⁹ возвели замок великий,
Один кирпич золотой, один из серебра.
Когда царь вошел в тот замок из золотых кирпичей,
Он возомнил, что вошел в райский замок.
Когда много [раз] он его обошел,
Пола его от сокровищ прорвалась.
Он увидел отдельный шатер из агата,
В жемчуга погруженный от основания до верха.
На нем светлый купол из чистого золота,
Сияющий, словно солнечный купол.
На то сухое золото не садилось пыли,
Кроме пыльцы амбры и порошка мускуса.
Ходил по небу вождь ученый и мудрый,
Словно ангел по своду небес.
Сатудан⁴⁰ он увидел из блестящего джаза,
От которого веял аромат влажной камфоры.
На нем положен зеленоватый козер
[И] скрижаль из яхонта с зеленою надписью.
В ней написано: «О [ты], обладатель силы,
Который к сему сатудану погоняешь коня,
В этой дахме⁴¹ покоится Шеддад [из племени] Ад⁴²,
От которого эта земля обрела цвет и блеск.
К нам устремляйся, имея совесть,
Не покушайся сорвать покрывало⁴³,
Сохрани тайну⁴⁴, ведь мы сохранены [в земле],
[И] опозорить никого не старались.
Соблюди нашу честь в тайне [могилы],
Ведь будешь и ты лежать в этой земле,
Если лежащему в сей усыпальнице
Свод возведут из черного камня,
В конце концов сей быстровертящийся свод⁴⁵
Унесет свод со стен в пустыню.

Сделает тело его для муравьев вяленным мясом,
Его череп сделает прахом конских копыт⁴⁶.
Да, каждый ради своего эйвана
Стронт столбы у своего сатудана,
Однако, как видишь, в конце концов
Его ветер разносит во все стороны, словно прах.
Кто знает, руки и ноги Шеддаду
Кто раздробит подковами конскими.
Прах, рассыпанный в яме,
Оставь, ибо для праха лучшее место прах.
От того тела, которое ветер развеял,
Признака ты не узришь, кроме сей желтой горы.
И ты, отпирающий замок тайны,
Бойся подобного дня и со мною поладь.
Не считай себя в безопасности, оттого что ты благороден,
Ведь и ты, наконец, людского рода.
Все богатства этой сокровищницы твои,
Голова и венец наши тоже в твоём распоряжении,
Перед тобой открыты двери сокровищницы,
Этой награды за поход для твоей рати достаточно.
Возьми богатство, да не будет оно на тебе бременем,
Пусть оно будет твое, а с мертвым пусть дела не будет».
Искендер к той нерассыпавшейся скрижали
Склонился, как скрижаль, свешивающаяся с ветви,
И из-за надписи, которую он читал, как капли воды⁴⁷,
Он много капель воды проливал из глаз.
Когда из очей, источающих потоки слез,
Он ту усыпальницу оросил немного⁴⁸,
Он вышел и покинул вместилище кладов,
Не запачкал рук тем богатством и жемчугами.
В саду, который достался ему покупкой меча,
Он пожалел сорвать хотя бы один плод.
Поняв, что тот фарш⁴⁹, из золота сделанный,
Произведен в течение долгой жизни,
Он из той сокровищницы, содержавшей все те сокровища,
Ни сам не взял, ни кого другого не допустил,
[Ведь] все пути его были полны богатств,
Золото — десять десятых, серебро — пять десятых⁵⁰.
Он пустился снова в пустыню,
В ней свою страну вспоминал.
Когда половину пути он в пустыне отмерил,
Он племя животных увидел человекоподобных,
Пустынь обитателей, чернее смолы,

[Которые] жили в пещерных углах.
Он их спросил: «В этой ровной пустыне
Какие у вас приключения, [достойные] рассказа.
Помимо вас, кто из зверей
В этой степи приют свой имеет?»
Так они ответили шаху:
«Облака и вода далеки от этой пустыни,
В этой обширной пустыне, что объявляется нашим приютом,
Наша еда — добыча [от охоты в] нашей пустыне.
В этой степи мы ловим добычу,
И сами живем по обычаю зверей,
Едим то, что от охоты добудем мягкого,
Одежду же мастерим из шерсти и кожи.
Ни огня, ни воды здесь не добывают:
Вода из туч [лишь] бывает, огонь же от солнца.
В [течение] белого дня высокое солнце
Бывает нашим огнем в этой неволе.
Когда ж от росы свежим становится воздух,
Наше дыханье упивается тем ветерком.
В этом углу у нас нет иных средств,
И лучше сего нет конца и начала.
Ты также спрашиваешь о других племенах,
Что имеют приют в сих степях и горах.
В этой огненной, бесплодной степи,
Где не свершают птицы полет,
Ведь много диких обитателей пустынь,
Которые никогда ни к кому не привыкают.
В один день они проходят столько пути,
Что он нас и в два месяца не ставят того.
Из них то один, то другой нам попадают в руки,
Их мы допрашиваем, когда по ногам они связаны,
Как без воды они проживают
[И] почему чуждаются нас.
Они скажут: «Вода для нас яд искони,
[А] для влажности — воздух [сотворенный] для нас.
Мы, словно змеи, ни ладим ни с кем,
Ящерицы — наша еда, и только.
Раз пользы нам нет от ваших занятий,
Зачем же вам надо оказывать службу».
Иное у них мы спрашиваем тайком,
Когда они едят и когда спят?
Как они столько прошли вверх и вниз
В этой пустыне, где воды не добыть?

Доходил кто-либо до края пустыни,
Видал ли народ другого обличья?
Так то племя сказало в ответ:
«Мы много бродили в степях и горах,
Бежали годы и месяцы, как козули,
И не достигли до края долины.
Других жителей пустынь мы видели
[И] у них тоже спросили известий.
Кроме обличья сего, как смола,
Знака иного не дает ли указчик дороги?
Они указали, что от них далеко,
Там, где у солнца нет больше света,
[Есть] город один, как ивовый лес⁵¹,
В нем человекоподобные белые.
Красивы лицом, нравом приятны и прекрасны природой,
Каждый старше пятисот лет
И если им минет еще пятьсот лет,
Ты [все же] ни в ком не заметишь следов старости.
Кроме родных мест тех восхитительных [тварей],
Нам [больше] никто не давал других указаний.
Кроме того, также на этой ровной земле
Есть много невиданных гор и пустынь.
В них для растений нет воды для питания,
Ибо горяч ее зной и холодна ее стужа.
Раз в ней не выходят из почвы растения,
То как не погибнуть животному в ней.
Вот это та тайна, которую мы открыли,
От других же рассказов мы омыли листы»⁵².
Искендер тем создателям
Простил и одарил их припасами.
Научил их своему обычаю и закону,
Просветил их знаньем своей веры.
У них о верных, прямых путях
Он искал указастья к населенной четверти [мира].
Поскольку они из-за него стали его невольниками,
Благодаря его состраданию приняли его ласку,
Поскольку нашли свое дело устроенным им,
Они поспешили его проводить на дорогу.
Из той кипящей земли и ядовитого ветра,
Они ему путь указали к цветущей стране.
В той степи Искендер не во-время и во-время
О дву-конь мчался по бездорожью и по дорогам.
В конце концов, когда та дорога достигла конца,

Опять показался край моря,
На берегу моря морской воды
Просачивание он увидел, наподобие ключей⁵³,
Месяц они простояли у того родника,
Отдохнули от жестоких лишений.
Еще раз построили много ладей
[И] с берега в море спустили.
Когда больше месяца по морю проехали,
Они свой обоз доставили к суше.
Когда от сияния звезд залихорадило ночь
И стала она извиваться как змея, скорпионом ужаленная,
От южного ветра донеслось дуновение,
Сердце путников от печали и страха избавилось.
Месяц они простояли спокойно в том месте,
Которое было и тенисто и обильно ручьями.
Добрались они до пластыря на те раненья,
Из тел их ушли потихоньку болезни.

36. ПРИБЫТИЕ ИСКЕНДЕРА НА ЮЖНЫЙ ПРОСТОР И В СЕЛЕНЬЕ ГОЛОВОПОКЛОННИКОВ

Сердце мое, о певец, удалилось от терпеливости,
Ночью сегодня чарующую песнь для меня заведи,
Песнь такую, что когда ее сердце услышит,
Она из бесчувствия вновь привела бы меня в чувство.

* * *

Искусный сказитель сей повести, жемчугами украшенной,
Так рассыпал жемчуг из ларца,
Когда государь покинул Восток,
Он престол воздвиг на Южном просторе.
Воздух мира он благотворней увидал,
Ласковой¹ времена [по отношенью] к земле.
Когда сосуд утра, пахнущего померанцами,
Стал цвета теренджа от воды голубого ручья²,
Они из того становища выступили
[И] помчались к другому становищу.
Проводники указали привал:

Когда государь отойдет от этого стана,
Он увидит селенье нарядное, словно рай.
Земля его вся в зелени, ручьях и гашнях,
[А] люди в нем все головопоклонники,
Они повеления бога забросили.
Может быть, царь возьмет их под [свой] покров,
Из тех заблуждений выведет.
Когда кровью солнца ночь наполнила чашу,
Царь отдохнул ночь на том привале.
Когда павлин солнца распростер крылья.
Зазолотилась синева полукруга³,
Ищущий мир⁴ навьючил вещи на лошадь⁵,
От седельных ремней его счастье подняло голову.
Он выступал величаво верхом на буром коне,
Словно Бахрам-Гур, поражая онагров.
Показались те зелень, ручьи и сады,
Кругом всюду блеск, словно светоч.
Селенье, словно рай озаренное,
[Словно] жители рая шили одежду [зеленую].
Когда царь доехал до селенья головопоклонников,
То увидел селенье, но старшины селенья не видел.
Служения богу не [было], но [было] много хозяев деревни.
Ни ума не было в людях, ни в деревне людей.
Каждый из глины хум изготовил
[И] налил в него кунжутного масла.
Отдельно в масло каждого хума
От бесчеловечности бросали людей.
Дней через тридцать, сорок и более
Они заблудшему мужу отрывали голову.
Голова бывала без мозга и жира,
Вся тучность [ее] оставалась в теле.
Сухой череп они клали перед [собой]
И от него допытывались про свои дела.
Они прутом ударяли по тем костям
И вопль издавали над черепом:
«Ночью сегодня какое появится зло и добро,
И что произойдет на завтра?»
Какой-то звук исходил из сокрытия,
Звук, который похож был на речь:
«Завтра жара или стужа будут такие-то,
Мир на станке имеет такой-то узор».
Тот узор забирали они в свои мысли,
И так месяцы проходили у них и годы.

Когда повелитель, подающий помощь, понял,
Что такого рода тайна есть ученье демона,
Он повелел разбить черепа
[И] из домов убрать хумы с маслом.
Много доводов верных приводил его ум,
Пока не удалил из них мненья пустого.
Он научил их исповедывать веру,
Считаться с божественной сутью и саном пророка.
Он к тому племени приставил благочестивого мужа,
Который сумеет несколько душ охранить,
Когда дело этой страны было устроено,
Он, поднявшись, двинулся вслед по дороге.
На счастливых стременах и с радостным сердцем
Царь промчался оттуда один переход.
Он коня укрощал под седлом
[И] мало в том пути отдыхал, словно звезды.
Путь извилистый, темный и тесный,
Весь путь полон терний и полон камней.
Показалась вершина высокой горы,
От восхождения [на которую] бывает гибель для жизни.
Царь осмотрел ту гору сзади и спереди:
Необходимо было путь держать через нее.
Он вывел рать на вершину горы,
От лишней меченосцы пришли в утомление.
От остроты и твердости, что у тех камней были,
Копыта животных истерлись о камни.
Когда царь увидел, что от камней, стачивающих сталь,
Копыта животных стираются,
Он повелел, чтобы с тел волов и ослов
Шкурой обернули копыта животных,
Войлок и плотный карбас
Повязали к ногам львов бегущих,
Чтобы все проходы вымели начисто
От камней, от которых гибнут бегущие,
По приказу царя путь подмели,
Горный кряж помолотили булатом,
Из тех, кто были дорожными слугами,
Несколько человек пришли к государю.
Они принесли пригоршню камней:
«Вот отчего копыта животных изранены,
Мы их нашли под копытами животных,
С трудом удалили их из подков,
Много по ним ударяли булатом,

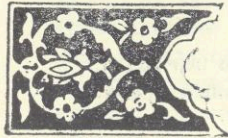
Они не разбились, а булат разлетелся в куски». Царь острым мечом ударил по камню, [Его] не рассек, а меч раздробился. Его царапали самоцветами всякими, [Но лишь] от свинца на нем оставались царапины. Когда царь увидел, что он мелет камни, Он за остроту дал ему имя алмаз. Каждому он говорил обстоятельно, Что сей самоцвет драгоценнее [всех], Дабы они подумали о поисках его, Дорогу свою от алмазов очистили. Он вручил его образец всем искателям камня, Чтобы знали они, как его находить. Когда в войсках пошел такой разговор, Подпоясался каждый на эти поиски. Много искали вверху и внизу, — Самоцвет драгоценный попадался редко. Рядом⁶ с горою, вокруг [нее], Была долина большая, как море. В той долине в изобилии были алмазы, Которые были яснее воды в чаше. [Долина], как море, достающая из пещер самоцветы, Но не море рыб, а море змей. Змей в ней сотни тысяч кишели, Кто видел змей продавцов самоцветов? Быть может, тот путь оттого стал труден от змей, Что до сокровищ добраться нельзя нездоровым⁷. Труден был тот путь сокровищ [И] способ движенья не находился. Когда царь увидел, что та алмазная россыпь Имеет дорогу острую, словно алмаз, И из страха перед змеями и мукой пути Никто из войска в долину не шел, Он как дозорный, поглядел во все стороны, Чтобы добыть какую-нибудь помощь. Черный орлов на каменных скалах Он много увидел с добычей в когтях. Когда он заметил таких летящих орлов, Он орудие пытки [для] мысли воздвиг⁸. Он повелел, чтобы овец доставили тысячу, Не глядели бы, что та жирна, а эта тоща, Горло им перерезали бы [всем] сразу, А затем их порубили на части,

[И] там, где россыпь алмазов увидят внизу, На тех россыпях смело [куски], Во исполненье приказа, ибо он повелитель, С тех овец содрали шкуру, Там, где узнавали россыпь алмазов, Разбрасывали куски мяса. Когда алмазы прилипли к ломтям мяса, Со всех сторон пришли в движенье орлы. Они подобрали и соль и кебаб⁹ И в пещерах [ничего], кроме змей, не оставили, Унесли и съели на вершине горы. За каждым орлом бегом десятков стрядов, Каждый алмаз, который падал из мяса, Нес к государю тот, кто был благодарен. Царь алмазы вместе собрал, Плохие из них были водянистого цвета, хорошие — желты, Оттуда он пожелал сойти вниз [И] спустился с горы, как бурный поток. В том беге они проявляли поспешность, Мчались дорогой без проводника. Животные огонь высекали подковами, Вместо пота с груди текла кровь. Когда прошли месяц по этой дороге, От бега копыта ветроногих разбились. Но, наконец, силой высокого счастья Рать от жалоб избавилась, а царь от мученья. Выбрался царь из той каменистой пустыни, Увидел цветущую и просторную местность. На возделанной почве обширные пашни, Наделенные лаской ливней и снега¹⁰. От зелени, свежести и блеска К ней порывались душа и сердце. От расхищенья той зелени след потеряли К пастбищу животные с копытами, как наконечники стрел. На той пашне юноша, как яростный лев, С головой непокрытой, босой и с мотыгой в руках. Обличье его красиво и складно, Его голова достойна венца государей, Его мотыга сверкала, как ключ золотой. На нем были явны следы процветания, То подымал он мотыгу, то опускал. То связывал связку, то распускал. Миродержец ласково его подозвал и сказал:

«Как природа твоя парюю стала для почвы.
Ты молод, красив и смышлен,
К красавцам идет лишь работа красивая.
Не твое это дело мотыгу вздымать,
Сеять зерно на порожней земле.
При этой счастливой природе блестящей
Не бывает счастливым равенство с почвой.
Приди, дабы я дал тебе царство,
Избавил тебя от борьбы с землей».
В ответ земледелец с тонким суждением,
Когда он исполнил условие служенья,
Так молвил: «О объездчик времен,
Все строптивые кони от тебя научаются.
Ты каждому мастеру так предоставь ремесло,
Чтобы в его естество не западало раздумье.
Кроме посева зерна, для меня нет работы,
Не подобает мне быть государем.
У земледельца жесткое место,
Когда же он мягкость увидит, то станет горбатым.
Тело мое обросло кожей в грубости,
Мягкое место бывает гибелью грубых.
Крепкое тело, которое нежится,
Бывает как камедь, что хочет быть медом».
Его ответ понравился искателю мира
[И] он похвалил его счастливую речь.
Он спросил его весть о создателе:
«Так кто для тебя есть писатель?
Кто твой хранитель во сне и в бдении?
Где расцвел твой приют?
Ты кому служишь, для кого раб?
Ты на какую дорогу взор устремил?»
Сказал молодец: «О господин мира,
Путеводитель народа к пророческой миссии,
Я свое сердце к тому привязал, что и ты,
Я той же кибле служу, что и ты,
Сотворившему синее небо,
Создателю гор, рек и степей,
Ночью и днем пред создателем мира
Я несколько раз лицо преклоняю к земле.
За эти глаза, бровями снабженные,
Которые он даровал мне без просьбы,
[И] за прочие милости, что он мне оказал,
Из которых от каждой мне сто всяких польз,

Благодарю я его. Хвала обязательна
Для того человека, кто верует в бога.
Тебя, который пришел для пророчества,
Я воспринял по пути исповедания веры.
Тебя до этого видел во сне,
Тобою живым стал, как рыба в воде.
Теперь, когда ты пришел и весть стала явной,
Как не опоясаться мне на служенье.
Я не говорю мир не рождал такого, как ты,
Творец мира не создавал такого, как ты.
Ты для мира источник процветанья,
От твоего вала мир крепость имеет»
Искендер того чистого юного мужа,
Который был силой и сенью Хосроев,
Похвалил, поцеловал его в темя.
[И] напомнил еще ему имя божье.
Он украсил его царской одеждой,
Верую в бога придал ему силы.
В той стране, на просторном лугу,
Который алел от цветов и зеленел от ветвей,
Царь отдохнул сутки с ратью:
Легче стало от [минувшей] усталости.
Когда начальник семихарварного барабана
Из петушиных глоток вызвал клич,
Государь еще раз начал хождение,
Вновь приготовления сделал к походу.
Когда с той стоянки он сделал несколько переходов,
То доставил к другому привалу непосланное бремя:
Блестящая область, как сияющий рай,
Все земли ее без волов и посевов,
Деревья, цветы и зелень, текучая вода, —
Цветущая местность, Хосроев достойная.
Нет изъяна у ней, лишь она не засеяна,
[Однако] земля водой орошалась.
Спросил [Искендер]: «Как называют эту страну?
Кто глава и начальник этого края?
Где хлебопашцы, плуги и волю?
Кто же в подобной деревне понукает волов?»¹¹
Один из людей, на той пашне живущих,
Прах пред царем обლობызав, так промолвил:
«Края этой чарующей области
Много мест окрестных для посева имеют.
Что бы ни посеял ты в них, в свое время

Сам-тысяча произведут и даже больше.
 От насилия, однако, она терпит урон,
 Из дохода с нее никто доли не видит.
 Если бы была справедливость и правосудия много
 То деревня цвела бы и в ней были бы люди.
 Эта земля плод приносит при правосудии и справедливости.
 [А] от притеснителя она погибает,
 Раз от ее урожая правосудие становится меньше,
 Она от зноя сгорает, от влаги гниет.
 [Если] на одно зерно из богатства ее позарятся,
 Ее ячмень и пшеницу ветер уносит и наводнение.
 Ее рука — манджаник легкий¹²,
 Ибо весы ее ходят от единого зернышка».
 Когда царь проведал, что эта страна
 От несправедливости тирана пришла в разоренье,
 Он в ней возвел вал из справедливости
 И тоже назвал ее Искендерабад.
 Для ее процветанья он дал свою грамоту,
 Чтобы каждый платил своим батракам,
 [Чтобы] каждый закят¹³ давал со своего добра,
 Никто не предъявлял бы берата¹⁴ на ее разграбленье,
 [И] в ней не имело бы места предъявлению бератов,
 Тысяча восхвалений за правосудие такое!

37. ВТОРИЧНЫЙ ПОХОД ИСКЕНДЕРА В ИНДИЮ

О певец, не прекращай пения,
 А то не наладится это неготовое дело.
 Тот, кому эта песнь поможет,
 У того радость будет в согласии с сердцем.

* * *

О, как прекрасна отрада сада ранней весной,
 Юным стали и день и век.
 Фиалка передним полком¹ вокруг сада,
 А также кипарис раздобыл себе светоч,
 От спеси мозг птиц пришел в возбужденье,
 От волнения крови сердце забилось,

Под кипарисом и буком наполнил утробу
 Петух фляги² кровью фазана³.
 Газели сразу пустились в пляс,
 С поля донесся голос молодой козули.
 Раскинут ковер [из] цветов у ручья,
 Соловьи за пеньем нежноречивые.
 Дуновение роз и стенание горлицы,
 Как друзья задумчивые, вместе поладили.
 Что в эту пору приятнее голоса руда
 [И] вина [цвета] розы, что разливается розой⁴.
 Ненасытная красотка⁵, поющая,
 Опустила косу на струны ченга.
 Много изделий шелковых из-за жеманства ее
 Были разорваны за шелк ее песни.
 Мерные речи под звуки саза
 Ты говоришь, и она вторит из ченга.
 От нее поцелуй, от тебя сочный стих,
 Один как варенье⁶, один словно сахар.
 Ты сочный стих даешь за лобзанье,
 Берешь алый сабур, а подаешь сахар.
 [Видно] в сердце мое вошло естество попугая,
 Что на память ему пришел Индустан⁷.

* * *

Когда гора округлила [свой] стан ароматными травами
 [И] киноварь смешала с лазурью,
 У травоядных цветы поднялись выше шеи⁸,
 Рев оленя раздался с гор и степей,
 Из сухих шипов появилась свежая роза,
 Фиалка смешала мускус с амброй,
 Томный нарцисс для покупки амбры
 Из почвы высунул голову, словно влажная камфора:
 В такую пору царь Ирана и Рума
 Из диких мест пришел в край цветущий.
 В другой раз по Индийской стране
 Он прошел, словно ветер по плодovому саду,
 Оттуда он вздел значок на Восток⁹,
 По степям и горам мчался месяц.
 По той дороге, словно пылающий сад,
 От которого рыба спина¹⁰ жар получила,
 Он вошел в тот город небесной природы,
 Который турки Лангер-Бихит¹¹ называют.

В нем он кумирню увидел, как молодая весна,
Храм, названье его Кандахар.
В нем много дев с ликом кумира,
Каждая стала служанкой кумира.
В том доме кумир, из золота сделанный,
На который дом [целый] сокровищ истратили.
Главу и венец той восхитительной статуи
Возвели до свода купола зданья.
В глаза вставили два самоцвета,
Словно зажгли две светлые свечи.
Сверкали они на просторе цветущего сада,
От большой самоцветности ночью они словно светоч.
Царь повелел в прах повергнуть [кумир]
И с обличья той старинной статуи,
Снять поскорее самоцветы и золото,
Ибо с кумиром убыток они и прибыль с людьми.
Одна кукла речистая¹² из угла храма
К царю подошла с приветливым видом,
Косою пыль подмела с дороги царя,
Много похвал царю вознесла и сказала:
«О царь [всего] света, государь справедливый,
У которого [все] от Востока до Запада,
[Который] не знает нужды в самоцветах и золоте,
Ибо он мир озаряет и горделив.
А еще: сей кумир, по словам добрых людей,
Имеет повесть очаровательную
Если царь повелит говорить,
Я расскажу эту повесть старинную».
Приказал миродержец, чтобы тешащая сердце
Открыла бы жемчуг яхонтового ларца¹³.
Еще раз периликая с черною мушкой
Из уст излила родник прозрачной воды,
Пожелала добра и сказала: «Сей сверкающий храм
Из дерев золотых и бирюзовых ветвей,
До того, как иметь [стал] значенье кумирни,
Полуразрушенный купол имел.
Из пустыни однажды прилетели две птицы,
Два самоцвета держа в ловких клювах.
Они сели на куполе этого зданья,
По красоте и по блеску словно [птица] Хумай¹⁴.
Весь город пришел от них в изумленье,
Нельзя ли тех птиц как-нибудь изловить?
Когда таким [образом] прошло долгое время,

Они самоцветы бросили и улетели.
Вельможи, владевшие этой страной,
Мысль привязали к тем самоцветам.
В сердце каждого алчность доступ нашла:
У него де есть право на те самоцветы.
Возник спор между [ними],
[Но], наконец, им помогла мудрость,
Сошелся на том договор тех вельмож,
[Чтобы] они для кумирни своей
Сделали идола. На нем все то золото,
Вместо двух глаз в нем два самоцвета.
Самоцветы — подарок с дороги воздушных птиц,
Законны, если небо не возьмет их назад.
Свет все глаза получают от солнца.
Как же солнце от нас глаза удалит¹⁵,
Светоч, которым счастливы слепые,
Пусть его светлые [разумом] задуть не пытаются.
Не раскаляй ты клейма для нескольких вдов,
Ночи вдов не оставляй без лампы.
Когда красноречивый кумир помянул слово,
Освободил государь немного кумира.
На статуе его писец надписал:
«На этой добыче тавро Искендера».
Периликая, увидев, что владыка эпохи
Не наносит обиды тем могучим [богам],
На скрытый клад ему указала,
От которого слепли глаза искателей жемчуга.
Царь раскрыл этот наполненный клад,
Часть сохранил, а часть раздарил.
Снова из рая божественных сил
Он лицо обратил к живущим в пустыне.
Долго он гнал по соляным и каменным пустыням,
То тесен привал его был, то просторен.
Он в каждой обители, где видал род людской,
К нему обращался и слушал его.
Ему весть подавал о служении богу,
[Чтобы] веру [познать], давал лекарство для глаз¹⁶.
Земля за землей из круга Востока
Он снова вступил в круг Китая.
Хакан, проведая про его дело,
Сделал приготовления, достойные его.
Снаряженный пришел он ко двору государя, —
Мир стал полон богатств и сокровищ.

Опять повторил он целование земли перед шахом,
А шах ему пышный прием оказал свыше меры.
Когда от смеси лазурного чана
На шелк золотистый нашла синева¹⁷,
Вместе уселись повелители стран
И о каждой стране речь зашла больше и меньше,
После того, как минуло долгое время,
Они обновили все договоры.
Принял хакан от него его веру,
Научился его закону и обычаю.
Когда другой день привязал любовь к солнцу¹⁸,
Огнепоклонником стал индеец Кара-хан¹⁹,
Искендер подал знак хакану:
«С этой стоянки уйдем поскорей,
Хотя есть у меня несколько теплых мест,
[Однако] есть нежное желание сидеть у моря²⁰,
Дабы, когда я к морю приду,
Я любовался бы в нем хорошим и скверным,
На чудищ, что в море глубоко находятя,
Я б посмотрел образцы удивительные,
При условии, что станешь мне спутником ты,
Что дорогу мою озаришь ты собою».
Согласился хакан: «Приношу благодарность,
Я двинусь в дорогу со знающим путь»²¹.
На том завершился разговор у обоих,
Чтобы гонец разведал дорогу.
На рассвете однажды под счастливой звездой,
Когда ночь на день венец возложила²²,
Выразил мнение такое мировой венценосец,
Что со спутниками он тронется в путь.
Он выбрал из рати десять тысяч [бойцов],
Из которых каждый стоил царской награды²³,
Также обоз такой, что ему казался ничтожным,
Был ему приготовлен соразмерно потребности,
А все, что осталось от богатства и рати,
Он оставил [на месте] и вышел из стана.
Тут же хан ханов ради услуги
Налегке, в сопровождении, как проводник.
Он тоже соразмерно себе взял с собою припасов,
Что нужно оружия из мечей и шлемов.
С ним тоже рать — десять тысяч [бойцов],
Мудрых и смелых и ловких.
Они предприняли поход на восток,

Всю дорогу червонным сыпали золотом.
[Затем уклонились] к южным просторам,
Охотясь отрядами то здесь, то там.
Сорок дней они шли по такому пути,
Не предавались сну на постелях.
Когда подошли они к синему морю,
Они расположились около моря.
На том побережье они устроили лагерь
[И] вздели к звездам значки.
Шла такая молва о том море глубоком,
Что берег у моря в этом месте чудесный:
Девы морские, словно солнце и месяц,
Каждую ночь выходят на то побережье,
На берегу они отдыхают,
Песни поют и игры играют.
Тот, кто услышит музыку их,
Разум теряет от неги их голосов.
Много стихов поют в этом море,
Как никто не пел ни в одном размере²⁴.
Каждую ночь так в углу [среди] гор,
Предается веселью большая [их] стая.
Почуяв же запах мускуса утра,
Они ныряют в глубокую воду.
Повелел венценосец, чтоб в одной или двух милях
От берега моря рать стала станом.
Когда ночь раскрыла мускусный мешок,
[А] звезды раскрыли самоцветов сокровища,
Государь моряка подозвал [и] один
Двинулся в путь без войск и обоза,
Раскинул шатер поодаль на том побережье,
Как [вдруг] из моря жемчуг блеснул,
Он увидел красавиц, из морских волн
Знамя поднявших, как солнце,
Они косы свои распустили по телу,
Чернью покрыли свое серебро.
Каждая пела песнь иную,
Песнь прекрасней сотни молений.
Когда сладкий напев достиг его уха,
В нем печень нагрелась и кровь закипела.
От напева и голося он немного всплакнул,
[И] вновь засмеялся; что то за плач?
Есть чудо в напеве высоком и низком,
Что вместе рыданье и смех вызывает.

Когда царь дознался об их обстоятельствах,
Он опять возвратился на прежнее место.
Когда китайский шелк нарядил небосклон,
Перестал нуждаться в суфе²⁵ лик мира,
Корабельщику так сказал государь:
«Судно пусти по этим волнам,
Я хочу сесть на мятежную воду,
Ибо божия тайна за этой завесой.
Я понимаю опасности дела,
Но едва ли могу от него отказаться.
Если ты спросишь о разуме наставника,
То на дело судьба меня гонит».
Согласился хранитель судна
[И] со степи спустил судно в море.
Царь умудренный направился к судну,
Хакана Китая оставил на месте,
Ему указал: «Доколе сюда я не вернусь,
Уходить обратно тебе отсюда не следует.
Я не могу этот путь отложить,
Смерть меня гонит к успокоению.
Если вернусь, я сам воздам тебе должное,
А если нет, устроением дела ты ведай»²⁶.
Сказав эту речь, он очи сделал рекою,
[И] с теми простился, кого оставил [на месте].
Ладью направил в море Китая,
Кто видел, как море²⁷ восседает в ладье.
Из спутников [всех], пригодных на дело,
Он с собою забрал тех, кто выбраны были.
Из стольких ученых с дыханьем Иисуса²⁸
Он мудрого взял Булинаса, и только.
Отъехал от берега на глубокое место,
В чистое море груз перебросил.
Целые миры он проехал по соленой воде,
Гнал его мир²⁹, вот могучая длань!
Когда несколько времени ладья прошла по воде,
Появилась та морская стремнина,
Которая воды несла в океан,
Тот самый, откуда ему возврата не было.
Знатоки областей, испытывавшие море³⁰,
В ужас пришли от того глубокого места.
Когда посмотрели в путеводную книгу,
Нужда появилась к возвращению обратно.
Некий остров показался вдали,

Блестящий, словно света кусок.
Там простояли они недолгое время,
Все страшась океанской стремнины.
Из старцев на судне один умудренный
Так сказал царю многоведу:
«Этот привал — стоянка тяжелая,
По путеводным книгам — стоянка последняя.
Ты не хвались, ведь вода сего глубокого места
В океан совершает движение.
Если еще переход в том направлении сделаем³¹,
То там не пройдем до стоянки другой».
Когда Искендер узнал о таком положении,
Что дальше нельзя по стремнине проехать,
Он повелел талисман³² изготовить
[И] вздеть ему указующие руки:
[Мол] дальше сего людям доступа нет,
Никто не знает ту сторону моря.
Когда талисман так отлили из меди,
Его воздвигли на тверди острова,
Дабы каждому судну, что туда поспешит,
Талисман указание делал на воду:
Дальше сего никто не пройдет,
Человеческий путь лишь досюда, и только!
По его указанью знатоки тайн
Снова с дороги вернулись обратно.
Когда государь сотворил такой талисман,
Он в той постройке узнал божественную тайну.
Он сказал мудрецу: «Весь этот труд
Нужно считать паразитом подобного дела.
Для того, чтобы талисман изготовить,
Взгляни, как меня сделали Хызром моря».
По велестью водителя судна, подающего помощь³³,
Искатель мира повернул назад от стремнины.
Когда десять дней по морю проехали,
Они узнали неправильность перехода:
Издаലെка показалась большая гора,
В узком проходе горы от водоворота преграда.
Если корабль наезжал на преграду,
Он многие годы описывал круги,
[И] не вырывался, пока не ломался,
Никто живым не спасался от водной преграды.
Когда корабельщик достиг той черты,
Он перечеркнул круг своего корабля³⁴.

Он выбросил якорь на низ горы
[И] вышел на [берег]; с ним вышел отряд.
Он стоял над тою ловушкой.
[И] поминал родных и потомков.
Его миродержец спросил: «Что нашел ты плохого,
Что от мира лицо совсем отвернул?»
Знающий дело царю подал весть:
«Из-за противной преграды морской
Ведь каждое судно, что сюда прибывало,
Из этой ловушки избавленья не видело.
Умный зовет ее «львиною пастью»,
Ибо, как львиная пасть, она алчна до крови.
[Будто] для нас не довольно было опасностей моря,
[Еще и] другая беда на нас устремилась, —
В недомогании жар появился,
На израненном лице вздулись нарывы,
Ежели прежний путь был опасен,
Так, что страшно было двигаться дальше,
То теперь мы прибыли к гиблому месту,
Из-под дождя попали под ливень.
Спасенье [лишь] в том, чтоб через эту вершину горы
Эти люди вынесли души по суше.
Этот путь обратно ведет на Кайсур,
А оттуда путь в Китай имеется длинный.
Тот долгий путь лучше, чем море,
Ибо можно помочь долготе и дальности».
Сказал о горе той Искендер поговорку:
«Езжай долго, да верно и не горюй».
Он спросил мудреца, знатока дел:
«Не имеешь ли в мыслях верного мнения,
Дабы счастливое мнение помощь дало,
Дало бы судну путь избавленья».
Ответил мудрец: «Счастье царя
Выведет меня на дорогу:
Коль царь царей повременит в этом месте,
Я возведу талисман на этой скале,
Свод построю, его воздвигну на нем
[И] на шею привешу ему барабан.
Тот, кто под сводом свершит остановку;
Крепко ударит в тот барабан,
Из ловушки корабль достигнет глубокого места,
По прежнему образу попадет на дорогу».
Эти чары царю показались диковинными;

Как же мудрец такой способ устроит?
Он приказал мудрецу, чтобы то, что сказал,
Он привел в исполнение явно и тайно.
Из нужных вещей все, что тот попросил,
Он приготовил ему все средства работы.
По наставленью обладателя разума
Он в этой игре усердно трудился.
Он построил свод из гранита,
Стал его гостем волшебством и чарами.
В нем талисман он медный поставил,
На шею ему прицепил барабан
[И] шаху сказал: «Поскольку я выстроил свод
[И] сделал такой талисман с барабаном,
Судно веду на ту водяную преграду,
Ударь в барабан, дабы оно устремилось».
Царь тому мастеру, который спас судно,
Отдал повеленье, чтоб туда он вел судно,
Когда корабль попал в ту ловушку,
Он от одержимости закружился, как вихрь.
Царь взошел на каменный свод
С колотушкой в руках, чтоб испытать барабан.
В барабан он ударил, и звук барабана отбития
Раздался, словно звук крыла Гавриила.
Вывалось судно из тесного водоворота,
Не задержалось оно на месте кружения.
От милости этого тайного дела
Он загорелся, как весеннее солнце.
От радости мудрецу, отвешивающему помощь,
Он много даров дал из богатств и сокровищ.
[И] иначе пишёт в книге писатель
Из путевых записей старых знатоков путей
Что «львиная пасть» в Вавилонских пределах.
Когда рассказ двуречив, приходится трудно,
[Но] поскольку две реки не минуют одного моря³⁵,
То, несомненно, затрудненья не будет для песни.
Об этой тайне я спросил мудреца:
«Ты объясни звук того барабана».
Поведал мудрец, знаток науки о звездах,
Соразмерно тому, что [мог знать] по сравненью:
«Когда попадает корабль в ту теснину горы,
Появляется рыба, страшилище адское.
Она вокруг судна кружит в воде,
Быстро за ней устремляется судно,

Дабы, когда корабль развалится,
Она проглотила несчастных во чрево.
Когда же бронзовый барабан с волчьей шкурой
До рыбы мягкий звук донесет,
Рыба пугается резкого звука
[И] устремляет свой бег в глубокое море,
Вдоль груди и шеи у ней струится вода,
[И] корабль следом за ней [начинает] стремиться.
Этим способом судно из теснины спасается,
Больше же тайну не знает никто, кроме бога».
Царь от игры талисмана чудесного
Направился в сторону глубокого моря.
Больше уж он на горе той не медлил,
С каменистых утесов к побережью отправился,
Когда индеец ночи от глубокого навеса,
Канаты протянул к берегам семиречья³⁶,
Он к тому побережью, не опасаясь,
Ремеслом [себе] сделал ходьбу по канату индийцев,
[Бил он] в горе по барабану, ведущему судно:
Кто ударит, когда его не станет на месте.
Милость господня так помогла,
Что [больше] в том деле у него не было нужды.
Тот, кто лекарство готовит для глаз,
У того в лекарстве глаз не нуждается³⁷.
Многим горячечным он пилюли камфорные делал,
Но не успел он принять, как тот жар, словно камфора,
становится холодным.

Приготовление лекарства для страждущих
Доставляет здоровье готовящему.
Корабельщик поспешный, с ловкой рукой,
На судно взошел, как стремительный змей.
Он на дыбе распыл паруса,
Укрепил у мачты язык и глотку,
В ход пустил орудия судна
[И] назад повернул по тому же пути, по которому прибыл.
Он судно повел по черной воде
[И] в короткое время к побережью прибыл.
Твари людские сошли с корабля,
На радости ты опусти, как они прибыли.
Когда Искендер прибыл с моря на сушу³⁸,
Испытав многие приключения,
На земле отдохнул он от боязни и страха,
Из боязливого сердца удалил печаль и страданье,

Много пленников и рабов отпустил он на волю
[И] долго бога добром поминал.
Когда о таком обстоятельстве проведал хакан,
Он, горделиво идя и смеясь, направился к шаху.
Он не преминул заявить благодарность
[И] много сокровищ у ног Хосрова рассыпал.
Царь его обнял от нежности сердца
[И] начал рассказывать о предыдущих историях,
О той пучине и о том спасении,
[Об] изготовлении на тот лад талисмана,
О потере дороги теми людьми,
О пленении тою горной преградой,
О бегстве от нее на вершину горы,
Об устройстве барабана-спасителя.
Когда китайский хакан эту повесть прослушал,
Он снова вознес похвалу счастью шаха:
«Царю царей помощь подало небо,
Сердце хана ханов³⁹ от того возрадовалось.
В этом прибытии была тайна для мира,
Ибо государь мира был подателем помощи.
Во всем добром и злом, что постигает,
Имеется скрытая цель.
Намеренье, ставшее в тайне сокрытым,
Видит в ней только обладатель разума.
Если бы царь тем не занялся,
То чьей бы рукой это дело свершилось.
Мир от тебя имеет доступность,
Да будет же в мире тебе долголетье».
Когда Искендер отдохнул с неделю,
Он не вспоминал уже о тех приключениях,
Он вспомнил опять о скитаньи по свету,
Минувшие страхи он счел за ничто.
[Звон] бубенцов верблюжьих поднялся из лагеря,
Тронулся в путь передний полк рати,
Приготовился выйти вперед проводник,
[И] путь был изранен ногами влекущих носилки.
От усыпанных жемчугом значков разноцветных
Вся поверхность степи стала словно весною,
От мечей и щитов разукрашенных
На поле выросли розы и лилии.
Воссел на седло царь, объезжающий мир,
Поднял пыль от мира до неба.
Он в пустыню направил коня светло-рыжего,

Рать наделил добром и съестным.
По пустыне пылавшей он предпринял путь,
Ибо видел свой мозг пылавшим от жажды⁴⁰.
Когда десять дней он в пустыне прошел,
Показались жилые места, вода и посева,
Появился город камфорного цвета,
Ты бы сказал, он был из камфоры, не из глины.
[Искендер] у хакана спросил: «Чей это город?
Как этот город зовется по путеводным книгам?»
Знаток указал о делах города:
«Сей город на свете со скудным уделом,
Кроме золота и серебра, которые в нем добывают,
Для прочих предметов базар оживлен.
Бывает в нем царский сан для того,
В ком благодать они видят господню.
Чужеземцы бегут из этого места,
Чернота ведь на светлое страх нагоняет.
Когда над сим поясом солнце восходит,
Доносятся с моря удары и грохот,
Так что от такого ужасного шума
Опасенье бывает, что войдет в сердце смерть,
Двадцать склепов есть у них под землей,
Дабы в тех склепах проживать могли дети.
Взрослые уши затыкают в ту пору,
А если нет, ни сердце, ни разум не выдержат».
Сердце царя смутилось от такого отчета,
Он спросил мудреца о мнении по делу.
Такой дал ответ мудрец государю,
Чтобы приказ он отдал завтра чуть свет,
Прежде чем петух споет песнь,
Звук барабанов раздастся б из лагеря,
[Чтобы] забили в литавры литаврщики,
Бой барабанный устроили,
[И] таким образом, пока день не подымется,
Литавры и барабаны не связывали⁴¹,
Дабы, когда грохот подымется с моря,
Мозг не пришел в смятенье у слушателя.
Царь спросил мудреца: «Сей сильный звук,
От которого рвутся на части мозги,
Что за звук, что дает ветру жалобный вопль?
У этого звука и вопля какая причина?»
Молвил шаху мудрец: «Я от учителя
Так помню, что каждое утро,

Когда [лучи] солнца падут на поверхность воды,
От зноя поверхность воды станет, как куполы,
Затем подымаются звуки от волн.
Когда друг на друга горой они валятся,
Тогда по грохоту они становятся громом.
Ведь грохот и гром одно и то же».
Еще такое сужденье мудрец изложил,
Что в той воде содержится ртуть.
Когда солнце воду доведет до кипенья,
То кипение гнет ту ртуть к себе.
Когда же [солнце] пройдет второй раз горизонт,
Оно бросает то, что тащит навстреч.
[И] когда с высоты ртуть падает вниз,
Из воли поднимается тот страшный звук.
Государь мира, правитель эпохи,
Подвел войска к самому городу,
Остановился, стал отдыхать
И походный припас собрал на стоянке.
Когда провели жители местности,
Они к шаху пошли товар покупать.
Товар, подходивший для того города,
Они закупили, будь то яд или нектар.
Изо всех товаров, которые были бы им украшением,
И богатства в двадцать раз умножили,
Из добра своего царь бесплатно
Покупателю каждому кое-что отпустил.
Отдельно для их предводителя
Он преподнес много денег наличных.
Когда предводитель сообщества понял
Обычай и способ царя, бьющего рати,
Он на свой лад прислал угощенье,
В том угощеньи съестного сверх меры.
И из рыбной породы, и из овечьей,
И кроме сего еще несколько блюд.
Сам пришел на служенье, много просил извиненья:
«Не подойдет тебе от нас угощенье,
У жителей пустынь нет богатства,
Кроме зноя, который бывает в погоде».
Царь ему рассказал о законе своем,
Его извещил о своем знанье и вере.
[Тот] принял веру от шаха и благодарил,
Что из заблуденья пришел к познанию бога.
Из дворца своего царь счастливый⁴² к нему

Отправил [кого-то] с почетным халатом.
Когда сейфур⁴³ ночи заволок красноту,
[И] чаша упала вдруг с этой крыши⁴⁴,
Царь прилег с дорожною стражей,
Отдыхал до утра от лишней дороги.
Когда над миром аромат утра повеял,
Он услышал приближение грохота моря,
Будто чаша, упавшая с вечера,
[Лишь] поутру издали звучание.
Царь от страшного звука, лишшающего сил,
Зарычал, как в сраженьи его барабан.
Он повелел, чтобы рать разбудили,
Разом бы грянули в барабаны и трубы⁴⁵.
Грохот литавр и шум барабанов
Вызвали крик из петушиного горла.
Из-за шума литавр, который подняли,
Гром [из моря] уже считали за ветер.
Таким способом до позднего утра
Литавры мир держали в волнении.
Весь город от боя резких литавр
В волнение пришел, как в [день] воскресенья⁴⁶.
К барабанам сбегались, откуда шли звуки,
Как стар и млад к барабану Даджджала⁴⁷.
Чудным показалось им звучанье той музыки,
Ведь оно подавляло их грохот [из моря].
Когда прошло полдня, мир озаряющего,
Царь полудня⁴⁸ оттуда отправился.
Все мужи и жены, прах лобызая [перед] царем,
Путь предприняли для изъявления прощения:
«Из этих отвратительных барабанов
Нельзя ли тебе один барабан оставить на месте?
Быть может, когда его песнь загрохочет,
Грохот моря пройдет благодаря его голосу».
Миродержец во время целованья руки
Подарил им несколько харваров барабанов.
С той поры появился обычай в том городе,
Что на заре барабаны приходят в движение.
Царь тоже сохранил тот обычай,
Чтобы каждое утро он пребывал с [игрой] барабана,
Через месяц, меньше иль больше, из той земли
Он вступил в населенные страны Китая⁴⁹.
К ставке своей он путь предпринял

[И] вновь нашел небо [к себе] расположенным.
Месяц он отдыхал от усталости
[И] наслаждался жизнью тихонько.

38. ПРИБЫТИЕ ИСКЕНДЕРА В СЕВЕРНЫЕ ПРЕДЕЛЫ И ПОСТРОЙКА ВАЛА [ОТ НАРОДА] ЯДЖУДЖ

Певец, у печального сердца нет средств,
Кроме той песни, что [у тебя] есть и которую не осудят.
Мозг мой, пришедший в волнение от горя,
Щелком саза кольцо сделай в ухе¹.

* * *

Когда вошло в свой дом солнце²,
Тела львов стали жаркими от жары.
Зной-песых дней из наживы
С лица погоды соскоблил глину свежести.
Растенья зерна раскрыли и свернули листы,
Смерть напала на гряды тюльпанов,
В горах и степях заklubились пары,
Сладко плоды улыбнулись на плодовых деревьях,
В горы ушел соловей из низины
И что-то чудное говорил на чужбине.
Из знойного воздуха³ до его слуха
Уже не доходила песнь жаворонка.
Блестящее солнце, обходящее небо,
Не испытавшее жала скорпиона осеннего ветра⁴,
Ночь и день бродило в Китае и Зинге,
Дым поднимая, с огненной чашей в руке,
Как львы раздирало сильною лапой
То голень коровы, то копыто онагра.
В песьи дни, в жаркий зной,
Когда камень смягчался от солнцепека,
Искендер возомнил [перейти] в Хирхиз⁵ из Китая.
К двери сна он сделал узкий проход⁶,
Хакана Китая он покинул на месте,
Снова надумал свершить путешествие.
Много богатств преподнес он хакану
И оттуда повел рать в пустыню.

Палкой ударил по барабану могущества,
С Востока вступил в области Севера.
Он видел пустыню, песок летучий, и только,
Ни летящего [не было] в ней, ни бегущего.
Долго он шел и никого в пустыне не видел
[И] этой дороге тоже края не видел.
Сверкавшую землю он видел, лишенную трещины.
На ней блестящий песок, словно свет.
Царю сказал проводник: «Сей чистый песок
Ведь стал серебром, серебром лучезарным.
В меру возьми от сего придорожного клада,
А не столько, чтоб влекущий носилки измаялся.
Не говори войскам, не то из любви к серебру
Они нагрузятся и станут бояться».
Все выюки царя были полны чистого золота,
И сердце его к тому серебру не стремилось,
Однако в природе [его] заработала страсть,
[И] он нагрузил им несколько верблюдов.
И шел той дорогой, как быстрый ветер,
Он видел в воздухе с земли поднятую пыль.
Неделю-пыль не садилась на платье,
Из серебра ведь кайма была у земли.
Ты бы сказал, прах и вода [земли] разделились:
Одна половина ртуть, одна половина — серебро.
Ни на ее серебре отдохнуть нельзя было,
И ни ртуть нельзя было пить.
От черной тоски в пути, в котором немало было мученья,
Напала на то серебро чернота.
Где был родник, подобный нектару,
В той воде ртуть находилась в кипеньи.
[А] если в прозрачной воде не было волненья,
То никому от ртути не было досады,
[Все] смело пили такую воду,
Ибо ртуть была снизу, а сверху вода.
Когда же сзади и спереди находило на воду волненье,
То воду такую не пил никто,
А если беспечно кто-нибудь пил,
То жизни в нем оставалось немного.
Царь повелел, что коль захотят,
То чтоб к той воде приступали с уменьем,
Из водоема так извлекали бы воду,
Чтобы спокойной была подвижная вода.
Шли они таким образом месяц,

Много людей от жажды погибло.
Дошли они до того ковра серебристого,
До земли, откуда им были средства к жизни.
Они чистые лица склонили на землю,
Ведь лишь на земле отдыхают земные.
Вдали показалось место покоя,
Словно в темную ночь светящее солнце.
Свод воздвигнут на вершине горы,
От его лицемерия приходил в сердце ужас.
Поверх того свода бирюзового цвета
[Еще] из гранита вздымалась⁷ гора.
На той горе толпа питающих веру
Мусульман, лишенных пророка.
Откровением бога, по аналогии,
Они бога познали в своих обстоятельствах.
Когда они лик Искендера увидели,
То приняли его для пророчества.
Сердца свои нарядили для его поучения,
У него попросили знания и помощи.
Искендер перед ними раскрыл врата веры,
Дал много вещей им, кроме веры и знания.
Когда узрели царя таким помогающим,
Они отворили врата [моленья] о помощи:
«Смилуйся, о правосудный помощник,
Над этими подвластными, повеленье приемлющими.
За этим кряжем, в сей каменной пустыне
Увидишь ты степь, как широкое море.
Народ в той степи по названью яджудж,
Породы людской, как мы, но бесовского склада.
С сердцем железным, как дивы, и алмазной рукой,
Как злонаправные волки взбешенные.
С головы до пят они обросли волосами,
От их лица ты не увидишь следа.
Словно хищные звери с когтями, клыками,
Для пролития крови бьют зубами и лапой,
Нагоняют ветер во время бега,
Пронзают ногтями булат.
Неблагодарные все в ходьбе и еде,
Среди них никого не увидишь знакомого с богом.
Из пищи различной, какую можно найти,
У них еды не бывает, кроме растительной.
Нет у них дела, кроме сна и еды,
Не умрет ни один, не породив [еще] тысячи.

Растет у них там одно растение,
Его семена остры, словно перец.
Каждые сутки они его съедают немного
И, не сходя, засыпают на месте.
Когда месяц тело набросит на солнце⁸,
Они в волнение приходят, как делают черви.
То, что найдут, поедают без страха и ужаса,
[Продолжается] так, пока не разделится месяц на две
половины.

Когда полный месяц начнет убывать,
У всех пропадет прожорливость.
Из года в год из черного облака падает
В той местности лютый дракон
Такого размера, что в степях и в горах
Им насыщают несколько полчищ.
В надежде на ту гору, спорящую с морем⁹,
Которую низвергает потоки льющая туча,
Они шум поднимают, как звучание грома,
От ада землю приводят в волнение.
В опьянении от крови того дракона
Они оставляют воду и зерна на месяц.
Нет у них пищи иной, кроме кореньев и листьев,
[И] они не хворают до дня кончины.
Когда кто-нибудь из них умирает, тот народ
Его точно так¹⁰ поедает в тех степях и горах,
Не остается в той соленой земле мертвечина,
[И] не видит никто ни мертвецов, ни могил.
Только и доблести есть в той стране,
Что мертвечины она лишена и в ней нет мертвецов.
Все время они нападают на нас
И разоряют наши гнезда.
Наших овец угоняют грабительски,
Нашу еду, все, что есть, пожирают.
Редко так от волков убегают стада,
Как от тех волкоподобных с собачьей повадкой.
Поскольку они гнетут нас убийством,
Бьются и обращают нас в рабство,
Мы бежали от них на сию недоступную гору
[И] на деревья, как делают птицы:
Силы такой тот народ не имеет,
Чтобы достать нас на вершине горы.
За отвращение столь жестокого бедствия
Будет награда тебе, если помощь окажешь»

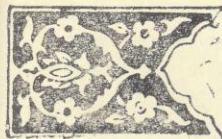
Когда царь услышал о яджудже сужденье,
Что каждый [из них] повергает слонов Уджа¹¹,
Он таким способом вал построил из стали,
Что до воскресения мертвых он не разрушится.
Когда взошла та высокая звезда
И построен был вал Искендера,
Он с той стоянки поспешил к городу,
Который искали многие, но не нашли.
Снова по делу хождения по свету
Тронулось царское серапердо в путь.
Когда некий срок прошел за тем делом,
Он мчался месяц по горам и степям.
Показалась стоянка нарядная,
От вида которой сердца обновлялись.
Миродержец своим спутникам
Взором путь указал на сей дар пути.
Он видел ту землю сотворенной иначе,
И текущую воду он видел и пашни.
Весь путь в садах, а оград нет,
Стадо на стаде, а сторожа нет.
Кто-то из рати протянул руку,
Чтобы с ветви нарвать тех плодов.
Еще не сорвал он один плод,
Как от сухости тело его согнулось, как лук.
Другой всадник овцу изловил, —
Горячку схватил и за то дело получил наставленье.
Когда Искендер узнал о том назидании,
Он не трогал рукой [ни] сухое, [ни] влажное.
Он повелел, чтобы кто бы то ни был из рати
Принял бы руки от садов людей.
Когда он поспешно прошел часть [пути],
То миновал ту зелень и речки.
Показался город какой-то нарядный,
От добра и богатства он [был] словно рай.
Когда он подъехал к городским узким воротам,
То в них не увидел дверей из железа, камня и дерева.
С несколькими старцами он вышел в город,
Все благоразумны и осторожны.
Он много лавок нарядных нашел,
Все они были замков лишены.
Жители города, гостеприимные люди,
Предстали пред ним с сотней извинений,
После пути поместили его во дворец,

Во дворце широком, как синее небо.
Стол богатый накрыли тонкими яствами,
Поднесли, а сами встали напротив.
Они прислуживали с сотнею просьб,
Сколь прекрасны хозяева гостеприимные!
Когда их угощенье царь милостиво принял,
Чело озарил теми красавцами,
Он их спросил: «Так бесстрашны
Вы отчего и не бережете себя [почему],
Как вы живете, не опасаясь беды,
Ведь никто не имеет на дверях замка и запора?
Такие сады, а в садах нет никого,
А также стада не имеют сзади чабана.
Ни одного пастуха, а сто тысяч стад.
Стада по горам и степям распущены
Отчего? И почему беззащитность такая?
У вашей защиты с кем сведена дружба?
Старшины той справедливой страны
Опять пожелали властелину добра:
«Тот, кто венец возложил на твое темя,
Да подаст тебе жизнь соразмерно венцу!
Пусть будет в делах тебе другом господь.
Добротель да будет чеканом твоего славного имени!
Раз ты спросил о зле и добре наших дел,
Мы расскажем царю всю нашу историю.
Ведай подлинно, что мы, сей народ,
Живущие в этих степях и горах, —
Народ слабых, питающих веру.
Мы ни на волос не отступаем от правды,
Мы не готовы для фальшивых напевов.
Мы, кроме верности, многого не знаем,
Дверь криводушия мы закрыли на свете,
Этой правдой от мира избавились.
Лжи не скажем ни в каком отношении,
Извращенного [даже] ночью не видим во сне,
Мы не просим того, в чем не имеется пользы,
Ибо бог не доволен этим делом.
Мы принимаем все то, что от бога,
Вражда есть испытание бога,
Мы не спорим с деянием творца,
Что за дело служителю до неприязни?
Когда друг слабеет, мы помогаем,
Когда приходит невзгода, мы переносим.

Если из нас кто-либо терпит убыток
И признак той брешы доходит до нас,
То мы удовлетворяем его из своего кармана,
Богатством своим его поправляем.
Никто из нас не имеет добра больше другого,
Наделены мы все в богатстве своем справедливо,
Равными все мы считаем себя
[И] над плачем других не смеемся.
Мы совсем не боимся воров.
Ни воевод в городах, ни стражи в деревне.
У прочих людей ничего мы не грабим
[И] прочие тоже не грабят у нас.
В домах не имеем замков и запоров,
Нет сторожей у овец и коров.
Бог вырастил наших детей,
Животные наши спокойны от львов и волков.
Если волк покусится на нашу овцу,
Гибель его тотчас же случится.
Коль с нашей пашни стащит кто-нибудь колос,
Стрела из угла попадет в его сердце.
Семена мы сеем во время посева
[И] поручаем пашню питателю.
Мы не ходим вокруг проса и ячменя,
Через шесть месяцев разве, во время уборки.
Нам из того, что на своем месте зреет,
На одно зерно достается семьсот.
И так, сеем ли сотню иль сеем одно,
Мы уповаем на бога, а не на себя:
Господь наш хранитель, и только,
Прибегаем мы к богу и ни к кому больше.
Мы ни у кого не учились злословью.
Зашиваем глаза на изъяны других.
Если дело случится у кого-либо из нас,
Мы на пользу ему помогаем.
К скверному путь никому не укажем,
Смуты не ищем [и] крови не льем.
Мы горюем с соболезнованьем друг другу
[И] в радости тоже друг другу друзья.
Соблазны золота и серебра в счет
У нас не идут: их не применяет никто.
Один для другого пища мы не жалеем,
Ни у кого зерна ячменного не просим мечом.
Хищные звери от нас не бегут,

И у нас злобы нет, чтобы их обижать.
Когда есть нужда, серна, газель и онагр
Силой к нам из долин попадают.
Из той совокунности, когда мы [их] словим,
Мы в дело пускаем, сколько потребно,
Других же, в которых нужды у нас нет,
Мы их не берем из долин и степей.
Мы не обжоры, как осел и корова,
Но и не, запрещаем себе сухое и влажное.
Мы столько едим горячего и холодного,
Что могли бы съесть еще столько же.
Не умрет никто из нас в юности,
[А] только старцы, прожившие долго.
Если умрет кто-нибудь, то мы не горюем,
Ведь не достать от той боли лекарства.
Не говорим ничего о ком-либо за спиной,
Чего сказать не дерзнули б в лицо.
Не дознаемся, что сделал такой-го,
Не поднимаем вопля: кто то-то съел?
При всем, что постигнет нас злого и доброго,
Не отвращаемся мы от предначертания,
Как бы творец ни устроил,
Мы не скажем: это как? то откуда?
С нами тот из людей оседает,
Кто бывает чист и воздержан, как мы,
Коль он изменит нашему образу жизни,
Он из круга нашего исключается быстро.
Когда Искендер такой путь и обычай увидел,
Он пораженный замер на месте.
Он не слышал лучше этой истории
И раньше не видел в книге царей.
Сердцу сказал: «От этих диковинных тайн,
Если слышал ты, нужно принять назиданье.
Больше не буду я мчаться по свету,
Силки расставлять на каждом месте охоты.
Довольно мне стало того, что скопил я,
Счета, которому я научился от этих людей,
Несомненно, что перед испытующим мир,
Мир существует от этих добрых людей¹².
Ими величие мир приобрел,
Ибо эти люди стали столпами мира.
Если это путь жизни, то на чем [стоим] мы?
И коль это люди, кто ж тогда мы?

Отправление нас в моря и в степи
Для того было, что сюда идти нужно,
Чтоб, быть может, пресыщусь я звериной привычкой,
Научусь обычаям этих мудрых людей.
Если б этот народ я ранее видел,
То не кружил бы я вокруг света.
Я сидел бы в уголке гор,
Повязал бы пояс на служение богу.
Мой образ [жизни] не отошел бы от сего обычая,
Кроме этой веры, у меня другой веры не было б.
Когда увидел такую веру и благочестие,
То не думал совсем [уж] о пророческой миссии.
Так как он видел их ему отдающими должное,
Он благодарил их и дал им дирхемов безмерно.
Ликуя пошел он обратно из того государства,
Рать, словно море, в степи направил,
От значков разноцветных из румийского шелка
Вся страна разоделась в шелка из Ваша¹³.
По горам и лесам, сквозь ветви, через вершины
Рассыпалась рать, как саранча и муравьи.
Всюду, куда он скакал на коне,
Он множество людей спасал от несчастья.

39. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИСКЕНДЕРА ИЗ СЕВЕРНОГО ПРЕДЕЛА В РУМ

О певец, заклинаю живительным сделай
Ключ, который открыл бы клад жемчугов!
Когда, может быть, ты ключ добудешь к сей двери,
То клад жемчугов извлечешь из нее.

* * *

Когда на ветвях созревают плоды,
Про дом забывает садовник. Сад украшается обилием плодов,
Земля от богатства становится пышной,
Смеются от радости губы фисташки,
Финик на губы ее точит зубы¹,
Озаряется лик граната,
Словно лалы в венец его вделаны,

Начинают заигрывать яблока алые щеки,
Поднимает голову гордо терендж,
У виноградной лозы опьянела земля,
Все померанцы и яблоки [у ней] ты видишь в руках.
От обилья гранатов, что сад принес на ветвях,
Селенье и дом полны гранаторудых [красавиц].
Для кражи с ветвей, несущих инжир,
Повадилась птица, инжир поедающая.
Земля, друг миндаля, от желания масла
У миндаля с головы сдирает кожу и мозг,
Рубиновый рот унаби сладкоречивой
Поцелуй дарит ореху безротому:
Уж не справляли ли свадьбу деревья,
Что разбросали унаби и орехи?
Виноград в черной шапке от опьяненья
Черный локоп обвил вокруг пальца.
Тыква созрела для веселого руда,
Грушу за горло схватила айва.
Корзины творящего вино винограда
Пот выгоняют на лицах несущих корзины.
С головы до ног давят гроздь
[И] сок их стекает в хум из давилни,
Уста хума плач издают и бурление
От запаха сока и молока жажды.
В эту пору, когда шло у стран пиршество,
Искендер был далек от пира такого.
По степям и долинам, по морям и горам
Днем и ночью он шел с тем отрядом.
Много народа войною и миром
Он вывел с тесных тропинок².
Когда мера жизни его к концу подошла,
Стал путь для него тоже тесным,
Кто бы то ни был, при посещении мира
Он видел [у него] двери двойные, крушащие, как палица,
У этого шестистороннег кипариса с семью ветвями,
Вершина тесна, а бока широки³.
Так до слуха его дошел голос с неба:
«Ты впредь не старайся в увеличении⁴,
Ты землю обошел до последнего предела,
Вернись обратно на первый привал.
[Об] Искендере, как в писании пишет писец,
Есть пять речений, слово это запомни.
Довольно уже. По горам и глубоким морям

Ты пять раз чробил в барабан [согласно] пяти тем
реченьям.

Руки прими от дела мирского,
К дому в пять месяцев путь соверши,
Быть может, из этой страны унесешь душу в Грецию».
Трезвым стал слушатель пьяный,
Он испугался и послушался голоса,
Бросил поводья той приятной езды,
Объявил тайну людям достойным
И оттуда направился в Рум.
По суше и мокрому, по морям и степям
Много дорог он прошел и бездорожья.
С края света он прибыл в Кермач,
Перешел из Кермана в Керманшахан,
А оттуда он путь совершил в Вавилон,
От Вавилона раскинул шатер в сторону Рума.
Из Вавилона когда он прибыл в Шахразур,
Здоровье из тела царя удалилось.
Бег коня сделался медленным,
Он одним разом силы лишился.
Он делал усилия, чтоб добраться до Рума, —
У человека были связаны руки и ноги.
Он подумал, что выпил вредной воды,
[Что] в ней [был] яд, и яд действует в нем.
Страх подозренья расплавлял его тело,
Не помогало лекарство, которое делал.
Вперед он отправил гонца о дву-конь,
В Грецию, к своему дестуру⁵:
«Поторопись и ко мне поспеши,
Быть может, ты еще увидишь меня.
Тех самых искусников, которые сведущи,
Ты приведи, будь пятьдесят их иль сто».
Когда к дестуру ученому прибыл гонец,
Тот в себе стал искать ключ к запертой двери,
[Но] не видя того, от чего спасение было б,
[В чем] находилось бы знаменье надежды.
Всех искусников Рума и Греции
Он созвал и в ту страну прибыл.
Сразу с пути он вошел к властелину,
В день такой, который не был избранным⁶.
Он увидел тело царя на земле распростертым
В муках таких, от которых не можно спастись.
Затем он руку царя облобызал

И у него место пульса пальцем потрогал.
 Пульс сначала измерив,
 Он стал искать указания других аргументов.
 Приказал оттого, что было оно подходящее,
 Снадобье, которое было лекарством от той болезни.
 Если б было лекарство все живую водой,
 Как оно поможет, коли смерть наступит?
 У искателя мира зашло дело [далее] того,
 Чтобы муки его [вновь] вернулись к покою:
 Из богатства того, что взял он из места происхождения
 Он просителям отдал на хранение взятое.
 Словно в особом котле мир его
 Расплавил, чтобы он от земного считался.
 Его существо, получившее от скачки покой,
 Стало готовить припасы [к отходу] в небытие.
 [Искендер], ласкавший души, словно свеча с улыбкой как
 сахар

От воды и огня таял, как свеча и сахар.
 Некий ветер поднялся и на светоч подул, —
 Посыпались листья с деревьев в саду.
 Ни зелени он не оставил на ветвях кипариса,
 Ни фазану весеннему не оставил он крыльев.
 Плававшие розы с запахом мускуса
 Увяли, опав на землю сухую.
 Искендер, седло возлагавший на плечо месяцу,
 От стенаний главу опустил на подушку.

40. ЗАВЕЩАНИЕ ИСКЕНДЕРА

О музыкант, ты птица, считающая часы,
 Скажи, сколько прошло третьей ночи?
 Поскольку поздно услышаны голоса птиц,
 Ты из согдийской птицы¹ произведи пенье.

* * *

Когда ветер осенний поднялся в степи,
 Приключенья сада стали иными,
 От того ветра исчезло убранство сада,

В руках цветов потухла лампада,
 Стала желтою зелень по краям ручейков,
 Плоды и листья растений осыпались.
 Огонь развели на ветвях дерева
 [И] в нем разноцветные листья сожгли.
 Базару диккая нанесен урон²,
 Сторожа цветников закрыли садовые двери,
 Замерзли те текущие воды,
 Которые шли в водоемы Хосроев.
 Не радостен сад без листвы и воды,
 С сорванной дверью [и] стеною разрушенной.
 Место вина и кравчего, нектара и ласки
 На него нападение сделали звери.
 У птицы поющей отнялся язык,
 На пути у бегущего ветра колючки.
 Покинули сад погулять приходившие,
 Муги убрали с поляны дорожные вещи³.
 Словно напильником сняты лучи знойные солнца,
 Вся в морщинах стала поверхность воды, как напильник.
 Сад опустел от лиц красавиц,
 Ни соловьиного пенья, ни следа роз.
 Шипы на каждую розу клеймо наложили,
 Нет в садах ни богатства, ни украшения⁴,
 Во время этого сильного листопада
 Завяло то царственное дерево
 Искендер, прямой кипарис шахиншахский,
 Лишился здоровья, болезнь питающего.
 Мятель [была] холодна и царь был с холодным дыханьем,
 На бродившем по свету печаль⁵ [лежала] по свету.
 Когда ослабела основа могущества,
 Могучий достиг нездоровья.
 Крылья и перья сломались у птицы,
 Которая мчалась по свету годы и месяцы.
 Увяли тюльпаны, упал кипарис⁶,
 Попался фазан в когти шахина⁷,
 Войсковые врачи, городские вельможи
 Сидели вокруг предводителя века.
 Они [от] болезни лекарство готовили,
 Всякого рода мешали питье.
 Тайну искали в колбе⁸ и в пульсе, —
 Для сидящего подошло отправление.
 Хотя и умеет врач сделать лекарство,
 Что пользы в лекарстве, коль не осталось срока?

Еще, исследуя, они средства искали,
Но жизнь пропавшая не возвращалась.
В искании средств не находилась та дверь,
В которой бегущий находит отдых на время.
Когда приходит срок отправленья, страданьем и болью
Судьба человеку предоставляет предлог,
Рок ему горло настолько сжимает,
Что приходит желанье к нему своей смерти.
Думали много о том мученьи и жаре,
Но в общем не выпало справедливого мненья.
Лампада, которую смерть делает хилой,
Вред получает даже от своего масла.
Каждый тот плод, который болеет,
Падает наземь от своего же движенья.
Врач, который готовит лекарство для жизни,
Коль обреченного видит, какое сделает снадобье?
Знаток изречений девяти синих престелов⁹
Счет небосвода навел на тахт и на миль¹⁰.
Он нашел померкшим лик звезды основной¹¹,
Взоры счастливых [звезд] нашел от него отведенными,
От благосклонности ни единой звезды он не увидел
Помощи в ласке к гороскопу.
Когда звезды увидел с ужасом в сердце,
Муж-звездочет ужаснулся.
Когда зеркало перед [собой] подержал Искендер,
Взор на дородности своей удержал,
Он растаявшее тело узрел, словно волос,
С отходящей душой, добежавшей до края.
Ни сил в естестве, ни мощи в теле,
Согнулся свободный молодой кипарис.
Как свеча от разлуки тела с душой,
Себя он оплакивал сотней очей,
Он призвал задушевных друзей
[И] выложил тайну из сердца на поле:
«Судно попало в тесную пропасть,
Пасть разинул шипящий дракон,
С кочевья донесся вопль отбытия,
Добычею станет колыбель государя.
Прежде небо надо мною вращалось спокойно,
На горах и в степях меня содержало в покое,
[А] ныне со злобой взирает оно на меня
Исчезла у солнца и месяца ласка,
Так на меня возмутилась судьба,

Что не найду я пути к устроению дела.
Как мне делу помочь, когда высокое небо
Ловит в аркан мой венец?
Где казначей рати и сокровищ моих?
Быть может, страданье мое уменьшится взяткой.
Где моя рать, дабы острым мечом
Из души моей обратить в бегство жар.
Я, Искендер, Хосрой, укрощающий бесов,
Обладатель меча и престола высокого,
Повязанный поясом, с обнаженным мечом,
Не оставивший непроизненным ни одного уха,
Ураганом меча, закаленного ядом,
Пыль поднявший с Кульзумского моря¹²,
Многих малых собой возвеличивший,
Многих овец от волка избавивший.
Разбитого много я вместе скрепил,
А также разбил я много закрытого,
И я заменил состраданьем насилие,
И много я разрешил затруднений.
От Каннуджа до Кульзума и Кайрувана¹³
Пронесся мой меч, как бегущая туча.
Когда пришла смерть, стал тот меч цепью,
Нет, не цепью, силком удушьюющим!
Я много гор, степей и морей исходил,
Так исходить никто [другой] не сумеет.
Я возвышал обладателей царств,
Могуществом главы рубил властелинам,
Я обезглавил витязя Фура,
Занял в Китае место Чайпала,
Кабилу я отомстил и Хабилу¹⁴.
Дорогу украсил от Насика к Мансаку,
В царстве я вывел обычай магов¹⁵,
Из Русского моря огонь произвел,
Взошел на престол подобно Джамшиду.
Ограду раскрыл у Феридунова клада,
Я ниспроверг усыпальницу Ада.
Растворил ворота замка Шеддада,
Серандибу¹⁶ я дело испортил:
Ногою ступил на вершину Адама¹⁷.
Я дал весть о Рустаме и его булаве,
И о чаше Кей-Хосрова и престоле его.
С Востока на Запад я отправил гонца,
Возвел тот самый вал яджуджа.

Я, как Адам, сидел в Бейт-ул-Макдисе,
А также рукой кольца Каабы касался,
Я от потемок факел зажег,
Досками зашил насилие [в] мире.
Никакой славы не стяжал я шутя,
Беспечно не делал ни единого шага.
Всюду, куда предпринял я поход,
Я от правосудия и знания не отклонился.
Воздух, от которого плавится гранит,
Пока мощь была в теле, со мною он ладил,
[А] ныне на ложе из меха и шелка,
Когда сил во мне не осталось, я мучаюсь.
Голова к подушке склонилась, когда тело ослабло,
Не лежит на подушке голова здоровая.
Сию мастерскую я видел черной пречерной¹⁸,
От черного песка и до черной воды.
Коль ты спросишь меня, каков я,
Я отвечу, что не дохнул даже раза:
Я похож на однодневного младенца, который умер,
Душу отдал, не видевши света.
Я весь свет видел сверху и снизу,
А глаза у меня не сыты еще от созерцания.
Нет, если б не эти тридцать шесть¹⁹ были, а три тысячи,
То и тогда, в конце дела, я высказал бы все ту же мысль.
Я отворил врата тайн мира
И о месяце подал знак и о солнце.
Для видевших свет я стал знающим истину,
Хвалу я вознес создателю мира.
Я жизнь не прожил в неведении,
А только в доблести и в разумении.
Я прочел книги о всяких науках,
[А] когда смерть подошла, то там оказался бессильным.
Я раскрывал двери каждой беды,
[Но] не знаю средства [для] дверей смерти.
Для каждого затрудненья, что есть, кроме смерти,
Находилась помощь нужным образом действий.
Куда те чистые мудрецы удалились,
Которых я осыпал деньгами, как прахом.
Придите, прах сделайте золотом,
Сотворите лекарство для души Искендера!
Где Аристотель, чтобы знанием и мнением
Меня он избавил из этой теснины?
Где Булинас, чтоб волшебством

Он для души Искендера изготовил лекарство?
Куда девался подвижник Платон,
Не применит ли он соображения ко мне?
Где виден Валис ученый,
Быть может, он знает откуда сей вред?
Сократа премудрого вы призовите,
Не откроет ли он у этого дома замок?
Пусть за Хормузом пошлют о дву-конь кого-либо,
На единый миг, быть может, он ободрит государя?
К Фарфорию повесть сию отнесите,
Быть может, выкупит он меня из этой беды?»
Еще он сказал: «В сих словах есть гордыня,
Помянуть можно бога в этом страдании,
Не приведет ли он меня от мучений к покою?
Прачу семи не даст ли прощенья?
Не подает мне никто руки [помощи] и не поминает,
Да не будет на свете никто в таком одиночестве.
Раз стало небо ко мне столь карающим,
То не нужно совсем подавать голоса,
Ведь получил я начало от праха,
И мне опять нужно этот же прах обрести.
Прежде, чем я упаду в ту пучину,
В воду я брошу свой щит²⁰.
От матери я появился нагим
[И] нагим земле пусть меня предадут.
Я родился, имея легкое бремя, как стану тяжелым²¹,
Лучше таким же уйду я, как и пришел.
Одна птица на гору села и поднялась,
Что у горы прибавилось или ubyло?
Я та птица, а владенье — моя гора.
Когда я уйду, какая печаль ко мне будет у мира?
Он много таких, как я, породил и вскоре убил,
Будь проклята эта горбунья-кормилица!
Хоть от меня видели много сочувствия,
[Но] возможно, кто-либо и насилие видел.
Простите меня, коль я обидел,
[Но] ведь я насильников также казнил.
Когда мой черный престол²² уйдет в землю,
Душа в чертоги святых отлетит,
Вы вместо праха, которым посыплете голову,
Раскройте уста²³ для прощенья меня».
Он это сказал и, когда никто ему не ответил,
Он лег и без чувств уснул.

41. ЗАКЛИНАНИЕ ИСКЕНДЕРОМ МАТЕРИ

О музыкант, еще раз на руде сыграй,
Об усопших тех в песне припомни,
Взгляни на страдание мое, настрой же свой саз,
Быть может, я сладко усну под твое пенье.

* * *

Когда сильная стужа нападает¹ на цветы,
Состарится в детстве цветущая ветка.
От смерти не стоит средства искать:
Никому не открыли дверь помощи.
Когда жар смертельный на людей нападает,
Для знатока пропадает леченье.
Когда конец жизни для ночи пришел,
Улыбнулося солнце, а иней заплакал².
Царь стал больше стонать, чем вчера ночью,
Звон раздался бубенцов [отправленья]³.
Аристотель, умудренный целитель,
Помощь подать оказался бессилен.
Не видя надежды на здоровье государя царей,
Способ не видя, соразмерный его положению,
Он шаху сказал: «О свеча с ясной душою,
Очи всех государей тобою светлы.
Раз питомцы [твой] не справились с делом,
Ты взгляд обрати на милость питателя.
До того, как пришел тот быстрый поток,
Почему для нас страшный суд не наступит.
И раньше того, как вино это выльется в чашу,
Почему наши души не улетят через зев?
Я не хочу, чтоб у тебя дрогнул хоть волос:
У тебя волосок упадет, — у меня душа отойдет.
Однако от неизбежного такого напитка
Никто не избавлен из юных и старых.
Ни сердце меня не толкает сказать: «Испей это вино»,
Ибо пьющих вино оно чувств лишает.
Ни сказать не могу: «Вылей эту бутылку», —

Ибо спорить нельзя на царском пиру.
Увы, лампада столь яркая
Хочет погаснуть от отсутствия масла.
Не терзай свое сердце отсутствием масла,
Ведь лампада вдруг озарится от масла».
Сказал миродержец: «Это оставь,
Ибо пришел для меня конец жизни.
Не по моему повелению вращение сферы,
Не я дал вращенье луне и солнцу.
Я есть горсть праха, капля слабой воды,
Сперва сотворенный мужским и женским началом.
От воспитания [бога] — писателя
Я достиг, наконец, того места,
Что сколько возможно пройти вперед и назад,
Было все для меня достижимо.
Я тогда над миром царил,
Когда дух был силен и тело сильно.
Когда же немощь теперь появилась,
Нужно в другой дом перебраться.
Не давай мне больше вина тщеславия,
Ибо живая вода далека от сего колодца.
Не ищущая для жаждущего лекарства от ада,
Теперь дело в рае и четырех родниках⁴.
Сотвори молитву о прощении [меня],
Быть может, сжалится всепрощающий».
Когда с груди гор солнце платье убрало⁵,
В сон голова государя царей погрузилась.
Ночь подошла. Что за ночь! — Как черный дракон!
Мрак окутал дорогу сзади и спереди.
Жестокая ночь без ласки и черноликая,
Кто ж в темноте видывал солнце?⁶
Звезды на делах завязали узлы⁷,
Уста⁸ защиты гвоздями.
Небо — вор и месяц небесный — воролов,
Оба вместе упали в чан со смолою.
Мир словно черную сажу поднимая,
Недаром повис на одном волоске,
Таял в ту ночь таким образом царь,
Как месяц на двадцать седьмой своей ночи⁹.
Когда ему вспоминалась материнская ласка,
Расстройство пришло в его естество.
Он повелевал, чтоб один писарь из румийцев,
Который умен был, развит и стар,

Обмакнул бы перо в черную сажу
[И] написал бы письмо его матери.
В том послании высокие клятвы,
Чарующие, как мольбы матерей:
«Ради меня ты не печаль сердце,
Не напрягайся в бесплодном рыданьи».
Красноречивый месяц по царским словам
Мир затмил читателям послания.
Он расщепил конец цельной тростинки,
В небе со знаньем сделал дыру¹⁰.
Когда на лист бумаги пришелся абир¹¹,
Стало тело бумаги как мускусный шелк
От круга значений, тонкими ставших,
У писца в глазах потемнело.
После прославления творца
Который зрение зрячему дал, —
[Он один], а нужда в нем у каждого,
[И] он помыслитель всем тварям в отдельности, —
Так была расписана та блестящая картина
Выношенными [словами], что были к месту:
«Послание мне от меня, Искендера,
К четырем матерям¹², а не к одной моей матери,
Если капля вернулась в родник, то прощай,
[А] разбитый кувшин пусть у реки остается.
Если красное яблоко упало на землю,
То желтый померанец пусть не теряет красу¹³.
Коль сей желтой розе ветер обиду нанес,
То куст алой розы да будет цветущим!
Я говорю не только слова, о добрая мать,
Ведь больше из сердца исходит любовь, чем из уст.
Попечалься немного, когда услышишь ты весть
О том, как пропал тот царственный цвет.
Ты о питомце своем не скорби,
На горение раны своей сложи руки¹⁴,
За эту печаль да подаст тебе долгие дни,
Да подаст тебе бог в этом горе герленье.
[Заклинаю тебя] молоком, что сосал из твоей я груди,
Сном сладким моим в твоей опочивальне,
Горем сердца матери, умирающей раньше,
Которая старой осталась, а [сын] молодой умер,
Покорными миру и вере,
Повелителем небес и земли,
Писцами аргументов земного дивана,
Живущими вечно на чистом небе,

Узниками земли под кирпичами¹⁵,
В отраде сидящими на земле рая,
Душой, от которой растение стало животным,
Создателем душ, дающим от горя спасенье,
Волной, что вздымается на море благодаяния,
Повеленьем, от которого существо сотворилось,
Тем именем, которое превыше имен,
Тем узором, что украшает обличье,
Кругом семи высоких небес,
Предсказаньем семи звезд превосходных,
Знаньем мужа, познавшего бога,
Боязнью рассудка, обладателя разума,
Каждой свечой, зажженной от знания,
Каждым мешком, сшитым от милости,
Теменем, на которое счастье сошло,
Ногою, нашедшей дорогу согласия,
Подвижниками с чистым умом,
Проницательными, разрешающими затруднения,
Ароматом припавших [смирненно] к земле,
Добронравием естества свободных [людей],
Добротою султана, любящего бедных,
Бедняком скромным, который сам есть султан,
Свежестью прекрасного утра,
Приятностью непрощенного угощения,
Бодрствующими ночью, встающими на заре,
Смирненными странниками, льющими кровавые слезы,
Горьким ночным стенаньем сидящих в темнице,
Лампадой михраба небесных сил,
Нуждой в молоке ребенка голодного,
Безнадежностью престарелых страдальцев,
Унижением странников хворых,
Слезами сирот, претерпевших обиду¹⁶,
Уединившимися в пустыню страдания,
Имеющими синие ногти от сильной стужи,
Неусыпностью соболезнующих,
Горестями несчастных,
Мукой, которая пинает покой,
Любовью, что свободна от грязи,
Победой короткорукую¹⁷ разума,
Довольством воздержанья отшельника,
Словами, которые в книге благодарства,
Узором, который носильщик человечности,
Болью, рану которой не видно,
Раной, у которой нет с пластырем дела¹⁸,

Терпеньем, что в нетерпеливом¹⁹ бывает,
Стыдом, что бывает от красивого лика,
Воплем того непрерывного вопля,
В котором надежды нет на защитника,
Правдой, что растет от питающих веру,
Откровением, что нисходит к пророкам,
Тем путем, которого никто не избегает,
Путеводителем, подающим [для помощи] руку,
Тою дверью, сквозь которую выход,
И в которую мне и тебе возвращение,
Невидением твоего лица милого,
Запретностью голоса твоего для ушей,
Тем стремленьем ко мне, которое никогда да не прекратится,
Этой немощью, какой пусть не будет ни у кого,
Правый суд сотворившим, ибо он обладатель,
Он же душу дающий и отнимающий душу,
Что когда заверенье прибудет к тебе,
Пусть не хмурится дуга твоей брови,
Ты не горюй не облачайся в палас,
Будь знающей путь закона привала²⁰,
Не извивайся в стенаньях, с пути не сходи,
Взирай на окончание мира,
Если б мир для кого-либо вечным остался,
[Тогда] скорби и оплакивай много,
Но так как ни для кого мир не вечен,
То будь же и ты знакома со спутниками²¹.
Коль охота придет тебе горевать,
Оплакивать и соблюдать траур,
То прежде, чем тебе горевать, смотри,
По-царски устрой угощенье.
Народ созови, гостей всех своих
И над угощеньем своим возгласи:
«Тот пусть лишь ест эти чистые яства
У кого сокровенных нет под землею»²².
Если гости станут вкушать те яства,
То и ты вкуси печали тогда,
А если на яства никто не посмотрит,
То и ты печаль отгони по усоншам²³.
По мне не горюй, мое время прошло.
Вернись к своему печальному делу,
Считай, если пробыл бы я в два раза больше,
[Разве] нога моей жизни все равно не споткнется о камень?
Раз долготы нашей жизни есть малость,
То будь десять лет или сто, [все] едино.

Зачем мне бояться идти в восемь садов²⁴,
Дверь ведь с ключом и со светочем путь.
Почему не вознестись мне к тому престолу,
Чтобы вечно на нем восседать.
Зачем мне счастливо не мчаться к тому месту охоты,
Ведь оно без паров туч и [без] пыли дорожной.
Когда для меня сего дивного дома не станет,
Пусть у оставшихся по мне будет терпенье.
Когда мой Шебдиз²⁵ перескочит сей быстрый поток,
Друзьям от меня да будет привет!
Нас избавило небо от этой ограды,
Да будут все люди свободны, как мы!»
Когда он посланье закончил, написал надпись,
То его отослал, а сам отправился в рай.
С сотней страданий он ночь провел до утра,
Весь день в мученьях и боли.
В ночь другую, когда ночь на слона паланкин наложила²⁶,
Земля, словно небо, посинила одежду.
Когда вращающееся солнце вокруг лица
В ту ночь подняло стон от ногтей²⁷,
Звезды остригли на руках ногти²⁸,
Воздух стал полон ногтей серебряных.
От закрытия глаз лица государя,
Лик луны исцарапан стал ногтями.
Смастерили паласы из косы ночи
[И] земле на шею накинули.
Из глотки Зенеба достали яд
[И] влили в горло месяцу неба.
Государь изменился в своем обычае,
Смертный час увидев над своим изголовьем.
Похолодела кровь в его жилах на ногах,
Он вспотел от кипения крови,
Состояние похитило черноту глаз²⁹,
Рассвету его пришло окончание.
Он дошел до души, а душа вышла из дела³⁰,
Мгновенье пришло отдаванья души.
Он улыбнулся и, как свеча, умер в улыбке,
Отдал душу тому, кто душу дал.
От свечи, зовущей на помощь, так отошел свет,
Что у зрителя на него глаза не глядели.
Быстрая птица так улетела,
Что ни единая птица ее до гнезда не видала³¹.
Никого я не видел из знатоков дел,

Который бы ведал о тайных делах.
В этом деле, коль знал кто-нибудь средство,
Отчего не помог своему делу.
Когда Искендер перебрался из этого дома,
Ему воздвигли престол над этим шатром³²,
Какого добра он ни делал на свете,
[А] свет обидел его и не уважил.
Ведь, наконец, когда он ушел за завесу,
Он ушел с обиженным сердцем от неправосудия,
Хотя от гоньбы по дорогам он истомился,
Он шел по пути, по которому не ходил [раньше].
Всюду, куда он коня снаряжал,
Он с той дороги весть подавал миру.
Почему же, когда в небытие он отправился,
Он никому вестей не послал с той дороги,
Быть может, каждый, кто предпринимает сей путь,
Забывает путь своего говоренья.
Если б эта история могла бы быть сказана,
Скрытой она не осталась за этой завесой тайн.
Когда расцвет Искендера от резкого ветра
В прах повергся с царского древа,
Из его золотых поясов смастерили
Колыбель золотую, ему подобающую.
Внутри нее шелк полон камфоры,
Наружный атлас жемчугами усыпан.
От умощения мускусом, розовым маслом и алоэ,
Волна щедрой бури дошла до Джуди³³.
Хранитель, который надушил саван,
В золотом гробу его поместил.
Когда умерло тело и как серебро стерлись члены,
Что проку от душистого савана и серебристого гроба?
Властелин повелел, чтоб из гроба
Одну его руку протянули наружу,
В ту руку насыпали б только праху
И кликнули клич по всем сторонам:
«Повелитель семи стран земли,
Только не один из царей, только [он]!
Из всех богатств мира, что он стяжал,
Он, кроме праха, в руке ничего не имеет,
Так же и вы, когда уйдете из мира,
Темный прах возьмете [с собою] из этой мусорной ямы».
Из Шехрезура в Египет его отнесли,
Ибо тот край далек от врагов.

Его поселили в Искендерийе,
С престола повергли его на тахтэ³⁴,
Не спасся никто от мучительства мира,
Никто не закончил с ним эту ручэ³⁵.
Против эйвана той престольной палаты
Под землей поместили престол государя.
Дружбы ни с кем мир не имеет,
Ты много ласки в нем не найдешь.
Его праху предали и вернулись обратно,
Дверь для него в гробнице раскрыли,
У мира таков стал закон и обычай:
Доводит до места и не сохраняет.
Несколько тысяч [так жизнь] провели,
И еще этот счет не дошел до конца.
Ни избегнуть нельзя этой линии,
Ни найти нельзя конец нити³⁶.
Разыскание ни есть условие этого шара,
В этой песне остается только молчать.
Взгляни на мир, если ты опытен³⁷,
Сколько людей от него потерпело.
Мир, который столь принижает,
Не подходит для такого тиранства.
Что глядишь ты на терем цвета сурьмы³⁸,
Ведь от милья³⁹ его льется крови поток.
Когда огненный миль его станет как солнце,
Камнем швырни в лампаду его.
Не гляди на сей миль, что он золотистый.
То ведь не золото, а раскаленность огня.
Небо не склонно благодворить,
Месяц и солнце мстить нам готовы.
Не делайся другом сего лицемера-волшебника,
Ведь он тайно убийца, а открыто ласкает.
Вне хвастает он заботливостью ухода,
Внутри изо всех сил наносит ранения⁴⁰.
Прими руки, о друг, от мирского занятия,
Ведь от меча избавилась рыба этой кольчугой⁴¹.
Когда наступает ураган правосудия⁴²,
Тот утоцуть не боится, кто рыбой бывает.
Мир словно лавка мотальщика шелка:
Одна половина его из воды [и] из огня другая⁴³,
С одной стороны ободу дарит добро,
С другой стороны обод опорожняет⁴⁴.
Зачем мы так долго исследуем мир?

Ведь верх — [это] пар, а низ — [это] прах.
На то похожи отношения этих пара и праха,
Что небо с землею в сраженьи находятся.
Если бы ладило небо с землею,
Оно постоянно не занималось бы нами.
Низами, не завязывай узел на этих узах,
Не страшись и не пугай нескольких!
Отправляясь в гости на пир султана⁴⁵,
Не следует передумывать по дороге.
Слушайся, когда султан приглашает,
Горькое выпей вино, помяная его.
Искендер, который расцвел от той чаши, как роза,
Принял чашу, испил, помяная его, и уснул.
Тому, кто пьет то вино, — на здоровье!
Да будет забыто [все], кроме поминания бога!

42. ПРИБЫТИЕ ПОСЛАНИЯ ИСКЕНДЕРА К ЕГО МАТЕРИ

Музыкант, на ченге сыграй в эту ночь,
Избавь меня от лишней сей тесной дороги,
Быть может, когда путь для меня станет широким,
Я вынесу скорбь из сей каменистой пустыни.

* * *

Когда зима обретает победу,
Падает мелкий дождик из туч,
Горловой боли горизонтов от пыли
Время «стеклянную мазь» подает¹.
Долины и степи иней горбатого неба
Защищает от пыли и зноя тамуза.
Жажущим травам, пьющим джулаб²,
Мороз лед, измельчив, подает.
Щедрость сада, украшенья дарящего,
Не в силах добыть богатства алхимией.
Воду льют продавцы вина дея³.
В глиняный хум из-под вина.
Когда закипит хум дихканского дома,
Полотно сбросит старик, носящий сукно.

Музыканты, приносящие мускус в мешочках,
Приносят сочный кебаб и сласти сухие.
Цари восседают, слушая музыку,
[И] пьют искендерову воду живую.
Что сказать мне еще? Что родилось от слова?
Что за шутку устроило древнее небо?

* * *

Когда в Рум пришла весть об Искендере,
Что мир лишился царя мира,
[Что] во всех государствах страны
Воссели и мир не имеет главы,
[Что] если вельможи исполнят целованье руки,
То [должны] это сделать при дворе Искендероса,
[Тогда] все убранства Рума стали черного цвета⁴,
Зинг совершил нападение на Рум.
То послание шаха, что он раньше писал,
Вручили матери за его печалью.
Когда мать прочла посланье печали,
Она почернила и кубок и платье⁵.
От свитка письма, разбившего сердце,
Она сама словно свиток свернулась.
Однако, хотя день для нее почернел,
Она завета царя не послушалась.
В надежде, что душа его будет довольна,
Его заклинанье она соблюла и условие.
Не жила она долго после царя,
Все время страдала и плакала кровью.
Когда и ее было сделано дело,
Дело о ней закончилось тоже.

43. ПЛАЧ ИСКЕНДЕРАСА ПО СМЕРТИ ОТЦА И ОТКАЗ ОТ ЦАРСТВА

Сыграй, о певец, на сазе печальном,
Мне помоги в этом жжении печали.
Быть может, голосом зажигающим радость,
Меня из ночи страданья проводишь до дня.

После смерти Искендера Искендерос
 С грозностью царской не бил в барабан,
 Хотя из царей с побеждающим счастьем,
 Кроме него, никто не являлся достойным престола,
 Он не думал о десятидневном¹ владении,
 Ибо оно не имело столь прекрасной мелодии.
 Он стонал, как страдающий соловей,
 Вниз упавший с ветвей кипариса высокого.
 Войсковые старшины прилагали старанья,
 Чтоб договор заключить с престолонаследником,
 Раскрыть перед ним двери сокровищ,
 Молиться ему вместо Искендера.
 [Но] у царского сына намеренья царствовать не было,
 Ибо было в нем только прибежанье к богу.
 У царей и полководцев он просил извиненья:
 «Возложите правленье на [кого-нибудь] кроме меня,
 Для меня ведь запретно требовать вина
 [И] вместо отца собранья устраивать.
 У меня дела нет со счетами мира,
 Ибо у этой нити не видно начала.
 Я думал о месяце, что в камень он превратится,
 О солнце, что оно упадет в пасть дракона,
 [Но] не мнил я, что царь миродержец
 В пору юности тронется в путь,
 Покинет престол и чертоги,
 Станет гостем у тесной гробницы.
 Избавился я от служения смертных,
 Пояс я повязал на служение богу.
 На сей неустойчивый мост легковесный
 Как можно твердо ногою ступить?
 Несомненно, что я не больше отца,
 Если отец низвергнулся, то кто же я?
 Я не хочу стать державней его,
 Не [хочу быть] умней имышленной его.
 Что он видел от мира при той приятности,
 Чтоб и я испытал такую же радость?
 Когда я увидел, что от круга семь раз вскипевшего²
 Мир плитою покрыл того владельца престола,
 Я сжег все одежды и украшенья,
 Досками зашил престол государей,

Засел в уголке, как угнетенные люди,
 Со свободой души свободных людей.
 Жажда сего серебра, золотом купленного,
 Много мешков серебра и золота разорвала³.
 Когда наполнилась мера и ты полнее нальешь,
 То прольешь ты все то, что прибавишь.
 Лучше так, чтобы до пробужденья
 Мне удалиться отсюда при [помощи] бегства.
 Страсти я не имею к венцу, а к престолу любви,
 Ибо боюсь, нападение свершится на счастье.
 [Я] в этой пещере, как ревнивый паук,
 Поохочусь немного за муравьями и мухами.
 Я из гранита добуду обитель
 И в этой обители засяду один.
 Своею слезой с самоцвета чистой души
 Я смою грязные пятна земли.
 Откажусь от всего, что отказа достойно,
 Приготовлюсь к делам приготавлиенья достойным.
 Стану птицей и служить буду [богу] в горах
 [И] буду доволен семенами растений.
 С легкостью я не миную лишений,
 Ибо умру тяжело, коль легко буду есть.
 Когда подойдет пора отправляться⁴,
 Я перед ангелом раскрою дверь дива⁵.
 В яму меня, как отца, опустите,
 Горсточку праха бросьте на землю.
 Если часто вспоминаешь о смерти,
 То терпелив в этом деле бываешь,
 А если горечи смерти не вспомнишь,
 То с трудом ты сумеешь ту дверь отворить».

В конце концов засел он в горной обители,
 Сразу забросил мирское занятие.
 [Вместо] мирского занятия сердце отдал служению [богу],
 Так он жил, не стоит говорить, как он умер.
 И ты, о юнец, за своим стариком
 Не отвращай свое мнение от этого способа,
 Ибо в мире небосвод сей волшебник
 Сделал не то, что рассказывать можно:
 Много Юсуфов⁶ он запер в колодце,
 Многим могучим шею сломил.

44. КОНЧИНА АРИСТОТЕЛЯ

О певец, мое сердце сыто от воплей¹,
Произведи стенанье голосом громким,
Быть может, громкий плач дойдет мне до ушей,
И я успокоюсь от рыданий [и] стонов.

* * *

Когда Искендер отстегнул эту [ножную] колоду,
Накинул аркан на замок небесный²,
Все придворные его философы
Присоединились к нему в этом беге.
Когда Аристотель был покинут тем солнцем,
Он из черного облака надел на себя покрывало,
Надел черное и в печали сидел,
Когда пора подошла, он тоже поклажу связал.
Рост пропал у стройного тополя,
Впало в стеснение его естество.
Расселись греки вокруг него,
От его учителя и до его ученика.
Когда увидали, что тот вестник, знаток привалов,
К привалу отходит без телохранителей,
Они вести искали у того мудреца:
«Объяви обстоятельства высокого неба,
Скажи, что небо что за материей стало,
Что у каждого мнение о нем [от понимания] далеко?»
По дороге спешащий к другому дворцу
Так молвил: «Пусть [лишь] бог указывает.
Я много давал указаний о небе,
Я мыслю [о том], что познал я завесу.
Теперь же, когда хочу я уйти поневоле,
Я вижу лишь заблужденье на этом пути.
Мир называет меня мировым философом,
Считает меня составителем звездных таблиц семи небес,
Я из знания устроил «Ключ [к] миру»
[И] все что желал, я в нем написал.
Все о знакомстве [со] звездами

Я в нем рассказал, [об] обстоятельствах неба.
А ныне, когда уверенно нужно слово сказать,
Брось таблицы старинных звезд.
[Клянусь] святым богом, коль есть у меня знание,
Стол сей накрытый пуст ли иль полон?»
Когда до сих пор он довел напев речи,
Муж речистый перестал говорить.
Он вылил масло из светлой лампады,
Из сада яблоко приказал принести.
Он нежное яблоко на ладонь положил,
Придал душе ароматом терпенье.
Когда [по указу] сего синего свода душе
Пришлось вступить в тесный проход,
Он улыбнулся и молвил: «Прощайте, о люди,
Пришел с гор моему утру конец.
Душа эта чистая от бога святого явилась,
И снова [ее] я вручаю пречистому богу».
Сказал это и холодный вздох испустил,
И прахом сделало небо его.
Когда отошел он и юдоль покинул,
Он то яблоко бросил друзьям.

45. КОНЧИНА ХОРМУСА

О музыкант, на том джурре¹, ласкающем душу,
Новый напев заведи в созвучье со мной,
Чтоб опьянел я, как соловей от стеснения,
Тем стенанием сумел бы избавиться от этого плача.

* * *

Когда Хормус подошел к сему глубокому морю²,
Он дорогу увидел, от которой не видел спасенья.
Он опустился и молвил: «Тому восхваленье,
Кто корабельного груза немного имеет.
Зачем груз корабля нужно делать тяжелым,
Когда его надобно сбрасывать в море?
Мир был сначала обителью диких зверей,
Растения всякие росли в нем богато.

От тяжелой горы до глубокого моря
[Все] стало колодцем и крышей его для дождя и снега.
Когда человек появился, могила газели³,
Онагр убежал и газель шарахнулась в страхе.
Я та дикая газель, что от сильной руки
Своими ногами пойти в могилу должна.
На этом пути я свой приют нигде
Не ищу, кроме бога святого, и только.
И вы, когда тронетесь в путь,
Приюта ищите у бога святого».
При этих словах его унес сладкий сон,
Зачем класть мне слова. Он умер тоже.

46. КОНЧИНА ПЛАТОНА

О певец, наладь совершенный напев,
Ведь для нас не первая это ошибка.
Этим напевом можно изгнать на заре
Из памяти все мелодии мира.

* * *

Что промолвил Платон, когда уход подошел?
«Буду и я в земле почивать.
Станут рассказывать так в той стране,
Что я человек, величайший из жителей Рума,
Когда я дорогу нашел за завесу смерти,
То я от всех завес¹ лицо отвернул.
Я похож на дитя, ибо во время сна
В колыбели сон к нему быстро приходит,
Природа его провожает ко сну,
А сам он не знает, как сон приходит к нему.
В сих четырех естествах противоположного права,
Которые стали водой, огнем, прахом и ветром,
Как можно правду найти?
Отступить надо назад перед кривдой².
Четыре стены того дома слабы,
Ведь его основание от начала неверно.
Сто тридцать лет мне уже миновало,

[А] положение мое на десятилетних походит:
Все еще в голове у меня есть желания,
Состарился я, а мечты обновились.
Когда в этом желании прошлое некое время,
Небо свернуло и его ковер тоже.

47. КОНЧИНА ВАЛИСА

Напомни, о музыкант, моей памяти
Песнь в созвучии со стенанием моим,
Обрадуй меня весельем той песни,
Не пройду ли по воде того семиречья?

* * *

Когда и у Валиса голова склонилась ко сну,
Он ладью пустил в бурю моря,
Его слуги-помощники сели,
Словно небо, у его изголовья для помощи.
Когда взяла верх болезнь над немощным,
У дородного немощь разбилась.
Вести искал он у могущества звезд,
Но основание столпов¹ нашел слабыми:
Звезда отказалась оказывать помощь,
Притеснителем стала, правосудье оставившим².
Тех собеседников, что были пред ним,
Он известил о конце своей жизни.
Так сказал: «Не считайте себя защищенным никто,
От этих семи индийцев с сурмяным бубенцом³,
Ведь эти звезды, хотя и счастливые,
[Но] ни лишены они также несчастья.
Когда выпадает вокруг планет злополучие,
[Тогда] наступает эпоха тиранов.
До тех пор счет насилья не приходит к концу,
Пока в мир не приходит человек справедливый.
Когда вновь звезда счастья обретет сочетание⁴,
То дело счастливых⁵ завершится добром.
Небо до наступленья того возвращенья⁶,

Мои листы, наконец, свернуло.
Сказав, покровителя он помянул,
Сомкнул уста и очи прикрыл.

48. КОНЧИНА БУЛИНАСА

О певец, на сей старинный напев
Песнь заведи и в ней постенай.
Быть может, от столь плачущей песни
Польются дождем мои слезы.

* * *

Когда для Булиноса пришел к концу мир,
Он так сказал на ухо знатокам дела:
«Вот, наступила пора отправленья,
В место другое я совершу переход.
Глиняный дом, который есть мой дворец, —
Не я, а считай фигурой, которая есть мое место.
К тем семи телам, которые имеет небосвод,
Голова моя не сойдет с дороги любви.
Я та высшая точка неба, Фена-Хосров,
Входящий в дом и уходящий!
То вползаю в покой бутона,
То на ветвь по-павлиньи взлетаю.
Я, как перо, незримо для глаз
Всюду, куда захочу, могу улететь.
Зачем мне приход и уход совершать в объеме времени:
Когда я попираю время, я выхожу за него.
Если усилие совершу, то наступлю на сидр,
Когда захочу, в недрах скалы помещусь.
Я могу пройти по степям и морям,
Я Илья моря и Хызр степи.
Кроме сего, все, что найдешь ты в моем эйване,
[Это] не я, а собутыльник за моим столом.
Я же тот, кто ввысь устремится,
А все, что найдут, мной не считай».
Когда голосом нежным он пропел эту песнь,

Он в сторону спутников лошадь погнал.
Избавился он от треволнений мирских,
Ведь пиром бывает кончина с товарищами.

49. КОНЧИНА ФАРФОРΙΑ

О певец, спой чудесную песнь,
Оставь порицанье, что схватил меня сон,
И если от этого пенья я тоже усну,
То, может быть, тоже мятежного сна не увижу.

* * *

Когда пришла пора отправленья Фарфория,
Он вещи на верблюда навьючил и пробил в барабан,
[И] молвил товарищам: «Сад сей прекрасный,
Который приятен глазам и базилик мозга,
Поскольку в природе его нет постоянства,
То он что темный ад, что светлый рай [все одно].
Страшно нам от нашего знания:
Знанок дороги не защищен от дорожных разбойников.
Лукодел постоянно согнут бывает,
У портного рваной бывает одежда.
[Хотя] весы продавцов жира обманом
Жирны бывают, но жира на них нет по весу гири.
Все годы несущий носилки с грузом богатства
Не отдыхает от лишений, мук и забот».
Когда его циркуль закончил сей круг,
Дело его перечеркнули чертою.

50. КОНЧИНА СОКРАТА

Голову мне от сна пробуди, о певец,
Шелком руда, рубаба и ченга.
Может быть, милость руда, словно речная вода,
Свежести больше придаст прозябанью сухому.

Когда подошло отправленье и Сократу,
 Он смертному часу о дву-конь поехал навстречу.
 Я слышал, что яд какой-то смешали
 [И] тайно в горло влили ему.
 Когда стало болеть его тело, испившее яду,
 Он крик радости испустил от похода²
 Так сказал: «Раз пришло к концу время,
 Не стоит от смерти средства искать.
 В том сне, что [на] остывшей подушке бывает,
 Каждому бывает сиденье внизу [под землей].
 Когда увидели, что та птица, парящая ввысь,
 Вскоре наружу уйдет из силков,
 То Сократа спросили: «О мудрый [муж]
 Когда выйдет душа из этого плена
 [И] члены твои потеряют движенье,
 Где тебе место лучше устроить?
 Учитель им отвечал, улыбаясь:
 «Не нужно привязывать сердца к ушедшим.
 Если найдете меня, то подите
 [И] всюду, где захотите, место устройте».
 И на него буря сна налетала,
 Голову в воду он погрузил, как другие.
 Те смышленные люди поняли втайне,
 Что сказал им мудрый учитель.

51. КОНЧИНА НИЗАМИ

О певец, сыграй мелодию «Песни души»¹,
 Я понежусь той мелодией, сердце ласкающей,
 Ты так песни играй от одной до ста,
 Как Варбед играл на пирах Хосрова.

* * *

Низами, поскольку кончился этот рассказ,
 Сделай и ты тоже шаг к отправленью.
 Не много времени с сих пор прошло,

Как срок его жизни свернул листы.
 Шесть месяцев было сверх шестидесяти трех лет,
 Когда в барабан отправленья он пробил колотушкой.
 Когда рассказал он о делах древних ученых,
 Уснули ученые и он тоже уснул.
 Своих друзей во время отхода
 Он то о пути извещал, то о путеводителе.
 Он улыбнулся и молвил: «Всепрощающий
 Меня обнадежил прощаньем.
 Обо мне беспокойство от себя удалите,
 Вам этот дворец, а мне же дом радости».
 Когда он сне говорил, его унес сон,
 Ты бы сказал, что бденья его совсем не было².

52. ПОХВАЛА МЕЛИКУ ИЗЗ-УД-ДИН МАС'УДУ, СЫНУ АРСЛАНА

О музыкант, веселый напев заведи,
 Ведь кончилась скорбь, радость пришла.
 Сыграй плавный напев, на настроенном руде,
 Пусть будет напев тот долгим, как жизнь царя.

* * *

Если тех мудрецов забрала судьба,
 То мудрость осталась воспоминаньем для нашего шаха.
 Да здравствует царь могуществом счастья!
 Пусть им процветают престол и венец!
 Мелик Изз-уд-дин, кому высокое небо
 На аркане отдало силу свою,
 Раскрывающий тайны семи планет,
 Господни области восьмой констелляции,
 На пирах сидящий с Кей-[Хосровом] и Кеме,
 Царь-победитель с поясом Феридуна.
 Уста его — ларец с бальзамом времен,
 Он озаряет голубую колыбель небосвода.
 От сладости его медового источника
 Его ухо стало его же рабом¹.
 Когда он с рассвета при учиняет,
 На пиру восседает, как Кей-Кубад,

То в том улье ты видишь, будто пчелы,
Хлопочут избранные знатоки многих наук.
Поскольку каждый знаток многих наук образован и мудр,
То он треплет за ухо многих знатоков одной науки,
В каждом углу сидит добыватель жемчужин,
Из огня извлекающий воду².
Они питомцы царя с природою ангела,
Ключи к вратам райских садов.
Некий везирь [там] смысленностью выше Низама³,
Он славу стяжал тем, что способней способных.
Раз царь, как Мелик-шах, подает руку [помощи],
То второй Низам ему нужен в везиря.
Из каждой страны он избрал человека
Высокого рода [и] достопохвального.
Их питье вина, словно улыбка розы,
Как соловей они в опьянении трезвы,
Все полутрезвы, а царь полупьян,
Все жирноречивы, а царь жирнорукий⁴,
Ведь из царей [только] он такой пир задает,
Сверх того он и мелик и богатырь мира.
На тот пир, где нет дела смятенью,
[Иному] доступа нет, кроме сей книги прекрасной.
Для того, чтобы шах полюбовался на пир,
Совершил обозрение гор и морей,
То устремлялся бы на Тараз⁵.
То переход совершал бы в Хабаш,
[Чтоб] искателю мира, на своем месте сидящему,
Царство мира свои горизонты представило,
[Чтоб] эта книга, тешащая сердце, для победы
Перед ним растворила врата семи стран⁶.
Благодаря ей собрание [у] шаха станет приятным,
Она [представит] картины круга мира.
Хвала, о наследник пиров Кей-Хосрова,
Твоею рукой сильна опора державы,
Взгляни в этот кубок, показывающий мир,
Посмотри на то, что у хозяина мира ты просишь.
Образы такой рожденной в единении⁷
Дают шаху добрую весть о царевиче⁸.
Сей ключ для меня раскрыл дверь такую,
Что из моря явилась жемчужина.
С тех пор как утро милем⁹ коснулось трона слоновой кости,
Такая жемчужина ни в чей венец не попадала.
Поскольку уже колыбель упомянута в изложении творенья,

То не удивляйся, если пришел и ребенок.
На этой радости ты устрой пир,
Пояс [себе] на земле подвяжи, словно небо¹⁰.
Что было б, если в рай того места пиршеств
Мне «счастье» вдруг дало дорогу¹¹.
Быть может, от прекрасного пира
С моих дел спали бы узы?
Но так как в руках и ногах не имеется сил,
Чтобы мне опереться на колыбель голубую¹²,
То отправленье души в пречистое небо
Лучше перенесения тягот мрачной земли.
Две жемчужины вышли из моего моря,
От лика их мой ум озарен.
Одна обрела непорочность Марии,
На другую свет Иисуса излился,
Эта стала красою, как сияющий месяц,
Та, словно солнце, бесподобна ясностью сердца.
На страже царя два индийца на крыше,
Один по имени Мугбил, другой же — Игбал¹³.
Я обоих послал к государю,
Дабы [Мугбил] хранил для яхонта ларец:
Невесту, которая девственная¹⁴,
Лучше, ежели брат охраняет.
Когда придет она к властелину, то нужен
Такой девственнице подобный хранитель.
Поскольку я душу¹⁵ принес тебе лично в дар,
А также с душою печень¹⁶ отпразил,
То ты [сына] так верни от себя,
Чтобы милость [твоя] выше надежды моей оказалась.
Речь моя доходит до этого места,
А дальше [сам] знаешь, сделай, как хочешь.

53. ОКОНЧАНИЕ «ИГБАЛ-НАМЕ»

Когда самоцвет появился из рудника гор,
Мир изнемог от покупателей самоцветов.
Подпоясался каждый покупатель самоцветов,
А самоцветы скупает великодушный.

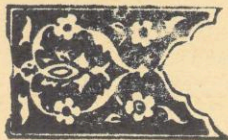
Я тот самоцвет извлек из недр скалы,
И с весами в руках продаю самоцвет,
Но не ради того, чтоб такой самоцвет
Продать за богатства какой-либо страны.
Я от богачей, подобных Каруну,
Жажду только труду соразмерное.
Промедление не от того, что мало иль много.
А оттого, что Луна с Муштари не сошлись¹.
Я ищу разумного слушателя,
От кого не разбилась бы слава продавца самоцветов.
Кричать в горах, словно див,
А также рев подымать, как хищные звери,
Предоставлять потоку сокровища
В море бросать жемчуга
Лучше, чем перед ушами темного мозга
Раскрывать врата прекрасных сказаний.
Красноречию нужен сперва покупатель,
Самоцвет без покупателя не добывается.
Есть у меня покупатель, знающий толк в самоцветах,
Он же рассыпающий самоцветы без меры,
Однако и знатоков горных камней
За мной пошло несколько толпиц.
Когда в руки достался мой лал, озаряющий ночь,
Они камни метнули из всех манджаников:
«Нам отдай сей ночной самоцвет,
А ежели нет, то убирайся из этого сада».
Я возмутился жестокостью их обхожденья
И легковесностью торго на их базаре,
То не продавец жемчугов, а полководец какой-то!
Ведь приятность напева в созвучии.
Что тут жемчужина? Ведь то покупка [целого] моря!
Где цена, для которой готов этот торг?
Если кто-либо сидит для продажи моря,
То для моря его нужно много казны.
При помощи моря торг море находит,
Ведь море за море возможно купить.
Каждая молва, что раздавалась ло свету,
Была одобрена миром из-за достоинства.
Когда же веса нет у достоинства,
Где тут громкости быть у молвы.
В этой мысли, что цвет отняла у розы,
Есть для мудрости тайны ответ.
Если б не так, я отдал бы жемчуг на разграбление.

А вора, [крадущего] пояса, сумел бы отличить от раздающего
венцы.
Не оттого я сказал много слов,
Прочитал этот стих бедноты,
Что мир со мной поступает жестоко,
Что выучный мой конь идет налегке².
Нет, мой стол не лишен свежей зелени,
А мои вопли от недомогания тела.
Коль круг твоего организма не бывает исправлен,
Как не ослабнуть перу [чертить] круг?
Если ворон бывает телом здоров,
Все его зерна — ростский инжир³.
Но, хотя и стали годы для меня стары,
Юности блеск с моих речей не сошел,
Мой старый кипарис все еще свежесть имеет,
Резво бежит также мой серо-серебряный конь.
За пятьдесят бейтов еще мне по-прежнему
Сотню⁴ кладет на весы благодарный.
Все еще время мне силою счастья
Жемчуг полами дарит и штуками шелк,
Однако имею я гордую мысль
Петлю расправить для ловли львов,
Словно лев, я повергну добычу, а сам откажусь,
Грудь съест лиса, а я выпью [лишь] крови.
Коль грудинку из котла кошка стащила,
Что проку, если старуха будет бить себя в грудь.
Мир ведет такую бесчестную игру,
Небосвод так фальшиво бросает [кости],
Мера лет моих дошла до шестидесяти,
[Но] не убавилась мера всего вдохновения.
Я все тот же, каким был в десять лет,
Все тот же див со мною торгуется.
Прошлое так миновало, словно ветер в степи,
Скоро уйдет и уставший.
Долгота и краткость лет и месяцев
Имеет значенье веревки, ведра и колодца.
Когда ведро из колодца не поднимает воды,
Все равно, коротка ли веревка иль долга.
Я это сказал и ушел, а повесть осталась.
Шутя не надобно эту повесть читать.
Лучше, если внемлющий поскорбит о себе.
Ведь и он минует это становище.

Пусть не говорит: «Как он со света ушел»,
Спутниками пусть он поможет себе.
Однажды и я в свою пору
Вспоминал рассказы о прежней поре.
В сердце мое скорбь по ушедшим вселилась,
Два глаза моих лить слезы заставила.
Ночь пришла. Один из тех погрузившихся в воду⁵
Так сказал мне во время сна:
«По нас скорбеть можно при том [лишь] услови,
Что ты не окажешься с этими спутниками,
[Но] поскольку [ты] с караваном в сем переходе,
Тебе надобно свое дело устроить».
С той ночи я приготовления сделал к походу,
Сердце очистил от суетных дел,
Ведь защищен муж с бдительным разумом
От ярости этого ветра, лампаду гасящего.
Лучше, если б мой мех упал в хум с вином:
Я кровью, словно вином, покрасил бы платье.
Если я не имею жаркого из седла онагра,
То и мучений могилы утробы не знаю⁶.
И если нет предо [мною] прекрасного взвара,
Я своей пищей сделаю выжатый мозг.
И если высохло масло в стакане,
Я, словно светоч, умру от отсутствия масла.
Когда мое тело хлеба лишится [величиной] с барабан,
Я, словно барабан, не разорвусь от вкушенья ударов,
Если шествие месяцев и лет меня разобьет,
С меня довольно целебной мази — счастья шаха.
О боже, ты сему узлу некоей нити,
Богатому саду, талантом возделанному,
При отсутствии друга на свете помощь подай,
Ночью и днем его от зла сохрани.
Окончилось это сказанье придворное
При добром знаменни и [под] счастливой звездой.
Да будет счастливым знаменни, как имя его царя⁷,
И этим сказаньем царь да будет прославлен.
Была не сверлена жемчужина, я не просверлил,
Я ее рассказал при счастливейшем предсказании.
Оттого, что узор для счастливых был писан⁸,
Не удивительно, что появился Мугбил.
Когда государь прочитает это посланье,
Пусть мудрость помощником будет ему, а знание другом,

И это сказанье пусть от него вознесется,
А он же пусть пользу от сего сказанья получит.
Да будет Низами благодаря нему превознесен,
От подобных стихов пусть расцветает его слава.
Да будет он счастлив, как его имя,
От начала его и до окончания его!
Да здравствует он, [пусть] сердце его веселится,
Злой глаз подозрительных [да будет] далек от него!
Мир да будет покорен ему, времена [для] него по желанию,
Небо слугой, а судьба рабыней его!

КОММЕНТАРИИ

ШАРАФ-НАМЕ

Начало книги

1 Под «жемчужиной» разумеется слово, «продавец жемчуга» — язык человека.

2 Т. е. обычное восприятие не может познать узкий путь, ведущий к познанию сущности, приблизившись, путник бывает сражен, как всякий, кто пытается проникнуть за запретную завесу.

3 Поверье гласит, что к пасти змея, пожиравшего животное и обогрившего кровью, прилипают мураши, змей, чтобы избавиться от них, бьется головой о землю, пока не погибнет.

4 Немрод — мифический тиран, притязавший на причастность к божеству. По велению богу, мошка через нос проникла ему в мозг, отчего он погиб.

5 Намек на известное событие, произошедшее в год рождения пророка Мухаммеда (570/71 гг. н. э.). Войска абиссинского царя Абрахи осаждали Мекку, чтобы разрушить Каабу, но бог послал на них птиц абабиль. Эти маленькие птички имели в клювах камешки, которые бросали вниз. Когда на неверного попадал камешек, тот покрывался нарывами и умирал. Это вызвало в войске врагов смятение и принудило их отступить. В войсках абиссинцев были слоны, которых арабы увидели впервые, поэтому год был назван «годом слона», а абиссинцы — «обладателями слонов».

6 Т. е. Ибрагима — Друга Аллаха (Авраама), который, по Корану отрекся от идолопоклонничества, бывшего религией его отца. Другой вариант дает чтение Джунейда, известного аскета-мыслителя (ум. 911/2).

7 Жемчужина — пророк Мухаммед или двоюродный брат его Али, четвертый халиф. Абу-Талиб — дядя пророка, после смерти отца и деда пророка взявший на себя заботы об осиротевшем юноше. Автор хочет сказать, что величие Мухаммеда не избавило от нищеты его отца.

8 Т. е. клад не освещают, а прячут в темном месте, так же яркое пламя красноречия не может осветить тайны твоей сущности.

9 Т. е. если я грешен, то это естественно, ибо тело не может не грешить.

10 Букв.: зашить (или пронзить) глаза диву.

11 Т. е. признавая себя существующим, я свое существо, которое лишь часть тебя, считать реальностью уже не могу.

12 Букв.: ты ломаешь, и ты же накладываешь мумию (мумие).

2. Молитвы

- 1 «С темным лицом» — означает быть грешным, опозоренным.
- 2 Четыре правоверных халифа: Абу-Бекр (632—643), Омар (634—644), Осман (644—656) и Али (656—661).
- 3 Имеется в виду мост Сират, как лезвие меча, по которому должны пройти люди после воскресения, дабы попасть в рай.
- 4 Т. е. пророка Мухаммеда.

3. Прославление пророка

- 1 Т. е. грешный и праведный, или все, что существует.
- 2 Судный день.
- 3 Придворным цветом Аббасидов был черный.
- 4 По преданию, тело пророка видел только один из его последователей.
- 5 Т. е. пять призывов к молитве. Почетная музыка — музыка, несколько раз в день исполняемая перед шатром царей; четыре шатра — четыре элемента: земля, вода, воздух, огонь.
- 6 По преданию, пророк рассек месяц пополам; предание это возникло из неправильного понимания слов Корана.
- 7 По преданию, пророк был приглашен на пирушку к бедным людям; угощать гостей было нечем, но чудотворной силой появились яства, и гости были накормлены досыта.
- 8 По преданию, некий человек явился к пророку, зажав в кулаке камни, и сказал: «Я уверую в тебя, если ты скажешь, что у меня в руке». — «А если то, что у тебя в руке, само даст свидетельство о себе?» — «Тоже уверую». Тогда камни в руках того человека провозгласили мусульманскую вероисповедную формулу: «Нет божества, кроме Аллаха, а Мухаммед — пророк его».

4. О вознесении пророка

- 1 Т. е. семи планет.
- 2 Т. е. звездами.
- 3 Имеется в виду Ризван — ангел, сторожащий врата рая.
- 4 От Мекки.
- 5 Элементов.
- 6 Мистическое животное, на котором Мухаммед поднялся на небо.
- 7 Сухейль — звезда Каноп. Т. е. Бурак по блеску сравнивается со звездой, а зенит арабов — Мекка.
- 8 Йеменская кожа (сафьян) — знаменитый продукт, вывозимый из Южной Аравии. Здесь намек на святого Увейса Карани, родом из Йемена, который уверовал в пророка, услышав рассказ о его восхождении.
- 9 Зубы газели сидят тесно и ровно, как жемчуга в ожерелье.
- 10 Т. е. главу мира — Мухаммеда.
- 11 Ночной самоцвет — светящийся ночью драгоценный камень, при свете которого якобы пасутся таинственные «морские кони».
- 12 Хуталь — местность в Иране, славящаяся лошадыми.
- 13 Т. е. земли: букв.: ханаки.

- 14 Т. е. к небу.
- 15 Т. е. покорилось ему. Хырка — власяница, которую духовный ученик получает от старца. Новую хырку. т. е. заблестело в новых красках.
- 16 Т. е. звезд.
- 17 Меркурии — планете писцов; пророк был неграмотен.
- 18 Венере.
- 19 Марсу.
- 20 Юпитеру.
- 21 Сатурну.
- 22 Телесные привязанности.
- 23 Рафраф, по одним вариантам, — имя ангела, по другим, — таинственная завеса, окутывающая божий престол.
- 24 Лотос крайнего предела — мистическое древо, дальше которого не могут приблизиться к богу даже ангелы.
- 25 Игра слов: заг — ворон, ма-заг — не меркнет. Т. е. не говори о том, что там могли быть вороны стражей, там была печать изречения: «Не померк его взор и не отшатнулся». Это цитата из повествования о мирадже Мухаммеда.
- 26 Предание рассказывает, что весь этот длительный полет совершился так быстро, что ложе Мухаммеда не успело остыть, а из опрокинувшегося кувшина не успело вытечь ни одной капли воды.
- 27 Религии.
- 28 Четыре правоверных халифа.

5. О причинах сочинения этой книги.

- 1 Она была так прекрасна, словно ее даровали в ответ на считавшиеся наиболее доходчивыми предрассветные молитвы.
- 2 Намек на обычай волхования (колдовства), когда восковое изображение врага кладут в огонь и враг от этого лишается сна.
- 3 Харут и Марут — имена двух ангелов, посланных в Вавилон, где, как считалось, было много кудесников. Зухре — женщина, влюбившись в которую они согрешили, за что были ввергнуты в колодец. Зухре вознеслась в небо и ее именем стала называться планета Венера. Она славится игрой на органе и пением.
- 4 Так как месяц заимствует свет от солнца, автор называет пятна на месяце клеймом солнца.

6. Рассказ

- 1 Магриб — Северная Африка, чеканившееся там золото считалось наилучшей пробы.
- 2 Диван — приказ, канцелярия. Тонкое суждение относительно придворных поэтов, не приносящих пользы простым людям.

7. О своем положении

- 1 Т. е. душа отлетела от тела.
- 2 Игра, в которой всадники клюшками отбивают друг у друга шар (чуй).
- 3 Намек на седины.

- 4 Т. е. лысина.
- 5 Т. е. семь планет или семь небосводов.
- 6 Имеются в виду игральные кости.
- 7 Здесь подразумевается мир земной.

8. О преимуществах этой книги перед другими книгами

- 1 Четыре толка: сунниты, ханифиты, маликиты и ханболиты.
- 2 Т. е. прояви умеренность в речах.
- 3 Дурбаш — раздвоенное копье царских телохранителей.
- 4 Камешек, по поверью, содержащийся в голове змеи и исцеляющий от зменного укуса.
- 5 Бирджис — дом Юпитера (Стрелец), дом Венеры — Весы.
- 6 Здесь смех.
- 7 Здесь слезы.
- 8 Мифическая птица феникс. По преданию, тот, на кого пала ее тень, становится царем.
- 9 Мифический царь птиц.
- 10 Мандаль — магический круг, который чертили при вызывании духов.
- 11 Символ могущества, ибо цари сидят на четырех подушках, в то же время намек на четыре элемента.
- 12 Стены дома штукатурили смесью глины с саманом. Здесь саман означает побледневшее лицо поэта.
- 13 Жена Гарун ар-Рашида, славящаяся своей сообразительностью.
- 14 Т. е. этой поэмы.

9. Рассказ об обучении Низами Хызром

- 1 Хызр — таинственный пророк в зеленой одежде, приходящий на помощь заблудившимся. В конце поэмы Низами рассказывает предание об обретении Хызром бессмертия.
- 2 Имеются в виду рыба и корова, на которых покоится земля. Серебро, очевидно, чешуя этой рыбы.
- 3 Поэт хочет сказать, что во всех странах Переднего Востока, кроме Ирака, царят война и нищета.

10. Восхваление падишаха Нусрат ад-Дина

- 1 Намек на прозвище Нусрат ад-Дина — Пиш-кин, т. е. обладающий большой ненавистью.
- 2 Три раза в день у дворца играет музыка, пять раз возглашается молитва.
- 3 Начальника крепости.
- 4 Дерево, растущее в райском саду.
- 5 Кей — титул мифических царей древнего Ирана Кеянидов.
- 6 Диремнэ, дермене — полынь (*Artemisia* L.).
- 7 Цветок хейри — желтофиоль, или лакфиоль (*Cheiranthus Cheiri*).
- 8 Индийского города.

9 Т. е. покорные и рабы.

10 Имя Нусрат ад-Дина содержит согласных букв (исрдт) столько же, сколько в именах Абу-Бекр (Абу-Бкр) и Пиш-кине.

11. Обращение с целованием праха

1 Самые могучие цари Ирана: Джемшид, Кей-Хосров, Ардашир и Ануширван. Можно перевести и так «Ты, несомненно, правитель пятого земного пояса».

2 Судаб — дикорастущий травянистый полукустарник, рута. Семена руты сжигают в качестве благовоний. В Азербайджане, на родине Низами, рута считается действенным средством от глаза.

3 Последние три бейта в критическом тексте 1947 г., составленном А. А. Ализаде и отредактированным самим Е. Э. Бертельсом (Баку, Изд-во АН Азерб. ССР), отнесены к числу интерполированных (*прим. ред.*).

12. Краткое изложение всего рассказа

1 Райского источника. Здесь на берегах Гянджачая.

2 Мани — основатель секты манихеев, по преданию, искусный художник, Артанг, или Аржанг — его священная книга, или храм, богато украшенный фресками.

3 Т. е. древнегреческого. В оригинальном тексте йунани. Ионийцы (йунанийан) — древнегреческое племя, населявшее Аттику и острова Самос, Никос и др. За две тысячи лет до Низами ионийцы обосновались и на берегах Черного и Мраморного морей. Для удобства далее в настоящем издании ионийцы и ионийский язык переданы как греки и греческий язык (*прим. ред.*).

4 Искендеру приписывается изобретение зеркала, которое ранее изготовляли из темного железа.

5 Зинджи, зангбар — в произведениях Низами жители Черной Африки и название (собирательное) их страны, дальше Е. Э. Бертельс зангбар не без основания переводит как занзибар (*прим. ред.*).

6 Т. е. в нем можно было увидеть свое желание.

7 Игра слов: слово Дербенд состоит из двух: дар — врата, банд — запоры.

8 О происхождении слова болгар Низами расскажет в конце «Шараф-наме».

9 Имеется в виду Китайская стена, за которой, по преданию, обитали мифические яджудж и маджудж, т. е. гог и магог Ветхого Завета.

10 Арабские географы делили землю на четыре части, из которых, по их мнению, обитаемой была лишь одна.

13. Обращение к слушателям с призывом обратить внимание на рассказ

1 Во время свадьбы жениха и невесту осыпают деньгами и сладостями.

2 Т. е. посланник Мухаммед. Вторая строка перевод знаменитого изречения хадиса.

14. Начало рассказа и изложение истины о рождении Искендера

1 В издании 1940 г. этот бейт был пропущен (*прим. ред.*).

2 Имеется в виду автор «Шах-наме» — Фирдоуси, который, по мнению Низами, был приверженцем старых иранских традиций.

3 Т. е. сам Низами.

4 Т. е. астрология.

5 Смысл четырех стихов опирается на положения восточной астрологии, которая для каждой планеты отводит два дома, затем дом подъема и дом падения. В своем доме и в подъеме планеты несут успех и удачу. В описанном гороскопе все планеты находятся либо в собственном доме, либо в подъеме и, следовательно, они предвещают величайший успех.

15. Обучение Искендера

1 Кубки во времена Низами делались и в форме лады.

2 Иными словами: если не пожалеешь, то можно топить дом и дверями.

3 Дихканами в домусульманский период называли крупнопоместных землевладельцев и хранителей древних традиций.

4 Т. е. Никомах, древнегреческий философ.

5 Таблицы такого рода — это гадание, в котором, пользуясь цифровыми значениями букв арабского алфавита, вычисляют цифровые значения имен соперников, а затем по таблице определяют, кто должен получить перевес.

6 Шесть сторон — север, юг, восток, запад, верх и низ, четыре корня — вода, воздух, огонь, земля.

16. Искендер садится на трон отца

1 Имеется в виду Фирдоуси и его критическое отношение к Дакики.

2 Т. е. на его молодом лице появился пушок.

3 Т. е. его линии были так хороши, что черные линии абиссинского списка распались.

4 Т. е. царей.

17. Египтяне приносят Искендеру жалобу на насилие зинджей

1 Трудно уточнить смысл стиха; другое значение — меланхолией заболели.

2 Обитающих в пустыне демонов.

3 Край заходящего солнца.

4 Здесь ночь.

18. Искендер сражается с зинджами

1 Похожее на румийцев вино — белое и розовое вино.

2 Т. е. судьба.

3 Т. е. коварным.

- 4 Ман — мера веса.
 5 Т. е. настал день.
 6 Речь идет о ночи; подкову клали в огонь, чтобы приворожить к себе.
 7 Т. е. отказались от игры в кости.
 8 По преданию, если дождевая капля в весеннем месяце неясан попадет в жемчужную раковину в момент удара грома, вместо жемчужины образуется яшма.
 9 Игра слов на созвучии имени слову тутиан — попугай.
 10 Т. е. когда сделают лук из рогов оленя и тетиву из ослиной кожи, стрела пронзит такую малую мишень, как голова муравья, насаженная на муравьиную ногу.
 11 Т. е. не помедлил ни мига.
 12 Смех ночи — рассвет.
 13 Сатурн.
 14 Сравнение с ремнем, которым бьют по барабану.
 15 Под батлатом подразумеваются воины.
 16 Ахриман — в зороастрийской религии злой дух, противостоящий Ахурамазде.
 17 Т. е. из-под мягкого шелка показалась грубая материя.
 18 Т. е. когда солнце распространило свои лучи.
 19 Речь идет о звездах.
 20 Ночью, по преданию, злые духи боятся петушиного крика.
 21 Взято из шахматной игры.
 22 По преданиям, змеи охраняют клады.
 23 Тамчач и Чач (древнее название Ташкента) — города в Туркестане, славящиеся своими красавицами.
 24 Игра слов: зенг — ржавчина, зенги — чернокожий.
 25 Т. е. выкрасит его в синий цвет, считавшийся на Востоке траурным.
 26 Кольцо в ушах — знак рабства.
 27 Т. е. свой меч.
 28 Вновь игра слов: ржавый — зенгар, зенг(и) — чернокожий.
 29 Речь идет о небе, где появились созвездие змеи и звезды.
 30 На рыбе покоится земля; обычный оборот, означающий «весь мир». Кроме того, здесь игра слов: рыба — махи, луна — мах.
 31 Т. е. заставляли литься из них кровь.
 32 «Проточная вода» — здесь небо; т. е. пыль поднялась выше неба.
 33 Речь идет об особом плотном шелке, который трудно было пробить.
 34 Ариш — здесь мера длины в локоть.
 35 Т. е. круг сомкнулся вокруг Пеленгера и копьё, как циркуль, должно попасть в самую точку.

19. Возвращение Искендера после войны с зинджами

- 1 Т. е. поэма Низами.
 2 Ангел доброй вести в зороастрийском пантеоне. В «Авесте» — Сраоша
 3 Букв. Плеяды, ибо их называли также и гав (выючный вол).
 4 Т. е. Египет.

- 5 Т. е. Александрия.
 6 Харвар — букв.: ослиный выюк, т. е. мера веса.
 7 В то время венец из-за его тяжести укреплялся над тронном на цепях.

20. Искендер обдумывает, какой силой обладает Дарий и получает предсказание победы

- 1 Т. е. это сокровище слова.
 2 Т. е. зороастрийских жрецов.
 3 Черное — царство зинджей, белое — Иран.
 4 Или: такой пегий конь.
 5 Т. е. он погибнет.
 6 Т. е. он будет побежден.
 7 Т. е. бесполезное богатство.
 8 Имеется в виду таблица из букв разного цвета (черные, красные и зеленые), по которой, зная имена соперников и числовые значения их букв, якобы можно высчитать победителя.

22. Дарий требует от Искендера дань. Ответ Искендера

- 1 Легендарный богач (библейский Корей), который в наказание за скупость был поглощен землей.
 2 Шеддад — по легенде южноарабский властитель, построивший себе сад Ирема, аналог райского сада на земле, и населивший его прекрасными юношами и девушками. Когда сад был готов, Шеддад внезапно умер, не побывав в нем.
 3 Т. е. указывал, что это примета счастья и победы.
 4 Название весеннего месяца.
 5 Т. е. меч. Египетские мечи славятся на Востоке. Смысл стиха: Я — воин, ты — меняла.
 6 Гора, по мусульманским воззрениям, окружавшая землю.

23. Искендер готовит войско для войны с Дарием

- 1 Т. е. подчинились приказу.
 2 Мифический царь древнего Ирана, победитель Заххака.
 3 Сиавуш — герой мифологической части «Шах-наме», трагически погибший в Туране. Месть за него послужила причиной дальнейшей войны между Ираном и Тураном.
 4 Т. е. поглощенную ею кровь невинных жертв.

24. Дарий со своими вельможами обдумывает план действия против Искендера

- 1 Героя иранских сказаний.
 2 Игра слов: величие — фарр; мощь — бурз.
 3 Сухой язык — т. е. молчание, влажное горло перерезанное и обжаренное кровью.

25. Дарий пишет Искендеру письмо с угрозами и упреками

1 Авеста — священная книга зороастрийцев. Зенд — поздние комментарии к ней.

26. Ответное письмо Искендера Дарию

1 Месяцем Низами называет Джамшида, эпитет которого в «Авесте» — светлый.

2 Камень — твердость, спокойствие; вода — честь и слава. «Если ты охранишь мою честь, все будет по старому».

27. Бой Дария с Искендером при Мосуле

1 В этих строках речь идет о восходе солнца (китайский царь и золотой динар), исчезновении звезд (жемчуга) и конце ночи.

2 Обычай бросать железные шипы под ноги вражеской конницы был известен в средние века и в Европе.

3 Т. е. меч в ножнах.

4 Т. е. войска.

5 Описание наступления ночи. Зиндж — ночь, драгоценные камни — звезды, китайский царь — солнце.

6 Апельсин — эпитет солнца.

28. Победа Искендера над Дарием и смерть Дария

1 Т. е. лиши меня сознания.

2 Или: обжорой.

3 Букв.: превратилось в сладкую лепешку (солнце).

4 Т. е. себя самого.

5 Т. е. тех, кому он не доверял, он поставил слева.

6 Т. е. солнца.

7 Т. е. удались от меня.

8 Т. е. всем он дал лучшую усладу, а нам же пообещал, ибо лед растает и запись исчезнет.

9 Игра слов: роушен означает блистающий, сияющий.

10 Керх (Карх) — предместье Багдада.

11 В ту землю, из которой он вышел.

12 Небо и семь планет. Можно понять как: на семиглазой мельнице.

13 Непереводимая игра слов: мардом — люди. Переставив не- обозначенные в арабском письме гласные, можно читать мордам, т. е. я умер — восклицание отчаяния и горя.

14 Изображение, отраженное в зрачке человека, если в него взглянуть.

15 Т. е. у неба.

29. Искендер заключает договор с вельможами Ирана

1 В азербайджанской поэзии, как во всей ближневосточной, различают два утра: утро лживое (казиб), первые сумерки и утро истинное (садик), т. е. полный рассвет.

2 Здесь Искендер.

3 По представлениям старой восточной медицины, шафран вызывает смех, радость.

4 Советовавшего Дарию не начинать войны. Искендер обращается с ним с почетом.

5 Мифического лучника, стрелявшего на огромное расстояние.

6 Джамшид, состарившись, был побежден Заххаком, а самого Заххака, когда он состарился, одолел Фериду.

7 Т. е. скрыл тайну.

8 Считалось, что, молясь об удаче, нужно надеть рубашку на выворот. Здесь с рубашкой сравнивается путь в жизни, ведущий к гибели.

9 Под сводом подразумевается небо.

10 Т. е. при удаче и неудаче.

30. Искендер разрушает капище огня

1 Дым горящей с треском руты, по азербайджанскому народному поверью, отгоняет злых духов.

2 Саде — 10-е число месяца бахман, в этот день, празднуемый огнепоклонниками, зажигались огни.

3 Т. е. на пехлевийском (среднеперсидском) языке, на котором составлены комментарии к «Авесте».

4 Зердушт (Заратутра, Зороастр) — основатель древней религии Ирана, ему приписывают авторство «Авесты».

5 Ханифитской в поэтических текстах нередко именуют религию Ибрагима (Авраама), признававшую единобожие.

6 Т. е. Фирдоуси.

7 Т. е. Ибрагима.

8 Азербайджана.

9 Самогорящий.

10 Эрпат, харбед — степени зороастрийского духовенства.

11 В тексте каруре — сосуды с пылающей нефтью, из которых в бою обливали противника.

12 Известный философ Аполлон Тианский.

13 Т. е. понял, что стекло идет к алмазу, который разрежет его.

14 Зухаль — Сатурн; эта планета, по представлениям астрологов, связана с черным цветом.

15 Этот бейт восстановлен по критическому тексту 1947 г. (прим. ред.).

31. Искендер прибывает в Исфаган и сватается за Роушенек

1 Зимний месяц старого календаря: декабрь—январь.

2 Т. е. заменил синий траурный цвет красным — цветом радости.

3 Т. е., получив убранство, дочь Дария уже не будет отказываться от радости.

4. Смысл строки: неблагородный из мира бесследно исчезнет.

5 Т. е. владелец верблюда и погонщик осла равны по общественному положению.

6 При разжигании благовоний из алоэ для лучшего горения его смешивали с сахаром.

7 Хузан — деревня к сев.-зап. от Исфагана. Зинде-руд (Заенде-руд) — река. Лаб значит и губы, и берег.

8 Мамешан-руд — река. Смысл бейта: Столько лилось вина, что и река наполнилась.

9 Речь идет о Роушенек, косы которой сравниваются с арканом.

10 Из россыпей Бусхака (Бу-Исхака) под Нишапуром добывалась лучшая бирюза. Яхонт — красный цвет, который вечерняя заря сменила на бирюзу. Смысл бейта: взгляни (как тонко сказано, ибо эти строки, хотя как будто бы говорят о наступлении ночи, на самом деле описывают брачную ночь Искандера.

11 Под садом подразумевается Роушенек; та, что украсила его — ее мать.

12 Т. е. его голова будет отрезана и подвешена к поясу.

13 Смысл такой: усмешка следовала за усмешкой.

14 Хотан — область в Китайском Туркестане. Страна белолыдых тюрок покоряла страну темнолицых, т. е. занималась рассвет.

32. Восшествие на престол Искандера в столице Истахре

1 Столицу Ахеменидского Ирана.

33. Искандер посылает Аристотеля с Роушенек в Рум

1 Т. е. в смерти.

2 Т. е. ту часть, которую дал тебе в удел бог.

3 Аджамом в арабских источниках назывались все неарабские земли, находившиеся под властью Сасанидов. Здесь подразумевается Иран.

4 Нога чужого человека на иранской земле будет непостоянна, как нога хищного зверя.

5 Т. е. забрезжил рассвет на краю неба.

6 Черный ворон — ночь; золотое яйцо — солище.

7 Т. е. у Искандера родился сын.

34. Поход Искандера на запад и посещение Каабы

1 Т. е. не растеряться, не предаваться скорби.

2 Речь идет о гадании по песку, популярном в странах Ближнего Востока.

3 Низами намекает на свой источник, откуда брал эти сведения.

4 Т. е. смирились перед ними.

5 По мусульманским представлениям, место Каабы — пуп мира. Мускус олицетворяет удачу и счастье.

556

6 Ритуальное хождение вокруг Каабы.

7 Игра слов: Шам — ночь, одновременно и название Сирии.

Смысл бейта: Почему Армения не так счастлива как Сирия?

8 Ад — народ, упоминаемый в Коране. За неподчинение поведям пророков был уничтожен.

9 Игра слов: Дувал имя абхазского правителя, одновременно означает ремень.

35. Предание о Нушабе в Бердаа.

1 Месяц июль.

2 Т. е. «белый сад», по-видимому, название конкретного сада.

3 Низами сравнивает растительность с вышивкой на рукаве и утверждает, что процветание страны зависит не от обилия посевных семян, а от правосудия правителей.

4 В тексте гоухар, что одновременно означает и жемчуг. Другими словами, жемчуг чище моря, из которого он добывается.

5 Шебдиз — знаменитый черный конь Хосрова Первиза — героя второй поэмы Низами. Ночь сравнивается с этим конем.

6 Т. е. путь к ней, непроходимый, как железные ворота, закрыла золототканными коврами.

7 Т. е. предложила сесть рядом на трон.

8 Эта строка в издании 1940 г. была пропущена (прим. ред.).

9 Т. е. не старайся вновь закрыть то, что уже открыто.

10 Не делай того, что невозможно.

11 Как короля в шахматах.

12 Ему терять нечего, а выиграть он может, ибо будет бороться из последних сил.

13 Всякий играющий стремится удалить одного из двух королей.

14 Парде — лад, это же слово означает завеса.

15 Т. е. тело и так связано, зачем же еще связывать сердце горькими мыслями.

16 Масус — кушанье, приготовленное из голубинового мяса, яиц, миндаля и фисташек. Ричар — всякого рода маринады, а также сырые кислые фрукты.

17 Бродящий напиток, вроде пива.

18 Т. е. жизненном пути, пройти который трудно, как прорубить путь в скале.

19 Т. е. целовала землю яхонтовыми губами.

20 Шар — здесь солнце, светоч — луна. Похитить шар (или мяч в игре чоуган) означает обыграть, победить.

21 Т. е. закрыл веки.

22 Золотой апельсин — солнце, зеленоватый померанец — небо, которому голову разбили, потекла кровь, т. е. красные лучи рассвета.

23 Т. е. солнце.

24 Сырая кровь — вино, благодаря которому сладятся наши дела.

25 Т. е. лица наши.

26 Волосы мыли особой глиной. Т. е. питаем землю вином, и она станет ароматной глиной.

27 Класть в огонь подкову — колдовство, с помощью которого привораживали сердце.

28 Т. е. появился рассвет.

29 Древний праздник, справлявшийся осенью в дни сбора винограда.

30 Т. е. на ясном, как день, лице вызвали румянец цвета красной яшмы.

36. Пир Искендера с Нушабе

1 Ноуруз — день нового года, который падает на весеннее равноденствие 21 марта.

2 Т. е. шатер Искендера.

3 Т. е. льдинки.

4 Газели замерзали в воде, и их гибель вызывала сожаление даже у воды.

5 Намек на непорочное зачатие деиы Марии.

6 Т. е. были засыпаны белым снегом, как молоком.

7 Холодный ветер заставил смолкнуть соловьев.

8 Образ должен показать, как черный цвет угля вытесняется красным. Символом черного в поэзии XII в. обычно служила страна хабашей, т. е. темнолицых жителей Эфиопии. Красный же цвет Низами особенно охотно связывает с русами, почти всюду, где он их упоминает.

9 Под Индией поэт подразумевает черный уголь. Индийские заклинатели шептали над ячменем, а потом сыпали его на людей, тем заколдовывая.

10 Речь идет о горении древесины: пурпурный аргаван — горящие угли, фиалки — пепел.

11 Табархун — ива пурпурная, речь идет о менструальном периоде, в котором находится индийская женщина. Сравнение фривольное.

12 Славяне всюду у Низами ассоциируются с красным цветом, Китай — жаровня, буртас — огненно-рыжие шапки из лисьей шкуры, соболь — черные шкуры. Смысл бейта: возгоревшийся на жаровне огонь, постепенно затух и покрасневшие головешки превратились в черные угли.

13 Билал — муэдзин пророка Мухаммеда, происходил из хабашей. С Билалем сравнивается почерневшее огниво, призыв его — звон от удара железом по кремню.

14 Каламы — тростниковые перья, с которыми сравниваются языки пламени. Мускусные каламы в его пальцах — черные уголья.

15 Дживанмард, торгующий аласом, — огонь, который тлел под пеплом.

16 Благовония распространял древесный уголь, а не травы.

17 Обязанностями хербада был уход за огнем в капищах.

18 Единственная музыка нищего зимой — треск горящих дров во дворе соседа, который готовит обед.

19 Т. е. жарясь на огне, потрескивала.

20 Шекер-буре — сладкие пирожки с миндалем, их шопот — хруст на зубах.

21 В прежнем издании бейт был пропущен (*прим. ред.*).

22 Этот бейт в прежнем издании отсутствует (*прим. ред.*).

23 Ноубехар — буддийский храм, славившийся живописью. Слово санскритского происхождения Вихара — храм, отсюда и название г. Бухара.

37. Искендер отправляется в гору Альбурз

1 В прежнем издании традиционные вступления (обращения к правителю и собственному вдохновителю), отсутствовали. Здесь они взяты в треугольные скобки (*прим. ред.*).

2 Каспийское море.

3 Т. е. земной шар.

4 Т. е. извлекли золото, зарытое в землю.

38. Искендер завоевывает Дербендский замок при помощи молитвы отшельника

1 Т. е. вином.

2 Служащий людям добудет себе кольчугу доброго имени.

3 Продавцы завертывали мускус в мешочки из черного шелка.

4 Имеется в виду боевое оружие.

5 Т. е. выразили непокорство.

6 Орехи скатятся с купола; т. е. заниматься делом.

7 Т. е. когда солнце село. Чтобы нанести сурьму на ресницы, пользовались иглой — миль, на которую набирали порошок.

8 По сиянию чела признал, что перед ним миродержец.

9 Твоя машина по сравнению с замком лишь пылинка по сравнению с солнцем, не ей разбить замок.

39. Искендер едет в замок Сарир

1 Здесь от Солнца.

2 Т. е. на коне.

3 Эта чаша отражала, что было и что будет. Но так как Искендер — владыка судеб всего мира, то будущее мира заключено в его руке, как зеркало, отражающее все судьбы. Здесь руки Искендера сравниваются с его зеркалом.

4 Испробовали его сахарными устами.

5 Т. е. угодился ему.

40. Искендер идет в пещеру Кей-Хосрова

1 Т. е. подумать о добрых делах.

2 Двери сада щедрости.

3 Друг пещеры — эпитет халифа Абу-Бекра. Здесь прилагается к Кей-Хосрову.

4 Т. е. свое тело. Мистическое исчезновение Кей-Хосрова получает вполне вразумительное объяснение. По-видимому, версия Низами имеет связь с известной легендой о греческом философе Эмпедокле, якобы бросившемся в Этну.

- 5 Зеленый блистающий павлин — небо со звездами, Хума — солнце, белая кость — его свет. Речь идет о закате солнца.
6 Восход солнца на синем небе.
7 Этот бейт в прежнем издании был пропущен (*прим. ред.*).

41. Искендер идет в Рей и Хорасан

- 1 Т. е. подстрекают на бой, указывая на наше огорчение.
2 По поверью, если удар нанесен изготовленным из волчьей кости острием, рана не заживает.
3 Соответствует русской поговорке: вор у вора дубинку украл. Т. е. Искендер захватил престол Ирана, а другой хочет отобрать этот престол у него.
4 У дичи было много пропитания и бегать с места на место ей не было нужно.
5 Нейсан — весенний месяц, по сирийскому календарю.
6 Сок ягод тута употребляют при изготовлении халвы, а листья идут на кормление шелковичного червя.
7 Хальхаль — название города, одновременно означает золотое кольцо, надеваемое женщинами на ноги.
8 Возвешение о наступлении Страшного суда.
9 Эти строки в прежнем издании были пропущены (*прим. ред.*).

42. Искендер идет в Индию

- 1 Красная сера, по представлениям алхимиков, необходима при изготовлении философского камня.
2 Т. е. я отрублю ему голову.
3 Это имя в европейских источниках известно как Пор.
4 Тараз — город на территории нынешнего Казахстана, славившийся своими красавицами.
5 Т. е. он спит только на неприступных горных кручах.
6 Т. е. тогда чего мне печалиться.
7 Камфора — бумага, амбра — чернила.

43. Письмо Искендера приходит к индийцу Кейду

- 1 Китайские красавицы высоко ценились на Востоке, поэтому индийская царевна сравнивается с китайкой.
2 По представлениям тех времен, мускус образовывался у газелей от того, что они питались дикой гвоздикой.
3 Т. е. лицо ее окружали локоны цвета гиацинта. Игра слов: сумбуле — знак Девы, сумбуль — гиацинт.
4 Т. е. белого.
5 Низами дважды подчеркивает, что его герой своим происхождением восходит к роду Исхака.
6 Целебное средство для глаз.
7 Т. е. зерно ореха или миндаля без шелухи; палуде — кушанне вроде желе.

44. Поход Искендера из Индии в Китай

- 1 Аргаган — иудино дерево, т. е. лицо из бледного стало розовым.
2 Т. е. никто не проливает там их кровь.
3 Т. е. барабанный бой лишь ветер не более.
4 Т. е. олень, сраженный Искендером, становился целебным.
5 Т. е. когда солнце закатилось.
6 Луна.
7 Здесь звезды.
8 Солнце вновь взошло. Халлух — город в Китайском Туркестане, символ белизны, лучезарности. Женщины этих мест — уйгурки отличаются бледным лицом.
9 Ягме — область в Китайском Туркестане.
10 Фагфур из Багапутра — сын бога. Титул, который прилагался на Переднем Востоке к правителям Китая. Русский фарфор отсюда же.
11 Движущая гора — слон или конь царя.
12 Т. е. свой стан.
13 Т. е. плетью из львиной кожи.
14 Т. е. дает место многим приглашенным на пир или совет.
15 Т. е. сочетал ученость с красноречием.

45. Письмо Искендера китайскому хакану

- 1 Т. е. решил сгореть в курильнице, как курения.
2 Возможен и такой перевод: властелин шестидесяти эмиров.

46. Хакан обдумывает ответ Искендеру

- 1 Т. е. в мир иной.
2 Тамуз — летний месяц; т. е. лето несло то, что подобает ему.
3 Т. е. чем разглядить эту складку (Искендера). Игра слов: чин — складка, Чин — Китай.
4 Т. е. небо — судьба для людей готовит не только радости, но и печали.

48. Повесть о Мани-художнике

- 1 Священная книга, приписываемая Мани.
2 По поверью, жемчужина образуется из дождевой капли, упавшей в жемчужину.
3 Т. е. брови Искендера были сросшимися.

49. Китайский хакан принимает у себя Искендера

- 1 Т. е. хакан. Мусульманские авторы XII—XV вв. Чин (Китай) или Хитай, ассоциировался с Китайским Туркестаном.
2 Эти луки особо ценились в странах Востока.
3 Хуталь, или Хутгалац, — область между Пянджем и Вахшем. Хутальские кони высоко ценились.
4 Поэт пользуется шахматными терминами.

5 Туганшах — имя одного из альдтукских наместников. Тог-руд-бек — основатель династии Сельджуков.

6 Ее щеки пылали как огонь.

7 Т. е. ее лицу.

8 Т. е. ореол вокруг луны и диск солнца.

9 Т. е. от стыдливости.

10 Дословно имя принцессы переводится «Нет в мире такой». Ср. Нестандариджан из поэмы «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели. Здесь кроме того игра слов, т. е. ротика у нее вовсе не было.

11 Бросать щит в воду означает сдаваться в бою.

12 Т. е. зарыдала.

13 Т. е. обманом и хитростью.

14 Недимы — приближенные шаха.

15 Джейхун — арабское название Аму-Дарьи.

16 Заречье — область Туркестана.

50. Возвращение Искендера из Китая.

1 Абхазия (Абхаз) — здесь Грузия.

2 Аланы — предки осетинского народа, арки — установить не удалось (*прим. ред.*).

3 Корват — от латинского корбит — вид небольшого судна. Употребление этого слова говорит о знании азербайджанского поэта не только арабо-персидских, но и греко-римских источников. Именно так назывались лодки-однодревки совершивших в 914 г. нападение на Барду варягов, ассоциирующихся в представлении арабских историков позднего времени (Мас'уди и др.) с русами. Слово варяг просматривается и в имени «аланского всадника» Фаранджа, с которым читатель встретится позднее (*прим. ред.*).

4 Буртасы — предки современных мокшей и мордвы. Буртасы входили в состав так называемого Семирусья. См. § 52, прим. 5.

5 Т. е. Нушабе.

6 Т. е. склонился челом в прах и поцеловал землю.

51. Искендер прибывает в Кыпчакскую степь

1 Речь идет о дне и ночи, которые сравниваются с белой и черной бабочками.

2 Т. е. солнце оторвалось от ночи.

3 Т. е. все пути по пустыне ему ясны, как на ладони.

52. Прибытие Искендера в область русов

1 Т. е., погружаясь в свои образы, поэт становится слабым и тощим, как призрак.

2 Т. е. добывают яркие образы из рудника мысли.

3 Строка в прежнем издании была пропущена (*прим. ред.*).

4 Так зовут у Низами предводителя русов. Возможно, это имя претерпело изменения. Желание увидеть в Кинтале русское слово князь, хотя и соблазнительно, но не оправдано, оно было опровергнуто русской историографией еще в прошлом веке. Арабским историческим хроникам, с которым автор, несомненно, был знаком,

слово князь (кназ) известно. Наиболее вероятной пока остается попытка увязывания имени Кинтал с Кандавл греческих хроник, где это имя носит сын царицы Кандаки (Кейдафе).

5 Объединение народов и племен, представители которых принимали участие в походе на Северный Кавказ и Закавказье. Обычно подразумеваются: русы, болгары, хазары, буртасы, аланы, ясы, черкесы. Низами, как житель Закавказья, в понятие Семирусья включает следующие народы: русы, хазары, буртасы, аланы, кайтакцы, ису (асы), лезгины.

6 Т. е. хазаров.

7 Т. е. переносить трудности.

8 Т. е. утратил собственное мужество.

54. Первый бой Искендера в русами

1 Т. е. снести ее заказчику поэмы, чтобы расписать ею дворец.

2 Т. е. небо — судьба.

3 Т. е. не питавший к Искендеру любви.

4 Имеются в виду литавры.

5 Т. е. трусливым.

6 Т. е. благодаря моей хитрости и отваге они чувствуют себя в безопасности.

7 Т. е. вы — воск для моего огня, чем вас будет больше, тем ярче он разгорится.

8 Ибо я в этом не нуждаюсь.

55. Второй бой Искендера с русами

1 Т. е. был уничтожен, как растоптанной ногами слона. Быть может, слононая нога — особый вид палицы.

2 Бакан (в ориг. бакам) кампешевое дерево (*Nasotxylop cam-peshianum*), из ветвей которого изготовляли красную краску.

3 Поскольку копьё было четырехгранным.

56. Третий бой Искендера с русами

1 Тюрк — солнце, восходящее со стороны китайского моря.

2 С горы Лакзан — Лакзи, т. е. лезгины.

3 Т. е. уничтожил их.

4 Этот бейт в прежнем издании был пропущен (*прим. ред.*).

5 Т. е. украдкой повернул поводья.

57. Четвертый бой Искендера с русами

1 Сандарус — вид желтой камеди, т. е. розовые лица покрывались желтой бледностью.

2 Т. е. уничтожил его.

59. Шестой бой Искендера с русами

1 Зарабатывают на хлеб, показывая его.

60. Седьмой бой Искендера с русами

- 1 Т. е. убил.
- 2 Т. е. рисковал жизнью в бою.
- 3 Вино.
- 4 Т. е. наступила ночь.
- 5 Т. е. вина.
- 6 Т. е. музыку.
- 7 Небо.
- 8 Т. е. на красавицу.
- 9 Малик — страж Ада.
- 10 Мой рассказ — черепок, не жемчужина, не стоит низать из него ожерелье.
- 11 Т. е. девственниц.
- 12 Т. е. губы.

61. Победа Искендера над русами

- 1 Т. е. начал красить их в синий, траурный цвет.
- 2 Имеется в виду украшение в форме полумесяца под острием копья, соединяющее острие с древком.
- 3 Т. е. в день Страшного суда.
- 4 Опасаясь как бы его не приняли за руса.

62. Освобождение Нушабе

- 1 Т. е. крепкой власти, ибо, по мнению Искендера, этот народ непокорный и свободолюбивый.
- 2 Этот бейт в предыдущем издании был пропущен (*прим. ред.*).
- 3 Т. е. праздновать победу.

63. Искендер веселится с китайской рабыней

- 1 Т. е. не настолько, чтобы развить в себе алчность и жадность.
- 2 Т. е. ченг должен был смолкнуть.
- 3 Каве — легендарный кузнец, поднявший восстание против тирана Заххака. Знаменем служил его кожаный передник, прикрепленный к копыю, ставший впоследствии государственным знаменем Сасанидов.
- 4 Т. е. многие от меня сходят с ума.
- 5 Т. е. я известна всему миру.
- 6 Карамель — сладкие речи, яхонт — губы, фисташки — приоткрытый ротик, вино — пение.
- 7 Т. е. прочны и непреступны.

8 Сухейль, по поверью, приносит счастье и помогает при дублении кожи.

9 Т. е. покидаю и гублю.

10 Смысл бейта: мой рот так мал, что в споре выиграл кольцо у всех его жаждущих.

11 Игра такова — два человека съедают по половинке миндаля («двойняшки»). кто первый вспомнит о пари и напомним о нем другому, тот и выигрывает.

12 Табархун — дерево кроваво-красного цвета, т. е. проливают кровь.

13 Т. е. льется кровь.

14 Новгодний подарок.

15 Игра слов: Чин — Китай, дарчин — удаляющаяся печаль.

16 Смотри, как бы другой не завладел мной.

64. Предание о живой воде

1 Т. е. аллегория ли это все? Не значит ли чернота — чернота письма?

2 Аяры — организация городской бедноты, зачастую выступавшая во время волнения против властей.

3 Т. е. полюс у них был прямо над головой, а широты проходили поясами вокруг.

4 Т. е. к центру и полюсу.

5 Средневековая восточная медицина приписывала аромату яблока целебные свойства.

65. Искендер идет в Страну мрака

1 Т. е. звезды.

2 Т. е. напоил белого коня водой из источника.

3 Т. е. в этом мире.

4 Исафил — ангел, который трубным звуком возвестит о начале Страшного суда.

67. Возвращение Искендера в Рум

1 Был уничтожен.

2 Перестал думать о них.

68. Восхваление атабека Нусрат ад-Дина

1 Т. е. удаляя христианство.

2 По преданию, муравей, желая почтить пророка Сулеймана, принес ему ногу саранчи.

1. Во имя бога всепрощающего

1 По тогдашним представлениям, земля являлась центром мироздания, окруженным семью сферами, наподобие ядра, покрытого семью скорлупами.

2 «Верх» и «низ» соответственно означают небо и землю.

3 Букв.: с планеты Сатурн водворяет в колодец.

2. Хвала чертогу всевышнего бога

1 Т. е. внутреннего раздора, смятения и страстей.

2 Намек на повесть о влиянии звезд на судьбу человека.

3 Т. е. махнул рукой на землю.

4 Черное и белое в данном случае можно понимать либо как ночь и день, либо в том смысле, что искание бога протекает путями, совершенно отличными друг от друга, как черное и белое.

5 Т. е. первую часть «Искендер-наме» — «Шараф-наме».

3. Восхваление благороднейшего пророка

1 Сидр[а] (лотос крайнего предела) — легендарное дерево, растущее на седьмом небе, далее которого не имеют доступа ни ангелы, ни пророки.

2 Согласно известному хадису, это начальные слова обращения Аллаха к Мухаммеду: «Если бы не ты, я не сотворил бы миров».

3 Т. е. вселенной, погруженной во тьму невежества и неверия.

4 Т. е. божественный закон.

5 Т. е. прощение божие.

6 Намекается на изгнание Адама из рая и вознесение Мухаммеда на небо.

7 Имеется ввиду известная легенда о Юсуфе (Иосифе Прекрасном) и легенда о перенесении Мухаммеда из мекканского храма в иерусалимский и вознесении оттуда на небо.

8 Хызр — пророк, по преданию нашедший источник живой воды.

9 Т. е. в ночь вознесения он прошел по небесному миру — источнику души.

10 Библейский Иона, побывавший во чреве кита.

11 Имеются в виду чудеса, совершенные Мухаммедом, когда рыба и змея, обретя дар речи, признали его пророческую миссию.

12 Намек на легенду о покорности восьми ангелов ветров воле Соломона.

13 Сераперде — завесы, ограждающие с четырех сторон площадку, на которой раскидывают царский шатер.

14 Ахмед — преславный, одно из имен Мухаммеда.

15 Т. е. получает выгоды.

4. О причинах сочинения этой книги

1 Как приворотное средство. Т. е. юноша и так привлекает к себе сердца, а старику приходится прибегать к чарам.

2 Во времена Низами зеркала делали из металлических листов, которые тщательно полировали.

3 Здесь сторожевая башня — четвертое небо, а сторож — солнце, скрытое во мраке точно под столою слона.

4 Т. е. то сочинял новые стихи, то вымарывал и исправлял написанное.

5 Имеется в виду легенда о том, как Иисус в отрочестве лепил птиц из глины и, черпая воду из лужи, раскрашивал их во все цвета радуги.

6 Под Меркурием, планетой наиболее близкой к Солнцу, Низами подразумевает себя, а Имада из Хоя (см. выше) он сравнивает с Юпитером, самой крупной из планет. В стихе содержится игра слов: муштары по-персидски означает одновременно Юпитер и покупатель.

7 Т. е. надевает перстень секретаря с печатью своего господина. Планету Меркурий метафорически называют дабир-и фаяляк (небесный письмоводитель).

8 Т. е. на белой (производившейся в Китае) бумаге написал черными, как кожа эфиопов, чернилами.

9 Планета Венера изображалась в виде небесного музыканта, с бубном и считалась покровительницей искусств.

10 Прежде чем писать картину в красках, бумагу сначала загрунтовывали белилами, а уже затем выполняли рисунок и накладывали краски. Таким образом это место следует понимать так, что Шараф-наме, первая часть романа об Александре, послужила основой, на которой была создана вторая часть романа — Игбал-наме.

11 В ориг.: Бабили чак, что может означать и колодец Юпитера.

12 Харут — имя ангела, изгнанного из рая и заточенного в колодец в Вавилоне вместе с ангелом Марутом за любовь к земной женщине — Зухре (Венере).

13 Согласно книге Зенд (Авесты), священный огонь в зароастрийских храмах будет гореть постоянно. Волшебная же книга Игбал-наме, по мнению Низами, отняла славу Зароастра (Зардушта), затмив собою книгу Зенд.

14 Имеются в виду прочие поэты, которые могут лишь заимствовать перлы, созданные Низами.

15 Басра славилась на Востоке своими финиковыми плантациями. Здесь Низами сравнивает себя с Басрой, а свои стихи с финиками, вывозимыми оттуда в разные страны.

16 Шесть сводов — мир с его шестью измерениями: вперед, назад, вправо, влево, вверх и вниз.

17 Игра слов: вода одновременно значит также слова, достоинство, афайэ — переливание через край, излишек, изобилие и вместе с тем милость, благодеяние.

18 Букв.: натягивать поводья.

19 Под подстилкой имеется в виду нат — кожаный коврик, на котором казнили осужденного.

20 Тамуз — десятый месяц халдейского календаря, соответствует июлю.

21 Бард-ул-аджуз — холодный период, наступающий спустя сорок дней после зимнего солнцеворота.

22 Игра слов: сухтэ — жаркое и вместе с тем опытный, вышколенный, хам — сырой, незрелый, а также необученный, неопытный.

23 Т. е. под небосводом, в котором, как в решете, сделаны отверстия для звезд.

24 Т. е. небеса.

25 Т. е. на небосводе сотни тысяч звезд.

26 Имеются в виду четыре элемента, из которых состоит мир.

27 Чарсу — перекресток на базаре с торговыми рядами, оживленное место. В данном случае олицетворение земного бытия.

28 Игра слов: чарбалиш — четыре подушки, трон, царственное ложе и вместе с тем четыре стихии материального мира.

29 Синий — цвет траурной одежды, желтый — цвет лица изурнованного горем человека.

30 Игра слов: рах — мелодия и путь. Последние два стиха могут быть поняты и так: На этом пути, т. е. на этом свете, только тот сумеет спеть песню, кто сможет постичь правильное направление этого пути.

5. О соблюдении меры во всяком деле

1 Игра слов: шабаханг — соловей и Сириус, яркая звезда.

2 Т. е. один день счастливый, другой несчастливый.

3 Парвиз Хосров и Шируйе — персонажи легенды о Хосрове и Ширин.

4 Захак — мифический древнеиранский царь-узурпатор, вплескании свергнутый с престола за свои злодеяния.

5 Меценаты.

6. Славословие восхваляемому

1 Существует легенда, что петухи на земле начинают петь по знаку белого петуха, обитающего на небе.

2 Хутба — моление о царствующем повелителе.

3 Минбар — кафедра в мусульманской мечети.

4 Кадар-хан — повелитель Самарканда и Туркестана.

5 Махмуд — могущественный правитель из династии Газневидов. В поэзии — символ могущества.

6 Тугра — вензель из начальных букв имени и титула царя. Помещалась на царских указах.

7 Давуд — библейский Давид, могущественный царь, причисленный к сонму пророков.

8 Дирхем — серебряная монета.

9 Или: рубин устраивает кровавую ночь лазури, т. е. красное вино заполняет кубок, украшенный синей эмалью.

10 Игра слов: аб означает вода и одновременно особый вид закаленной стали, когда на поверхности клинка появляются узоры, напоминающие струи текущей воды.

11 Т. е. когда начинает сверкать его меч, солнце скромно прячется за облако.

12 Т. е. пытаться подражать ему, то же самое, что пытаться на такой веревке залезть на крышу.

13 Игра слов: турецкое имя Пишкин по-персидски означает пиш — передний, первый, кин — ненависть, злоба.

14 Т. е. если в имени Пишкин переставить буквы, то можно получить два слова: кай пишин (царь первый).

15 В оригинале сур — труба, в которую ангел будет трубить в день Страшного суда.

16 Сказочные рыба и вол, на которых якобы покоилась земля.

17 Игра слов: Юсуф — Иосиф (символ красоты) и стонущий мил — палочка для сурмления глаз. Т. е. землетрясение вызвало от горя сныки под глазами мужчин.

18 Траурный цвет.

19 Т. е. род царствующего повелителя.

20 Т. е. Азербайджану и Гяндже.

7. Всеподданнейшее обращение

1 Досл.: обращение лобызания праха.

2 Игра слов: бишбад — более справедливый; пишдад — законодатель, а также прозвище царя Хошенга, родоначальника династии Пигади.

3 Т. е. насладись посвященной тебе «Игбал-наме».

4 Т. е. за это произведение, сходное по размеру с великим творением «Шах-наме» Фирдоуси из Туса.

5 По легенде, султан Махмуд Газневидский обещал Фирдоуси щедрое вознаграждение за его «Шах-наме» (Книгу царей), но не выплатил его.

6 Как известно, Низами никогда не пил вина.

7 Джахан-Пахлаван — «герой мира». Возможно также, что здесь имеется связь с меликом Нусрат ад-Дином ибн Мухаммед Джахан-Пахлаваном.

8 Т. е. два утренних луча, падающих на небо и землю.

9 Т. е. будь вечен, чтобы не нужно было говорить: Вот это осталось в память о тебе.

8. Начало повествования

1 Искендер.

2 Букв.: могущество, власть.

3 В оригинале дамгах — собственно место, где расставлены тенета.

4 Т. е. молитва за которого была доходчива и услышана на небе.

5 В ориг.: джав — ячменное зерно.

6 Семь поясов или климатов, на которые древние географы делили мир.

7 В ориг.: турк — турок — слово, которое у Низами имеет иногда значение храбрый, смелый, богатырь, герой.

8 Твердое дерево. Можно понимать и так: если дело становилось и для них неисполнимым.

9 Т. е. чем бы он ни занимался, во всем находил для себя поучение.

10. В оригинале ваши — род шелковой ткани, производившейся в г. Ваши в Туркестане.

11 Т. е. уток и основа раздались точно улыбающиеся губы.

12 Можно понимать и так: «лишь подражая тебе».

13 Игра слов: зола алоэ и ивы употреблялась для чистки и белизны зубов, а белишь зубы значит также смеяться.

9. О том, почему Искендера называют двурогим

1 Или: во сне он отнял два рога (восток и запад) неба и солнца.

2 Карн — 30 лет.

3 Абу Ма'шар Джафар ибн Мухаммед ибн Умар ал-Балхи, арабский остролог. Полное название книги «Китаб ал-улубуйт ал-ибадат».

4 В оригинале: бигулэ — угол, пещера.

5 Т. е. к тайне, поведанной колодцу.

6 Т. е. сначала смастерил флейту, а затем стал на ней играть.

7 Т. е. также строго оберегал тайну, как оберегают девственниц.

8 В ориг.: стало просверленным.

9 В ориг.: сверлящую печень.

10 Т. е. когда из тростника сделали флейту и начали на ней играть, вдувая в нее воздух.

11 Здесь певец — бог, разгласивший тайну через тростник.

12 У Низами: бутоны лалов и жемчужин.

13 Т. е. скрытые в недрах гор пары извергаются наружу.

10. Сказание об Искендере и мудром пастухе

1 Сложная игра слов, основанная на полисемантизме слов захмэ и руд; захмэ — плектр и мелодия, напев, захмэ задан — ударять плектром — играть напев; руд — песнь, струнный музыкальный инструмент, кишка и река. Кроме того, слова пухтэ и хам — зрелый и сырой могут иметь еще значение мастерский, искусный, славный и неумелый. руд-и хам (сырая кишка) — жильная струна, а также вода и блеск. Таким образом можно понять и так: Ударь зрелым [искусным] плектром по сырой [неумелой] кишке. Из таких мелодий [сыграй], что песне приносит блеск.

2 Легендарная чаша царя Джамшида показывала все, что в тот момент происходит на свете. В данном случае под чашей Джамшида разумеется рот.

3 Т. е. луноликая возлюбленная.

4 Т. е. с ее уст уже больше не слетали желания радостей мира.

5 Досл.: сделают средство, лекарство.

6 Т. е. он был седой и шапка на нем была белая.

7 Ограда из полотна, обычно красного цвета, которой ограждали шатры царей и эмиров.

8 Вал Искендера — стена, выстроенная Искендером в Азии с целью преградить доступ мифическим народам яджудж и маджудж (гог и магог). Описание постройки стены Низами дал в первой части поэмы.

9 В оригинале корень и основание.

10 Т. е. необразованные люди.

11 Баэмдаран — держащие пир, т. е. повелители, которые одни могли устраивать пышные пиршества.

12 Хираман — величественно выступающий.

13 Т. е. ростом превосходил молодой кипарис.

14 Рахтгярайдан — свернуть вещи, значит также переселиться, метафорически — умереть.

15 Т. е.: он еще не пойдя навстречу смерти уже очутился в таком положении.

16 Подпоясать кушак — приготовиться, взяться за дело.

17 Намахрам — недозволнность.

18 Планета Юпитер.

19 Здесь мозг в значении лучшей и чистой части человеческого существа.

11. Сказание об Архимеде и китайской деве

1 Диван-и хасе верховное судилище.

2 Досл.: индианка тоски унесла свои вещи из дома [сердца].

3 Т. е. из-за любви к китайке бросил учение.

4 Диларам — успокаивающая сердце.

5 Сананнет — красавица, возлюбленная.

6 Т. е. семь планет и четыре элемента.

7 Игра слов: рух лицо, ланита и ладья (шахматная фигура).

8 В ориг.: шакархандж — сахарно улыбочатая.

9 Т. е. писал поэму «Хосров и Ширин» (ширин — сладкая).

10 Как известно, во время сочинения названной поэмы скончалась жена поэта Афак.

11 Когда поэт закончил повесть «Лейли и Меджнун».

12 Т. е. потерял вторую жену.

13 Т. е. когда завершалось новое произведение поэта.

14 Ризван — ангел, стоящий у врат рая.

12. Сказание о Марии-египтянке

1 Даустур — министр, советник.

2 Т. е. никто другой не был удостоен чести подавать учителю воду для омывания рук.

3 Т. е. от ее волнующей камфарной белизны стал умерять страсть камфорой.

4 У Низами, андахт иксии зар — бросил эликсир золота, иксир и зар — философский камень, превращающий неблагородный металл в золото.

5 Сав — налог со скота, платимый главным образом изъязвив-

шим покорность неприятелю. Бадж — пошлина с транспортируемых товаров.

6 Харадж — налог, подать.

7 Мукарнас — высокое, круглое помещение, в которое поднимаются по ступенькам. Помещение имеет особой лепки потолок, известный в архитектуре под названием сталактитовый, украшено цветной росписью и обычно служит для торжественных приемов.

8 Зухре — планета Венера.

9 Т. е. попросили продолжать собрание.

10 Т. е. об искусстве алхимии.

11 Т. е. тростник, из которого изготавливают перо (калам).

12 Чарбдаст — жирнорукий, со смазанными жиром руками, т. е. искусно работающий.

13. Рассказ о хорасанце и об оболещении халифа

1 У Низами. дам — дуновение, чары, волшебство и надувательство, обман.

2 Т. е. из мягкого червонного золота.

3 Гил-имурх — красная глина, т. е. охра.

4 В ориг.: кадхудаи — хозяйство, власть повелителя.

5 Т. е. подчинил, сделал покорным.

6 Если переставить точки в слове табарьяк, то читаем — издевка, насмешка, обман.

7 Мар — господин, властелин. Одновременно мар — змея, которая по тогдашним представлениям, сторожит клад.

8 Т. е. Искендера.

9 Вариант: стала моей учительницей благодаря такому дарованию.

10 Игра слов: не стала змеей над кладом.

14. Сказание о бедном хлебопек и его богатстве по счастью сына

1 В этих стихах заключена игра слов, основанная на полисемантизме слова нава — мелодия, песня, напев и довольство, богатство.

2 В ориг.: би сим — бессребренник, в смысле — не имеющий серебра.

3 Досл.: отвешивающим серебро.

4 В ориг.: тахи даст — пусторукий.

5 Поговорка, указывающая на крайнюю степень нищеты.

6 Грязь на поле или на подоле одежды — пятно на репутации.

7 В оригинале кашкинэ — блюдо.

8 Т. е. убедительный, красноречивый, развязный.

9 Игра слов: бисази — неустроение, расстройство, здесь расстроенный музыкальный инструмент и беспомощный исполнитель.

10 Букв.: на котором не лежал ни один дракон.

11 В оригинале гавхар-и сурх — красный драгоценный камень.

12 Т. е. окончил рассказ.

13 Т. е. будет богат и счастлив.

15. Отрицание семидесятью мудрецами речей Хормуса

1 Т. е. не приглушай голоса, а запой громко.

2 Т. е. с корыстной целью не согласились с правильными доводами, кадж бахтаи — криво играть, т. е. фальшивить.

3 Рахт пардахан — отнять платье, умертвить, в последних двух строках игра слов: пардэ — напев и мир.

4 Т. е. как вода, постоянно стремящаяся вниз.

16. Создание Платоном напевов для наказания Аристотеля

1 Букв.: поднимал шею от науки.

2 Вариант: [целым] миром [был] каждый в своей науке.

3 Т. е. Аристотеля.

4 Досл.: первый лист.

5 Вариант: он вышел и он отвернулся от мира.

6 Анка — сказочная птица, символ чудесного, непостижимого, а также бедствия и несчастья.

7 В ориг.: здесь и ниже нисбат — отношение, по-видимому, имеется в виду отношение тонов, в котором настраиваются струны руда, т. е. музыкальный строй этого инструмента. Вариант: он от руда перенял строй.

8 В ориг.: саз-и джуфт джуфт, саз — музыкальный инструмент, по-видимому, органон.

9 Букв.: не имел заботы.

10 Букв.: напомнить.

17. Рассказ о перстне и пастухе

1 Вариант: победоносно уложило ночь на ложе.

2 Манджук — изображение полумесяца, прикрепляемое к древу знамени.

3 Т. е. когда ночь сменилась днем.

4 В ориг.: глагол накш задан — чертить, изображать.

5 В ориг.: тугд — занятие, пост, должность.

6 Букв.: вывести наружу.

18. Отношение Сократа к Искендеру

1 Т. е. во всех странах мира.

2 Т. е. в мире.

3 Т. е. переселились.

4 Вариант: На свете у них таков был удел,
Что семя их перевелось на свете.

5 В ориг.: суфт — просверлил.

6 Шабхиз — встающий ночью, т. е. бодрствующий по ночам за молитвой.

7 Букв.: все годы.

8 Букв.: разрушенный, пришедший в упадок.

- 9 Игра-слов: низамн — сочиняющий [стихи] и имя автора.
 10 Т. е. Искендера, ласкающего ученых.
 11 Досл.: от нашего чертога сидишь в углу.
 12 Нафэ — мускусный мешочек.
 13 Приближенные царя.
 14 Букв.: когда при нем все эти «пошел вон».
 15 Букв.: хватается за уединение.
 16 Т. е. Сократа.
 17 Букв.: из недостатка припасов сделал запас.
 18 Досл.: ты многоед, а я малоед.
 19 Существовало мнение, что введение в уши ртути умертвляет.
 20 Базабан ширии — сладкоязычьем.
 21 Т. е. поскольку зеркало твоих деяний отразило твой ум, свершивший эти деяния.
 22 Душа — промежуточное звено между духом и телом. Очерни ее, т. е. признай, что она грешна.
 23 Т. е. от скверных и злых помыслов.
 24 Т. е. редко негру удается стать счастливым, удачливым купцом, чаще они — несчастные рабы.
 25 Если уж захочешь быть черным [грешным], то будь таким, который приносит пользу.
 26 Толченный ивовый уголь употребляется для чистки зубов.
 27 Т. е. зеркало души.
 28 Т. е. мир.
 29 Т. е. мое дело зависит от тебя.
 30 Условное земное знание лишь заимствует свет у солнца и потому знание может угаснуть от любой случайности.
 31 Т. е. солнцу.
 32 Т. е. доступ получает лишь дух, а не тело.
 33 Тахтэ — доска, стол, пьедестал. Т. е. лев, изображенный на троне — это настоящий лев, который от страха перед царем превратился в статую.
 34 Т. е. если, не исполнит положенного церемониала.

19. Беседа индийского мудреца с Искендером

- 1 Досл.: когда из утра, [покрытого] золотым покрывалом.
 2 Муг — жрец, огнепоклонник, маг.
 3 Т. е. Искендера.
 4 В оригинале ракибан-и даст — хранители руки, как астро-логический термин означает семь планет, в данном случае придворные царя-солнца.
 5 Забан-игушад и гушад — раскрыл язык, т. е. заговорил, и в то же время обнажил — извлек из ножен.
 6 Т. е. бога.
 7 Досл.: как мне от себя удалить пожитки.
 8 Досл.: станет сыт аргументом.
 9 Мандал — магический круг, который заклинающий очерчивает вокруг себя.
 10 Буквально крови.
 11 Т. е. отбросить сомнения.
 12 Досл.: два раза провел циркулем.

- 13 Досл.: который поручил душу; джан — душа и жизнь.
 14 Т. е. окажи мне милость; шахи — мелкая монета.
 15 Букв.: мускусный.
 16 Т. е. Искендера.
 17 Меч из индийской стали, метафорически — язык.
 18 Т. е. потерял дар речи.
 19 Т. е. в котле сотворения мира.
 20 Хабаи — Эфиопия, Абиссиния.
 21 Т. е. произнесли заклинание, сопровождая его дуновением.

20. Тайное собеседование Искендера с семью мудрецами

- 1 Т. е. вел речь обстоятельно.
 2 Рух-ал-кудус — святой дух, у мусульман архангел Гавриил.
 3 Т. е. земной мир, выпуклый как горб буйвола.

21. Речь Аристотеля о первом творении

- 1 Т. е. была готова.

23. Речь Булиаса о первом творении

- 1 Т. е. глазами лучше видно, когда имеется свет, а свету лучше, когда имеются чьи-то глаза, иначе он бесполезен.
 2 Т. е. мироздания.

25. Речь Фарфория о первом творении

- 1 Камфора — белая, мускус — черный. Но кроме того, [по тогдашним представлениям, все субстанции делились на горячие, холодные, сухие и влажные.

26. Речь Хармуса о первом творении

- 1 Букв.: ключ начал грызть цепь замка.

27. Речь Платона о первом творении

- 1 Т. е. бог для сотворения не нуждается в браке, он может творить из ничего.
 2 Т. е. глубокое изучение любого, хотя бы ничтожного предмета должно привести к познанию бога.

28. Речь Искендера о первом творении

- 1 Т. е. прекрасный как луна Искендер должен был показать свое могущество.
 2 Т. е. ученые и философы.
 3 Т. е. мироздание.
 4 Т. е. можно только признавать, что мир сотворен богом, а как и почему узнать невозможно.

29. Речь мудреца Низами о первом творении

- 1 Расстояние равно 5—7 километрам.
- 2 Досл.: с костями с истлевшим мозгом.
- 3 В ориг.: шакинэ — большой глиняный сосуд, в котором хранят зерно.
- 4 Т. е. не собраньем философов и ученых, а астрологией.
- 5 Игра слов: хаки — земной, а также смиренный. Нужно быть смиренным, а не увлекаться давно превратившимися в прах мудрецами.
- 6 Игра слов: у Низами земля названа мухрэдуазд и мухробаз; мухрэ — стеклянный шарик, буса, мухрэ-дузд — ворующий михрэ, мухрэбаз — играющий с мухрэ, оба слова также обозначают: бродячие артисты-фокусники.
- 7 Т. е. проглатывает желтое солнце, а извлекает темно-синее ночное небо.
- 8 Осенью земля поглощает сухую и твердую листву, весной приносит ароматные травы.
- 9 В ориг.: хакбиз — просеивающий землю, грохот (для просеивания земли), метафорически — пронизательный, умный.

30. Достижение Искендером пророческой миссии

- 1 В оригинале сахиб ки ран — рожденный при счастливом сочетании светил.
- 2 Отверстий невежества.
- 3 В ориг.: расадбанди — составление астрономических таблиц.
- 4 Т. е. престол его существования.
- 5 Т. е. он больше не старался узнать тайну сотворения мира.
- 6 Т. е. познать тайны семи небес цвета сурьмы.
- 7 Т. е. бога.
- 8 Букв.: горизонты.
- 9 Т. е. к людям.
- 10 В ориг.: хатиф — гласящий, голос с неба.
- 11 Чтобы разбил я шатер вне этой ограды.
- 12 Т. е. у мудрецов и ученых, наполненных словно море перлами знания, головы полны самомнения.
- 13 Насик — преданный богу.
- 14 Мансак — место, где можно преданно служить богу.
- 15 Иклим — климат или пояс, на которые древние географы делили землю.
- 16 Т. е. он ведет свой род от Каина.
- 17 Т. е. повсюду.
- 18 Давари и давараң, что также может означать: судья судеб и царь царей — эпитеты бога.
- 19 Букв.: идущий впереди и идущий позади.
- 20 Букв.: сделал руки короткими к другому занятию.
- 21 О какой книге идет речь, решить трудно.
- 22 Т. е. Аристотелю.
- 23 Игра слов: из тростникового пера излил на бумагу сладкие как сахар советы и в то же время излил на бумагу тростниковый сахар. Во времена Низами сахар добывался только из сахарного тростника.

31. Послание Аристотеля о мудрости

- 1 Досл.: возделай, сделай цветущим.
- 2 Досл.: сильный сердцем.
- 3 Душахэ — двурогая, стрела с наконечником в виде серпа луны, поражающая двумя острями.
- 4 Так как самцы гордо поднимают головы, а у самок головы боязливо опущены, в них попасть труднее.
- 5 Т. е. омрачает отношения благородных людей.
- 6 Т. е. не унижай никого, а если унизишь, то убей сразу, чтобы он не стремился к мести.
- 7 Гюльшекер — варенье из розы.
- 8 Т. е. хотя братья и сосут вместе молоко матери, но за кровь других вместе не отвечают.
- 9 Т. е. не наказывай никого за чужую вину.
- 10 Т. е. не омрачай своих отношений со славными людьми.
- 11 Букв.: не смешивайся.
- 12 Игра слов: гавхар — сущность, материя, естество и самоцвет, жемчуг, бад гавхар — плохого естества, дурной низкий человек.
- 13 Т. е. ни одно зеркало ничего не отразит.
- 14 Букв.: с сердцем коровы.
- 15 Досл.: между двух сырых (т. е. неопытных, глупых) недоброжелателей.
- 16 Если не справляешься оружием, действуй подкупом.
- 17 Артист — музыкант, певец и танцор. Т. е. как музыкант на чужом пиру радуйся чужой радости и не гонись все время за собственной.
- 18 Т. е. хозяин денег — узел на мешке с деньгами, а деньги — пути на ногах у хозяина.
- 19 Досл.: будь с широкими рукавами, ибо плоды с ветви падают в широкие рукава.
- 20 Букв.: разорившийся, банкрот.
- 21 Вариант: Путь, который бывает дальним, по размышлению, начисто.
- 22 По поверью, яхонт в камне и жемчужина в раковине развиваются под влиянием солнца, это и есть то, что море и гора доверили солнцу.
- 23 Чернота винограда — болезнь, передающаяся от одной лозы к другой. Низами хочет сказать, что от общения с неудачливыми людьми их невезение передастся и тебе.
- 24 Т. е. не борись со счастливым и удачливым, ибо удачу дает судьба, против которой человек бессилён.
- 25 Т. е. она терпит жестокость окостенения, чтобы обладать жемчугом.
- 26 Букв.: испортит.

32. Послание Платона о мудрости

1 «Чихание солнца» — первые проблески утренней зари (при чихании бывает виден оскал белых зубов), камфора — символ белого дня, мускус — черной ночи, т. е.: когда от проблеска утренней зари белый день повеял ветерком на черную ночь.

2 В оригинале хатарпаки, имеющее здесь значение внушительность, вескость, достоинство, ценность.

3 Хамнафас — букв.: содышащий, т. е. интимный друг.

4 Игра слов: кам — желание, радость и зев, рот.

5 Хамшахи — согороджанин.

6 Т. е. если ты питаешься чужой кровью, то без печени, которая распределяет кровь, ты жить не сможешь, а связанные с причинением насилий огорчения разрушают в тебе печень.

7 Т. е. жемчужина, разрушившись, снова станет водой, а амбра, сгорев, прахом.

8 Кира бандэ — поставщик продуктов по найму.

9 Т. е. не нужно упрекать мир, ибо мы и сами несправедливы.

10 Зороастрийский жрец, искусный в толковании снов.

11 Т. е. ищут спокойной земной жизни.

12 Ха'т джуш — семь [раз] вскипевший.

13 Досл.: с жирностью.

14 Игра слов, основанная на разных значениях глаголов чарбидан — смазывать жиром, перешивать и чарб кардан — смазывать жиром, придавать вес.

15 Т. е. Искендер.

16 Досл.: сидит. О войске по-персидски говорили не «войско стоит», а «войско сидит».

17 Т. е. где есть более сильный противник.

18 Мисал — грамота, указ.

33. Послание Сократа о мудрости

1 Зинг — восточная часть Африки, Занзибар, Нубия. Т. е. когда небо, играя, привело светлого румийца — утро и увело черного нубийца — ночь.

2 Т. е. Искендер.

3 Симсай — досл.: натертый серебром.

4 Т. е. писатель-художник предисловие каждого произведения начинает с восхваления бога.

5 Т. е. колодец или яма, прикрытые сверху, в которые можно нечаянно упасть; метафорически — земной шар.

6 Т. е. в дни публичного суда.

7 Т. е. будь щедр, как ручей, наполняющий водою кувшин, которые успевают разбиться раньше, чем иссякнет вода в ручье.

8 Т. е. открывает лицо.

9 Т. е. земной шар.

10 Т. е. привязанность к пище.

11 Т. е. душа его переселится в осла.

12 Досл.: многомолочная, считалось, что корова, дающая много молока, ест много.

13 Хум — большой глиняный кувшин для воды или вина, который возит осел. Т. е. лентяев, как ослов, нужно тянуть за хвост, чтобы поднять с места, потому что они переполняют «кувшин» живота.

14 Букв.: сырое и сухое.

15 Т. е. оставил для других.

16 На Востоке существует поверье, что тмин поливать не надо,

а достаточно вечером крикнуть: «завтра его надо полить». Вероятно, это связано с засухоустойчивостью зонтичных растений.

17 Намек на игру в поло.

18 Букв.: воды глаз.

19 Два крытых сидения, расположенные по бокам вьючного животного.

20 Т. е. к земному шару.

21 Т. е. от женщин, закрывающих лицо чадрой.

22 Вдыхая по мирской суете и мишуре.

34. Странствование Искендера по свету в поисках пророческой миссии.

Жалоба Низами на судьбу старости

1 Т. е. Игбал-наме.

2 Т. е. прежде чем придет смерть.

3 Т. е. могилу.

4 У мусульман покойников хоронили в сидячем положении.

35. Рассказ

1 Отказался от накопления земных благ, ибо настало для него время трудиться на пользу мира.

2 Досл.: унести с престола дорожные вещи.

3 Досл.: дальнефарсанговый.

4 Бисурак — верблюд от матери арабской породы и двугорбого отца.

5 Бухти — большие, сильные двугорбые верблюды из Бактрии.

6 Досл.: белое и черное.

7 Макдис, или Бойт-ул-Макдис, или Бей-ул-Мукадас — святая обитель, название гор. Иерусалима. В переводе взято только наименование Макдис, хотя у Низами ниже в зависимости от размера стиха то Максид, то Мукадас.

8 Т. е. стали просить правосудия у Искендера.

9 Т. е. Иерусалим.

10 Т. е. завоевал.

11 Досл.: смысл.

12 В ориг.: мухит-и джихан — объемлющее мнр, т. е. океан.

13 Т. е. солнцу.

14 Толкователь корана.

15 В оригинале муанаб — упакованный в дорожный мешок (анбэ).

16 Т. е. это теплое море, тайну которого хотели разгадать, заставило многих людей опозориться из-за неверных догадок.

17 Т. е. вне видимого мира.

18 Дословно: закрывшую доступ тучам-ворам капель. Т. е. Искендер увидел море с водой плотной, как ртуть, так что она не могла испаряться.

19 Марказит — род минерала.

20 Грубой бумажной тканью.

21 Смотритель верблюдов.

22 Т. е. обличовка не допускала воздействия разрушительных

сил

37*

- 23 Т. е. наступает смерть.
 24 Можно понимать также: на горб дикобраза.
 25 Т. е. взбирался наверх.
 26 Букв.: видевший мир.
 27 Т. е. до крайнего предела духовных и физических сил.
 28 Т. е. была столь узка, будто росла из [кончика] волоса.
 29 Т. е. в ту сторону, откуда он взойшел на гору и где находился лагерь Искендера.
 30 Т. е. Нил.
 31 Т. е. столь жарки были вздохи, что можно было вскипятить ими сотни котлов.
 32 Т. е. печаль, горе.
 33 Досл.: место обитания дивов.
 34 От счастья.
 35 Биджад, или биджадэ — драгоценный камень вроде рубина.
 36 Т. е. все гранаты были яхонтами, а яхонты были красные как гранаты.
 37 Терендж — род померанца.
 38 Джаз — род агата черного с белым
 39 Особый род кладки: один кирпич одного цвета, другой иного.
 40 Сатудан, или сутудан — круглые каменные строения, куда зороастрийцы клали трупы умерших; гробница, усыпальница.
 41 Дахмэ — то же, что сатудан.
 42 Ад — название древнего арабского племени, по преданию наказанного богом за грехи.
 43 Т. е. вскрыть усыпальницу.
 44 Вариант: будь скромн.
 45 Т. е. небо.
 46 Т. е. копыта коней будут попивать его череп, как прах.
 47 Т. е. читал легко и быстро, как капает вода.
 48 Букв.: произвел осыпание.
 49 Фарш — ковер, но и домашняя утварь.
 50 Чистое золото без примеси, серебро — лигатура из пяти частей золота и десяти частей серебра.
 51 Досл.: лес египетских ив.
 52 Т. е. они ничего больше не знают, как чистый лист бумаги. Смывание водой написанного часто применялось с целью использования листов для вторичного письма.
 53 Т. е. возле берега увидел ряд родников, которые, просачиваясь через землю, очищались от соли.

36. Прибытие Искендера на Южный простор и в селенье головопоклонников

- 1 Ласковый — способствующий произрастанию более богатой флоры.
 2 Т. е. когда сосуд ароматного утра от золотых лучей солнца, плывущих по голубому ручью неба, принял цвет теренджа (терендж — род померанца золотисто-оранжевого цвета).
 3 Т. е., когда появились яркие лучи солнца, синева небосклона зазолотилась.
 4 Т. е. Искендер.
 5 Т. е. выступил в путь.

- 6 Букв.: поясница к пояснице.
 7 Игра слов: мар — земля, бимар — без змей и нездоровый. хворый.
 8 Т. е. стал напряженно размышлять; в ориг.: укабайн — два высоких столба, между которых подвешивали для пытки и казни занитого в воловью шкуру человека.
 9 Т. е. и алмазы, и ломти мяса.
 10 Т. е. обильно орошенные дождем и талым снегом.
 11 Подразумевается понуканье волов при вспашке.
 12 Манджаник — военная метательная машина, катапульта, а также подъемный кран; легкий — т. е. легко взводимый.
 13 Закят — подать, взимаемая с имущества в пользу бедных.
 14 Берат — наряд на выплаты предьявителю определенного количества причитающегося с данной деревни казне налога. Общее количество платежей по бератам во много раз превышало количество установленного кадастром налога. Сбор налога по таким бератам производился с применением вооруженной силы.

37. Вторичный поход Искендера в Индию

- 1 Т. е. будто авангард цветов.
 2 Фляга имела длинное изогнутое горлышко, иногда делалась в виде птицы.
 3 Т. е. вином.
 4 Т. е. красавицей. Вариант: [И] роса роз, что капает с розы.
 5 Досл.: узкоглазый турок.
 6 В ориг.: табарзад — род розового варенья.
 7 Т. е. цветущая как Индустан юность.
 8 Т. е. цветы в степи разрослись так, что поднялись выше шеи диких роз.
 9 Т. е. направился на Восток.
 10 Спина рыбы, на которой покоится земля.
 11 Собственно обитель рая.
 12 Т. е. жреца.
 13 Т. е. обнажила бы зубы, раскрыв алые уста, или раскрыла бы перлы речи, хранящиеся в яхонтовом ларце уст.
 14 Хумай — сказочная птица, которая постоянно летает; не опускаясь на землю. На кого упадет ее тень, тот будет счастлив.
 15 Как же солнце царской особы отнимет у нас глаза кумира.
 16 Т. е. разъяснял вопросы вероисповедания.
 17 Когда на золотистый шелк дня нашла синева ночи от лазурной смеси чана — неба.
 18 Игра слов: михр любовь, милость и солнце.
 19 Кара-хан — черный хан, т. е. ночь: когда взошло солнце и мрак рассеялся.
 20 Вариант: [Но] для сидения у моря погода мягка.
 21 Т. е. с умудренным опытом Искендером.
 22 Под венцом разумеется солнце.
 23 Собственно: месячного вознаграждения.
 24 Игра слов: бахр — море и стихотворный размер.
 25 Китайский шелк — утренний рассвет; суф — род шерстяной материи, здесь — ночной мрак.
 26 Т. е. царствуй вместо меня.

- 27 Т. е. царь, щедрый как море.
 28 Т. е. умевших дуновением воскрешать мертвых.
 29 Т. е. ехал он по велению судьбы.
 30 Досл.: воду.
 31 Досл.: перенесем дорожные вещи.
 32 Талисман в виде статуи.
 33 Т. е. бога.
 34 Т. е. отчаялся в возможности спасти его.
 35 Т. е. вода всех рек в конечном счете попадает в океан.
 36 Берега семиречья — горизонт, т. е. когда наступила ночь
 и горизонт покрылся мраком.
 37 Т. е. кто приготовляет лекарство для других, у него самого
 глаза не будут болеть.
 38 Досл.: в степь.
 39 Т. е. китайского хакана.
 40 Т. е. жажды странствовать по свету.
 41 Т. е. не прекращали бы в них бить.
 42 Букв.: доброзвездный, т. е. родившийся под счастливой
 звездой.
 43 Сейфур — драгоценная шелковая ткань; т. е. когда шелко-
 вая ткань ночи заволокла красноту вечерней зари.
 44 Т. е. солнце с небосклона скрылось за горизонтом.
 45 В ориг.: навбат — очередь, а также военная музыка, кото-
 рую в определенные часы исполняли перед дворцами.
 46 Т. е. воскресения из мертвых.
 47 Дадж джал — лже-миссия, который по преданию должен
 перед концом света появиться верхом на осле и, бия в барабан,
 созывать людей.
 48 Игра слов: нимруз — полдень, солнце, а также страна Ним-
 руз (нынешний Сейстан), царем которой по преданию был Соломон.
 Таким образом можно понимать: Царь солнца или царь-солнце или
 царь Нимруза, т. е. мудрый, как Соломон.
 49 Чин — области нынешнего Южного Китая.

38. Прибытие Искендера в Северные пределы и постройка вала [от народа] яджудж

- 1 Т. е. нежной игрой на сазе покори и успокой мой мозг.
 2 Дом солнца — созвездие Льва, т. е. июль—август.
 3 В ориг.: тамуз.
 4 Т. е. солнце еще не вошло в знак созвездия Скорпиона
 (октябрь).
 5 Хирхиз — страна, расположенная в верховьях Енисея.
 6 Т. е. сну отводил мало времени.
 7 В ориг.: кямаркяшидэ — с длинной поясницей.
 8 Т. е. в последнее число месяца.
 9 Т. е. на огромного, как гора, дракона.
 10 Как и драконов.
 11 Удж — царь Натана.
 12 Т. е. в глазах человека, постигающего мир, мир существует
 только благодаря существованию тех добрых людей.
 13 Ваш — город в Туркестане, славившийся ценным узорным
 шелком.

39. Возвращение Искендера из Северного предела в Рум

- 1 Т. е. стремится ее поцеловать.
 2 Т. е. с тропинок невежества и неверия.
 3 Кипарис — мир; шестисторонний, т. е. имеющий шесть из-
 мерений: вперед, назад, влево, вправо, вверх, вниз; семь ветвей—
 семь небесных сфер; тесная вершина — вездесущий бог; широ-
 кие бока — пространство вещественного мира.
 4 Т. е. в увеличении своего царства и богатства.
 5 Дестур — везирь, здесь Аристотель.
 6 Т. е. этот день заранее не был избран звездочетами, как
 счастливый для посещения.

40. Завещание Искендера

- 1 Согдийская птица — лютня. Согд — название области в
 Средней Азии, славившейся своими лютнями.
 2 Т. е. занятия дихкан — земледелие и садоводство — за-
 мерли.
 3 Под мугами (магами) здесь подразумеваются любители цве-
 тов, которые поклоняются цветам.
 4 Вариант: Нет в садах ни берга, ни пения; берг — музыкаль-
 ный инструмент.
 5 Досл.: пыль.
 6 Т. е. пожелтели румяные щеки и сам Искендер слег.
 7 Шахин — ловчий сокол.
 8 Карурз — колба для исследования мочи.
 9 Т. е. звездочет.
 10 Тахт и миль — инструменты астрологов.
 11 Т. е. лица Искендера.
 12 Дариа-и кулзум — Красное море.
 13 Каннудж — город в Индии, Кульзум — город в Египте,
 Кайруван — город в Магрибе.
 14 Кабил — Каин, Хабил — Авель.
 15 Т. е. зороастрийцев-огнепоклонников.
 16 Серандиб — остров Цейлон.
 17 Вершина Адама или Пик Адама — гора на о. Цейлоне,
 куда по преданию попал изгнанный из рая Адам.
 18 Т. е. весь мир я видел полным мечали и скорби.
 19 Т. е. тридцать шесть лет жизни Искендера.
 20 Т. е. скроюсь, как диск солнца, за морем.
 21 Т. е. я родился ничего не имея, как же возьму я с собой
 бремя имущества.
 22 Т. е. гроб.
 23 Буквально: смочите язык.

41. Заклинание Искендером матери

- 1 Досл.: придет ночное [пролитие] крови.
 2 Т. е. солнце взошло, а иней растаял, как бы истекая сле-
 зами.
 3 Т. е. наступили последние часы его жизни.

4 По мусульманскому поверью, в раю находятся четыре источника: Тасним, Сальсабил, Кавсар и Тахур.

5 Т. е. когда солнечные лучи [платье] погасли на горах.

6 Игра слов: михр — любовь, ласка и солнце.

7 Т. е. остановили течение дел.

8 Лаб — губы, уста, а также край, в данном случае край ночи, т. е. рассвет.

9 Т. е. при новолунии.

10 Дабы черпать отсюда вдохновение.

11 Абир — благовоние, составившееся из мускуса, сандала и розовой воды.

12 Т. е. к четырем элементам.

13 Красное яблоко — Искендер; желтый померанец — его мать.

14 Т. е. не обращай внимания на тяжелую утрату.

15 Т. е. мертвецами, погребенными под могильными камнями.

16 Досл.: с закрученными ушами.

17 Т. е. немощного.

18 Т. е. любовью.

19 Т. е. охваченным нетерпением от любви.

20 Т. е. познать закон земного пребывания души.

21 Т. е. с умершими ранее.

22 Т. е. у кого нет умерших среди близких.

23 Букв.: отсутствующим, скрытым, сокровенным.

24 Т. е. в сады рая.

25 Легендарный конь царя Хосрова.

26 Т. е. надела черноту на круглую спину неба.

27 В знак траура царяпали лицо ногтями.

28 В знак траура.

29 Т. е. в предсмертной агонии его глаза закатились и стали видны только белки.

30 Т. е. дошел до крайнего предела страдания, и душа прекратила пребывание в теле.

31 Т. е. душа так быстро отлетела, что до прибытия в рай ее не видели.

32 Т. е. когда Искендер скончался, ему сделали престол на небе.

33 Джуди — Арарат.

34 Тахтэ — стол, на котором моют и обряжают покойников.

35 Рукэ — часть молитвенного акта, состоящая из двух коленапопреклонений, за которыми следует поясной поклон.

36 Т. е. нельзя избежать рождения и смерти и нельзя постигнуть их тайны.

37 Досл.: видевший мир.

38 Т. е. на небо.

39 Миль — палочка для сурмления глаз.

40 Досл.: наносит двуручные раны.

41 Согласно шариату, рыба далека от мирских дел, поэтому ее нельзя резать ножом.

42 Т. е. Страшный суд.

43 В лавке мотальщика шелка находятся печь и котел с водой.

44 Словом обод переведено арабское слово халкэ, означающее также кольцо, петля. По-видимому, речь идет о какой-то принад-

лежности шелкомотального ремесла. Можно предполагать, что имеется ввиду перематывание шелковой нити с кокона на шпульку.

45 Т. е. умирая и отправляясь на тот свет.

42. Присытие послания Искендера к его матери

1 Т. е. осенний дождь действует как лекарство на воспаленное от летней пыли горло стран. «Стеклянная мазь» — название бывшего в употреблении во времена Низами средства от болезней горла.

2 Джулаб — род прохладительного напитка.

3 Т. е. дождевые тучи зимнего месяца дея льют воду на землю. В оригинале дают воду, что означает — оказывают милость, придают земле плодородие.

4 Букв.: цвета вороны.

5 В знак траура надела черные одежды и отказалась от вина, так что кубок, оставаясь без употребления, потускнел.

43. Плач Искендероса по смерти отца и отказ от царства

1 Т. е. быстро преходящем, эфемерном.

2 Т. е. неба.

3 Серебро, золотом купленное — серебристое небо, купленное золотом солнца. Т. е. вождения, пробужденные небом в людях, порвали много мешков земного существования людей.

4 Т. е. умирать.

5 Под дивом здесь разумеется тело, в котором заключена душа.

6 Т. е. многих прекрасных как Иосиф молодых людей.

44. Кончина Аристотеля

1 Букв.: пафир — громкий звук, вопль, а также духовой инструмент.

2 Т. е. сбросил с себя колоду земного существования и переселился на небо.

45. Кончина Хормуса

1 Джурре — струнный инструмент, вид саза.

2 Т. е. к морю смерти.

3 Человек — могила газели, поскольку он охотится за ней и ее убивает.

46. Кончина Платона

1 Т. е. от завес наук.

2 Досл.: отвернуть поводья от кривды.

47. Кончина Валиса

- 1 Досл.: основание звезд своего счастья.
- 2 Игра слов: дад — помощь и правосудие.
- 3 Индийцы — ночные сторожи домов, их старшина отгонял от них сон звоном колокольчика. Здесь под сторожами-индийцами подразумеваются семь планет.
- 4 Т. е. сблизился с другим светилом в одном знаке зодиака.
- 5 Букв.: доброзвездных, т. е. родившихся под счастливой звездой.
- 6 Т. е. возвращения счастливого сочетания светил и эпохи справедливости.

48. Кончина Булиаса

- 1 Т. е. душа моя вселяется в телесную оболочку и снова ее покидает.

50. Кончина Сократа

- 1 Игра слов: аб — вода и милость, руд — музыкальный инструмент и река.
- 2 Т. е. встретил радостно час переселения в другой мир.

51. Кончина Низами

- 1 Рамиш-и джан — название восьмой модуляции из тридцати, изобретенных знаменитым Барбедом.
- 2 Эта глава перу Низами не принадлежит, но содержится даже и в наиболее старых из известных рукописей его поэм, вероятно, она была написана вскоре после его смерти кем-то из близких.

52. Похвала Мелику Изз-уд-дин Мас'уду сыну Арслана

- 1 Его сладостные речи очаровывали его собственное ухо.
- 2 Т. е. ученый, высказывания которого являлись перлами премудрости, из огненных уст которого речь текла плавию, как вода.
- 3 Имеется в виду Низами-уль-мульк — знаменитый везирь султана Мелик-шаха Сельджука.
- 4 Т. е. все красноречивы, а царь щедр.
- 5 Тараз — город в Восточном Туркестане.
- 6 Т. е. семи поясов земного шара.
- 7 Т. е. книги.
- 8 Т. е. эта книга может заменить ему сына.
- 9 Т. е. лучом, как милем, коснулось белого небосвода.
- 10 Т. е. словно небо, опоясанное млечным путем, ты надень пояс ликования.

11 В оригинале игбал — счастье имеется в виду «Игбал-наме» («Книга о счастье»).

12 Поскольку у меня нет возможности попасть в колыбель царского двора.

13 Мугбил — счастливый, так назван здесь сын Низами — Мухаммед, Игбал.

14 Досл.: с печатью матери.

15 Т. е. «Книгу о счастье».

16 Т. е. родного сына.

53. Окончанье «Игбал-наме»

1 Игра слов: Муштари — Юпитер (планета) и покупатель. Т. е. не произошло еще сочетания Луны и Юпитера в одном знаке зодиака, что считается благоприятным предзнаменованием, а также луна «Игбал-наме» не нашла достойного покупателя.

2 Т. е., что состояние мое мало.

3 Рост — город в Хорасане, славившийся инжиром.

4 Сотню дирхемов.

5 Т. е. умерших, как бы погрузившихся в море смерти.

6 Игра слов: гур — онагр и могила.

7 Имя мелика Мас'уд, что значит счастливый.

8 Т. е. для счастливых царей, подобно Мелику Изз-уд-Мас'уду.

От института	5
Лебединая песнь Низами	7
Шараф-наме	19
1. Начало книги	21
2. Молитвы	25
3. Прославление пророка	28
4. О вознесении пророка	29
5. О причинах сочинения этой книги	33
6. Рассказ	35
7. О своем положении	36
8. О преимуществах этой книги перед другими книгами	40
9. Рассказ об обучении Низами Хызром	46
10. Восхваление падишаха Нусрат ад-Дина	50
11. Обращение с целованием праха	54
12. Краткое изложение всего рассказа	55
13. Обращение к слушателям с призывом обратить внимание на рассказ	60
14. Начало рассказа и изложение истины о рождении Искендера	62
15. Обучение Искендера	66
16. Искендер садится на трон отца	70
17. Египтяне приносят Искендеру жалобу на насилия зинджей	73
18. Искендер сражается с зинджами	76
19. Возвращение Искендера после войны с зинджами	95
20. Искендер обдумывает, какой силой обладает Дарий и получает предсказание победы	99
21. Ученые делают для Искендера зеркало	105
22. Дарий требует от Искендера дань. Ответ Искендера	107
23. Искендер готовит войско для войны с Дарием	113
24. Дарий со своими вельможами обдумывает план действий против Искендера	117
25. Дарий пишет Искендеру письмо с угрозами и угрозами	125
26. Ответное письмо Искендера Дарию	129
27. Бой Дария с Искендером при Мосуле	133
28. Победа Искендера над Дарием и смерть Дария	139
29. Искендер заключает договор с вельможами Ирана	150
30. Искендер разрушает капища огня	160
31. Искендер прибывает в Исфаган и сватается за Роушенек	166
32. Восшествие на престол Искендера в столице Истахре	173
33. Искендер посылает Аристотеля с Роушенек в Рум	178

34. Поход Искендера на запад и посещение Каабы	183
35. Предание о Нушабе в Бердаа	188
36. Пир Искендера с Нушабе	205
37. Искендер отправляется в гору Альбурз	209
38. Искендер завоевывает Дербендский замок при помощи молитвы отшельника	213
39. Искендер едет в замок Сарип	221
40. Искендер идет в пещеру Кей-Хосрова	226
41. Искендер идет в Рей и Хорасан	232
42. Искендер идет в Индию	238
43. Письмо Искендера приходит к индийцу Кейду	243
44. Поход Искендера из Индии в Китай	247
45. Письмо Искендера китайскому хакану	254
46. Хакан обдумывает ответ Искендеру	258
47. Состязание румийских и китайских художников	272
48. Повесть о Мани-художнике	274
49. Китайский хакан принимает у себя Искендера	276
50. Возвращение Искендера из Китая	284
51. Искендер прибывает в Кыпчакскую степь	287
52. Прибытие Искендера в область русов	291
53. Притча	296
54. Первый бой Искендера с русами	297
55. Второй бой Искендера с русами	301
56. Третий бой Искендера с русами	304
57. Четвертый бой Искендера с русами	307
58. Пятый бой Искендера с русами	309
59. Шестой бой Искендера с русами	311
60. Седьмой бой Искендера с русами	314
61. Победа Искендера над русами	324
62. Освобождение Нушабе	327
63. Искендер веселится с китайской рабыней	332
64. Предание о живой воде	340
65. Искендер идет в Страну мрака	346
66. Выход Искендера из мрака	351
67. Возвращение Искендера в Рум	355
68. Восхваление атабека Нусрат ад-Дина	358

Игбал-наме	361
1. Во имя бога всепрошающего	363
2. Хвала чертогу всевышнего Бога	364
3. Восхваление благороднейшего пророка	366
4. О причинах сочинения этой книги	367
5. О соблюдении меры во всяком деле	375
6. Славословие восхваляемому	377
7. Всеподданнейшее обращение	379
8. Начало повествования	381
9. О том, почему Искендера называют двурогим	386
10. Сказание об Искендере и мудром пастухе	389
11. Сказание об Архимеде и китайской деве	394
12. Сказание о Марии-египтянке	398
13. Рассказ о хорасанце и об обольщении халифа	401
14. Сказание о бедном хлебопекe и о его богатстве по счастью сына	405
15. Отрипание семидесятью мудрецами речей Хормуса	411

16. Создание Платоном напевов для наказания Аристо- теля	413
17. Рассказ о перстне и пастухе	418
18. Отношение Сократа к Искендеру	421
19. Беседа индийского мудреца с Искендером	429
20. Тайное собеседование Искендера с семью мудрецами	436
21. Речь Аристотеля о первом творении	438
22. Речь Валиса о первом творении	439
23. Речь Булиныса о первом творении	440
24. Речь Сократа о первом творении	441
25. Речь Фарфория о первом творении	441
26. Речь Хармуса о первом творении	442
27. Речь Платона о первом творении	443
28. Речь Искендера о первом творении	444
29. Речь мудреца Низами о первом творении	444
30. Достижение Искендером пророческой миссии	446
31. Послание Аристотеля о мудрости	451
32. Послание Платона о мудрости	457
33. Послание Сократа о мудрости	461
34. Странствование Искендера по свету в поисках про- роческой миссии. Жалоба Низами на судьбу старости	465
35. Рассказ	466
36. Прибытие Искендера на Южный простор и в се- ленье головопоклонников	481
37. Вторичный поход Искендера в Индию	488
38. Прибытие Искендера в Северные пределы и по- стройка вала [от народа] яджудж	503
39. Возвращение Искендера из Северного предела в Рум	511
40. Завещание Искендера	514
41. Заклинание Искендером матери	520
42. Прибытие послания Искендера к его матери	528
43. Плач Искендероса по смерти отца и отказ от цар- ства	529
44. Кончина Аристотеля	532
45. Кончина Хормуса	533
46. Кончина Платона	534
47. Кончина Валиса	535
48. Кончина Булиныса	536
49. Кончина Фарфория	537
50. Кончина Сократа	537
51. Кончина Низами	538
52. Похвала Мелику Изз-уд-дин Мас'уду сыну Арслана	539
53. Окончание «Игбал-наме»	541
Комментарии	546

АЗЭРБАЙҶАН ССР
ЕЛМЛЭР АКАДЕМИЈАСЫ
НИЗАМИ адына
ӘДӘБИЈЈАТ ИНСТИТУТУ

НИЗАМИ КӘНЧӘВИ

ИСКӘНДӘРНАМӘ

(Рус дилиндә)

«Елм» нәшријјаты
Бақы—1983

Редактор издательства *В. Леveckая*
Художник и технический редактор
В. Огниенко
Художественный редактор *Ф. Сафаров*
Корректоры *Н. Гамзаева,*
О. Исмаилова

ИБ № 968

Сдано в набор 2.02.83. Подписано к
печати 23.05.83. Формат бумаги
84×108^{1/32}. Бумага типографская.
№ 1. Гарнитура шрифта литератур-
ная. Печать высокая. Печ. лист. 31,08.
Уч. изд. лист 35,14. Тираж 4000.
Заказ 64. Цена 3 руб. 90 коп.

Издательство «Элм».

370143 Баку-143, проспект Нарима-
нова, 31, Академгородок, Главное
здание

Новая Книжная типография Государ-
ственного комитета Азербайджан-
ской ССР по делам издательств, по-
лиграфии и книжной торговли. Баку,
ул. Али Тагизаде, 4.

